МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать вторая.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 27 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

(Продолженіе.)

XI.

Не одну кумирню, а нѣсколько кумирней, обнесенныхъ оградой, я увидѣлъ на краю Гусинаго озера. Въѣхавъ въ ограду, ласково былъ принятъ хозяевами, т. е. Ламами и старшимъ Ламою, который называется *Бандида-хамба*, что означаетъ буквально *изъяснителя закона*. Ему отъ губернскаго начальства довѣрено пещись о Ламизмѣ и служителяхъ сего исповѣданія.

Предъ воротами ограды утверждены два древка съ развѣвающимися, на верхнихъ концахъ, исписанными листами. Что значатъ эти вымпелы? На нихъ возвышаются молитвы на тотъ случай, если-бы духъ отъ Шигемонія посланный изволилъ приникнуть для узнанія, молятся-ли тутъ уединившіеся Ламы? — Стало, онъ такъ добръ, что довольствуется бандеролями?

А этѣ ребячьи мѣленки и вертушки, по оградѣ отъ вѣтра движущіяся, что значатъ? — Тоже и на тотъ-же конецъ. Самая осмотрительная набожность!

А этѣ женщины, въ юртахъ около ограды скрывающіяся, и носящія съ плеча перевязь, которая падаетъ на противоположный подколѣнокъ? Это зарочныя молельщицы; онѣ по закону посвящаютъ себя на извѣстное время молитвѣ и услугѣ Ламъ, имѣющихъ хозяйство въ пѣхъ юртахъ. И молитва и услужливость Ламамъ: какое смиренное самоотреченіе!

Съ позволенія Буряпскаго Декана былъ я въ кумирнѣ, во время служебное. Внутренній видъ капища есть проходъ между пилястръ, а по длинѣ прохода садятся на свои сѣдалища Ламы. Впереди ихъ оспается открытое полукружіе, среди котораго положены священныя книги *Ганжуръ*, въ большой листъ, на Тангутскомъ языкѣ; по стѣнамъ развѣшаны печатныя изображенія боговъ Ламизма; также стоятъ на скамейкахъ литые истуканы Кутухтъ и Далай-Ламы. Позади пилястръ прохода, между которыхъ съ верху опущены особаго покроя значки изъ матерій шелковыхъ, есть боковыя углубленія; въ нихъ, какъ видно, молятся простолюдины. Тутъ я видѣлъ колесо съ рукояткой, и вся эта машина исписана молитвами. Кто хотѣлъ-бы прочитать всѣ молитвы, тотъ для сокращенія времени можетъ однажды повернуть колесо, и тѣмъ толчкомъ ревность его равняется суммѣ молитвенныхъ воскликновеній. Не правда ли, что такія сокрашительныя машинки въ людскомъ быту очень пригодны?

Описавъ внутренность капища, теперь честь имѣю похвалиться предъ вами, что при входѣ въ кумирню я встрѣченъ былъ ужаснымъ, пронзительнымъ ревомъ изъ духовыхъ трубъ, металлическихъ и раковинныхъ, которыхъ никто никогда не думалъ соглашать. Ламы сидѣли уже на своихъ мѣстахъ, и по колокольчику перваго отправляли вслухъ свое моленіе, въ видѣ страннаго речитатива. Въ это время осмотрѣлъ я описанную внутренность капища, и вышелъ не дождавшись конца.

Нарочно, чтобы воспользоваться изъ разговоровъ первыхъ забайкальскихъ Ламъ, я остался ночевать въ Гусино-озерскомъ убѣжищѣ Тибетскаго Далай-Ламизма; но принужденный говорить черезъ переводчика простолюдина, я ничего особаго почти не узналъ, кромѣ слѣдующихъ изъясненій, и можетъ быть гдѣ нибудь вами читанныхъ.

а. Ламайскій законъ есть законъ Шигемонія, который былъ человѣкъ и добродѣтельною жизнію достигнулъ божества.

б. Въ семъ законѣ есть заповѣди, похожія на Моисеево десятословіе, въ разсужденіи обязанностей къ ближнему.

в. Жертвъ кровавыхъ по кумирнямъ не замѣтно и не слышно, хотя близъ юртъ часто вижу живопныхъ, висящихъ на высокихъ шестахъ. Сюда же надобно относить и убитыхъ молніею; ихъ

трупы, какъ жертвы, выставляются на высокихъ подмосткахъ.

г. Есть выше Шигемонія Творецъ всего видимаго.

д. Какъ Шигемонію ввѣрено промышленіе о родѣ человѣческомъ на опредѣленное время, послѣ котораго заступаетъ его мѣсто другой духъ, такъ и самому творцу міра, послѣ нѣсколькихъ тысящелѣтій, настанетъ преемникъ.

Не правда-ли, что Шигемоніанское исповѣданіе отзывается безтолковымъ многобожіемъ, не говоря о другихъ заблужденіяхъ? Ибо что значитъ признаваемое Ламизмомъ земное возрожденіе всѣхъ Кутухтъ и верховнаго Ламы? Или тутъ нѣтъ никакого смысла, или есть, да обезображенный, заимствованный изъ истиннаго ученія о духовномъ возрожденіи человѣка. Среди всѣхъ нелѣпостей Ламизма, среди мрачныхъ и нескладныхъ мнѣній его, не льзя однакожъ не отличить утѣшительной истины, въ лицѣ Шигемонія признаваемой, истины, что человѣку высокою добродѣтелію, совершеннымъ самоотверженіемъ и полною вѣрою, можно достигнуть степени обожанія себя. Истина сія, вамъ извѣстно, такъ глубоко вырѣзана въ душѣ человѣка, что даже и тѣ народы, которые впали въ заблужденія грубой чувственности, Греки и Римляне, не отрекались свидѣтельствовать ее мнимыми

обожаніями блестящихъ подвиговъ, дарованій и самыхъ пороковъ.

Критическое письмо сіе оканчиваю въ Верхнеудинскѣ, гдѣ переговоривъ не съ однимъ лицомъ о Ламахъ и Ламизмѣ, я наслышался, 1-е) что эти жирные и малограмотные холостяки позволяютъ себѣ вести жизнь довольно свободную; 2-е) что они поддерживаютъ хорошее о себѣ мнѣніе способами леченія, принятыми въ Китаѣ и Тибетѣ, получая оттуда и лекарства и книги; 3-е) что ученіе ихъ исповѣданія было въ маломъ замѣчаніи лѣтъ за шесть, когда духовенство Ламизма еще не подчинялось одному Бандидѣ-Хамбѣ; 4-е) что съ установленіемъ сего старѣйшинства, умножилось до невѣроятнаго числа Ламъ, безъ надобности и безъ содержанія къ числу Бурятъ, и 5-е) что тогда, какъ настояла обязанность распространять ученіе христіанское среди орды, неверныхъ мнѣній еще не знавшей, мы сами какъ-бы содѣйствовали утвердиться Тибетскому суевѣрію, которое мало по малу пускаетъ корни и среди Иркутскихъ Бурятъ. Это-ли значитъ подвигомъ добрымъ подвизаться и вѣру соблюсти?

Простите человѣку, который не иначе умѣетъ передать свои мысли, какъ съ телесною откровенностію.

25 Іюня.

Въ Верхнеудинскѣ.

XII.

Въ здѣшнемъ пріятномъ городѣ я имѣлъ особенное удовольствіе познакомиться съ двумя замѣчательными чиновниками, г. Игумновымъ и г. Геденштромомъ, съ первымъ какъ знатокомъ Монгольскаго языка, и съ другимъ какъ открывателемъ острова *Новой Сибири*, лежащаго въ одной параллели съ остр. Фаддеевскимъ и Котельничимъ, между устьевъ Лены и Индигирки.

Г. Игумновъ, о знаніи котораго отзывались и Ламы Гусино-озерскіе съ отличною похвалой, сдѣлалъ мнѣ неожиданный подарокъ на письмѣ довѣренностію своей тайны, до тѣхъ поръ никому не открытой; именно: за нѣсколько лѣтъ удалось ему замѣтить, что Монгольскія азбучныя письмена всѣ заняты изъ трехъ азбукъ, Эллинской, Латинской и Славянской, если хорошенько всмотрѣться въ ихъ почеркъ, не упоминая того, что выговоръ Монгольскихъ буквъ, въ соединеніи съ гласными, соотвѣтствуетъ начертанію Европейскихъ. Разница только въ томъ, что Европейскія буквы у Монголовъ изображаются или на выворотъ, или косвенно, или горизонтально. Въ убѣжденіе зрѣнія, онъ приложилъ и любопытную таблицу перерожденія тройной союзной азбуки въ Монгольскую (*).

(*) Дабы отдать должную справедливость откры-

Желая подѣлиться съ вами моимъ удивленіемъ толь остроумному изобрѣтенію, я остаюсь однакожъ далекимъ отъ того, чтобы уважаемую мною догадку сочесть за самую истину прежде, нежели рѣшено будетъ: 1-е) съ которыхъ поръ у Монголовъ принята была грамата, 2-е) очертаніе буквъ Тангутскихъ, Староперсидскихъ, Арабскихъ и Армянскихъ не сближается-ли съ очертаніемъ настоящихъ Монгольскихъ. Ибо, если-бы и согласиться съ замысловатымъ мнѣніемъ г. Игумнова, какъ съ истиной, не льзя не встрѣтить многихъ затруднительныхъ возраженій. Кто такіе поднесли-бы Монголіи мозаическую азбуку? Если это были изгнанные Павликіане, Монофелиты, Несторіане, зачѣмъ тѣ или другіе исковеркали почеркъ своихъ буквъ? какъ могли они знать Славянскую азбуку, прежде нежели она составилась и огласилась? Кто-бы впрочемъ изъ Византійскихъ выходцовъ ни былъ законодателемъ Монгольскихъ письменъ, не настояло ему необходимости поминутно бросаться въ три алфавита, для составленія одного, и притомъ не безъ на-

---

тію А. В. Игумнова, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность въ 1815 году отправить въ Казань тетрадку его для напечатанія. Въ N 21 *Казанскихъ извѣстій* 1816 года и была выдана статья *О происхожденіи письменъ Монгольскихъ*; къ сожалѣнію, по неизвѣстнымъ препятствіямъ, не вся статья явилась въ тѣхъ листкахъ.

пяжекъ. Для чего Славянская буква *ш* не внесена въ азбуку, когда выговоромъ Монгольскимъ давалось ей мѣсто? Послѣ сего вы не воспрепятствуете мнѣ еще разъ повторить съ Палемономъ:

Non nostrum inter vos tantas componere lites.

Гна Геденштрома, какъ совершившаго самое трудное путешествіе на Ледовитое Море, я нашелъ покоющимся на своихъ лаврахъ, на своихъ свѣденіяхъ, какія онъ собралъ о тамошнемъ краѣ. Онъ обладаетъ свѣденіями общими и подробными, особенно о мѣстахъ и жителяхъ, заключающихся между рѣкъ Лены и Колымы. Что же касается до пустаго острова Новой Сибири, гдѣ онъ былъ въ зимнюю пору, свѣденія его естественно должны быть не широки. Онъ упоминаетъ, какъ о диковинкѣ, объ утесистой горѣ южнаго берега, въ томъ именно отношеніи, что та гора состоитъ изъ горизонтальныхъ толстыхъ пластовъ песчаника, смѣняющихся рядами лежачихъ смолистыхъ деревъ, и что сіи перемѣны песчаника и лѣса идутъ до самаго верха горы. Равныя тому диковинки онъ замѣтилъ на материй тамошней землѣ, что высокіе берега ручьевъ и озеръ состоятъ изъ перемѣнныхъ слоевъ земли и льда.

Вы чувствуете, что надобно-бы, сверхъ наслышки, имѣть въ рукахъ основательнѣйшее и подробнѣйшее описаніе тѣхъ явленій; но покамѣстъ можно изъяснять пересказываемыя чудеса

мнѣніемъ Делюка, разрѣшающаго однимъ почеркомъ всѣ недоумѣнія, по части сѣвера земнаго шара. На основаніи сего, чудный сосшавъ горы остр. Новой Сибири есть слѣдствіе многократныхъ переворотовъ, которымъ онъ подвергался отъ созданія міра, т. е. сколькожъ разъ погружался въ водахъ, сколько видно песчаниспыхъ пласповъ, которые должны быть намывные (alluviones), когда островъ держался въ уровень съ моремъ, и шакимъ же образомъ сосшавлялись ряды лѣса, водою наносимаго. Къ шайнѣ прочихъ сухопушныхъ диковинокъ приходя съ шѣмъ-же ключемъ Делюка, вы можете предсшавишь себѣ, какъ-бы въ разрѣзѣ, край сѣвера, принявъ напередъ за досповѣрное, что онъ *во время оно*, когда шамъ было еще шепло, не былъ безпрерывною швердію, а сосшоялъ изъ безчисленнаго множесшва осшрововъ; въ доказашельсшво чего и Г. Геденшшромъ пересказываепъ, что въ крушыхъ берегахъ озеръ шамошнихъ донынѣ находящъ березы съ сучьями, корою и корнями. Это безъ сомнѣнія были осшрова, и осшрова сіи по причинѣ помянушыхъ переворошовъ были зашопляемы въ разныя времена до разной вышины, и льдиспые слои суть свидѣшельсшва, что въ шѣхъ вышинахъ наводненія пребывали чрезъ цѣлыя зимы (*), когда насшали на сѣверѣ зимы, равносильныя насшоящимъ.

(*) Я чишалъ письменные *Отрывки о Сибири*, Г. Ге-

Долговременные разговоры съ Г. Геденштромомъ заставляютъ пожалѣть, что въ экспедиціи, отъ губернскаго начальства снаряжаемыя, не присоединяютъ ни нужныхъ инструментовъ, ни съемщиковъ видовъ, которымъ не рѣдко удивляется нашъ путешественникъ, ни особаго натуралиста. Какія напр. приобрѣтенія ослались намъ отъ плаванія Лаксмана-сына къ сѣверному концу Японіи? Не лучшія какъ и отъ Дешнева, о которомъ едва-ли бы мы знали, что онъ первый проплылъ по проливу, послѣ названному Беринговымъ, если-бы не дорылся до сей находки трудолюбивый Миллеръ.

10 Августа. Въ Верхнеудинскѣ.

деншпрома, съ умомъ, но не безъ воображенія писанные, и нашелъ въ нихъ многіе вопросы, съ недоумѣніями на счетъ мамонтовъ. Нынѣ уже извѣстно, что Сибирскіе мамонты меньше походятъ на слоновъ Африканскихъ, чѣмъ Индѣйскихъ, съ тою отмѣной, а) что у мамонтовъ противъ тѣхъ черепъ гораздо продолговатѣе, а лобъ впадистѣе, б) нижняя челюсть тупѣе, в) коренные зубы больше, г) луночки, въ которыхъ образовались клыки спиральные и длиннѣйшіе, несравненно шире, д) видъ огромнѣе и во всѣхъ частяхъ коренастѣе. Кромѣ того они были покрыты шерстью и гривою сверхъ шеи.

Г. Геденштромъ напрасно почитаетъ спиральные клыки за рога. Также напрасно увѣряетъ, что Ледовитое Море мелѣетъ. Береговыя песчаныя отмели доказываютъ только, что волнами песокъ мечется на берега, а не то, чтобы сумма или вышина водъ уменьшалась. *Въ Іюнѣ 1827 года.*

XIII.

За быстрой р. Оною, я очутился у Конторы управленія Хоринцевъ, и какъ-бы въ срединѣ забайкальскихъ Бурятъ. Буряты сей стороны, подчиняясь четыремъ управленіямъ своего племени, вообще разнятся отъ Иркутскихъ, какъ и прежде мною замѣчено, высшими качествами бытія, точно такъ-же, какъ орда Селенгинская противъ Хоринской. Въ первой замѣчаютъ больше вѣжливости, грамотейства и чистоты на природномъ языкѣ, нежели въ послѣдней; но въ той и другой видите одушевленіе, самонадѣянность, свободу патріархальныхъ пастырскихъ обычаевъ, холодность къ труду, бѣглость, и стремленіе къ удовольствію. Кажется, съ прочеркнутою черезъ западной край Байкала линіею 47 степени, слилась другая радужная линія, которая раздѣляетъ по крайней мѣрѣ Восточную Сибирь на двѣ непохожія половины.

Тамъ тиснутыя формы порядка удовлетворяютъ нуждамъ общежитія, а здѣсь человѣкъ шутя живетъ отъ даровитости природы, и не заботится, что иногда терпитъ отъ ея взыскательности. Я прошу васъ вѣрить, что и Русскій Забайкалецъ и Тунгусъ Заяблонный идутъ подъ общія черты разграниченной половины. Здѣсь все иначе смотритъ, отъ вещества до человѣка, и отъ человѣка до вещества органическаго.

Взгляните, начиная съ Верхнеудинска, на пропилеи горъ, посреди которыхъ вы ѣдете, на долины между нихъ пролегающія, вашъ глазъ найдетъ въ томъ и другомъ особые чертежи красоты Творческой. Взгляните на луга, и вы удивитесь нарядным вѣнцамъ цвѣтоноснаго былія. Спросите Палласа, его соревнователей, спросите Заяблонныхъ минералоговъ, и тогда сосставите перечень, какими видами, какими отличіями природа надѣлила благопріятствуемую страну. Сколько живыхъ цѣлебныхъ силъ бьетъ ключемъ изъ-подъ черепа здѣшней хрящеватой почвы? Сколько водъ горячихъ, сѣрныхъ, кислыхъ, желѣзистыхъ! Но я наблюдаю одного человѣка.

Этотъ человѣкъ за Байкаломъ легкомысленно играетъ ролею своей жизни. Онъ, подъ маскою Тунгуса, зимою дѣлаетъ замысловатыя козни для бѣлки, рыси и соболя; весною и лѣтомъ беззаботно гоститъ по юртамъ друзей, родныхъ, и похищаетъ у нихъ удивленіе, когда пуская въ поднебесье высокую стрѣлу, другою пернатою пересѣкаетъ первую на воздухѣ. Не въ подобномъ ли очарованіи является гражданинъ, поселянинъ? Купецъ или мѣщанинъ, расплатясь за свое имя съ городомъ, проводитъ четыре времени года въ независимомъ наятомъ раздольѣ, не далеко отъ своихъ стадъ и табуновъ. Горожанинъ, привязанный къ мѣсту, въ первый свободный день дышетъ чистымъ воздухомъ въ полѣ, освѣжается

купаньемъ, роскошничаетъ за самоваромъ. У крестьянъ обоего пола, и движеніе товаровъ на Кяхту, какъ и обратно, и общее собираніе сараны, и весенній, какъ и лѣтній рыбный промыселъ, сзывающій жителей на устья рѣкъ Байкальскихъ, и жатва на живописныхъ косогорахъ, и трепаніе коноплей, все праздникъ, все возвышеніе общихъ чувствованій. Что сказать о Бурятахъ-паспыряхъ? Они, съ тѣхъ поръ, какъ солнце вступаетъ въ знакъ овна и обтекаетъ больше половины Олимпа, до созвѣздія скорпіона, они выражаютъ быстроту въ организмѣ и нѣкую свѣжесть въ явленіяхъ духа. Съ зеленью полей стада проливаютъ имъ животворное питаніе и упоеніе чувственное, не столь уже невинное. Наступаетъ Май, и сонмы Буряшъ, оставляя долы и шатры, съ благоговѣніемъ стремятся на вершины горъ, дабы сблизиться съ небожителями и принесть имъ жертвы въ древесныхъ кущахъ духамъ хранителямъ (*). Оканчиваются жертвы, и начинаются гимнастическія игры: борьба, стрѣляніе изъ лука, риспаніе конское, играніе на свирѣли, и другія увеселенія. Тутъ недостаетъ выставки статуй, воспѣванія одъ, чтенія исторіи Иродотовой, чтобы въ сладкой забывчивости помечталось объ Олимпіи или Истмѣ.

Въ ознаменованіе радости, что Александръ

(*) Праздникъ сей у Бурятъ называется *Обо*.

Благословенный возложилъ на главу Европы пальмовый вѣнецъ, Монголы Хоринскіе и Селенгинскіе дали *облаву*, какъ историческій праздникъ, которымъ забавлялся Чингисханъ, близъ Каспійскаго моря, послѣ побѣдъ надъ Среднею Азіей. Съ какимъ восторгомъ, съ какою движимостію, сказываютъ, исполнили наши Монголы торжественную потѣху!

Послѣ описанныхъ и неописанныхъ занятій народа, который живетъ въ войлочныхъ скиніяхъ по сю сторону радужной линіи, я не знаю, какъ вы его наименуете? Что̀жъ касается до меня, я вижу въ немъ безпечнаго, рѣзваго, избалованнаго отрока, который рыщетъ по горамъ и долинамъ, которому солнце благотворитъ, и который не заботится знать, что̀ такое земля и солнце. Въ этомъ образѣ онъ скорѣе перейдетъ въ возрастъ дряхлаго старика, чѣмъ въ возрастъ юноши пылкаго.

17 Августа
на Онѣ.

XIV.

Лишь только я спустился на восточную сторону Яблоннаго Хребта, тотчасъ извѣстили меня, что наши путешественники ночевали и завтракаютъ въ концѣ деревни, въ отдѣльномъ домѣ, который по вкусу Полковника избранъ, какъ командующій окрестностями долины. Я сдѣлаю

вамъ легкій очеркъ этой долины. Она, представляясь наклоненною плоскостію къ необозримому берегу р. Ингоды, съ юга падающей, и простираясь къ востоку верстъ на придцать, до озера и селенія Кенона, и до горы, надъ р. Чипою возвышающейся, опредѣляется съ сѣверо-запада отметами господствующаго хребта. Какая радость, коль скоро они меня увидѣли! Сколько полилось вопросовъ безотвѣтныхъ, сколько бѣглыхъ пересказовъ, шутокъ, замѣчаній!

Мы находились въ такомъ пріятномъ расположеніи, что общимъ приговоромъ было опредѣлено тутъ-же обѣдать и ночевать. Полковникъ, когда притупилось взаимное любопытство, нерѣдко повторялъ, что никакая внѣшняя торговля, если она не печетъ золотомъ и серебромъ, не спо́итъ тѣхъ жертвъ, какія онъ сдѣлалъ, при убійственномъ переѣздѣ чрезъ хребетъ.

Мор. Скажите лучше, что мы безъ всякаго огорченія проѣхали-бы чрезъ хребетъ, если-бы тутъ лежалъ путь внѣшней торговли, потому, что она, или прорѣзываетъ для себя каналы подъ горами, или уравниваетъ дороги по горамъ, какъ утверждаетъ ихъ на топкихъ мѣстахъ.

Полк. Вотъ наконецъ, отчаясь установить здѣсь внѣшнюю торговлю, мы имѣемъ послѣднее удовольствіе сочинять ей похвалу, по правилам топическихъ мѣстъ.

Сиб. Кто-бы впрочемъ захотѣлъ отрицать ея благодѣянія?

Полк. Разумѣется, безъ ея милости регаліи Марса запускли-бы у многихъ державъ.

Мор. Я утверждаю, что и это должно считать въ числѣ благодѣяній.

Сиб. А изобрѣтеніе векселей, изобрѣтеніе банковъ, введеніе довѣренности между Правительствъ и подданныхъ, и между разныхъ народовъ, помощію одной бумаги, замѣнъ налоговъ непосредственныхъ посредственными, введеніе законовъ новыхъ, какъ назовешъ г. Полковникъ?

Полк. Разумѣется благодѣяніями, къ которымъ пожалуйте причислите и введеніе перваго банкрутскаго устава.

Мор. На кого, въ случаѣ дворянскихъ банкрутствъ, намъ пенять, если не на роскошь?

Полк. Наставьте, какъ разлучить маменьку съ дочкою, или дочку съ маменькою? Не правда-ли, что торговля есть мать рукодѣлій и изобрѣтеній, а роскошь есть добрая дочь или наслѣдница ихъ? Къ чему-бы торговля, если-бы хотѣть уморить роскошь?

Сиб. Справедливо, если вы разумѣете подъ именемъ роскоши довольство, которое бережетъ пріятности, и въ количествѣ и въ степени, не переступая къ излишеству.

Мор. Вотъ истинное понятіе о роскоши! Non plus ultra.

Полк. Но, пока не означатъ мыслямъ точной черты, гдѣ кончится довольство, чтобы остеречься, гдѣ начинается излишество, до тѣхъ поръ я все буду относить къ благороднымъ услугамъ роскоши — и гордыя зданія, какими украшаются города и наши помѣстья, и галлереи картинъ, какія видятъ у Строгонова, и чудеса Останкина, и всемірное царство растѣній въ Горенкахъ Разумовскаго.

Сиб. Не то-ли вы хотите сказать, что богатство должно пользоваться дарованіями, только для возвышенія своихъ удовольствій?

Полк. Какъ-же иначе? Что̀ другое прикажете дѣлать пышному богачу?

Сиб. Который, прибавьте, по особенному положенію, ближе къ своему бюсту, нежели къ подобному себѣ, да и что подобнѣе бюста?

Полк. Развѣ вамъ угодно, чтобы изъ уваженія къ художествамъ онъ бросалъ даромъ по нѣскольку тысячь на братію художниковъ? Но ручаетесь-ли, что отъ такой щедроты не произойдетъ въ послѣдствіи на милліонъ рублей зла?

Мор. Въ порядкѣ природы или общества?

Полк. Я разсуждаю не о землетрясеніи и не о паденіи курса на Гамбургъ, но о томъ злѣ, какое вышло-бы отъ желаемой щедроты въ по-

слѣдствіи; именно, кисть-бы залѣнилась, рѣзецъ— отупѣлъ, и смычокъ-бы жирный замолкъ.

Мор. Примѣрное зло для политическихъ обществъ!

Полк. Стиль не Дица и не Марпоса, я это чувствую. Мнѣ-бы хотѣлось разсуждать такъ, какъ поступалъ Потемкинъ-Таврическій. Когда онъ нашелъ приличіе дать праздникъ Екатеринѣ мудрой, тотчасъ поручилъ скупить дарованія всѣхъ художниковъ: вотъ одно покровительство, какого могутъ ожидать художники отъ пышнаго вельможи!

Сиб. Хорошо, но также-бы говорилъ и Лукуллъ, спрятавшись въ статую Мецената. Надобно однакожъ согласиться, что въ старину, дарованія, которыя при насъ работаютъ въ храмѣ вкуса, или оставались безъ пропитанія, или сыскивали пропитаніе, продажею себя въ кабалу. Сколько Лосенковыхъ, Хандошкиныхъ, Воронихиныхъ, можетъ быть, умерло за креслами гордыхъ бояръ стараго времени!

Полк. Вотъ неложная страница изъ народной исторіи, до пришествія роскоши, вожделѣнной покровительницы! Я-бы желалъ знать: куда богатый помѣщикъ, удовлетворяющій всѣ пристойныя желанія третьею долею дохода, употребилъ-бы остатокъ?

Мор. Столько благодѣтельныхъ заведеній, или

не докончанныхъ или не начатыхъ или не думанныхъ, сколько путей для славы своего имени, для пользы общества, для чести человѣчества, и еще сомнѣваюпся, можно-ли куда нибудь на добро употребить пукъ бумажекъ! О благодѣтельныя души, такъ мудро осторожныя!

Полк. Наизусть знаю этотъ академическій тонъ человѣколюбивыхъ восклицаній.

Сиб. Сердцу дѣлаешь честь этотъ академическій тонъ!

Полк. Такъ, но къ несчастію, друзья самихъ себя (а кто себѣ ворогъ?) думаютъ, что не всегда идетъ представлять *Титово милосердіе*. Конечно, было-бы нѣчто единственное, если бы кто нибудь предложилъ хозяйкѣ бала потушить освѣщеніе, и перенесть его на жертвенникъ гименея для бѣдныхъ паръ, давно въ потьмахъ пылающихъ. Дошло-бы дѣло до фейерверка, опять предложили-бы продать въ артиллерію, на пользу просвѣщенія сиротъ, родившихся безъ вѣдома будущихъ благотворителей.

Мор. Жестокая шутка, хотя и ни кто не увѣритъ меня, чтобы въ ней участвовало сердце благороднаго друга.

Сиб. Напрасно принимаете трудъ увѣренія: я читаю въ этой шуткѣ не историка сердца, а Ювенала.

Полк. Меньше-ли Ювеналъ, чѣмъ историкъ

самаго себя, или меньше историкъ, чѣмъ Ювеналъ, я продолжаю опровергать вашу чувствительность тѣмъ, что если-бы слушаться Логики ея, засохли-бы на корнѣ пріятныя произведенія, омертвѣли-бы мастерскія руки на тонкихъ издѣліяхъ. Тогда въ самомъ дѣлѣ довелось-бы думать о новыхъ благотворительныхъ заведеніяхъ для пропитанія оранжерейнаго садовника, художника бронзоваго, продавца галантерейнаго и т. п. Не правда-ли, что это была-бы единственная въ свѣтѣ богадѣльня?

Мор. Не въ моемъ вкусѣ шутка или сатира.

Полк. Такова была судьба истины, которую часто не узнавали: могу-ли и я для своей надѣяться лучшаго жребія?

Мор. Отъ этихъ-то истинъ у многихъ карманы пустѣютъ, фамиліи въ послѣдствіи сѣтуютъ, дѣла общественныя, наровнѣ съ частными, терпятъ, а Правительство затрудняется недостаткомъ казны.

Полк. Какимъ-же это образомъ? Я знаю противное, что когда обѣдаетъ однодворецъ, ничего не прибываетъ на счетахъ казначейства; но когда кушаетъ богатый дворянинъ, онъ вноситъ чрезъ таможни по́дать при каждомъ блюдѣ, при каждой рюмкѣ, такъ, что недѣля его стола даетъ государству столько-же, сколько другая деревня государственныхъ крестьянъ въ треть года.

Сиб. Еще обратитесь къ уборамъ комнатъ,

къ диванамъ, къ зеркаламъ, къ занавѣсамъ, къ стѣнамъ, къ плафону и наркету; въ каждомъ лучѣ дома можно счесть, сколько за тотъ и этотъ подарено рукѣ, воображенію, городу, государству, и потомъ сложите.

Полк. Я не масперъ ходить по счетамъ, хотя и могу безъ дальней ошибки сказать, что одинъ годъ помѣщика N N. приноситъ имперіи incognito не меньше, какъ иная губернія въ $\frac{1}{4}$ года. Что скажете на это?

Сиб. Сами судите, какъ легко-бы управлять государствомъ, сокративъ всѣ губерніи на мнимыя числа подобныхъ особъ, и особливо постановивъ правиломъ выдавать похвальные листы по новству, если-бы придерживаться совѣтовъ Макіавелизма!

Мор. Да та бѣда, что роскошь, добрая подданная государства, превращаетъ наконецъ знатные роды въ безъименные.

Полк. Что за бѣда, когда одни, съ выпянувшимся къ верьху стеблемъ, вянутъ, а другіе изъ скромной почки развертываются.

Мор. Прошу покорно....

Сиб. Выслушать откритіе по части Герольдіи.

Полк. Всемірная Герольдія издѣвается надъ нашими семейственными пристрастіями: она исключительныхъ грамотъ первенства не оставляетъ въ однихъ домахъ, на вѣчныя времена. Должно-ли вамъ напоминать, что она разодрала

дипломы, выданные Ѳемистокламъ, Эпаминондамъ, Цинциннатамъ, Юліямъ, и въ сердцахъ жалуетъ славою новыхъ выведенцовъ? Слышно, что въ ея милостяхъ держится только нравоучительный родъ Конфуціевъ, здѣшнихъ сосѣдей: это опять прихоть.

Мор. Чтожъ во всемъ этомъ видимъ, если не морскую пѣну?

Сиб. Не то-ли, что нерѣдко отличные люди выходятъ изъ безгласныхъ семей, между тѣмъ, какъ роды великихъ людей иногда возвращаются въ безгласность? Это продолженіе машеріи не вашей; мы ожидали отъ васъ признанія или опроверженія на замѣчаніе, сколь справедливо сказанное изъ почтенія къ древнимъ родамъ.

Полк. Моя философія любитъ обнимать видимости, а не углубляться въ темныя разсмотрѣнія Метафизики.

Сиб. Въ духѣ Бакона Веруламскаго ваша фраза! Но въ самомъ дѣлѣ, темныя разсмотрѣнія, которыхъ вы избѣгаете, очень близки къ вашимъ простымъ мыслямъ.

Мор. Т. е. плывя подъ полными парусами роскоши, скоро увидишь разстройство въ хозяйствѣ; за этимъ разстройствомъ погруженіе въ суетность; за тѣмъ изнеможеніе умственное и — поврежденіе нравственное, а за поврежденіемъ —

Полк. Паденіе государства? — Позвольте докончить счастливую связь мыслей — а за паденіе

емъ государства уже разрушеніе вселенныя? Такой-же ужасный ходъ и въ природѣ! За дождемъ разлитіе рѣкъ; за разлитіемъ приливъ океана; за приливомъ всемірный потопъ.

Сиб. Я слыхалъ также о потопѣ частномъ, въ которомъ уносило деревни и крестьянъ къ другимъ помѣщикамъ. Когда этотъ потопъ усиливался и покрывалъ водою бель-этажъ, то мебели, жирандоли, бронзы, картины, сервизы — все тонуло. Мѣщане, плавая около дома въ своихъ ладьяхъ, перенимали за безцѣнокъ украшенія, а хозяинъ, наканунѣ пышный, ласкаемый и торжествующій, какъ побѣдитель вещей, прятался въ нравоучительный день потопа на чердакѣ.

Полк. Риторика, какъ вижу, сдѣлаетъ сегодня состояніе.

Мор. Что будетъ, если такимъ образомъ имѣнія дворянскія перейдутъ въ руки мѣщанъ? А къ этому явленію, спасибо нашей расточительности, все почти готово.

Полк. Готова и комическая сцена, на которой уже дѣлается репетиція *мѣщанина во дворянствѣ*. Но мы, М. Г., севодни разсуждаемъ, какъ будто-бы оплакивая перваго Русскаго дворянина, скончавшагося среди конкурса.

Сиб. Нашъ собесѣдникъ, какъ знакомый съ стратегіею, маскируетъ себя отъ выстрѣловъ нарядомъ мнимыхъ похоронъ.

Мор. Но среди открытой долины онъ не закроетъ себя съ слабой стороны. Не сождавъ порядочнаго рѣшенія ни на одинъ нашъ вопросъ, я посылаю ему новую задачу: можно-ли роскошь, разъ извѣданную народомъ, хотя въ умѣренной степени наслажденія, можно-ли тогда, какъ она разливается въ видѣ заразы, остановить силою законовъ, въ дальнѣйшихъ ея успѣхахъ? Я призываю г. Полковника къ отвѣту, и рекомендую ему напередъ подумать о печальныхъ слѣдствіяхъ.

Полк. Я уже давно думаю, но дѣло стало за вами.

Мор. За мной?

Полк. Бросьте свою деревню, домъ и садъ съ красивыми бесѣдками, спрячьте Георгіевскій крестъ (а чинъ не мѣшаетъ), удалитесь за холмы Хоринскіе или Селенгинскіе, и взявъ посохъ съ Геснеромъ, одѣньтесь въ нешвенныя коженыя ризы пастырей-царей, которые шакъ блаженствовали въ младенчествѣ міра, и въ добрый часъ начинайте новыя поколѣнія умѣренности и воздержанія, а потомъ и мы....

Сиб. Нѣтъ, пока благомыслящій мужъ живетъ съ нами, въ современной исторіи пороковъ, я не разстанусь съ нынѣшними сужденіями его, и за одно утверждаю, что въ государствѣ, въ которомъ постепенно вкрадется нравственная нѣга, самый благонамѣренный Государь,

при строгости личныхъ правилъ, не властенъ уже остановить потокъ. Припомнимъ себѣ Римъ Императорскій, и взглянемъ на Веспасіана, Марка-Аврелія, или Александра Севера: положили-ли они оплотъ усилившемуся развратy? Народныя привычки не походятъ на вывѣски домовъ: ихъ не скоро перемалюешь.

Полк. Такъ разсуждать, М. Г., было-бы благопристойно не вамъ, а праотцамъ Энохамъ и Маѳусаиламъ, коихъ привычки могли имѣть, согласенъ и я, вліяніе на современниковъ, потому, что лѣта каждаго изъ нихъ равнялись бытію Римскаго Государства, отъ Ромула до Діоклитіана, а мы, чрезмѣрно смертные, не больше въ сравненіи съ ними, какъ *обыденки*? Нѣсколько эѳирныхъ мгновеній послѣ дѣтства, и тотчасъ не увидятъ въ насъ ничего предосудительнаго, кромѣ старости.

Мор. Я всегда думалъ, и теперь утверждаю, что порча нравственныхъ склонностей не есть полное, созрѣлое зло, потому, что разсудокъ можетъ еще образумиться, и совѣсть можетъ встрепенуться отъ одного грознаго слова. Но когда разсудокъ съ сердцемъ, и языкъ съ совѣстію, согласясь всѣ четверо, станутъ называть преступленія шалостями, заблужденія мечтами, ложь и неправду невольными шприхами ума, тогда можно впередъ сказать: *бѣда государству*!

Сиб. Провались она отъ насъ!

Полк. Отъ искры сыръ боръ горитъ; такъ точно строгіе умы видятъ бѣды для государствъ даже въ шуткахъ. Три мѣсяца странствуемъ по Сибири, гдѣ не видимъ ни бронзъ, ни чистаго стекла, ни краснваго фаянса, не видимъ спектаклей, не бываемъ на балахъ, только посѣщаемъ большіе домы, называемые пакгаузами и гостиными дворами, и отъ одного воспоминанія о роскоши, мы въ этой пустынѣ робѣемъ, какъ-бы не пало государство! Кенонская долина, едва скудную траву по мѣлкой розсыпи твоей произращающая! будь свидѣтельницею, что мы журимъ и похваливаемъ роскошь не безъ намѣренія, и между тѣмъ столько времени нуждаемся во всемъ безъ ропота, какъ-бы никогда о ней не слыхали, подобно тебѣ, живописная и строгая пустыня!

20 Августа.

Въ Домно-Ключевской.

(*Продолженія ожидаемъ*).

МНОГО ШУМУ ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ.

(Окончаніе).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зала Городоваго Совѣта у Мера.

МЕРЪ, ШАРДЕНЪ, БРЕССАНЪ, ДЮПОНЪ, ОВРЕ.

(Послѣдній сидитъ за особеннымъ столикомъ).

Меръ. Господа! если всѣ вдругъ станемъ говорить, то никогда не поймемъ другъ друга. Нанемъ-те разсуждать порядкомъ. Бѣлое знамя сброшено съ колокольни на улицу: это неоспоримо. Вопросъ состоитъ въ томъ: кто сбросилъ его?

Шарденъ. Вѣтеръ.

Брессанъ. И я также думаю.

Дюпонъ. Да, да! вотъ вамъ и заговорщикъ.

М. Что думаетъ объ этомъ Г. Овре?

Овре. (*встаетъ*). Какъ должностной защитникъ мирнаго правосудія въ здѣшнемъ округѣ, думаю, что я имѣю нѣкоторый навыкъ въ дѣлахъ, и хотя весьма затруднительно составить свое мнѣніе вдругъ, и о дѣлѣ столь щекотливомъ....

если мнѣ позволено изложить свое мнѣніе... вкратцѣ, я скажу... въ двухъ словахъ: или сіе бѣлое знамя низвергнуто.... вѣтхостію древка.... ударомъ пвердаго тѣла.... нечаяннымъ образомъ, словомъ случайно; или оно низвергнуто... Бонапартистами.... врагами законности.... Королевской фамиліи... однимъ словомъ врагами Бурбоновъ (*Брессанъ засыпаетъ*); или оно низвергнуто.... дерзкими шалунами, видѣвшими въ сей.... дерзкой шалости, только средство.... дурное, или лучше сказать, хорошее средство къ посѣянію темныхъ безпокойствъ въ душахъ честныхъ людей.

Ш. Что-жь это сударь? цѣлый часъ бьемся, а впередъ ни на шагъ.

Овре. Позвольте. И такъ я думаю.... что въ таковомъ-то смыслѣ должно составить протоколъ, предоставивъ Г-ну Префекту.... Департамента, попеченіе рѣшить... умомъ своимъ: которая изъ сихъ трехъ гипотезъ имѣетъ болѣе основанія... по справедливости.

М. Совсѣмъ нѣтъ! Мы сами должны дать свое заключеніе. Вы припомните, господа, что сіе бѣлое знамя было утверждено на своемъ основаніи за два послѣдовательные года; что во все сіе время у насъ бывали жестокія бури, и такъ, я не вижу: для чего-бы урагану низвергнуть знамя именно вчера, а не въ другіе дни?

Овре. И я не вижу для чего.

Д. Ахъ! что-жь дѣлать?

Мер. Господа! мы окружены заговорщиками! Вѣчные враги нашего спокойствія, Карбонары, волнуются и — событіе послѣдней ночи соединено съ какимъ нибудь непроницаемымъ намѣреніемъ.

Д. Это не трудно угадать: нынѣшнюю ночь, кажется, я слышалъ, какъ трубили въ рогъ. Но время было не то, когда ѣздятъ гонять зайцовъ.

Бр. (*пробудившись*). Зайцовъ? Э, господа! такого трусливаго звѣрка и не сыщете. Вотъ, въ послѣднюю осень, я видѣлъ....

Мер. Г. Брессанъ! обращаю ваше вниманіе къ практикуемому вопросу. Дѣло идетъ не о Естественной Исторіи.

Бр. Но я могу сказать свое мнѣніе, также какъ другой.

МерЪ. Для чего трубятъ въ рогъ среди ночи?

Бр. (*сердито*). А я почему знаю?

Д. Не сигналъ-ли это былъ? Въ такомъ случаѣ удивительно....

Ш. (*смѣясь*) Что заговорщики собираются ночью, тайно—при звукѣ роговъ? Въ самомъ дѣлѣ это удивительно!

Д. Объясните-жь это другимъ образомъ.

Ш. Боже мой! это проводникъ почтовой коляски: подъѣзжая къ станціи, онъ трубитъ въ рогъ, чтобы поскорѣе приготовляли лошадей.

Д. Вы правы.

Б. Да, это легко было и угадать.

Мерѣ. Все легко объяснить, смѣшавъ событія. Но перечитайте рапортъ Г-на Полицейскаго Коммиссара; тамъ буквально сказано: « Явясь на мѣсто, облеченные публичною властію нашею и шарфомъ, мы нашли упомянутое бѣлое знамя въ грязи. » Вотъ, милостивые государи, обстоятельство, увеличивающее преступленіе и обнаруживающее умыселъ?

Ш. Отъ чего-же? Вѣтеръ сбиваетъ знамя; оно падаетъ наулицу, и если на улицѣ, есть грязь — знамя въ грязи.

Бр. Безъ умысла, чисто, просто, и причиною этого тотъ-же западный вѣтеръ, который, который согнулъ у меня флюгеръ.

Д. Западный вѣтръ! Но тутъ новое затрудненіе: какъ могъ западный вѣтеръ сбросить знамя въ улицу Кармъ, находящуюся на востокъ отъ башни?

Ш. (*смѣясь*). Но когда вѣтеръ дуетъ съ запада, то обыкновенно сбиваетъ къ востоку.

Д. Правда, правда.

Бр. Это естественно.

Мерѣ. (*разгнѣвавшись*). Я незнаю, Г-нъ Шарденъ, какъ должно назвать желаніе ваше давать тонъ мнѣніямъ всего Совѣта. Такое диктаторство не можетъ быть терпимо. Разсужденіе наше кружится въ тѣсномъ объемѣ. Надобно-бъ было знать — прежде спора о направленіи вѣтра — былъ-ли вѣтеръ? Г-нъ Овре! Кто изъ Г-дъ

народныхъ спражей былъ на караулѣ въ послѣднюю ночь?

Овре. Никто, Г-нъ Меръ. Съ того времени, какъ наспали холода, весь караулъ ложится спать съ десяти часовъ.

М. А кто-же остается въ кордегардіи?

Бр. Барабанщикъ.

Меръ. Какъ? Въ то время, когда безначаліе поднимаетъ свою кровавую голову — народная спража небрежетъ о своей службѣ!

Бр. Да въ нашемъ городѣ зимой никогда не оставались въ кордегардіи на ночь: это не въ обычаѣ.

Меръ. Тѣмъ хуже, милостивый государь! Чортъ возьми — или быть военнымъ или нѣтъ. Господа! мы не можемъ продолжать сужденія нашего за недостаткомъ свѣдѣній: надобно снова переслѣдовать все дѣло. Засѣданіе прекращается и откладывается до десяти часовъ завтрашняго дни. (*Шарденъ, Дюпонъ и Бресанъ выходятъ*). Вотъ дѣло, для меня премучительное! Что, если это отрасль Гренобльскаго заговора? Какая отвѣтственность!

Овре. Отъ чего-же, милостивый государь! Если-бы я имѣлъ честь быть Меромъ....

Меръ. Ахъ! не завидуйте моимъ блестящимъ, но тягостнымъ обязанностямъ. Если-бъ вы знали, сколько безпокойства.... (*прохаживается большими шагами*) Этотъ Г-нъ Шарденъ человѣкъ

преопасный: онъ сбиваетъ съ толку весь мой Городовой Совѣтъ—и вѣрно сбилъ-бы всю Палату Депутатовъ.

Сосье и Гуашо *входятъ*.

Гуашо (*съ таинственнымъ видомъ*). Г-нъ Меръ!

Сосье (*съ довольнымъ видомъ*). Ахъ! Г-нъ Меръ!

Меръ. Ну?

Гуашо. Вотъ вы уже совсѣмъ готовы, и въ шарфѣ: небо предусмотрительно!

Меръ. Но, что такое?

Гуашо. Заговоръ.

Сосье. И прекрасный!

Меръ. А... наконецъ...

Сосье. Я открылъ его!

Гуашо. Я открылъ!

Меръ. Шутите Господа: нить этого заговора уже шесть недѣль въ рукахъ моихъ. Я знаю все, но вы тѣмъ не менѣе будете награждены оба. Ваши показанія...

Сосье. Но такъ, какъ вы уже все знаете....

Меръ. Нѣтъ нужды. Я хочу видѣть, будетъ-ли сходенъ вашъ рапортъ съ моими извѣстіями. Г. Овре, пишите!

Гуашо. Тому уже нѣсколько дней, какъ исполняя данныя мнѣ приказанія, я присматривалъ за всѣми путешественниками, извѣстными и неизвѣстными, пріѣзжающими и отъѣзжающими, въ

тракширѣ, находящемся подлѣ Большаго рынка и принадлежащемъ Г-ну Сосье, здѣсь находящемуся.

С. Да, въ моемъ тракширѣ; нынѣшнее утро....

Меръ. Молчаніе!

Гуашо. Напротивъ, вчера вечеромъ, по предчувствію, я—останавливаю дилижансъ, смотрю—въ немъ только три кормилицы. Удостовѣрясь въ этомъ, я говорю имъ: «Ступайте! Сего утра—вижу, что карета одного путешественника сломалась на большой дорогѣ: осматриваю его паспортъ....

С. Тутъ я бѣгу извѣстить Г-на Гуашо.

Г. Подождите, Г. Сосье! Спрашиваютъ меня, такъ вы, съ вашего позволенія, не забѣгайте впередъ съ своими отвѣтами. Однимъ словомъ, Г-нъ Меръ: подъ наружнымъ видомъ негоціянта, съ двумя слугами, или прикащиками, изъ коихъ одинъ именуетъ себя капитаномъ, я узнаю эмиссара...

Меръ. Котораго примѣты....

Гуашо. Да, Г. Меръ, примѣты сходственны! Видите-ли мои труды? Болѣе я ничего не скажу. Теперь эти молодцы у означеннаго Сосье.

Сосье. Тутъ я принимаюсь за дѣло: призываю Г-на Гуашо; Г-нъ Гуашо называетъ его генераломъ....

Гуашо. Онъ отвѣчаетъ мнѣ, говоритъ о другомъ (разумѣется о Наполеонѣ). Я ему говорю:

« Да. Онъ мнѣ говоритъ: «наспала праведная минуша» — я ему говорю : Да. « Онъ мнѣ отвѣчаетъ: нѣтъ — это истина — Шуаны за насъ... Тутъ онъ на меня смотритъ ; я на него устремляю глаза. «Я узнаю тебя,» говоритъ онъ мнѣ, «ты былъ на Эльбѣ , съ Маленькимъ Капраломъ.» Я ему подставляю руку , сдѣлавши пальцами Наполеоновскій N , а онъ даетъ мнѣ Наполеондоръ и говоритъ : «Ты настоящій Французъ ! берегись, чтобъ тебя не посадили въ тюрьму.» Тутъ я говорю самъ себѣ : ты пойманъ, дѣло кончено, ты разбойникъ, это бросается въ глаза.

Меръ. Вотъ что значитъ западный вѣтеръ Г-на Шардена !

Овре. Можетъ быть и Г. Шарденъ не безъ причины ...

Меръ. А я имѣю причины сей часъ взять его подъ караулъ (*къ Сосье*). Извѣстны-ли вамъ имена заговорщиковъ ?

Сосье. Прежде всего эмиссаръ.

Меръ. Потомъ ?

Сосье. Потомъ его секретарь, капитанъ Обержонъ.

Гуашо. Вотъ какое разбойничье имя !

Меръ. Далѣе ?

Сосье. Далѣе — Маркизъ Гранкуръ, отставной морякъ.

Меръ. Быть не можетъ! Это Эмигрантъ.

Сосье. О немъ нѣчего и говорить ; я самъ

слышалъ, какъ онъ сказалъ капитану: я головъ пролить кровь свою!

Гуашо. Это истина.

Меръ. (*размышляя*). Да!.. точно... безъ сомнѣнія! теперь я понимаю. Но какой страшной заговоръ! Другихъ сообщниковъ вы не знаете?

Гуашо. Долженъ быть тутъ-же одинъ путешествующій прикащикъ: такіе бываютъ во всѣхъ заговорахъ.

Сосье. Непремѣнно! Это Г. Шапюи, судженный въ прошедшемъ году по жалобѣ миссіонеровъ.

Меръ. Прекрасно!

Сосье. Онъ знакомъ съ эмиссаромъ; онъ даже обѣдалъ у него въ Парижѣ.

Меръ. Какъ все раскрывается! Но этотъ Шапюи вѣрно пріѣхалъ не одинъ?

Сосье. Къ нему привезли возокъ, за который онъ боялся будто-бы воровъ — но вѣрно не воровъ!. Онъ просилъ меня сложить эту кладь — и она теперь въ овинѣ. Преогромные ящики!

Меръ. Вѣрно мундиры, оружіе.

Сосье. Привезли также небольшіе боченки.

Меръ. Это порохъ!... Какіе вѣрные признаки. Обстоятельства столь важны, что должно немедленно принять мѣры.

Гуашо. Насъ восьмеро полицейскихъ; вы, ваши помощники, сорокъ человѣкъ народной стражи и всѣ добрые роялисты здѣшняго города:

всего пятьдесятъ пять человѣкъ, а непріятелей только шестеро.

Меръ. Жребій брошенъ. Сосье! ступайте ко мнѣ; возьмите шамъ мою трехъ-угольную шляпу и пистолеты изъ сѣдла. (*Сосье уходитъ*). Вы, Овре, бѣгите къ начальнику народной стражи, велите ему немедленно собрать всю военную силу и всѣхъ служащихъ. Послѣ этого вы возьмете почтовую лошадь и поскачете въ замокъ Графа Романа: шамъ Г-нъ Префектъ. Ему скажете вы о великой, предстоящей намъ опасности, скажете, что я его ожидаю... Ступайте. (*Утираетъ лобъ*).

Гуашо. А я пойду собрать....

Меръ. (*Испугавшись*). Г. Гуашо! Сдѣлайте милость, не оставляйте меня одного безъ оружія!

Гуашо. Г. Меръ! позвольте изъявить вамъ два мнѣнія.... Можетъ быть, прерванъ этотъ заговоръ будетъ уже поздно... если мы дадимъ ему время созрѣть...

Меръ. Чтобы пламя распространилось... нѣтъ! нѣтъ...

Гуашо. Потомъ... если угодно, я вамъ скажу, что я сдѣлалъ-бы самъ все дѣло. Увидите, что Префектъ отниметъ у насъ весь заговоръ...

Меръ. Какъ? Да развѣ открытіе вамъ принадлежитъ?

Гуашо. Въ существѣ — да! Потому что....

Меръ. Вотъ каковы эти военные! Запѣется что нибудь хорошенькое—они прибѣгутъ и кричатъ: наше!

Гуашо. Но кто-же, если не я?

Меръ. Оставимъ это.

Гуашо. (*Въ сторону*). О! такъ я напишу къ начальнику Департамента.

Тѣже, Госпожа Флёри, Брессанъ.

Г-жа Флёри. (*схвативъ Мера за руку*). Г. Флёри! скорѣе, домой, скорѣе! Я не хочу, чтобы ты вмѣшивался во все то, что здѣсь дѣлается.

Меръ. Но, что такое дѣлается, мой другъ?

Г-жа Флёри. Не ужели ты думаешь меня обмануть, какъ ребенка? Весь городъ въ волненіи. Я была у начальника народной стражи съ Г-мъ Брессаномъ, когда пришли и закричали: къ ружью!

Бр. А я пришелъ вамъ сказать, что сегодня не могу быть на службѣ. У моего малюшки корь.

Г-жа Флёри. Ну въ силахъ-ли нашъ городъ защищаться? Это значитъ отдать его на расхищеніе.

Меръ. Клянусь тебѣ, моя милая, что ничего нѣтъ! (*тихо Гуашо*) Удержишесь....

Г-жа Флёри. Не дѣлайте знаковъ-то. Это уже не тайна: Бонапарте сдѣлалъ высадку въ Ниццѣ; съ нимъ сорокъ тысячь Американцовъ.

Меръ. Какая нелѣпость! Говорю тебѣ: ничего не бывало.

Г-жа Флёри. Кто мнѣ сказывалъ, тотъ слышалъ это отъ трехъ путешествующихъ прикащиковъ, а они сами все видѣли.

Гуашо. Эти проклятые путешественники вездѣ поджигаютъ умы!

Тѣже и Сосье.

Сосье. Вотъ, Г. Меръ, ваша шляпа и пистолеты.

Г-жа Флёри. Пистолеты! а ничего нѣтъ! Пистолеты! Для того чтобы тебя ранили. Нѣтъ, Г. Флёри, я не хочу, чтобъ ты къ нимъ и прикасался: ты совсѣмъ не умѣешь стрѣлять.

Меръ. Да они и не заряжены....

Г-жа Флёри. Все равно: также можно себя ранить. Долго-ли до бѣды!

Меръ. Не бойся: я понесу ихъ дуломъ вверхъ. Пойдемъ-те, Господа!

Г-жа Флёри. Нѣтъ, ты не уйдешь! Я не хочу....

Меръ. Г-жа Флёри! я чиновникъ, служащій обществу: честь призываетъ, и — я жертвую собою отечеству!

Жена удерживаетъ его за платье.

Г-жа Флёри. Вотъ какой онъ эгоистъ!

Меръ (*отталкивая ее въ руки Брессана*). Г-нъ Брессанъ! удержите мою супругу!

Уходитъ съ Гуашо.

Г-жа Флёри. Ахъ, Боже мой! его убьютъ.

Падаетъ въ обморокъ.

Брессанъ. Сударыня, сударыня, побереги-тесь.... вамъ дурно. Вотъ хлопоты! (*садитъ ее на стулъ и кричитъ въ окно*) Господинъ Дьячекъ! Сосѣди! войдите: супруга Мера умираетъ. Боже мой! вотъ какъ слабы женщины! Я самъ какъ будто въ обморокѣ.

Дьячекъ и лавочникъ *входятъ.*

Дьячекъ. Что такое, Г. Брессанъ?

Брессанъ. Посмотрите.

Лавочникъ. Фай! надобно уксусу и померанцоваго цвѣту....

(*ударяетъ въ ладони Г-жи Флёри*).

Г-жа Флёри (*опамятовавшись*). Гдѣ я?

Дьячекъ. Въ залѣ Городоваго Совѣта, подлѣ печки, сударыня.

Г-жа Флёри (*вскочивъ*). А мужъ мой? гдѣ онъ? его убьютъ.

(*убѣгаетъ.*)

Дьячекъ. Помѣшалась она, что-ли?

Брессанъ. Да и есть отъ чего. Инсуррекція.... смятенія... вся народная гвардія выведена.....

Лавочникъ. Да, да я знаю.... Кажется, что Маршалъ Ней идетъ на Парижъ, со всею прежнею Луарскою арміею, съ распущенными знаменами...

Бр. Маркизъ Ней? Да вѣдь его разстрѣляли?

Лав. Думали, что разстрѣляли. Другой подставилъ себя вмѣсто его.

Дьячекъ. Это сдѣлаетъ большую перемѣну. Я всегда опасался, что нынѣшніе... ради Бога, Господа! между нами.... потому, что Священникъ сказывалъ мнѣ какъ-то, что революціонная гидра не совсѣмъ погибла...

Бр. Кто-то будетъ Меромъ? И какое установятъ правительство?

Лав. Объ этомъ потолкуютъ. Кто знаетъ?.. Во всякомъ случаѣ, если возстановляютъ республику, то не хотятъ возвышать цѣны товаровъ...

Дьячекъ. Слѣдовательно хотятъ безначалія? Боже мой! намъ будетъ худо....

Бр. Никогда не будетъ у насъ спокойствія! Пойду скорѣе домой и запрусь нàкрѣпко.

Лав. Побѣгу заперетъ свою лавку: боюсь, чтобы не начали грабить.

Дьячекъ. Не надобно бояться, Господа!.., я сей часъ ударю набатъ.

уходятъ.

СЦЕНА ТРЕТІЯ.

Общая зала въ трактирѣ Сосье; столъ посрединѣ.

Меръ, Гуашо, Сосье, полицейскіе служители, народная стража.

Сосье (тихо). Войдите Господа, войдите...

Меръ. Тише!... осторожнѣе...

Гуашо. Непріятеля нѣтъ; изберемъ позицію.

Меръ. Осторожнѣе, Господа, ради Бога осторожнѣе! Сосье! внизу нѣтъ-ли погреба?

Сосье. Нѣтъ, Г. Меръ.

Меръ. Ну, стало быть со стороны земли намъ нѣчего опасаться: на воздухъ насъ не поднимутъ.

Гуашо. Разставимъ свои батареи.

(*Идетъ разставлять солдатъ за кулисами*).

Меръ. Постойте: я долженъ сказать рѣчь защитникамъ отечества.—Господа! друзья мои! въ сіе время важныхъ обстоятельствахъ, всякое увѣщеваніе было-бы излишнее. Пламенникъ безначалія снова возжигается на погибель Европы. Остановимъ сіе злодѣйство. Схватимъ Карбонарскихъ эмиссеровъ и покажемъ имъ, что и мы также умѣемъ владѣть мечемъ Бренна! Европа взираетъ на насъ! Для насъ настала минута заслужить столько-же знаковъ отличія, сколько заслужила ихъ національная Парижская гвардія. Храбрые воины! по данному знаку—явитесь подобно молніи. Помните, что вы Французы—и что васъ двадцатеро противъ одного!

Г. При первомъ звукѣ колокола, всѣ бѣгите сюда.

Сосье. (*Меру*). А что если-бы, для смѣлости, вы дали имъ по стаканчику водки? У меня есть славный коньякъ.

Г. Они подкрѣпятся ужь на мѣстахъ. (*Помѣ-*

щаетъ народную стражу въ комнатахъ, по сторонамъ театра.

Меръ. Боже мой! я слышу стукъ...

Сосье. Кто-то всходитъ по лѣстницѣ.

Гуашо. Если заговорщики насъ увидятъ — пропало все дѣло наше!

Меръ. Что дѣлать? Куда-бы убѣжать?

Сосье. Въ окно — тамъ и лѣстница.

Меръ. А во дворѣ никого нѣтъ? (*быстро перелѣзаетъ черезъ окно*; *Гуашо за нимъ*).

Гуашо. Дядя Сосье! когда они соберутся, то звоните смѣлѣе, какъ будто для обѣда. Вотъ веревка къ колоколу (*вкидываетъ веревку въ комнату и слѣзаетъ по лѣстницѣ*).

Сосье. Ай! такъ вы оставляете меня одного! Вотъ прекрасно!...

(*Входитъ Маркизъ*).

М. Сосье...

Сосье (*оборачиваясь*). Кто идетъ?

М. Что ты! въ умѣ-ли?

Сосье. Ничего, ничего... вы вдругъ вошли и я немножко испугался.

М. Капитанъ Обержонъ не былъ здѣсь? Онъ назначилъ мнѣ свиданіе.

Сосье. Онъ придетъ (*въ сторону*). Какъ онъ блѣденъ!

(*Входятъ Шапюи и двое путешественниковъ, которые садятся за столъ*).

Шапюи (*съ пробами винъ въ рукахъ, поетъ*)

Lorsque le champagne
Fait en s'échappant
Pan, pan,
Le doux bruit me gagne....

Сосье. (*въ сторону*). Безстыдный злодѣй! Онъ еще и поетъ.

Ш. (*одному изъ путешественниковъ*). Г-нъ Варенъ! вы знатокъ: отвѣдайте этого нектара 1811 года. Это вино Большой Комепы! Теперь оно только у насъ и есть.

Сосье. (*въ сторону*). Видно хочетъ ободрить ихъ.

Ш. (*Маркизу*). Г. Кавалеръ святаго Людовика! сдѣлайте одолженіе, попробуйте моего вина: это ничего не стоитъ... А вы, дядя Сосье! Не чокнемся-ли съ вами?..

Сосье. Благодарю! Мнѣ совсѣмъ не хочется пить (*въ сторону*). Онъ хочетъ оправить меня.

Ш. (*смѣясь, беретъ со стола ножъ*). Если не будешь пить, я сей часъ зарѣжу тебя...

Сосье (*отбѣжавъ къ другой сторонѣ театра*). Пощадите, пощадите, Г. Шапюи!

Ш. Что ты, сумасшедшій! развѣ не видишь, что я шучу... Ахъ, да! скажите, скоро-ли станемъ мы обѣдать? Если не всѣ съѣхались, пѣмъ хуже! Я здѣсь — я! Къ тому-же и время обѣдать. Я сей часъ позвоню (*звонитъ*). Эй, Луиза! кто тамъ!

Народная стража выходитъ со всѣхъ сторонъ.

Сосье (*къ стражѣ*). Прицѣлышесь въ нихъ... у нихъ есть кинжалы.

Ш. Что за вздоръ такой!

Маркизъ. Что это значишъ?

Гуашо (*входитъ, съ саблею въ рукахъ*). Именемъ Короля, всѣхъ васъ беру подъ стражу!

Шапюи, Маркизъ, Путешественники. Какъ? за что? почему?

Гуашо. Г. Меръ! выходипте: они уже подъ стражею....

Меръ. (*входитъ, съ пистолетомъ въ рукѣ*). Всѣхъ васъ, собственною рукою моею, беру подъ стражу, и первому, кто двинется съ мѣспа, прострѣлю голову.

Ш. Это ни на что не похоже! Развѣ мы колодники?

1-й *Путеш.* Я членъ Избирательнаго Совѣпа.

2-й *Путеш.* Я колбасникъ.

М. А я Маркизъ де Гранкуръ.

Солдаты. Все равно! все равно!

Министръ (*выходя изъ своей комнаты*). Что здѣсь за превога?

Сосье. Вотъ эмиссаръ!..

Меръ (*съ ужасомъ отскочивъ*). Схватипте его!

Министръ. (*Гуашо, который взялъ его за воротъ*). Знаешь-ли ты, кто я?

Гуашо. Молчи, или я тебя изуродую!

Маркизъ. Но, это Господинъ....

Одинъ солдатъ. (*грозитъ ему*). Молчи бездѣльникъ!

Меръ. Если они спанутъ умничать, то сковать имъ руки (*слышенъ звонъ колоколовъ и стукъ барабановъ*). Побѣда!

(*Входитъ* Обержонъ).

Сосье. Вотъ еще одинъ.

Оберж. (*Министру*). Слышите-ли, Ваше Превосходительство, колокола и барабаны. Насъ узнали.

Одинъ солдатъ (*Обержону*). Да, разбойникъ! скрутимъ и тебя.

Маркизъ. Вы съ ума спятили, Г. Меръ!

Меръ. Г. Маркизъ! Если вы дѣйствовали по приказанію Правительства, васъ освободятъ; но теперь я беру васъ на мѣстѣ преступленія, въ пылу заговора....

Всѣ взятые подъ стражу. Заговора!

Овре (*входитъ, съ бичемъ въ рукахъ*). Вотъ и Г. Префектъ. Ну, Господа! Чуть чуть ускользнулъ я! Бунтовщики сдѣлали по мнѣ изъза-лѣсу больше двухъ сотъ выстрѣловъ... Посмотрите: какова шляпа!..

Входитъ Префектъ, со своими провожатыми.

Префектъ. Ну, друзья мои, ну?

Меръ. Отечество спасено, Г. Префектъ! я опкрылъ...

Префектъ. Я знаю все. Уже мѣсяца два,

какъ я присматривалъ за виновными. Наконецъ я спасъ моего Государя и отечество. Въ тюрьму злодѣевъ!

Всѣ. Въ тюрьму!

Министръ. Это ужъ слишкомъ. Г-нъ Префектъ: здравствуйте! Безъ васъ, мнѣ пришлось-бы ночевать въ тюрьмѣ.

Префектъ. Что я вижу! Господинъ Министръ морскихъ силъ!..

Обержонъ и Маркизъ. Насилу!

Шапюи. Министръ? Браво! вотъ это прелестно!

Префектъ. Милостивый Государь! какая несчастная ошибка!.. (*Меру*) Какъ, сударь, вы осмѣлились оскорбить Его Превосходительство? Занимались-бы вы своими тяжбами, да крестинами....

Меръ (*Гуашо*). Видите-ли, что вы надѣлали, Г. Гуашо! Вотъ каково вмѣшиваться въ политику, вмѣсто того, чтобы ловить воровъ!

Гуашо (*указывая на Сосье*). Вотъ все этотъ болванъ тракгирщикъ подкапывается подъ добрыхъ людей, вмѣсто того, чтобы ловить воровъ.

Сосье. Нѣтъ, сударь, не я, а вы. Но стало быть заговора нѣтъ?

Министръ. Разумѣется. Всѣ эти господа столько-же виновны, какъ и я.

Маркизъ. Кто можетъ что нибудь подумать

противъ справедливѣйшаго, любимаго изъ Министровъ!

Сосье. А боченки съ порохомъ Г-на Шапюи?

Шапюи. Это настоящій Ямайскій ромъ, превосходный, милостивые государи — и по четыре франка за бутылку! Если услуги мои вамъ могутъ быть угодны...

(*Раздаетъ адресы*)

Префектъ, Меръ, Овре, Гуашо, *Министру.*

Какъ извинящься передъ вами, Ваше Превосходительство!....

Министръ. Оставимъ это. Излишняя ревность — и только. Впрочемъ, кто велѣлъ мнѣ ѣхать инкогнито?

Ш. Ничего! Ревность безъ ума всегда производитъ много шуму изъ пустяковъ — и только!

РАЗБОРЪ

КРИТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЙ

и прибавленій Г-на Клапрота къ Французскому переводу книги: *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, въ* 1820 *и* 1821 *годахъ.*

(Окончаніе).

Т. I. стр. 442. Г-нъ Клапротъ дѣлаетъ этимологическое изъясненіе на слова, составляющія названіе станціи *Термо-хата*, что совершенно было и не нужно и излишне. Кто не примѣтитъ здѣсь его неумѣстнаго стараніе выказать себя знатокомъ въ Азіятскихъ языкахъ? а справедливо-ли онъ толкуетъ помянутыя слова, объ этомъ умолчимъ.

Стр. 445. Г-нъ Клапротъ справедливо говоритъ, что *Баркюль* и *Урумци* не принадлежатъ къ Илискому вѣдомству, а присоединены къ губ. Ганьсу. Но не смотря на сіе политическое учрежденіе, когда описываемъ *Чжуньгарію* топографически, то помянутыя два мѣста никакъ не льзя отдѣлить отъ нея; должно только сказать въ примѣчаніи, что по гражданскому управленію нынѣ принадлежатъ они къ губ. Гань-су, а по физическому положенію къ Чжуньгаріи.

Стр. 454. *Замѣч. I.* «Это вѣрно погрѣшность; «я нигдѣ въ Китайскихъ книгахъ не видалъ по-

«добнаго употребленія слова: *Хласса.*» Пусть Г-нъ Клапротъ посмотритъ въ книжку *Вэй-цзанъ-тху-гжи*, гдѣ въ дорожникѣ отъ Хлáри до Хлассы, послѣдній городъ часто называется *Си-цзанъ* т. е. Тибетомъ. Не будучи Китайцомъ, и при томъ ученымъ, не можно судить, правильно-ли на Кит. языкѣ называютъ столицу именемъ цѣлаго государства. Что касается до словъ: *нигдѣ въ Китайскихъ книгахъ не видалъ*, и проч., то самое исправленіе погрѣшностей Россійскаго подлинника ясно доказываетъ, что Г-нъ Клапротъ еще *не въ состояніи свободно читать Китайскихъ книгъ, а можетъ, въ нѣкоторыхъ книгахъ, разбирать мѣста, написанныя удобопонятнымъ слогомъ, да и здѣсь нерѣдко ошибается, когда встрѣтится неизвѣстное обстоятельство.*

Замѣч. 2-е. Г-нъ Клапротъ еще съ трудомъ разбираетъ Тибетскую азбуку, а уже начинаетъ выдавать себя совершенно знающимъ самое употребленіе языка. Увѣряю Г-на Клапрота, что Тибетцы, и въ разговорахъ и на письмѣ, какъ Тибетъ, такъ и жителей называютъ однимъ словомъ: *Бодба.* Такимъ-же образомъ говорятъ и о частныхъ странахъ, на пр. *Хлонба*, *Мемба*, *Бурукба*, и проч.

Стр. 455. *Замѣч.* 1-е. «Это натянутое слово-«производство. *Туботъ* есть древнее названіе «страны. Оно находится въ лѣтописяхъ Китай-«скихъ въ VI вѣкѣ, въ словѣ: *Тху-пхо*, которое «Миссіонеры и Дегинь неправильно перевели *Тху-«фань*. Названіе Тибета не можетъ быть слово «Монгольское, потому, что въ сіе время Мон-

« гольскія племена обитали далеко на Сѣверѣ и не « могли имѣть сношеній со страною, носившею « помянутое имя. » Предположеніе Г-на Клапрота о словѣ *Туботъ* правдоподобно; но опроверженіе, и Китайцовъ и Миссіонеровъ, всякому здравомыслящему можетъ показашься неосновательнымъ. Что Китайцы слово *Туботъ* неправильно выражали чрезъ *Тху-фань*, это возможно; но чтобъ они погрѣшали въ выговорѣ гіероглифа *фань*, не зная, что подлинно надлежитъ произносить его, какъ *Пхо*, сему никто не повѣритъ. Это столько-же нелѣпо, какъ еслибъ кто нибудь изъ Рускихъ сталъ доказывать, что Французы, слово Roi (король) правильно должны произносить, какъ *ура*. Что касается до слова: Монголъ, то поколѣнія, или аймаки, населяющія Монголію, вообще называемъ нынѣ именемъ Монголовъ, почему, приводя исторически древнія происшествія сего народа, называть ихъ тогдашнимъ именемъ, означало-бы столь-же смѣшную точность, какъ если-бы говоря о Россіи до временъ Петра Великаго, называть Россіянъ не иначе, какъ только *Московитянами*, а со временъ сего Государя Россіянами. И такъ говоря, что Тубошъ есть слово Монгольское, подъ Монголами разумѣемъ, не поколѣніе Монголовъ, обитавшее въ древности около Кяхты, а цѣлый народъ, котораго онъ составлялъ часть въ оныя времена, и который нынѣ называется Монголами.

Замѣчаніе 2-е. « Тангушъ не есть слово Монгольское. » Въ книгѣ Гинь-ляо-юань-сань-ши-юй-цзѣ, въ отдѣленіяхъ на Исторіи Ляо и Юань нѣсколько разъ встрѣчаются слова; *Тангутъ* и *Туботъ* и,

какъ коренныя Монгольскія собственныя имена, оставлены безъ объясненія. Но при словѣ: *Ботъ*, составляющемъ Тибетское названіе сему государству, сказано, что сіе рѣченіе есть Тангутское. См. Отдѣл. на дин. Юань, тетр. Х. л. 9 v. Сверхъ сего, въ бытность мою въ Пекинѣ нѣсколько разъ я спрашивалъ Тибетцовъ, пріѣзжавшихъ изъ Хлассы о рѣченіяхъ: *Тангутъ* и *Туботъ*. Въ нашемъ языкѣ, отвѣчали они, совершенно нѣтъ такихъ словъ; государство-же наше называется *Ботъ*, обыкновеннѣе *Ботба*.

Замѣчаніе 4-е. «Большая часть жителей суть Монголы и Турки.» По свидѣтельству Исторіи Китайской, на Западныхъ границахъ губерній Гань-су и Сы-чуань, отъ древнихъ временъ до нынѣ, обитаютъ потомки древняго народа *Цлянъ*. Сей самый народъ Монголы называютъ *Тангутомъ*; Монголы-же и Турки никогда не обитали на сихъ мѣстахъ, только въ области Си-нинъ-фу находится нѣсколько тысячъ душъ потомковъ древняго Турецкаго поколѣнія Юѣ-чжи, прогнаннаго Монголами на Западъ, еще за два столѣтія до Р. Х. См. въ Землеоп. Кит. Имперіи, Описаніе губ. Гань-суисы-чуань.

Замѣч. 5-е. «Китайскія лѣтописи говорятъ: «*Онъ составилъ малыя буквы Тибетскія*. Здѣсь «безъ сомнѣнія говорится о курсивномъ письмѣ, «названномъ: *Дву-минъ* или *Вуминъ*.» Утаивая источники, изъ которыхъ заимствуемъ что-либо, или ссылаясь на исторію и лѣтописи глухо, заставляемъ читателей сомнѣваться въ истинѣ приводимаго свидѣтельства. Извѣстно, что Тангут-

ское письмо изобрѣтено въ Тибетѣ, еще въ VII столѣтіи. Но въ лѣтописи *Таунъ-цзянь-ганъ-му*, въ послѣдней статьѣ 1036 года, сказано, что Юа́нь-хао *самъ изобрѣлъ Тангутское письмо* (*). Въ описаніи Королевства Ся, помѣщенномъ въ исторіи династіи Сунъ, написано, что *Юа́нь-хао самъ изобрѣлъ Тангутское письмо*, а *ввелъ оное въ употребленіе министръ его Ѣли-Жиньжунъ*. См. тетр. 485, л. 15. Книги, указанныя мною, суть двѣ главныя Исторіи, изданныя Китайскимъ Правительствомъ, на которыхъ вообще основываются всѣ частные Историки. Безъ сомнѣнія, Г-нъ Клапротъ, не имѣя ни терпѣнія, ни времени читать исторіи, писанныя на Китайскомъ языкѣ, хотѣлъ замѣнить это неопредѣлительными ссылками на лѣтописи, а критическое изслѣдованіе, почему Китайскіе Историки изобрѣтеніе Тангутскаго письма приписали Королю Юа́нъ-хао, совершенно упустилъ изъ вида.

Стр. 457. *Замѣч.* 2-е. «Читай: *Гандисъ-ри.*» Тибетцы выговариваютъ сіе слово: *Гантеси* и *Гантеси-ри.*

Замѣч. 4-е. «Читай *Нялма.*» Тибетцы выговариваютъ *Неламъ.*

Замѣч. 6-е. «*Ри* на Тибетскомъ языкѣ означаетъ гору.» *Ри* означаетъ непроходимую, или снѣгами покрытую гору, а гора, чрезъ которую есть проѣздъ, называется *Ла.* Первая у Китайцовъ именуется *Шань*, у Монголовъ *Ола;* послѣдняя

(*) Тангутъ по Кит. назывался *Ся-го* и *Ся.*

на Китайскомъ *Линъ*, на Монгольскомъ *Даба*. Впрочемъ, употребленіе сихъ словъ нынѣ нарочито измѣнилось противъ древняго.

Стр. 458. Оба замѣчанія справедливы. Озеро по Монгольски называется *Тэнгэри-норъ*, по Тибет. *Намъ-цо*.

Стр. 463. «Онъ прибылъ въ Пекинъ въ 1652 «году. Архимандритъ Іакинфъ весьма худо пере- «велъ титулъ сего Ламы, который на Китайскомъ «языкѣ написанъ такъ: *Си-тьхянь да-шань цзы «цзай-фо*, т. е. *великій и превосходный Буда За- «паднаго неба, существующій самъ собою.*» Увѣряю Г-на Клапрота, что его переводъ сего мѣста чрезвычайно дуренъ. Буквальный смыслъ помянутаго мѣста есть слѣдующій: *Наидобрѣйшій на Западѣ, истинно въ праведныхъ*. Здѣсь гіероглифъ *да* означаетъ превосходительный степень, а *си-тьхянь* есть названіе Индіи, иногда вообще странъ Западныхъ. Выраженіе: *цзы-цзай* (*самобытствующій*) изобрѣтено Европейскими Миссіонерами, и въ Китаѣ вовсе неупотребительно, а сіи два гіероглифа порознь означаютъ: *подлинно въ*.

Стр. 465. «Сіи назначенія произошли гораздо «позднѣе, нежели какъ излагаетъ Русскій Пере- «водчикъ, ибо они учинены Императоромъ Юнъ- «чженъ. Назначеніе Каньченная принадлежитъ къ «1723 году.» Пусть Г-нъ Клапротъ посмотритъ Вэй-цзанъ-тху-чжи, тетр. III, листъ 4 v, гдѣ ясно увидитъ свою ошибку.

Стр. 473. «Это не точно: сей храмъ по Ки- тайски называется *Да-гжао-сы*.» Г-нъ Клапротъ видѣлъ сіе слово въ одномъ только мѣстѣ, именно

въ книжкѣ Вэй-цзанъ-шху-чжи и сдѣлалъ возраженіе, не понимая текста. Послѣдней тетради на листѣ 8 и 9, Китайскій Сочинитель, въ описаніи Тибетскихъ монастырей, для поясненія придаетъ Китайское слово: *сы*, что значитъ монастырь; на прим. *Бѣбунъ*, онъ называетъ *Бѣбунъ-сы* т. е. монастырь Бѣбунъ; *Да-чжао* называетъ *Да-чжао-сы* т. е. монастырь Да-чжао, подобно, какъ если-бы кто для ясности написалъ: городъ *Вильна*; но слова: *городъ*, не льзя здѣсь принять за собственное имя. Въ другихъ мѣстахъ на пр. третьей тетради на 1 лис. v, Сочинитель уже говоритъ просто *Да-чжао*; второй тетради на листѣ 22 и 23 такимъ-же образомъ.

Стр. 474. *Замѣч.* 4-е. «Не знаю, для чего О. Іа-«кинѳъ перевелъ имена Китайскаго Императора и «Тибетскаго Короля.» Г-нъ Клапротъ, сознавая превосходство своего перевода надписи на Хласинскомъ памятникѣ, предъ моимъ, спѣшитъ выставить оба на судъ публики (сіи два перевода напечатаны въ два столбца на одной страницѣ) и на первомъ шагу спотыкается. Начиная переводъ свой словами: *Вынь-ву-сло-дэ Хуанъ-ди Императоръ великой державы Тханъ и Шенъ-шень цзанбу Великаго по*, и пр., въ начальныхъ словахъ успѣлъ сдѣлать важную ошибку. Имена Китайскимъ Государямъ даются по смерти; изъ Тибетскихъ-же Государей того времени ни одинъ не имѣлъ Китайскихъ именъ, ни при жизни, ни по смерти, а слова: *Вынь-ву-сло-дэ*, приданныя Китайскому, и *Шенъ-шень*, приданныя Тибетскому Государю, означаютъ титулъ, подобно, какъ у насъ *всепрссвѣ-*

тлѣйшій, христіаннѣйшій. Таковыя слова ни съ какого языка шонически не перелагаются, какъ сдѣлалъ Г-нъ Клапротъ, изъ подражанія ошибочному Французскому переводу сей надписи, напечатанному въ XIV томѣ Записокъ Китайскихъ, на стран. 209.

Стр. 475. «*Тхао-минь* есть названіе Западной «части губерніи Шéнь-си. Она получила сіе назва- «ніе отъ двухъ рѣкъ, которыя, протекая чрезъ «нее, сообщаютъ еще названіе двумъ городамъ, «упомянутымъ въ переводѣ О. Іакинѳа.» Рѣка *Тхао* протекаетъ въ губерніи Гань-су; рѣка *Минь* въ губ. Сы-чуань, и Г-нъ Клапротъ не отыщетъ въ Землеописаніи Китайской Имперіи ни одного свидѣтельства, которымъ-бы могъ доказать, что мѣста, лежащія по симъ рѣкамъ, составляли когда-либо одну страну, подъ названіемъ *Тхао-минь.* Равнымъ образомъ не менѣе онъ ошибается, опредѣляя границу между Тибетомъ и Китаемъ по вышеупомянутымъ рѣкамъ. Въ договорѣ на Хлассинскомъ памятникѣ такъ сказано: *лежащее отъ Тхао-минь къ Востоку должно принадлежать Дому Велико-тханъ, а что лежитъ отъ Цинъ-шуй-сянь къ Западу, должно принадлежать Велико-Тибету.* Г-нъ Клапротъ хотѣлъ найдти здѣсь ошибку, и доказать, что не межи областей, а рѣки поставлены были границею, и посему, вмѣсто: «*отъ Цинь-шуй-сянь,*» поставилъ: «отъ *сихъ рѣкъ,*» т. е. Тхао и Минь, и тѣмъ измѣнилъ смыслъ подлинника, ибо городъ Цинь-чжеу, лежащій чрезъ два градуса отъ рѣки Тхао къ Востоку, былъ тогда подъ владѣніемъ Тибетскимъ, и граница между Кита-

емъ и Тибетомъ лежала по восточную сторону сего города, а отъ города *Ценъ-шуй-сянь* (*) на Западѣ. Впрочемъ, Г-ну Клапроту легко можно найдти тогдашнія границы между Китаемъ и Тибетомъ, когда въ описаніи губерній Гань-су и Сычуань посмотритъ въ таблицахъ Западныхъ областей, въ отдѣленіе при династіи Тханъ. Здѣсь ясно показано: какіе именно Китайскіе города находились тогда подъ Тибетскою державою; въ описаніи горъ и рѣкъ мѣстами усмотритъ даже и пограничныя межи.

Томъ II.

Стр. 51. «Англичане не имѣютъ непосредственной торговли съ Тибетомъ.» Это справедливо; но послѣднія событія въ Индіи неизвѣстны Г-ну Клапроту. Въ 1821 году одинъ Камба, прибывшій изъ Хлассы въ Пекинъ, сказывалъ мнѣ и Г-ну Тимковскому, что *Пелины* (такъ въ Индіи называютъ Англичанъ), по окончаніи войны съ Горкою, пріѣхали въ первый разъ въ Хлассу, съ своими товарами. Указывая на Г-на Тимковскаго, помянутый Лама присовокупилъ, что у Пелиновъ такіе-же (свѣтлорусые) волосы, такое-же одѣяніе, и также при бедрѣ носятъ они саблю. Впрочемъ, Англичане въ то время пріѣхали въ Хлассу въ первый разъ, и удержались-ли тамъ, еще неизвѣстно.

Стр. 60. «Г-нъ Голяховскій умѣлъ привязать

(*) Городъ *Цинъ-шуй-сянь* лежитъ на пол-градуса отъ Г. Цинь-чжеу къ Востоку, въ губ. Гань-су.

«Китайскихъ чиновниковъ къ себѣ, познакомивъ «ихъ съ Шампанскимъ виномъ.» Угощеніе при случаѣ составляетъ взаимную учтивость, необходимую въ общежитіи, но еще болѣе на границѣ между чиновниками двухъ сосѣдственныхъ державъ. Издѣвка Г-на Клапрота здѣсь слишкомъ неумѣстна.

Стр. 107. «*Чжи-ли* значитъ *столичная губернія.* «При династіи Минъ, въ Китаѣ находились двѣ «столицы: *Пе-гинъ* и *Нань-гинъ* (т. е. Пекинъ и «Нанкинъ). Пекинская губернія тогда называлась «Пе-чжи-ли, т. е. Сѣверная столичная губернія; «Нанкинская губернія называлась Нань-чжи-ли, т. «е. Южная столичная губернія. Нынѣ Маньчжуры «имѣютъ только одну столицу — Пекинъ, и губер- «нія, въ которой онъ лежитъ, просто называет- «ся *Чжи-ли.*» Замѣчаніе справедливо; но Г-нъ Клапротъ, вопреки собственному мнѣнію, вездѣ пишетъ Пе-чжи-ли. Что касается до перевода, слово: Чжи-ли значитъ *управляющій*, и нынѣ сіе слово придается окружнымъ городамъ, управляющимъ уѣздами. Полное названіе губерніи есть *Чжи-ли-шенъ*, что значитъ: управляющая, т. е. *Столичная губернія.*

Стр. 151. «*Цзюнь-цзи-гу* есть присутственное «мѣсто, управляющее движеніемъ армій и другими «военными распоряженіями. Г-нъ Тимковскій не- «справедливо перевелъ оное Тайнымъ Совѣтомъ.» *Цзюнь-цзи-гу*, въ буквальномъ переводѣ, значитъ: *Военный Комитетъ*, и при открытіи его можетъ быть имѣлъ одну цѣль; но съ теченіемъ времени образованіе его совершенно измѣнилось. Нынѣ онъ

завѣдываетъ всѣми государственными дѣлами, тайнѣ подлежащими; въ слѣдствіе чего, распоряженіе тайнымъ ходомъ военныхъ дѣйствій въ продолженіе войны чрезъ него-же производится; но распоряженіями по арміямъ управляетъ Военная Палата. Палата иностранныхъ дѣлъ всѣ бумаги, получаемыя изъ за-границы, не распечатывая представляетъ въ *Цзюнь-цзи-гу*, а сей, послѣ доклада Государю, дѣлаетъ свои распоряженія по онымъ. Здѣсь предсѣдательствуетъ Первый Министръ и Первенствующій Членъ въ Приказѣ иностранныхъ дѣлъ, съ двумя высшими статскими чиновниками, а военныхъ нѣтъ ни одного, и посему, сообразуясь съ существомъ вещи, приличнѣе переводить сіе мѣсто *Тайнымъ Совѣтомъ*.

Стр. 207. Сіе замѣчаніе принадлежитъ къ новой неосновательной системѣ Г-на Клапрота о народахъ средней и Сѣверной Азіи. Читатель увидитъ отвѣтъ на оную въ другихъ мѣстахъ.

Стр. 208. Г-нъ Тимковскій написалъ: *Аюршири «Далидунь*. Сія ошибка произошла отъ того, что «О. Архимандритъ (при переводѣ съ Китайскаго) «гіероглифъ *дунь* присовокупилъ къ собственному «имени, и проч.» У Г-на Тимковскаго произошла ошибка отъ прописки въ моемъ черновомъ подлинникѣ. Г. Клапротъ желая поправить оную, сдѣлалъ новую ошибку, ибо имя Принца состоитъ изъ трехъ Санскритскихъ словъ *Аюръ-шири-дара*, а не *Аюршири-дала*. См. Юань-ши-юй-цзѣ, штр. 1, л. 21 v.

Стр. 213. *Замѣчаніе I.* «*Урянхай* есть названіе «страны, гористой и лѣсистой, лежащей отъ Ляо-

«дунъ къ Сѣверу, отъ Пе-чжи-ли къ Востоку.» Здѣсь Урянхай не есть страна, а названіе аймака, или поколѣнія, которое въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ кочевало на земляхъ, занимаемыхъ нынѣ аймаками: Корцинь, Ару-корцинь и частію Баринь. Въ 1422 году Китайская армія совершенно опустошила Урянхайскія кочевья. См. Землеоп. Кит. Имп. тетр. 405, 406, 407. Въ Тхунъ-цьзянь-ганъ-му Сань-бянь 20 годъ правленія Юнъ-лэ.

— *Замѣч.* 2-е. «Они, т. е. *Чи-гинь-Монголы* по«лучили названіе отъ округа *Чи-гинь.*» Г-нъ Клапротъ, безъ сомнѣнія, не зналъ, что въ степяхъ, по большей части, урочища подъ кочевыми стайбищами получаютъ названіе отъ близь лежащихъ горъ, рѣкъ, озеръ, и проч., почему, какъ вышепомянутые Монголы, такъ и военный округъ ихъ, получили названіе отъ горъ *Чи-гинь-шань*, при которыхъ они кочевали. Сіи горы лежатъ въ Ань-си-чжеу въ 50 ли отъ города Юй-мынь-сянь къ Западу. См. Землеоп. Кит. Имп. тетр. 213 л. 4 v.

— *Замѣч.* 3-е. «Китайскій Императоръ послалъ «ему грамоту на Ханство въ *Вала* или *Елютовъ.*» Здѣсь Г-нъ Клапротъ, принимая *Вала* за одно съ *Елютъ*, весьма ясно доказалъ, что онъ не въ состояніи былъ, *съ помощію Большой Географіи Китайской Имперіи, очистить Французскій переводъ отъ всѣхъ недостатковъ, обезображивающихъ Россійскій подлинникъ. Вала* есть испорченное Китайцами названіе *Ойратовъ*, которые, при династіи Минъ, владѣли всею Чжуньгаріею, а *Елюты* или *Олоты*, въ то-же самое время, составляли другое поколѣніе, которое кочевало на Востокѣ, по За-

падную сторону рѣки Ляо, ш. е. въ смежности съ Маньчжуріею. Сіи два поколѣнія, въ началѣ XV вѣка, вели упорную войну между собою, которая кончилась совершеннымъ покореніемъ *Олотовъ* въ 1431 году. См. въ *Минъ-ши* и въ *Тхунъ-цзянь ганъ-му сань-бянь* первую половину XV вѣка. Еще *Землеоп. Кит. Имп.* тетр. 404 л. 2 v и v.

Стр. 222. «Г-нъ Тимковскій говоритъ, что Мон-«голы вступили въ Китай черезъ Тангутъ, пото-«му, что не могли перейдти чрезъ Великую стѣ-«ну: это ошибка. Въ 1211 году Чингисъ-ханъ въ «первый разъ вступилъ въ Китай черезъ Сюань-хуа-«фу, перешедши чрезъ Вел. стѣну. По прошествіи «года, не могши проникнуть черезъ Гу-бэй-кхэу, «онъ вступилъ въ Пе-чжи-ли черезъ Шань-си.» Кажется, что такова есть участь Г-на Клапрота, чтобы ошибки поправлять ошибками-же. Чингисъ-ханъ въ первый разъ вступилъ въ Китай не чрезъ Сюань-хуа-фу, а чрезъ Да-шхунъ-фу, и первое главное сраженіе происходило при горѣ Ѣ-ху-линъ, въ 20 ли отъ города Да-шхунъ-фу, на Сѣверозападѣ. Отселѣ пошелъ онъ на Востокъ въ Сюань-хуа-фу. Нючжискій полководецъ, охранявшій Цзюй-юнъ-гуань, бросилъ свой постъ, и Монголы безъ кровопролитія заняли сію крѣпость, но вскорѣ добровольно оставили ее. Въ 1213 году Чингисъ-ханъ, по вторичномъ вступленіи въ Китай, взялъ городъ Сюань-хуа-фу, лежавшій въ губ. Чжи-ли, но не могъ пройдти за хребетъ Тхай-ханъ къ Пекину, черезъ Цзюй-юнъ-гуань, а не чрезъ Гу-бэй-кхэу, почему принужденъ былъ спуститься около 200 верстъ на Югъ, гдѣ перешелъ Тхай-ханъ, чрезъ крѣпость

Цзы-цзинъ-гуань, а къ крѣпости Гу-бэй-кхэу отправленъ былъ полководецъ Чжебэ, съ отдѣльнымъ корпусомъ войскъ. Г-нъ Клапротъ два сіи обстоятельства слилъ въ одно, и вмѣсто Чжебэ поставилъ самаго Чингисъ-хана при Гу-бэй-кхэу.

Стр. 226. Отвѣтъ на сіе замѣчаніе помѣщенъ въ рецензіи на предисловіе, подъ текстомъ: *Большая Географія Китайской Имперіи*, и проч.

Стр. 259. «Въ прежнемъ изданіи Да-цинъ-и-тхунъ «чжи сей Принцъ названъ *Горгечже* (*). Я не могу «рѣшить, которое названіе правильнѣе; но долженъ «замѣтить, что Издатели новѣйшаго Землеописа«нія во зло употребили право словопроизводства. «Для изъясненія иностранныхъ словъ, находящих«ся въ древнихъ Китайскихъ книгахъ, они употре«били Монгольскій языкъ, переиначили и обезо«бразили слова, по собственному своему произволе«нію, не выказывая другой тому причины, кромѣ— «à présent on lit mieux.» Прежніе Китайскіе Историки, изъ презрѣнія къ иностранцамъ, иностранныя собственныя имена, перелагая на свой языкъ тонически, старались изображать гіероглифами, содержащими въ себѣ какой либо ругательный смыслъ, что по необходимости заставляло ихъ, болѣе или менѣе, уклоняться отъ правильнаго выговора. Настоящая въ Китаѣ династія Цинъ

(*) Въ новѣйшемъ изданіи Землеописанія Кит. Имперіи, сынъ послѣдняго Чахарскаго Хана названъ *Конгоръ-огжэ*. Г-нъ Клапротъ сомнѣвается, чтобы Монголы могли правильно выговаривать имя своего соотечественника!

прекратила сіе злоупотребленіе, а для пересмотра прежнихъ Исторій учредила Коммисію, составленную изъ ученыхъ Маньчжуровъ, Монголовъ, Китайцовъ и Тибетцовъ. Сія Коммисія издала Историческій словарь, подъ Китайскимъ названіемъ: *Гинь-Ляо-Юань санъ-ши Юй-цзѣ*, въ которомъ всѣ иностранныя собственныя имена въ Исторіяхъ династій Ляо, Гинь и Юань, перепорченныя прежними Историками, исправила и переложила на Китайскій языкъ, гіероглифами, по тону ближайшими къ выговору оныхъ именъ. Исправленіе сіе, касательно владѣній сопредѣльныхъ Китаю, какъ то: Монголіи, Тибета и Восточнаго Туркистана, не можетъ имѣть погрѣшностей; но касательно отдаленныхъ странъ Запада, какъ то: Персіи, Россіи, и проч., собственныя имена переложены по принятому съ простонароднаго употребленія Монгольскому выговору, не со всею буквальною точностію. Прошиву сего-то Словаря возстаетъ Г-нъ Клапротъ, выдавая себя знатокомъ въ языкахъ Юго-восточной Азіи, а чтобы столь хвастливому замѣчанію придать нѣкоторое правдоподобіе, онъ ни мало не затруднился, вмѣсто словъ: *нынѣ исправили, какъ должно* — обыкновенной формулы въ вышепомянутомъ словарѣ — поставить: à présent on lit mieux.

Вотъ всѣ замѣчанія, сдѣланныя на путешествіе Г-на Тимковскаго. Находя столько погрѣшностей въ самыхъ поправкахъ, со всею справедливостію можно заключить, что Г-нъ Клапротъ наименѣе успѣлъ въ намѣреніи исправить Русское сочиненіе, и вмѣсто ожидаемыхъ похвалъ возбуждаетъ одно со-

жалѣніе къ тщетнымъ своимъ усиліямъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ имѣетъ достаточныя свѣдѣнія въ Китайскомъ языкѣ; но не бывъ ни въ Китаѣ, ни въ Монголіи, не знаетъ многихъ вещей, свѣдѣніе о которыхъ необходимо для ясности и точности въ переводѣ. Сверхъ сего, поспѣшая опередить каждаго, идущаго по одному пути съ нимъ, онъ не имѣетъ терпѣнія основательно заняться обозрѣваемымъ предметомъ, и посему необходимо прибѣгаетъ къ предположеніямъ, не имѣющимъ никакого основанія. По такимъ-то причинамъ въ переводѣ Путешествія Г-на Тимковскаго самыя ошибки поправлялъ онъ новыми ошибками, а не рѣдко, вмѣсто мнимыхъ ошибокъ, дѣлалъ дѣйствительныя. И такъ, Французскій переводъ, предварительно выхваленный самими Издателями, никакого не имѣетъ преимущества предъ подлинникомъ Россійскимъ; но жаль, что сей переводъ, сверхъ ошибочныхъ замѣчаній, еще искаженъ погрѣшностями, заимствованными изъ новой системы Г-на Клапрота о мнимыхъ народахъ Монголіи, чѣмъ въ отношеніи къ Исторіи, теряетъ довѣріе въ просвѣщенной публикѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ извѣстію объ искуственныхъ минеральныхъ водахъ, помѣщенному въ N° 12-мъ Телеграфа.

I. *Мнѣніе Доктора Крейсига, Лейбъ-Медика Его Величества Короля Саксонскаго.*

Г-нъ Докторъ Ф. А. А. Струве, въ Дрезденѣ, изобрѣтатель способа приготовлять искуственныя минеральныя воды, совершенно подобныя водамъ натуральнымъ, изъявилъ желаніе, чтобы я публично объявилъ объ нихъ мое сужденіе. Считаю священною обязанностію исполнить его желаніе, и тѣмъ, съ моей стороны, споспѣшествовать къ повсемѣстному распространенію его благодѣтельнаго изобрѣтенія. Безъ всякаго пристрастія объявляю слѣдующее мнѣніе.

Сходство видимыхъ свойствъ, находимое въ искуственныхъ минеральныхъ водахъ съ натуральными, какъ мною, такъ и другими врачами, испытывавшими сіи послѣднія при самыхъ источникахъ, найдено чрезвычайно разительное. Врачебныя ихъ дѣйствія совершенно одинаковы, такъ, что непримѣтно между ими никакого существеннаго различія. Для удостовѣренія въ этомъ стоитъ только разсмотрѣть ежедневныя видимыя дѣйствія оныхъ на чувства больнаго, и измѣненія, постепенно, и согласно съ законами жизни, развивающіяся въ тѣ-

лѣ, во время леченія, или наконецъ обратишь вниманіе на послѣдствія леченія, т. е. на то состояніе, которое воды доставляютъ тѣлу.

Все это могу сказать о всѣхъ водахъ Г-на Струве вообще; но преимущественно о превосходныхъ, и по всей справедливости столь прославляемыхъ, теплыхъ Карлсбадскихъ и холодныхъ Маріенбадскихъ водахъ, сдѣлавшихся недавно извѣстными, и по скорому дѣйствію своему заслужившихъ одобреніе даже въ отдаленномъ Сѣверѣ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я имѣлъ случай ежегодно дѣлать наблюденія надъ многими сотнями больныхъ, пріѣзжавшихъ сюда съ Сѣвера и требовавшихъ отъ меня совѣтовъ, какъ относительно ихъ болѣзней, такъ и способа употребленія различныхъ водъ, находящихся въ Богеміи. Я видѣлъ, что тою и другою изъ упомянутыхъ водъ, составленныхъ Г-мъ Струве, излечены были, точно также, какъ и натуральными, весьма упорныя болѣзни, преимущественно застарѣлые завалы и затвердѣнія печени, селезенки, воротной вены, брыжжечныхъ желѣзъ и почекъ, также почечные камни, предрасположеніе къ каменной болѣзни, геморой и различныя измѣненія весьма сильныхъ запоровъ. Я видѣлъ, что излечивались такіе больные, коимъ врачи уже совѣтовали оставить натуральныя Карлсбадскія воды, думая, что они болѣе не перенесутъ ихъ. Вообще дѣйствіе искуственныхъ водъ на желудокъ больные находятъ лучшимъ, нежели дѣйствіе водъ натуральныхъ, а многіе и послѣдующимъ ихъ дѣйствіемъ столько-же довольны, какъ и послѣдствіемъ натуральныхъ. Я видѣлъ

также и то, что послѣ употребленія искуственныхъ водъ оказывались такія-же болѣзненныя послѣдствія, какія примѣчаются и послѣ естественныхъ, когда воды, или безъ надлежащей осторожности употребляются, или натурѣ человѣка потребенъ еще сильнѣйшій критическій перелóмъ, послѣ лѣченія. Посему, подобно всѣмъ сильнымъ лекарствамъ, воды требуютъ осмотрительнаго испытанія всѣхъ обстоятельствъ больнаго, дабы, вмѣсто пользы, не нанесть вреда больному. Вообще искуственными водами излечены весьма многія важныя болѣзни, и я не знаю ни одного врача, ни здѣсь, ни въ Лейпцигѣ (гдѣ нынѣ находится подобное заведеніе), который-бы не отдавалъ имъ величайшей похвалы, какъ лекарству спасительному. Онѣ оказали весьма благодѣтельное дѣйствіе на меня самаго, и я обязанъ имъ столькоже, какъ и натуральнымъ водамъ Карлсбадскимъ; многіе изъ врачей здѣшнихъ и Лейпцигскихъ употребляли ихъ для собственнаго леченія съ величайшею пользою.

Относительно Г-на Доктора Струве, долженъ я сказать еще и то, что главнѣйшею побудительною причиною изслѣдованій его были любовь къ наукамъ и ученый энтузіазмъ, хотя впрочемъ не отвергалъ онъ и собственныхъ выгодъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что благородное рвеніе весьма много способствовало ему, какъ человѣку отличныхъ дарованій, съ обширными свѣдѣніями въ Физикѣ и Химіи, бросить новый и глубокій взглядъ на природу, и тѣмъ достигнуть составленія та-

кихъ-же точно минеральныхъ водъ, каковыя природа образуетъ въ нѣдрахъ земли.

Докт. Ф. Л. Крейсигъ.

Дрезденъ
27 Октября 1822.

II. *Предисловіе Доктора Крейсига, къ сочиненію* Г-на Струве: Ueber die Nachbildung der natürlichen Heilquellen, Дрезденъ, 1824 г.

Если-бы я хотѣлъ что нибудь сказать въ похвалу минеральныхъ водъ, составляемыхъ Г-мъ Докторомъ Струве, то довольно было-бъ начать и кончить сими словами: bonum vinum hedera non iget. Работа, говорятъ, сама хвалитъ мастера. Сіе можно сказать о водахъ, кои въ теченіе 4 лѣтъ, будучи употребляемы многими больными, осыпаны безчисленными благословеніями. Число больныхъ при сихъ водахъ бываетъ ежегодно весьма значительно. Равномѣрно счастливый успѣхъ искуственныхъ водъ подтвердился на другой-же годъ по учрежденіи ихъ въ Берлинѣ, а на третій въ Лейпцигѣ.

Успѣхъ въ леченіи есть самое лучшее свидѣтельство выгоднаго о водахъ сужденія практическихъ врачей, упомянутыхъ трехъ городовъ, въ коихъ, какъ извѣстно, науки находятся въ весьма цвѣтущемъ состояніи.

Выхваляя какія либо новыя лекарства, должно сообщить нѣсколько вѣрно написанныхъ исторій болѣзней для подтвержденія ихъ пользы, дабы врачи, желающіе познать дѣйствительность сихъ лекарствъ, имѣли случай, ближе испытать оныя. Согласно съ сею цѣлію изобрѣтатель искусственныхъ минеральныхъ водъ, равно дѣйствительныхъ

какъ и натуральныя, рѣшился напечатать собраніе таковыхъ случаевъ. Поелику здѣсь рѣчь идетъ объ искуственномъ химическомъ произведеніи такого рода, коего совершенное приготовленіе почиталось доселѣ почти невозможнымъ, то изобрѣтатель почелъ за необходимое упомянуть о причинахъ, побудившихъ его къ таковому предпріятію.

Чуждые всякаго предъубѣжденія изслѣдователи вскорѣ удостовѣрились, что съ одной стороны предразсудки и мистическія идеи (всегдашніе спутники невѣжества) о натурѣ и происхожденіи минеральныхъ источниковъ, съ другой робость постигнуть сіе дѣло, при столь трудныхъ обстоятельствахъ, и сдѣлать потомъ совершенное подражаніе натуральнымъ водамъ, были причиною того, что успѣхъ сихъ испытаній доселѣ оставался невозможнымъ. Но Г-ну Струве, при неутомимомъ его рвеніи, наконецъ удалось достигнуть желаемой цѣли. Искуственныя цѣлительныя его воды были благосклонно приняты, не по предубѣжденію или корыстнымъ какимъ либо причинамъ; но потому, что великое множество исторій болѣзней, написанныхъ врачами почтенными и опытными, убѣдили публику въ пользѣ оныхъ.

У меня есть множество наблюденій о дѣйствительности сихъ водъ, и я уже намѣренъ былъ сообщить оныя публикѣ, но приличнѣе считаю результаты многочисленныхъ моихъ наблюденій дополнить еще болѣе, ибо я изъ опыта знаю, сколько мы, врачи, должны быть осторожны въ своихъ сужденіяхъ о свойствѣ какого либо новаго лекарства, и какъ опредѣленно должны говорить о пользѣ его.

Изъ числа нѣсколькихъ сотъ лекарствъ, кои въ продолженіе долговременной практики моей выдавали за превосходныя, весьма не многія заслужили потомъ довѣренность. Я не охотно вѣрю лекарствамъ, вновь прославляемымъ, и не прежде начинаю употреблять оныя, какъ въ то время, когда дѣйствительность ихъ утвердится достовѣрнѣйшими наблюденіями свѣдущихъ и опытныхъ врачей. Не приступая однакожъ къ изданію моей книги, почитаю себя имѣющимъ полное право произнесть мое сужденіе о дѣйствительности водъ Г-на Струве. Ежегодно великое число больныхъ, отправлявшихся прежде и нынѣ отправляющихся къ водамъ Богемскимъ, Рейнскимъ и Вестфальскимъ, берутъ отъ меня совѣты; при семъ я имѣю случаи наблюдать ходъ многихъ хроническихъ болѣзней и дѣйствительность цѣлительныхъ Германскихъ источниковъ, на людей совершенно разныхъ климатовъ и тѣлосложеній. Посему, сравнивая неоднократно извѣстное мнѣ дѣйствіе натуральныхъ цѣлительныхъ ключей съ искуственными, могу сказать точно и вѣрно о дѣйствительности сихъ послѣднихъ.

Если каждому уже извѣстно, что существенныя видимыя свойства искуственныхъ водъ сходны съ натуральными, то изъ многочисленныхъ моихъ наблюденій смѣло увѣряю, что онѣ сами по себѣ составляютъ чрезвычайно дѣйствительныя и спасительныя лекарства, а врачебныя дѣйствія ихъ ни мало не уступаютъ натуральнымъ цѣлительнымъ источникамъ, и между тѣми и другими не найдено никакого существеннаго различія, ибо всѣмъ и каждому замѣтны непосредственно видимыя ихъ

дѣйствія на больныхъ, согласно съ законами природы производимыя во время курса, и наконецъ резульшаты леченія, то есть, тѣ перемѣны въ состояніи тѣла, какія онѣ по себѣ оставляютъ.

Это могу сказать о всѣхъ водахъ вообще, въ особенности-же о весьма важныхъ но неудобоперевозимыхъ теплыхъ Карлсбадскихъ водахъ и холодныхъ Маріенбадскихъ, кои отъ перемѣщенія много теряютъ своей дѣйствительности. Я видѣлъ, что оными излѣчены были самыя упорныя болѣзни, преимущественно застарѣлые завалы и затвердѣнія печени, селезёнки, воротной вены, брыжжечныхъ желѣзъ, почекъ, почечные камни, предрасположеніе къ каменной болѣзни, геморой, различныя степени упорныхъ запоровъ, и такъ далѣе. Не рѣдко изцѣляли онѣ даже такихъ больныхъ, кои оставляли уже натуральныя воды, ибо врачи полагали, что онѣ уже не принесутъ имъ никакой пользы. Равномѣрно, больные, которые для опыта начинали здѣсь леченіе подъ моимъ надзоромъ (что я нѣсколько разъ позволялъ только въ трудныхъ случаяхъ иностраннымъ больнымъ) для лучшаго изслѣдованія ихъ состоянія, уже въ половину излеченными отъѣзжали отсюда къ натуральнымъ ключамъ и находили столь малое различіе въ дѣйствіи, какъ и тѣ, кои, начавъ сперва употреблять натуральныя воды, возвращались потомъ сюда и пили искуственныя. Я видѣлъ достопримѣчательный случай водяной болѣзни живота, въ коемъ ключъ Шпруделя въ Карлсбадѣ, четыре года сряду оказывалъ благотворное дѣйствіе, и при семъ вода въ леченіе первыхъ трехъ лѣтъ не была

выпускаема искуственно, на четвертомъ-же году вышла сама собою, чрезъ сдѣлавшееся самопроизвольное отверстіе. Въ семъ послѣднемъ году посовѣтовалъ я моей больной пить Шпрудельскую воду въ теченіи двухъ недѣль; но она, по собственному стремленію, пила ее четыре недѣли, видя, что вода сія не только оказывала совершенно одинакія дѣйствія, но еще прибавляла аппетитъ и придавала новыя силы и бодрость.

(До слѣд. книжки).

ОТЕЛЛО ШЕКСПИРА И ОТЕЛЛО ДЮСИСА (*).

Еще недавно слышали мы, какъ одинъ изъ Членовъ Французской Академіи, надвинувъ на глаза Аристотелевскій колпакъ (безъ сомнѣнія, для того, что свѣтъ казался ему страшнымъ), провозгласилъ

(*) Въ Московскомъ Вѣстникѣ былъ помѣщенъ разборъ Отеллы Шекспирова и сравненіе его съ Отелломъ Дюсисовымъ. Признаемся: намъ показалось, что Критикъ наговорилъ много, но не отдалъ самъ себѣ отчета въ томъ, что говорилъ. Представляемъ примѣръ противоположный. Здѣсь читатели увидятъ зрѣлое сужденіе опытнаго Критика, глубоко постигнувшаго свой предметъ. Критикъ Московскаго Вѣстника конечно заслуживаетъ благодарность за то, что онъ дѣлалъ, какъ умѣлъ и могъ, имѣя хорошую цѣль; достиженіе цѣли часто зависитъ не отъ насъ самихъ. Любопытно, какъ въ литтературныхъ мнѣніяхъ сходны теперь направленія умовъ повсюду, въ Россіи и во Франціи. *Пер.*

Дюсиса *геніяльнымъ человѣкомъ* и *поэтомъ*, хотя *второстепеннымъ*, но умѣвшимъ однакожь украсить *дикаря* Шекспира и показать въ немъ писателя не совсѣмъ глупаго. Не скажете-ли, что съ вершины Парнасса спущенъ вѣнокъ изъ маковыхъ цвѣтовъ на главу Аристарха нашихъ временъ, и что, погруженный въ глубокое усыпленіе, нашъ Аристархъ случайно пробуждался произнесть литературное запрещеніе, вдохновенное геніемъ, одушевлявшимъ Дюсиса въ его подражаніяхъ Англійскому трагику?

Шекспиръ создалъ Отелло, будучи зрѣлыхъ лѣтъ. Англійскіе критики, наговорившіе столько вздоровъ о Шекспирѣ и не понимавшіе его, соглашаются однакожь въ томъ, что сія трагедія выше другихъ твореній Шекспира; но ихъ сужденіе ни изъ чего не выведено, и имъ трудно было-бы доказать свое мнѣніе. Великое отличіе Шекспира отъ другихъ поэтовъ — такъ, какъ и отличіе Данте, всѣхъ болѣе похожаго на Шекспира — состоитъ въ умѣ, всегда превосходномъ, въ пронзительномъ взглядѣ, коимъ проникаетъ онъ природу человѣка, въ силѣ, съ какою располагаетъ онъ своимъ предметомъ, повелѣвая неукротимостью своего воображенія и одерживая такимъ образомъ побѣду, славнѣйшую, какую только геній можетъ одержать надъ самимъ собою: вотъ то, чего Джонсоны, Стивены, Малоны и собратія ихъ никогда не могли открыть въ творцѣ Отеллы, потому, что они, какъ истинные академики, разсматривали въ поэтическихъ твореніяхъ только изящныя изрѣченія, или то, что зовутъ у насъ во Франціи *красотами* (beautés), вмѣсто чего имъ надобно было смотрѣть на ве-

личественное цѣлое твореній. Они не понимали столь тяжело изъясняемаго ими поэта, какъ чернь не понимаетъ изящности храма Древнихъ и величія Готическихъ зданій. Недостаточно вещественныхъ глазъ, дабы видѣть геній великаго творенія: надобно присоединить къ нимъ *глаза ума*, а сіи глаза Гг. Академики часто смѣшиваютъ съ своими очками.

Дикарь и варваръ Шекспиръ въ высочайшей степени обладалъ тѣмъ качествомъ, которое и близко и не подходило къ щеголеватымъ Аристархамъ, его цензурующимъ: это качество — умъ, естественно сильный, мужественный и испытанный въ сужденіи. *Ярмарочный палецъ* Шекспиръ зналъ, *что* онъ дѣлаетъ, зналъ лучше, нежели всѣ его подражатели, взятые вмѣстѣ, начиная съ завистливаго Сочинителя Семирамиды и Юлія Цезаря, до честнаго и *невиннаго* Дюсиса. Шекспиръ, не только *никогда* не писалъ на-удачу, напротивъ, *всегда* воображеніе его было покорно великой мысли. Если надобно упрекать за что нибудь Шекспира, то ужь конечно не за своеволіе и безпорядокъ его Музы, а развѣ за его умъ, столь возвышенный надъ всѣми людьми, что онъ почти не сообщается съ ними, держитъ ихъ отъ себя слишкомъ въ далекомъ разстояніи и — кажется, слишкомъ презираетъ лучшее Божіе твореніе на землѣ.

Добродушные простяки увѣрены, что человѣкъ Шекспировской природы творитъ также, какъ толпа кропателей мелодрамъ, для того, что называютъ у насъ *удовольствіе публики*. Но противъ публики именно, противъ этого тысящеглаваго чудови-

ща (какъ называлъ ее Шекспиръ, по примѣру Древнихъ) онъ является самымъ безжалостнымъ: онъ гонитъ ее передъ собою бичемъ, какъ Аристофанъ, и прямо показывая ей свое презрѣніе, пренебрегаетъ ея рукоплесканіями. Правда, Шекспиръ понялъ трагедію, какъ всякій великій поэтъ долженъ понять ее для своей земли, т. е. совершенно національнымъ образомъ. Мѣстныя формы трагедіи, одинъ только онъ изъ всѣхъ его соотечественниковъ, умѣлъ сочувствовать и употреблять съ твердымъ сознаніемъ и съ намѣреніемъ, ибо Флетчеръ, Отвай и множество другихъ, одаренныхъ не меньшимъ умомъ, воспользовались свободою только для употребленія оной во зло, съ безразсудною необузданностію, вмѣсто того, что Шекспиръ преобратилъ ее въ законы для своего генія.

Глубокое, сильное и истинное чувство Шекспира ознаменовано изящною чувствительностію, нѣжностью мыслей, платонизмомъ воображенія и любви, придающими ему великое сходство съ божественнымъ пѣвцомъ *Беатрисы*. Если хотите въ этомъ убѣдиться, читайте его сонеты и лирическія творенія; изучите особенно его несравненную трагедію: *Ромео и Юлія;* наблюдайте сего поэта тамъ, гдѣ онъ можетъ проявить самаго себя (manifester son individualité), на примѣръ, когда онъ разкрываетъ невыразимую прелесть своихъ ощущеній въ образѣ милой Имогены, или кроткой Дездемоны.

Отелло есть одно изъ тѣхъ твореній, гдѣ умъ господствуетъ почти съ излишествомъ. Въ немъ нѣтъ вдохновеній прелестныхъ и цвѣтущихъ, какія

видны въ твореніяхъ юности Шекспировой: все велико, глубоко, почти возмутительно для сердца. Характеръ Яго удивительный образецъ совершенства хитрости и обманчивости. Человѣкъ, выдумавшій бездѣльника Пезаро, полагалъ, что роль Яго слишкомъ сильна, слишкомъ глубока для *деликатныхъ* нервъ Французскаго партера, благосклонно принимающаго однакожь *злодѣевъ* нашихъ мелодрамъ и не презирающаго надутости въ слогѣ и въ разговорѣ. Дездемона, столь нѣжно созданная Англійскимъ поэтомъ, простая, крошкая, трогательная, простая до того, что въ ней нѣтъ почти ума и характера, у Дюсиса является дѣвочкою разсуждающею, и стольже разточительною на многословіе, какъ мало говоритъ она въ подлинникѣ. Никогда Шекспиръ не утомляетъ вниманія преувеличеніемъ *данной* (donnée) характера: онъ очерчиваетъ просто, и въ тоже время твердою рукою, оставляя школьникамъ, думающимъ, что они ученѣе своего учителя, обременять очеркъ излишними украшеніями.

Отелло, истинный Африканецъ, одаренъ превосходными свойствами сердца, но у него вовсе нѣтъ размышленія и бѣшеныя страсти имъ обладаютъ. Отелло Дюсисовъ дѣйствуетъ, не какъ слабый человѣкъ, но рѣшительно — какъ полоумный, потому, что Дюсису вздумалось прыгать съ связанными ногами, черезъ всѣ постепенности, которыя у Шекспира совершенно объясняютъ поведеніе Мавра, и жестокость его послѣдняго поступка.

Отъ этого въ пьесѣ Французскаго трагика вышло что-то неровное, сбитое. Что̀ сказать о по-

этѣ, который повергаетъ образецъ свой на ложе Прокруста, обрубаетъ его, какъ вздумалось, и потомъ дополняетъ его похожими частичками! Шекспиръ и Дюсисъ, противо-естественнымъ и несвойственнымъ союзомъ составленные въ нѣчто-единое, не могли образовать ничего, кромѣ чудовища драматическаго.

Но всего непонятнѣе средства, придуманныя Дюсисомъ для образованія дѣйствія трагедіи. У Шекспира интересъ въ характерахъ; пьеса утверждена на дѣйствующихъ лицахъ и на страстяхъ оныхъ: нѣтъ *интриги*, въ простонародномъ смыслѣ сего слова; событія развиваются сами собою во всей ихъ простотѣ. Дюсисъ выдумалъ басню, которую не знаемъ какъ и назвать: такъ лишена нелѣпая эта басня всѣхъ пособій воображенія и ума. Видимъ, что Дюсису хотѣлось возвысить подлинникъ и одѣть его сообразно испорченному вкусу вѣка. Платокъ Дездемоны въ Англійской пьесѣ не составляетъ завязки пьесы, и играетъ только частную, но естественную роль. Согласны, что у насъ постарались-бы изыскать средства болѣе сообразныя обычаямъ и предразсудкамъ партера, которому древняя простота драматическихъ средствъ кажется холодною или возмутительною; но не уже-ли ничего не льзя было найдти лучше письма и повязки, которыя, въ сущности, ни мало не поэтичнѣе платка? Вовсе не понимаемъ: что̀ преимущественнаго въ клочкѣ бумаги, противъ полу-аршина батиста или кисеи? Но оставимъ сіи мѣлочи пустыхъ приличій, чрезвычайно смѣшныя сами по себѣ. Скажите: не глупое-ли твореніе Одаль-

бертъ (Барбариго Шекспировъ)? Слабоумный старикъ этотъ только что размахиваетъ руками по сценѣ, какъ отцы въ мелодрамахъ. Англійскій поэтъ едва очертилъ роль Барбариго; но вы видите очеркъ мастера, и широкая кисть его ярко выразила горделивую душу Венеціянскаго патриція. У Дюсиса, отецъ также болтливъ, какъ дочь пошлонадута въ разговорахъ: подумаете, что она не смѣетъ измѣнить семейному свойству своего рода.

Послѣ роли отца, ничего нѣтъ нелѣпѣе во Французскомъ переводѣ роли любовника, Лоредана (Кассіо Шекспирова). Здѣсь Дюсисъ совершенно удалился отъ своего образца и хотѣлъ летать самъ: онъ и летитъ, но тяжело падаетъ, или лучше сказать, онъ не могъ и возвыситься, хотя-бы подобно Икару долетѣть до облаковъ. Очень понимаемъ, что̀ зашѣвалъ Дюсисъ: ему хотѣлось возвысить свой сюжетъ по своему и придать дѣйствію лучшую завязку. Кассіо, въ Англійской трагедіи, никогда не любилъ Дездемоны: это честный человѣкъ, хотя вѣтреный и слабый, но никогда не желавшій зла ближнему своему. Юной Дездемонѣ внушаетъ онъ участіе нѣжное и весьма легкое; но *Seigneur* Лоредань Дюсисовъ настоящій забіяка, дуракъ, который влюбленъ въ любовницу Отеллы и прячется за стѣнку, желая узнать, что̀ скажетъ ему батюшка ея.

Чтожь, спросятъ насъ, развѣ не признаете вы уже никакого достоинства въ Дюсисѣ? Почему не признать. Хотя онъ видимо принадлежитъ къ декламаторской школѣ Вольтера, и притомъ далеко отсталъ отъ творца Заиры, Танкреда и Альзиры,

но онъ выше его по искренности и честности своихъ чувствованій. Въ Дюсисѣ есть что-то чистое, доброе, и даже благочестивое, въ разительной противоположности съ испорченностью его вѣка, и все это отзывается въ его твореніяхъ. Симъ-то расположеніямъ души одолженъ онъ лучшими вдохновеніями своими, и даже въ плохомъ его Отеллѣ, вліяніе прекрасныхъ природныхъ свойствъ его замѣчаете въ ролѣ Эдельмоны, смотря на нее такъ, какъ Дюсисъ понималъ сію роль. Стихосложеніе у него слабо, но нигдѣ не изыскано и не натянуто. Признаемся, что небрежность Дюсиса, не всегда лишенная пріятности, кажется намъ предпочтительнѣе разтянутаго и требовательнаго слога, какимъ отличаются новыя Французскія трагедіи.

Прежде нежели кончимъ нашу статью, почитаемъ за нужное прибавить здѣсь нѣсколько словъ о прозаической пародіи, извѣстной у насъ подъ именемъ перевода Шекспировыхъ трагедій и ознаменованной именемъ почтеннаго литтератора (Гизо). Онъ, или совсѣмъ не участвовалъ въ этомъ предпріятіи, или весьма мало, или вовсе лишенъ поэтическаго чувства, чего сказать объ немъ, кажется, не льзя, безъ величайшей несправедливости. И такъ, не должно-ли прежде рѣшить вопросъ: можетъ-ли быть Шекспиръ переведенъ на Французскій языкъ, и какъ можетъ онъ быть переведенъ? Рѣшительно скажемъ здѣсь, что переводъ просто, даже буквальный, но не раздѣляющій живительнаго вдохновенія подлинника, ознаменованнаго столь величественными движеніями геніяльнаго творчества, будетъ самая нелѣпая изъ всѣхъ пародій, и

въ такомъ случаѣ, мы не скоро рѣшимъ, что̀ лучше: Шекспиръ Дюсисовскій, или Шекспиръ, переданный слово въ слово, но лишенный поэтической души его и гармоніи заключенной въ шворческомъ слогѣ его?

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Нѣмецкая литтература.

— Römische Geschichte von B. G. Niebuhr (*Римская Исторія*. Соч. Б. Г. Нибура). *Новое изданіе*. Т. I. Берлинъ, 1827 г. in 8, XVI и 657 стр.

Первое изданіе сего великаго творенія явилось въ 1811 году, и единогласно причислено къ шѣмъ сочиненіямъ, которыя дѣлаютъ эпоху въ наукахъ и знаніяхъ: Исторія Римская озарена была новымъ свѣтомъ; Нибуръ измѣнилъ прежній образъ воззрѣнія на Римскую Исторію и увлекъ за собою всѣхъ явившихся послѣ него писателей о семъ предметѣ. Шестнадцать лѣтъ изысканій и размышленій придали еще большую силу и объемлемость творенію Нибура: оно является теперь совершенно переработанное; въ I-мъ томѣ Авторъ прибавилъ болѣе 200 страницъ, противъ 1-го изданія.

— Die Geschichte Baierns', etc. (*Исторія Баваріи*, по достовѣрнымъ источникамъ составленная). Соч.

К. Маннерта. 2 т. Лейпцигъ, in 8, XII, 556, VI и 522 стр. (цѣна 5 талер.).

Это *ручная книга*, составленная знаменитымъ Маннертомъ, для преподаванія Исторіи Баварской въ Ландгутскомъ (нынѣ Минхенскомъ) Университетѣ. Авторъ доводитъ Исторію Баваріи до нынѣ царствующаго Короля Людовика. Изысканія его о началѣ Баварскаго государства и первобытныхъ обитателяхъ Баваріи, всего важнѣе, ибо преимущественное занятіе Автора составляетъ Древняя Географія.

— Geschichte der Kreuzzüge, etc. (*Исторія Крестовыхъ походовъ*, изъ Восточныхъ и Западныхъ источниковъ составленная). Соч. Фр. Вилькена (Wilken), Королевско-Прусскаго суббиліотек. и проф. Берл. Унив. т. IV. Лейпцигъ, 1826 г. in 8, 620 и 109 стр.

Авторъ, извѣстный оріенталистъ, посвятилъ много лѣтъ на собраніе матеріяловъ, и пока Французъ Мишо успѣлъ уже раза три напечатать свою Исторію Крестовыхъ походовъ, Вилькенъ все еще не кончилъ *перваго изданія*. Семь лѣтъ издавалъ онъ 4-й томъ, гдѣ описаны походы Императора Фридриха I и Королей Филиппа Августа и Ричарда Львинаго Сердца. Здѣсь является множество донынѣ бывшихъ неизвѣстными матеріяловъ, извлеченныхъ Авторомъ изъ архивовъ Европейскихъ и рукописей Восточныхъ. При каждомъ томѣ множество примѣчаній и приложеній.

— Geschichte Preussens, etc. (*Исторія Пруссіи*, отъ древнѣйшихъ временъ до паденія владычества рыцарей Нѣмецкаго ордена). Соч. Іос. Фойгта (Voigt).

т. I. Кенигсбергъ, 1827 г. in 8, XLVIII и 723 стр.

Авторъ, Библіотекарь Кенигсбергскаго Архива, при обширной учености, имѣлъ еще случай воспользоваться всѣми драгоцѣнными матеріялами упомянутаго Архива, и кромѣ того посвятилъ много лѣтъ на изысканія. Въ 1-й части онъ описываетъ Исторію Пруссіи до введенія христіянской вѣры (Die Zeit des Heidenthums). Г-нъ Фойгтъ давно хотѣлъ издать свое сочиненіе, но Коцебу предупредилъ его, употребивъ свѣдѣнія, собранныя Г-мъ Фойгтомъ и случайно попавшіяся въ руки Коцебу. Исторія Пруссіи, сочиненная Коцебу, была весьма неудовлетворительна, ибо онъ не умѣлъ даже и чужою приготовительною работою воспользоваться порядочно.

— Geschichte des Tempelherrenordens, etc. (*Исторія ордена Храмовыхъ Рыцарей*). Соч. Вил. Ферд. Вильке (Wilcke). т. I. Лейпцигъ, 1826 г. in 8, XII и 373 стр. (цѣна 3 тал. 16 грош.).

Вотъ еще замѣчательное Историческое сочиненіе, о такомъ предметѣ, который донынѣ былъ не совершенно объясненъ критикою и, по недостатку матеріяловъ, являлся весьма неполнымъ. Книгу Г-на Вильке хвалятъ; онъ также пользовался многими матеріялами, кои донынѣ были неизвѣстны.

— Geschichte des Osmanischen Reichs, etc. (*Исторія Оттоманскаго государства*, большею частію изъ неизвѣстныхъ донынѣ рукописей и архивовъ составленная). Соч. Іосифа Гаммера. т. I. Пештъ, 1827 г. in 8, XLII и 688 стр.

По славѣ Гаммера, по шѣмъ похваламъ, какія донынѣ воздавали ему оріенталисты вообще, надобно-бы многаго ожидать отъ сей книги. Говорятъ, что Авторъ тридцать лѣтъ употребилъ на составленіе оной, а появленіе подобнаго творенія въ нынѣшнее время еще болѣе усиливаетъ любопытство читателей; но—признаемся—зная труды Г-на Гаммера, касательно Русской Исторіи, труды, заслужившіе справедливыя насмѣшки нашего знаменитаго оріенталиста Г-на Сенковскаго, мы не смѣемъ повторить похвалъ, какія находимъ въ Нѣмецкихъ журналахъ и подождемъ суда болѣе безпристрастныхъ знатоковъ.

— Geschichte der Pythagorischen Philosophie (*Исторія Пиѳагоровой Философіи*). Соч. Гейнриха Риттера, Професс. Берлинскаго Университета. Гамбургъ, 1826 г. in 8, VIII и 233 стр. (цѣна 1 тал. 10 грош.).

— Beitrag zur Erläuterung der Pythagorischen Metaphysik, etc. (*Опытъ изъясненія Пиѳагоровой Метафизики*, съ присовокупленіемъ разбора главнаго пункта въ Исторіи Пиѳагоровой Философіи, изданной Профессоромъ Гейнрихомъ Риттеромъ). Соч. Эрн. Рейнгольда (Rheinhold), Іенскаго Профессора. Іена, 1827 г. in 8, IV и 108 стр. (цѣна 12 грош.).

Риттеръ издалъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Исторію Іонійской Философіи, и новое сочиненіе его можно почесть продолженіемъ сего любопытнаго творенія. Рейнгольдъ, занимающійся уже много лѣтъ изысканіями, касательно Пиѳагора и его философской школы, доказываетъ несовершенство матеріяловъ Риттера и собственныя ошибки

его, касательно главнѣйшаго пункта, т. е. что Риттеръ видѣлъ тамъ геометрическія числа, гдѣ Пиѳагоръ изъясняетъ духовную сторону міра. Рейнгольдъ обѣщаетъ вскорѣ издать Исторію Пиѳагоровой Философіи, своего сочиненія.

— Allgemeine Naturgeschichte oder Andeutungen zur Geschichte und Physiognomik der Natur (*Всеобщая Естественная Исторія* или черты Исторіи и Физіогномики Природы). Соч. Шуберта (G. H. Schubert), Эрлангенскаго Профессора. Эрлангенъ, 1826 г. in 8, XVI и 1296 стр. (цѣна 5 талер. 20 гр.).

Шубертъ, другъ и соученикъ Шеллинга, извѣстенъ особенно своею *Морфологіею*, которую называютъ въ Германіи belebte Anatomie; новое сочиненіе Шуберта, служащее продолженіемъ вышеупомянутаго, названо begeistete Naturgeschichte. Оно раздѣляется на семь отдѣловъ: 1, общій взглядъ; 2, неподвижныя звѣзды; 3, наше солнце и планеты; 4, земля; 5, царство ископаемыхъ; 6, царство растеній; 7, царство животныхъ.

— Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechsel (*Оставшіяся сочиненія Сольгера* и переписка его). Изданы Людовикомъ Тикомъ и Фридрихомъ Раумеромъ. 2 т. Лейпцигъ, 1826—1827 г. in 8 (цѣна 6 талеровъ).

Ранняя смерть Сольгера (*) лишила Германію писателя—философа, много обѣщавшаго. Его сочиненіе объ Эстетикѣ, изд. подъ названіемъ: Erwin. Vier Gespräche über das Schöne und Kunst (Берлинъ, 1815 г.), почитается классическою книгою и дока-

(*) Онъ родился въ 1780 г. и умеръ въ 1819 г.

зываетъ умъ, познанія и силу мысленія Автора. Изданныя нынѣ Тикомъ сочиненія Сольгера раздѣлены на 14 отдѣловъ, и содержатъ небольшія сочиненія Сольгеровы (иныя не совсѣмъ кончены, иныя только начаты) о философіи, религіи, Эстетикѣ, Греческой Литтературѣ (особенно о Драмѣ и о Софоклѣ, котораго Сольгеръ переводилъ по просьбѣ Фосса), Греческой Миѳологіи, и проч.

— Encyclopädisch-philosophisches Lexicon oder allgemeines Handwörterbuch der philosophischen Wissenschaften, nebst ihrer Litteratur und Geschichte (*Энциклопедическо-философическій лексиконъ* или всеобщій Ручной Словарь философическихъ знаній, съ прибавленіемъ извѣстій о литтературѣ и исторіи оныхъ). Соч. В. Т. Круга, Профессора Философіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Лейпцигъ, у Брокгауза, 4 ш., каждый отъ 45 до 50 листовъ (цѣна по 2 талера за томъ).

Первая часть сего огромнаго и, судя по извѣстности Автора, важнаго сочиненія, выдана была въ Октябрѣ прошедшаго 1827 года.

— Werke des tschinesischen Weisen, Kung-Fu-Dzü und seiner Schulern (*Творенія Китайскаго мудреца Кунг-фу-дзи* (Конфуція) и учениковъ его). Переводъ Вильг. Шота (Schott). Т. I, Галле, 1826 г. in 8, XII и 214 стр. (цѣна 1 талеръ).

Сочиненія Конфуція въ первый еще разъ переводятся на Нѣмецкій языкъ съ подлинника. Г-нъ Шотъ извѣстенъ въ Германіи знаніемъ Китайскаго языка; особенно-же въ переводѣ Конфуція помогали ему два природные Китайца, учившіеся въ Галле. Текстъ Китайскій читалъ онъ по изданію

Маршмана (The Works of Confucius; the original text with a translation, by J. Marshman, изд. въ Серампорѣ 1809 г.). Въ вышедшей 1 части содержится сочиненіе Конфуція: *Линь-ю* (Lün-yü). Въ началѣ приложено жизнеописаніе Китайскаго мудреца, а потомъ напечатана половина вышеименованнаго сочиненія, съ замѣчаніями Переводчика.

— Die göttliche Komödie des Dante Alighieri, etc. (*Божественная Комедія* Данте Алигіери). Переводъ Карла Штрекфусса (Streckfuss). 3 тома. Галле, 1826–1827 г. in 8 (цѣна 2 талера).

Одинъ изъ тѣхъ переводовъ, которые видимъ только на Нѣмецкомъ языкѣ, ибо только Нѣмецкій языкъ и Нѣмцы способны къ подобнымъ предпріятіямъ. Штрекфуссъ сначала перевелъ Освобожденный Іерусалимъ (изданъ въ Лейпцигѣ, 1822 г. подъ титуломъ: Torquato Tasso's befreites Jerusalem). Теперь кончилъ онъ переводъ великаго творенія Данте. Оба перевода напечатаны вмѣстѣ съ Итальянскими подлинниками. Необыкновенныя дарованія Переводчика встрѣтили у Данте гораздо болѣе затрудненія, нежели у Тасса, но тѣмъ блистательнѣе была побѣда. Г-нъ Штрекфуссъ приложилъ множество примѣчаній, для объясненія темноты подлинника, съ трудомъ читаемаго въ самой Италіи.

— Lehrbuch der Chemie, von J. Jacob Berzelius (*Учебная книга Химіи*, сочиненія І. Я. Берцелія). Перевелъ съ Шведскаго новѣйшаго изданія Ф. Велеръ (Wöhler). Томъ 2-й, въ двухъ отдѣленіяхъ. Дрезденъ, 1826 г. in 8, VI, XIII и 995 стр. (цѣна 4 тал. 12 грош.).

Вотъ книга, которая въ Европѣ принята, какъ одна изъ первыхъ, въ числѣ руководствъ для по-

знанія Химіи. Имя Автора, знаменитаго Шведскаго химика, всѣмъ извѣстно; остается прибавить, что Берцелій столь-же отличный писатель, какъ и химикъ. Переводъ Нѣмецкій заслужилъ похвалу знатоковъ и—что рѣдкость въ Германіи—изданъ весьма красиво. Во 2-й части заключается описаніе металловъ и солей.

— Grundzüge zu einer Provenzalischen Grammatik, nebst Chrestomathie (*Основаніе грамматики Провансальскаго языка*, съ присовокупленіемъ Хрестоматіи). Соч. Адріана, Професс. Геттингенск. Универ. Франкф. на Майнѣ, 1826 г. in 8, 110 стр.

Здѣсь собраны Авторомъ всѣ важнѣйшія изслѣдованія Рейнуара, Шлегеля, Діеца и другихъ, касательно древняго языка Трубадуровъ, коего познаніе необходимо для исторіи Романтической Поэзіи въ Европѣ.

— W. Hershels sämmtliche Schriften (*Полное собраніе сочиненій Гершеля*). Т. I. Дрезденъ и Лейпцигъ, 1827 г, in 8, XX и 502 стр. (цѣна 4 талера, 12 грош.).

Имя знаменитаго Гершеля, род. въ Германіи (15 Ноября, 1738 г.), потомъ, изъ органиста Галифакской церкви (въ 1766 г.), сдѣлавшагося величайшимъ астрономомъ своего времени (умеръ въ Англіи 1822 г. Августа 26 д.), столь извѣстно, и труды его столь важны, что издавая полное собраніе его твореній, соотечественники Гершеля исполняютъ общее желаніе Европейскихъ ученыхъ. Въ 1 части собрано 9 сочиненій Гершеля, касательно *Небесной Механики* (Bau des Himmels), и три

каталога звѣздъ. Къ ней приложено 10 рисунковъ.

— Scriptores historiae Bizantinae. Новое изданіе Эдуарда Вебера, въ Боннѣ.

Русскимъ Литтераторамъ извѣстно это драгоцѣнное собраніе Византійскихъ Историковъ. Оба изданія его, Венеціянское и Парижское (въ 1648 и слѣд. гг. in folio, около 50 томовъ), нынѣ сдѣлались тамъ рѣдки, что и за большую цѣну едва можно достать полный экземпляръ. Новое изданіе сего важнаго собранія печатается въ большую 8. Цѣна его будетъ положена по числу листовъ: за каждый алфавитъ счета листовъ по 1 талеру 14 гр.—Греческій текстъ будетъ печатаемъ по изданію Парижскому; Латинскій переводъ тщательно пересмотрѣнъ и исправленъ. Первые писатели изданы будутъ Прокопій, Агафіа, Ѳеофилактъ Симокатта и Анна Комнена. При книгахъ приложатся карты. Нибуръ отдалъ Издателю свои замѣчанія; Раске обѣщалъ также замѣчанія на Константина Порфирогенета.

— Deutsche Bücherkunde, etc. (*Нѣмецкое книгознаніе* или, по азбучному порядку расположенный, Указатель книгъ, изданныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Германіи и другихъ земляхъ, съ 1750 до окончанія 1823 года, съ показаніемъ мѣста изданія, имени издателя и цѣны каждой книги). Составлено Хр. Готл. Кайзеромъ (Kayser). 2 тома, Лейпцигъ, 1825 и 1827 г. in 8, XVIII, 691 и 296 стр. (цѣна 5 тал. 12 грош.).

Это простой каталогъ книгъ, но для библіографа весьма важный. Эбертъ, извѣстный библіографъ Нѣмецкій, пересмотрѣлъ его, и прибавилъ

любопытное вступленіе о книжной торговлѣ (Vorrede über die Geschichte der literar. Waarenkunde).

— Handbuch der deutschen Litteratur, etc. *(Ручная книга Нѣмецкой Литтературы,* съ половины XVIII столѣтія до новѣйшихъ временъ). Систематически переработанная и реэстрами дополненная I. C. Эршемъ (Ersch). Новое изданіе, 4 тома. Лейпцигъ, 1822-1827 г. (цѣна 12 талеровъ).

Эршъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и точныхъ компиляторовъ Нѣмецкихъ, всю жизнь посвятилъ на составленіе энциклопедій, словарей, таблицъ—работу скучную, но—безспорно, необходимую. Книга, о которой извѣщаемъ, необходима для библіографа, желающаго систематически знать новѣйшую Нѣмецкую Литтературу, которая ежегодно умножается тысячами новыхъ книгъ и новыхъ изданій. Эршъ прибралъ всѣ названія книгъ по азбучному порядку и раздѣлилъ по знаніямъ. Донынѣ выдано было имъ три части; теперь вся книга кончена. Вотъ система Эрша: ч. 1, Филологія, Философія, Педагогика, Богословіе; ч. 2, Юриспруденція, Политика, Камералистика, Изящныя Искуства, Смѣсь; ч. 3, Медицина, Естествознаніе, Промышленность (Gewerbskunde), Математика, Военныя знанія; ч. 4, Исторія; вспомогательныя знанія.

— Der Koran und die Osmanen im Jahre 1826 *(Алкоранъ и Османы* 1826 *г.).* Соч. А. Миллера (Müller). Лейпцигъ, 1827 г. in 8, VIII и 245 стр.

Современная брошюра, составленная безъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, на манеръ компиляцій, какихъ вездѣ много.

Къ числу достопримѣчательностей Нѣмецкой книжной торговли принадлежатъ изданія книгъ на иностранныхъ языкахъ. Дороговизна книгъ Испанскихъ, Итальянскихъ, Англійскихъ производитъ большой расходъ Нѣмецкихъ изданій. Надобно прибавить, что Нѣмцы, въ послѣднее время, съ удивительною точностію начали подражать Англійскимъ изданіямъ, печатая буквами, выписанными изъ Англіи, на бумагѣ, сдѣланной на манеръ Англійской, и соображаясь со вкусомъ Англичанъ въ расположеніи титуловъ и текстовъ книгъ. Кромѣ охотника до *настоящихъ Англійскихъ изданій*, вѣроятно, всякій съ удовольствіемъ купитъ Нѣмецкое изданіе Шекспира, В. Скотта, Байрона, напечатанное въ Германіи и продаваемое *втрое дешевле* Англійскаго. Впрочемъ, нынѣ и во Франціи печатается множество Англійскихъ книгъ и продается весьма дешево; прибавимъ также, что Французскія изданія красивѣе Нѣмецкихъ. Но Нѣмцы берутъ однакожъ преимущество дешевизною, и тѣмъ, что издаютъ не однихъ Англійскихъ Авторовъ, но Итальянскихъ, Испанскихъ, Греческихъ и Латинскихъ. Обширная книжная торговля позволяетъ имъ приступать къ изданію такихъ книгъ, которыя раззорили-бы издателя во всякой другой странѣ. Мы хотимъ упомянуть теперь объ особенныхъ изданіяхъ Нѣмецкихъ, чрезвычайно удобныхъ для людей, желающихъ имѣть важнѣйшія творенія въ своихъ библіотекахъ, но не имѣющихъ на это достаточныхъ средствъ. Мы разумѣемъ здѣсь изданія, въ большую 8, или въ малую 4, въ двѣ колонны, сильно сбитыми но четкими буквами, такъ, что читать ихъ ни мало не труд-

но, и самая книга выходитъ красива, хотя и продается удивительно дешевою цѣною. Вотъ названія нѣкоторыхъ, такимъ образомъ изданныхъ книгъ:

— The dramatic works of Shakespeare (*Драматическія творенія Шекспира*). Лейпцигское изданіе Эриста Флейшера (Fleisher), въ одномъ томѣ, in 8. Лейпцигъ, 1827 г. (цѣна 2 тал. 16 грош.).

Тутъ помѣщены всѣ драматическія произведенія Шекспира, числомъ 37, считая и тѣ пьесы, въ подлинности которыхъ сомнѣваются.

— An Appendix to Shakespear's dramatic Works. (*Дополненіе къ драматическимъ твореніямъ Шекспира*). Лейпцигское изданіе Э. Флейшера, въ одномъ томѣ, in 8. Лейпцигъ, 1827 г. (цѣна 1 тал. 8 грош.).

Въ этой книгѣ всѣ другія сочиненія Шекспира, какъ-то: поэма *Венера и Адонисъ;* поэма *Тарквиній и Лукреція; Сонеты; Влюбленный странникъ; Сѣтованія любовника.* Сверхъ того находится жизнеописаніе Шекспира, сочиненное Скоттоуемъ и Словарь всѣхъ старинныхъ и малоизвѣстныхъ словъ въ твореніяхъ Шекспира.

— The Tragical History of Hamlet Prince of Dannemark. Лейпцигъ, у Флейшера, 1827 г. in 8. (Цѣна 12 грош.).

Это Трагедія Гамлетъ по изданію 1603 г., экземпляръ котораго въ 1825 г. былъ отысканъ въ Лондонѣ и произвелъ много шуму, ибо противъ всѣхъ извѣстныхъ изданій въ немъ оказались измѣненія.

— Illustrations of Shakespeare, comprised in 230 vignette-engravings, by Thompson, from designs by Thurston. Лейпцигъ, у Флейшера, 1827 г. (цѣна 2 тал.).

Собраніе 230 политипажныхъ виньэтокъ, для всѣхъ драматическихъ пьесъ Шекспира и для всякаго акта каждой пьесы, остроумно изобрѣтенныхъ и прекрасно сдѣланныхъ. Тутъ-же портретъ Шекспира и прелестная общая виньэтка.

Энгельманъ, Гейдельбергскій книгопродавецъ, началъ изданіе классическихъ Англійскихъ Историковъ (Collection of the classic English historians). Робертсонъ, Гиббонъ, Юмъ, Роское, Лингардъ, Милль будутъ изданы въ одинаковомъ формашѣ, на хорошей бумагѣ и чешкими буквами. Онъ выдалъ уже 5 томовъ, въ коихъ находятся:

— The life of Lorenzo de' Medicis, called the Magnificent (*Жизнь Лаврентія Медициса*). Соч. Вилліама Роское. 3 тома, in 8 (цѣна 4 тал. 16 грош.).

— Illustrations, historical and critical, of the life of Lorenzo de Medici, called the Magnificent, etc. (*Историческія и критическія примѣчанія къ жизнеописанію Лаврентія Медициса*). Соч. В. Роское, in 8. (цѣна 1 тал. 18 грош.).

Теперь издаетъ Г-нъ Энгельманъ Лингардову *Исторію Англіи* (A History of England, from the first invasion by the Romans to the accession of Mary, by Dr. Lingard). Англійское изданіе стоитъ въ Лондонѣ 86 талеровъ, 16 грошей, а Нѣмецкое будетъ продаваться на подписку по 1 грошу за листъ (послѣ подписки $1\frac{1}{2}$ гроша), слѣдовательно — *не болѣе пятой доли* противъ Лондонской цѣны.

Вотъ еще два важныя изданія Флейшера, Лейпцигскаго книгопродавца:

— *Il Parnasso Italiano* ovvero i quatro poeti celeberrimi Italiani, въ одномъ томѣ, in 8, съ портретомъ Аріоста, Данте, Тасса и Петрарка, по Моргеновымъ эстампамъ (цѣна 2 тал. 20 грош.).

— *Las Comedias de D. Pedro Calderon de la Barca*, cotejadas con las mejores ediciones hasta ahora publicadas, corregidas y dadas à luz por J. J. Keil. Въ 4-хъ томахъ, in 8, съ портретомъ Кальдерона (цѣна 16 талеровъ на подписку).

Въ *первой* изъ сихъ книгъ помѣщены будутъ четыре важнѣйшія творенія Италіянской Словесности: *Неистовый Роландъ*, Аріоста; *Божественная Комедія*, Данте; *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса и *Сонеты*, Петрарка.

Во *второй* будутъ помѣщены всѣ извѣстныя *сто восемь* драматическихъ пьесъ Кальдерона. Такого полнаго собранія никогда еще не бывало, не говоря уже о томъ, что вообще Испанскія изданія рѣдки и дурны. *Первый* томъ вышелъ: въ немъ находится 30 пьесъ; каждый томъ состоитъ изъ 700 — 800 стр.

Русская литература.

Книги 1827 года.

— *Нѣкоторыя сочиненія Г. Академика Ѳ. И. Шуберта*, послѣ его кончины изданныя и дополненныя, съ присовокупленіемъ извѣстія о его жизни. Другой титулъ, литографированный: *О геометрическомъ строеніи уравненій высшихъ степеней, посредствомъ кривой линіи, называемой Конхоидою, и Замѣчаніи на предложеніе, рѣшенное Греческимъ Геометромъ Паппомъ.* Соч. Акад. Шуберта, оставшіяся послѣ его кончины, перевед. дополн. и изданныя Н. Навроцкимъ, Гвард. Штаба Штабсъ-Капитаномъ и Кавалеромъ, etc. СПб. 1827 г. in 8, 59, XXX, 63 и VI стр., съ литогр. портретомъ Шуберта, снимкомъ съ письма его къ Переводчику и двумя рисунками.

Появленіе сей книги должно радовать всякаго просвѣщеннаго человѣка, въ особенности Рускаго: это сочиненія соотечественнаго Академика и изданы ученымъ Русскимъ офицеромъ, ученикомъ Шуберта. Творенія великихъ умовъ, служащія иногда имъ самимъ забавою, драгоцѣнны для наукъ: они всегда носятъ печать генія и, если не распространяютъ науки, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно важны для образованія и возвышенія мыслящей способности. Іріятнѣйшею обязанностью почитаемъ обратить вниманіе любителей просвѣщенія на упомяну-

тыя сочиненія знаменитаго Академика, также и на самое изданіе оныхъ.

Первое употребленіе кривой линіи *Конхоиды* было назначено для нахожденія двухъ среднихъ пропорціональныхъ линій. Потомъ помощію Конхоиды рѣшали извѣстный въ древности вопросъ о раздѣленіи прямолинейнаго угла на три равныя части, хотя вообще для дѣленія угла на данное число частей придумана была Гиппіасомъ другая кривая линія, именно *Квадратрикса*. Рѣшеніе сихъ двухъ вопросовъ и, со времени Ньютона, строеніе всѣхъ уравненій 3-й степени приведены къ строенію одного изъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Въ данномъ углѣ, и точкѣ внѣ онаго, помѣстить линію извѣстной величины и такого свойства, чтобы продолженіе ея проходило чрезъ означенную данную точку. 2) Между окружностью круга и прямою линіею, которой положеніе извѣстно, помѣстить линію данной величины, и такимъ образомъ, чтобъ продолженіе ея проходило чрезъ точку, данную на окружности. Оба сіи вопроса рѣшаются очень легко помощію одного строенія *Конхоиды*. Сочиненіе Шуберта о Конхоидѣ содержитъ способъ дѣлать построеніе, не токмо уравненій 3 и 4-й степени, помощію пересѣченія Конхоиды съ прямою линіею, но чрезъ соединеніе конхоиды съ кругомъ, способъ построенія уравненій 5 и 6-й степени, выведенный аналитическимъ образомъ.

Замѣчанія на предложеніе, рѣшенное Греческимъ Геометромъ *Паппомъ*, весьма замѣчательны. Сей ученый Грекъ, жившій въ концѣ IV вѣка, составилъ восемь книгъ, заключающихъ извлеченія изъ мно-

гихъ сочиненій машематическихъ, подъ названіемъ *Λήμματα* (леммы, предложенія). До насъ дошли на Греческомъ языкѣ одни отрывки и шесть книгъ полныхъ (съ 3 до 8), въ Лашинскомъ переводѣ Коммандина, Итальянскаго Геометра XVI вѣка. Твореніе Паппа свидѣтельствуетъ великія знанія машематическія и чрезвычайно важно для исторіи Машематики. Въ Академическихъ трудахъ встрѣчаемъ два разсужденія Шубертовы, относящіяся къ семужже Греческому писателю, именно: Annotationes ad Theorema XVI Libr. V, Pappi Alexandrini (*Nova Acta*, т. III) и Commentatio in Pappi Alexandrini Theorema XVI Libr. IV (*Nova Acta*, т. X). Предложеніе-же, на которое написаны сіи замѣчанія, состоитъ въ слѣдующемъ: *дано положеніе круга* xyz *и прямой линіи* AB: *требуется сыскать на окружности сего круга такую точку* X, *чтобъ хорда, заключающаяся между прямыми* X*A* и X*B*, *была параллельна* *AB*. Рѣшеніе Греческаго Геометра недостаточно, вопервыхъ потому, что въ немъ не изслѣдованы разные случаи, къ сему предложенію относящіеся, и которые, по его способу, должны имѣть каждый особое рѣшеніе; во вторыхъ потому, что не льзя найдши непосредственно точку X, которая есть предметъ вопроса, но что для сего должно употребить другую точку; въ третьихъ, по способу Паппа находится только одна точка, между тѣмъ, какъ на окружности всегда можно найдти двѣ точки, равно удовлетворяющія вопросу. Напротивъ, въ замѣчаніяхъ Шуберта находимъ полное аналитическое рѣшеніе даннаго вопроса. Незначительное предложеніе Паппа становится весьма поучительнымъ при

изслѣдованіяхъ Шуберта, гдѣ во всемъ блескѣ является торжество нынѣшнихъ способовъ предъ древними. Подобное сличеніе рѣшеній древнихъ и новыхъ Геометровъ доставляетъ занимающимся Математикою величайшую услугу.

Имя Шуберта знаютъ всѣ просвѣщенные люди; но достоинства сего незабвеннаго ученаго извѣстны собственно занимающимся Математикою. Его *Курсъ Теоретической Астрономіи*, въ 3 частяхъ, заключающихъ Астрономію Сферическую, Умозрительную и Физическую, разобранъ былъ славнѣйшими Астрономами и Геометрами: Барономъ Цахомъ, Франкёромъ, Боде, которые отдавали самую лестную справедливость трудамъ и генію Шуберта. Сочиненіе его, какъ классическое, принято за руководство во многихъ Европейскихъ Университетахъ. Кромѣ сего Курса, *Астрономія народная* (Populäre Astronomie), въ трехъ частяхъ, принята была также въ Европѣ, особенно въ Германіи, съ отличными похвалами. Замѣчательно еще его *Руководство къ Астрономическому опредѣленію долготы и широты мѣстъ*, изданное для офицеровъ Главнаго Штаба. Въ трудахъ Академіи Наукъ помѣщено 55 сочиненій Шуберта; сверхъ того 6 сочиненій въ Запискахъ Адмиралтейскаго Департамента. Между ними и для чистой Математики весьма важныя встрѣчаемъ Разсужденія, каковы: Réflexions sur les logarithmes imaginaires (Nova Acta, т. VIII); Réflexions sur la théorie du calcul différentiel (*Mém.* т. VI); Des *maxima* et *minima* d'une fonction de plusieurs variables (*ibidem*); Démonstration du théorème de Taylor (*ibidem*, т.

VII); De transformatione seriei in fractionem continuam (*ibidem*).

Подъ руководствомъ Шуберта издавался ежегодно, съ 1788 года, *ординарный С. Петербургскій Мѣсяцословъ*, а съ 1810 года онъ занимался редакціею Нѣмецкихъ Академическихъ Вѣдомостей. Съ 1808 по 1818 г. издавалъ онъ на Нѣмецкомъ языкѣ *С. Петербургскій Карманный Мѣсяцословъ*; для флотскихъ Офицеровъ ежегодно издавалъ Астрономическія таблицы подъ названіемъ: *Морской мѣсяцословъ*. Три, вышедшія въ Тюбингенѣ, части разныхъ сочиненій его, относящихся къ Астрономіи, Физикѣ и другимъ наукамъ, печатаемыя подъ названіемъ: Vermischte Schriften, возбудили вниманіе всего ученаго свѣта.

Въ приготовляемыхъ къ изданію трудахъ С. Петербургской Академіи помѣщены будутъ три сочиненія, послѣ Шуберта оставшіяся: De la sommation des suites; De l'accourcissement des diamètres apparens du soleil et de la lune; De la solution des équations implicites. Съ нетерпѣніемъ также ожидаемъ его *Курса высшихъ частей Математики*, доселѣ еще не напечатаннаго, писаннаго на Нѣмецкомъ языкѣ и содержащаго: *Плоскую и Сферическую Тригонометрію*, *Аналитику*, *Дифференціальное и Интегральное Изчисленія*.

Толикое множество и столь важныхъ сочиненій, для современниковъ и потомства, изумляетъ и краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о высокихъ дарованіяхъ Шуберта, глубокихъ и обширныхъ познаніяхъ и плѣнительномъ дарѣ излагать свои мысли. Съ гордостью повторимъ слова Барона Цаха о семъ знаменитомъ нашемъ соотечественномъ ученомъ: «Вся

Европа знаетъ великаго Сѣвернаго Геометра, достойнаго сподвижника и преемника великаго Эйлера, въ которомъ обширный умъ, объемлющій разнообразныя и огромныя свѣдѣнія, соединяетъ глубокомысліе съ прелестями воображенія и сладостью слова.»

Почтеннѣйшій Издатель двухъ сочиненій Шуберта, достойный ученикъ сего славнаго Астронома и Геометра, заслуживаетъ, по всей справедливости, благодарность отъ занимающихся Математикою и всѣхъ любителей просвѣщенія. Онъ уже сдѣлалъ себя извѣстнымъ по своему *Начертанію Тригонометріи Прямолинейной и Сферической*, одобренной къ напечатанію самимъ Шубертомъ. Самая лестная похвала! Г. Навроцкій, кромѣ замѣчаній, объясняющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинникъ сочиненій Шуберта, присоединилъ прекрасное разсужденіе о *Конхоидѣ*, гдѣ изложилъ исторію сей кривой линіи, главныя свойства и употребленіе оной, что служитъ къ удобнѣйшему разумѣнію сочиненія Шуберта. Подробный разборъ сей линіи, сдѣланный Г. Навроцкимъ, помощію Дифференціальнаго Изчисленія, можетъ служить образцомъ для подобныхъ изслѣдованій. Такъ, говоря о свойствахъ Конхоиды, опредѣляетъ онъ точки, въ которыхъ Конхоида выпукла и вогнута къ основанію; проводитъ касательную линею къ точкѣ, взятой на кривой; находитъ выраженія нормали и субнормали и показываетъ точки изгиба. Все сіе доказываетъ основательныя занятія и наблюдательный умъ математическій.

Передъ разсужденіемъ помѣщено жизнеописаніе

Шуберта, за которое также благодаримъ почтеннѣйшаго Издателя. Всякое извѣстіе о великомъ человѣкѣ драгоцѣнно; видѣть-же Русскаго дворянина на ученомъ поприщѣ, *съ признательностью* передающаго намъ труды знаменитаго ученаго, радостно и утѣшительно. Жизнь людей, въ тишинѣ скромной хижины бесѣдующихъ съ науками для пользы человѣчества, столь-же занимательна и поучительна, какъ и жизнь, ознаменованная громкими подвигами: это какъ-бы одна мысль, развивавшаяся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но съ какимъ умиленіемъ читаемъ извѣстія о жизни славнаго Астронома, который, зная все земное, постигалъ небесное, или говоря словами самаго Шуберта — *начатокъ вѣчности.*

Въ семъ жизнеописаніи помѣщена слѣдующая надпись къ портрету Шуберта, писанная Графомъ С. П. Румянцовымъ, ревностнымъ покровителемъ и любителемъ наукъ:

«Не стало Шуберта! Уранія, въ слезахъ,
«Жметъ къ персямъ страждущимъ сосудъ хранящій прахъ.
«Почтимъ и хладный плѣнъ; тому-жъ, тѣмъ мысли смѣлы
«Постигли знаній всѣхъ начала, связь, предѣлы,
«Тому, кто истины сберегъ намъ чистый свѣтъ,
«Тому — кончины нѣтъ!»

— *Полный курсъ Чистой Математики.* Сочиненіе Франкёра. Переведено съ Французскаго 2-го изданія, исправленнаго и значительно дополненнаго, Генеральнаго Штаба Подполковникомъ Христіани

2-мъ, Штабсъ-Капитаномъ Крюковымъ и Поручикомъ Болотовымъ. Ч. I. Печатано по Высочайшему повелѣнію. СПб. 1827 г. въ т. Главнаго Штаба, in 8, XIV и 550 стр. съ чертежами.

Подробный разборъ сей важной книги будетъ помѣщенъ въ № XVI Телеграфа.

Книги 1828 года.

— *Собраніе актовъ публичнаго засѣданія Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ*, бывшаго 29 Декабря 1827 года. С.Пб. 1828 г. въ т. Акад. Наукъ, in 4, 96 стр.

(Статья I).

Кажется, рѣшительно надобно почитать необходимостью обнародованіе извѣстій о дѣйствіяхъ важнѣйшихъ учебныхъ и ученыхъ заведеній въ государствѣ. Тутъ польза обоюдная: публика видитъ труды членовъ каждаго заведенія и цѣнитъ ихъ, а члены побуждаются къ трудамъ и совершенствованію мнѣніемъ и судомъ публики. Довольно странно членамъ учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ почитать себя счастливыми, если стѣны ихъ собраній могутъ быть для нихъ убѣжищемъ, недоступнымъ голосу критики и публичнаго мнѣнія; въ семъ случаѣ могутъ оставаться въ барышѣ только лѣность и невѣжество: умъ, познаніе, трудъ, благая цѣль требуютъ гласности, а не тайны. Чего бояться истинному достоинству? Если въ государствѣ есть уже общественное мнѣніе, то всегда будетъ оно покровительствовать таланту и труду, и не дастъ пустому злорѣчію и болтливому празднословію взять верхъ надъ су-

жденіемъ здравымъ и безпристрастнымъ, когда, напротивъ, стараніе укрыться подъ привиллегіями и въ молчаніи, всегда даетъ поводъ думать, что шутъ скрывается пустота и бездѣйствіе.

Представимъ въ примѣръ нашу Академію Наукъ: не больше-ли она выиграла съ тѣхъ поръ, какъ прекратила свое молчаніе, начала обнародывать акты засѣданій и извѣстія о шрудахъ Членовъ своихъ? Голосъ публики рѣшительно въ ея пользу, ибо, кто не отдастъ справедливости достойнымъ Академикамъ, видя означеніе трудовъ ихъ? А прежде—признаемся—въ чью душу не закрадывалось сомнѣніе при безмолвіи Академіи, неукрывавшемъ ея отъ мнѣній несправедливыхъ, сказанныхъ наудачу, ab posse ad esse.

Въ книжкѣ, о которой извѣщаемъ читателей нашихъ, помѣщена *Рѣчь Президента Академіи*, говоренная въ торжественномъ засѣданіи Академіи, 29 Декабря, 1827 г.: здѣсь объясняются новыя перемѣны и улучшенія, сдѣланныя по Высочайшей волѣ въ Академіи. Новымъ штатомъ утверждено, что сіе *первое*, по времени основанія, заслугамъ и сущности своей, ученое общество Русское, должно состоять изъ трехъ отдѣленій: *Математическаго, Естественныхъ Наукъ* и *Историческо-Политическаго*.

Въ первомъ полагается два Академика для Чистой, два для Прикладной Математики, два для Астрономіи, одинъ для Географіи и Навигаціи; во второмъ, два для Физики и для Химіи Общей, одинъ для Технологіи и Химіи, прикладной къ Земледѣлію и Сельскому Хозяйству, два для Зоологіи, одинъ

для Ботаники, одинъ для Минералогіи, одинъ для Физіологіи и Сравнительной Анатоміи; въ третьемъ, одинъ для Статистики и Политической Экономіи, одинъ для Исторіи и Древностей Русскихъ, два для Древностей Греческихъ и Римскихъ и два для Исторіи и Словесности Азіятскихъ народовъ, а всего 23 Академика.

Благодѣтельнымъ покровительствомъ Государя Императора, Академія получаетъ болѣе силъ и способовъ къ дѣйствіямъ, можетъ имѣть средства приглашать къ содѣйствію своему людей, отличившихся учеными трудами, соотечественниковъ и иностранцовъ, можетъ обогащать свои музеи и библіотеку, и—одинъ изъ подвиговъ, коими ознаменовано *столѣтнее* существованіе оной, предположено уже обновить въ самомъ непродолжительномъ времени: мы разумѣемъ здѣсь *ученыя путешествія по Россіи*. Невозможно отрицать пользъ, какія получены, и какія получатся, отъ сего предпріятія. Извлекаемъ нѣсколько мыслей изъ *Рѣчи Г-на Академика Триніуса (о предполагаемыхъ Академіею ученыхъ путешествіяхъ, для изслѣдованія естественныхъ произведеній Россіи)*. Почтенный Академикъ означаетъ труды прежнихъ Академиковъ—путешественниковъ: Гмелина, Лепехина, Фалька, Георги, Палласа; сознается, что съ семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, труды Членовъ Академіи, обратясь на умозрительную часть наукъ, частныя занятія и предметы, возбуждавшіе общее вниманіе ученой Европы, сдѣлали для Академіи то, что она оставила первоначальное свое назначеніе: *въ званіи Русскаго ученаго*

сословія, способствовать преимущественно обогащенію познаніями и прославленію народа Русскаго.

« За симъ Г-нъ Триніусъ замѣчаетъ, что всѣ за 50 лѣтъ до нашего времени совершенныя путешествія не достигали совершенства и потому уже, что Геогнозія, новымъ образомъ воззрѣнія на слои земли, Зоологія, со введенія въ нее предваритѣльнаго изученія Сравнительной Анатоміи, и Ботаника, при нынѣшней усовершенствованной системѣ сей науки—являются совсѣмъ въ новомъ видѣ, слѣд. и прежніе Академики, при всемъ стараніи и учености ихъ, не могутъ вполнѣ удовлетворять требованіямъ, какія должны быть объявляемы въ наше время. Означивъ, что и въ мѣстахъ посѣщенныхъ прежними Академиками, новѣйшіе путешественники отпрываютъ много новаго, какъ-то показали Г-да Дерптскіе Профессоры Ледебуръ и Мейеръ, нашедшіе на Маломъ Алтайскомъ хребтѣ до 400 неизвѣстныхъ донынѣ растѣній; что великое количество прежнихъ приобрѣтеній погибло отъ разныхъ обстоятельствъ, какъ-то: пожара 1747 г. и времени; что отъ многихъ важныхъ предпріятій, какъ-то: путешествія корабля Рюрика, посольства Графа Головкина въ Китай, путешествій Адамса на берега Лены и въ Даурію, Гельма, Шангина и Залѣсова по Сибири—Академія мало, или и совсѣмъ ничего не приобрѣла, Г-нъ Триніусъ показываетъ мѣста, заслуживающія нынѣ преимущественное обозрѣніе. Изъяснивъ, что предварительно дѣлаетъ въ семъ случаѣ Академія, онъ извѣщаетъ насъ *о составленіи проэктовъ путешествій по Россіи, для изслѣдованія*

естественныхъ произведеній. Сердечно порадуется этому и пожелаетъ видѣть исполненіе каждый любящій отечество и дорожащій славою его. Но здѣсь не можемъ мы не обратить вниманія Академіи на другой родъ путешествій, которыя должны быть совершаемы учеными людьми, принадлежащими къ ея Историческо-Политическому Отдѣленію. Обозрѣніе нашего отечества, не для изслѣдованія только естественныхъ его произведеній, должно, кажется, составить важный предметъ занятій Академіи, и шѣмъ болѣе требующій скорѣйшаго совершенія, преимущественно предъ означеннымъ въ рѣчи Г-на Триніуса, что съ замедленіемъ многое можетъ утратиться для насъ навсегда. Травы, минералы и животныя—и черезъ 50 лѣтъ еще не минуютъ ученаго обозрѣнія Академіи; но историческіе памятники Россіи, отданные на произволъ времени и невѣжества, уменьшаются съ каждымъ днемъ. Сколь важное пріобрѣтеніе можетъ обогатить насъ, видимъ изъ путешествій незабвеннаго Миллера, къ сожалѣнію не имѣвшаго себѣ послѣдователей. Архивы рукописей гніютъ, неизслѣдованныя; достопамятныя мѣста теряютъ признаки древности, неописанныя; открываемыя достопамятности гибнутъ между рукъ невѣждъ или своекорыстныхъ людей, таящихъ сіи сокровища! Все это можетъ быть отвращено единственно учеными путешествіями, въ коихъ, кромѣ того, языкъ, нравы, повѣрья, преданія, топографія разныхъ мѣстъ дадутъ важныя пособія Историку и Археологу, между шѣмъ, какъ безъ этого все изчезнетъ для потомковъ, ибо шипъ старины бы-

стро и безпрестанно стираемся съ людей и съ предметовъ. Менѣе-ли важно и политическое обозрѣніе Россіи? Какая разница вывесть итоги и результаты въ Петербургскомъ кабинетѣ изъ свѣдѣній кое-какъ собранныхъ небрежными невѣждами, или повѣрить ихъ мѣстнымъ обозрѣніемъ и исправленіемъ! Какая разница также между теоріями неповѣренными практикою, и такими, кои подтверждены тщательно собранными практическими свѣдѣніями! Россія все еще чуждая страна всѣмъ нашимъ ученымъ людямъ, и часто наши ученые Статистики и Политики основываются на такихъ старыхъ, или столь невѣрныхъ извѣстіяхъ, что небреженіе въ сихъ случаяхъ кажется вовсе непростительнымъ.

Мы осмѣливаемся думать, что подобныя размышленія входятъ въ соображенія почтеннаго Президента Академіи и достойныхъ ея Членовъ; иначе не льзя будетъ сказать, что Академія рѣшительно направлена на надлежащее назначеніе свое, отъ коего, какъ признается Г-нъ Триніусъ, уже полвѣка она уклонилась. Ботаническія, Зоологическія и Минералогическія путешествія недостаточны для полноты ея дѣйствій, безъ Археологическо-Историческихъ и Политическо-Статистическихъ путешествій. Но не видя никакихъ намековъ о предпріятіяхъ касательно послѣднихъ родовъ, мы почли необходимымъ сказать о семъ нѣсколько словъ, надѣясь, что доброе намѣреніе наше извинитъ — можетъ быть, неумѣстную — дерзость нашего напоминанія.

— *Государственная внѣшняя торговля* 1827 *года*,

въ разныхъ ея видахъ. С.Пб. 1828 г. въ т. Деп. вн. торговли, in 4, 80 стр.

Спѣшимъ извѣстить читателей о выходѣ сихъ драгоцѣнныхъ записокъ, показывающихъ движеніе нашей торговли съ иностранными государствами, за прошлый 1827 годъ. Порадуемся, если Статистики наши займутся наконецъ, хотя въ нынѣшнемъ году, изслѣдованіями и выводами о промышленности и другихъ частяхъ Статистическаго состоянія нашего отечества, дѣлая выводы какъ изъ отчетовъ о внѣшней торговлѣ, такъ и изъ другихъ важныхъ и достовѣрныхъ матеріяловъ, издаваемыхъ Правительствомъ. Подобный трудъ не можетъ быть удѣломъ журналиста, ибо требуетъ обширнаго занятія и большихъ соображеній. Для насъ Рускихъ наступило то время, когда Правительство не скрываетъ важнѣйшія государственныя свѣдѣнія, какъ государственныя тайны, но обнародываетъ ихъ, а это не то-ли значитъ, что оно ободряетъ насъ къ возвышенію патріотическаго голоса, если только благая цѣль и благоразуміе нами руководствуютъ? Также Высочайшая десница, которая громами колеблетъ Царьградъ, подписала новый Уставъ Цензуры, коимъ дана свобода разсуждать открыто и публично «объ улучше«ніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣ«лія, фабрикъ, и т. п.» (*Уставъ Цензуры*, § 12).

Симъ благодѣтельнымъ духомъ мудрой политики ознаменованы и отчеты о внѣшней торговлѣ Россіи въ 1827 году. Не только представлены публикѣ *итоги*, систематически и ясно подведенные; но во введеніи показывается самая сущность ба-

лансовъ, изъясняются различныя измѣненія и отношенія торговли, съ любопытными соображеніями оной за два года и съ замѣчаніями на торговлю другихъ государствъ.

Вообще *весь привозъ въ Россію въ* 1827 *г.* простирался на сумму до 208,118,426 руб. ассигнаціонныхъ, а вывозъ изъ Россіи до 236,163,597 руб. асс., слѣдовательно — по балансу Россія приобрѣла 28,045,171 руб. — Замѣтимъ, что монеты и слитковъ золота и серебра отпущено было отъ насъ *въ двое болѣе* противъ 1826, а привезено *въ трое болѣе*, такъ, что на 10 слишкомъ милліоновъ рублей золота и серебра осталось у насъ въ Россіи.

Торговля 1827 г. гораздо превосходитъ суммами оборотовъ торговлю 1826 г. Мы отпустили *противъ* 1826 *г. лишняго* хлѣба на 20, 696,045 р., сала на 10,755,481 рублей; прочихъ произведеій тоже. Вообще-же отъ насъ вывезено хлѣба на 37,462,878 р.; товаровъ необработанныхъ, къ рукодѣліямъ и фабрикамъ служащихъ, на 157,678,096 р.; обработанныхъ нами мануфактурныхъ издѣлій на 20,630,403 рубля.

Мы получили въ Россію *противъ* 1826 *года лишняго* кофе на сумму 1,701,779 р.; чаю на 1,043,174 р. (противъ 1825 г. на 1,912,117 р.); винъ виноградныхъ на 2,841,845 руб. (противъ 1825 г. на 3,343,042 р.); Шампанскаго на 859,705 р., всего-же, чаю, сахару, кофе и винъ въ 1827 г. получено нами на сумму *около* $50\frac{1}{2}$ *милліоновъ рублей* — почти *четверть* всего привоза. Вообще разныхъ жизненныхъ припасовъ мы получили на 46,304,782, т. е. не

считая въ сей суммѣ 29 милліоновъ заплаченныхъ за сахарный песокъ, причисляемый въ балансѣ къ товарамъ мануфактурамъ и фабрикамъ принадлежащимъ, коихъ сумма, съ сахарнымъ пескомъ и съ хлопчатою, *пряденою*, бумагою (ее вывезено въ Россію на 33 милліона) простирается до 100,666,100 рублей. Сверхъ того, *обработанныхъ за границею издѣлій* привезено къ намъ на 40,073,948 руб. (въ томъ числѣ бумажныхъ издѣлій на 15 милліоновъ, шелковыхъ на 8½, блондъ, кружевъ и шюля на 1,248,818 руб. и проч.).

Въ 1817 году отпущено было изъ Россіи хлѣба на 142 милліона рублей; но сія сумма была получена отъ иностранцовъ за 5,241,000 четвертей; въ 1827 г. за 37½ милліоновъ рублей, мы отпустили иностранцамъ хлѣба — 3,443,335 четвертей.

Сколько размышленій производятъ всѣ сіи выводы! Здѣсь дѣло гражданъ, а не Правительства, ибо оно ревностно хочетъ намъ добра, и дѣлаетъ все, что состоитъ въ его власти. Желательно-бы видѣть разсмотрѣніе отчетовъ о Россійской торговлѣ, написанное однимъ изъ тѣхъ людей, которые утверждаютъ, что Россія есть *земледѣльческое государство*.

Касательно торговаго мореходства, видно, что всѣхъ кораблей въ 1827 году пришло въ Россійскіе порты 5,314 (въ томъ числѣ Русскихъ 723, Англійскихъ 2,120); вышло 5,309 (въ томъ числѣ Русскихъ 779, Англійскихъ 2,092).

Изъ Русскихъ и иностранныхъ негоціянтовъ производили важную торговлю: Стиглицъ на 19 милліоновъ; Клеменецъ, Бергъ и Тундеръ на 17½;

Томсонъ, Вильсонъ и Харвей на 15; Рексъ Г. на 14; Брантъ В. на 7; Гиль и Вишау на 5½; Гольфордъ Д. на 5½; братья Крамеры на 5½; Куммингъ Ф. на 5; Лодеръ на 5.

«Обращаясь къ состоявшимся въ семъ году въ отношеніи торговли постановленіямъ, замѣтимъ, что не взирая на существовавшій съ Персіею разрывъ, торговлѣ того края оказываемо было все возможное покровительство: съ Персидскихъ товаровъ пошлина взималась прежняя; собственность Персіянъ была обезпечена, и торговать имъ внутри государства позволялось, какъ и прежде. — Вышедшія вновь постановленія клонились, какъ и всегда, къ успѣшнѣйшему прекращенію торговли потаенной и къ огражденію правильной. — Устройству пограничной таможенной стражи дано новое образованіе: она раздѣлена на бригады, роты и отряды, подъ начальствомъ особыхъ военныхъ офицеровъ. Всѣ части ея снабжены подробными руководствами, дѣлающими возложенное на оную наблюденіе удобнѣе и надежнѣе. — Поставлены точнѣйшія правила въ распредѣленіи между таможенными чиновниками наградъ, узаконенныхъ уставомъ; поимщикамъ игральныхъ картъ положены отъ Опекунскаго Совѣта Императорскаго Воспитательнаго Дома особыя награжденія. — По таможнямъ увеличено число досмотрщиковъ, и по мѣрѣ надобности учреждаются дрягильскія компаніи. — Маклера С.Петербургской биржи освобождены отъ всякой городской службы. — Отмѣнено взысканіе, положенное за невѣрность показанія въ объявленіяхъ количества отпускныхъ товаровъ. — Разрѣшено

привозишь составныя лѣкарства, согласно изданной о нихъ росписи. — Дозволено иностранцамъ торговать Тирольскимъ, Швейцарскимъ и Англійскимъ рогатымъ скотомъ и тонкошерстными овцами, не записываясь въ гильдіи.—Продолжено взиманіе уменьшенной пошлины съ сырыхъ кожъ.—Пошлина съ овечьей шерсти, привозной, возвышена, а съ отпускной убавлена. — Продолженъ безпошлинный отпускъ соли изъ Керчи въ Черкессію и Абазію. — Пояснены правила тарифа о часахъ съ украшеніями и о напишкахъ отъ 10 до 16°. — Запрещено привозить изъ царства Польскаго мягкую рухлядь, кромѣ овчинъ. — Наши мануфактурные товары разрѣшено отправлять въ царство Польское, не въ одно время всѣ показанные Департаменту мануфактуръ и внутренней торговли въ одномъ объявленіи, а по частямъ. — Для ускоренія сообщеній между С.-Петербургомъ и Лондономъ ходитъ пароходъ, который путь свой совершаетъ въ 9 дней и перевозитъ пассажировъ, письма и товары.—Отпускъ изъ С.Петербурга за границу хлѣба пользовался установленнымъ въ прошедшемъ году облегченіемъ, и производился безъ особыхъ дозволеній мѣстнаго начальства.—»

Въ иностранныхъ государствахъ послѣдовали нѣкоторыя постановленія, свѣдѣніе о коихъ полезно для производящихъ нашу торговлю. Таковы суть слѣдующія: въ Даніи отмѣненъ въ Килѣ набавочный сборъ на набережную, взыскивавшійся прежде съ Россійскихъ купеческихъ судовъ. — Въ Нидерландахъ пошлина съ привозныхъ сырыхъ кожъ, вмѣсто бывшей по одному проценту съ цѣны, положена по 37 ценсовъ со ста фунтовъ. По-

шлина на чай возвышена въ полтора. Товарамъ, запрещеннымъ къ привозу, дозволенъ транзитъ. — Въ Неаполитанскомъ Королевствѣ отмѣнена пошлина, взыскивавшаяся съ иностранныхъ кораблей, кои вытаскиваются на берегъ для починки. — Въ Бразиліи уменьшена установленная съ Россійскихъ товаровъ пошлина. — Заключаемъ свѣдѣніями о бывшихъ по таможеннымъ зданіямъ строеніяхъ: Въ С.Петербургѣ пакгаузы таможенные вчернѣ достроены, и частію заняты уже товарами; за складку въ оныхъ установленъ умѣренный сборъ, смотря по роду товаровъ и по времени, сколько оные храниться будутъ. Дальнѣйшія устройства на биржѣ продолжаются. — Кронштатское таможенное зданіе почти приведено къ окончанію, также и лѣсная биржа. — Въ Ригѣ предположенъ къ постройкѣ большой пакгаузъ. — Въ Оренбургѣ перестроены и починены гостиный и мѣновой дворы и пакгаузы. — Въ Астрахани биржа исправлена починкою; складка товаровъ и мѣновой дворъ учреждены въ гостиномъ дворѣ. — На поправленіе Одесскаго порта и на производство надобныхъ строеній отпущена значительная сумма. — Объ устройствѣ зданій для помѣщенія пограничной таможенной стражи сдѣланы распоряженія, кои и приводятся въ исполненіе. »

— *Нѣсколько разсужденій и поучительныхъ словъ* сочиненныхъ Студентами Московской Духовной Академіи, пятаго учебнаго класса. М. 1828 г. въ т. Сунодальной, in 8, 149 стр.

Ревностное исправленіе возложенной Богомъ и отечествомъ обязанности, кротость, смиреніе и

блестящія дарованія всегда отличали и отличаютъ духовенство наше. Къ особеннымъ чертамъ ученія въ Духовныхъ училищахъ нашихъ принадлежитъ постоянная и твердая наклонность пріобрѣтать знанія основательныя, и строгая система прочнаго изученія оныхъ. Отъ такихъ характеристическихъ отличій нашего духовенства естественно долженъ былъ явиться догматизмъ сильный и скромный, краснорѣчіе мужественное и назидательное. Примѣры этому видѣли мы въ сочиненіяхъ, изданныхъ нашими духовными писателями и ораторами. Но къ сожалѣнію, весьма не много видимъ мы нынѣ произведеній духовенства нашего, издаваемыхъ для всеобщаго свѣдѣнія. Каждый священникъ въ Россіи обязанъ произносить проповѣди своего сочиненія; каждый Архипастырь и духовный сановникъ неоднократно въ теченіе всякаго года бесѣдуетъ съ духовными дѣтьми своими; въ Духовныхъ училищахъ юные сподвижники упражняются въ сочиненіяхъ ораторскихъ и догматическихъ. Всѣ сіи произведенія ограничиваются или немногимъ числомъ слушателей, или мѣстомъ ученія. Но сколь желательно-бъ было придать болѣе разпространенный кругъ дѣйствія твореніямъ духовныхъ особъ нашихъ! Мы увѣрены, что съ умиленіемъ сердца и убѣжденіемъ ума читателей раздался-бы голосъ многихъ изъ нихъ за прагомъ и усиненнаго храма Божія и тихаго убѣжища наукъ. Книгопечатаніе есть нынѣ способъ дѣйствовать на умы и сердца, и въ нашъ вѣкъ гласъ пастырей могъ-бы быть спасителенъ во многомъ и для многихъ.

Судя по названію книги, мы полагаемъ, что Московская Духовная Академія располагаетсн издавать собраніе сочиненій своихъ питомцовъ и сподвижниковъ, избирая лучшія и обнародуя таковыя, въ ободреніе самыхъ Сочинителей и въ пользу читателей. Въ 1-мъ томѣ помѣщены: *Разсужденіе о необходимости и важности внѣшняго богослуженія*, соч. Студента Іеромонаха Палладія; *Разсужденіе о дѣйствительной нуждѣ и важности званія и избранія пастырей, по извѣстному чину и порядку*, соч. Студентомъ Викторомъ Вишневскимъ; *Разсужденіе о нравственныхъ и умственныхъ совершенствахъ, которыя должны украшать пастыря церкви*, соч. Студентомъ Васильемъ Сахаровымъ-Калужскимъ; *Разсужденіе о трехъ главныхъ обязанностяхъ пастырей церкви:* учить, совершать таины и производить судъ, свойственный церковному управленію, соч. Студентомъ Іеромонахомъ Сергіемъ; *Разсужденіе о предварительномъ изготовленіи проповѣдей, произносимыхъ во храмѣ*, соч. Студентомъ Иваномъ Кедровымъ.

Не можемъ не отдать здѣсь справедливости, какъ выбору предметовъ, такъ и самому изложенію ихъ, краткому, ясному и сильному.

Θ. Θ.

— *Новѣйшія историческія, политическія, статистическія и географическія свѣдѣнія о Турецкой Имперіи*, заимствованныя изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ и изслѣдованій историческихъ, и проч. Ч. II. М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, in 8,

241 стр., съ планомъ Константинополя и двумя картинками.

— *Оттоманская Имперія*, или обозрѣніе Европейской Турціи, въ нынѣшнемъ ея физическомъ, географическомъ, статистическомъ и политическомъ состояніи, заимствованное преимущественно изъ Всеобщей Географіи Г-на Малтебрюна, изданной на Французскомъ языкѣ 1826 года, дополненное и объясненное новѣйшими извѣстіями лучшихъ писателей. М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, in 8, VIII и 328 стр.

Первая изъ сихъ книгъ уже знакома читателямъ нашимъ, по извѣстію объ ней, помѣщенному въ XII-й кн. Телеграфа (стр. 506). *Вторая* часть не уступитъ первой, ни выборомъ статей, ни слогомъ Г-дъ Переводчиковъ, ни наружнымъ видомъ. Не льзя не засмѣяться, смотря на планъ Константинополя: вся эта огромная столица на двухъ вершкахъ и, вѣроятно, планъ взятъ съ какой нибудь подробной карты, на которой изображены города въ маломъ размѣрѣ. Издателю надобны были для газетнаго объявленія завлекательныя слова: *планъ Константинополя* — и онъ исполнилъ свое дѣло.

Очень хорошая статья: разсужденіе Л. Ранке о Турецкомъ государствѣ (стр. 1-76) находится во 2-й части. Къ ней присовокуплена *Мелика*, Морейская повѣсть — небольшой и весьма плохой романъ; сверхъ того помѣщены — *Статисти(чес)когеографическій взглядъ на Турецкія владѣнія*, сокращенно взятый изъ Малтебрюновой Географіи, и еще извлеченіе изъ книги: Deux années à Constanti-

nople et en Morée (стр. 194-241). Кромѣ статьи Ранке, все остальное представляетъ доказательства неумѣнья выбрать и неумѣнья писать, до такой степени, что и смѣшно и жалко.

Ни съ однимъ изъ матеріяловъ, употребленныхъ на изданіе 2-го тома *Новѣйшихъ свѣдѣній о Турціи*, не поступилъ Г-нъ Собиратель такъ жестоко, какъ съ Малтебрёномъ. Извѣстно, что въ Малтебрёновыхъ Précis de la géographie universelle, помѣщено описаніе Турціи Азіятской, (т. III, стр. 65-185), Африканской, или Египта, (т. IV, стр. 441-517) и Европейской (т. VI, стр. 123-285). Все описаніе Малтебрёново, составляющее почти 360 страницъ, Г-нъ Собиратель захотѣлъ сжать на 40 страницахъ: онъ называетъ свое рукодѣлье *извлеченіемъ*; но приличнѣе было-бы назвать его *выжимками*, при чемъ пропало существенное и осталась одна шелуха: голая номенклатура собственныхъ именъ, клочки описаній, и все такъ небрежно, что даже правописаніе именъ на половину перепорчено, на примѣръ: Despoti—Dag—*Деспости-Дагъ*; Lacha—*Лака*; Drino—*Дрина*; Voyoussa—*Вогосса*; Filibé—*Филибо*; Philipponol—*Филипополь*; Schartag—*Шартасъ*; Karatova—*Каратогъ*; Ascub—*Искубъ* и проч. и проч. О слогѣ и говорить нѣчего. Всего лучше Переводчикъ могъ блеснуть слогомъ въ повѣсти. Прочитаемъ нѣсколько строкъ, для примѣра (стр. 155): «Она не можетъ *отторгнуться* *отъ* объятій своего любезнаго (*отторгнуться отъ объятій?!*); *отойдетъ отъ* него, *чтобъ* опять *съ нихъ* броситься (?!); мрачное предчувствіе ее

волнуетъ, онъ (?) ее ободряетъ, ушѣшаетъ; наконецъ они разстаются.»

Да позволятъ и намъ читатели разстаться съ *новѣйшими свѣдѣніями о Турціи.* О выходѣ 3-го тома мы извѣстимъ въ свое время.

Съ бо́льшимъ удовольствіемъ обращаемъ ихъ вниманіе на книгу, изданную Г-мъ книгопродавцомъ Свѣшниковымъ, подъ названіемъ: *Оттоманская Имперія или обозрѣніе Европейской Турціи.* Это полный переводъ Малтебрёнова описанія Европейской Турціи. Издатель обѣщаетъ перевесть также описаніе Азіятской. Но жаль, что предпринимая свой похвальный трудъ, Переводчикъ не сдѣлалъ общихъ соображеній. Для полноты, слѣдовало-бы ему перевесть и присовокупить къ изданной уже книгѣ изъ III-й ч. Малтебрёновой Географіи: Coup d'œil général sur l'Empire Ottoman (p. 158-181). Онъ можетъ быть подумалъ, что эта превосходная картина Турецкаго государства относится только къ Азіятской Турціи, и замѣнилъ ее (стр. 47-62) статьею, повидимому, собранною изъ разныхъ источниковъ, довольно поверхностно, и поставленною совсѣмъ не у мѣста. Что заимствовалъ переводчикъ изъ Каннабиховой Географіи, мы не могли замѣтить. Переводъ книги довольно хорошъ. Замѣтимъ, что слово: *Proto-slave* должно было перевесть по Русски: *Первобытные* или *родоначальные Славяне*, а не буквально: *Прото-Славяне.* Кстати здѣсь замѣтимъ, что все сказанное Малтебрёномъ о первобытныхъ Славянахъ (Русс. пер. стр. 214-219) должно почитать не историческими фактами, а догадками.

Въ концѣ книги Издатель приложилъ маршруты, по коимъ теперь идутъ наши войска: они всѣ ведутъ въ Константинополь.

— *Собраніе предсказаній о паденіи Турецкой Имперіи*: 1, Греческаго Царя Льва Премудраго; 2, Меѳодія, Епископа Патарскаго; 3, найденныя на гробѣ Константина Великаго; 4, Мартына Задека; 5, Султана Солимана; 6, Аравійскаго астронома Муста-Эддына. М. 1828 г. въ т. А. Семена, in 8, 23 и 12 стр. съ литограф. портретомъ Султана Махмута и видомъ Константинополя (?).

— *Собраніе любопытныхъ предсказаній Пророка Магомета*, основателя вѣры Музульманскія, о упадкѣ Турецкой Имперіи и религіи Магометанской, въ Алкоранѣ находящихся и содержащихъ въ себѣ его пророчество о взятіи Константинополя и Іерусалима Христіянами, изгнаніи Турокъ изъ Европы, и при какомъ Турецкомъ Султанѣ сіе случиться должно, и проч. М. 1828 г. въ т. Театра, in 12, 23 стр.

— *Прозрѣніе на будущее*, или собраніе предсказаній нѣкоторыхъ писателей, въ разныя времена изданныхъ, также и въ Алкоранѣ Магометовомъ находящихся, о паденіи Турецкаго царства. М. 1828 г. въ т. Театра, in 8, 16 стр.

— *Прозрѣніе въ будущее*, рукопись XII вѣка, съ примѣчаніями Издателя (*Ивана Быстрова*). Съ эпиграфомъ Делиля: Espérer c'est jouir. СПб. 1828 г. въ т. Деп. Нар. Просв. in 8, VI и 96 стр.

Не только на рынкахъ, въ передникъ, въ кухняхъ найдете всѣ сіи пророчества, не только ла-

вочникамъ, слугамъ, поселянамъ сдѣлались теперь извѣстны Маршынъ Задекъ, Муста-Эддынъ, Левъ Премудрый, Меѳодій Патарскій, но и въ диванныхъ, въ залахъ Московскихъ видите ихъ пророчества, и тутъ дивятся, что приведя въ цыфры, слова: *Паденіе царства Измаилова* и *Возстановленіе Греціи*, получите въ обоихъ случаяхъ сумму — 1828 (*). Не показываетъ-ли это общаго направленія умовъ? — Реляціи читаютъ теперь съ равнымъ нетерпѣніемъ и вельможа и блинникъ, и воинъ и купецъ. Мы сами видѣли, какъ въ мучной лавкѣ нѣсколько человѣкъ окружали грамотея, разложившаго карту и доказывавшаго зрителямъ, что *Варна недалеко отъ Константинополя*. При этомъ случаѣ намъ пришло на мысль, что появленіе пророчествъ о паденіи Царяграда ясно показываетъ слѣдующее: можно заставить простолюдимовъ читать, если только дѣлать это умѣючи. Наши Русскіе грамотеи не чуждаются чтенія; напротивъ, охотно принимаются за книгу *по себѣ*. Но въ какомъ у насъ пренебреженіи важный предметъ литтературы: *простонародное чтеніе*, это не легко представить себѣ, не зная опытомъ. То, что мы пишемъ и печатаемъ, и дорого, и не понятно простому народу. Отъ этого бѣдные чтецы — простолюдимы остаются при самомъ вздорномъ, пустомъ и ничтожномъ читаньѣ — нелѣпыхъ сказкахъ,

---

(*) *Возстановленіе Греціи* — 2, 70, 7, 200, 300, 1, 50, 70, 2, 30, 5, 50, 10, 5, 3, 100, 5, 900, 10, 8 — *и того* 1828. Также и другая рѣчь: *Паденіе царства Измаилова*.

сонникахъ, пѣсенникахъ, стряпухахъ. Не должно-ли замѣтить здѣсь, что если охота читать уже *есть* и чтеніе *существуетъ*, то, обращаясь на самыя нелѣпыя произведенія, они производятъ только вредъ, или, по крайней мѣрѣ, нисколько добра не дѣлаютъ? А сколько, напротивъ, пользы могло-бы сдѣлать благоразумное издаванье простонародныхъ книгъ, въ которыхъ легкимъ образомъ изъяснялись-бы народу самыя важнѣйшія и необходимыя истины! Мы просили-бы добрыхъ Патріотовъ обратить на все это вниманіе и подумать, какъ пособить многочисленному званію нашихъ соотечественниковъ въ дѣлѣ весьма, весьма не маловажномъ.

Само по себѣ разумѣется, что *прозрѣнія на будущее* и *въ будущее* назначаются для читателей неогромнаго просвѣщенія. По этому не льзя не упрекнуть Г-на Быстрова, что онъ не понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ могъ издавать пророчество X-го, не только что XII-го вѣка; но къ чему вздумалось ему приплесть всякой всячины 74 страницы? Тутъ мы нашли столько пустаго, столько вздорнаго и неумѣстнаго, что удивлялись невольно, какъ писать это въ наше время? Къ чему тутъ брань на энциклопедію, XVIII-й вѣкъ, Наполеона, воспитаніе, галломанію, къ чему напыщенные возгласы, искаженныя историческія извѣстія, толки о философіи? Г-нъ Быстровъ, или взялся толковать о томъ, чего не понимаетъ, или толкуетъ съ намѣреніемъ превратно: то и другое не можетъ быть одобрено.

— Observations morales sur la presse périodique en France (*Нравственныя замѣчанія о повременныхъ Француз-*

скихъ изданіяхъ). Сочиненіе Сергея глинки. М. 1828 г. въ т. Семена, in 8, IV и 12 стр.

Мысль Автора та, что наложеніе денежныхъ пеней на журналистовъ Французскихъ, въ томъ случаѣ, когда они бываютъ уличены въ какомъ нибудь предосудительномъ намѣреніи, при помѣщеніи статей въ свои журналы, не согласно ни съ достоинствомъ литераторовъ, ни съ качествомъ преступленій. Разсуждая о различіи голоса смѣлаго патріотизма отъ голоса дерзкаго своевольства, Авторъ приводитъ изрѣченіе знаменитаго Гарлая: Les sujets les plus hardis sont aussi les plus fidèles. Если написанное несправедливо, оно погибнетъ безъ всякаго вреднаго слѣдствія; если-же смѣлый голосъ писателя указываетъ на недостатки, вредныя недоразумѣнія и ошибки—*виноватъ-ли онъ*, говоря правду? Авторъ вспоминаетъ слова Императрицы Екатерины II: «Сіе великое было-бы несчастіе въ «государствѣ, если-бы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи, ни извинять своихъ худыхъ успѣховъ, отъ «упорства счастія происшедшихъ, ниже свободно «говорить своего мнѣнія.» (Нак. § 517) Замѣтимъ, что вопросъ: въ какой степени должно быть право гражданъ изъявлять публично свое мнѣніе? есть одинъ изъ самыхъ затруднительныхъ и сложныхъ вопросовъ. Любовь къ истинѣ, умъ и желаніе добра руководили нашего Автора въ опытѣ его рѣшить сей вопросъ.

НОВЫЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТЫ.

Театръ войны, карта Турціи, планъ Константинополя! Вотъ, что пестритъ нынѣ объявленія нашихъ книгопродавцовъ и считается самымъ *ходкимъ товаромъ* въ книжныхъ лавкахъ и лавочкахъ. Уже газетныя объявленія дѣлаются маленькими библіографическими извѣстіями; уже и война между книгопродавцами начинается! Г-нъ Заикинъ, на примѣръ, объявляетъ, что его *Карта театра войны* «сочинена *Географомъ* (напечатано курсивомъ) Мак-«симовичемъ, въ *большомъ размѣрѣ* (также курси-«вомъ) и отпечатана на двухъ Александрійскихъ «листахъ большаго формата;» что она «удовлетво-«рительнѣе *прочихъ подобныхъ картъ* можетъ слу-«жить для наблюденія театра нынѣшней войны, ибо «на ней изображены *всѣ горы, какъ большія, такъ «и малыя* (?), *всѣ святыя мѣста* (какъ—то: Іеру-«салимъ, Виѳлеемъ, Назаретъ) и *означенъ маштабъ, «чего ни на одной изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ картъ, «подъ титуломъ* театра войны, *не находится.*» Другой *Театръ войны* зажегъ войну между Г-мъ Глазуновымъ и Г-мъ Заикинымъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Г-нъ Савинковъ выгравировалъ карту и продалъ ее Г-ну Заикину; выгравировалъ другую и продалъ Г-ну Глазунову. Оба начали хвалить, всякой свою, и вышелъ споръ. «Почтеннѣйшая публика отличитъ «рекомендуемую нами,» говоритъ Г-нъ Заикинъ, «ибо карта Г-на Глазунова гораздо хуже выграви-«рована и на оной не означено *ни горъ, ни бере-«говъ морей и острововъ* (что-же на ней означено?), «и по симъ—то недостаткамъ она никакъ не мо-

«жешъ называшься лучшею, какъ увѣряетъ о семъ «извѣститель оной.» Кто правъ? Обѣ карты имѣютъ почти одинаковыя названія:

1. *Карта Турецкой Имперіи.* Издана 1828 года, Надв. Сов. Ал. Савинковымъ. На двухъ небольшихъ, вмѣстѣ склеенныхъ, листахъ (изд. Г-на Запкина).

2. *Карта Турецкой Имперіи.* Издана Ал. Савинковымъ. СПб. 1828 г. на одномъ большомъ листѣ (изд. Г-на Глазунова).

На верху той и другой карты выгравировано: *Θеатръ войны Россіи противъ Турціи.* Обѣ карты дѣланы, какъ видно, наскоро; обѣ довольно плохи; но если должно отдать которой нибудь преимущество, то мы отдаемъ его изданной Г-мъ Запкинымъ: она, по крайней мѣрѣ, отдѣлана опряшнѣе.

Литтературныя замѣчанія.

Въ № 15 Московскаго Вѣстника помѣщено новое письмо П. М. Строева къ Издателю, гдѣ опять старая пѣсня — о нотѣ Графа Остермана (см. Телеграфъ № VIII, стр. 476 — 490 и XI, стр. 402, 404). Г-нъ Строевъ соглашается наконецъ, что сія нота *можетъ быть* писана Барономъ А. И. Остерманомъ. Но разсмотрѣвъ подлинникъ (только не *отъ меня доставленный Г-ну Строеву*, какъ говоритъ онъ, а видѣнный имъ у общаго нашего знакомаго), Г-нъ Строевъ выводитъ новыя заключенія, на которыя почитаю необходимостью объяснить слѣдующее:

Нота сія найдена въ фамильномъ архивѣ, остав-

шемся послѣ покойнаго Канцлера Графа И. А. Остермана. Извѣстный литтераторъ нашъ, И. И. Лажечниковъ, разобралъ нынѣ сей архивъ и нашелъ въ немъ довольно любопытныхъ памятниковъ. Изъ числа ихъ упомяну только о копіяхъ съ различныхъ, касательно фамиліи Остермановъ, бумагъ, находящихся въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Почти всѣ сіи копіи, нарочно сдѣланныя для Канцлера, скрѣплены подписями Н. Н. Бантыша-Каменскаго и служившаго при немъ чиновника М. Н. Соколовскаго. Рукою сего-то заслуженнаго старца сдѣлана была надпись на обверткѣ Ноты (которую, съ дозволенія почтенныхъ наслѣдниковъ Графа Остермана, передалъ мнѣ для помѣщенія въ Телеграфъ И. И. Лажечниковъ), а *не юношею — дипломатомъ*, какъ говоритъ П. М. Строевъ. Спрашиваю: можетъ-ли быть подложна бумага, хранящаяся въ архивѣ знаменитыхъ потомковъ Остермана и скрѣпленная рукою чиновника Государственнаго Архива? Что Г-мъ Соколовскимъ сдѣлана ошибка, это ничего не значитъ. Г-мъ Лажечниковъ показывалъ мнѣ сокращеніе Ноты, на которомъ рукою того-же Г-на Соколовскаго означено время точнѣе (1826 года, *Мартъ мѣсяцъ*) и видны явные признаки, что спорная Нота была употреблена въ дѣло. Припоминаю снова то, что Нота, въ № VIII Телеграфа напечатанная, въ другомъ спискѣ соединена съ представленіемъ, помѣщеннымъ въ № 1 Сѣв. Архива, сего 1828 года. Во всемъ этомъ Г-нъ Строевъ можетъ самъ удостовѣриться, если ему драгоцѣнна критическая повѣрка историческихъ матеріяловъ. Но точно-ли желаніе испра-

вить неумышленную ошибку мою, въ которую ввела меня ошибка чиновника, служившаго при Московскомъ Архивѣ Коллегіи ин. дѣлъ, точно-ли такое благонамѣренное желаніе водило перомъ П. М. Строева? Вотъ вопросъ затруднительный! Къ сожалѣнію, я долженъ упомянуть здѣсь, что первая, а особливо вторая статьи П. М. Строева приправлены множествомъ такихъ не нужныхъ и неумѣстныхъ приложеній, что мнѣ совѣстно за него. Г-нъ Строевъ унижается даже до взведенія на мой счетъ оскорбительныхъ небылицъ. Не хочу отвѣчать ему тѣмъ-же. Уважая его ученые труды и знаніе отечественной Палеографіи и Археографіи, жалѣю, что не всѣ свойства его хороши въ одинаковой степени.

Удивляюсь тому, какъ можетъ Г-нъ Издатель Московскаго Вѣстника помѣщать въ своемъ журналѣ статьи, подобныя письмамъ Г-на Строева! Не думаетъ-ли онъ, что по слабости человѣческой, я вздумаю отвѣчать на брань бранью, что отъ этого загорится война, а ему Г-ну Издателю удастся *въ мутной водѣ рыбы наловить*. Всегда (увѣряю въ этомъ Г-на Издателя), всегда найдется у меня столько хладнокровнаго сознанія собственныхъ силъ, что мнѣ легко будетъ заплатить молчаливымъ презрѣніемъ за всѣ ничтожныя старанія уронить мои литтературные труды.

Прошу П. М. Строева объявить: кто этотъ радушный антикварій, который доставилъ мнѣ средства объяснить недоразумѣніе, касательно одной Русской монеты, и помогъ написать статью о взя-

шіи Азова? Не ужели самъ П. М. Строевъ? Это будетъ для меня новостью, о которой я и не слыхивалъ!

Г-нъ Издатель Славянина А. Ѳ. Воейковъ, въ № 30-мъ своего журнала объявилъ о продажѣ трехъ или четырехъ сочиненій, будто-бы изданныхъ мною. Честь имѣю извѣстить Г-на Воейкова, что Московскій корреспондентъ его написалъ ему неправду. Въ Конторѣ Телеграфа ни одной изъ поименованныхъ въ Славянинѣ, будто-бы мною сочиненныхъ, книгъ не продается: не знаю, въ чьей головѣ они родились — Г-на Воейкова, или его корреспондента. Правда, въ Контору Телеграфа поступила въ продажу вновь книга, только она не новая: это *Сады*, поэма Делиля, переведенная А. Ѳ. Воейковымъ. Мнѣ уступилъ 7 или 800 экземпляровъ одинъ изъ книгопродавцовъ, торгующихъ близь Ильинскихъ воротъ, и очень дешево: по 3 рубля за пудъ; но не имѣя надобности спѣшить продажею, я дешевле 4 рублей не уступаю. Отъ этого книга можетъ залежаться; но пусть лежитъ: ей за привычку.

Изд. Телеграфа.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Поживки Французскихъ Журналовъ въ 1827 году (*).

Бѣда, когда постятся Парижскіе журналы. За ними постится Парижская публика, Франція и едва-ли не вся Европа, ибо въ наше время Парижскіе листы суть насущный хлѣбъ большей части читателей нашего поколѣнія. Охота-же искать пищи въ in-folio, въ in quarto и даже въ in 12, когда можно, за утреннею чашкою чаю или кофе, легко запастись изъ газетнаго листка пѣмъ, что послужитъ достаточнымъ дневнымъ продовольствіемъ для каждаго порядочнаго и благовоспитаннаго человѣка. Питательную силу яица равняютъ питательной силѣ цѣлой курицы, и утверждаютъ — по крайней мѣрѣ, кажется, Байронъ былъ того мнѣнія — что

(*) Статья сія была писана въ прошломъ году, въ свое время, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могла быть напечатана; нынѣ печатается она не въ свое время. Можетъ быть, читатели найдутъ въ ней кое-гдѣ мысли и замѣчанія, которыя можно сбыть съ рукъ и послѣ настоящей поры. Читателямъ рѣшить — не обманывается-ли Авторъ въ своемъ разсчетѣ. *Сост.*

довольно одного яйца въ смяшку, чтобъ сышымъ быть весь день. Такимъ образомъ, есть сбереженіе издержекъ, времени, хлопотъ, трудовъ, есть удобство всякаго рода. Благодаря нашего остроумнаго Баснописца, при такомъ пропитаніи не нужно ни кухни, ни повара (*): каждый быть можетъ своимъ поваромъ и имѣть подвижную кухню на столѣ, въ своемъ подсвѣчникѣ; была-бы только курица, которая каждый день носила по яичку. Въ родѣ умственной пищи, для читателей неслишкомъ обжорливыхъ, ежедневникъ есть также яйцо въ смяшку. И шѣмъ болѣе сравненіе это здѣсь у мѣста, что, по мнѣнію многихъ, выдумка Журналовъ, скорѣе еще чѣмъ выдумка упомянушая въ баснѣ, есть несомнѣнно наущеніе Лукаваго. Проглотивъ журнальный листокъ по утру, читатель сытъ на весь день: шупъ не нужно библіотеки, головоломныхъ занятій: пища скороспѣлка приспособлена къ желудку каждаго состоянія, званія, возраста. Того и смотри, что нетерпѣливый читатель спроситъ съ досадою: къ чему я хочу весши свое разсужденіе, начавъ, какъ поэтъ, ошъ Леденыхъ яицъ? Пора приступишь къ дѣлу.

Парижскіе Журналы имѣютъ свое Провидѣніе. Когда голодная смерть угрожала имъ во всемъ ужасѣ своемъ, предстали имъ поживки неожиданныя, которыя, при другихъ пособіяхъ, менѣе значительныхъ, поддерживали ихъ существованіе, спасая ошъ испошенія. Отрѣзаннымъ отъ продовольствій

(*) См. басню Крылова.

Твердой Земли, приплыли къ нимъ заморскія: Жирафъ, Осажи, Исторія Наполеона, Англійскіе актеры. Займемся слегка обозрѣніемъ этихъ счастливыхъ нечаянностей: оно можетъ быть наведетъ на нѣкоторыя черты мѣстности и времени, и къ тому-же развяжетъ языкъ на нѣсколько минутъ, а вѣдь надобно-же, отъ нѣчего дѣлать, поговорить о чемъ нибудь. Жирафъ, первый изъ посланниковъ Журнальнаго Провидѣнія, въ началѣ недѣли мясопустной, наставшей для періодическихъ изданій, былъ принятъ со всѣми восторгами неожиданной радости и признательности, за благодѣяніе въ пору. Науки, искуства, промышленность, праздность, любопытство, корыстолюбіе бросились къ нему и улаживали его въ свою пользу. Журналы, Академіи, рестораціи, театры, модныя лавки праздновали его благодетственное прибытіе, всѣ по своему и по обрядамъ, приличнымъ каждому отдѣленію. Литографія спѣшила повторить изображеніе дорогаго гостя, хотя и не отвѣчающаго понятіямъ о природѣ изящной. Его вшествіе въ Парижъ предано потомству, между прочимъ, въ рисункѣ, съ означеніемъ благословеннаго числа, въ которое оно совершилось, и съ пародическимъ повтореніемъ словъ, нѣкогда сказанныхъ въ Парижѣ въ достопочтенную эпоху. Красавицы, на щегольскихъ нарядахъ своихъ, носили подобіе безобразнаго Жирафа; музыка повторяла печальныя прощанія Жирафа съ родиною. О публикѣ праздношатающейся и говорить нѣчего. Всѣ званія: роялисты и либералы, классики и романтики, всѣ возрасты, изъ всѣхъ этажей высокихъ Парижскихъ хоромъ, толпами сходились къ нему

на поклоненіе. Журналы подстрекали любопытство и тщеславіе Парижанъ, сообщая въ ученыхъ изысканіяхъ историческія и біографическія черты поколѣнія Жирафа вообще и пріѣзжаго Жирафа въ особенности. Они говорили, что Моисей, вѣроятно видѣвшій Жирафовъ въ Египтѣ, упоминаетъ, первый изъ писателей извѣстныхъ, о семъ твореніи страннообразномъ; что Жирафъ, въ первый разъ посѣтившій Европу, былъ выписанъ Юліемъ Цезаремъ изъ Александріи и показанъ Римлянамъ на играхъ Цирка; что съ 1486 года не было Жирафа въ Европѣ и что нынѣ тысячи Парижанъ могли-бы поспорить въ учености съ Плиніемъ, Аристотелемъ и Бюффономъ, которые описывали Жирафа за глаза и невѣрно передали намъ его примѣты. Парижане слушали, дивились, гордились счастливою долею своею и — глазѣя въ Ботаническомъ саду на знаменитую иноплеменницу—забывали, смѣшавшись въ общей радости, что они раздѣлены на лѣвую и правую сторону; что Парижская Національная Гвардія распущена по домамъ; что журналы политическіе являются съ бѣлыми пропусками: попирая руки говорили они съ восторгомъ, что прекрасная Франція цѣлый міръ, а единственный Парижъ—столица вселенной!

Когда Жирафъ началъ уже вешшать въ общемъ мнѣніи и рѣдѣла толпа поклонниковъ вокругъ кумира вчерашняго, другіе выходцы съ иного свѣта явились ему на смѣну: Американскіе Осажи заступили почетное мѣсто на сценѣ Парижскаго міра. Таже дѣятельность, тоже волненіе возникли повсюду. Снова Французская изобрѣтательность, сно-

ва божество Французовъ *le Dieu de l'à propos* (*), котораго нѣтъ въ Русской Миѳологіи, что между прочимъ доказывается и поговоркою народною о крѣпости ума Русскаго, вцѣпились въ счастливое вспомоществованіе, извлекая изъ него тысячу даней, на всѣхъ поприщахъ и со всѣхъ рукъ. Многіе смѣются надъ Французами, и даже важно осуждаютъ ихъ за подобную легкомысленность и, такъ сказать, излишнюю *впечатлѣваемость*. Не могу согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Многія изъ блестящихъ качествъ ума и характера Французовъ тѣсно сопряжены съ сею *раздражительною способностію* живо и горячо принимать всѣ впечатлѣнія и отвѣчать быстрымъ сотрясеніемъ на каждое внѣшнее соприкосновеніе. Можетъ быть, самая утонченность образованности и общежитія дѣлаетъ ихъ, такъ сказать, щекотливѣе. Толстокожаго Лапландца не такъ скоро проймешь. Аѳиняне, изъ Древнихъ народовъ, достигнувшіе до высшей степени образованности, не были-ли также умными дѣтьми въ этомъ отношеніи? Алкивіадъ не между ими-ли пускалъ свою безхвостную собаку, чтобы отвлечь на минуту общее вниманіе? Въ другомъ городѣ, пусти хоть цѣлую свору безхвостныхъ собакъ, такъ никто не встанетъ съ мѣста и не подойдетъ къ окну, чтобы полюбоваться диковинкою. Теперь остается рѣшить: чѣмъ лучше быть — раздражительнымъ Аѳинянином, въ коемъ система нервическая была сотканa изъ тонкихъ струнокъ, отзывающихся подъ

(*) Сказка Рюльера.

малѣйшимъ дуновеніемъ, или неподъемнымъ Беотомъ, въ космъ нервы, какъ корабельныя верви, развѣ одною бурею могутъ быть приведены въ движеніе? Рѣшеніе этого запроса завело-бы насъ слишкомъ далеко; такъ оставимъ-же до удобнѣйшаго времени. Впрочемъ, это, такъ называемое, малодушіе или ребячество Французское должно поражать болѣе насъ, чѣмъ другихъ: возня Парижскихъ журналовъ, а за ними и публики Парижской, при всякой новости, такъ далека отъ нашихъ обычаевъ и нравовъ, что мы смотримъ на нее съ изумленіемъ, а многіе изъ насъ съ важною жалостью, какъ смотрѣлъ-бы созерцательный Азіятецъ, коптящійся на солнцѣ и погруженный въ дремоту мыслей и чувствъ, на поворотливость и perpetuum mobile Гасконца. Журналы наши также, спасибо, не тревожатъ нашей бездѣйственности, а напротивъ лелѣятъ ее съ родительскою нѣжностію. Когда и подаютъ они голосъ, то на подобіе Имана, который однозвучнымъ возгласомъ своимъ призываетъ правовѣрныхъ готовиться на сонъ грядущій. Совсѣмъ тѣмъ, наша публика, можетъ быть, и легка была-бы на подъемъ, если-бы литтературные и нравственные журналы наши умѣли искуснѣе поворачивать рычагомъ мнѣній и входить съ нею въ непосредственныя сношенія. Парижскіе, не только сообщаютъ своимъ собесѣдникамъ вѣсти сегодняшнія, но бесѣдуютъ съ ними и о томъ, что было вчера, и вообще обо всемъ, служащемъ предметомъ настоящихъ разговоровъ. У насъ журналы и публика рѣдко сходятся въ рѣчахъ своихъ: она мало занимается тѣмъ, что ихъ тяготитъ; они

почти никогда не догадываются, или догадываются заднимъ числомъ, о томъ, что у нее на сердцѣ и на языкѣ. Какому-же путь быть живому разговору? Приведемъ примѣръ: во все пребываніе Итальянской Оперы въ Москвѣ, гостиныя наши были наполнены *диллетантами*; Россини былъ у всѣхъ въ поминѣ — и Неаполь не былъ музыкальнѣе Москвы, по крайней мѣрѣ, на словахъ. По цѣлому получасу гости на вечеринкахъ не садились за работу, то есть, къ зеленымъ станкамъ, жарко споря о превосходствѣ Cenerentola надъ Barbiero di Siviglio, и soprano надъ contralto. Междоусобіе Пиччинистовъ и Глукистовъ возобновлено было у насъ, и несогласія доходили не до шутки. Между-тѣмъ, журналы Московскіе были вовсе не заражены этою меломаническою лихорадкою, которая овладѣла всѣми. Итальянскій языкъ, Итальянская музыка, Итальянская драматургія не имѣли отголоска въ періодическихъ изданіяхъ: хотя всѣ умы были обращены тогда къ югу, но стрѣлка журнальнаго компаса, вѣрная своей природѣ, не сворачивалась съ сѣвернаго полюса молчанія и безстрастнаго хладнокровія. Отъ Итальянской Оперы можно перейдти къ другимъ предметамъ важнѣйшимъ, хотя, въ истинномъ смыслѣ журнальномъ, все, что въ глазахъ публики кипитъ жизнію минуты, подлежитъ вѣдомству журнальному и уже не должно быть для него безжизненнымъ: и тамъ найдемъ тоже разногласіе между пишущими и публикою, или, по настоящему, только одногласіе въ послѣдней и безгласіе въ первыхъ, ибо въ журналахъ не льзя признать, какъ въ пѣсни поэта, возможности *голоса съ того*

свѣта. О многихъ голосахъ нашихъ журналовъ можно сказать, что они *не при насъ писаны*. Нѣчего сказать: должно согласиться, что журналисты наши не слѣдуютъ Французской поговоркѣ: *отсутствующіе въ загонѣ*; напротивъ: у нихъ присущствующіе и настоящее всегда въ неявкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ будто боясь тяжбы съ настоящимъ, посягаютъ только на тѣ предметы, которые уже ограждены нѣсколькими десятилѣтними давностями. Предосторожность благоразумная, но каково-же слушателямъ, которыхъ угощаютъ дѣлами, уже съ четверть вѣка покоющимися въ архивахъ! Если-же, сверхъ обыкновенія, писатели и нашкнутся мимоходомъ на живое и начнутъ говорить о немъ публикѣ, то не на живомъ языкѣ а, такъ сказать, на мертвомъ. Не изъ охоты критиковать, а единственно для подкрѣпленія сказанныхъ словъ примѣромъ, и по искреннему подобострастію (принимаю сіе слово въ истинномъ смыслѣ, а не въ превратномъ, ибо, пародируя Латинскаго комика,

Я журналистъ: мнѣ все журнальное не чуждо)

укажу на критику *Веверлея*, помѣщенную въ 20-й книжкѣ Московскаго Вѣстника. Что можетъ быть *наличнѣе* В. Скотта въ наше время и—что можетъ быть *отвлеченнѣе* вступленія къ разбору его романа? Что можетъ быть *зыбучѣе* и неосязательнѣе начертанной тутъ характеристики таланта и произведеній писателя, который, по справедливому и весьма остроумному замѣчанію самаго Рецензента, въ *государствѣ собственно-практическомъ*, избранъ Судьбою быть *практическимъ романистомъ*?

Изложивъ задачу такимъ превосходнымъ и свѣтлымъ образомъ, какъ-же не остаться Рецензенту на твердой почвѣ *рецензіи практической?* За чѣмъ съ нея удаляться и насильственно увлекать за собою и В. Скотта *практическаго* и Русскихъ читателей, также въ своемъ родѣ *практическихъ самоучковъ*, въ дремучій боръ Германской Метафизики? Ривароль говорилъ о комментаріяхъ на легкія стихотворенія Вольтера, что они напоминаютъ свинцовое клеймо, налагаемое таможенниками на дымку. В. Скоттъ яркій свѣтильникъ положительности; Рецензентъ, указывая на свѣтъ его, сгущаетъ вокругъ свѣтильника чадные пары своей критической лампады. Такъ-ли должно говорить Русскимъ читателямъ, когда хочешь дѣйствовать на ихъ умы? Русскій умъ любитъ чтобы ему было за что держаться, а не любитъ плавать въ туманахъ и влажной мглѣ, въ стихіи неопредѣленной, въ которой Нѣмцу раздолье, какъ рыбѣ въ прохладной рѣкѣ. У каждаго народа своя стихія: за чѣмъ сверхъ-естественнымъ переломомъ кидаться намъ въ чужую? Этотъ способъ разбирать твореніе, возбуждающее общее вниманіе и писанное про всѣхъ, хотя и былъ-бы онъ употребленъ съ успѣхомъ, не приличенъ, тѣмъ болѣе, когда дѣло идетъ о В. Скоттѣ, который дарованіемъ, творчествомъ и, какъ сказать, всею нравственною жизнію своей дѣйствуетъ на открытомъ полѣ и средь бѣлаго дня, а не подъ сумракомъ и засадами непроницаемаго капища. Тѣмъ болѣе способъ этотъ неприличенъ въ Русскомъ журналѣ, который долженъ быть въ числѣ ручныхъ книгъ читающей пуб-

лики, и по собственному его достоинству, которое признаю охотно во многихъ ошношеніяхъ, и по участію въ немъ, хотя и постороннему, но не менѣе гласному., поэша, который шакже, подобно В. Скотту, есть преимущественно *практическій поэтъ* и болѣе всѣхъ изъ Русскихъ, старыхъ и новыхъ, совмѣстниковъ своихъ пишетъ прямо къ своему поколѣнію, въ собственныя руки.

Отъ романиста В. Скотта перейдемъ къ историку Баронету, который изданіемъ сочиненія своего о жизни Наполеона, именно въ то время, когда насущная политика не владѣла почти безраздѣльно столбцами Парижскихъ журналовъ, былъ для нихъ въ числѣ счастливѣйшихъ находокъ. Впрочемъ, сіе твореніе, каково ни есть его собственное достоинство, и во всякое время было-бы любопытнѣйшимъ явленіемъ нашей эпохи. Наполеонъ, сей могущественный преобразователь, сіе въ теченіе многихъ лѣтъ первое дѣйствующее лицо на сценѣ всемірнаго театра, однимъ словомъ: сей В. Скоттъ политическаго міра, и В. Скоттъ, сей Наполеонъ міра литтературнаго, были равно, каждый на поприщѣ своемъ, счастливыми хищниками общаго вниманія, господствовали и господствуютъ имъ понынѣ, по праву побѣды и соизволенію общественному. Схватка—*грудь съ грудью и рука съ рукой* — сихъ двухъ гигантовъ нашей эпохи, зрѣлище увлекательное и назидательное! Хотя В. Скоттъ, коего сочиненіе пока извѣстно намъ по однѣмъ выпискамъ, а болѣе по рецензіямъ Парижскихъ журналовъ, и не смогъ-бы выдержать со славою борьбы съ соперникомъ своимъ, то и

самое паденіе его, если признать достовѣрность паденія, можетъ быть еще почетнѣе и величественнѣе побѣды другаго, даже не рядоваго бойца. Какъ Наполеонъ, такъ и его Историкъ, они равно должны быть привлекательны для общаго любопытства, равно предметами изученія и глубокомысленныхъ наблюденій, и подъ солнцемъ Аустерлицкимъ и подъ зашмѣніемъ Ватерлооскимъ. Судя по рецензіямъ Французскимъ, главный порокъ новаго творенія есть поспѣшность, съ которою Авторъ собиралъ матеріялы для Исторіи своей, не повѣряя ихъ между собою, и часто въ самомъ изложеніи своемъ не повѣривши послѣдующаго съ предыдущимъ, и въ слѣдствіе всего этого—анахронизмы, историческія забвенія, однимъ словомъ: отсутствіе достовѣрности, безъ коей Исторія не можетъ имѣть, такъ сказать, законной силы. Впрочемъ, сіи погрѣшности и недостатки, хотя и весьма важныя, могутъ быть легко при другомъ изданіи исправлены въ два или три присѣста. Но Исторія, и тѣмъ болѣе Исторія Наполеона, писанная В. Скоттомъ, не можетъ быть единственно таблицею хронологическою и памятникомъ событій: она должна быть умозрительнымъ зеркаломъ, въ коемъ отражается оптическимъ соображеніемъ эпоха, болѣе всѣхъ прочихъ для насъ занимательная: и потому, что мы ея современники, и слѣдовательно, болѣе или менѣе соучастники; и потому, что, оплагая всякое лицепріятіе въ сторону, она *важнѣйшая глава изъ книги Судебъ*, скажемъ, пользуясь выраженіемъ одного писателя. Расположеніе событій такимъ образомъ, чтобы

въ безпристрастной симметріи одно не затмѣвало другаго, а напротивъ освѣщались они взаимнымъ удареніемъ свѣта, и въ этомъ преломленіи лучей истины озарились-бы самыя сокровенныя причины событій; мѣсто, приличное при каждомъ явленіи главному лицу, которое, какъ должно быть въ оной книгѣ, такъ и въ самой жизни своей было, всегда на виду у міра; изъясненіе тайнъ характера, политики и часто странныхъ дѣйствій его, тайнъ, еще не изъясненныхъ, или, по крайней мѣрѣ, несоображенныхъ и неприведенныхъ въ общіе знаменатели, не смотря на труды многихъ толковниковъ, которые, болѣе или менѣе, наводили насъ на слѣды — все сіе зависитъ отъ *духа*, отъ мысли первоначальной, присутствовавшихъ при совершеніи труда подобной важности. Можно-ли, при всей довѣренности къ обильнымъ способамъ В. Скотта, ожидать отъ него — Англичанина, и Англичанина преданнаго мнѣніямъ одной партіи — совершенно безсторонняго, такъ сказать, *наддольнаго* исполненія предпріятія, столь обширнаго? Въ Романистѣ Шотландскомъ видѣнъ геній; въ бытописателѣ Наполеона нуженъ былъ еще *умъ*, а это дѣло совершенно разное. Можетъ быть, тамъ, гдѣ геній его въ сторонѣ, тамъ умъ его одинъ, и не всегда надеженъ: въ доказательство вѣроятности предположенія, приведемъ въ примѣръ *Письма Павла*, по коимъ можно судить предварительно о новомъ твореніи его. Превратный, односторонній умъ собьетъ и величайшій геній, какъ софизмы омрачаютъ ясный разсудокъ, какъ страсти совращаютъ непорочную душу. Генію дол-

жно быть одному, и побѣждаетъ онъ только тамъ, гдѣ можетъ дѣйствовать на чистоту; при лицѣ ума, по особеннымъ порученіямъ много хитрыхъ союзниковъ, лукавыхъ ласкателей: предубѣжденія, предразсудки политическіе и народные, предъ коими геній отступаетъ почтительно, полагая въ смиренной простотѣ своей, что онъ не понимаетъ ихъ важности. Они существа ученыя, свѣтскія; онъ созданіе темное, закоснѣлое въ одномъ вдохновеніи природы. Дюкло говаривалъ: *глупъ, какъ геній.* В. Скоттъ держался этой глупости въ романахъ своихъ; не поумнѣлъ-ли онъ въ Исторіи? Если такъ, если онъ хотѣлъ написать твореніе, не только возвышенное, но еще и *благонамѣренное*, по мнѣнію своему и своихъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ долженъ былъ упасть въ предпріятіи своемъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, если новое твореніе его не превосходитъ многимъ всего, что онъ написалъ понынѣ, то онъ также упалъ, ибо не былъ наравнѣ съ предметомъ своимъ, который выше другихъ, обрабошанныхъ имъ. Статьи Журнала Преній объ Исторіи Наполеона писаны съ умомъ и съ умѣренностью; послѣднее сіе достоинство, которымъ впрочемъ, сколько можно судить почти за глаза, ознаменовано и самое твореніе В. Скотта, есть явленіе замѣчательное и утѣшительное. Вспомнивъ вѣковую непріязнь двухъ сосѣдовъ, невольно признаются и политическіе старожилы, что народы стали умнѣе. Журналъ Преній судитъ объ Исторіи Наполеона по Французскому переводу и, какъ видно изъ другихъ журналовъ, былъ иногда вовлеченъ въ за-

блужденіе погрѣшностями Переводчика. На примѣръ, Критикъ Ж. П. нападаетъ на Историка за слово *притворился* (feint), которое, въ разсказѣ о битвѣ Аркольской, охлаждаетъ и прозаизируетъ пылъ и поэзію дѣйствій Бонапарте. Въ подлинникѣ нѣтъ этого *прозаическаго притворства:* тамъ сказано просто: Bonaparte commenced his march at first to the rear in the direction of Perschiera. Впрочемъ, повторяемъ: ошибки такого рода, и въ подлинникѣ и въ переводахъ легко будутъ, исправлены: но, если твореніе Баронета грѣшитъ *духомъ*, расположеніемъ, предубѣжденіемъ, если рама, въ которую онъ хотѣлъ вписнуть своего героя, не впору ему, и если Баронетъ захочетъ извиниться тѣмъ, что *у каждаго Барона своя фантазія*, то есть, свой образъ мыслей, то дѣло кончено. Второе изданіе будетъ исправнѣе перваго, третье втораго и такъ далѣе, но все будетъ твореніе недостойно Исторіи, Историка и лица историческаго. Работая по другой мѣркѣ, можно легко подправить испорченное, здѣсь стянуть, тамъ выпустить; но платье, сшитое на Наполеона и ему не къ лицу, уже рѣшительно никуда негодится. Когда ошибка въ покроѣ и когда этотъ покрой назначается для живаго Геркулеса Фарнезскаго, тогда ошибка непростительна и невозвратима. Должно почать новый кусокъ, а старое платье отложить въ сторону. «Прадтъ справед-
«ливъ (пишетъ ко мнѣ одинъ изъ заграничныхъ чи-
«тателей твореній В. Скотта): одна Г-жа Сталь
«могла совершить изображеніе Наполеона. В.
«Скоттъ, какъ мнѣ сдается, упустилъ много

« обстоятельствъ, проглядѣлъ много опшѣнокъ, не « подобно *колоссу Родосскому, пропускающему безъ « вниманія корабли между ногъ своихъ, не потому « что онъ слишкомъ высоко стоитъ*, но вѣроятно « по невѣдѣнію, по причинѣ иноплеменничества « своего, можетъ быть, по небрежности, по не- « умѣстной скорости, съ коею хотѣлъ онъ совер- « шить подвигъ многотрудный.» Какъ-бы то ни было, если В. Скоттъ и не удовлетворилъ вполнѣ ожиданію читателей своихъ, то есть, грамотнаго поколѣнія нашей эпохи, то, можетъ быть, придется и здѣсь сказать: дремота Гомера лучше безсонницы многихъ. Предлагаемыя критическія изслѣдованія, на обумъ, о твореніи неизвѣстномъ, похожи немного на спанья Брюсовскаго Календаря и могутъ показаться забавны: согласенъ; со всѣмъ тѣмъ, вотъ дополнительное заключеніе гаданія, которое остается впредь до разрѣшенія: во всякомъ случаѣ можно, хотя и гадательно, но рѣшительно, сказать за глаза, что новое твореніе В. Скотта, каково ни было-бы его достоинство, въ отношеніи къ дарованію его и понятію нашему объ немъ, есть первая книга настоящей эпохи; что въ объемѣ цѣлаго и въ точкѣ, на которую Авторъ сталъ для сняшія каршины или, лучше сказать, панорамы жизни Наполеона и включенной въ нее панорамы болѣе четверти вѣка изъ современной Исторіи, можетъ быть слишкомъ выдается Баронетъ, но во многихъ яркихъ частяхъ вѣрно прорывается тотъ В. Скоттъ, который разительною кистью умѣлъ какими-то особенными примѣтами означить историческія лица своихъ ро-

манических вымсловъ, и такимъ образомъ сближать съ нами обыкновенную *даль* Исторіи. Съ другой стороны, здѣсь можетъ быть заключается отчасти причина недостатка въ послѣднемъ его твореніи, если признать его недостаточнымъ: живописецъ картинный, онъ можетъ быть и отличается въ изображеніи *далей*, искуствуя преимущественно въ томъ, что называется живописнымъ обманомъ. Въ новомъ трудѣ, ему не нужно было прибѣгать къ этому средству, не нужно было созидать или воскрешать истину: истина живая, близкая трепетала у него подъ рукою. Должно было схватить ее на мѣстѣ и представить въ точномъ изображеніи, на судъ очныхъ свидѣтелей подлинника. Можетъ быть въ В. Скоттѣ не достаетъ нужнаго на то *присутствія духа*. Одно изъ многихъ непосредственныхъ послѣдствій появленія Исторіи Наполеона на Парижскую публику есть обвиненіе, падающее въ ней на Генерала Гурго. Сіе обвиненіе и возраженіе обвиненнаго занимаютъ Французскіе и Англійскіе журналы. Біографическая тайна, которая становится историческою, ибо относится до лица одного изъ товарищей историческаго общества Св. Елены, еще не рѣшена, по крайней мѣрѣ у насъ. Кажется, отвѣтъ Генерала Историку неудовлетворителенъ. Вотъ, что говоритъ о немъ одинъ Французскій листокъ. «Сужденіе, произносимое о письмѣ Г-на «Гурго въ отвѣтъ на обвиненіе Сира В. Скотта, «почти единодушно. Въ письмѣ видна рѣшитель- «ность раздраженнаго человѣка съ честью, кото- «рая именно обвиняетъ во лжи противника сво-

«его, но не видать въ немъ критики писателя, «слѣдующаго и разбирающаго хладнокровно, исто- «рическій запросъ. Безъ сомнѣнія, получимъ нрав- «ственное убѣжденіе, что Генералъ Гурго не хо- «тѣлъ измѣнить своему прежнему властелину; но «въ этомъ случаѣ будемъ вѣрить ему на слово, а «не на ощутительныхъ доводахъ оснуется сіе убѣ- «жденіе.» Легко постороннему требовать отъ обвиненнаго въ безчестіи хладнокровнаго разсмотрѣнія страшной укоризны, поразившей его въ глазахъ современниковъ и потомства! Мы будемъ снисходительнѣе Французскаго журналиста, и понимаемъ, что Гурго могъ и долженъ былъ горячо отвѣчать своему обвинителю; но соглашаемся, что историческія доказательства въ невинности нужны для низпроверженія обвиненія историческаго.

Смотря на Исторію Наполеона, писанную въ Англіи не слогомъ *Джона Бу́ля* и разсматриваемую во Франціи безъ неминуемыхъ *галлицизмовъ* площаднаго патріотизма, мы видѣли въ этомъ явленіи несомнѣнные признаки совершеннолѣтія и благоразумія эпохи нашей: другое событіе въ мірѣ Парижскомъ, другая поживка журнальная подкрѣпляетъ наше мнѣніе. Фельѣтоны газетъ наполнены извѣстіями о театральныхъ Англійскихъ представленіяхъ, которыя привлекаютъ лучшую Парижскую публику. Вотъ значительная побѣда, одержанная терпимостью надъ національными и классическими предразсудками. Можно поздравить съ нею Французовъ. Еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ подобная попытка не имѣла успѣха. Тогда,

можетъ быть, представленіе Ватерлооское было еще слишкомъ въ свѣжей памяти, и Англійскіе актеры, разыгравшіе его, только что оставили Францію, въ которой зажились для сбора *театральной реквизиціи*. Нынѣ времена не тѣ. Французы, сказываютъ, вѣтрены, слѣдовательно, и не злопамятны; къ тому-же драмы Веллингтона одно, а драмы Шекспира другое. Какъ-бы то ни было, *пьяный дикарь*, по выраженію Вольтера, который въ свое время былъ еще укоряемъ въ Англоманіи, господствуетъ на сценѣ, гдѣ царствуетъ и трезвый Расинъ. O tempora! o mores! восклицаетъ, пожимая плечами и качая напудренною головою, внутренняя стража чистыхъ Французовъ, до коихъ не дотронулась въ нагломъ порывѣ своемъ буря мнѣній, событій, переворотовъ, лѣтъ, все низпровергнувшая во Франціи, развѣявшая въ прахъ все старинное, все — кромѣ пудры съ нѣкоторыхъ Классическихъ головъ. Между тѣмъ, непріятель уже на священной почвѣ отечества; онъ въ нѣдрахъ Капитоліи Классицизма, и спасительные крики охранительныхъ гусей не пробуждаютъ въ малодушныхъ потомкахъ гнѣва и мужества исключительныхъ предковъ. Нѣкоторые Французскіе ренегаты начинаютъ поговаривать *о Маркизѣ Оросманѣ* и *Викомтессѣ Заирѣ*; критики называютъ трагедіи Дюсиса блѣдными и обрѣзными сколками живыхъ гигантовъ; слезы, которыя были послушны голосу одного Расина, волосы, которые становились дыбомъ отъ одного ужаснаго Кребильона, уста, которые улыбались не иначе, какъ по ниточкѣ Французской Таліи, признаютъ раздражительное вліяніе

Шекспира, Шеридана, Гольдсмиша. Если въ Парижскомъ партерѣ находятся волосы, не покоряющіеся Шекспировой электризаціи, то развѣ на однихъ парикахъ, взбитыхъ еще Классическимъ гребнемъ, который разчесывалъ старую Мельпомену Секванскую. Гостепріимство, оказанное Французскимъ Театромъ актерамъ заморскимъ, должно имѣть со временемъ послѣдствія плодовитыя. Пугливые туземцы, которые будутъ примѣнять сіе гостепріимство къ змѣѣ, согрѣтой въ пазухѣ поселянина, можетъ быть, не ошибутся въ своемъ предсказаніи: змѣя Шекспирова, если не уморитъ, то крѣпко ужалитъ Французскую Мельпомену. Можно сказать: *на здоровье!* На первый случай Парижскіе журналы угощаютъ пріѣзжихъ съ умомъ и съ вѣжливостью; если несовершенно уступаютъ имъ почетныя мѣста, то, по крайней мѣрѣ, разбираютъ ихъ права, и дѣло подвергается тяжебному суду: хорошо и то, что спорятъ, а не осуждаютъ безъ суда. Журналъ Преній основательно говоритъ по сему случаю: «Англійскій театръ нуженъ-ли? полезенъ-«ли онъ даже въ Парижѣ, который имѣетъ уже «иностранный театръ? Вопросъ совершенно пу-«стословный! Если въ нашей столицѣ находится «довольное количество любителей, достаточно «знакомыхъ съ языкомъ и литературою Англій-«скими, чтобы населить и поддерживать новый «театръ, то, какая бѣда доставлять этой части «согражданъ нашихъ и гостей средство забавлять-«ся, какъ они умѣютъ?» Вотъ сужденіе благоразумное и просвѣщенное: противное мнѣніе былобы нелѣпо. Мы слышали, что иные литтераторы,

и — такъ называемые — драматическіе писатели, у насъ почитаютъ существованіе иностраннаго театра ущербомъ и подрывомъ отечественнаго. Если вывести сіе мнѣніе изъ тѣснаго круга личныхъ выгодъ, неподлежащихъ общему и литературному разсмотрѣнію, то оно не можетъ выдержать возраженія. Не хотѣть имѣть иностраннаго театра, отъ страха, что онъ подорветъ отечественный, то же, что противиться привозу иностранныхъ книгъ, чтобы насильно заставить читать свои. Могутъ желать этого писатели—эгоисты, но что скажутъ читатели, которые въ большинствѣ, и должны въ этомъ дѣлѣ имѣть голосъ рѣшительный. Смѣшно почитать публику приписною къ своимъ книжнымъ лавкамъ и къ своему театру, и держать ее на барщинѣ, для умноженія доходовъ своихъ отъ типографическихъ и драматическихъ фабрикъ. Никакое правительство не согласится угодить такою статьею тарифа исключительному корыстолюбію откупщиковъ умственной промышленности. Въ отношеніи къ патріотизму, сей запросъ также незатруднителенъ. Что за патріотизмъ въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ Изящными Искуствами? Пріятнѣе-ли было-бы ушамъ Русскимъ слышать годосъ Каталани, если она родилась-бы въ Ярославлѣ или Рязани? Почитаю себя патріотомъ не хуже многихъ, но признаюсь — отдамъ охотно весь нашъ театръ за одну изъ хорошихъ комедій, не только Мольера, но и Пикара. Что за патріотизмъ, когда дѣло идетъ о наслажденіи отвлеченномъ? Найдется-ли патріотъ, предпочитающій пяти-рублевую ассигнацію, пошому,

что она отечественная, полновѣсному червонцу Голландскому? Такому позволю спорить о необходимости держаться во всемъ исключительно своего и съ уваженіемъ буду смотрѣть на его добродушный патріотизмъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи запрещенъ привозъ Французскихъ винъ, а производятъ свои подъ особенными названіями: wie Champaner, wie Burgunder. Драматическіе патріоты хотѣли-бы также ввести въ театръ это обыкновеніе и поить насъ A. B. wie Molier, F. F. wie Picard, и такъ далѣе. Да какъ-же пить, когда не пьется? Франція не боится чужихъ виноградниковъ, ибо увѣрена въ превосходствѣ своихъ: берите съ нея примѣръ. Кто-то говорилъ о жаркомъ защитникѣ неприкосновенности отечественнаго театра, что онъ хочетъ принудить публику сдаться, какъ осажденный городъ, голодомъ. Это замѣчаніе остроумно и справедливо. Къ тому-же нѣтъ сомнѣнія, что иностранный театръ долженъ способствовать со временемъ успѣхамъ своего, образовывая таланты актеровъ отечественныхъ и вкусъ публики. Не знаю, много-ли подѣйствовала Италіянская опера въ Москвѣ на успѣхи Русской оперы, но на музыкальную образованность публики Московской имѣла она значительное и благодѣтельное вліяніе. Въ Петербургѣ, гдѣ часто бывали Французскіе актеры отличнаго достоинства, тамъ и Русская сцена блистала отечественными дарованіями первостепенными. Семенова, Колосова, конечно, главнымъ одолжены природѣ, но многимъ и поучительному примѣру. Искуство актера, болѣ другихъ искусствъ, требуетъ образцовъ и пе-

реимчивости, послѣ которой, дарованіе возвышенное уже приступаетъ къ оригинальному пересозданію себя. Разсудительно-ли было-бы требовать отъ живописцовъ не изучать иностранныхъ мастеровъ и первоначально не подражать картинамъ чужой школы, тѣмъ болѣе, когда своей еще нѣтъ? Французамъ можно бояться вторженія иностранцовъ въ предѣлы театра, потому, что оно угрожаетъ цѣлости отечественнаго. Но у насъ, гдѣ театръ есть сокращенное, и на скорую руку построенное, подражаніе Французскому, тутъ нашему честолюбію и патріотической независимости спрашиться нѣчего. Если чему и пострадать, такъ одному тщеславію нашихъ драматическихъ писателей, коихъ подставная оригинальность немного распадается при видѣ настоящихъ подлинниковъ. Но безъ сомнѣнія и они, уважая болѣе общую пользу, чѣмъ свою, порадуются, что на первый случай въ Петербургѣ, благодаря просвѣщенной щедрости Правительства, будутъ имѣть при Русскомъ, три вспомогательные театра: Французскій, Италіянскій и Нѣмецкій. Вспомня Италіянскую оперу, которую мы не умѣли сохранить, а нынѣ оплакиваемъ, не льзя намъ Москвичамъ не позавидовать со вздохомъ обилію Петербургскихъ счастливцовъ и не надѣяться въ утѣшеніе, что въ добрый часъ падетъ и на долю нашу нѣсколько иноплеменныхъ поживокъ заграничныхъ, чтобы чѣмъ было поразговѣться.

Князь Вяземскій.

СМѢСЬ.

Историческое обозрѣніе первой половины 1828 года.

1827-й годъ (говоритъ одинъ изъ Германскихъ публицистовъ) былъ годъ развитія (Entwickelung) великихъ событій, коихъ начала заключаются въ измѣненіи общаго хода политики, приготовленномъ быстрыми перемѣнами главныхъ дѣйствующихъ лицъ современной исторіи, плановъ и образа дѣйствій. Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ составятъ, можетъ быть, завязку продолжительнаго періода грядущаго времени.

Взоры наблюдателей, обращаясь на современныя событія, видятъ обширную связь важнѣйшихъ происшествій, въ послѣдствіяхъ, какія уже открылись въ дѣйствительности, и въ тѣхъ, какія, *по разсчету вѣроятностей*, должны совершиться. Весь обитаемый міръ, съ немногими исключеніями, движется нынѣ въ системѣ нѣсколькихъ важнѣйшихъ государствъ, и никогда еще народы и государства не были въ такомъ тѣсномъ и близкомъ взаимномъ соотношеніи. Время насильственныхъ переворотовъ прошло; время сомнѣній также миновалось; яркій свѣтъ озарилъ вопросы, столь долгое время бывшіе темными; взаимныя права опредѣлены, и мы видимъ слѣдствія всего

этого, уже начертанныя неизгладимыми буквами на скрыжаляхъ Исторіи.

Россія, Англія и Франція составляли главные пункты историческихъ наблюденій въ прошломъ году. Важнѣйшій вопросъ политики — *Греческія дѣла*, былъ разрѣшенъ союзомъ и дѣйствіями сихъ трехъ великихъ государствъ. Послѣдовавшія за тѣмъ перемѣны въ государственномъ управленіи Англіи и Франціи; событія Португальскія; дѣла Южной Америки и Испаніи; война Россіи съ Персіею; смятенія въ Азіи — вотъ, что заключаетъ въ себѣ исторія 1827 года, въ которой частныя обстоятельства другихъ, большихъ и малыхъ, государствъ, составляютъ только дополнительныя подробности къ дѣламъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбу всего свѣта.

Начнемъ важнѣйшимъ. Съ самаго призванія Георга Каннинга въ званіе перваго Министра Англіи, съ Сентября 1822 года, видно было измѣненіе Кастлериговской системы Англійскаго правительства. Англія не приняла участія въ занятіи Испаніи Французскими войсками; объявила совершенный неутралитетъ, касательно Турціи и Греціи, допустивъ сношенія Великобританскихъ подданныхъ съ Греціею и воспретивъ ихъ съ Турціею; признала самобытность трехъ Юго-Американскихъ государствъ (Мексики, Колумбіи и Буэносъ-Айреса); посредствовала при отдѣленіи имперіи Бразильской отъ Португаліи и поручилась за нерушимость новыхъ Португальскихъ государственныхъ постановленій. Таковъ былъ ходъ дѣлъ до 1826 г., когда судьба Греціи явилась въ новыхъ отношеніяхъ къ Европейскимъ государ-

ствамъ. Переговоры, начатые Герцогомъ Веллингтономъ въ С.Петербургѣ, кончены были протоколомъ между Англіею и Россіею, заключеннымъ 4 Апрѣля (н. с.) 1826 г. Въ слѣдствіе сего произошли Аккерманскіе переговоры съ Турціею и начались въ Константинополѣ рѣшительныя дипломатическія сношенія Оттоманской Порты съ Министрами Россіи, Англіи и Франціи, приступившей къ союзу Россіи съ Англіею. Флоты трехъ Державъ явились въ Средиземномъ морѣ, и 24 Іюня 1827 г. заключенъ былъ между ними трактатъ, коимъ посредничество ихъ обезпечивало успокоеніе Греціи и миръ на Востокѣ Европы. Наваринское сраженіе, 8 Октября 1827 г. показало великость средствъ, какія вручены Провидѣніемъ могущественнымъ союзникамъ. Все казалось тогда близко къ рѣшительной развязкѣ, и ее думали видѣть политики въ гатишшерифѣ Султана, отъ 20 Декабря 1827 года, гдѣ непріязненныя намѣренія Султана обнаружились дерзкимъ и наглымъ образомъ. Но уже Каннинга не было на свѣтѣ: 8 Августа, онъ кончилъ земное поприще свое. Вступленіе Лорда Годерича на мѣсто Каннинга ознаменовалось нерѣшительностію Англіи и сильнымъ колебаніемъ министерскихъ и народныхъ партій. Не менѣе нерѣшительною явилась и Франція, гдѣ Первый Министръ Виллель едва держался противъ усилій своихъ противниковъ, Палата Депутатовъ, въ началѣ Ноября 1827 года, была распущена и новые выборы Депутатовъ, споръ о цензурѣ, борьба Оппозиціи и Министровъ заняли всѣ умы. Наваринскіе побѣдители въ бездѣйствіи внимали громкимъ, едино-

душнымъ изъявленіямъ всесвѣтнаго восторга, починивали корабли въ Мальтѣ и ждали, что велятъ имъ. Между тѣмъ Россія внимала кликамъ побѣдъ на Восточныхъ границахъ своихъ областей. 7 Іюля 1827 года, сдалась Рускимъ Персидская крѣпость Аббасъ-Абадъ, находящаяся за Араксомъ; Октября 13 Рускіе вступили въ столицу Наслѣдника Персидскаго престола, Тавризъ, и Персія спѣшила открыть переговоры о мирѣ.

Между тѣмъ, на самомъ Западномъ краю Европы, Португалія представляла непонятное, повидимому, явленіе. Новыя государственныя постановленія, коими Императоръ Бразильскій опредѣлилъ отдѣльную самобытность Португаліи (въ Августѣ 1825 г.), встрѣтили неожиданныхъ противниковъ, тотчасъ по объявленіи юной Принцессы Маріи конституціонною Королевою (въ Маѣ 1826 г.). Это сопротивленіе быстро превратилось въ бунтъ, и вооруженныя толпы, подъ предводительствомъ бунтовщика Хавеза, или лучше сказать жены его, смѣлой Амазонки, грозили самому Лиссабону, гдѣ народъ просилъ позволенія сражаться, а Дворъ и вельможи ужасались и думали о бѣгствѣ въ Бразилію. Января 1 1827 г. явились въ Лиссабонъ Англійскія войска; между тѣмъ бунтовщики были уже разбиты (почти безъ согласія правителей государства), Хавезъ бѣжалъ за границу; но непонятная остановка дала способъ бунтовщикамъ снова удержаться: и здѣсь ощутительна была смерть Каннинга. Въ концѣ года мы узнали о новыхъ перемѣнахъ: Инфантъ Михаилъ, братъ Им-

ператора Бразильскаго, нѣкогда, по причинѣ бунта, удаленный изъ Португаліи и три года жившій въ Вѣнѣ, утвержденъ былъ Правителемъ государства, съ обязанностью сочетаться бракомъ съ Королевою Маріею, когда ей исполнится совершенно-лѣтіе (она родилась въ 1819 г.). Давъ присягу сообладать утвержденныя братомъ его постановленія, 6 Декабря 1827 года, Михаилъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Португалію: путь его назначенъ былъ черезъ Парижъ и Лондонъ. Португалія, казалось, ждала въ безмолвіи его прибытія.

Утвердивъ постановленія Португальскія своимъ согласіемъ, Европейскіе Государи не хотѣли допустить Михаила ѣхать чрезъ Испанію, которая въ 1827 г. представляла позорище непрерывныхъ междоусобій, заговоровъ и борьбы партій. Рѣшительность Короля Фердинанда оказалась единственно въ подкрѣпленіи Португальскихъ мятежниковъ, и въ пищетномъ упорствѣ его все еще мечтать о покореніи бывшей Испанской Америки. Только требованія другихъ Дворовъ отвратили вооруженное посредничество его въ дѣлахъ Португальскихъ. Безпрестанно писали о скоромъ выходѣ изъ Испаніи остальныхъ Французскихъ войскъ, но они остались въ Испаніи, хотя не участвовали ни въ какихъ тамошнихъ дѣлахъ и ни во что не вмѣшивались.

Разпространеніе коммерческихъ сношеній; усиленіе прежнихъ и учрежденіе новыхъ колоній; стараніе отвратить гибельный переломъ торговли 1826 года; улучшеніе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; состояніе Ирландіи и споры о границахъ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами—все

это занимало Англію въ 1827 году, сверхъ посредничества въ Греческихъ и Португальскихъ дѣлахъ, перемѣны Министровъ и борьбы партій, произведенной смертію Каннинга.

Мы сказали уже о событіяхъ во Франціи, въ 1827 году. Всѣ остальныя Европейскія государства оставались при мирныхъ занятіяхъ внутренними дѣлами и при обыкновенномъ теченіи внѣшнихъ дѣлъ. Австрія увидѣла, что политическая ея система потеряла прежній вѣсъ, и пребывала въ глубокомъ безмолвіи при всѣхъ новыхъ событіяхъ. Только въ Португальскихъ дѣлахъ оказала она нѣкоторое участіе. Австрійскія наблюдательныя войска оставили Неаполь и сосредоточились въ Австрійскихъ Итальянскихъ владѣніяхъ. Новый наборъ рекрутъ показалъ, что Австрія не уменьшаетъ военныхъ силъ своихъ. — Отлично-мудрое, благодѣтельное правленіе Баварскаго Короля Людовика; обыкновенное собраніе Нидерландскихъ Генеральныхъ Штатовъ въ Голландіи и Норвежскаго Стортинга въ Швеціи; стараніе о просвѣщеніи народа и улучшеніе нѣкоторыхъ частей внутренняго устройства въ Пруссіи и Даніи; смерть праведника-старца Короля Саксонскаго; споръ Папы съ Испаніею о поставленныхъ имъ Іерархахъ въ Южную Америку и конкордатъ его съ Нидерландами, касательно Бельгіи; нападеніе Алжирцовъ на корабли Итальянскихъ владѣній, завязавшее Францію въ войну съ Алжиромъ — вотъ событія въ остальной части Европы. Судьба Греціи въ прошедшемъ году освѣщена была только заревомъ Наварринскимъ. Глубокій мракъ униженія вѣроятно скрылъ-бы отъ насъ храб-

рыхъ, но легкомысленныхъ и нестройныхъ сыновъ новой Эллады. Хвастливый Кохренъ, храбрый Чорчь, смѣлый Вупье, отважный Канари и мужественный Міаули уже едва могли держаться противъ неистовыхъ и звѣрообразныхъ скопищъ Ибрагима.

Въ Азіи открылось новое позорище двухъ кровавыхъ волненій: бунтъ подвластныхъ Китаю областей Средней Азіи и война Сеиковъ съ Авганцами, гдѣ вмѣшались Англичане, хотя и непосредственно. Безпокойныя волненія были также на восточномъ Индійскомъ полуостровѣ и на островахъ Индійскихъ.

Египетскій Вице-Король видѣлъ погибель флота своего подъ Навариномъ и сражался въ Аравіи съ возмутившимися ордами. Не смотря на гибель, грозящую странникамъ въ странахъ Африки, отважные Европейцы шли въ глубину ея со всѣхъ сторонъ, въ тоже время, какъ пчелы, роясь по берегамъ Африканскимъ въ новыхъ колоніяхъ и не страшась непріязненности Ашантіевъ, Кафровъ и другихъ свирѣпыхъ туземцовъ Африки. — Сильно распространяясь по всѣмъ частямъ благосостоянія народнаго, Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты оставались въ 1827 году въ мирной дѣятельности. Но въ Южной Америкѣ, на самомъ Южномъ краю сей части свѣта, война между Бразиліею и Буеносъ-Айресомъ горѣла весь прошедшій годъ. Между тѣмъ, другія государства Южной Америки и Мексиканскаго перешейка — Хили, Боливарію, Перу, Колумбію, Гвашималу и Мексику, можно было уподобить обширному пространству водъ, послѣ страшной бури слившемуся въ опредѣленное про-

странство, но еще въ бурныхъ порывахъ кипящему и покрывающему свои острова и скалы. Только Боливаръ и Ривадавіа, Президентъ республики Ріо-Платской, представлялись намъ, какъ двѣ непоколебимыя скалы, о которыя разбиваются безсильныя волны народныхъ неудовольствій, недоразумѣній и буйства.

Въ такомъ видѣ можно изобразить современную исторію прошлаго 1827 года. Подробности и причины многихъ событій мы будемъ имѣть случай показать въ обозрѣніи первыхъ шести мѣсяцовъ нынѣшняго года. Уже многое сбылось въ сей краткій періодъ времени, о чемъ недоумѣвали еще въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1827.

Мы имѣемъ полное право начать обозрѣніе наше съ *Россіи*. Не чувство народной гордости, но важность событій ведетъ насъ къ этому. Ни одно государство въ мірѣ не представляется намъ нынѣ въ видѣ столь огромномъ, столь славномъ и исполненномъ столькихъ надеждъ. Юный Государь и новыя поколѣнія Рускихъ вступили на поприще Исторіи и вступленіе ихъ ознаменовалось въ сильныхъ и рѣшительныхъ порывахъ.

Съ новымъ годомъ мы ждали мира съ Персіею; но внезапная перемѣна мыслей Персидскаго Шаха замедлила желанное извѣстіе. Онъ вздумалъ было *до мира* указать Русскимъ войскамъ дорогу за Араксъ. Не отказываясь отъ переговоровъ быстро двинулись Рускіе, вмѣсто отвѣта, въ передъ и — 15 Января городъ Урмія, а 26-го, сильная крѣпость Ардебиль, почти безъ сопротивленія, сдались Русскимъ. Даже двое дѣтей Аббасъ-Мирзы попа-

лись въ плѣнъ. Немедленно прискакали гонцы Шаха съ согласіемъ его. Февраля 10 заключенъ былъ въ Туркманчаѣ славный миръ: Нахичеванское и Эриванское ханствы составили Русское владѣніе, подъ названіемъ *Армянской области*; 20 милліоновъ рублей сер. наградили наши военныя издержки. Сверхъ того, свободная, исключительная торговля по Каспійскому морю; особыя преимущества торговлѣ нашей въ Персіи и постоянныя дипломатическія сношенія, были слѣдствіями Персидской войны, за которую полководецъ Русскій возведенъ въ достоинство *Графа*, съ титломъ *Эриванскаго;* воины награждены особо учрежденною медалью и всѣ участники осыпаны знаками отличій, денежными наградами и почестями.

Между тѣмъ ничего не было слышно о Турціи. Еще въ Апрѣлѣ 1827 г. Графъ Капо Д'Истріа, бывшій Статсъ-Секретарь Русскій, избранъ былъ въ Президенты Греческой республики. Онъ явился въ Петербургъ изъ Женевы, гдѣ жилъ до того времени, какъ частный гражданинъ. Благосклонно принятой Императоромъ, Графъ немедленно отправился къ другимъ Дворамъ Европейскимъ. Отъ 30 Ноября 1827 послано было Великимъ Визиремъ письмо къ Русскому Вице-Канцлеру, съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ изъ Константинополя Русскаго посла Рибопьера (10 Февраля благополучно прибывшаго въ Тріестъ) и съ жалобою на несоглашеніе его сдѣлать Портѣ требуемыя объясненія. Декабря 8 (с. с.) 1827 г. обнародованъ въ Турціи, дышущій вѣроломствомъ, фанатизмомъ и злобою гатти-шерифъ Султана. Февраля 28 переводъ его публи-

кованъ въ Петербургѣ, съ замѣчаніемъ, что гатишерифъ сей «не нужно разбирать.» Объявляя потомъ о началѣ Турціею непріязненныхъ дѣйствій, захваченіи кораблей и подданныхъ Русскихъ, остановленіи торговли по Черному морю и явныхъ обидахъ имени Россіи и достоинствамъ сего великаго государства, Россійское Правительство присовокупило къ тому, что «оно достигнетъ желаемаго «удовлетворенія, хотя и не отступитъ въ то же «время отъ точнаго смысла Лондонскаго трактата.» Марша 21 въ Петербургѣ торжествовали миръ съ Персіею, а 14 Апрѣля обнародованъ былъ манифестъ, коимъ — *объявлена война Турціи.* Подробная декларація, объяснительныя замѣчанія и письмо Вице-Канцлера, въ отвѣтъ на письмо Визиря, были обнародованы, съ объявленіемъ, что Государь Императоръ *рѣшился не покидать оружія, доколѣ безопасность и пользы Державы Его не будутъ обезпечены.* Въ тотъ-же день подписанъ былъ манифестъ о наборѣ, съ каждыхъ 500 душъ двухъ рекрутовъ. Торжественно начали выступать изъ Петербурга Гвардейскіе полки съ 1 Апрѣля, а 15-го всѣ они, числомъ до 30 т., находились уже въ походѣ на Югъ Россіи. Указомъ Сенату, 12 Апрѣля, Фельдмаршалъ Витгенштейнъ объявленъ Главнокомандующимъ Россійскою арміею противъ Турковъ, а губерніи Херсонская, Подольская и Бессарабія находящимися въ военномъ состояніи. Вечеромъ 25 Апрѣля, Императоръ самъ выѣхалъ изъ Петербурга и отправился къ дѣйствующей арміи. Трофеи ожидали Государя на пути. Въ день отъѣзда Его изъ столицы, Графъ Витген-

шпейнъ объявилъ прокламаціею жителямъ Молдавіи и Валахіи о вступленіи Русскихъ войскъ въ сіи Княжества.

Никогда и ни одна война не начиналась съ такимъ всеобщимъ кликомъ — *къ оружію*. Народное мнѣніе, скрывавшее нетерпѣливое желаніе Рускихъ — отплатить обиды гордому врагу — изъявлено было радостнымъ восторгомъ всѣхъ званій, по изданіи манифеста 14 Апрѣля. Подобно извѣстію о Наваринской битвѣ, вѣсть о войнѣ съ Турціею сопровождалась радостью повсюду — отъ Сѣверной Америки до несчастной Греціи. Всѣмъ казалось, что *святая война* начинается. Съ нетерпѣніемъ ждали политики отзывовъ Франціи и Англіи. Въ рѣчи Карла X, 5 Февраля, при открытіи засѣданія обѣихъ Палатъ, было сказано: «Дѣла на востокѣ представляютъ нѣкоторыя затрудненія; но трактатомъ, который заключенъ съ Королемъ Англійскимъ и Императоромъ Россійскимъ положено основаніе къ примиренію Греціи, и я надѣюсь, что усилія моихъ союзниковъ и мои восторжествуютъ, безъ пособія силы, надъ сопротивленіемъ Порты. Неожиданное Наваринское сраженіе было въ одно время и новымъ случаемъ къ прославленію моего оружія и къ блестящему доказательству союза трехъ Державъ.» Громкія изъявленія восторга сопровождали рѣчь Короля. — Англія, напротивъ, холодно отозвалась о дѣлахъ Греціи, и въ рѣчи Короля, при открытіи засѣданій Парламента, 17 Января, съ живѣйшимъ негодованіемъ услышали Англичане слѣдующія слова: «Между тѣмъ, какъ приводимы были въ дѣйствіе мѣры, принятыя для

исполненія трактата 6 Іюля, совсѣмъ неожиданное *столкновеніе* (collision) послѣдовало между флотомъ Соединенныхъ Державъ и флотомъ Турецкимъ, въ Наваринской гавани. Не смотря на храбрость, оказанную Союзными воинами, Его Величество былъ глубоко опечаленъ сраженіемъ противъ морскихъ силъ старой своей союзницы.» — «*Существительныя* въ рѣчи Короля нравятся мнѣ; но прилагательныя совсѣмъ не по моему вкусу,» говорилъ послѣ того Лордъ Голландъ, въ засѣданіи Верхняго Парламента, гдѣ большинство голосовъ было одного съ нимъ мнѣнія. «Давно-ли,» продолжалъ онъ,» сдѣлалась Турція *старою* союзницею Англичанъ?« — Рѣчь Короля не доказываетъ однакожъ ни расположенія Англіи въ пользу Турковъ, ни отказа ея отъ помощи Грекамъ, ни непріязни съ Россіею. Веллингтонъ не такъ поступаетъ, какъ поступалъ Каннингъ — правда; но политическое *безстрастіе* сего Министра было слѣдствіемъ внутренняго волненія партій, и слѣдствіемъ мгновеннымъ, ибо война Россіи начата была по дѣламъ, отъ Греческихъ происшествій отдѣльнымъ, и не нарушала трактата Лондонскаго, который Англія, медленнѣе прежняго, но не отказывается исполнять. «Россія не отступаетъ отъ постановленій сего трактата; но заключая оный, не могла Россія отказаться отъ охраненія собственныхъ правъ, или взять на себя обязанность — *сносить оскорбленія и не требовать должныхъ вознагражденій.* Всѣ условія, всѣ правила въ семъ актѣ начертанныя, будутъ ею въ точности наблюдаемы. Союзники ея всегда найдутъ въ ней готовность, вмѣстѣ съ нами,

изыскивать средства для исполненія положеній Лондонскаго трактата. И долгъ христіянскій, и вліяніе чувствъ, коими человѣчество справедливо гордится, равно требуютъ совершенія взаимно данныхъ Союзными Державами обѣщаній. Россія во всякомъ случаѣ будетъ содѣйствовать имъ постоянно, усердно, и выгодами своего особеннаго положенія воспользуется лишь для того, чтобы скорѣе достигнуть цѣли договора 24 Іюня, не измѣняя ни въ чемъ ни свойства, ни дѣйствій его» (Декларація 14 Апрѣля).

Нѣтъ! такъ не выражается хитрая политика и властолюбіе: это голосъ истины, находящій созвучіе въ сердцамъ всѣхъ народовъ. Пусть какой нибудь Тори Англійской дипломатики разсчитываетъ судьбы царствъ на вѣсахъ своекорыстія: противъ него ополчается духъ вѣка, требующій благоденствія міру безъ всякихъ разсчетовъ. Крикунъ Англійскаго журнала жалокъ съ своимъ политическимъ равновѣсіемъ — всегдашнею и всегда не сбыточною мечтою Европейской политики, съ своимъ эгоизмомъ, похвальнымъ, можетъ быть, для патріотизма Англичанъ, но несовмѣстныхъ съ обѣтами и желаніями просвѣщенныхъ друзей человѣчества. Если Россія поставлена на высокой чредѣ между государствами; если мощь ея, умножающаяся гражданская дѣятельность и сила духа юнаго Государя, страшатъ робкихъ Европейскихъ политиковъ, пусть ищутъ они отвѣта въ таинственныхъ путяхъ Провидѣнія, и находятъ ручательство за миръ и счастіе народовъ въ благородномъ, высокомъ величіи сердца Монарха Русскаго.

Если успѣхи можно почесть за доказательства благословенія Небесъ, то успѣхи въ нынѣшней Турецкой войнѣ, конечно, показываютъ всякому правоту и священность дѣла Русскихъ. Графа Витгенштейна можно, какъ нѣкогда Димитрія Поліорцета, назвать *забирателемъ городовъ*: такъ быстро и успѣшно совершена кампанія четырехъ мѣсяцовъ. Апрѣля 25 перешли Рускіе за границу; въ тотъ-же день заняты Яссы и вскорѣ Галацъ; 30 Апрѣля занятъ былъ Бухарестъ и осажденъ Браиловъ; въ началѣ Мая взята Крайова, столица Малой Валахіи. Присутствіе ИМПЕРАТОРА придало новыя силы войскамъ. Непримиримые враги Россіи, Запорожскіе Казаки просили ГОСУДАРЯ принять ихъ въ подданство Русское, и обратились на Турковъ, какъ будто желая заслужить свою прежнюю непріязнь: въ переправѣ черезъ Дунай, 26 и 27 Мая, они оказали чрезвычайную храбрость, и Атаманъ ихъ, Іосифъ Гладкій, бывшій въ чинѣ Турецкаго двухъ-бунчужнаго Паши, пожалованъ чиномъ Рускаго Полковника и Георгіевскимъ крестомъ. Мая 30 сдалась Рускимъ крѣпость Исакча; Іюня 2, другіе враги наши, потомки бѣглыхъ Донскихъ Казаковъ, Некрасовцы предали себя добровольно подданству Россіи. Іюня 1 и 2 сдались намъ Бабадагъ и Мачинъ; 3-го сильный приступъ къ Браилову устрашилъ Турковъ и заставилъ ихъ сдать сію твердыню Дуная. 12 ч. сдались Кисменжи и Гирсова; въ тотъ-же день на Восточномъ берегу Чернаго моря, Анапа, окруженная флотомъ и войсками, сдалась, не смотря на помощь Черкесовъ,

прискакавшихъ во множествѣ защищать сіе единственное мѣсто сообщенія ихъ съ Турціею.

Успѣхъ нашъ уронилъ духъ Горскихъ народовъ, особливо при неудачномъ ихъ набѣгѣ за Кубань, при чемъ они были разбиты, хотя и успѣли причинить вредъ обитателямъ при-Кубанскихъ земель. Іюня 18, сдалась намъ Тульча, 24 занятъ Базарджикъ; Іюля 2 начата осада Варны, а 8-го войска подошли уже — къ Шумлѣ; 9 ч. обложена блокадою Силистрія, гдѣ находится болѣе 20 т. гарнизона. Шумла заключаетъ въ себѣ до 50 т., но она окружена теперь со всѣхъ сторонъ, также какъ и Варна, гдѣ осадою управляетъ храбрый Князь Меншиковъ, покоритель Анапы. Ночью на 27 ч. Іюля изъ-подъ огней крѣпостныхъ выхватилъ онъ Турецкую флотилію и отрѣзалъ со всѣхъ сторонъ Варну. Съ половины Іюня двинулись войска Русскія отъ Арарата, вступили въ Азіятскую Турцію, приступомъ взяли Карсъ, Ахалкалахъ и Гертвизъ. Крѣпость Поти, лежащая на устьѣ Ріона, сдалась 14 Іюля.

Таково положеніе войны съ Турками, въ которой Рускіе въ глазахъ Государя показывали примѣры истинно-Русской храбрости, силы духа и умѣнья переносить неимовѣрные труды и опасности. Іюля 27 Государь пріѣхалъ изъ арміи въ Одессу, гдѣ Императрица и блестящій Дворъ заставляли жителей забывать, что такъ близко ихъ цѣлыя области покорены и война горитъ съ величайшею дѣятельностію.

Обративъ взоръ на Россію съ другихъ сторонъ, другъ человѣчества, съ радостью сердца, замѣчаетъ повсюду подвиги Монарха, дѣятельнаго и неусып-

но думающаго о благѣ подданныхъ, столько-же, сколько о государственной чести Россіи и военной славѣ ея. Русскій флотъ обратилъ уже Его вниманіе: новое устройство Морскаго Министерства и учрежденіе Штаба Морскаго (въ Апрѣлѣ 1828 г.) привело сію важную часть государственной силы въ новый порядокъ. Русскіе законы неусыпными трудами, въ два года, всѣ приведены въ систему, и съ 23 Апрѣля повелѣно дѣлать рѣшительный пересмотръ сводовъ, для изданія оныхъ: симъ отвращены будутъ навсегда сбивчивость и поводы къ невѣрному юридическому изъясненію. Апрѣля 22 подписанъ новый, благодѣтельный Цензурный Уставъ и опредѣлены права литературныя. Еще въ Ноябрѣ 1827 г. сдѣлано учрежденіе для писателей драматическихъ, отдающихъ свои сочиненія и переводы для представленія на театрахъ. Въ новый рекрутскій наборъ повелѣно включить и Евреевъ, доныне не несшихъ сей гражданской обязанности. Между тѣмъ безпрестанно приготовляется множество улучшеній и перемѣнъ по гражданскимъ законамъ. Бессарабія получила новый, болѣе сообразный съ мѣстными выгодами Уставъ управленія. Въ Декабрѣ 1827 г. сдѣланы облегченія въ платежѣ податей купечества, мѣщанства и торгующаго крестьянству, съ разными удобствами для промышленности. Управленію дѣлами по Греко-Уніятскому исповѣданію дано лучшее устройство учрежденіемъ особенной Коллегіи. Января 17 утвержденъ уставъ *Польскаго Банка*, основаннаго для уплаты долговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, по бывшему Герцогству Варшавскому,

шакже для шрансферта и учета векселей, въ ободреніе торговли и промышленности царства Польскаго.

По отчету Министра Финансовъ, сумма государственныхъ долговъ Россіи къ 1828 г. (срочныхъ и безсрочныхъ) простиралась до 652,396,102 р. 46 коп.; сумма выпущенныхъ въ оборотъ ассигнацій уже съ нѣсколькихъ лѣтъ не прибавляется и въ 1827 году оставалась по прежнему 595,776,310 руб. Оборотъ Заемныхъ Банковъ простирался до 200 милліоновъ и принесъ казнѣ около 2-хъ милліоновъ прибыли. Обороты Коммерческаго Банка возрасли до 964 милліоновъ, и въ 1827 г. принесли прибыли 1,608,661 р. 28 к. (подъ учетъ векселей выдано было болѣе 161 милліона; шрансферты простирались до 80 милліоновъ).

Торговля внѣшняя въ 1827 году была значительнѣе 1826 года. Вывозъ изъ Россіи составлялъ сумму болѣе 236, а привозъ болѣе 208 милліоновъ; пришедшихъ въ Россію кораблей было 5314, отшедшихъ 5309. Вообще сказать можно, что промышленность и торговля безпрерывно и необыкновенно усиливаются и улучшаются въ Россіи. На Лейпцигскую Пасхальную ярмарку, въ первый разъ, высланы были въ нынѣшнемъ году Московскими купцами мануфактурныя издѣлія и изумили Нѣмцовъ добротою и изяществомъ. Умноженіе машинъ на Русскихъ фабрикахъ идетъ въ чрезвычайной прогрессіи. Обработка шелку въ Грузіи; заведеніе прядильныхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ (побудившее Г-дъ Остеррида и Боля предложить даже объ учрежденіи въ Москвѣ особенной компаніи,

для устройства огромнаго прядильнаго заведенія — filature du coton); торговля за Кавказомъ и въ Персіи; учрежденіе новыхъ ярмарокъ (въ Тифлисѣ, въ Симферополѣ и другихъ мѣстахъ; также для торговли шерстью по Южной Россіи), пароходовъ (между Лондономъ и Петербургомъ, Одессою и Крымомъ), дилижансовъ (изъ Петербурга въ Радзивиловъ и Ревель, изъ Москвы въ Рязань и Тулу)— все показываетъ усиливающуюся дѣятельность общественной жизни. Замѣтимъ здѣсь учрежденіе разныхъ обществъ по части торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Въ началѣ 1828 г. основалась въ Петербургѣ *Земледѣльческая Компанія*, для учрежденія образцовой фермы плодопеременнаго землепашества и улучшенія другихъ частей сельскаго хозяйства; капиталъ ея составятъ 2000 акцій, по 250 рублей каждая. Въ Августѣ 1827 г. утверждено *Россійское Страховое отъ огня Общество*, которое удержитъ наши капиталы, выходившіе за застраховку домовъ въ кассы Англійскихъ капиталистовъ. Успѣхъ сего Общества былъ необыкновенный, и акціи, при заплатѣ только 200 рублей преміи, возвысились уже 1-го Іюня до 675 рублей. Московское Общество Сельскаго Хозяйства успѣшно занималось своею образцовою фермою, Земледѣльческою Школою, разведеніемъ въ Россіи Американскихъ табаковъ и лучшихъ породъ хлѣба. Такое-же Общество основалось въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Разведеніе мериносовъ и Англійскихъ долгошерстныхъ овецъ идетъ въ Россіи съ великимъ успѣхомъ. Скаковое Общество въ Лебедяни, могущее споспѣшествовать улучше-

нію коневодства; Крымское Общество для улучшенія винодѣлія; Луганская образцовая ферма; Школа рисованія для ремеслъ и художествъ въ Москвѣ и Школа Горнозаводская — обѣ основанныя знаменитою фамиліею Строгоновыхъ; наконецъ Конторы для разбора мериносовой шерсти, учрежденныя въ Москвѣ, и заведеніе колоніи Ангальтъ-Бернбургскихъ выходцовъ въ Крыму, для чего Герцогу Ангальтскому пожаловано болѣе 50 т. десятинъ земли — все это факты, важные для наблюдателя. Богатые Сибирскіе пески изумляютъ количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ, въ нихъ находимыхъ: въ 1827 году добыли тамъ 282 пуда, 6 зол. 45 д. золота и почти 26 пудъ (25 п. 30 ф. 65 з. 72 д.) платины (*болѣе нежели въ* 1826 *г.* золота 50 пудъ 14 ф., платины 12 п. 10 ф.). Великое количество платины подало мысль къ дѣланію изъ нея монеты, которую и начали чеканить по установленной формѣ, въ монетѣ, вѣсомъ въ 2 зол. 41 д. стоющей 3 руб. серебряныхъ, величиною противъ серебрянаго 25-ти копѣечника и прекрасной формы. Мая 27 ч. открытъ былъ для судоходства новый Кирилловскій каналъ, соединяющій Шексну съ Сухоною и устроенный подъ начальствомъ Маіора Фантгофа, въ три года; теперь работаютъ надъ каналомъ, который долженъ соединить Москву съ Волгою и, подобно Кирилловскому, открыть новые пути промышленности и торговлѣ.

Просвѣщеніе народное не менѣе вещественныхъ богатствъ государства заслуживаетъ наблюдательный взоръ. Представляемъ нѣсколько статистиче-

скихъ извѣстій. По отчету Московскаго Университета въ округѣ его число учащихся въ 1827 и 1828 гг. простиралось до 12,433, а въ самомъ Университетѣ было 739 человѣкъ; вновь открыты 1 уѣздное, 3 приходскихъ и 11 частныхъ училищъ. Въ Петербургскомъ Университетѣ, съ пансіономъ его, было не болѣе 253, а во всемъ округѣ до 11,209 учащихся. Дерптскій Университетъ (отпраздновавшій въ 1827 году 25-ти лѣтній юбилей свой) заключалъ въ округѣ своемъ учащихся до 6800 человѣкъ. — С.Петербургская Академія Наукъ получила новый штатъ и новыя средства усилить свои дѣйствія. Въ Академіи Художествъ была въ 1827 году публичная выставка произведеній живописи и скульптуры, гдѣ блистательный успѣхъ имѣли работы знаменитыхъ нашихъ художниковъ: Кипренскаго, Воробьева, Уткина, Брюлова, и большія надежды подали Крыловъ, Чернецовъ и другіе юные артисты. Не менѣе радовали патріота испытанія въ Петербургскомъ училищѣ Восточныхъ языковъ, гдѣ ученики оказали необыкновенные успѣхи; испытаніе въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ и другихъ заведеніяхъ. Благодѣтельное Общество поощренія художествъ продолжало свои дѣйствія, ободряемое вниманіемъ и щедротами Государя: болѣе 32 т. р. заплатило оно въ 1827 году за труды художниковъ и раздало въ пенсіи, помощь и награды. Не льзя не замѣтить дѣйствій СПбургскаго женскаго патріотическаго Общества, которое, кромѣ своего Института, открыло приходскія школы въ 7 частяхъ Петербурга, для 105 воспитанницъ, и предполагаетъ постепенно от-

крывать ихъ во всѣхъ другихъ частяхъ, для первоначальнаго обученія бѣдныхъ дѣвушекъ. Другое замѣчательное явленіе есть училище для аманатовъ, которыхъ даютъ намъ разные Кавказскіе народы въ Грузіи: оно открыто въ Тифлисѣ 25 Іюня, подъ дирекціею Мишшаида-Ага-Миръ-Феши, начальника Магометанскаго исповѣданія въ Россіи, и конечно принесетъ благодѣтельныя слѣдствія въ образованіи дикихъ племенъ Кавказскихъ, болѣе благодѣтельныя, можетъ быть, нежели принесло-бы завоеваніе сихъ племенъ.

Обращаясь къ другой отрасли благоденствія государственнаго — народному здоровью и успокоенію страждущаго человѣчества, замѣтимъ прежде всего подвигъ СПбургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ распространеніи прививанія коровьей оспы — подвигъ великій и спасительный человѣчеству! Глазная Лечѣбница въ СПетербургѣ произвела въ 1827 году 520 операцій и до 5000 страждущихъ были довольствованы отъ нее совѣтомъ и пособіями, безъ всякой платы; Московская глазная Лечѣбница произвела 519 операцій и облегчила страданіе 4512 человѣкъ. Капиталъ Инвалидный, состоящій подъ управленіемъ особаго Комитета, къ 1 Января состоялъ изъ 8,235,001 руб. 79 к., а въ 1827 г. роздано было 2582 человѣкамъ 132,780 рублей. Указомъ Апрѣля 25 опредѣлено учредить огромную больницу на Васильевскомъ островѣ въ Петербургѣ и, какъ на сей предметъ, такъ и на улучшеніе другихъ Петербургскихъ больницъ отчислено 1,865,000 рублей. Въ Москвѣ Іюня 13 заложена новая городская больница,

на 450 кроватей.—Странноприимный Домъ, учрежденный Графинею Шереметевою въ Москвѣ, постоянно исполняетъ благотворительныя пособія, которыя въ 1827 году облагодѣтельствовали разнымъ образомъ до 2400 человѣкъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣнія о всѣхъ постоянныхъ пособіяхъ, какими ознаменовали себя въ исторіи благотворенія Русскіе патріоты — Куракины, Голицыны, и другіе, коихъ имена не столь знамениты, но также сильно врѣзаны слезами благодарности въ книгѣ судебъ. Упомянемъ о двухъ новыхъ подвигахъ благотворительности: Поручикъ С. Г. Ивановъ, по кончинѣ своей отказалъ С. Петербургскому Человѣколюбивому Обществу 821,000 для употребленія процентовъ на благотворенія. Сей капиталъ составилъ особую сумму, подъ названіемъ: *Казна въ пользу бѣдныхъ, Иванова.* Фридрихсгамскіе купцы Набилковы пожертвовали Московскому Человѣколюбивому Обществу болѣе 20,000 р. и мѣсто для заведенія больницы. Цѣните подвигъ средствами, какія имѣетъ подвизающійся, и тогда малая лепта можетъ перевѣсить милліоны! Въ Одессѣ учреждено *Ортопедическое заведеніе* (исправленія уродовъ). Въ Москвѣ открыто заведеніе искуственныхъ минеральныхъ водъ, по методѣ Дрезденскаго врача Струве, для чего составилось особое Общество.

Какъ жители Москвы, упомянемъ, что въ Москвѣ приняты дѣятельныя мѣры для провода въ сію столицу воды, въ чемъ давно мы чувствовали недостатокъ. Вода изъ Мытищъ, въ 30 верстахъ отъ Москвы, будетъ поднята трубами на Сухареву башню и разольется по Москвѣ, фонтанами и кана-

лами. Въ Петербургѣ изумлялись гранитнымъ колоннамъ Исакіевскаго Собора, изъ которыхъ каждая составляетъ цѣльный кусокъ граница — въ 50 ф. вышины (9 ф. болѣе колоннъ Римскаго Пантеона)! Марта 20, первая изъ сихъ колоннъ торжественно поставлена на мѣсто, искуснымъ механизмомъ зодчаго, Г-на Монферрана, съ удивительною легкостію. *Платинная* медаль заложена была подъ ея основаніе. Вообще обѣ столицы и главнѣйшіе города Русскіе украшаются безпрерывно новыми зданіями, показывающими совершенствующійся вкусъ. Такъ въ Москвѣ бульвары, обдѣлка прудовъ, улицъ, домовъ и цѣлые кварталы новыхъ огромныхъ зданій свидѣтельствуютъ попечительность Правительства и изящество вкуса жителей. Теперь отдѣлывается въ Москвѣ Слободской Дворецъ, гдѣ помѣстится огромное училище ремеслъ, для питомцовъ Воспитательнаго Дома. Въ бывшемъ Головинскомъ Дворцѣ, превосходно отдѣланномъ, находится переведенный изъ Костромы и умноженный Кадетскій *Московскій* Корпусъ. Августа 15 открытъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ памятникъ Минину и Пожарскому — огромный гранитный обелискъ; Апрѣля 22, въ Одессѣ открытъ памятникъ Герцогу Ришельё. Мартосъ былъ ваятелемъ всѣхъ сихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ благодарность Русскаго народа, наслѣдную добродѣтель нашу: онъ занимается памятникомъ Ломоносову, который будетъ воздвигнутъ въ Архангельскѣ; модель, по которой приступаютъ къ отлитію изъ бронзы, прекрасна. Мартосъ изваялъ также украшенія къ фасаду *Музея Румянцова*. Извѣстно, что такъ будутъ на-

зываться два дома, которые пожертвовалъ для общаго употребленія Графъ Н. П. Румянцовъ, со всею своею библіотекою и драгоцѣннымъ, единственнымъ собраніемъ Русскихъ рукописей.

Обозрѣніе Русской литтературы за полгода былобы здѣсь недостаточно и неумѣстно. Скажемъ, что въ литтературѣ видимъ мы возрастающую дѣятельность. Повременныя изданія въ Россіи умножаются безпрестанно; по типографической отдѣлкѣ книгъ замѣтны большія усовершенствованія. Наконецъ, въ самыхъ забавахъ замѣчаемъ нынѣ болѣе прежняго вкуса и утонченности. Музыка сдѣлалась однимъ изъ любимыхъ занятій людей лучшаго общества. Въ Петербургѣ нынѣшнею зимою было учреждено два постоянныхъ музыкальныхъ Общества. Французскій театръ въ Петербургѣ улучшенъ и заведенъ новый Итальянскій; въ Москвѣ приготовляютъ заведеніе Французскаго театра, который зимою будетъ открытъ.

По свѣдѣніямъ обнародованнымъ отъ Сѵнода, народонаселеніе Россіи *умножилось въ* 1825 *году* — 634,409 человѣками.

Зима 1827 — 1828 года была вообще жестокая и снѣжная. Къ сожалѣнію, морозы не истребили въ южной Россіи саранчи, уже нѣсколько лѣтъ опустошающей всѣ прозябенія. Дабы судить о безчисленности сего гибельнаго насѣкомаго, довольно вспомнить любопытное извѣстіе, что въ 1827 году, въ одномъ мѣстѣ Одесскаго уѣзда, усильными стараніями собравшагося народа, успѣли загнать саранчу въ море, откуда черезъ три дня выбросило ее на берегъ такими громадами, что берегъ покрылся на 60 верстъ слоемъ, толщиною въ аршинъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Tout ce qui est perse, dessin de perse, façon de perse, est à la mode, plus qu'à la mode, c'est une fureur. Nous en dirons autant des foulards. Il n'y a pas une élégante qui n'ait un ou deux foulards ; l'un de grande toilette, fond blanc, ou jaune clair ; l'autre fond bleuâtre, ou vert-feuille-de-tremble, (parmi les nuances vertes à la mode il faut comprendre le vert tendre nommé *feuille de tremble*) soit à ramages, soit à rosaces, soit à pois. Il n'y a pas une femme non plus qui n'ait une perse, ou façon de perse, en mousseline ou en toile. Les foulards vont en chapeaux, en capotes, en robes plus ou moins habillées ; les perses vont en redingotes du matin, en demi-toilette, mais pas encore sur la tête.

De grandes dames, au lieu de faire évaser leurs capotes, veulent que la passe soit *à l'anglaise*, c'est-à-dire presque horizontale.

On garnit beaucoup moins de chapeaux de paille dans ce moment que l'on ne fait de chapeaux de gros de Naples et de crêpe. Les chapeaux de gros de Naples bleu-lapis se doublent en gros de Naples rose. Les chapeaux de crêpe ont aussi, pour l'ordinaire, une doublure dont la couleur diffère du dessus, soit : rose et blanc, rose et bleu, bleu et ponceau. Sur le devant de la forme d'un chapeau de crêpe, nous avons vu une branche de rosier-noisette. Sur un autre chapeau, une branche de groseillier chargée de grappes.

Beaucoup de chapeaux de paille d'Italie sont envoyés chez les marchandes de modes, pour qu'on en change les fleurs : celles du moment sont les reines-marguerites.

(*) До 15 Августа (н. с.), 1828 года.

Il est du bon genre pour un élégant de porter un gilet noir et une cravate noire avec un pantalon blanc.

Un merveilleux, en grande tenue, porte un pantalon de cachemire couleur nankin, des bas de soie blancs, un gilet violet, bleu ou brun à dessins damassés, et un habit bleu à boutons d'or.

Персидскій ситецъ, узоры и фасоны его, въ модѣ; скажемъ болѣе: модный свѣтъ помѣшался на Персидскомъ ситцѣ! Тоже сказать можно объ *Остъ-Индской мозаической тафтѣ* (foulard). Не найдете щеголихи, у которой не было-бы двухъ платьевъ изъ Остъ-Индской тафты одно нарядное, съ узорами, по бѣлому или свѣтло-желтому полю; другое по голубоватому, или цвѣта *осиноваго листа* (между модными зелеными, надобно считать нѣжный зеленый оттѣнокъ, названный *цвѣтъ осиноваго листа* (feuille de tremble); узоры бываютъ разводами, розепками и горошкомъ. Также нѣтъ ни одной щеголихи, у которой не было-бы платья изъ Персидскаго ситца, или хотя кисейнаго, или другой ткани, только съ *Персидскимъ узоромъ*. Изъ Остъ-Индской кисеи дѣлаютъ шляпки, капоты-шляпки и платья, болѣе или менѣе нарядныя; изъ Персидскаго ситца утреннія шлафорки и полунарядныя платья; но онъ еще не добрался до дамскихъ головъ.

Знатныя дамы не веляшъ теперь выгибать полей у шляпокъ-капотовъ, и болѣе дѣлаютъ поля сихъ шляпокъ на *Англійскій* манеръ, т. е. почти прямыя. Уже не столько убираютъ нынѣ соломенныя шляпки, сколько гроденаплевыя и креповыя.

Гроденаплевыя, цвѣта синяго (bleu-lapis), подбиваютъ розовымъ гроденаплемъ. Креповыя также подбиваютъ какимъ-нибудь отличнымъ отъ шляпки цвѣтомъ, на примѣръ: розовую бѣлымъ, голубымъ, пунцовымъ. Напереди тульи одной изъ такихъ шляпокъ замѣтили вѣтку шиповника, называемаго Rosiernoisette; на другой вѣтку смородины, съ ягодами.

Многія щеголихи послали къ моднымъ торговкамъ свои соломенныя шляпки, для перемѣны цвѣтовъ: теперь въ модѣ астры, называемыя reines-marguerites.

Въ модѣ у щеголей черные жилеты, съ чернымъ платкомъ и бѣлыми панталонами. Но впрочемъ, нарядный уборъ щеголя—кашемировыя, панковаго цвѣта, панталоны; бѣлые чулки; жилетъ фіолетоваго, голубаго или темнаго цвѣта, съ Дамасскими узорами и синій фракъ, съ золотыми пуговицами.

На приложенной картинкѣ:

Дамы, обѣ въ креповыхъ шляпкахъ и кисейныхъ платьяхъ, убранныхъ шитыми буфами. Блондовыя колеретки. Ожерелья изъ каменьевъ и золотыхъ колецъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 27 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

Молдавіи и Валахіи (*).

Полагаемъ, что читателямъ нашимъ любопытно будетъ увидѣть выписку изъ достовѣрныхъ, историческихъ и статистическихъ, свѣдѣній о состояніи Молдавіи и Валахіи, сдѣлавшихся первымъ театромъ войны Россіи съ Турціею, войны великой и представляющей взору наблюдателя послѣдствія неисчислимыя.

Извѣстно, что правители Молдавіи и Валахіи донынѣ избирались между Греками, обитателями Фанара, части Константинополя, почти исключительно обитаемой Эллинами, возводимыми въ достоинство драгомановъ и занимающими другіе гражданскія должности въ Турціи.

Съ самаго паденія Восточной Имперіи, Константинопольскіе Греки томились въ унизитель-

(*) Сокращенно изъ Blackwood's Magazine.

номъ рабствѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, когда Александръ Маврокордато сдѣлалъ первый шагъ къ прославленію имени, которому въ наше время суждено было содѣлаться еще болѣе знаменитымъ въ Исторіи новой Греціи.

Александръ Маврокордато былъ сначала малозначущій купецъ острова Хіо. Въ путешествіяхъ своихъ въ Константинополь, онъ имѣлъ сношенія съ однимъ изъ членовъ Дивана. Одаренный рѣдкимъ благоразуміемъ, зная основательно различные Европейскіе языки, Маврокордато умѣлъ привлечь на себя вниманіе самаго Султана, который, испытавъ его дарованія въ должностяхъ низшихъ, назначилъ наконецъ своимъ посланникомъ на Карловицкомъ конгрессѣ. Маврокордато и здѣсь оправдалъ довѣріе, съ честію занимая важное порученное ему мѣсто; по возвращеніи своемъ приобрѣлъ онъ такое вліяніе на Правительство, что упрочилъ за сыномъ своимъ Николаемъ, управленіе Молдавіею и Валахіею. Положеніе сихъ областей, сопредѣльныхъ Австріи и Россіи, государствамъ болѣе всѣхъ другихъ страшнымъ для Порты, таково, что имъ необходимо должно, въ случаѣ войны, выдерживать первый ударъ сихъ Имперій. Это положеніе содѣйствовало, какъ не льзя лучше, патріотическимъ видамъ Маврокордато: честолюбивый замыслъ его устремлялся къ возстановленію Греціи. Необходимость поручать передовые посты государства

людямъ Европейскаго образованія и отличной дѣятельности, всегда принуждала Диванъ выбирать Господарей Валахіи и Молдавіи изъ Грековъ; по вліянію-же Маврокордато опредѣлили давать сіе званіе только драгоманамъ Порты.

Такое опредѣленіе произвело быстрый нравственный переворотъ между Константинопольскими Греками; принадлежавшіе къ высшему сословію Греки начали изучать Европейскіе языки и политику. Дипломатія сдѣлалась почетнымъ занятіемъ, даже для тѣхъ изъ нихъ, которые ограничивались однимъ изученіемъ ея. Греки основали нѣкоторый родъ *дворянства*, признаннаго и уваженнаго Турками. Вскорѣ, посольства и другія подобныя сему должности содѣлались исключительною принадлежностью Грековъ. Невѣжество и пщеславіе заставляло ихъ удивляться и подражать бѣднымъ остаткамъ своего прежняго образованія, возникавшаго у Фанаріотовъ, и такъ развернулись первыя семяна Греческой независимости. Не смотря на это, правленіе Фанаріотовъ было гибельно для Молдавіи и Валахіи: мѣста Господарей, предоставляемыя ихъ честолюбію, сдѣлались въ Константинополѣ предметомъ непрестанныхъ происковъ: достоинства, милости, правосудіе, все продажно въ сей столицѣ; такимъ образомъ, при каждой вакаціи, Фанаръ наполнялся покупателями. Турки замѣтили это, и старались какъ можно чаще

смѣнять Господарей, потому, что обогащались въ одно время имуществомъ смѣненнаго Господаря и щедростію новаго кандидата.

Съ 1710 до 1800 года, въ теченіе 77 лѣтъ, т. е. исключая 13 годовъ, въ которые Молдавія находилась въ рукахъ Рускихъ и Австрійцовъ, въ семъ княжествѣ было *сорокъ девять* Господарей.

На Ясскомъ мирѣ, въ 1792 году, Россія обратила вниманіе на судьбу обѣихъ несчастныхъ областей, Молдавію и Валахію, и въ силу постановленій Кайнарджинскаго трактата попребовала, чтобы Господари оставались въ своемъ званіи непремѣнно семь лѣтъ.

Кайнарджинскій трактатъ, подписанный 10 Іюля 1775 года, служилъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ переговоровъ; на немъ основывается и нынѣ С. Петербургскій Дворъ, почему выписываетъ здѣсь содержаніе статей, относящихся до Валахіи и Молдавіи.

Россія по сему трактату возвратила Портѣ Бессарабію и всѣ ея крѣпости, именно: Аккерманъ, Килію, Измаилъ, Бендеры, и другіе города и деревни сей области; также оба княжества Валахію и Молдавію, съ крѣпостями, городами и деревнями, отъ нихъ зависящими.

Но вступленіе во владѣніе сими областями должно было совершиться при слѣдующихъ условіяхъ, которыя Порта торжественно обязалась исполнять:

1. Сохранить нерарушимо, безъ исключенія въ

обоихъ Княжествахъ, законы, обычаи, преимущества, достоинства, собственность и церкви; провозгласить всеобщую амнистію; ни подъ какимъ предлогомъ не безпокоить людей, оказавшихся невѣрными Портѣ, и возвратить каждому собственность и санъ, которыя принадлежали ему до войны.

2. Не полагать никакихъ препятствій свободному отправленію Христіянской Религіи, ни поправленію или возобновленію церквей и другихъ зданій въ обоихъ Княжествахъ.

3. Возвратить монастырямъ, лежащимъ въ сосѣдствѣ *Измаила, Хотина и Бендеръ*, помѣстья, которыя Порта отняла у нихъ.

4. Имѣть должное уваженіе къ духовенству обоихъ Княжествъ.

5. Предоставить семействамъ и лицамъ, желающимъ переселиться въ Россію или основаться въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, полную свободу выѣхать съ ихъ движимою собственностію, и дать отсрочку на годъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ, прежде отъѣзда.

6. Разсчитаться и выплатить сполна долги въ обоихъ Княжествахъ, хотя-бы слѣдующіе съ жителей доходы не были собраны.

7. По занятіи областей не требовать никакой подати съ жителей и уважая бѣдствія войны, освободить ихъ отъ всѣхъ налоговъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, считая отъ заключенія трактата.

8. По истеченіи сего срока поступать съ ними кротко, человѣколюбиво и не дозволять, чтобы по заплатѣ обыкновенныхъ налоговъ они были угнетаемы и оскорбляемы Пашами и другими исполнителями власти.

Оставить имъ по прежнему тѣ привиллегіи, которыми они пользовались въ царствованіе Мугаммеда IV, отца бывшаго тогда Султана.

Дозволить Господарямъ Валахіи и Молдавіи имѣть въ Константинополѣ одного или многихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, Грековъ происхожденіемъ и религіею, и не только признавать ихъ достоинство и вести съ ними переговоры, но и уважать въ нихъ преимущества и личную безопасность, на которую они имѣютъ право въ помянутомъ званіи.

Наконецъ, признать право Россійскихъ Посланниковъ, въ Константинополѣ находящихся, вступаться въ управленіе дѣлами обоихъ Княжествъ, и уважать представленія, которыя побудятъ ихъ учинить выгоды Молдавіи и Валахіи.

Ясскимъ трактатомъ, въ 1792, Порта обязалась подтвердить выборъ Господарей одобренію Русскаго Посланника и оставлять ихъ въ семъ званіи по крайней мѣрѣ, на семь лѣтъ. Но послѣднее условіе, съ самаго начала исполняемое нерадиво, потомъ было явно нарушено, а тѣмъ и подавало всегда поводъ къ сильнымъ и продолжительнымъ распрямъ между государствами.

Въ 1802 году, управленіе Валахіею было отдано

Князю Ипсиланттю, а Молдавіею Князю Александру Муруэи, и Диванъ объявилъ, что онъ не смѣнитъ ихъ прежде истеченія семи лѣтъ, безъ согласія Россійскаго Посланника.

Въ 1805 году, Наполеонъ, находясь въ войнѣ съ Англіею и рѣшась бороться съ Россіею, старался завлечь Турцію въ свои намѣренія. Слѣдствія его интригъ не замедлили раскрыться. Порта удвоила свою ненависть и высокомѣріе противъ Россіи и Англіи. Заключивъ съ первою оборонительный трактатъ, она въ тоже время изъявила намѣреніе уничтожить всѣ охранныя грамоты, т. е. позволенія, дарованныя Грекамъ, живущимъ въ Оттоманскихъ владѣніяхъ, вступать подъ покровительство иностранныхъ Дворовъ, для обезпеченія своей торговли. Сіи неожиданныя мѣры сдѣлались еще болѣе оскорбительны самымъ исполненіемъ, потому, что не смотря на представленія Россійскаго Посланника, публично вырывали въ Константинополѣ охранныя грамоты, дарованныя Россійскимъ Правительствомъ, изъ рукъ людей, получившихъ оныя.

Мѣра, еще болѣе рѣшительная, ускорила переломъ, дѣлавшійся неизбѣжнымъ. Ипсиланти и Муруэи были внезапно отозваны, и не обращая вниманія на Русское Министерство, Молдавію отдали Карлу Каллимахи, а Валахію Александру Суцо, приверженцу Наполеона и явному врагу Россіи.

Это событіе было однакожъ предусмотрѣно

Россіею. Русская армія двинулась къ границѣ и заняла Хотинъ и Бендеры. Порта опвѣчала *фетфою*, привязывавшею къ оружію всѣхъ Музульманъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ могла-ли Англія колебаться и не выступить рѣшительно на поприще, противъ слѣпаго врага христіянъ? Въ 1805 году Англійскимъ посланникомъ въ Константинополь назначенъ былъ Лордъ Арбутнотъ. По прибытіи его, Порта, желая только выиграть время, или чистосердечно думая сохранить дружбу съ Великобританіею, предложила возобновленіе союзнаго договора, заключеннаго на восемь лѣтъ въ 1799 году, между Англіею, Россіею и Турціею, котораго срокъ приходилъ къ окончанію. Англійскій Посланникъ не имѣлъ потребнаго полномочія; его должно было сождать изъ Англіи. Но, въ это время, вліяніе Наполеона сдѣлалось совершенно непреодолимымъ. Онъ первенствовалъ тогда на твердой землѣ Европы и Порта начала ласкать себя надеждою, при его помощи, попрать самыхъ страшныхъ враговъ своихъ. Потому рѣшительно отвергла она предложенія С. Джемскаго Кабинета.

Арбутнотъ, согласно съ Россійскимъ Посланникомъ, требовалъ возстановленія Господарей Ипсиланти и Мурузи. Турецкое Министерство не соглашалось, но Султанъ Селимъ подалъ голосъ въ пользу требованія. Онъ настаивалъ и на миръ съ Англіею. Французскій Посланникъ, Генералъ Себастіани, неусыпно старавшійся поддерживать

противное мнѣніе, былъ въ опчаяніи. Вдругъ пришло извѣстіе, что Рускіе заняли Молдавію. Ужасное смущеніе сдѣлалось въ Сералѣ; Султанъ, страшась народнаго бунта и негодуя на вторженіе въ свои области, изрекъ войну непримиримую и велѣлъ Великому Визирю не медля выступить въ походъ.

Фоксъ управлялъ въ это время Англійскимъ Кабинетомъ и желалъ ознаменовать владычество свое войною. Такимъ образомъ былъ отправленъ противъ Турковъ Англійскій флотъ, который, вступивъ въ Дарданеллы, распространилъ ужасъ въ Константинополѣ и въ душѣ Султана. Султанъ взялъ тогда нѣкоторую власть надъ своимъ Совѣтомъ и, въ тоже время, какъ ежечасно ожидали, что Англійская эскадра броситъ якорь передъ Сералемъ и начнетъ его бомбардировать, онъ послалъ агента для переговоровъ съ Арбутноттомъ, удалившимся на Адмиральскій корабль.

Не знаемъ причинъ страннаго замедленія посылки дипломатическихъ нотъ, которыя должно было отправить не теряя ни минуты. Въ это время Генералъ Себастіани, соединяя личную расторопность съ дѣятельностію, вообще отличающею Французовъ, умѣлъ воспользоваться замедленіемъ. Едва примѣтилъ онъ, что смятеніе утихаетъ, и что Англійскій флотъ остановился въ Дарданельскомъ проливѣ, то принялся за дѣло, лично распоряжалъ защитою сто-

лицы, велѣлъ разставить по берегамъ канала войско и артиллерію и старался пресѣчь всякое отступленіе Англичанамъ, посадивъ гарнизоны въ замки Сестосъ и Абидосъ.

Если пожелаютъ знать, каково Оттоманское Правительство, стоитъ только взглянуть на картину Турецкаго Министерства въ сію эпоху. Великій Визирь, Гаффицъ-Измаилъ-Паша, рожденный въ низкомъ сословіи народа, былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ слѣпому случаю. Глубочайшій невѣжда въ дѣлахъ, онъ въ высшей степени былъ обладаемъ главною страстію Турецкихъ сановниковъ — жаждою къ золоту. Его усилія: смѣнить до истеченія семи лѣтъ Ипсиланти и Мурузи, не имѣли другой цѣли, кромѣ надежды дорого продать званіе Господарей ихъ преемникамъ, слѣд. корыстолюбіе Визиря было главною причиною войны.

Ибрагимъ-Ага, Кіаія-Бей (Министръ внутреннихъ дѣлъ) былъ характера болѣе рѣшительнаго. Главною страстью его можно было почесть властолюбіе, для насыщенія коего причинилъ онъ оскорбленіе Россійскому Кабинету, уничтожая охранныя грамоты Грековъ. Сіи два Министра имѣли первые голоса. Два столпа вѣры и войска, Муфти-шерифъ-заадъ Аппу-Еффенди и Пегливанъ-Мугаммедъ Ага, начальникъ Янычаръ, были, съ нимъ вмѣстѣ, сильные приверженцы Себастіани.

Однакожъ Диванъ раздѣлялся на двѣ партіи. Галибъ-Рейсъ-Еффенди (Секретарь иностранныхъ дѣлъ) и Юссуфъ-Ага, Голидей-кіайфи (Канцлеръ Султанши матери) протестовали противъ разрыва прежняго союза. Споры не были производимы въ Турціи хладнокровно и учтиво, какъ у Европейскихъ дипломатовъ. Министры, угрожаемые извнѣ Дивана Янычарскою саблею, а внутри его гибельною веревкою, не могли пропивиться. Рейсъ-Еффенди и Канцлеръ оставили Совѣтъ, и должны были почитать себя счастливыми, что избѣжали непреклоннаго гнѣва своего повелителя.

Пегливанъ-Мугаммедъ былъ самымъ дѣятельнымъ агентомъ Тюльерійскаго Кабинета въ Диванѣ. Находясь еще въ низшемъ чинѣ, онъ начальствовалъ почетною стражею Французскаго Посольства: вѣроятно, познаніе его характера побудило Посольство склонить его на свою сторону. Пегливанъ дѣйствительно сдѣлался приверженцомъ Франціи и не замедлилъ доказать на опытѣ свою преданность. Одного присутствія Англійскаго флота въ Дарданеллахъ было довольно, дабы привести въ смятеніе Султана, и переговоры, хотя медленно, продолжались. Себастіани, находясь въ затрудненіи, отправилъ Генерала Франчини къ начальнику Янычаръ и просилъ его возбудить новыя безпокойства въ умѣ Султанскомъ. Пегливанъ-Ага испросилъ аудіенцію у своего повелителя и объявилъ ему, что невозможно бо-

лѣе обуздывать ярости Янычаръ. Онъ увеличилъ въ глазахъ Султана народное негодованіе противъ оскорбленія, нанесеннаго столицѣ Турціи, и предупредилъ Султана съ многозначущимъ видомъ, о томъ, что Янычары никакъ не хотятъ подвергнуться поношенію мира, который должно будетъ почитать невольною капитуляціею. Таковы въ Турецкомъ правленіи преимущества сабли и безсиліе скиптра, что ни одинъ Султанъ не можетъ противиться извѣстію подобнаго рода — и Селимъ уступилъ бурѣ: онъ покорился повелѣніямъ своихъ Вице-Королей. Всякое сношеніе съ Англійскимъ Посланникомъ было прервано; берега Пропонтида покрылись баттареями; знамя Пророка выставлено было на стѣнахъ Сераля и Себастіани сдѣлался совершеннымъ начальникомъ Константинополя. Англійскій Посланникъ пробудился, когда переговоры были уже безполезны; флотъ Англійскій тщетно старался выиграть потерянное время. Въ ту минуту, какъ онъ шелъ вверхъ по проливу, его застигла буря. Невозможно было плыть къ Константинополю, и опасно оставаться въ одномъ положеніи, потому, что непріятель приготовился открыть пальбу съ обоихъ береговъ. И такъ надобно было плыть назадъ. Флотъ пустился внизъ по проливу, поражаемый значительною артиллеріею, состоявшею изъ пушекъ огромнаго калибра, которыхъ ядра, къ изумленію Англичанъ, перелетали съ берега на берегъ. Та-

кимъ образомъ Англичане потеряли легчайшее средство достигнуть цѣли, изнуряя Константинополь голодомъ и блокируя Дарданеллы.

Предпріятія Рускихъ были не болѣе счастливы, но причиной тому должно почесть обстоятельства особенныя. Россія оспоривала у Франціи первенство на твердой землѣ Европы. Всѣ силы ея были направлены на Сѣверъ. Англіи предоставила она обязанность угрожать Константинополю; мы видѣли, какъ исполнила Англія сію обязанность. Россійской арміи, стоявшей на границѣ, данъ былъ приказъ только защищаться отъ Турковъ, и въ этомъ она успѣла. Великій Визирь, съ своей стороны, не спѣшилъ военными дѣйствіями. Политика Наполеона скоро сдѣлалась подозрительною Дивану. Тильзитскій трактатъ подтвердилъ подозрѣнія, ибо симъ трактатомъ, глава Французскаго Правительства, вмѣсто того, чтобы истребовать возстановленія всѣхъ правъ Оттоманской Порты на Молдавію и Валахію, выговорилъ только перемиріе, подъ условіемъ, что Россійская армія оставитъ обѣ области, тотчасъ по заключеніи мира. Условіе не было выполнено, можетъ быть и не должно было его выполнять. Рускіе не выходили и требовали переговоровъ. Между тѣмъ въ Константинополѣ вспыхнуло гибельное возмущеніе, впрочемъ не новое въ лѣтописяхъ восточнаго деспотизма. Ярostная чернь, необузданное войско, министерство

невѣжественное, звѣрское и несогласное, предали столицу всѣмъ ужасамъ безначалія. Обыкновенный залогъ мира варварскихъ Дворовъ — голова Султана, была потребована, и Селимъ въ одно время потерялъ и престолъ и жизнь. Тотчасъ устроено было новое Министерство, столь-же невѣжественное, дикое и кровожадное, какъ и предшествовавшее; но желая пріобрѣсть народную любовь, оно склонилось на миръ съ Англіею. Это предвидѣли Англійскіе Министры, возвысившіеся на развалинахъ партіи Фокса. Сиру Артуру Пагету поручили, въ 1807 году, увѣриться: точно-ли Диванъ желаетъ возобновленія союза? Предложеніе не имѣло сначала никакого успѣха. Новый Англійскій уполномоченный былъ счастливѣе, и въ 1808 г. рѣшительно заключилъ миръ.

Наполеонъ управлялъ между тѣмъ Европейскою политикою. Ни одинъ Историкъ не можетъ не отдать справедливости обширному, неукротимому генію сего необыкновеннаго человѣка, слѣдуя за нимъ и въ шумъ военнаго лагеря и въ уединеніе дипломатическаго кабинета. Въ блистательныхъ военныхъ подвигахъ его можно предположить участіе храбрости войска и искуства его генераловъ. Но ни съ кѣмъ не раздѣлялъ Наполеонъ славы — управлять по своей волѣ Кабинетами Европы, мудрости, съ какою онъ умѣлъ увлекать ихъ въ свои планы завоеваній, силы ума, гибельной но удивительной, которая заставляла

храбрыхъ и слабыхъ, варварскихъ и образованныхъ народовъ, робкіе Дворы Германіи и высокомѣрныхъ потомковъ Амурата участвовать въ его честолюбивыхъ предпріятіяхъ и, такъ сказать, впрягала ихъ въ тріумфальную колесницу его, стремившуюся опаснымъ путемъ ко всеобщей монархіи.

Оттоманская Порта отправила агентовъ въ Бухарестъ, дабы испросить освобожденія Княжествъ; но виды Наполеона требовали продолженія непріязненныхъ дѣйствій между Турціею и Россіею. Тотчасъ послѣ Эрфуртскаго совѣщанія, на которомъ Императоръ Александръ согласился на Континентальную Систему, Русскій Генералъ, начальствовавшій въ Княжествахъ, объявилъ, что Императоръ его, поручившись за исключеніе Англіи изъ дѣлъ твердой земли Европы, вступитъ въ переговоры съ Турціею не прежде, какъ по удаленіи Англійскаго Посланника изъ Константинополя.

Никогда, можетъ быть, искусная политика Наполеона не являлась болѣе хитрою, какъ въ семъ случаѣ. Дабы выиграть время и лишить Испанію помощи Англіи, онъ вступилъ въ переговоры съ Англійскимъ Кабинетомъ.

Англія рѣшительно отказалась оставить Испанію, но прежде нежели кончились совѣщанія, Наполеонъ, въ намѣреніи вполнѣ завлечь Императора Александра въ свою систему, отправилъ извѣстіе

въ свой Сенатъ, что Валахія и Молдавія составятъ часть Русскихъ владѣній. Отвѣтъ Англійскаго Кабинета разстроивалъ его планы. Увѣряютъ, что не взирая на свои оффиціяльныя объявленія, онъ тайно убѣждалъ Турцію настаивать на возвращеніе Княжествъ, и даже вступить въ нихъ съ войскомъ. Съ другой стороны, онъ удвоилъ свои усилія, побуждая Россію начать военныя дѣйствія. Такимъ образомъ торжествовалъ онъ надъ сопротивленіями врага и союзника, и старался истощить силы обѣихъ Имперій, до тѣхъ поръ, пока самъ вторгнется въ Россію и по ея развалинамъ достигнетъ Константинополя. Вскорѣ послѣ того вниманіе на Сѣверѣ было занято важнѣйшими дѣлами. Переходъ Французскихъ войскъ чрезъ Нѣменъ открылъ всѣ козни Наполеоновой политики и миръ съ Турціею почтенъ необходимымъ. Трактатъ заключенъ въ 1812 году, при посредничествѣ Англіи; одно изъ условій его было обратное уступленіе Турціи Княжествъ, за исключеніемъ небольшой части Молдавіи, лежащей между Днѣстромъ и Прутомъ, такъ, чтобы сія рѣка составляла границу обѣихъ Имперій.

Мы, Европейцы, удивляемся, какъ подданные Султана соглашаются быть министрами, генералами и дипломатами. Ничто лучше не доказываетъ намъ, что властолюбіе есть какъ-бы одно изъусловій нашей природы. Избранные Султана рѣдко избѣгаютъ бѣдственной смерти, даже послѣ

успѣха. Въ странѣ, гдѣ надъ всѣмъ народомъ безъ различія тяготѣетъ желѣзный скиптръ, корыстолюбіе есть главнѣйшій двигатель всѣхъ дѣлъ: оно направляетъ на богатаго всю тяжесть гнѣва Султанскаго, и потому, всякая неудача въ предпріятіяхъ призываетъ его мщеніе на главу мнимаго виновника. Диванъ уничтожается толпами мятежниковъ или гибельною веревкою; потеря сраженія стоитъ головы Великому Визирю, а дипломатъ, постигнутый подозрѣніемъ, безпрерывно окружающимъ самый недовѣрчивый въ мірѣ Дворъ, издыхаетъ подъ кинжаломъ, прежде нежели засохнутъ чернилы, которыми онъ подписалъ невыгодный договоръ.

Судьба Князя Димитрія Мурузи, государственнаго драгомана, посыланнаго для переговоровъ съ Россіею въ 1812 году, такова, что можетъ устрашить всякаго, менѣе честолюбиваго, нежели его соотечественники Фанаріоты.

Сей Князь, заключая миръ, старался пріобрѣсть благорасположеніе Россіи и Порты вмѣстѣ; онъ остался въ Валахіи, надѣясь получить мѣсто Господаря. Можно судить объ изумленіи его, когда узналъ онъ, что въ Валахію назначенъ Янко Карджа, а въ Молдавію Карлъ Каллимахи, и — что веревка ожидаетъ его въ Константинополѣ!

Въ такомъ ужасномъ положеніи, Русскій посланникъ предложилъ Мурузи убѣжище и пенсіонъ

въ Россіи; но его семейство было во власти Порты. Онъ думалъ, что ему удастся оправдать себя, сложивъ всю отвѣтственность на Галибъ Эффенди, Министра иностранныхъ дѣлъ и настоящаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ Мурузи рѣшился ѣхать въ Константинополь; но Галибъ-Эффенди получилъ тайное приказаніе остановить его при переѣздѣ чрезъ Дунай и отправить въ Шумлу, главную квартиру Великаго Визиря.

Тайну хранили съ Азіятскимъ лукавствомъ. Задержаніе произошло въ назначенномъ мѣстѣ, и Мурузи подъ стражею привезенъ въ Шумлу. Его не предали суду; но едва коснулся онъ порога Визирскаго дворца, какъ былъ умерщвленъ двумя нѣмыми. Братъ его (также государственный драгоманъ) подвергся одинаковой съ нимъ участи, и головы ихъ, отправленныя въ Константинополь, были выставлены на стѣнахъ Сераля.

Важность Молдавіи и Валахіи, въ отношеніи Турціи происходитъ, какъ мы уже сказали, отъ положенія сихъ областей, между двухъ великихъ, воинственныхъ державъ. Онѣ граничатъ Карпатскими горами съ частію Австрійскихъ областей—Темисвара и Трансильваніи; отдѣляются отъ Россіи Прутомъ и отъ Булгаріи Дунаемъ, составляя важнѣйшую часть Сѣверныхъ границъ Турціи; поелику завоеваніе ихъ донынѣ бывало весьма нелегко, слѣдовательно, Турки всегда имѣли много времени для при-

готовленія себя къ войнѣ, пока непріятель управлялся съ Молдавіею и Валахіею. Въ сравненіи съ владѣніями Султана, повелителя Малой Азіи, и Русскаго Императора, котораго владѣнія простираются отъ Дуная до полюса, Молдавія и Валахія представляютъ маловажный участокъ земли, простираясь всего на 350 миль отъ Сѣвера къ Югу, и на 160 отъ Востока къ Западу; но малое пространство это упитано кровію народовъ, можетъ быть, болѣе, нежели какое либо другое обширнѣйшее мѣсто.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Отрывокъ (*).

. . . . Начну описаніе нашихъ бѣдствій съ самаго отбытія изъ Ость-Индіи. Какая радость оживляла сердца наши, когда мы думали, что каждое дыханіе вѣтра приближаетъ насъ къ благословенной Англіи, къ роднымъ, къ друзьямъ

(*) Изъ новаго романа: Reuben Apsley, сочиненнаго Гораціемъ Смитомъ, Авторомъ Brambletie-Hous, изъ коего отрывокъ былъ помѣщенъ въ № 4 Телеграфа сего года.

нашимъ! Тотъ пойметъ меня, кто знаетъ горесть разлуки, кто былъ цѣлымъ полусвѣтомъ отдѣленъ отъ отчизны, и въ тысячахъ существъ его окружавшихъ, незнакомыхъ, полуварваровъ, цѣлые годы не встрѣчалъ ни одного друга, не чувствовалъ сердца роднаго, близкаго. Нѣсколько времени путешествіе наше было счастливо: время спояло прекрасное; вѣтеръ былъ намъ попутный. Скука однообразнаго пребыванія на кораблѣ развлекалась пріятностями общества: съ нами вмѣстѣ нѣсколько семействъ отправилось въ Европу. Всѣ, подобно намъ, предавались усладительной надеждѣ—скоро увидѣть людей милыхъ сердцу и съ давняго времени оставленныхъ; ожиданіе одинакаго благополучія располагало насъ къ общему веселью. Свѣтлое небо и спокойное плаванье умножали радость надежды и наслажденіе настоящимъ, до самаго прибытія нашего подъ широты мыса Доброй Надежды.

Въ это время, цѣлое утро просидѣлъ я въ своей каютѣ за разсчетами, и сообразивъ грузъ товаровъ, какіе везъ съ собою изъ Индіи, удостовѣрился, что скопленнаго мною состоянія достаточно будетъ на всю жизнь обезпечить меня отъ всякой нужды, въ совершенномъ довольствѣ прожить остальные дни мои и — даже оставить дѣтямъ значительное богатство. Мнѣ хотѣлось подѣлиться моею радостью: я позвалъ къ себѣ добрую жену мою и показалъ ей всѣ свои разсчеты.

Потомъ мы позвали милую дочь нашу и съ радостью указали ей на счастливую будущность: «Агнеса, дитя мое,» сказалъ я, «ты видишь, что цѣль путешествія моего въ Индію достигнута. Благодарю Бога, что за нее не заплатилъ я вашимъ или моимъ здоровьемъ въ жаркомъ климатѣ Индіи. Вотъ письма твоего Генриха, полученныя мною передъ самымъ отъѣздомъ; посмотри: онъ ждетъ тебя нетерпѣливо, и по пріѣздѣ въ Англію свадьба ваша не будетъ уже болѣе отлагаема: всѣ препятствія кончены; отецъ его согласенъ.»

Щеки Агнесы запылали; едва могла она промолвить нѣсколько словъ въ отвѣтъ, и когда я и мать обняли ее, она заплакала въ полной радости сердца. Мы были совершенно счастливы.....

Агнеса удалилась въ небольшую комнатку, отгороженную для нея въ нашей каютѣ. Тамъ вынула она изъ портфейля портретъ своего Генриха, прижала къ губамъ и привязала ленточю на груди своей она видѣла уже въ Генрихѣ милаго сердцу жениха своего. Возвратясь къ намъ, Агнеса бросилась къ Брюнетке, прелестной болонкѣ, подаренной ей Генрихомъ и безотлучно бывшей при насъ во все время путешествія. Но Брюнетка не смотрѣла на ласки госпожи своей, не прыгала и не ласкалась къ ней, но лежала на полу, свернувшись клубкомъ, и жалобно визжала. Я думалъ, что ей было жарко въ каютѣ, и самъ только тогда за-

мѣшилъ, что не смотря на разкрытыя окна, въ каютѣ нашей было нестерпимо удушливо и жарко.

Мнѣ хотѣлось отдохнуть на свободномъ воздухѣ; я вышелъ на палубу. Здѣсь увидѣлъ я, что Бенгальскіе бараны и буйволъ, которыхъ везли мы съ собою изъ Индіи, лежали, тяжело дыша и какъ будто задыхаясь отъ удушливаго жара. Сѣрный запахъ разпространенъ былъ во всей атмосферѣ; кровавое солнце, какъ будто ужасаясь чего нибудь, закапывалось за желтыя облака, мрачными пѣнями покрывавшія все пространство моря. Не смотря на совершенную тишину въ воздухѣ, море вздымалось съ глухимъ шумомъ, и хотя мы не чувствовали ни малѣйшаго дыханія вѣтерка, вдалекѣ, въ различныхъ направленіяхъ, быстро неслись облака: въ нѣсколько мгновеній они совсѣмъ скрылись; море запихло совершенно; волны не двигались — но океанъ и небо въ этой мертвой тишинѣ казались грозны и мрачны. Таковъ будетъ, думалъ я, послѣдній день спокойствія природы, таково будетъ ужасающее, томительное молчаніе предъ послѣднимъ, страшнымъ часомъ ея разрушенія, когда матерь всего живущаго, земля, станетъ досчитывать послѣднія мгновенія бытія и жизни. . .

Изумленный мрачностью мыслей моихъ, я просилъ Капитана изъяснить, что значитъ такое грозящее позорище неба и моря. Онъ отвѣчалъ, что по всѣмъ признакамъ; въ ночь мы подвергнем-

ся сильному урагану или шифону, и немедленно началъ отдавать надлежащія приказанія, брать извѣстныя мѣры предосторожности, для избѣжанія отъ опасности. Во всѣхъ окнахъ каютъ укрѣпили ставни, спустили брамъ-стеньги, зарифили паруса фокъ-марселя и стеньгъ; насосы осмотрѣли и испробовали.

Пока дѣланы были сіи приготовленія, солнце закатилось, и нѣсколько времени мы плыли въ глубокомъ мракѣ. Мѣсяцъ взошелъ на горизонтъ и освѣтилъ неутѣшительное зрѣлище: при блѣдныхъ лучахъ его мы увидѣли на небѣ и на морѣ всѣ признаки близкой бури. Темная туча медленна двигалась съ краевъ горизонта и уже застилала собою полнеба. Казалось, что она скатывалась въ море, и наконецъ изъ среды ея образовался безмѣрной величины столпъ, коснулся глубины океана и пошелъ по волнамъ: это была ужасная водяная промба! Океанъ кипѣлъ и бугрился подъ ея основаніемъ, волны его, взвиваясь на непомѣрную вышину, падали назадъ, освѣщаемыя блѣдными лучами мѣсяца, подобно облакамъ дыма; страшный вихрь сильно вертѣлъ промбу на ея основаніи. Невольно изумилъ-бы меня величественный видъ этаго исполина морей, летѣвшаго съ неизобразимою скоростію, оставлявшаго за собою бездны, предшествуемаго глухимъ ревомъ въ нѣдрахъ моря и кипѣніемъ на его поверхности, въ одно время тянувшаго рѣки во-

ды изъ океана и сгущавшаго облака въ воду; но слишкомъ ясно видѣлъ я, что корабль нашъ будетъ поглощенъ, если только промба встрѣтитъ его на пути своемъ — и ужасъ заступалъ мѣсто удивленія! Не было средствъ убѣжать: вѣтръ, вздымавшій до того времени море, казалось, сосредоточился въ срединѣ сего огромнаго столпа; остальное пространство моря не колыхалось, да если-бы и успѣли мы распустить наши паруса, кто могъ подумать убѣжать отъ страшнаго чудовища, чада воздуха и воды, съ невѣроятною быстротою летѣвшаго по морю, какъ будто онъ преслѣдовалъ какую нибудь невидимую добычу! Наконецъ промба стала такъ близко подлѣ нашего корабля, что погибель наша нѣсколько мгновеній казалась невозвратно рѣшенною: страхъ изобразился на лицѣ Капитана и на лицахъ старыхъ моряковъ; всѣ, безмолвные отъ ужаса, смотрѣли на рѣшителя судьбы нашей; нѣмое отчаяніе заперло дыханіе и — ни какія слова не дадутъ понятія о такихъ страшныхъ минутахъ медленнаго ожиданія неизбѣжной гибели! Вдругъ лопнуло основаніе столпа; вода съ шумомъ взобралась на облака и нависла громадами; проливной дождь хлынулъ рѣкою и все разнесло вѣтромъ.

Радостно поздравлялъ я Капитана съ избѣжаніемъ отъ опасности, намъ грозившей и, какъ мнѣ казалось, совершенно миновавшейся. Но

онъ покачалъ головою, внимательно посмотрѣлъ на небо, и далъ мнѣ замѣтить, что море заволновалось болѣе прежняго, и все предвѣщаетъ ураганъ, сильнѣйшій испытаннаго нами. Капитанъ прибавилъ къ этому, что онъ желалъ-бы знать только, съ которой стороны разразится буря. Увѣренный въ его опытности, я не могъ не согласиться съ его опасеніемъ. Когда жена и дочь, отъ которыхъ всячески скрывалъ я причину моего страха, приглашали меня въ каюту успокоиться, я сказалъ имъ, что хочу провести еще нѣсколько часовъ на шканцахъ, желая видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій, тамъ дѣлаемыхъ.

Нѣсколько времени прошло и опасенія капитана ни чѣмъ не подтверждались. Но сильное и безпрерывно усиливавшееся волнованіе утвердило его въ своемъ мнѣніи, такъ, что онъ рѣшился остаться на вахтѣ всю ночь и удвоить число вахтеннаго экипажа. Въ полночь, когда мѣсяцъ былъ въ полномъ сіяніи, тяжелая громада темныхъ облаковъ, становившихся красноватыми по мѣрѣ приближенія, показалась отъ Сѣвера, быстро достигла Юга и, постепенно растягиваясь во всѣ стороны, почти совсѣмъ лишила насъ мѣсячнаго сіянія, оставя только мрачный отблескъ, слишкомъ довольный однакожъ для показанія намъ всей опасности нашего положенія и увеличивавшій ее

сумракомъ, не дозволявшимъ хорошо разсмотрѣть предметы.

Тутъ Капитанъ собралъ экипажъ и весело сказалъ ему: « Я говорилъ вамъ, товарищи, что мы не отдѣлаемся безъ порядочной бури. Но корабль у насъ славный; мы въ открытомъ морѣ, и о камень нигдѣ стукнуться. Смотрите же: быть всякому на своемъ мѣстѣ и внимательно слушать, что я прикажу! «

Только что выговорилъ онъ сіи слова, буря загремѣла съ неистовою и невыразимою свирѣпостью. Прежде всего послышался намъ рѣзкій вой, похожій на пронзительный свистъ; за нимъ послѣдовали удары и перекаты грома, вдругъ со всѣхъ сторонъ горизонта, между тѣмъ, какъ черныя тучи разверзли свои огнедышущія жерла и извергли безконечныя молніи. Въ тоже мгновеніе заревѣлъ вѣтеръ; волны, уже и безъ того огромныя, сдѣлались горами и, сколько можно было видѣть, на необозримое пространство покрыли море слоями пѣны, уподоблявшейся снѣжной долинѣ, быстро движимой и колеблемой.

Ни что не могло противиться яростн перваго удара. Намъ показалось, что густое облако приближается къ кораблю: это былъ неизмѣримый валъ, первенецъ бури! Онъ налетѣлъ на корабль и разбился объ него. Брамъ-стеньга затрещала, переломилась, съ грохотомъ упала на руль и увлекла его съ собою. Правимъ кораблемъ сдѣ-

лалось невозможно; мы растянули парусъ запасной стеньги, чтобы поддержать въ равновѣсіи нашъ корабль; но въ одно мгновеніе разодрало парусъ и унесло вѣтромъ. Намъ оставалось одно средство: правишь остаткомъ мачтъ, и къ счастію нашему брамъ-стеньгу изломало съ такою силою, что кинуло ее на руль и вмѣстѣ съ нимъ увлекло въ море, такъ, что никакими обломками не завалило палубъ. Послѣ сего буря, казалось, утишилась. Поспѣшно осмотрѣли весь корабль и нашли, что течи нигдѣ не было, и что вообще онъ потерпѣлъ гораздо менѣе, нежели мы предполагали. Между тѣмъ сдѣлалось такъ темно, что невозможно было различить воды отъ неба, и я удалился въ каюту, полагая, что опасность прошла и буря кончится безъ всякихъ дальнѣйшихъ бѣдствій.

Безполезно и невозможно описывать страхъ и ужасъ Агнесы и жены моей; имъ казалось, что положеніе мое на палубѣ было опаснѣе, нежели въ каютѣ, подлѣ нихъ. Сколько могъ, старался я разувѣрить ихъ, говоря, что опасность кончилась, просилъ ихъ не думать ни о чемъ и успокоиться. Но если-бы и возможно было заснуть при качкѣ корабля, трещаньѣ всѣхъ частей его и шумѣ, какой слышенъ былъ на верху, то не льзя было и подумать о спокойствіи, при вопляхъ и стенаніяхъ пассажировъ, нашихъ товарищей, въ числѣ коихъ было нѣсколько жен-

щинъ и дѣтей. Цѣлую ночь провелъ я въ разныхъ каютахъ, стараясь утѣшать, помогать сколько могъ, каждому изъ страдавшихъ. Къ утру мнѣ самому спало душно, голова моя кружилась, и я вышелъ на палубу. Начинало свѣтать.

Въ Сѣверной сторонѣ часть неба казалась красноватаго и по временамъ огненнаго цвѣта, между тѣмъ, какъ пѣна, покрывавшая подвижныя горы, образуемыя волнами, блистала всѣми цвѣтами радуги. Съ восходомъ солнца вѣтеръ усилился и волненіе еще болѣе увеличилось. Корабль качало съ носа на корму и едва не перекидывало; лишенный руля, онъ иногда повертывался противъ волненія бокомъ, и тогда ударъ волнъ такъ былъ силенъ, что вода покрывала бушпритъ вдругъ кидало корабль нашь въ бездны — и чѣмъ болѣе свирѣпѣла буря, тѣмъ труднѣе и тяжелѣе выходилъ онъ на поверхность моря. Безпрестанно кидали съ корабля все, что могли достать изъ трюма, стараясь облегчить грузъ; но между тѣмъ, пока занимались сею работою, волна покрыла шканцы, сбила загородку кормы и стекая обратно, снесла большую шлюбку, къ которой, для большей безопасности, привязали мы буйвола и Бенгальскихъ барановъ. Съ минуту держалась шлюпка на поверхности моря; я слышалъ жалостное блѣяніе и ревъ бѣдныхъ животныхъ они бились, пока не захлеснула, не покрыла ихъ огромная волна.... все погрязло въ глубинѣ моря.

Тутъ открылась въ кораблѣ течь; экипажу велѣно дѣйствовать насосами. Но безпрерывная качка разшевелила нѣсколько старыхъ чугунныхъ пушекъ, лежавшихъ въ трюмѣ, разбила ими бочки съ индиго, и насосы, выкачавъ нѣсколько густой, багровой воды, такъ засорились краскою, что невозможно было ими дѣйствовать; вода быстро прибывала въ корабль, и я примѣтилъ смущеніе на лицѣ самаго Капитана, до сего времени сохранявшаго неизмѣняемую веселость. Весь экипажъ раздѣлилъ его уныніе, и послѣдній лучъ надежды на спасеніе угасъ въ душѣ моей. Казалось, самый корабль раздѣлялъ общую тревогу: уже слабо отбивалъ онъ волны, какъ будто чувствуя, что всѣ усилія его останутся безполезны, и трещаніе его походило на стонъ, вырываемый изъ нѣдръ его ужасомъ жребія, всѣхъ насъ ожидавшаго.

По мѣрѣ того, какъ течь въ кораблѣ усиливалась, повиновеніе между матрозами изчезало. Многіе рѣшительно не хотѣли слушаться приказовъ Капитана, говоря, что усилія безполезны, пока не сыщутъ мѣста, гдѣ входитъ вода; но какъ можно было сыскать его? Тутъ жена моя послала за мною, умоляя меня возвратиться къ нимъ въ каюпу. Я спѣшилъ къ ней; но на пути моемъ увидѣлъ ужасное зрѣлище, которое совершенно убѣдило меня въ великости бѣдствія нашего, даже по мнѣнію людей, лучше меня знавшихъ

дѣло, и наполнило сердце мое трепетомъ, какого не ощущалъ я до того времени.

Оба Лейтенанта на кораблѣ были родные братья. За нѣсколько времени прежде, спаслись они на шлюпкѣ съ корабля, на которомъ сдѣлался пожаръ. Восмнадцать дней носило шлюпку по морю, и несчастные плаватели вытерпѣли такія муки отъ голода и жажды, могли поддержать бытіе свое только такими ужасными средствами, что я страшусь описывать ихъ. Выброшенные на дикій берегъ, мореплаватели шли нѣсколько недѣль по неизвѣстнымъ пустынямъ, и оба брата дали ужасную клятву — застрѣлить другъ друга, если въ другой разъ придется имъ быть на кораблѣ и они увидятъ, что кораблекрушеніе неизбѣжно! Я увидѣлъ ихъ обоихъ вмѣстѣ: они сидѣли въ галлереѣ, подъ кормою; заряженные пистолеты лежали подлѣ нихъ; держа въ рукахъ стаканы, братья повторяли клятву свою. Страшно было слышать притомъ веселый смѣхъ и видѣть отчаянные лица ихъ! Крѣпко обнялись они, наполнили снова свои стаканы — я спѣшилъ удалиться....

Когда пришелъ я къ женѣ моей; она такъ хладнокровно и убѣдительно начала просить меня вывесть ее и Анету на палубу, что я не могъ противиться. «Знаю, въ какой мы опасности, говорила она — и вижу ее на лицахъ всѣхъ пассажировъ и моряковъ. Мы слышимъ, какъ шу-

митъ вода подъ ногами, вбираясь въ корабль; чувствуемъ удары волнъ въ бока корабля, которые едва могутъ выдерживать ихъ, и вѣрь, что я не боюсь жребія, если раздѣляю его съ тобою и съ дочерью. Но я хочу видѣть погибель нашу лицомъ къ лицу: здѣсь мнѣ тяжело, въ тѣсной каютѣ, при вопляхъ женщинъ и крикѣ дѣтей. Милый другъ! веди насъ на верхъ: не откажи мнѣ.... это, можетъ быть — *послѣдняя* просьба моя!...

Невозможно было устоять противъ просьбы, такъ трогательно и вмѣстѣ такъ твердо изъявленной. Я пособилъ женѣ моей и Агнесѣ, которая дрожала и не говорила ни слова, взойдши на верхъ корабля, что было не безъ труда и не безъ опасности, при ужасной качкѣ. Мы успѣли однакожъ добраться до палубы, и для большей безопасности я помѣстилъ жену и дочь мою подлѣ обломка брамъ-стеньги, переломившейся при началѣ бури, полагая, что на этомъ мѣстѣ будетъ намъ всего безопаснѣе.

Пока былъ я въ каютѣ, буря ни сколько не уменьшилась. Разъяренный вѣтеръ, громады облаковъ, кипящія волны, все неслось въ одну сторону, какъ будто все, что одарено въ природѣ способностію движенія, хотѣло погрузиться въ бездну и оставить цѣлый міръ вѣчной неподвижности; корабль, вполовину наполненный водою, влекся въ общемъ порывѣ, но истощенный продолжительною борьбою,

двигался тяжело, трудно боролся съ волнами, безпрерывно черезъ него перелетавшими, и медленно выходилъ изъ безднъ моря, куда увлекала его каждая волна, при своемъ отливѣ.

Едва жена моя стала на мѣсто, которое выбралъ я для нея, какъ преклонила колѣна, сложила руки крестообразно на груди своей, обратила ясный взоръ на мрачное, грозное небо, и тихимъ, но неробкимъ голосомъ запѣла молитву о спасеніи утопающихъ. Вѣтеръ, то разносилъ далеко отъ меня звуки ея голоса, то приносилъ ихъ ко мнѣ и утишалъ во мнѣ горесть и волненіе душевное. Она казалась мнѣ ангеломъ мира, нисшедшимъ для спасенія нашего и умолявшихъ духа бурь о безопасности корабля! Никогда не видалъ я примѣра такой высокой, такой прогательной твердости души и такой очаровательной прелести добродѣтели.

Можетъ быть тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное на меня рѣшительностью души чистой и непорочной, что вблизи насъ видѣлъ я примѣръ противнаго. Одинъ изъ пассажировъ, приведенный въ отчаяніе продолжительностью бури, вскричалъ въ бѣшенствѣ: «Между нами есть извергъ, есть чудовище, котораго преслѣдуетъ гнѣвъ небесный! Мы гибнемъ за него: пусть онъ кается и спасетъ насъ своею смертью!« — На кораблѣ находился одинъ матрозъ, котораго подозрѣвали въ убійствѣ товарища, во время пу-

пешествія его изъ Англіи въ Индію, когда корабль ихъ останавливался подлѣ одного острова, для наполненія бочекъ прѣсною водою. Впрочемъ, явныхъ доказательствъ не было. Но едва слова пассажира коснулись слуха подозрѣваемаго убійцы, онъ задрожалъ, казался пораженнымъ, не могъ устоять на ногахъ и сѣлъ подлѣ перилъ корабельныхъ, устремивъ неподвижные глаза въ море, какъ будто ожидая суда и казни, въ безмолвіи отчаянія. Онъ не внималъ ни насмѣшкамъ товарищей, ни приказамъ Капитана. Глухой, безчувственный, неподвижный, какъ статуя, упорно молчалъ онъ, и наконецъ, въ шумѣ, въ смятеніи, былъ забытъ всѣми. Вѣтеръ сорвалъ съ него шляпу — онъ не чувствовалъ; но бывши близко него, я видѣлъ, какъ при каждомъ погруженіи корабля между волнами, волосы становились дыбомъ на головѣ убійцы и зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

Вдругъ оглушены мы были ударомъ грома, сильнѣйшимъ всѣхъ нами слышанныхъ: молнія высыпалась надъ головами нашими, упала на большую мачту, разщепала ее, разтопила подлѣ машроза, о которомъ я говорилъ, желѣзное кольцо и слетѣла въ море. Убійца остался невредимъ, но такой близкій ужасъ смерти вырвалъ его изъ онѣмѣнія и онъ мгновенно обезумѣлъ! Несчастный пронзительно закричалъ, глаза его засверкали, бѣшенство обезобразило лицо — онъ схватилъ

ножъ, вскочилъ, и точно, какъ видя передъ собою умерщвленнаго имъ товарища, началъ кричать въ неистовствѣ: «За чѣмъ-же вы не защищался? За чѣмъ? за чѣмъ? Бейся теперь со мною, бейся!» Яростно началъ онъ бѣгать по кораблю, махалъ ножемъ куда попало и ранилъ одного изъ матрозовъ. Тутъ на шумъ прибѣжалъ Капитанъ, и такъ сильно ударилъ его абордажною пикою, что безумецъ зашатался, повалился на перилы и — упалъ въ море. Я видѣлъ, какъ держался онъ нѣсколько мгновеній на волнахъ, махалъ ножемъ и кричалъ: «бейся, бейся со мною!» вдругъ дикимъ, страшнымъ голосомъ заревѣлъ онъ, поднялъ ножъ надъ головою и — погрязъ...

Солнце закатилось, или, лучше сказать, еще до заката задвинула его туча и скрыла отъ насъ; мѣсяцъ не всходилъ, и по мѣрѣ того, какъ мракъ сгущался, съ ужасомъ, съ отчаяніемъ думалъ я о безконечной ночи, какая начиналась для насъ! Жена моя была непоколебима, молилась, пѣла духовные гимны, утѣшала насъ. Агнеса закрывала глаза, держалась руками за меня и за мать, и хотя мы всѣ были мокры отъ волнъ, безпрерывно перелетавшихъ черезъ корабль, ни жена моя, ни Агнеса не соглашались идти въ каюту, говоря: «Здѣсь лучше, здѣсь свободнѣе!»

Тутъ прибѣжалъ Негръ, слуга Капитана, съ фонаремъ въ рукахъ, и сказалъ, что онъ нашелъ отверзтіе, куда вливалась вода, и что его мо-

жно заткнуть парусиною и пенькою. Онъ прибавилъ также, что вода вымыла весь индиго и теперь можно будетъ качать воду насосами.

Надежда оживила Капитана и матрозовъ. Всѣ закричали, что надобно сдѣлать послѣднее усиліе и бросились къ работѣ. Сперва попробовали насосы: они дѣйствовали, и матрозы и пассажиры принялись качать воду; другіе помогали Капитану задѣлывать отверзтіе; остальные бросились въ трюмъ помогать плотнику.

Не прошло десяти минутъ, между страхомъ и надеждою, нѣсколько голосовъ вдругъ раздалось съ бушприта: «*Бурунъ, бурунъ впереди — погибаемъ!*» Капитанъ, забывши, что нѣтъ руля, закричалъ поворачивать на шпирбортъ; но тотчасъ вспомнилъ о потерѣ руля, и велѣлъ скорѣе разпускать запасные паруса фокъ-мачты и марсъ-зейдель, въ надеждѣ, что вѣтеръ отхватитъ корабль отъ подводныхъ каменьевъ. Но едва отданъ былъ приказъ — корабль ударился о скалу и ударъ былъ такъ силенъ, что всѣ стоявшіе на палубѣ попадали. Крикъ отчаянія послышался отвсюду; но хладнокровіе Капитана увеличивалось съ опасностію. «Рубить мачты,» кричалъ онъ, «сперва переднюю и валить ее на каменья, чтобы перебраться по ней на землю!» Никто не думалъ слушаться. Часть экипажа бросилась къ длинному боту, съ крикомъ сдвинула его и спѣшила сѣсть въ ботъ, но въ такомъ

множествѣ, что одинъ изъ матрозовъ, боясь гибели бота отъ излишней тяжести, поспѣшилъ отрубить канатъ. Первая волна отхватила, повернула ботъ кругомъ ушеса, о которой ударился корабль и — унесла его изъ глазъ нашихъ. Въ это мгновеніе раздались два пистолетные выстрѣла: лейтенанты сдержали свою клятву. . . каково предвѣщаніе для меня былъ этотъ отчаянный поступокъ опытныхъ моряковъ!

Нѣтъ! никакія слова не выразятъ ужаснаго позорища, котораго неумолимый жребій судилъ меня быть зрителемъ! Матрозы, пассажиры, женщины, дѣти, всѣ выбѣжали изъ внутренности корабля на палубу и кинулись къ кормѣ; тамъ, съ невѣроятнымъ усиліемъ успѣли они спустить въ море куттеръ. Уже ихъ было въ куттерѣ гораздо болѣе, нежели куттеръ могъ снести, когда яростная волна отшибла ихъ отъ корабля; несчастные плаватели не успѣли удалиться на сто саженъ, куттеръ перевернуло.... и теперь еще отзывается въ ушахъ моихъ общій, ужасный, продолжительный крикъ, въ которомъ различалъ я вопль женщинъ и дѣтей — вопль отчаянія, смертельнаго и послѣдняго! Черезъ нѣсколько секундъ ничего не было слышно, кромѣ свиста вѣтра и рева волнъ, какъ будто торжествовавшихъ свою добычу....

Я увѣренъ былъ, что никакая шлюпка не устоитъ противъ ярости волненія, и какъ при

томъ состояніе Агнесы, безъ чувствъ лежавшей на рукахъ моихъ, съ того времени, когда корабль ударился о камень, лишало насъ всякаго средства искать спасенія, то съ самаго начала рѣшился я оставаться на кораблѣ и ждать, что угодно будетъ Провидѣнію. Небольшое число людей, уцѣлѣвшихъ на кораблѣ, собралось около послѣдней шлюпки, запутавшейся въ снастяхъ кормы. Пока занимались они безполезною работою распутывать шлюпку, я увидѣлъ темное облако, приближавшееся къ кораблю: это была необъятная волна, подхватившая корабль, поднявшая его на чрезвычайную высоту и вдругъ отхлынувшая. Корабль снова ударился о камень, съ такою силою, что остальныя мачты выломились, все затрещало ужаснымъ образомъ, доски палубъ развалились и часть кормы покрылась водою. Волны мчали послѣднихъ несчастныхъ плавателей; еще нѣсколько человѣкъ, въ отчаяніи, цѣплялось за корму, отдѣлившуюся отъ носа. Но, можно было подумать, что побѣда вдыхала новую свирѣпость волнамъ океана: снова стремились онѣ къ кораблю. Подобныя дикимъ чудовищамъ, вздымая пѣнистыя гривы свои и скрежеща влажными зубами, съ неистовымъ ревомъ, волны напали на добычу, схватили ее убійственнымъ зѣвомъ своимъ, разрушили остатки кормы и — сколь далеко могъ я видѣть — все море покрылось обломками корабля.

Страшный жребій нашъ мы могли предугадать въ судьбѣ товарищей, изъ коихъ ни одинъ не избѣгъ смерти. Между тѣмъ я замѣтилъ, что носъ корабля, на которомъ мы держались, оставался неподвиженъ среди волнъ, вѣроятно потому, что свирѣпость ихъ устремлялась прямо противъ кормы, представлявшей менѣе сопротивленія. Но уже корма была разбита, и мы должны были ждать такого-же разбитія остальной части корабля. Въ это время проглянулъ между облаками мѣсяцъ, и я увидѣлъ, что не вдалекѣ отъ насъ чернѣется берегъ: тотчасъ блеснула въ головѣ моей мысль, что до совершеннаго разрушенія корабля мы успѣемъ спастись на берегъ. Агнеса опомнилась и чувствовала столько силъ, что могла думать о спасеніи; жена моя соглашалась предаться всѣмъ опасностямъ отчаяннаго предпріятія. Когда гибель неизбѣжна—и слабый свѣтъ надежды обольщаетъ и даетъ силы къ борьбѣ. Обративъ внимательный взоръ на берегъ, я увидѣлъ, что волны разбивались объ утесы, какъ будто хотѣли изторгнуть ихъ изъ земли, но съ ревомъ удалялись въ нѣдра моря, сшибаясь съ новыми волнами и умножая ярость и ревъ въ ужасной сшибкѣ своей.

Это не представляло намъ почти никакой надежды къ спасенію, и съ горестію думалъ я, что если-бы сильною волною и принесло насъ на берегъ, то порывъ новой волны собьетъ насъ обратно въ море, потому, что намъ не за что будетъ

удержаться. Тутъ увидѣлъ я подлѣ себя длинный Малайскій кинжалъ, выброшенный вѣроятно изъ нутра корабля. Крѣпко ухвативъ его, я обвязалъ себя, жену мою и Агнесу веревкою, такъ, что мы могли при томъ свободно дѣйствовать руками. Я велѣлъ имъ ждать первой волны, бросаться за мною, и если успѣемъ доплыть до берега, держаться тамъ сколько можно крѣпче, а потомъ бѣжать впередъ, если волна отхлынетъ, сколько силы позволятъ. Нѣкогда было разсуждать долго. Огромная волна приближилась; мы стояли на самомъ краю и — пѣнящійся валъ оглушилъ насъ въ паденіи и увлекъ съ собою.

Мы были выброшены на берегъ и чувствовали, что находимся на твердой землѣ. Собравъ всѣ силы, вонкнулъ я кинжалъ свой въ землю и держался за него обѣими руками, хотя жена и дочь, ничѣмъ не поддерживаемыя и увлекаемыя волною, дѣлали усилія мои едва переносимыми. Когда отлилась волна, я поднялъ Агнесу, снова лишившуюся чувствъ, и при помощи жены моей спѣшилъ нести ее впередъ, сколько позволяли силы. Но другая сильнѣйшая волна съ ревомъ летѣла въ слѣдъ за нами: казалось, море свирѣпѣло за то, что у него изторгали бѣдную жертву! Къ несчастію, поспѣшивъ бѣжать, я забылъ выдернуть изъ земли и взять съ собою кинжалъ... въ безумномъ отчаяніи шарю вокругъ себя руками... какое-то огромное приморское растѣніе попало мнѣ подъ руку,

и я ухватился за него, съ судорожнымъ онѣмѣніемъ. Волна достигла, залила насъ, но не снесла съ собою. Оглушенные, почти безъ памяти, мы опять бросились впередъ; еще одинъ валъ долетѣлъ до насъ, но досталъ только до колѣнъ . . . мы были спасены! Еще не вѣрили мы нашему спасенію, шли далѣе, съ прудомъ перебрались за пригорокъ, и наконецъ были на сухой землѣ, слыша за собою только страшный ревъ океана. . .

Изнеможенная необыкновенными усиліями, бѣдная Агнеса была безъ памяти; жена моя спала подлѣ нея на колѣна и молилась за спасеніе наше, когда я оборотился къ морю и вскричалъ: «Свирѣпствуй, ненасытная стихія! довольствуй свою жестокость, разрушай, губи и истребляй въ нѣсколько мгновеній труды многихъ лѣтъ и надежды будущаго — губи мое богатство; я богатъ тѣмъ, что ты мнѣ оставило и не страшусь твоей свирѣпости; всѣ мои богатства со мною, когда спасены тѣ, для кого дорога мнѣ жизнь!»

Le Siège de Corinthe, drame lyrique en 3 actes (*Осада Коринѳа.* Лирическая драма въ 3 дѣйствіяхъ). *Полная партитура оркестра.* Сочиненіе Іоакима Россини. Парижъ, 1828 г. (цѣна 150 франковъ).

До изданія сей партитуры, система гармоніи, которую создалъ Россини, была для насъ, нѣкоторымъ образомъ, неизвѣстною тайною. Оперы его издаваемы были только съ аккомпаньеманомъ фортепіано; всякому извѣстно, что сведенная на одно фортепіано, инструментальная часть партитуръ представляетъ сокращеніе идей композитёра, выборку отвлеченную и безцвѣтную, въ которой легкіе очерки едва даютъ намъ замѣтить трудъ оркестра, не разкрываютъ ни сущности, ни количества инструментовъ, ни разпредѣленія ролей въ музыкальномъ ихъ разговорѣ. Слѣдовательно, донынѣ, только слухъ одинъ могъ показывать намъ нововведенія, включенныя Россини въ инструментальную гармонію. Но—что̀ за руководитель слухъ, для того, кто хочетъ проникнуть въ подобный лабиринтъ, и въ пылу битвы оркестра различить голосъ каждаго изъ сражающихся? Какъ среди театральнаго развлеченія, среди шума представленій, слухъ можетъ передать памяти нашей вѣрный образъ тысячей звуковъ, убѣгающихъ и слѣдующихъ одинъ за другимъ, подобно потокамъ водопада? Напротивъ, зрѣніе легко исполняетъ все это, ибо для него звуки перестаютъ быть летучими: они ласково останавливаются и на досугѣ позволяютъ разсмотрѣть себя. Громады нотъ, для слуха прогремѣвшія въ одно мгновеніе, будучи перенесены передъ глаза, раздѣляются на линіи: можете пе-

ресмотрѣть ихъ, можете увидѣть самыя тонкія ихъ отношенія, самыя сложныя ихъ взаимности. Это молчаливое занятіе музыкою, сіи симфоніи, разыгрываемыя однимъ умомъ, всегда открываютъ намъ красоты, необходимо изчезающія для насъ при слушаніи музыки, и потому-то весьма рѣдко бываетъ, чтобы *читая* музыку оперы, двадцать разъ *слышанной*, мы не испытывали впечатлѣній совершенно новыхъ.

Потому съ особеннымъ любопытствомъ разкрыли мы партитуру *Осады Коринѳа*. Слишкомъ долго медлили для насъ удовольствіемъ свободно и безъ шуму наслаждаться *зрѣлищемъ* Россиніевой музыки. Тщетно напередъ воображали мы себѣ безпримѣрную сложность: ожиданіе наше было превзойдено дѣйствительностію. Надобно самому видѣть обширные листы партитуры, видѣть, не по десяти или двѣнадцати *графъ* (portées), какъ бывало донынѣ въ партитурахъ, считавшихся по инструментовкѣ за самыя трудныя, но по 20 и 25 графъ, изъ коихъ большая часть представляютъ два, три и даже четыре голоса. Надобно проникнуть въ сіи густые (épais) ряды звуковъ, наблюдать порядокъ и ясность, въ нихъ находящіяся, легкость и ловкость ихъ безчисленныхъ оборотовъ. Твореніе Россини на бумагѣ еще болѣе нежели на сценѣ театра представляетъ нѣчто исполинское. Когда мы слушаемъ музыку, то чѣмъ она лучше, тѣмъ менѣе даетъ намъ средствъ размышлять: мы принимаемъ ее, какъ будто мгновенное твореніе, какъ будто вдохновеніе *исполнителей* ея (exécutans): геній остается нераздѣльнымъ (indivis) между авторомъ и музыкантами оркестра.

Но когда мы пробѣгаемъ на листахъ тысячи нотъ, мы видимъ, кажется, руку, ихъ начертавшую; каждая нота, какъ будто говоритъ намъ: «всѣ мы однимъ созданы; всѣ мы привлечены сюда могуществомъ его мысли и повинуемся его опредѣленіямъ.» Предсказываемъ каждому, живо ощущающему музыку, что при разсмотрѣніи партитуры Россиніева оркестра, онъ будетъ проникнутъ невольнымъ чувствомъ какого-то благоговѣйнаго ужаса, подобнаго тому, какой ощущаетъ математикъ, при видѣ рѣшенія великой проблеммы, и опытный полководецъ при разсмотрѣніи плана Наполеонова похода.

Но послѣ удивленія и изумленія, является другое чувство: какое-то безпокойство за будущую участь музыки, которая кажется въ опасномъ положеніи отъ ужасающей роскоши гармоніи. Славно выиграть сраженіе, но ежели для побѣды вамъ надобно было ввести въ дѣло резервы ваши и подвергать опаснostямъ послѣднія пособія ваши, не уже-ли та битва, которую должно дать на другой день, ни сколько не пугаетъ васъ? Въ такомъ точно состояніи, думаемъ мы, находится нынѣ музыка. Въ наше время явился человѣкъ, который такъ сильно и безразсчетно употребилъ всѣ средства дѣйствовать на слушателей (tous les moyens d'effet), что подвергъ послѣдователей своихъ неминуемой опасности — не найдти уже болѣе никакихъ новыхъ средствъ, даже при пособіи генія, и довелъ сложность гармоніи до такой необыкновенной степени, что невольно сомнѣваешься: не сдѣлалъ-ли онъ всякое нововведеніе невозможнымъ? Впрочемъ, во-

просъ этотъ измѣняется въ слѣдующій: сложность гармоніи можетъ-ли почесться безконечною, или есть у нея границы, за которыя запрещено ей переходить? Очевидно, что такія границы существуютъ: съ одной стороны, мы находимъ ихъ въ количествѣ разныхъ родовъ инструментовъ, коими композиторъ можетъ располагать; съ другой, въ органической способности нашей слышать безъ утомленія то или другое количество звуковъ вдругъ. Спрашивается: всѣ-ли роды инструментовъ нынѣ существующихъ употреблены геніемъ Россини? Если всѣ, можно-ли надѣяться на изобрѣтеніе новыхъ? Можно-ли, по крайней мѣрѣ, прибавить нѣкоторые новые виды, или измѣнить качества нынѣ существующихъ родовъ? Наконецъ, гармонія Россиніева достигла-ли предѣловъ нашей способности слушать? Физическая организація наша вынесетъ-ли безъ болѣзненнаго ощущенія музыку болѣе сложную и болѣе шумную? Если мѣра ея исполнена, если средства, употребляемыя для произведенія новыхъ *эффектовъ*, сдѣлаются отнынѣ невозможными, какія пособія намъ остаются? по какой дорогѣ мы пойдемъ? на какіе опыты еще отважимся? Вотъ довольное число вопросовъ, которые не легко разрѣшить? Попытаемся однакожь на рѣшеніе ихъ. Въ семъ случаѣ почитаемъ мы необходимымъ небольшое предисловіе. Да позволено будетъ намъ оглянуться на прошедшее, ибо въ немъ только можемъ мы найдти предположенія для будущаго. Намъ легче будетъ судить о потомствѣ Россиніевой музыки, если мы разсмотримъ сначала ея родословную.

Въ половинѣ VIII вѣка изобрѣли въ Царѣградѣ инструментъ, коему подобнаго у Древнихъ не было. На немъ, посредствомъ клавишей, музыкантъ могъ весьма легко произвесть много звуковъ вдругъ. Одинъ изъ такихъ инструментовъ посланъ былъ въ Западную Европу Констаншиномъ Копронимомъ, поставленъ сначала въ Компіеньской церкви Св. Корнелія и назначенъ для аккомпаньемана пѣвчимъ при одноголосномъ пѣніи (unisson). Но вскорѣ вздумали воспользоваться удобствами, доставляемыми клавиромъ, и употребили его для составленія нѣкотораго двухъ-голоснаго пѣнія, которое назвали *diaphonia*. Съ сего времени началась новая музыка и—создана была *гармонія*. За системою чисто *мелодическою*, какая была у Древнихъ, системою, потерявшеюся во мракѣ варварскихъ вѣковъ, послѣдовала система совершенно новая, въ теченіи одиннадцати вѣковъ долженствовавшая достигнуть своего полнаго развитія. Кто зналъ въ то время необходимые законы, управляющіе прихотями нашихъ чувствованій (такъ можно сказать, если судить объ нихъ по наружности только), тому не нужно было дожидаться 11-ти вѣковъ, для составленія гороскопа новой музыки: внимая варварскіе дуэты органа (organum) Компіеньскаго, онъ могъ, безъ дальней отваги, предсказать явленіе Моцарта и Россини. Дѣйствительно, однажды услышавъ соединеніе двухъ согласныхъ звуковъ, люди должны были, по законамъ необходимости, почувствовать надобность составленія трехъ, четырехъ, пяти и болѣе. Вышедъ изъ простаго и вступивъ въ сложное, они могли находить удовольствіе новости,

удовольствіе необходимое нашей природѣ, только въ перепутанностяхъ сложнаго, ибо разнообразіе простаго не могло удовлетворять ихъ; запутанность началась, безпрерывно возрастая, и будетъ возрастать, пока несовершенство нашей организаціи, или другія непреоборимыя препятствія, не велятъ ей остановиться.

Такъ за *діафоніею* не замедлили послѣдовать *трифоніл* и *тетрафонія*, и хотя сіи тріо и квартеты были составляемы изъ нелѣпой разноголосицы, кажется, что предки наши находили въ нихъ особенное наслажденіе, и дѣвственный ихъ слухъ быстро понялъ потребность сей негладкой гармоніи, ибо они охотно платили пѣвчимъ по 6 деньеровъ за обѣдню на нѣсколько голосовъ, вмѣсто двухъ, бывшихъ цѣною простаго одноголоснаго пѣнія.

Доказательствомъ быстрыхъ успѣховъ гармоніи, еще въ колыбели бывшей, можно представить и то, что съ XI вѣка уже находимъ мы на памятникахъ и въ рукописяхъ нѣчто, похожее на небольшія концертныя симфоніи. Въ аббатствѣ Св. Георгія въ Бошервиллѣ, близь Руана, есть старинная *Романская* (roman) колонна, у которой скульптурная капитель представляетъ собраніе восьми или десяти музыкантовъ, изъ коихъ каждый играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, для аккомпаньемана танцовъ и прыжковъ фокусницы: одинъ держитъ въ рукахъ большую віолу; другой на колѣняхъ своихъ родъ рылей; третій играетъ на гитарѣ; четвертый подноситъ ко рту Панову свирѣль; наконецъ послѣдній играетъ колокольчиками. Замѣчая

ихъ положеніе, не льзя сомнѣваться, что художникъ воображалъ ихъ вмѣстѣ играющими.

Впрочемъ, въ средніе вѣка невозможно было гармоніи быстро достигнуть безмѣрныхъ развитій, какія суждены были ей въ новѣйшія времена. Не говоря о малочисленности и несовершенствѣ инструментовъ, бывшихъ тогда въ употребленіи, о неискуствѣ исполнителей, о необработанности и грубости голосовъ, способныхъ пѣть, болѣе другихъ важное и непреоборимое препятствіе должно было останавливать всѣ успѣхи и устранять естественную наклонность гармоніи развиваться: это препятствіе—читатели угадываютъ его—была Схоластика. Къ несчастію новой музыки, она казалась отчасти состоящею въ разсчетахъ и математическихъ формулахъ, а этого довольно было для обольщенія ученыхъ, и они потребовали владычества надъ новою музыкою, какъ законнаго достоянія. Нужно-ли сказывать, что когда музыка попалась въ цѣпи Аристотеля, то всякое усовершенствованіе было ей воспрещено, и она осталась чуждою всѣхъ волненій вкуса въ теченіе 500 лѣтъ, чуждою даже тѣхъ измѣненій, которыя столь сильно дѣйствовали на зодчество и языкъ новой поэзіи. Съ XI вѣка осудили музыку на недвижность категорій; не только подвели ее подъ trivium, какой господствовалъ въ Грамматикѣ, Логикѣ и Риторикѣ, т. е. въ самыхъ свободныхъ и цвѣтущихъ того времени искуствахъ, но даже разгородили ее на quadrivium, вмѣстѣ съ Ариѳметикою, Астрономіею и Геометріею. Впослѣдствіи оставлены были Латинскія слова: ихъ замѣнили словомъ: clergie, и

несчастная музыка записана была въ самое печальное общество: ей назначили мѣсто подлѣ Астрономіи (*). Наконецъ Ариѳметика, Богъ знаетъ какъ, изчезла: музыка замѣнила Ариѳметику, и такимъ образомъ она считалась за два искуства въ clergie (**).

Но и во время сего рабства музыки, внѣ Университетовъ было нѣсколько частныхъ покушеній—извлечь сіе искуство изъ его усыпленія и ввести въ гармонію нѣкоторыя новыя формы. Монахи, а особенно *Труверы*, сочиняли пѣсни на нѣсколько голосовъ, гимны и Латинскіе псальмы, писанные съ нѣкоторымъ изяществомъ. Между такими нововводителями одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ былъ Адамъ Ле-Галь, знаменитый Труверъ, извѣстный подъ именемъ *Аррасскаго горбуна*. Его ронды (li rondel Adan) выше всего, что сочиняли въ тоже время въ Университетахъ и—повѣрятъ-ли этому?—сей, столь мало извѣстный человѣкъ былъ первымъ изобрѣтателемъ драматической музыки: ему, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ честь сочиненія *первой комической оперы*, которой слѣды дошли до насъ. Опера эта (или, лучше сказать, разговорный дивертисманъ, перемѣшанный съ куплетами и дуэтами) названа была имъ: le Jeu de Robin et de Marion (***) и играна въ Неаполѣ, около 1285 года, въ

(*) Іоаннъ Готевиль, Architrenius, кн. III, гл. 8.

(**) Готье изъ Метца, въ статьѣ: Comment clergie vint en France.

(***) См. списокъ сей оперы (подъ заглавіемъ: Chi

присутствіи Карла Анжу и Двора его. Многія аріи, пѣтыя Робеномъ и Маріономъ, отличаются прелестною и довольно правильною мелодіею. Но какова ни была эта новость музыкальная, ее недостаточно было для освобожденія музыки отъ тяжкаго ига, и мы не находимъ даже, чтобы умный Труверъ имѣлъ какихъ-нибудь послѣдователей. Не думая сочинять музыкальныхъ пьесъ, пріятныхъ, могущихъ нравиться слуху, ученые люди выводили на бумагѣ самыя странныя смѣшенія нотъ; располагали ихъ чешками, крестами, овалами, змѣйками: знаніе музыки ограничивалось сими рисовальными вздорами и геометрическими задачами, которыя къ истинной музыкѣ находятся въ такомъ же отношеніи, въ какомъ искусство составлять акростихи и буриме къ поэзіи.

Не прежде конца XVI столѣтія горизонтъ началъ яснѣть. Театры заведены были въ Европѣ, особенно въ Италіи. Сперва музыка играла въ нихъ только предъ началомъ спектаклей; но вскорѣ самыя драмы соединены были съ музыкою: такъ въ 1590 г. во Флоренціи играли *Сатира*, пастушескую драму, сочиненную Эмиліемъ Каваліери, а чрезъ пять лѣтъ дали тамъ il Gioco della Cieca— это были первые правильные опыты музыкальныхъ драмъ. *Дафна* Какчини (Caccini), представленная въ 1597;

---

commenshe li gieus de Robin et de Marion c'Adanfist), въ Корол. Парижской библіотекѣ, № 2736. Общество Библіофиловъ въ 1822 г. напечатало сію оперу, въ числѣ 25 или 30 экземпляровъ, только для членовъ своихъ.

Аріана, Пери, и его-же *Эвридика,* написанная для свадьбы Маріи Медицисъ, въ 1600 году, рѣшительно обратили благосклонность слушателей къ новому роду музыки; наконецъ Клавдій Монтеверде, въ 1607 г., отдалъ на театръ своего *Орфея,* прославленнаго тогда необыкновеннымъ образомъ; въ немъ видно уже довольно замѣтное усовершенствованіе.

Партитура Монтеверде сохранилась донынѣ, и мы видимъ, что оркестръ у него составлялся изъ 32 инструментовъ, принадцати различныхъ родовъ. Судя по времени эпохи, столь великое количество кажется удивительнымъ, и съ трудомъ понимаете: какъ могла гармонія, столь недавно томившаяся въ схоластической бѣдности, сдѣлаться вдругъ такою богатою и сложною? Но все изъясняется въ немногихъ словахъ: 13-ти родовъ инструменты совсѣмъ не играли вмѣстѣ. Это были 13 небольшихъ, отдѣльныхъ оркестровъ, которые, какъ актеры, каждой дѣйствовалъ самъ по себѣ, въ свою очередь. Тутъ довольно остроумно было придумано, что всякому лицу драмы принадлежалъ особый музыкальный инструментъ: адскимъ духамъ аккомпанировали органы; Прозерпинѣ два баса; Плутону четыре трубы; Аполлону и хору пастуховъ флажолетъ; Эвридика пѣла при звукѣ віольной децимы или viole da brazzo, а двойная арфа (arpa doppia) вторила хору Нимфъ. Видимъ, что многочисленность инструментовъ не производила большой сложности гармоніи, и что изъ нее хотѣли только извлечь болѣе разнообразія мелодическаго.

Въ теченіи всего XVII вѣка, находимъ мы довольно большое количество инструментовъ, но все-

гда раздѣленное на маленькія отдѣленія, играющія особыя роли и никогда не соединяющіяся для составленія гармонической массы. Кариссими и подражатель его Люлли, первые приняли другую систему: они составили оркестръ изъ безпрерывнаго тріо, которое играли три скрыпки, различной величины. Другіе инструменты не были изгнаны; но они часто оставались, какъ и въ старину, безмолвными, и если приходилъ ихъ чередъ, то они ограничивались *дублируя* (doubler) одну изъ скрыпокъ. На такомъ токмо основаніи встрѣчаются намъ въ партитурахъ Люлли флейта, гобой, басъ и труба.

Наконецъ, насталъ XVIII вѣкъ, и геній гармоніи, пробудясь отъ долговременнаго сна, казалось, готовился къ полету, болѣе смѣлому: въ Неаполѣ явился онъ — единственномъ городѣ Италіи, который, со времени возрожденія наукъ, не былъ еще ознаменованъ торжествомъ изящныхъ искуствъ! Въ Неаполѣ показались первые провозвѣстники гармоніи — Марчелло (Marcello) и Скарлатти, а потомъ Лео и Дуранте (Durante) — великій Дуранте, какъ будто по инстинкту предчувствовавшій всѣ чудеса, какія должна была сотворить гармонія: безсмертныя творенія его донынѣ составляютъ предметъ благоговѣнія для знатоковъ музыки. Невольно изумляешься, что у сихъ великихъ артистовъ, истинныхъ творцовъ гармоніи, оркестръ явился вдругъ ограниченнымъ, состоящимъ только изъ простаго квартета струнныхъ инструментовъ: двухъ скрыпокъ, альта и баса. Не стало гобоевъ, фаготовъ, трубъ, и всѣ вспомогатели стариннаго оркестра

изгнаны. Былъ-ли это обратный ходъ? Не уже-ли, вмѣсто большей и большей сложности, гармонія совершенствуется упрощаясь? или она противилась уже закону сложности, который, по мнѣнію нашему, управляетъ ея жребіемъ? Совсѣмъ нѣтъ: она сосредоточилась, образовалась на основаніи твердомъ и прочномъ, составила себѣ, если можемъ такъ выразиться, гнѣздо, точку соединенія, вокругъ которой стали обращаться, уже не какъ вспомогатели и сверхъ-комплектные, но какъ вѣрные сподвижники, всѣ инструменты, на время отринутые гармоніею. Это былъ истинный успѣхъ гармоніи, и образованіе квартета, сей всегда необходимой основы оркестра, нѣкоторымъ образомъ можно назвать первымъ шагомъ къ ея великой сложности новѣйшихъ временъ. Прибавимъ, что и на сценѣ театральной, съ сей эпохи гармонія начала показывать свое грядущее величіе: пѣніе перестало быть речитативомъ, иногда только прерываемымъ небольшими мѣрными фразами, которыя назывались *аріями* (ariette). Не только пѣсни получили болѣе правильности, но соединеніе голосовъ безпрерывно являло болѣе прелести; хоры стали пріятными и не замедлили сдѣлаться необходимыми. Отъ нихъ перешли къ финаламъ, къ общему соединенію голосовъ (morceaux d'ensemble) и ко всѣмъ музыкальнымъ *эффектамъ*, въ наше время владычествующимъ на сценѣ. Словомъ: хотя драматическая музыка была изобрѣтена уже болѣе вѣка назадъ, но съ сего только времени она началась дѣйствительно.

Должно-ли быть откровенными, хотя къ стыду нашему? Франція оставалась чуждою всѣхъ сихъ измѣненій. Мы оставимъ ее на время, оставимъ грубыя уши предковъ нашихъ еще на шестьдесятъ лѣтъ услаждаться псальмопѣніемъ и тощими акордами Люлли; убѣжимъ отъ нелѣпыхъ трелей и переливовъ голоса, которыя тянулись и вытягивались, по мѣрѣ того, какъ поднимались прически и растягивались хвосты: одна Италія была тогда отчизною музыки; тамъ должно наблюдать, какъ она увеличивалась и украшалась безпрерывно новыми прелестями, подобно юной дѣвѣ, достигшей до счастливаго возраста красоты.

Перголезе, Джомелли—божественные геніи—вскорѣ довели гармонію до величайшаго утонченія; но все еще не измѣняя характера чистоты и невинности. Они осмѣливались уже на нѣкоторые *диссонансы;* но сіи выходки были такъ тихи, что слухъ только ласкался ими усладительно: тогда не поняли-бы удовольствія, какое мы находимъ въ оскорбленіи его. Всѣ прекрасныя композировки сей эпохи суть образцы ясности и согласія: это было такое время, въ которое образуется грамматика и очищается языкъ; всѣ вдохновенія геніевъ бываютъ тогда источниками сердечныхъ движеній и съ тѣмъ вмѣстѣ дидактическими законами. Тогда разливается свѣтъ, отъ коего рѣдѣетъ мракъ, хотя, къ несчастію, сей свѣтъ дѣлается потомъ единственно защитою педантизма, который, утверждаясь на немъ, останавливаетъ и осуждаетъ подвиги творческихъ геніевъ послѣдующихъ временъ.

Среди быстрыхъ и блестящихъ явленій гармоніи, показался Галуппи, и его живописующее воображеніе нашло слишкомъ безцвѣтною и однозвучною гармонію предшественниковъ. Оркестръ особенно, казался ему осужденнымъ на роль, слишкомъ подчиненную, и вскорѣ, чтобы придать оркестру болѣе значительности, Галуппи ввелъ его въ число дѣйствователей драмы. До того времени оркестръ только аккомпанировалъ пѣніе: Галуппи рѣшился сдѣлать его самаго пѣвцомъ. Онъ сочинилъ множество музыкальныхъ пьесъ, въ коихъ всѣ дѣйствія на умы слушателей и вся мелодія отданы оркестру, между тѣмъ какъ пѣвецъ на сценѣ только произноситъ слова, какъ будто въ простомъ разговорѣ: этому впослѣдствіи были тысячи подражаній. Нужно-ли прибавлять здѣсь, что подобное нововведеніе не пришло-бы на мысль Галуппи, если-бы простой квартетъ по прежнему составлялъ оркестръ? Но первобытная простота его была уже мало по малу измѣнена, и давно прошло то время, когда Лади Монтагю была въ восхищеніи, слыша тріо двухъ скрыпокъ съ охотничьимъ рогомъ (въ Вѣнѣ въ 1717 г.). Почти всѣ духовые инструменты потихоньку вошли въ оркестръ: ихъ не употребляли еще въ такой степени, какъ скрыпки, но значительность ихъ безпрестанно увеличивалась. При введеніи каждаго изъ нихъ, слушатели трепетали отъ удовольствія и тріумфъ Maestro бывалъ вѣрный. Такъ, на примѣръ, когда въ первый разъ услышали въ Римѣ выдержку волторны, протянутую на восемь тактъ, нѣкоторые изъ зрителей едва не задохнулись отъ изумленія и восторга! Словомъ, все предвозвѣщало

необыкновенное величіе, предоставленное духовымъ инструментамъ, и скрыпки, принявшія ихъ въ свое общество такъ привѣтливо, готовили себѣ опасныхъ соперниковъ. Между тѣмъ приближалось время, когда имъ суждено было мирное владѣніе старымъ достояніемъ, вмѣстѣ съ новыми пришлецами.

Послѣ Галуппи, Италія видѣла Гюльельми, Паизіелло и Чимарозу, и благодаря симъ геніямъ-восхитителямъ, чудеса древней мелодіи, казалось, были найдены. Но упоенная пѣніемъ, въ которомъ находила небесную чистоту и неистощимое разнообразіе, Италія сдѣлалась чуждою тѣмъ повременнымъ порывамъ, которыя безпрерывно увлекали гармонію къ новымъ сложностямъ. Довольные своими усладительными мелодіями, Итальянцы не чувствовали потребности гармоническаго утонченія и измѣненія, и хотя первый знакъ къ онымъ поданъ былъ въ Италіи, но успѣхи совершились внѣ ея предѣловъ, безъ ея соучастія и—почти безъ ея вѣдома. Безспорно, что всегда въ Италіи музыка производитъ свои важнѣйшія чудеса, что тамъ электризуетъ она души и изторгаетъ слезы: но успѣхи гармоніи суждены были не Италіи. Германія отозвалась грубыми, сильными и темными звуками Баха и Генделя: къ ней должны мы обратиться. Тогда и Франція сдѣлалась въ свою очередь театромъ музыкальныхъ движеній. Уже давно разбитъ былъ въ ней кумиръ Люлли; кумиръ Рамо, замѣнившій его, начиналъ колебаться. *Буффонисты* (bouffonistes) завели знаменитую войну и удивительнымъ образомъ приготовили умы; вся Франція забредила музыкою; умы закипѣли гнѣвомъ и страстями, и для довершенія

рѣшительнаго порыва, иноплеменный геній—*Глюкъ*, творецъ Орфея и Альцесты, явился въ Парижѣ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Jean Paul Friederich Richter's Leben, etc. *(Жизнь Жанъ-Поля Фридриха Рихтера*, съ присовокупленіемъ разбора его сочиненій). Соч. Генриха Деринга. Гота, 1826 г. in 12, 208 стр. (*).

Il fait réfléchir sur *tout*, et même sur *quelque chose de plus* que tout.

Г-жа Сталь.

(Посвящено М. Н. Л.)

Увѣряютъ, что когда Джонсонъ услышалъ о намѣреніи Босвелля написать его біографію, то рѣшительно объявилъ, что если-бы онъ точно былъ увѣренъ въ справедливости сего слуха, то немедленно зарѣзалъ-бы Босвелля. Не осмѣливаемся рекомендовать литераторамъ такого — немного сильнаго — предохранительнаго средства противъ плохихъ біографовъ; но не будемъ спорить, если кто нибудь скажетъ, что не смотря на безчисленное множество жизнеописаній, безпрерывно наводняющихъ всѣ литературы, хорошія біографіи столь же рѣдки, какъ рѣдки люди, хорошо употребившіе жизнь свою. Мы увѣрены, что людей, коихъ

(*) Извлеченіе изъ Edinburgh Review, помѣщенное въ Bibliothèque Universelle.

жизнь стóитъ быть доведенною до свѣдѣнія потомства, гораздо болѣе на свѣтѣ, нежели писателей, коимъ можно-бъ было позволять приниматься за подобныя предпріятія. Должно, безъ сомнѣнія, чтобы великіе люди были судимы, какъ Цари Египетскіе, послѣ смерти своей, прежде нежели будетъ имъ воздана честь помѣщенія въ храмѣ избранныхъ. И что-жь другое всѣ *опыты*, *извѣстія*, *біографіи* и проч. и проч., если не прошенія въ судъ и не замѣчанія адвокатовъ и судей, только худо знающихъ свое дѣло? Изъ этого хаоса приказной литературы можно-ли вывесть справедливое рѣшеніе? Конечно можно; но рѣшенія всегда надобно дожидаться, и это всего вѣрнѣе. Едва великій человѣкъ закроетъ вещественныя очи свои, едва только жизнь и дѣла его сдѣлаются собственностію публики, какъ толпа карликовъ бросается дѣлить наслѣдство. Каждый вооруженъ маленькимъ зеркальцомъ и старается уловить нѣсколько свѣта отъ лучезарнаго свѣтила; но къ несчастію, зеркала карликовъ такъ кривы, такъ малы, что невозможно и подумать, чтобы въ нихъ отразился образъ его, и еще менѣе — образъ вѣрный.

Жанъ-Поль былъ добрѣе Джонсона, и въ жизни переносилъ непріятности по-философски, даже весело. Потому, мы не думаемъ, чтобы онъ захотѣлъ зарѣзать Г-на Деринга, даже и достовѣрно зная, что Дерингъ готовится быть его жизнеописателемъ. Уже давно Дерингъ извѣстенъ, какъ компиляторъ и переводчикъ. Но самое главное его предпріятіе есть *Галлерея Вѣймарскихъ Писателей*, собраніе біографій, которое началось жизнью Шил-

лера, потомъ должно заключить въ себѣ жизнь Виланда, Гердера, а потомъ, вѣроятно по выморочному праву, Клопштока и Жанъ-Поля, не принадлежавшихъ Веймару. Образъ работы Дерингової самой простой. Онъ начинаетъ прежде всего перебирать Лейпцигскій Conversations Lexicon, Словарь поэтовъ Эрдена (Jörden), ручныя книжонки Флегеля (Flögel) и Коха, пріискиваетъ годъ, мѣсто рожденія того человѣка, коего жизнь описать ему вздумалось, имена его отца, матери, предковъ, его гражданскую жизнь, названія его твореній: вотъ *фундаментъ* зданія. Потомъ слѣдуетъ переборъ самыхъ твореній мучимаго имъ писателя, всѣхъ книгъ, всѣхъ журналовъ, гдѣ говорили объ немъ: чуть только имя его мелькнуло гдѣ-нибудь, Дерингъ хватаетъ перо и вписываетъ находку въ свои тетрадки. Когда накопится довольно замѣтокъ, онъ начинаетъ работать, кладетъ камень на камень, какъ они попадаются ему, смазываетъ все это біографическимъ цементомъ, и созидаетъ нелѣпое зданіе, въ которомъ, подлѣ куска гранита торчитъ кусокъ глины, и которое оканчивается, какъ попало, если матеріяловъ недостаетъ у Деринга.

Оставя всѣ риторическія фигуры, можно сказать, что подобный Дерингову образъ писанья біографій весьма недостаточенъ. Трудно твореніе, такимъ образомъ созданному, представить собою что-нибудь цѣлое, единое и гармоническое. У Деринга, на примѣръ, видите безпрерывные скачки. Герой его перемѣняетъ занятія и родъ жизни на каждой страницѣ, иногда на каждой фразѣ, но мы не видимъ *для чего* и *почему*. Прогулка въ деревню и

пятнадцатилѣтняя болѣзнь занимаютъ у Деринга одинаковое пространство. Вы находите героя его въ школѣ; вдругъ онъ женился, и уже отецъ трехъ *прекрасныхъ малютокъ*, и—вдругъ умираетъ: онъ являлся вамъ полный жизни и дѣятельности, работалъ, писалъ стихи, принималъ гостей—новый параграфъ раскрывается подъ его стопами, какъ ловушка—онъ падаетъ и изчезаетъ въ безднѣ... иногда, правда, не совсѣмъ изчезаетъ, и мы видимъ героя, послѣ похоронъ, опять за работою. Обыкновенное повѣрье въ народѣ, что если человѣка похоронили, то онъ уже умеръ; у Деринга часто это идетъ на выворотъ.

Сіи предварительныя замѣчанія послужатъ намъ оправданіемъ въ томъ, что о Дерингової біографіи Жанъ-Поля мы будемъ говорить немного. Дерингъ хвалится вѣрностью этой біографіи, въ предисловіи своемъ. Дѣло въ томъ, что вдова Жанъ-Поля напечатала въ газетахъ предостерегательное извѣстіе о книгѣ Деринга, присовокупивъ къ тому, что другая біографія, писанная самимъ Жанъ-Полемъ и конченная другомъ его и издателемъ его твореній, Г-мъ Отто, будетъ издана (*). Дерингъ разсердился, отвѣчалъ, что матеріялы его творенія самыя вѣрные и книга его не *псевдо-біографія*: лучше-бы ему утверждать, что книга его совсѣмъ *не-біографія*. Онъ и книгопродавецъ

(*) Она издана уже, подъ названіемъ: Wahrheit aus Jean Pauls Leben, 2 ч. Бреславль, 1826 и 1827 гг. in 12.

его (Геннингъ, въ Готѣ) очень хорошо знаютъ, что листочки, сшитые ими, самая пошлая спекуляція. За исключеніемъ нѣсколькихъ писемъ къ Кунцу, Бамбергскому книгопродавцу, въ которыхъ рѣчь идетъ о покупкѣ пары очковъ и пересылкѣ книгъ, то отъ Жанъ-Поля къ Кунцу, то отъ Кунца къ Жанъ-Полю, всѣ другіе матеріялы біографическіе столько-же извѣстны цѣлому свѣту, какъ и Г-ну Дерингу. Добрая половина книги занята описаніемъ похоронъ: вамъ разсказываютъ, какъ расположено было 60 факеловъ, «съ довольнымъ количествомъ фонарей;» какъ профессоры шли, такой-то за тѣмъ-то, черезъ Friederichsstrasse на Kanzleistrasse и какъ погасли всѣ факелы, пока Г-нъ Докторъ Габлеръ и Г-нъ Докторъ Шпациръ разглагольствовали на могилѣ. За тѣмъ приводитъ Дерингъ предлинную и пренадутую рѣчь, произнесенную въ честь Жанъ-Поля Докторомъ Берномъ во Франкфуртѣ; далѣе идутъ пошлые стихи, выкопанные изъ современныхъ журналовъ, видно въ надеждѣ, что въ книгѣ Деринга имъ спокойнѣе будетъ шлѣть, нежели въ листочкахъ газетъ.

Имя Жанъ-Поля внушаетъ намъ столь великое благоговѣніе, что при воспоминаніи объ немъ, мы почитаемъ неприличнымъ говорить о жалкихъ его хвалителяхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ превосходятъ все, что только мы въ Англіи знаемъ надутаго и пустаго. Они показываютъ по крайней мѣрѣ, что Германцы чувствуютъ свою потерю, потерю не одной Германіи, но цѣлой Европы. Невозможно побѣдить чувства прискорбія, вообразивъ, что голосъ небеснаго гостя на землѣ умолкъ и

земные голоса замѣнили его: люди собрались вокругъ могилы великаго человѣка и—плачутъ, или показываютъ видъ, что плачутъ.—Но прочь отъ насъ Дерингъ и всѣ подобные ему, когда мы хотимъ говорить о Жанъ-Полѣ: его творенія въ рукахъ нашихъ; въ нихъ живетъ геній его и не требуетъ истолкователей для чудесныхъ, великихъ произведеній, въ которыя облекался предъ нами одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей нашего времени!

Внѣ Германіи Жанъ-Поль извѣстенъ почти только по имени. Англійская публика знаетъ не болѣе того, что говоритъ объ немъ Г-жа Сталь, и машинально повторяютъ у насъ слова ея, что «Про«видѣніе вручило Французамъ владычество надъ зем«лею, Англичанамъ надъ моремъ, а Нѣмцамъ надъ «воздухомъ.» Геній Жанъ-Поля, въ самомъ дѣлѣ, казался принадлежащимъ къ сей послѣдней стихіи: такъ онъ *фантазенъ* (fantastique), блестящъ и многообразенъ. Слогъ Жанъ-Поля столь необыкновенъ, оригиналенъ, облеченъ въ формы такія странныя и несообразныя, что переводить сочиненія Ж. П. невозможно ни на какой языкъ. Въ самой Германіи изданъ особенный словарь, для читающихъ Ж. Поля. Все это должно было ограничить и, вѣроятно еще на долго, ограничитъ сферу вліянія Жанъ-Полевыхъ твореній, препятствуя свободному уразумѣнію ихъ за границами области Нѣмецкаго языка. Но за то въ самой Германіи читаютъ, изучаютъ Жанъ-Поля, дивятся ему, съ такимъ предубѣжденіемъ, что оно заставляетъ Нѣмецкихъ читателей забывать всѣ недостатки Ж. Поля. По-

чши сорокъ лѣтъ слава сего писателя утверждалась безпрерывными успѣхами: противники его принуждены были умолкнуть; критики превратились въ похвалы, и Жанъ-Поль, сперва почитаемый за сумасшедшаго, былъ признанъ геніяльнымъ писателемъ, въ которомъ соединяются почти несообразныя крайности: оригинальность, часто доходящая до странности, глубокость мыслей и удивительная народность.

Жизнь такого человѣка, описанная надлежащимъ образомъ, была-бы любопытна въ высокой степени, хотя гражданское бытіе его можно-бъ было разсказать въ немногихъ словахъ. Ж. Поль родился въ Вунсиделѣ, близь Байрейта, въ Мартѣ 1763 г. Отецъ его былъ школьный учитель, и въ послѣдствіи получилъ мѣсто пастора, въ Шварцбахѣ на Саалѣ. Воспитаніе Ж. Поля сначала было весьма небрежно; его умъ и способности дополнили недостатки. Не имѣя средствъ покупать книги, онъ бралъ гдѣ что могъ и дѣлалъ огромныя выписки для своего употребленія. Привычку выписывать изъ книгъ все, что казалось ему замѣчательнымъ, Ж. Поль сохранилъ во всю жизнь свою и, вѣроятно, это имѣло сильное вліяніе на его образъ сочиненія. Онъ читалъ до невѣроятности много, во всѣхъ родахъ, и выписки его такъ увеличились, что при концѣ жизни наполняли огромные шкафы. Въ 1780 г. Ж. Поль явился въ Лейпцигскомъ Университетѣ, гдѣ вскорѣ отличился своими познаніями и талантами. Ему предназначаемо было идти по слѣдамъ отца своего и учиться Богословію; но страсть къ Поэзіи и Философіи заставляли Ж. Поля небречь

предназначенными ему курсами, а потомъ и совсѣмъ оставить ихъ. Не зная, что дѣлать, онъ принялъ должность учителя въ одномъ богатомъ домѣ; потомъ завелъ пансіонъ; но все это было не надолго, ибо онъ столь-же часто перемѣнялъ мѣста пребыванія своего, какъ и образъ жизни и занятій. Наконецъ рѣшился Ж. Поль сдѣлаться литераторомъ, и началъ выдавать, то въ томъ, то въ другомъ городѣ, сочиненія странныя съ названіями, еще болѣе странными: *Гренландскія тяжбы; Біографическія забавы подъ черепомъ великанши; Выписки изъ записокъ дьявола*, и проч. и проч. Въ сихъ необыкновенныхъ произведеніяхъ не льзя было не признать, среди множества странностей, генія блестящаго и сильнаго, ума существенно-оригинальнаго, души благородной и возвышенной. Мало по малу, Ж. Поль, коего первыя творенія казались нелѣпою смѣсью восторженной мечтательности и шутовства, былъ включенъ въ число первокласныхъ Нѣмецкихъ писателей. Слава его привлекла къ нему друзей; онъ женился, и получилъ достаточныя средства существованія. Съ 1802 года поселился онъ съ женою въ Байрейтѣ, гдѣ получалъ пенсію отъ Короля Баварскаго. Здѣсь жилъ онъ до самой смерти своей, издавалъ сочиненія, безпрерывно умножавшія славу его имени, и умеръ въ 1825 г. любимый, уважаемый, изумляющій всѣхъ своихъ современниковъ, особенно имѣвшихъ счастіе узнать его короче.

Ж. Поль былъ роста высокаго, но наружность его представляла собою что-то столь-же безпорядочное, какъ и умъ его. Огненный, пылкій, да-

же буйный, онъ былъ притомъ кротокъ, человѣколюбивъ и простосердеченъ. Любя разговаривать, онъ блисталъ своимъ разговоромъ, говорилъ, какъ писалъ: странно, оригинально, смѣло; при чемъ Байрейтскій выговоръ часто придавалъ ему особенную прелесть. Между тѣмъ, Ж. Поль искалъ уединенія, уходилъ въ поля и, казалось, жаждалъ приближенія къ природѣ. Онъ самъ о себѣ замѣтилъ, что съ юности своей до старости, большую часть жизни прожилъ подъ открытымъ небомъ. Въ полѣ, въ лѣсу, среди природы, имъ изучаемой, писалъ онъ свои сочиненія. Байрейтцы замѣчали, что Ж. Поль рѣдко является внѣ дома безъ цвѣтовъ, въ петлицѣ своего сюртука. Въ жизни своей былъ онъ тихъ и свободенъ, добръ ко всѣмъ; друзей любилъ самою пламенною любовью. Часто находите у него въ сочиненіяхъ намеки о бѣдной, доброй матери его, и всегда исполненные живаго чувства нѣжности и сыновняго почтенія. «Горе сыну,» говоритъ онъ, «если родная мать его не сдѣлала ему почтеннымъ священнаго имени матери!» Выписываемъ изъ книги Деринга нѣсколько строчекъ, кажется, единственныхъ, которыя предстаавляютъ нѣкоторый интересъ.

«Въ это время (въ 1793 г.) комната, гдѣ учился и занимался Жанъ-Поль, представляла вѣрный образъ величія и простоты души его, обнимавшей вдругъ и самое возвышенное и самое обыкновенное. Мать его жила съ нимъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, занималась хозяйствомъ и ставила горшки въ печь, когда Ж. Поль, подлѣ простой конторки, въ углу, работалъ окруженный книгами и бумагами,

не развлекаясь ни заботами кухни, ни воркованьемъ голубей, летавшихъ во всѣ стороны.»

Въ послѣдствіи Ж. Поль жилъ роскошнѣе, въ обществѣ знатныхъ и ученыхъ людей, но всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о старомъ, смиренномъ своемъ жилищѣ. Всю жизнь, при всей твердости и опредѣленности характера, онъ сохранилъ кротость и терпѣливость свою. Трудно было найдти человѣка, съ такою силою воли и такою умѣренностію, пылкостію и кротостію.

Полное собраніе сочиненій Ж. Поля, издаваемое послѣ смерти его, составитъ *до шестидесяти томовъ*: оно будетъ столь-же разнообразно, сколь и многотомно. Сочиненія Ж. Поля объемлютъ всѣ предметы, начиная съ самыхъ высокихъ проблеммъ трансценденталной философіи и самой восторженной поэзіи до *Способовъ показывать время* и *Искуства засыпать*. Но важнѣйшія творенія его суть романы: *Невидимая ложа*; *Flegeljahre*; *Жизнь Фикслейна*; *Jubelsenior*; *Путешествіе полковаго пастора Шмельцеля въ Флетцъ*, *Путешествіе Катценбергера къ минеральнымъ водамъ*; *Жизнь Фибеля*, и два произведенія литературныя, высшаго разряда: *Гесперъ* и *Титанъ*. Первое изъ сихъ послѣднихъ явилось въ 1795 году и навсегда утвердило литературную славу Ж. Поля; другое признано было критиками, и самимъ Сочинителемъ, лучшимъ его произведеніемъ. Но имя *романиста*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли принимать его, несвойственно генію столь великому, каковъ Ж.

Поль, ибо, рядомъ съ смѣшными каррикатурами и странными шутками, во всѣхъ произведеніяхъ его видите нѣчто суровое, высокое, торжественное, и рѣдко писалъ онъ не имѣя въ виду какого-нибудь порядка идей, разпространеннаго далеко за обыкновенную сферу романистовъ. *Гесперъ*, и самый *Титанъ*, формами похожіе на обыкновенные романы, заключаютъ въ себѣ сущности болѣе, нежели сколько могутъ вынести многіе изъ нашихъ читателей, если-бы даже подраздѣлили и подготовили ее нарочно для нихъ. Забава читателей, большею частію, была только средство Ж. Поля и никогда цѣль его. Мысли, чувства, созданія генія Ж. Полева являются намъ одѣтыми въ формы многообразнѣйшія, яркія, чудныя; но существенный характеръ Ж. Поля, какъ онъ ни переодѣвается въ литтературныя маски, всегда характеръ философа, нравственнаго поэта, изучившаго природу и созерцающаго себя во всемъ, что изящно, таинственно, велико въ судьбѣ человѣка и въ зрѣлищѣ природы: таково основаніе твореній Ж. Поля, таковъ духъ, оживляющій оныя, животворящій картины обыкновенной жизни и ученыя его диссертаціи, также, какъ и изобрѣтенія его, аллегоріи и фантазическія мечты.

Дидактическія творенія Ж. Поля замѣчательны, не менѣе другихъ его сочиненій. Ж. Полево *Введеніе въ Эстетику* (Vorschule der Aesthetik) есть твореніе, основанное на глубокихъ началахъ и не смотря на всѣ странности, исполненное идей новыхъ, остроумныхъ, такихъ, что оныя не отри-

нетъ самый строгій критикъ. Оно чрезвычайно уважается въ Германіи, гдѣ съ давняго времени Эстетика составляетъ особенную науку и была обработываема Винкельманомъ, Кантомъ, Гердеромъ и Шлегелями. Мы могли-бы многое сказать о сей книгѣ, если-бы намъ позволяли предѣлы журнальной статьи; чтеніе сей книги, вѣроятно, изумило-бы многихъ почтенныхъ критиковъ нашихъ, и перевернуло всѣ ихъ идеи, если только они были-бы въ силамъ понять, что̀ читаютъ. Ж. Поль написалъ книгу и о воспитаніи (подъ названіемъ: *Левана):* въ ней замѣтны практическія познанія, направленіе благородное, возвышенное и умѣренность отвлеченій; все это облечено однакожь въ формы оригинальныя, только одному Ж. Полю принадлежащія. Германія богата книгами педагогическими, можетъ быть богаче всѣхъ другихъ земель, но Ж. Полю предоставляютъ въ ней почетное мѣсто между людьми, писавшими о педагогикѣ.

Сочиненіе Ж. Поля: *Clavis Fichtiana*, шуточное произведеніе, извѣстно намъ только по слуху; но кажется, что Ж. Поль, хотя и смѣется надъ Фихте, но совершенно понялъ его: важная заслуга, которой не оказали многіе, писавшіе противъ Фихте! Намъ также неизвѣстна и Campaner Thal *(Кампанская долина или о безсмертіи души)* Ж. Поля: это разсужденіе его о безсмертіи души, бывшемъ любимымъ предметомъ размышленій Ж. Поля и, можно сказать, душою его философіи. Передъ самою кончиною своею, Ж. Поль, не смотря на слѣпоту, внезапно и сильно его постигшую, еще перераб-

тывалъ свою Campaner Thal. Рукопись, въ половину оконченная, несена была предъ гробомъ Ж. Поля, и гимнъ Клопштока — Aufstehen wirst du! никогда не былъ пропѣтъ такъ прилично, какъ на могилѣ его.

Самый невнимательный и самый предубѣжденный читатель не прочитаетъ твореній Ж. Поля безъ того, чтобы не изумиться глубокостью, смѣлостью и необыкновенностью ихъ: въ этомъ мы рѣшительно увѣрены. Но творенія Ж. Поля должно не просто читать, а *изучать*, особливо иностранцу, и величайшее терпѣніе потребно тому, кто хочетъ понять столь-же хорошо достоинства ихъ, какъ и недостатки. Судимый по уложенію обыкновенной критики, Ж. Поль всего скорѣе можетъ быть осужденъ, какъ мистикъ, какъ мечтатель, какъ дерзскій нововводитель. Мы безпрестанно требуемъ оригинальности и безпрестанно ссоримся съ писателями оригинальными, не понимая, какъ выразился самъ Ж. Поль, что намъ никакая оригинальность не можетъ нравиться, кромѣ нашей собственной. Все, что чуждо нашему обыкновенному образу воззрѣнія и понятія, при первой встрѣчѣ не понравится намъ, а къ несчастію, то, что мы почитаемъ совершенно яснымъ и простымъ для насъ, часто бываетъ обыкновенно и пошло. Ходячую монету во всякой землѣ знаетъ каждый обитатель, будь она золотая, серебряная, мѣдная; но многіе-ли сумѣютъ оцѣнить монету чуждаго клейма и неизвѣстнаго металла, будь она драгоцѣннѣйшая медаль изъ Коринѳской мѣди?

Ж. Поль принадлежитъ къ весьма немногому чис-

лу такихъ писателей, при чтеніи коихъ надобно сколько возможно остерегаться первыхъ впечатлѣній. Съ перваго взгляда онъ представляется необыкновеннымъ явленіемъ: видите человѣка, у котораго *отличіе отъ другихъ* составляетъ ремесло, и самый слогъ Ж. Поля для критики, особливо грамматической, настоящій оселокъ, изощряющій тупое оружіе. Не то, чтобы Ж. Поль не зналъ грамматики, не то, чтобы онъ презиралъ ее, но онъ раздвигаетъ предѣлы языка далѣе всѣхъ границъ. Безъ всякой разборчивости громоздитъ онъ вводныя предложенія, междометія, подставочныя фразы, выдумываетъ сотни новыхъ словъ, измѣняетъ старыя, ставитъ, связываетъ, соединяетъ такимъ образомъ, что образуются періоды самые неправильные и фразы странныя, разнородныя, безконечныя. Все это переплетено съ фигурами, метафорами, намеками, взятыми со всѣхъ концовъ вселенной, перемѣшано съ эпиграммами, ироническими восклицаніями, каламбурами и даже бранью: это безконечный хаосъ, гдѣ все темно, разнообразно, смѣшано. Общность сочиненій такова-же, какъ и подробности: кажется, что всѣ творенія Ж. Поля, важныя и забавныя, перемяты въ какой-то формѣ уродливости. Фантазическій разсказъ служитъ вступленіемъ и выводитъ на сцену книгу и самаго автора, который въ продолженіе романа дѣлается дѣйствующимъ лицомъ. Далѣе встрѣчаемъ вымышленную географію Европы, городъ Флахсенфингенъ, городъ Гаргааръ, Шеерау: являются ихъ владѣтели, ихъ тайные совѣтники, ихъ высокомочія: и всѣ сіи странныя, необыкновенныя суще-

ства знакомы корошко съ Ж. Полемъ, говорятъ съ нимъ о политикѣ и иногда сами начинаютъ доканчивать его сочиненіе. Ни одинъ разсказъ не обойдется безъ множества безконечныхъ оговорокъ, безъ скачковъ, быстрыхъ и неожиданныхъ, отъ чего авторъ идетъ вавилонами, отличными отъ всего, что вы знаете. Отъ времени до времени являются *экстра-листки* (Extrablatt), въ которыхъ заключено какое-нибудь сатирическое прошеніе, какая-нибудь программа, предувѣдомленіе, котораго никто и никогда не могъ ожидать. Тщетно, вышедъ изъ терпѣнія, читатель гонится за авторомъ, который, кажется, шутитъ надъ нимъ, и часто измучивъ, сбивъ съ дороги, пристыдивъ его, заставляетъ съ досадою бросить книгу и— можетъ быть навсегда!

Все, что мы сказали о Ж. Полѣ, совершенная правда; но къ ней должно еще многое прибавить. Не думайте, что мы осмѣливаемся порицать, назвавъ творенія его изысканными и безсвязными: сіи два прилагательныя легко расточаются въ свѣтѣ и часто безъ соображенія придаютъ ихъ ко многому. Среди хаоса твореній Ж. Поля ярко сверкаютъ лучи свѣта, столь чистаго, видны идеи, столь истинныя, столь великія, что то и другое невольно заставляетъ васъ спрашивать: хаосъ-ли это въ самомъ дѣлѣ, и не зрѣніе-ли наше столь недостаточно, что мы не можемъ обнять цѣлости; словомъ: на настоящей-ли точкѣ зрѣнія стоимъ мы и смотримъ на него? Конечно, всякій безспорно согласится, что рѣдко можно найдти человѣка, такъ несвязно говорящаго, но богатаго такимъ основательнымъ,

многоразличнымъ, обширнымъ ученіемъ, такими всеобщими познаніями, какъ Ж. Поль. Обратимся къ изысканности: сущность ея составляетъ *заимствованіе*. Тотъ изыскань, кто собственную сущность бросаетъ въ чужую форму и мучится надъ переработкою, воображая, что выйдетъ изъ нея обновленный и украшенный. Увѣрясь, что преображеніе совершилось, заимствователь дѣйствуетъ съ убѣжденіемъ, почитая свои дѣйствія за достоинство, между тѣмъ, какъ во всякомъ движеніи его видите несвойственность: вотъ что значитъ, по нашему мнѣнію, *изысканность*; но одно чужезаимствованіе еще не составляетъ ея вполнѣ. Многіе изъ тѣхъ, которые спокойно бредутъ по старой колеѣ привычки, изысканны. Какая-жь нелѣпость приписывать изысканность генію, оставившему избитыя тропы обыкновенныхъ людей? Обвинять человѣка, что онъ старается показаться не тѣмъ, что онъ есть, надобно твердо увѣриться, въ томъ, что̀ такое онъ въ самомъ дѣлѣ. Обратите внимательнѣйшее наблюденіе на Ж. Поля, и вы увидите, что среди странностей, среди шумнаго смѣшенія, характеризующаго творенія его, въ нихъ всегда тишина, веселость спокойная, привѣтливая, показывающая умъ въ свѣжести, полнотѣ силы и ясности, а не въ томъ болѣзненномъ состояніи, какое происходитъ отъ бѣшенства горячки.

Загадка вся, можетъ быть, въ томъ, что Ж. Поль позволяетъ читателю понимать себя только тогда, когда читатель обратитъ на него вниманіе, превосходящее ту степень, какую привыкла обращать на чтеніе большая часть читателей. По мѣ-

рѣ вниманія, Ж. Поль разкрывается предъ вами, и все проясняется въ его твореніяхъ. Вскорѣ узнаете въ умѣ автора порядокъ и совершенное сцѣпленіе послѣдовательности; безпорядокъ, изчезая мало по малу, уступаетъ мѣсто гармоніи, и когда достигнете вы до настоящей точки зрѣнія, то въ одномъ взглядѣ разкрытъ передъ вами цѣлый міръ, стройный, великій и изящный! Это не смѣшанныя, своенравныя, безпорядочныя формы, поражавшія васъ съ перваго взгляда; но перспектива безмѣрная, разнообразная, великолѣпная; части ея странны, неоднородны, ознаменованы характерическою грубостію, но общность богата, велика, блестяща: это природа, проникнутая высокимъ умомъ человѣка.

Ж. Поля называли *колоссомъ умственнаго міра*, и названіе это кажется намъ очень справедливо. Общность всѣхъ способностей, образующихъ геній его и взятыхъ вмѣстѣ, являетъ въ формахъ своихъ что-то исполинское: болѣе огромности, нежели пріятности, болѣе величія, нежели изящности, и отличительнѣйшія свойства — сила и объемлемость. Умъ Ж. Поля, обширный и могучій, забавляется задачами самыми затруднительными; объемлетъ отношенія, самыя отдаленныя, и проникаетъ въ самыя таинственныя уравненія предметовъ. Воображеніе его неопредѣленно, мрачно, но ужасно, но блестяще, паритъ надъ безднами бытія, устремляется въ вѣчность, творитъ видѣнія торжественныя и роскошныя, или, лучше сказать, разсыпая сокровища свои съ безграничною расточительностію, оно стремитъ, какъ солнце, волны золота

и цвѣтовъ, перлы разкидываетъ на каждое быліе и вдалекѣ покрываетъ землю ярко-блестящими брильянтами. Главный-же характеръ генія Ж. Полева заключается въ томъ, что мы Англичане выражаемъ словомъ: *humour*. Вотъ центральный огонь, который живитъ и оживляетъ все бытіе его! Ж. Поль *гумористъ*, во всѣхъ своихъ образахъ воззрѣнія, мысленія и чувствованія. Онъ живетъ въ гуморизмѣ, какъ въ своей родной стихіи, и играетъ въ ней—но это забавы гиганта, у котораго силы безграничны: онъ ставитъ Оссу на Пеліонъ и низпровергаетъ цѣлый міръ, какъ будто коробочку съ конфектами: мѣсяцъ, непослушный спутникъ земли, у него бунтуетъ и бомбардируетъ землю; Марсъ читаетъ проповѣдь планетамъ; время и пространство свиваются въ фантазическіе образы: это всеобщій маскерадъ, гдѣ вся природа является облеченною самыми странными переодѣваньями.

Между тѣмъ, такое безначаліе не безъ цѣли, Ж. Полевы маски не суть пустые образы: ими закрыты существа, полныя жизни, и глубокій смыслъ покрытъ сими, по видимому, нелѣпостями. Веселость Ж. Поля никогда не доходитъ до шутовства, и его гуморизмъ, не смотря на произвольныя движенія, можетъ быть изъ всѣхъ его качествъ исключительнѣе, отличенъ истиною и естественностью. Въ шуткахъ его видите особенное смѣшеніе своенравной колкости и глубокой чувствительности. Его странныя лица дышутъ жизнью и дѣйствительностію, и смѣясь надъ ними, въ тоже время не льзя не уважать ихъ. Ж. Поль чувствителенъ, въ самомъ высокомъ значеніи сего слова. Онъ

любитъ ближняго, какъ брата; его душа сочувствуетъ всему творенію: всякая благородная страсть, всякое возвышенное чувство, всякій великодушный порывъ, шевелятъ въ сердцѣ его гармоническія струны. Самое отвращеніе у него не то, что обыкновенная ненависть: онъ умѣетъ презирать; но справедливо, терпѣливо, спокойно, если можно такъ сказать — *любя*. Чувство любви превышаетъ въ немъ всѣ другія и разпространяетъ на творенія его очарованіе самое трогательное: и неодушевленная природа, съ ея формами, цвѣтами, благоуханіями, дѣлается для него таинственнымъ существомъ, съ которымъ соединяется онъ необъяснимымъ сочувствіемъ. Объ немъ можно сказать тоже, что онъ сказалъ о Гердерѣ: *это жрецъ Природы, Браминъ, кроткій и благочестивый*. Торжественное зрѣлище ночи, дня, при его утренней и вечерней зарѣ, суть въ очахъ Ж. Поля символы глубокаго чувства. Онъ любитъ зеленѣющую землю, ея свѣтлыя рѣки, ея темные лѣса, лазурное небо и коверъ, изпещренный цвѣтами, любитъ съ какою-то страстію, облекаетъ ихъ безпрерывно новымъ очарованіемъ. Умъ его разстилается по твореніямъ земли, какъ волны зефира, дышущаго благоуханіемъ.

Можетъ быть многихъ удивитъ соединеніе гуморизма съ чувствительностію, что полагаемъ мы въ основаніе сужденій нашихъ о Ж. Полѣ; но скорѣе должно-бы удивляться, что сіи свойства всегда раздѣлены. Настоящее основаніе гуморизма есть чувствительность, сочувствіе, изящное и глубокое, ко всѣмъ формамъ существованій. Ска-

жемъ болѣе: чувствительность способна измѣняться; преувеличеніе можетъ превратить ее въ ложную *сантиментальность*, если она не удерживается и, такъ сказать, не очищается истиннымъ гуморизмомъ. Легко можно-бы представить здѣсь примѣры, начиная съ Коцебу, въ множествѣ современныхъ авторовъ, отъ времени до времени утомлявшихъ публику своимъ горемычествомъ. Шиллеръ, съ удивительною справедливостію, сказалъ, что наши умственныя способности тогда только достигаютъ самой высшей степени развитія, когда дѣйствіе ими дѣлается для насъ игрушкою, не причиняя никакой утраты силъ и объема ихъ. Истинный гуморизмъ есть чувствительность, достигшая уже той высшей степени развитія, на которой можно ее уподобить ласковой и милой нѣжности материнской къ дѣтямъ.

Способность насмѣхаться и каррикатурить, которую часто почитаютъ гуморизмомъ, но которая собственно состоитъ только въ поверхностномъ передражниваньѣ, заставляющемъ смѣяться, ни сколько не похожа на гуморизмъ Ж. Поля, ибо она составляетъ самую незначительную дробь гуморизма. Могущество *смѣшнаго* (ridicule) часто бываетъ слѣдствіемъ навыка, а не природнаго дарованія; но гуморизмъ проистекаетъ прямо отъ ума и сердца, производитъ не смѣхъ, но тихую улыбку, которой причина скрыта глубоко. Его можно назвать *высокимъ извращеннымъ*, которое возвышаетъ въ чувствахъ нашихъ, находящееся ниже насъ, когда, напротивъ, *прямое высокое* низводитъ въ чувства наши то, что выше природы нашей;

первый родъ высокаго не менѣе рѣдокъ, не менѣе очаровательнъ, какъ и второй, и въ людяхъ, имъ обладающихъ, онъ, можетъ быть, самый вѣрный признакъ геніяльности. Можно сказать, что гуморизмъ есть цвѣтъ, чистѣйшее благоуханіе природы, благородной, любящей, дающей средства понимать все, что изящно и глубоко, гармонирующей съ своею сущностью, примиренной съ міромъ и его противорѣчіями, и въ сихъ противорѣчіяхъ находящей новыя стихіи благаго и прекраснаго. Изъ нашихъ писателей, Шекспиръ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, заслуживаетъ почетное мѣсто, хотя и не находится на первой степени. Его гуморизмъ, исполненный чувствительности, жара, обилія, иногда лишенъ нѣжности и тонкости. Свифтъ болѣе впадаетъ въ иронію; но въ немъ есть гуморизмъ, закрытый, какъ у Бенъ-Джонсона, корою грубою и горькою. Стернъ слѣдуетъ за ними: онъ нашъ послѣдній и лучшій гумористъ, хотя въ немъ болѣе тонкости, нежели силы. Іорикъ, капралъ Тримъ, дядя Товій, ни съ чѣмъ не могутъ быть сравниваемы, кромѣ Донъ-Кихота; но герой Ламанчскій выше созданій Стерна, какъ созданіе геніяльнаго человѣка. Сервантесъ, безспорно, величайшій изъ всѣхъ гумористовъ, ибо у него прелесть соединена съ глубокостью, полнота съ легкостью, и все это въ совершенномъ согласіи съ нимъ самимъ и его благороднымъ характеромъ. Говорятъ, что Итальянцы богаты гуморизмомъ; однакожъ, классическіе писатели ихъ представляютъ намъ едва замѣтные слѣды гуморизма, исключая Аріоста. Во Франціи гуморизмъ,

кажется, изчезъ съ Монтанемъ: Вольтеръ при всемъ умѣ своемъ и при всемъ могуществѣ смѣшнаго, никогда не достигалъ до настоящаго гуморизма, и въ самомъ Мольерѣ смѣшное болѣе происходило отъ ума, нежели отъ характернаго свойства.

Кажется, довольно похвалимъ мы Ж. Поля, сказавъ, что по гуморизму, онъ превосходитъ всѣхъ Нѣмецкихъ писателей. Гуморизмъ Лессинга суровъ и, можетъ быть, доказываетъ слишкомъ логическій умъ сего писателя. Писатели Фридрихова времени—Рамлеры, Геллерты, Гагедорны—умны, умѣютъ шутить, но въ нихъ ни сколько нѣтъ гуморизма. Въ наше время, Гёте обладаетъ имъ въ великой степени; Тикъ иногда, какъ будто порывами, возвышается до гуморизма поэзіи. Но и подумаешь не льзя сравнивать кого-либо изъ упомянутыхъ нами Нѣмецкихъ литтераторовъ съ Ж. Полемъ; всѣ другія способности его, умъ, воображеніе, нравственный вкусъ, покорены гуморизму, согрѣты, живутъ имъ. И потому-то не безъ причины называли его соотечественники Jean Paul der Einzige *(Ж. Поль единственный)*. Такое названіе совершенно изображаетъ и достоинства и недостатки Ж. Поля; критика должна усвоить себѣ это счастливо найденное слово. Тщетно станемъ искать въ другихъ литтературахъ *другаго Ж. Поля*. Составить сего генія можемъ только изъ элементовъ всѣхъ литтературъ: соедините веселое сумасшествіе Рабеле, съ изящною чувствительностію Стерна, съ страстнымъ, важнымъ и высокимъ духомъ Мильтона; дайте возможность одушевить слогомъ старика Буртона всѣ вымыслы,

какіе произведетъ ваше странное созданіе и — заставьше его писать желѣзнымъ перомъ Бентама.

Намъ кажется труднѣе объяснить, какъ могъ Ж. Поль образовать ученіемъ свой умъ, сложенный изъ столь разнородныхъ стихій, нежели сказать, что онъ не достигъ полнаго своего развитія. Мы говорили уже объ *изысканности*, какою упрекали его многіе, и не беремся впрочемъ ни оправдывать, ни осуждать. Безспорно, что Ж. Полевъ способъ писанья необыкновененъ; но прямой вопросъ не будетъ-ли здѣсь слѣдующій: надобно узнать, до какой степени странный слогъ Ж. Поля представляетъ настоящій образъ его существованія, мышленія и чувствованія? Каждое существо дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно способно сдѣлаться; каждое достигаетъ высшей степени полноты, опровергая всѣ внѣшнія препятствія и показываясь напослѣдокъ въ собственной своей формѣ, какова она можетъ быть: таковъ великій, непреложный законъ всякаго развитія! Въ мірѣ физическомъ, какъ и въ мірѣ моральномъ нѣтъ единственнаго для всѣхъ типа совершенства: все существующее таково, каково оно быть должно. Красота коня не похожа на красоту слона. Приложите это къ литературѣ. «У всякаго человѣка,» говорилъ Лессингъ, «свой слогъ, какъ у всякаго свой носъ. Бываютъ «носы величины необыкновенной, но никто не «имѣетъ права рубить у меня мой огромный носъ, «будь онъ хоть съ Сланкенбергіусовъ, но будь «только природный, а не изъ картона, и не при«дѣланный для обмана людскаго.»

Говоря безъ шутокъ, Лессингъ думалъ и мы думаемъ, что слогъ должно цѣнить по свойствамъ ума, которому служитъ онъ формою и выраженіемъ, и что не отступая отъ кодекса самой здравой критики, можно допустить столько-же различныхъ *слоговъ*, сколько есть различныхъ характеровъ; словомъ, что основная цѣль каждаго писателя не въ томъ, чтобы выбирать ту или другую случайную форму, предписываемую модою, но быть всегда самимъ собою, выражать себя всего, такимъ, каковъ онъ внутренно существуетъ, во всей силѣ, во всей полнотѣ жизни.

Убѣдясь въ этомъ, смотрите на Ж. Поля—и гдѣ тогда дѣнутся упреки въ странности его формъ! Эта странность совершенно согласна съ его бытіемъ; подъ необыкновенными формами его пламя, блескъ, сила, заставляющія терпѣть, даже любить то, что нестерпимо было-бы во всякомъ другомъ писателѣ. Среди недостатковъ Ж. Поля, прежде всего видѣнъ вамъ самый вѣрный результатъ, выведенный изъ самаго себя, и этотъ результатъ вывелъ человѣкъ, знающій чего онъ хочетъ, идущій прямо къ своей цѣли. Развитіе не полно—нѣтъ спора; но гармонія совершенна. Вспомнимъ, *что* успѣло такъ чудесно развиться въ Ж. Полѣ, и подумаемъ о томъ: могла-ли такая сложная природа, безъ тяжкаго труда достигнуть полноты совершенства? Правда; избитыя литературныя тропинки всего безопаснѣе, и мы любимъ даже видѣть, какъ великій талантъ подчиняется старымъ формамъ, дабы вдохнуть въ нихъ новую жизнь: Софоклъ, Шекспиръ, Сервантесъ, Гёте — какъ мало

измѣнили они извѣстныя формы твореній, и какимъ новымъ духомъ одушевили они сіи формы! Все это правда, и все это винитъ Ж. Поля; но между тѣмъ, еще есть чѣмъ оправдать наше благоговѣйное удивленіе предъ талантомъ Ж. Полевымъ. Самые яркіе недостатки его слиты съ его сущностью: вы обвиняте Ж. Поля за безпорядочное излишество, неразсудительную расточительность ума и воображенія, излишекъ блеска, производимаго невмѣстимымъ обиліемъ яркаго свѣта: повѣрьте, что всѣ сіи пороки столько-же простительны, сколько неподражаемы!

У генія есть свои собственныя преимущества; онъ самъ описываетъ свою орбиту, а мы, простые астрономы, должны ограничиваться наблюденіемъ и изчисленіемъ его фазовъ, какъ-бы ни эксцентренно было его движеніе. Не смѣемъ сказать, что Ж. Поль былъ новая планета въ мірѣ умственномъ; но сравнимъ его съ великолѣпною кометою, которая ярко, но по людскому повѣрью неправильно, пролетѣла, влача туманный хвостъ свой на полнеба.

Мы принуждены оставить подробное разсмотрѣніе твореній Ж. Поля, его мнѣній и философіи. Замѣчаніе, могущее быть общимъ для всѣхъ его твореній, есть то, что вообще у Ж. Поля не было единства, общности, дающихъ идею о невидимомъ цѣломъ: онъ оставляетъ впечатлѣніе чего-то составленнаго изъ разнородныхъ отрывковъ, связанныхъ только взаимно, болѣе или менѣе. Такое-же замѣчаніе прилагается и къ характерамъ его, за исключеніемъ гуморныхъ: въ нихъ онъ пво-

рецъ совершенный: *Зибенкесъ*, *Шмельцель*, *Фибель*, *Фикслейнъ*—идеалы гуморизма; но герои и любовники, какъ ни рѣзко начертаны они, все еще неудовлетворительны. Въ нихъ не замѣчаете достиженія до той степени, гдѣ изчезаетъ уже искусство. Ж. Поль счастливѣе былъ въ характерахъ героинь романовъ, хотя можно упрекнуть его въ однообразности ихъ. Вообще героини его суть матери семействъ, добрыя хозяйки, съ прихотями и чувствительностью женщинъ, или не-земныя творенія, шихія, страдающія безъ сѣтованія, нѣжныя, высокія чувствомъ. Ж. Поль никогда не изображалъ не-естественныхъ существъ, и былъ правъ въ этомъ, ибо не могъ писать, не вѣря тому, что̀ писалъ, хотя онъ и выказывалъ иногда воображеніе столь разнообразное, и въ тоже время столь великое, что съ нимъ ничего сравнить невозможно. Сны Ж. Поля облечены какою-то таинственною *свѣто-тѣнью* (clair obscur)!, въ коей движутся исполинскія привидѣнія, неопредѣленные и ужасные образы, и все скрывается въ волшебномъ блескѣ, подобно видѣніямъ мудрецовъ вешхаго востока.

Любопытно было-бы изслѣдовать философическія мнѣнія Ж. Поля и означить различія его отъ другихъ Германскихъ мешафизиковъ; но и здѣсь должны мы ограничиться только однимъ замѣчаніемъ: Философія Ж. Поля не была слѣдствіемъ кабинетнаго занятія, или опытности въ свѣтѣ; но она изникла изъ глубины души человѣческой, и послѣднимъ выводомъ ея была великая система чистѣйшей нравственности и глубокое убѣжденіе въ ис-

шинѣ религіи: въ послѣднемъ отношеніи, твореніи Ж. Поля преимущественно заслуживаютъ особенное изученіе. Читатель невнимательный увлечется, можетъ быть, смѣлостью выраженій и почтетъ Ж. Поля человѣкомъ неблагочестивымъ; но вотъ одно изъ тѣхъ мѣстъ сочиненій Ж. Поля, которыя объясняютъ основную идею его Религіи: «Всѣ ваши «мечети, кастелы, пагоды, панѳеоны, что̀ они, «если не земныя сѣни къ невидимому храму и къ «Святая Святыхъ Вездѣсущаго?» — Ж. Поль, въ самомъ высокомъ значеніи сего слова, человѣкъ религіозный. Живая, крѣпкая вѣра въ безсмертіе одушевляла бытіе его. Въ Невидимомъ и Вѣчномъ, онъ находилъ рѣшеніе видимаго и преходящаго. «Въ послѣ- «днія мгновенія жизни (говоритъ онъ) всѣ способно- «сти погаснутъ въ разбитой душѣ твоей. И ког- «да изчезнутъ — и мысль и воображеніе, и усиліе «и наслажденіе, тогда — и до послѣдняго мгновенія «— вѣра, какъ ночной цвѣтокъ, будетъ разпро- «странять для тебя благоуханіе свое во мракѣ»!

Можетъ быть, мы не изъяснили Ж. Поля, не согласили всѣхъ противорѣчій, въ немъ видимыхъ: изучайте его сами; размышляйте надъ его твореніями. Здѣсь означили мы легкими чертами жизнь и сочиненія Ж. Поля: вполнѣ познать его должно каждому читателю самому для себя. Ж. Поля узна́ютъ въ Англіи, какъ знаютъ его въ Германіи: наступитъ это время; не предупреждая мнѣнія потомства, смѣло предвѣщаемъ сію эпоху, ибо творенія Ж. Поля не пролетятъ съ временемъ и модою: на нихъ свѣтлѣетъ знаменіе генія; они безсмертны!

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Французская литература.

— Situation progressive des forces de la France depuis 1814 (*Постепенное состояніе силъ Франціи, съ* 1814 г.) Соч. Барона Карла Дюпена. 1-е *изданіе*, Парижъ, 1827 г. in 4, 40 стр. — 8-е *изданіе*, подъ титуломъ: Forces électorales de la France à la fin de 1827, et Situation progressive des forces de la France depuis 1814. Парижъ, 1828 г. in 18, 126 стр.

— Forces productives et commerciales de la France (*Производящія и коммерческія силы Франціи*). Соч. Барона Карла Дюпена. Парижъ, 1827 г. 2 тома, in 4, 330 и 336 стр. съ картою.

— Le Petit Producteur français (*Маленькій производитель Французскій*). Соч. Барона К. Дюпена. 4-е *изданіе*. Парижъ, 1827 и 1828 г. 6 том. in 12, каждый около 100 стр.

Если-бы собирались присяжные изъ всей Европы, для сужденія о томъ: *какая лучшая и полезнѣйшая книга вышла въ теченіе года*, то за 1827 г. пальму первенства, безъ сомнѣнія, получилъ-бы Карлъ Дюпенъ, за вторую изъ вышеозначенныхъ книгъ, которой двѣ другія служатъ *дополненіемъ*. Никогда не видали мы такого разительнаго приложенія практики къ важнѣйшимъ теоріямъ общественна-

го благосостоянія; никогда не являлось такихъ ясныхъ, неоспоримыхъ выводовъ и неопровержимыхъ доказательствъ истинной системы счастія и благоденствія народнаго.

Имя *Дюпена*, послѣ сего труда, должно причислить къ именамъ великихъ геніевъ, благодѣтелей человѣчества!

Во всѣхъ почти журналахъ писали о новомъ твореніи Дюпена; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что ни одна изъ читанныхъ нами рецензій не давала намъ полнаго понятія объ оном. Надобно видѣть вполнѣ произведеніе Дюпена, надобно понять его основныя идеи, отличить трудъ его отъ теорій, остроумно, но неположительно выведенныхъ, отъ мнѣній, съ добрымъ намѣреніемъ, но произвольно изложенныхъ. У Дюпена нѣтъ ни буйнаго духа нововведеній, ни отвлеченностей, ни предположеній: у него Математика, Статистика и Политическая Экономія, въ безразличномъ соединеніи, составляютъ науку счастія общественнаго.

Человѣчество идетъ къ совершенству, не смотря на препятствія, которыя неминуемо уничтожаются временемъ. Совершенствованіе человѣка является намъ въ улучшеніи нравовъ, просвѣщеніи ума и увеличеніи вещественнаго богатства. Всѣ сіи три предмета для полнаго успѣха требуютъ взаимной помощи и одинъ безъ другаго существовать не могутъ, или будутъ несовершенны. Въ усовершенствованіи общественномъ *всѣ* званія гражданъ, *безъ исключенія*, должны участвовать.

Вотъ основныя идеи, которыя разкрываетъ Дюпенъ въ краснорѣчивомъ изложеніи своемъ *производящихъ силъ Франціи*. Введеніе къ книгѣ его, гдѣ объясняетъ онъ необходимость и постепенность усовершенствованія, было издано въ прошломъ году, и съ того времени *восемь* изданій съ ряду явились во Франціи.

Но Дюпенъ не ограничивается славою великаго писателя и превосходнаго математика. Онъ обладаетъ еще драгоцѣннымъ достоинствомъ — быть *простонароднымъ писателемъ*, и великія истины своего обширнаго творенія изложилъ онъ въ *Маленькомъ Производителѣ*, такъ, что всякій простолюдинъ пойметъ ихъ.

Да будетъ благодарное удивленіе чужеземца свидѣтельствомъ генію благодѣтельнаго Дюпена, свидѣтельствомъ того, что великое, доброе и прекрасное повсюду находитъ согласные отзывы, на голосъ, раздающійся среди волненія страстей и мелкихъ разсчетовъ, обременяющихъ человѣчество!

— Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population (*Новыя основанія Политической Экономіи*, или о богатствѣ, въ отношеніяхъ его къ народонаселенію). Соч. Ж. К. Л. Симонда де-Сисмонди. Парижъ, 1827 года 2 т. in 8.

— Traité d'économie politique, etc. (*Разсужденіе о Политической Экономіи*, или простое изложеніе о томъ, какимъ образомъ составляются, раздѣляются и потребляются богатства). Соч. Ж. Б. Сея. *Изданіе пятое*, Парижъ, 1826 года. 3 т. in 8.

— Cours complet d'économie politique pratique (*Полный курсъ экономіи политической практической.* Сочиненіе предназначенное для изъясненія государственнымъ чиновникамъ, владѣльцамъ недвижимостей, капиталистамъ, ученымъ, земледѣльцамъ, мануфактуристамъ, купцамъ и вообще всѣмъ гражданамъ, экономіи обществъ). Соч. Ж. Б. Сея. ш. I. Парижъ 1828. г. in 8, 458 стр.

— Traité élémentaire de la richesse individuelle et de la richesse publique, etc. (*Первоначальныя разсужденія о богатствѣ частномъ и богатствѣ народномъ*, съ изъясненіями на главнѣйшіе вопросы Политической Экономіи). Соч. Людовика Сея. Парижъ, 1827 года in 8, 327 стр.

— Bases fondamentales de l'économie politique, d'après la nature des choses (*Основныя начала Политической Экономіи, по природѣ вещей*). Соч. Л. Ф. Г. де-Казо (Cazaux). Парижъ, 1826 г. in 8, XX и 220 стр.

Скоро-ли настанетъ то время, когда Политическая Экономія вступитъ въ практическое исполненіе всего, что обѣщаетъ ея теорія? спрашиваютъ многіе. Но поставлена-ли сія наука на твердыхъ и незыблемыхъ правилахъ? рѣшены-ли ею всѣ важнѣйшіе вопросы? говорятъ другіе. И отвѣтъ имъ — надобно признаться — долженъ быть весьма неудовлетворителенъ. Кажется, что многіе изъ политическихъ экономистовъ смотрятъ на свою науку, какъ на дѣло совсѣмъ отдѣльное отъ практическихъ приложеній. Они успѣли совершенно въ томъ, что составили изъ нее систему ученыхъ споровъ, оградили ее варварскими словами и запутали самыя простыя идеи техникою и отвлеченно-

стями. Въ послѣднемъ отношеніи особенно должно упрекнуть Рикардо и его послѣдователей — Макколлока, Милля и другихъ, составляющихъ *Англійскій* авторитетъ, также, какъ Ж. Б. Сей и его послѣдователи составляютъ *Французскій* авторитетъ Политической Экономіи. Но Ж. Б. Сей долженъ быть почтенъ однакожь однимъ изъ самыхъ ясныхъ экономистовъ, и тѣмъ лучше для читателей, ибо софизмы его явнѣе, нежели темнаго Рикардо.

На твердой землѣ Европы Ж. Б. Сей болѣе всѣхъ пользуется славою и извѣстностью. Не смотря на сильное противоборство, явившееся противъ него въ послѣдніе годы, Г-нъ Сей кажется совершенно непоколебимымъ и увѣреннымъ въ истинѣ своихъ мнѣній; не только старается онъ упростить идеи свои для всякаго (почему изданы имъ въ 1826 году въ пятый разъ Catéchisme d'économie politique и, тоже въ пятый разъ, Traité d'écon. politique), но еще новый, подробнѣйшій Курсъ началъ онъ издавать теперь въ шести томахъ, изъ коихъ 1-й уже вышелъ.

Мы посовѣтуемъ читателямъ соображать съ его сочиненіями, сочиненія брата его Людовика Сея, также Сисмонди и нашего Шторха. Ни въ какомъ случаѣ не льзя справедливѣе повторить извѣстной пословицы: отъ сшибки мнѣній сверкаетъ истина. Казо, принятой весьма дурно во Франціи, намъ кажется также писателемъ замѣчательнымъ и долженъ заслужить вниманіе каждаго человѣка, для котораго извѣстное имя не прибавляетъ никакого достоинства книгѣ.

— Histoire de l'Astronomie au XVIII siècle (*Исторія Астрономіи въ XVIII вѣкѣ*). Соч. Деламбра, изданное Матьё. Парижъ, 1827 г. 4, 800 стр. съ рисунками и портретомъ Автора.

— Cours complet de Mathématiques pures (*Полный курсъ Чистой Математики*). Соч. Л. Б. Франкёра. *Третье изданіе.* Парижъ, 1828 года. 2 т. in 8°, 1030 стр. съ 15-ю рисунками.

— Prodromus systematis naturalis regni vegetabilis (*Продромъ естественной системы царства прозябаемыхъ*, или изчисленіе порядковъ, родовъ и видовъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ растѣній). Соч. А. П. Декандоля. т. III. Парижъ, 1828 г. in 8, 494 стр.

— Histoire naturelle des Poissons (*Естественная Исторія рыбъ*). Соч. Барона Кювье. — Проспектъ. П. 1827 г. in 8, 28 стр.

Имена Авторовъ давно приобрѣли Европейскую славу; сверхъ того, нѣкоторыя изъ упоминаемыхъ нами книгъ сами по себѣ извѣстны уже читателямъ Русскимъ.

Исторія Астрономіи XVIII вѣка осталась послѣ Деламбра неотдѣланною. Матьё, ученикъ Деламбра, собралъ, привелъ въ порядокъ и издалъ рукопись своего знаменитаго учителя. Деламбръ слѣдовалъ въ ней прежнему своему плану, по которому составлены были имъ *Исторія древней Астрономіи* (П. 1817, 2 т. in 4), *Исторія Астрономіи среднихъ времень* (П. 1819, in 4) и *Исторія новѣйшей Астрономіи*, до XVIII столѣтія (П. 1821, 2 т. in 4). «Думаемъ,» говоритъ Біотъ въ рецензіи своей (Journal des Savans, 1828, Апрѣль, стр. 195–202) «что изданный нынѣ, послѣдній томъ творенія

Деламброва, не прибавитъ ничего, или прибавитъ весьма немного къ славѣ Автора. Издатель хотѣлъ, кажется, исполнить обязанность, которую учитель и другъ наложилъ на него въ послѣднія минуты жизни: онъ исполнилъ ее тщательно, дополнилъ сколько могъ то, чего не успѣлъ кончить Деламбръ, прибавилъ любопытныя замѣчанія, между коими особенно отличается статья о рефракціяхъ астрономическихъ. За всѣмъ тѣмъ не льзя не вспомнить, что сказалъ намъ нѣкогда Лагранжъ, когда мы застали, что онъ жжетъ свои рукописи, и изъявили ему сожалѣніе объ истребленіи драгоцѣнныхъ сочиненій его — Je ne veux point faire d'oeuvres posthumes.»

Третьимъ изданіемъ Франкёрова Курса, вѣроятно, воспользуются Г-да Русскіе Переводчики, издавшіе въ Петербургѣ 1-ю часть сего важнаго сочиненія, по 2-му изданію.

Въ III-мъ томѣ Декандолева *Продрома* заключаются растѣнія многолепестныя. Все сочиненіе составитъ отъ 8 до 10 томовъ. «Читатель испугается,» говоритъ Франкёръ (въ Revue Encyclopéd. Апрѣль, 1828, стр. 154)» услыша, что столько томовъ надобно для описанія 50 т. извѣстныхъ нынѣ растѣній, хотя каждое описаніе займетъ въ нихъ не болѣе четырехъ или пяти строчекъ. Между тѣмъ число растѣній безпрерывно умножается новыми открытіями и, кажется, что скоро жизни человѣческой не будетъ доставать для пріобрѣтенія даже и несовершеннаго обо всѣхъ познанія. Надобна реформа въ Ботаникѣ и во всѣхъ частяхъ Естественной Исторіи; не знаю, какая

должна быть эта реформа; но чувствую необходимость ея, чтобы не ограничивая произведеній природы близорукими нашими понятіями, дать средства уму человѣка обнять ихъ всѣ вполнѣ. Новый Линней становится для насъ необходимымъ, дабы объяснить темноту и облегчить ученіе Ботаники.» Франкёръ думаетъ, что честь сія принадлежитъ Дескандолю.

Около сорока лѣтъ занимался Кювье огромнымъ твореніемъ, проспектъ коего, заключающій въ себѣ исторію *Ихтіологіи* и планъ Автора, вышелъ въ Парижѣ. « Естествоиспытатели (говоритъ Бори Де Сенъ-Венсанъ, въ разборѣ Проспекта) найдутъ въ книгѣ Г-на Кювье все, что необходимо для познанія 5000 родовъ рыбъ, выведенныхъ изъ соображенія болѣе нежели 15,000 видовъ, синонимію, систему превосходную и легкую, наконецъ— подробнѣйшія изображенія. » Всего будетъ отъ 15 до 20 томовъ, in 8.

— L'art de vérifier les dates (*Искуство повѣрять историческіе факты*, съ 1770 года до нашихъ временъ, служащее продолженіемъ книги, изданной подъ симъ названіемъ Бенедиктинами Св. Мавр.). II. 1826 и 1827 гг.

— Cinquième et dernier Tableau complémentaire de l'Atlas de Lesage (*Пятый, послѣдній дополнительный листъ къ Атласу Лесажа.*) Парижъ, 1827 г.

— Histoire générale des voyages, etc. (*Всеобщая исторія путешествій* или новое собраніе повѣствованій о морскихъ и сухопутныхъ странствованіяхъ). Приведено въ порядокъ и дополнено до нашего времени К. А. Валкенаеромъ. Парижъ, 1826 — 1828 г. in 8.

Ученые Французскіе монахи, оказавшіе столь много услугъ своими обширными занятіями схоластическою частію наукъ, издали, подъ именемъ *Искуства повѣрять историческіе факты*, подробную хронологическо-генеалогическую компиляцію, которая, съ присовокупленными къ ней статьями о хронологіи вообще, составляетъ необходимую книгу для справокъ. Къ 23-мъ томамъ прежнимъ, которые заключали въ себѣ факты отъ начала Исторіи до 1770 г., теперь присоединяютъ во Франціи еще 12 томовъ, и въ нихъ факты Всемірной Исторіи хронологически доведены будутъ до 1827 года. Нѣсколько томовъ сего продолженія уже выдано.

Атласъ, изданный Графомъ Ласъ-Казасомъ, подъ именемъ Атласа *Лесажеса*, долженъ былъ по плану Автора заключать въ себѣ сравнительную Исторію, Географію и Статистику всего свѣта. Не смотря на недостатки, должно сказать, что остроумная мысль Автора выполнена была имъ съ большимъ искуствомъ. Множество подражаній явилось въ послѣдствіи; но изъ Французскихъ ни одно не сравнилось съ трудомъ Ласъ-Казаса. Къ новому изданію своего Атласа присовокупилъ онъ *пять* новыхъ картъ: *Германіи* въ 1827 году, составляетъ 5-ю и послѣднюю дополнительную карту. Планъ Автора усовершенствованъ, въ слѣдствіе замѣчаній, доставленныхъ къ нему многими учеными Критиками.

Исторія о странствованіяхъ вообще, начатая въ Англіи и продолженная во Франціи Аббатомъ Прево, имѣла въ свое время величайшій успѣхъ. Она была почти вся переведена и на Русскій языкъ. Не льзя не согласиться, что подобное сочиненіе

имѣетъ интересъ общій; но трудъ Аббата Прево нынѣ устарѣлъ: необыкновенные успѣхи Географіи и величайшія перемѣны дѣлали его совершенно недостаточнымъ. Валкенаеръ, извѣстный Французскій географъ, рѣшился пересмотрѣть, исправить и дополнить старую Исторію путешествій. Съ замѣчательною дѣятельностію кончилъ онъ свое предпріятіе. Новая *Исторія о странствованіяхъ* будетъ заключаться въ 50 или 60 томахъ, каждый въ 30 и 40 листовъ печатныхъ. Критики отзываются съ великою похвалою о трудѣ Г-на Валкенаера, который можно назвать богатою историческою панорамою географіи.

— Histoire générale, physique et civile de l'Europe (*Всеобщая физическая и политическая исторія Европы*). Соч. Графа Ласепеда. 18 томовъ. П. 1826 и 1827 гг. in 8.

— Mémoires sur la guerre de 1809, en Allemagne, etc. (*Записки о Германской войнѣ* 1809 г. съ прибавленіемъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ того года, въ Италіи, Польшѣ, Саксоніи, Неаполѣ и на островѣ Валхеренѣ). Соч. Генерала Пеле (Pelet). Парижъ, 1826 г. 4 т. in 8.

— Réfutation de la relation du capitaine Maitland, etc. (*Опроверженіе повѣствованія Капитана Майтланда*, начальствовавшаго кораблемъ Беллерофонтомъ, касательно пребыванія на семъ кораблѣ Наполеона). Соч. Барта (Barthe). Парижъ, 1827 г. in 8, IV и 162 стр.

Послѣ смерти Ласепеда найдена была рукопись сочиненной имъ Исторіи Европы, которая составила 18 томовъ. Пишутъ, что сія важная, не-

ожиданная находка достойна славы знаменитаго Автора. Въ Парижѣ печатается уже *второе* изданіе, едва первое кончено печатаньемъ.

Современная намъ, но уже перешедшая въ область Исторіи эпоха Наполеона, безпрерывно поясняется новыми матеріялами. Книги о Наполеонѣ можно почесть особеннымъ отдѣломъ въ исторической литературѣ всѣхъ народовъ. Донынѣ не было хорошо и безпристрастно написанной военной Исторіи 1809 года, весьма замѣчательнаго въ жизни Наполеоновой. Пишутъ, что книга Пеле дополняетъ сей недостатокъ удовлетворительнымъ образомъ.

Другое важное сочиненіе составлено Г-мъ Бартомъ, изъ матеріяловъ, бывшихъ у Графа Ласъ-Казаса. Капитанъ Майтландъ, случайно игравшій видную роль въ роковыя для Наполеона минуты, издалъ свои записки о пребываніи Наполеоновомъ на Беллерофонтѣ. Вѣрный сопутникъ заточенія Наполеонова сильно опровергаетъ несправедливыя извѣстія Англійскаго Капитана.

— Histoire de la régénération de la Grèce (*Исторія возрожденія Греціи*, заключающая повѣствованіе событій съ 1740 по 1825 г.). Соч. Ф. К. Г. Л. Пукевиля. *Второе изданіе.* Парижъ, 1825 и 1826 г. 4 т. in 8.

— Voyage de la Grèce (*Путешествіе по Греціи*). Соч. Пукевиля. *Второе изданіе.* Парижъ. 1826 и 1827 г. 6 т. in 8, съ картами.

— L'Europe, par rapport à la Grèce et à la réformation de la Turquie. Сочиненіе Прадта. Парижъ, 1826 г. in 8, 271 стр.

— Garanties à demander à l'Espagne. Сочиненіе Прадта. Парижъ, 1827 г. in 8. VIII и 160 стр.

— Concordat de l'Amérique avec Rome. Сочиненіе Прадта. Парижъ, 1827 г. in 8, 310 стр.

— De l'intervention armée pour la pacification de le Grèce. Сочиненіе Прадта. Парижъ, 1828 г. in 8. 126 стр.

Сочиненіе Пукевиля, десять лѣтъ бывшаго Консуломъ Французскимъ при Али-Пашѣ, долго жившаго въ Греціи, видѣвшаго начало и продолженіе борьбы Грековъ съ Турками, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для Исторіи Новой Греціи. Критикъ отличитъ невѣрности и неточности, отъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, собранныхъ Пукевилемъ. Путешествіе его упрекаютъ вообще въ недостаткѣ и невѣрности археологическихъ свѣдѣній; Исторію, въ излишнемъ жарѣ, съ какимъ онъ описываетъ событія въ Греціи. Пишутъ, однакожь, что при второмъ изданіи той и другой книги, Авторъ сдѣлалъ много поправокъ.

Свѣтскіе политики, особливо дамы - политики, не нарадуются, что Прадтъ, оракулъ гостинныхъ и залъ, истолкователь политическихъ тайнъ, о которыхъ говорятъ въ большомъ свѣтѣ за устрицами, за вистомъ и во время визишовъ, еще живъ и — пишетъ, пишетъ неутомимо! Прадтъ, какъ будто хочетъ вознаградить худой успѣхъ своихъ собственныхъ дипломатическихъ попытокъ былаго времени. Онъ похожъ на математика, который ошибся, высчитывая, сколько пойдетъ сукна на фракъ, и послѣ того писалъ томы, желая доказать, что онъ точно знаетъ Математику. Надобно отдать честь неутомимому Прадту: его читаетъ съ такимъ-же

удовольствіемъ, съ какимъ слушаешь разговоръ старика Француза, политическаго говоруна. Можетъ быть и самъ такъ думая, Прадтъ не даетъ своему перу залеживаться: чуть новость и — у него готовъ *томъ!* Онъ не любитъ мѣлочныхъ статеекъ. Грецiя, бывшая уже предлогомъ двухъ Прадтовскихъ томовъ, въ 1826 г. побудила Прадта написать еще *одинъ*: онъ разсматривалъ *Европу, въ отношеніи Грецiи и реформацiи Турецкой.* Въ 1827 г. Прадтъ рѣшалъ: *чего должна требовать Европа отъ Испанiи?* Тутъ Папа заспорилъ съ Испаніею и, вопреки Испанскому Королю, поставилъ Епископовъ въ Америку: Прадтъ немедленно явился съ книгою — *Конкордатъ Америки съ Римомъ.* Наконецъ, въ нынѣшнемъ году поспѣла у Прадта книга *о военномъ посредничествѣ Европы въ дѣлахъ Грецiи.* Говорятъ, онъ пишетъ уже книгу о томъ, что̀ будетъ, когда возмутъ Константинополь.

— Philosophie de la guerre (*Философiя войны.*) Соч. Маркиза Де-Шамбре. Парижъ, 1827 г. in 8, 267 стр.

Можетъ быть по заглавію подумаютъ читатели, не хочетъ-ли Авторъ философически разсмотрѣть: что̀ такое война; полезна или вредна она человѣчеству, и проч. и проч. — Напрошивъ; Авторъ Военной Философіи есть тотъ самый Шамбре, который извѣстенъ принятою съ большимъ уваженіемъ военною исторіею похода Наполеонова въ Россію: онъ старый, закаленный въ бояхъ воинъ, и *философiя войны* значитъ у него *искуство вести войну.* Авторъ не входитъ въ подробности тактики и стратегіи, но говоритъ объ общихъ предметахъ. Книга его сдѣлала много шуму во Франціи;

объ ней спорили, писали въ журналахъ; являлись противники и защитники; но вообще всѣ отдаютъ справедливость обширнымъ талантамъ и знаніямъ Автора.

— La France littéraire, etc. (*Литтературная Франція* или Библіографическій Словарь ученыхъ людей, историковъ и писателей Французскихъ, и иностранцовъ, писавшихъ на Французскомъ языкѣ, особенно въ XVIII и XIX вѣкѣ.) Соч. Герара (Guérard), Парижъ, 1827 и 1828 гг. in 8.

Полная библіографія Французской литтературы съ 1500-го до 1828 года. Она располагается въ видѣ словаря, съ означеніемъ именъ Авторовъ, названій книгъ и подробныхъ свѣдѣній о перемѣнахъ, прибавленіяхъ, и проч. Авторъ помѣщаетъ въ свою книгу все, что издано и неотдѣльными книгами, а въ собраніяхъ и журналахъ; также подробно означаетъ псевдонимовъ, анонимовъ, важнѣйшія статьи всѣхъ Французскихъ журналовъ, всѣ изданія извѣстнѣйшихъ книгъ, во Франціи и въ другихъ земляхъ сдѣланныя. Полное сочиненіе Г-на Герара составитъ 5 томовъ, по 600 стр., въ двѣ колонны, кромѣ реэстра именъ и другихъ прибавленій. Два тома уже изданы, и показываютъ необыкновенныя свѣдѣнія Автора въ библіографіи древней и новой Французской литтературы.

— La Lyre brisée (*Разбитая лира*). Диѳирамбъ, соч. Агубомъ и переведенный Арабскими стихами Шейхомъ Рехафою (Réhafa). П. 1827 г. in 8, 44 стр.

Вотъ замѣчательное явленіе во Французской литтературѣ: молодые Египтяне, присланные Пашею

Египетскимъ учиться въ Парижѣ, оказали уже столь великіе успѣхи во Французскомъ языкѣ, что одинъ изъ нихъ переводитъ съ Французскаго на Арабскій Плутарха, а другой, Шеихъ Рехафа, уже перевелъ на Арабскій языкъ и издалъ Дивирамбъ, сочиненный учителемъ его Агубомъ, на Французскомъ языкѣ. Знатоки увѣряютъ, что Переводчикъ исполнилъ отлично свое дѣло. Должно прибавить, что кромѣ поэзіи, умный Шеихъ Рехафа занимается Математикою и переводитъ теперь на Арабскій языкъ Лежандрову Геометрію. Какіе новые пути открываются для сближенія народовъ!

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Книги 1827 года.

— Médaille de Mithridate III, roi du Bosphore Cimmerien, et de la reine Gepaepyris (*Медаль Митридата* III, *царя Босфора Киммерійскаго*, и царицы Гепепиры). Соч. Сшемпковскаго. Одесса, 1827 г. in 8, 22 стр.

Вотъ, что пишутъ о семъ новомъ сочиненіи нашего почтеннаго археолога въ Revue Encyclopédique: «Авторъ извѣщаетъ, что изданныя имъ нынѣ замѣчанія составляютъ сокращеніе труда болѣе обширнаго, который предполагаетъ онъ издать современемъ. Книга, имъ изданная, раздѣлена на шесть параграфовъ. Въ трехъ первыхъ доказыва-

етъ онъ, что царица, до нынѣ называемая археологами *Пепепира* (Paepepiris), въ самомъ дѣлѣ называлась *Гепепира* (Gaepepiris); что она была супруга *не Савромата* 1-го, а *Митридата III-го*. Авторъ приводитъ въ доказательство двѣ медали, найденныя на островѣ Тендрѣ. 4 и 5 §§ содержатъ въ себѣ краткій образъ главнѣйшихъ событій жизни Митридата III и нѣкоторыя изъясненія на одно мѣсто въ сочиненіяхъ Плинія, касательно сего царя; въ § 6 помѣщены замѣчанія на медали Гепепиры, Митридата III, Рескупора и Кота I-го. Доказательства Автора убѣдительны и заставляютъ желать продолженія его изысканій.»

— Du rapport des lettres avec la morale (*Объ отношеніяхъ Словесности къ Нравственности*). Рѣчь, говоренная въ торжественномъ собраніи С. Петербургскаго Университета Мая 28 1827 г., послѣ провозглашенія именъ студентовъ, возведенныхъ въ разныя ученыя степени, соч. М. Де-Гурова, Статск. Сов., Ректора Университета, и проч. и проч. СПб. 1827 г. въ т. К. Крайя, in 8, 30 стр.

Книги 1828 года.

— *Собраніе актовъ публичнаго засѣданія* Императорской *Санктпетербургской Академіи Наукъ.*

(Статья II.)

Сказавъ читателямъ нашимъ объ усовершенствованіи состоянія Академіи Наукъ и новыхъ трудахъ, какіе предпріемлетъ знаменитое сіе ученое общество, обращаемся къ другому, не менѣе важному

предмету. Въ собраніи актовъ помѣщенъ (на Французскомъ языкѣ) *Отчетъ о трудахъ Академіи*, съ 1823-го по 1827 годъ.

Мы означали въ извѣстіяхъ о разныхъ книгахъ, изданныхъ Академіею, труды почтенныхъ членовъ ея, какъ въ общемъ обзорѣ оныхъ за 100 лѣтъ существованія Академіи, такъ и при увѣдомленіи о выходѣ 9 и 10-го томовъ Записокъ Академіи. Ограничиваясь собственно трудами своихъ сочленовъ, Секретарь Академіи, Г-нъ Фуссъ, отлагаетъ всѣ другія подробности Академической исторіи, съ 1822 года, до изданія XI тома Записокъ, при коемъ, по обыкновенію, должно быть приложено подробное историческое свѣдѣніе, которое въ X-мъ томѣ кончено 1822 годомъ. Выбираемъ изъ Отчета Г-на Фусса краткія извѣстія, которыя, какъ мы увѣрены, любопытны будутъ для занимающихся науками, и важны для исторіи Русской Литературы, коей вѣрными соглядатаями должны быть современные журналы.

Замѣчательное сочиненіе Президента Академіи, С. С. Уварова: *О Греческихъ трагикахъ*, писанное въ 1823 году, помѣщено уже въ изданномъ 10-мъ томѣ Записокъ Академіи. Оно должно заслужить вниманіе читателей просвѣщенныхъ.

Съ 1822 по 1827 годъ представлены были въ Академію членами ея диссертаціи и совершены труды слѣдующіе:

Г-мъ Академикомъ Захаровымъ, представлена диссертація *о различныхъ степеняхъ теплоты и холода*. Авторъ доказываетъ опытами несовершенство сравнительныхъ таблицъ термометровъ, и выводитъ, что

извѣстія о холодѣ въ Сибири неточны и требуютъ повѣрки спиртовыми термометрами. — Сверхъ того Г-нъ З. занимался усовершенствованіемъ двухъ изобрѣтенныхъ имъ инструментовъ — *анемометра*, который, основываясь на простомъ законѣ погруженія твердаго тѣла въ жидкость, измѣряетъ силу вѣтра, дѣйствующаго на какую либо поверхность; сила сія равна вѣсу ртути, которую вытѣсняетъ цилиндръ, или параллелопипедъ, погруженный въ ртуть. Другой инструментъ, изобрѣтенный Г-мъ З., служитъ къ растопленію самыхъ неплавкихъ веществъ, посредствомъ смѣшенія гидрогена съ оксигеномъ, и можетъ предохранять отъ нечаянностей, часто бывающихъ при смѣшеніи сихъ двухъ газовъ, по причинѣ ихъ воспламеняемости.

Г-нъ Академикъ Шторхъ старался рѣшить вопросъ, столь много причинявшій донынѣ споровъ въ Политической Экономіи, а именно: трудъ, неприносящій вещественныхъ произведеній, споспѣшествуетъ-ли составленію народныхъ богатствъ, подобно труду вещественному? Г-нъ Ш. рѣшилъ вопросъ утвердительно, въ *четырехъ* диссертаціяхъ. *Пятая* написана имъ въ опроверженіе мнѣній Ж. Б. Сея, утверждавшаго, что доходъ государства есть совершенно чистая прибыль. *Шестая* диссертація содержала въ себѣ изслѣдованія о томъ, что сбереженія (épargnes), если ихъ довести такъ далеко, какъ полагаетъ А. Смитъ, вмѣсто умноженія, остановятъ производимость. Въ *седьмой* диссертаціи, Г-нъ Шторхъ опровергъ мнѣніе Сисмонди, и доказываетъ, что не должно опасаться постепеннаго

приращенія народныхъ богатствъ. *Восьмая* диссертація заключаетъ въ себѣ разысканія о томъ, что ассигнаціи, возвышаясь въ цѣнѣ, столько-же причиняютъ частнаго вреда, сколько и понижаясь. *Девятая* диссертація содержитъ обозрѣніе современнаго состоянія фабрикъ въ Россіи. Въ книгѣ Г-на Шторха: Considérations sur la nature du revenu national, изд. въ Парижѣ, въ 1824 г., поясняются главныя основанія новыхъ открытій его въ Полит. Экономіи.

Г-нъ Академикъ Загорскій представилъ *четыре* диссертаціи о различныхъ уродахъ, имъ наблюденныхъ. Въ *пятой* онъ изложилъ сущность веществъ, изъ коихъ составлены человѣческія кости, именно: магнезіи, желѣза, марганца и земель, кремнистой и глинистой. *Двѣ* другія диссертаціи относятся къ изслѣдованіямъ о животныхъ пресмыкающихся (по Якобсону) и позвоночныхъ (по Бальи).

Г-нъ Академикъ Вишневскій представилъ *три* диссертаціи о заслоненіи (occultations) нѣкоторыхъ звѣздъ мѣсяцомъ, и географической долготѣ Москвы, Казани и Вологды, наблюденныхъ имъ въ путешествіи по Россіи. *Четвертая* содержитъ въ себѣ методу наблюденія кометъ, въ такъ называемый micromètre filaire; *Пятая*, новую методу вычисленія редукцій отстоянія мѣсяца отъ солнца и отъ звѣздъ, посредствомъ простой Ариѳметики.

Г-нъ Академикъ Кругъ представилъ *двѣ* диссертаціи, подъ титуломъ: Ueber die Markmannen des Rabanus Maurus, въ коихъ доказываетъ, что всѣ авторы IX и X вѣковъ, писавшіе о Маркоманнахъ, какъ народѣ, еще существовавшемъ въ ту эпоху, разумѣли подъ симъ именемъ *Нордманновъ* или *Скан-*

динавовъ. Показавъ, почему преимущественно предъ другими употребляемо было первое названіе, Г-нъ К. опровергаетъ мнѣніе Ире, принятое Шлецеромъ и Гриммомъ, по которому Маркоманнама, упоминаемыми у Рабана Мавра, почитали *Трансалбинскихъ Саксоновъ* (Saxons Transalbins). Въ *третьей* диссертаціи, Г-нъ К. разсматриваетъ слово: *Корлязи*, котораго даже не брался изъяснить Шлецеръ. Добровскій почиталъ это слово испорченнымъ названіемъ *Фріульцовъ* (Forojulienses). Г-нъ К. полагаетъ, что Несторъ подъ именемъ *Корлязей* разумѣлъ *Французовъ*. Франки, жившіе на правомъ берегу Рейна (Franci Orientales, *Фрягове* Нестора, о коихъ и Кормчая Книга говоритъ: *Фрязи, иже и Германи нарицаются*), называли Западныхъ Франковъ (la Gaule, нынѣшнюю Францію) *Karlingen*, *Kerlingen*, а землю ихъ *terra* или *regnum Karolingorum*, *Karlensium*, ибо потомки Карла Великаго царствовали тамъ долѣе, нежели въ Германіи. Окончанія: ingi, enses, измѣнялись по-Славянски въ *язи* (Sterlingi, Sterilenses, Peningi, Varingi = *Стерлязи*, *Пенязи*, *Варлязи*). *Четвертая* диссертація содержитъ изслѣдованія о двухъ замѣчательныхъ лицахъ древней нашей Исторіи — Аскольдѣ и Дирѣ; *Пятая*, изслѣдованія о причинившихъ столько споровъ словахъ Нестора: *Пояша по себѣ всю Русь*. Г-нъ К. соглашается съ тѣми, которые полагали, что *пояша всю Русь*, относится къ людямъ, коихъ взяли съ собою Рурикъ и братья его изъ Скандинавіи, а не къ землѣ, которою они овладѣли. Предметъ *шестой* диссертаціи, трактатъ, заключенный Тверскимъ и Новогородскимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ (въ 1269 году)

съ Нѣмцами и Гошландцами, найденный въ архивѣ Любека и донынѣ бывшій неизвѣстнымъ. Онъ писанъ по Нѣмецки, на пергаментѣ. При изъясненіи его, Г-нъ К. между прочимъ выводитъ, что Новогородцы, принимая на себя всю отвѣтственность за безопасность иностранныхъ купцовъ отъ *Кетлингена* до Новагорода, разумѣли подъ именемъ Кетлингена, *Котлинъ островъ*, и называли *Котлино озеро* (Kessel-See) всю восточную часть Финскаго залива, отъ впаденія Невы до Выборга и до Нарвы. Слова: *горою и водою*, Г-нъ К. переводитъ: *сухимъ путемъ и водою*, и въ семъ случаѣ опровергаетъ изъясненіе сихъ словъ, сдѣланное Карамзинымъ (И. Г. Р. III, 465, 524). Названіе: *Ворша* (Vorsch), которое Карамзинъ почиталъ *Ижорою*, Г-нъ К. переводитъ словомъ: *порогъ*, почитая Vorsch старымъ Сѣвернымъ словомъ: fors, которое находимъ и у Константина Порфиророднаго, въ окончаніи — *φορος*. Въ договорѣ находится еще имя неизвѣстнаго мѣста: Gesteveld. Г-нъ К. счастливо открылъ, что это буквальный переводъ имени острова, который находится въ 34 верстахъ отъ Ладожскаго озера, на Волховѣ, и — донынѣ называется *Гостинопольскимъ*.

Г-нъ Академикъ Петровъ представилъ диссертаціи: о горѣніи пирофора; о разширеніи металловъ; о порчѣ обыкновенныхъ чернилъ въ нѣкоторыхъ стеклянныхъ чернилицахъ, съ металлическою оправою; о свѣченіи минераловъ; объ окисленіи бѣлаго сахара и воды.

Г-нъ Академикъ Келеръ (Köhler) представилъ диссертацію о царскомъ дворцѣ Босфорскомъ и го-

родѣ Гаргазѣ, находившемся въ Херсонисѣ-Таврическомъ. Г-нъ К. доказываетъ, что гора *Опукъ* (Opuk) въ древности именовалась *Киммерійскою*, а городъ Гаргаза былъ тамъ, гдѣ въ послѣдствіи построена Турками крѣпость Арабатъ. Въ другой диссертаціи предложены подробныя разысканія о полуостровѣ Тендрѣ, извѣстномъ въ древности подъ именемъ *Ахиллесова дрома* или *Ахиллесова ристалища*, и двухъ островахъ, нѣкогда посвященныхъ Ахиллу, *Березанѣ* и *Змѣиномъ* (называвшемся у древнихъ *Левке* (Leuce).

Г-нъ Академикъ Френъ представилъ *восемь* диссертацій, изъ коихъ *четыре* относятся къ Восточной Нумизматикѣ. Объясняя незвѣстныя донынѣ монеты Эрмитажной и другихъ коллекцій, онъ распространяетъ новый свѣтъ на Географію и Исторію Азіи среднихъ вѣковъ. Такъ изъяснено имъ мѣстоположеніе городовъ Мугаммедіи и Аббазіи; доказано ложное мнѣніе о существованіи земли *Хилань* (Khilan) и земли *Гиль* (Gil); исправлены извѣстія о пространствѣ владѣнія династіи Тагиридовъ, и проч. Въ *пятой* диссертаціи изслѣдована Г-мъ Ф. исторія Джанибека, Хана Золотой Орды; въ *шестой* разыскивается Арабское прозвище географа Птолемея; въ *седьмой* поясняется, какія свѣдѣнія литтература Раввиновъ можетъ доставить Исторіи и Географіи; въ *восьмой* собраны изслѣдованія о *Буртасахъ*. Г-нъ Ф. доказываетъ, что сей народъ жилъ на востокъ отъ Хазаріи, между Хазарскою землею и Хорезмомъ, занимая часть лѣваго берега Волги, особенно по рѣкѣ *Буртасъ*, которая хотя нынѣ и изчезла въ пескахъ, но мѣсто ея сохрани-

лось въ преданіяхъ нынѣшнихъ обитателей шѣхъ земель. Къ С. Буршасы прилежали къ Булгаріи, а на В. къ Печенѣгіи. Кромѣ сихъ трудовъ, два важныя творенія: Ibn-Foszlan und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit (СПб. 1823 г.) и Recensio numorum Muhammedanorum Acad. Imp. Sc. Petrop. inter prima Academiae Imp. saecularia edita (СПб. 1826 г.), уже оцѣненныя ученымъ свѣтомъ, доказываютъ непрерывныя занятія нашего знаменитаго оріенталиста, который, сверхъ того доставилъ еще нѣсколько любопытныхъ статей въ Парижскій Азіятскій журналъ.

Г-нъ Академикъ Грефе (Gräfe) представилъ *двѣ* диссертаціи, въ коихъ изъясняетъ непоняпную надпись на извѣстной Черниговской гривнѣ, опровергая всѣ другія оной изъясненія. *Третья* диссертація заключаетъ въ себѣ изъясненіе Греческой надписи, сдѣланной на камнѣ, и найденной въ Сараѣ, бывшей столицѣ Хановъ Золотой Орды, близь нынѣшняго Царицына. Эта надпись, по мнѣнію Г-на Г., есть памятникъ (psephisme), коимъ Греческій городъ, признавая заслуги какого-то иноземца, даетъ ему право гражданства. Къ сожалѣнію, камень такъ испорченъ, что невозможно узнать: *гдѣ*, когда и *кому* дано было это право, и слѣдовательно, не льзя рѣшить: какъ попалъ Греческій памятникъ въ столицу Хановъ Золотой Орды? — Изъяснивъ *въ* 4-й *диссертаціи* Греческія надписи, найденныя на востокѣ путешественниками Рихтеромъ и Бурхардтомъ, въ 5-й, Г-нъ Грефе доказываетъ, что допотопное (antédiluvien) животное *мамонтъ* было извѣстно Древнимъ. Сообразивъ извѣстія о живот-

номъ, которое называли многіе изъ древнихъ писателей: *Одонтотиранна*, съ извѣстіемъ, находящимся въ книгѣ: De rebus gestis Alexandri Macedonis, переведенной съ Греческаго Юліемъ Валеріемъ, и нынѣ, съ палимпсестовъ, изданной Анджело-Маіемъ, Г-нъ Г. находитъ, что слова: Odontotyrannus, facie elephanti, sed magnitudine longe provectus, дѣлаютъ сіе животное совершенно однороднымъ съ *мастодономъ*, котораго описалъ Кювье. Также находитъ Г-нъ Грефе, что Rhinocorax Юлія Валерія есть ничто иное, какъ Buceros rhinoceros Линнея или *Рогатая ворона* Индійская. Кромѣ того Г-нъ Грефе кончилъ и издалъ текстъ *Нонна*, и занимается нынѣ комментаріями на сего писателя. Въ трудахъ СПбургскаго Университета помѣщены были *двѣ* диссертаціи Г-на Грефе, содержащія въ себѣ изъясненія нѣкоторыхъ древностей Греческихъ Русскими обычаями (на прим. вынутіе жребіевъ у Гомера, Русскимъ метаньемъ жребіевъ) и замѣчанія о сходствахъ грамматикъ Греческой, Латинской и Русской. Замѣтимъ, что послѣднюю изъ сихъ диссертацій особенно желалось-бы видѣть скорѣе изданною, для пользы грамматики Русской.

Г-нъ Академикъ Триніусъ, обративъ преимущественно вниманіе на изслѣдованія *злаковъ* (graminées), представилъ нѣсколько разысканій и диссертацій, касательно сей, донынѣ не приведенной въ порядокъ и весьма важной части растительнаго царства. Трудъ Г-на Триніуса при самыхъ первыхъ опытахъ уже обратилъ на себя внимательную признательность ботаниковъ. Сверхъ того Г-нъ Т. особенно занимался приведеніемъ въ порядокъ гербаріевъ, находящихся въ кабинетахъ Академіи, что, при

умноженій новыми и безпорядкѣ старыхъ, было сопряжено съ великими трудами.

Г-нъ Академикъ Германъ представилъ статистическія изслѣдованія о смертоубійствахъ въ Россіи, за 1819 и 1820 годы; изслѣдованія о народонаселеніи Сибири, и проч.

Г-нъ Академикъ Тархановъ занимался разными наблюденіями на Академической обсерваторіи, въ особенности касательно исправленія астрономическихъ таблицъ; также неусыпно наблюдалъ за метеорологіею, и старался о приведеніи въ порядокъ записокъ своихъ, веденныхъ имъ во время путешествія во кругъ свѣта, совершеннаго, съ Капитаномъ Васильевымъ, въ 1819—1822 годахъ.

Г-да Академики Коллинсъ и Фуссъ представили диссертаціи о разныхъ предметахъ высшей Математики. Труды *перваго* относятся преимущественно къ разкрытію типическаго изчисленія и теоріи однообразныхъ функцій. Труды *втораго* заключаются въ изслѣдованіяхъ, касательно Аналитической Геометріи, интегральнаго изчисленія, коническихъ сѣченій и разныхъ приложеній изопериметрической проблеммы Эйлера.

Не говоря о другихъ трудахъ всѣхъ нашихъ Академиковъ, какъ то: рѣшеніяхъ на предложенныя задачи; разсмотрѣніи разныхъ, представленныхъ и присланныхъ, сочиненій, и проч., Г-нъ Секретарь Академіи заключаетъ Отчетъ свой слѣд. словами: «Можетъ быть удивятся, что въ отчетѣ Академіи «вовсе не упоминается о многихъ важныхъ наукахъ; «но должно замѣтить, что число Академиковъ «уменьшилось нынѣ болѣе нежели въ половину про-

«плавъ, постановленнаго Уставомъ ея. Кажется, «не нужно изъяснять причинъ, ибо онѣ не могутъ «быть неизвѣстны. Достаточно будетъ сказать, «что благодаря щедротамъ просвѣщеннаго Прави- «тельства, сіи причины вскорѣ уничтожатся. Да «будетъ новое состояніе Академіи новымъ поводомъ «ревностнаго усердія членовъ ея; да придастъ оно «новую жизнь сему ученому обществу, уже цѣлое «столѣтіе трудившемуся — и не безплодно — въ усо- «вершенствованіи знаній; да будетъ всегда Ака- «демія вѣрна цѣли своего установленія, продолжа- «етъ занятія свои для совершенствованія и рас- «пространенія свѣта знаній, и тѣмъ да споспѣше- «ствуетъ усвоенію наукъ въ любезномъ отечествѣ «нашемъ, всего болѣе имѣющемъ права на ея тру- «ды!»

— Dictionnaire complet français et russe, etc. *Полный Французско-Россійскій Словарь*, составленный по новѣйшему изданію Французскаго Лексикона Вальи и нѣкоторыхъ другихъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Татищевымъ. *Изданіе второе, вновь дополненное и исправленное* (издали С. Селивановскій, и А. Ширяевъ). т. II-й М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, in 4, 369 стр.

Мы извѣщали читателей нашихъ о семъ изданіи, еще до появленія его, въ прошломъ году, а потомъ по изданіи 1-го тома. Теперь Словарь совсѣмъ оконченъ, и мы должны сказать, что по тщательномъ разсмотрѣніи, признаемъ сей Словарь исправнѣйшимъ и полнѣйшимъ, прошивъ всѣхъ до нынѣ изданныхъ въ Россіи Французско-Россійскихъ Словарей, а также и по типографическому испол-

нению превосходнѣйшимъ противъ другихъ. Изданіе его дѣлаетъ честь, какъ почтенному Лексикографу, такъ и типографіи одного изъ Издателей, въ которой онъ напечатанъ. Дешевая цѣна сей превосходной книги составляетъ изъ нее еще болѣе удобнѣйшее пособіе для имѣющихъ надобность въ Словарѣ Французско-Россійскомъ (*). Въ концѣ 2-го тома приложено Издателями Буастово Abrégé de la Grammaire française.

— Alfred d'Ermance ou les suites funestes de l'amour. Nouvelle Suisse (*Альфредъ Эрмансъ, или пагубныя слѣдствія любви. Швейцарская повѣсть*). Соч. Г-на Бріера (Brière), уроженца Женевскаго. М. 1828 г. въ ш. А. Семена, in-12, 176 стр.

— *Амалія, или хижина среди горъ.* Россійское сочиненіе Н. Зряхова. М. 1828 г. въ Ун. шип., in-16, 4 книжки.

— *Таинства Гласверкскаго замка.* Пер. съ Французскаго. М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, in-16, 285 стр., съ (лубочною) картинкою.

— *Алексина, или старая башня замка Холдгеймъ.* Пер. съ Французскаго, 4 книжки. М. 1828 г. въ Унив. шип., in-16, 227, 238, 242 и 260 стр.

— *Клара, или награжденная добродѣтель.* Соч. Клаурена. Пер. съ Нѣмецкаго М. Серебряковой.

(*) Цѣна 20 рублей. Неисправный, ошибочный и неполный Француз. Россійскій Словарь, изд. въ 1826 г. Г-мъ Глазуновымъ стоитъ 25 рублей; но по Словарю Г-на Глазунова можно только разучиваться, а не учиться.

СПб. 1828 г. въ т. Канц. Военн. Ген. Губернатора, in-8, 54 стр.

— *Елена Дуглась*, или Дѣва озера Локъ-Катринскаго. Соч. В. Скотта. Переводъ съ Французскаго. 2 части. М. 1828 г. въ Унив. тип. in-8, 118 и 119 стр.

Что, если названіе повѣсти Г-на Бріера испугаетъ юношей и дѣвушекъ, и боясь *пагубныхъ слѣдствій*, молодежь откажется отъ любви? Не бойтесь; прочитайте самую книгу, и вы увидите, что названіе, данное Г-мъ Бріеромъ, несправедливо: ему надобно было написать: *пагубныя слѣдствія сумасбродства*, а если кто нибудь станетъ бояться сумасшествія, тотъ никакой бѣды не будетъ. Авторъ представляетъ прекраснаго молодаго человѣка, который къ физическимъ преимуществамъ, «присоединялъ пріятный умъ и *особенно много идеальна-го въ головѣ и воображеніи*; веселость его была неизмѣнна, а къ превосходному музыкальному талану *онъ присоединялъ пріятный голосъ и прекрасную методу пѣнія*.» И этотъ молодой, съ *прекрасною методою пѣнія, съ идеальностію въ головѣ*, человѣкъ, имѣя милую жену и дѣтей, ни съ того ни съ сего влюбился въ молодую дѣвушку. Милордъ Вилліамъ сватался между тѣмъ за эту дѣвушку, получилъ согласіе матери и уѣхалъ въ Англію, устроивать свои дѣла. Альфредъ Эрмансъ страдалъ, пѣлъ, объяснялся, и видя, что дѣло все идетъ плохо, схватилъ наконецъ невѣсту и бросился съ нею въ рѣку! Милордъ Вилліамъ пріѣзжаетъ; невѣсты нѣтъ; онъ влюбляется въ молодую вдову, неутѣшную послѣ смерти Альфреда, и — женится на ней. Увѣряютъ, что будто все это истинное происшествіе.

Но съ чего-же названа такая нелѣпая сплетня *Швейцарскою* повѣстью?

На доморощенные романы у насъ все еще нѣтъ удачи. Просмотрѣвъ Амалію, *Россійское сочиненіе*, видимъ, что романы *Россійскаго сочиненія*, со временъ *Никанора, несчастнаго дворянина*, ни крошечки не подвинулись впередъ.

Если охотники до башенъ, разбойниковъ, таинствъ, замковъ, привидѣній и мертвецовъ, пожалуются, что *таинства Гласверкскія* слишкомъ коротки, то могутъ утѣшиться за *Алексиною*: четыре книжки, и что за *диковинный* романъ!

Клара не по созвучію-ли сдѣлалась сочиненіемъ *Клаурена?* Впрочемъ, и въ хорошей капустѣ бываютъ гнилые кочни; за чѣмъ-же на Русскія щи не взять капусты хорошей? У Клаурена — нѣчего пожаловаться — есть изъ чего выбрать. Клара (если только она Клауренова сочиненіе) самый вздорный и несвязный романъ.

Кто узнаетъ въ Русской *Еленѣ Дуглась* — поэму В. Скотта, The Lady of the Lake! Она переведена въ прозѣ, *съ Французской* прозы, и говорить объ ней значило-бы терять слова по пустому. Мы уже нѣсколько разъ писали о Русскихъ переводахъ поэмъ В. Скотта.

— *Два способа обучать дѣтей* (*и возрастныхъ*) *чтенію* въ 40 *часовъ* на какомъ угодно изъ Европейскихъ діалектовъ, но *преимущественно писанные* для Россійской грамматы Алексѣемъ Гуслистымъ. СПб. 1828 г. въ т. А. Плюшара, in 8, 8 и 72 стр.

Прочитавъ объявленіе объ этой книгѣ въ СПбургскихъ Вѣдомостяхъ, мы подумали, что если Авторъ

самъ умѣешъ и можешъ учишь другихъ *читать*, но *писать* онъ, кажется, не умѣешъ. Всякій согласится съ нами взглянувъ на заглавіе книги. Одобряя свою книгу въ объявленіи, Авторъ говоритъ: «Для иностранцовъ, до появленія перевода, можно «прибавить, что кто оную прочитаетъ *и поймет*ъ «(а это не бездѣлица!), тотъ легко *примѣнит*ъ «*правила и къ своему языку*, потому, что сказано: «*на всѣхъ Европейскихъ діалектахъ* (сказано, да «доказано-ли?), хотя также я увѣренъ, что *Азіятскихъ и прочихъ народовъ правила чтенія одинаковы*.« (*?!*).

Можно-ли это говорить въ слухъ и — даже печатать!

«Для снисканія и большей довѣренности отъ «отцовъ своей книжонкѣ, Сочинитель согласенъ въ «здѣшней Столицѣ (т. е. въ СПбургѣ) заняться, «буде кому угодно, частною практикою, съ дѣтьми «отъ 5—8 лѣтъ. Онъ преимущественно желалъ-бы «обучать чтенію Россійской граммашѣ *или* Грам«матикѣ и Словесности, каковыми предметами онъ «болѣе 10 лѣтъ въ частныхъ домахъ занимается; «но зная довольно Французскую и Нѣмецкую лит«тературу, можетъ и на сихъ діалектахъ практи«ковать чтенію свободно.« — Восьмилѣтнихъ дѣтей учить — *читать*; Грамматику и Словесность полагать за одно съ искуствомъ читать по Русски; знать Французскую и Нѣмецкую литтературы и послѣ этого почитать себя въ состояніи — *читать свободно* по Французски и по Нѣмецки (или какъ говоритъ Сочинитель — *практиковать чтенію на сихъ діалектахъ свободно*); десять лѣтъ обучать дру-

гихъ Русской Грамматикѣ и словесности и—не написать 10 строкъ, безъ ошибокъ противъ Логики и языка!! Все это странно, въ величайшей степени....

Но можетъ быть читатели подумаютъ, что Г-нъ Гуслистый берется обучать дѣтей чтенію въ $1\frac{1}{2}$ дня: такъ подумаетъ всякій, читая: *обучать чтенію въ 40 часовъ*. Но это значитъ 40 *дней*, ибо Авторъ считаетъ часы, *посвящаемые именно на уроки*. А послѣ этого, совсѣмъ неудивительною покажется скорость времени, назначаемая на выучку. Авторъ увѣряетъ, что *по обыкновенной методѣ* дитя должно учиться *полгода*, *годъ* и — даже *полтора года*! Помилуйте! да развѣ тогда это бывало, когда науку читать составляли азбука, часословъ и псалтирь, и дитя, не проучившее наизусть всѣхъ сихъ книгъ, почиталось незнающимъ грамотѣ!

Можно взяться навѣрное въ *двадцать дней* выучить дитя *читать и писать*, а приспособивъ къ Ланкастеровой методѣ обученія, вдругъ обучать 100, 200 и болѣе учениковъ. Чтожъ удивительнаго въ методахъ Г-на Гуслистаго?

Обѣ методы его кажутся напротивъ, намъ весьма затруднительными: ими можно, отъ нѣчего дѣлать, заниматься съ какимъ нибудь барничемъ. При томъ, въ книгѣ Г-на Гуслистаго онѣ изъяснены такъ темно и неправильно, что и взрослый не скоро пойметъ ихъ. Всѣ *звонкія и нѣмыя* буквы, *тяни, идетъ, раздѣльно, слитно, стоккато, легато* Г-на Гуслистаго, кажутся намъ напрасно придуманными терминами, коими закрылъ Авторъ методу, совсѣмъ неудивитель-

ную по времени, необходимому для обученія, и затруднительную по сложности.

— *Видѣніе Соломона.* Стихотвореніе Николая Кашинцова. М. 1828 г. въ Унив. т. in 8, 8 стр. съ картинкою.

Счастливая мысль: описать видѣніе Соломона, просившаго мудрости отъ Бога, паче всѣхъ благъ и сокровищъ міра, и посвятить сіе описаніе соотечественникамъ, въ воспоминаніе 22 Августа, 1826 года.

— *Признаніе на 30-мъ году жизни.* Повѣсть въ стихахъ. Соч. Платона Волкова. М. 1828 г. въ т. А. Семена, in 8, 27 стр.

Еще подражаніе *Евгенію Онѣгину*: описаніе проказъ какого-то шалуна; *первая глава*, издаваемая отдѣльно; *Чарины* вмѣсто *Лариныхъ*; выпускныя строфы, и проч. и проч. Жаль, потому, что по нѣкоторымъ стихамъ въ Авторѣ замѣтенъ талантъ.

— *Помѣщикъ.* М. 1828 г. въ Унив. т. in 16, 7 стр.

Авторъ, *Степанъ Наумовъ сынъ, Старожиловъ*, степной помѣщикъ, извѣщаетъ, что ему кажется не нужнымъ чтеніе книгъ и журналовъ, а лучше, по мнѣнію его, заниматься въ деревнѣ сельскимъ хозяйствомъ; когда-же пріѣдешь въ Москву, ходить въ театръ и дремать въ Англійскомъ клубѣ. Никто не споритъ о вкусахъ.

Письмо похвальное пуншу, писанное къ пріятелю въ стихахъ. М. 1828 г. въ т. Театра, in 8, 8 стр.

Пародія Ломоносовскаго *Письма о стеклѣ*, написанная плохими стихами. Не за стаканъ-ли пуншу составлено это похвальное письмо?

— *Хпрактеры, портреты и нравы XIX столѣтія.* Переводъ съ Французскаго. М. 1828 г. in 12, VII и 135 стр.

35-ть небольшихъ гумористическихъ и сатирическихъ статеекъ. Нѣкоторыя остроумны; впрочемъ, вся книжка есть одно изъ тысячи подражаній Жуи, безпрерывно являющихся во Франціи.

— *Пять лѣтъ въ два часа,* или — какъ дороги утки! опера-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Передѣланная съ Французскаго А. И. Писаревымъ. М. 1828 г., въ Унив. т. in 12, 81 стр.

— *Средство выдавать дочерей замужъ,* опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго А. И. Писаревымъ. М. 1828 г., въ Унив. т. in 12, 54 стр.

— *Бѣлая волшебница,* комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ съ Французскаго. М. 1828 г. въ Унив. т. in 12, 103 стр.

Изъ другихъ повременныхъ изданій публикѣ уже извѣстно о кончинѣ А. И. Писарева, юнаго литтератора, служившаго при Московской Дирекціи Театра. Онъ скончался въ началѣ сего года.

Грустно думать, что при отличномъ талантѣ своемъ, Г-нъ Писаревъ не выполнилъ надеждъ, отъ ложнаго направленія, какое давалъ онъ своимъ дарованіямъ. Съ самаго начала литтерашурнаго поприща отличившись лирическими сочиненіями и переводами, онъ рѣшительно занялся потомъ драматическою поэзіею. Первый опытъ его, переводъ (или лучше сказать подражаніе) Шериданової *Школы злословія,* былъ принятъ съ лестною похвалою. Но къ сожалѣнію, сей успѣхъ увлекъ юнаго литте-

рашура: онъ промѣнялъ прочные лавры на мгновенный блескъ театральнаго вызова, и мы уже ничего болѣе не видали, кромѣ водевилей и театральныхъ пьесъ, наскоро, кое-какъ передѣланныхъ и примѣненныхъ имъ къ Московскому Театру. Напрасно Критика напоминала ему о ничтожности успѣха; духъ партій литтературныхъ овладѣлъ остроумнымъ сподвижникомъ; совѣты безпристрастные казались ему голосами людей завистливыхъ, недоброжелательныхъ. Читатели журналовъ и старожилы Московскаго Театра, вѣроятно, помнятъ еще полемику, много разъ занимавшую мѣсто въ Телеграфѣ и другихъ Московскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Въ 1826 году мы видѣли въ *Драматическомъ Альманахѣ*, который издалъ Г-нъ Писаревъ, вмѣстѣ съ Г-мъ Верстовскимъ, прологъ комедіи, которую началъ и не успѣлъ онъ кончить. Говорятъ, что друзья А. И. Писарева хотятъ издать недокончанное его сочиненіе, доказывающее неоспоримый талантъ. Писаревъ умеръ весьма въ молодыхъ лѣтахъ.

Передѣлку водевилей мы никогда не почитали важнымъ дѣломъ и—пусть браняТъ насъ люди, иначе думающіе—не перемѣняемъ и теперь своего мнѣнія. Жаль, повторяемъ, очень жаль, что такое ничтожное занятіе отвлекало Писарева отъ чего-либо важнѣйшаго. Не соглашаемся и съ тѣми людьми, которые видятъ въ водевиляхъ, передѣланныхъ Писаревымъ, признаки особеннаго умѣнья и необыкновеннаго остроумія. Напротивъ, поспѣшность, съ какою работалъ онъ, не дозволяла ему ни вычищать слога, ни писать куплетовъ хорошими гладкими стихами, а желаніе угодить прихотямъ нѣ-

которыхъ зрителей часто увлекало его за предѣлы истинно-изящнаго Комизма.

Два водевиля, изданные уже по кончинѣ Г-на Писарева, не могутъ быть причислены къ удачнымъ его передѣлкамъ, каковы: *Хлопотунъ*, *Проситель*, *Учитель и ученикъ*, и другіе. Что касается до новой оперы, (также Писаревымъ переведенной, хотя на заглавномъ листѣ и не означено его имя), то она во Франціи удержалась только за музыку Боэльдьё, довольно пріятную, хотя и не геніяльную. Г-нъ Писаревъ перевелъ ее, кажется, для музыки; подобныя произведенія теряютъ совершенно все достоинство въ простомъ чтеніи. *Бѣлая волшебница* удивительно нелѣпа, въ цѣломъ и въ подробностяхъ.

— *Первый и послѣдній отвѣтъ Сочинителя Русской Исторіи Г-ну Издателю Славянина.* М. 1828 г., въ т. С. Селивановскаго, in 8, 16 стр.

Не принимая никогда и никакого участія въ журнальной полемикѣ, С. Н. Глинка долженъ былъ изумиться, увидя, что Г-нъ Издатель Славянина и объ немъ запѣлъ пѣсенку, перебирая дудки сатирической своей волынки.

Славянина такъ мало расходится въ Россіи, что читателямъ нашимъ надобно объяснить сущность дѣла.

Въ старинныхъ журналахъ Русскихъ Критика была не такая, какъ нынѣ. Тогда критиковали очень просто: Трутень бывало напишетъ, что Всякая Всячина *дура;* Всякая Всячина отвѣчаетъ: *самъ ты дуракъ!* O le bon vieux temps! Мы думали, что времена перемѣнились, что теперь мы уже не увидимъ

критикъ стараго времени. Но давно говорятъ люди: *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ*, слѣдовательно, старое должно отъ времени до времени возвращаться. Г-нъ Воейковъ перешелъ всѣ степени литтературныхъ измѣненій: былъ поэтомъ, прозаикомъ, критикомъ, списывателемъ чужихъ сочиненій (*), выдавателемъ чужихъ ученыхъ диссертацій за свои (**) и — наконецъ рѣшился быть возобновителемъ критикъ стараго времени, передѣлывая только старую погудку на новый ладъ. Что дѣлаетъ онъ въ Славянинѣ: печатаетъ извѣстія, что тотъ или другой литтераторъ издалъ книгу, а потомъ дѣлаетъ на эту книгу критическія замѣчанія, острится, забавляется. Разумѣется, что книги и не бывало. Что-жь значатъ потѣхи Г-на Воейкова? На старости лѣтъ дѣтскія шалости! Впрочемъ, всѣ великіе люди имѣли свои игрушки: Наполеонъ рѣзывалъ ножичкомъ кресла; Питтъ строивалъ карточные домики; Суворовъ прыгивалъ черезъ стулья. Добрые люди скажутъ, можетъ быть, что Г-нъ Воейковъ подражаетъ имъ также, какъ современники Александра Македонскаго кривили на сторону шеи. Право не беремся разрѣшать этого, а просто передаемъ факты, и не знаемъ даже, какъ назвать поступки А. Ѳ. Воейкова. С. Н. Глинка, опровергая ложное извѣстіе Г-на Воейкова о небы-

(*) См. его описаніе Кускова, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1825 г.; статью о Калмыкахъ, въ С.О. 1822 г., т.75, просто списанные съ печатнаго, въ чѣмъ Г-нъ Воейковъ былъ *уличенъ*.

(**) См. статью о гекзаметрахъ въ Сл. Древн. и Новой Поэзіи, списанную съ статьи Н. И. Гнѣдича.

валой книгѣ, будто-бы изданной имъ Г-мъ Глинкою, называетъ извѣстія Г-на Воейкова очень откровенно—*клеветою*.

Отвѣтъ С. Н. Глинки написанъ съ сознаніемъ своего достоинства и благороднаго человѣка, оскорбленнаго неуваженіемъ къ литтературнымъ трудамъ, коихъ благонамѣренность никто отвергнуть не можетъ.

Книжка Г-на Глинки продается *въ пользу Инвалидовъ*. Въ Конторѣ Телеграфа продано ее около 20 экземпляровъ, и деньги будутъ немедленно отосланы въ Редакцію Русскаго Инвалида. Нѣтъ въ мірѣ ничего безполезнаго: *даже* и критики Г-на Воейкова полезны, ибо онѣ доставятъ нѣкоторое пособіе израненнымъ и увѣчнымъ защитникамъ отечества, хотя и косвенными путями.

— Grand catalogue de musique, etc. *Большой Каталогъ разнымъ нотамъ, музыкальнымъ инструментамъ и прочимъ вещамъ*, продающимся у Карла Павлова Ленгольда, въ Москвѣ, на Ильинкѣ въ домѣ Плотникова (*). М. 1828 г., въ ш. А. Семена, in 8, XI и 294 стр.

Обширная торговля, довѣренность публики и стараніе угодить покупателямъ разнообразіемъ и изяществомъ музыкальныхъ товаровъ, дѣлаютъ магазинъ Г-на Ленгольда весьма замѣчательнымъ. Собраніе нотъ, для инструментальной и вокальной музыки, у него чрезвычайно богато. Мы нашли въ Каталогѣ его всѣ лучшія новѣйшія произведенія.

(*) Цѣна 50 коп. серебромъ.

ОТВѢТЪ

НА РАЗБОРЪ КНИГИ:

Poétique élémentaire, П. Эннекена, въ N° XI Телеграфа помѣщенный (*).

Невозможно ни согласишься со всѣми, ни понравишься всѣмъ. Изъ четырехъ огромныхъ томовъ Курса литтературы древней и новой, принятаго съ почтительнымъ уваженіемъ, я сдѣлалъ сокращеніе для классовъ, т. е. для учениковъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Признаюсь, я льстился, что исполнилъ то, что Баконъ почиталъ столь труднымъ — составилъ небольшую, но хорошую книгу о предметѣ обширномъ. И что-же? Съ яростію переступивъ за границы, которыя никогда не должна переходить благопристойная Критика, Телеграфъ извѣщаетъ рѣзкимъ опредѣленіемъ, съ которымъ ни одинъ разсудительный читатель не согласится, что я не смыслю даже и того, какъ составить книжечку для юныхъ учениковъ. Разсмотримъ.

Критикъ винитъ меня въ чрезвычайной гордости, за то, что я сказалъ: «Часто требовали у меня сокращенія моего Курса литтературы, для руководства дѣ-

(*) Вѣрный переводъ статьи, присланной отъ Г-на Эннекена. *Изд. Тел.*

шей, и для того, чтобы предуготовить къ чтенію и полезному сужденію объ упомянутомъ важномъ и значительномъ сочиненіи, состоящемъ изъ четырехъ огромныхъ томовъ.» Здѣсь идетъ рѣчь о моемъ Курсѣ литтературы, въ четырехъ томахъ, изъ коего извлекъ я мою Poétique élémentaire. Не такъ-ли? Дабы доказать неблагонамѣренность и недоброхотство Критика, должно сказать здѣсь, что Курсъ мой былъ объявленъ отъ достойныхъ судей, сочиненіемъ важнымъ и значительнымъ. Критикъ не справился объ этомъ, думалъ только о моей Піитикѣ, раскрылъ ее, рѣшась говорить объ ней дурно и — ошибся; но не безъ намѣренія. Статья его писана по приказу: не его, чужая и — непріязненная мнѣ рука ковала критическія стрѣлы!

Онъ винитъ меня въ недостаткѣ плана.

Не произнося слова: *л*, слова несноснаго, которое деретъ уши Г-на Критика, приведу здѣсь приговоры судей, прежде его сужденій сказанные, и сказанные не съ тѣмъ, чтобы просто порицать, но по совѣсти критиковать мое сочиненіе.

(Г-нъ Эннекенъ приводитъ похвалы книгѣ его, помѣщенныя въ газетѣ: Conservateur Impartial, 9 Іюня, 1822 года).

Посмотримъ, что сказали о моемъ *Курсѣ литтературы* во Франціи.

Морской разбойникъ, журналъ театра, литтературы, искусствъ и проч., только не такой разбойникъ, какъ Телеграфъ, отъ 14 Ноября, 1824 г. говорилъ:

(Г-нъ Эннекенъ приводитъ похвалы книгѣ его, въ сей газетѣ помѣщенныя).

Да позволено мнѣ будетъ привесть нѣсколько словъ изъ письма, въ тоже время полученнаго мною отъ знаменитаго шъорца *Ермака*, плѣнительнаго переводчика неподражаемыхъ твореній Лафонтена.

«Какъ ветеранъ Русской литтературы, считаю долгомъ вдвойнѣ свидѣтельствовать мою признательность за благосклонное сужденіе о слабыхъ произведеніяхъ моихъ. Наслаждайтесь, М. Г., досугомъ, послѣ *важной*, восьми-лѣтней работы, и будьте увѣрены, что благонамѣренные, истинно-ученые читатели постараются отдать ей полную справедливость. . . .»

Послушаемъ еще судію, не менѣе важнаго.

(Г-нъ Эннекенъ приводитъ похвалы книгѣ его, помѣщенныя въ Revue Encyclopédique, Маршъ, 1825 года).

Въ заключеніе есть у насъ еще свидѣтельства, поражающія Сочинителя статьи въ Телеграфѣ, а именно —

(Г-нъ Эннекенъ приводитъ:

1-е Ссылку въ Revue Encyclopédique, 1825 г. Январь, стр. 196, гдѣ хваляшъ Дюсиса, и утверждаюшся, между прочимъ, на мнѣніи Г-на Эннскена, приводя изъ него *полъ-страницы* (*une demipage de citation*).

2-е Ссылку въ Revue Encylopédique, 1825, Маршъ, стр. 797, гдѣ упоминаютъ о Курсѣ Г-на Эннекена.

3-е Ссылку въ Revue Encyclopédique, 1825, Май,

стр. 547, гдѣ упоминаютъ о Курсѣ Г-на Эннекена, говоря о переводѣ Оберона Виландова.

4-е Ссылку въ Revue Encyclopédique, 1825 г. Сентябрь, стр. 854, гдѣ говоря о комедіи Тюркаре, ссылаются на Курсъ Г-на Эннекена.

5-е Ссылку въ Revue Encyclopédique, 1825 г. Декабрь, стр. 896, гдѣ упоминая о Гёте, ссылаются на Курсъ Г-на Эннекена.

6-е Ссылку въ Revue Encyclopédique, 1826 г. Іюль, стр. 210, гдѣ говоря, что Горацій долженъ-бы перенимать у Геснера, если-бы родился въ его время, утверждаются въ этомъ на Курсѣ Г-на Эннекена).

Если-бы Сочинитель статьи Телеграфа писалъ ее съ добрымъ намѣреніемъ, я отвѣчалъ-бы ему подробно на каждый упрекъ его; но слишкомъ замѣтно, что не истины искалъ онъ, и слѣдовательно, мы начали-бы споръ не понимая другъ друга. За всѣмъ тѣмъ, я рѣшаюсь отвѣчать на нѣкоторыя замѣчанія его, потому, что они слишкомъ нелѣпы и безъ отвѣта не могутъ остаться.

« Въ Мармонтелѣ, въ Лагарпѣ, мы видимъ людей, смотрѣвшихъ на піитику съ ложной точки зрѣнія. . . . » По руководству сихъ, столь почтенныхъ и столь заслуживающихъ почтеніе Аристарховъ, трудился я, и — за честь поставляю раздѣлять съ ними немилость Телеграфа!

Я не упоминалъ о Романтической Поэзіи. Мнѣ казалось, что не можно быть довольно классическимъ, трудясь для классовъ, и что независимость Романтиковъ не должна быть поставляема въ примѣръ юношеству, которое должно подвергать игу

правилъ, дабы оно въ послѣдствіи безъ усилій могло подчиняться уздѣ ихъ.

Критикъ винитъ меня въ разпредѣленіи звѣздочекъ, показывающихъ различныя степени. Для чего не узналъ онъ, какимъ образомъ дѣланы мною сравненія? Гдѣ нашелъ онъ, что я осмѣливался на рѣшительное разпредѣленіе? Разпредѣленіе сдѣлано у меня относительно, по совѣсти, и Французскіе критики на него не жаловались. Каждый изъ 12-ти лѣтнихъ учениковъ моихъ скажетъ Критику, что поэтовъ надобно сравнивать съ поэтами, переводчиковъ съ переводчиками. Я могъ-бы сказать ему причины, препятствовавшія мнѣ говорить молодымъ людямъ, для которыхъ писалъ я, о великости уваженія моего къ нѣкоторымъ твореніямъ Делавиня. Я спросилъ-бы его: какъ не замѣтилъ онъ, что Французскій Аріостъ нарочно забытъ мною? Я сказалъ-бы ему, что Ламартинъ молодой человѣкъ; что день ото дня онъ становится лучше; что для него не наступило еще потомство, что не для чего спѣшить помѣщать его, также какъ и многихъ другихъ, въ разрядъ Классиковъ, ибо труды его не принадлежатъ особенно ни къ какому роду, и Ламартину должно еще заслужить мѣсто почетнѣе и извѣстность прочнѣе.

Критикъ дивится, что между Русскими Комиками я помѣстилъ *Калчефа* (Kalitcheff), совсѣмъ неизвѣстнаго. Пусть потрудится онъ сыскать его произведенія въ *Россійскомъ Θеатрѣ*, и онъ увидитъ что *Калчефъ* является шагъ не безъ славы.

Все было неугодно Критику, даже бумага, которая, правда, не прекрасна; но не я выбиралъ ее:

ее доставилъ въ типографію Издатель. Я заботился о печатаньѣ, и хотя изъ Университетской типографіи мало выходитъ столь исправно напечатанныхъ книгъ, Критикъ видитъ безчисленныя ошибки. Смѣло спорю противъ этого; по три корректуры прочитывалъ я, и всѣ ошибки ограничиваются бездѣлками: должно-бы почесть чудомъ, если-бы ни одной ошибки не было, ибо наборщики въ Университетской типографіи не знаютъ Французскаго языка.

Мой слогъ не блестящь! Давно-ли блестящій слогъ сдѣлался приличенъ учебнымъ сочиненіямъ? Слогъ мой простъ, ясенъ, исправенъ, таковъ, какимъ должно ему быть. Въ диссертаціи, находящейся въ концѣ тома, Критикъ могъ видѣть, что слогъ мой бываетъ и блестящь, когда ему прилично быть блестящимъ.

« Въ какомъ Университетѣ Лекторомъ Г-нъ Энекенъ? спросятъ читатели. »

Teneo lupum auribus *(Держу волка за уши)!* Вопросъ остроуменъ! Пусть критикъ спроситъ у того, кому онъ думаетъ услужить, не узнавая меня. Не потому, что я Лекторъ Московскаго Университета, но потому, что я хорошій лекторъ, то и могу учить моего Критика, и *многихъ другихъ*, ораторскому произношенію!

Укоряя въ ошибкахъ, не сдѣланныхъ мною, Критикъ печалитъ меня не болѣе того, если-бы онъ назвалъ меня больнымъ, когда я здоровъ, и я утѣшаюсь, видя, какъ онъ свирѣпѣетъ на мою книгу, потому, что она хороша. Лучшіе плоды обыкно-

венно мѣ, которые наклеваны птицами и пощочены червями.

Много-бы надобно было мнѣ еще говорить, если-бы я захотѣлъ оправдаться во всѣхъ смѣшныхъ упрекахъ Критика (*) . . . .

Безъ сомнѣнія книга моя несовершенна; но безспорно, что она менѣе несовершенна, нежели *всѣ извѣстныя до нынѣ книги сего рода*. Пусть Г-нъ Телеграфъ потерпитъ, чтобы довольствовались ею, пока онъ не укажетъ, или самъ не сочинитъ, лучшей.

Милосердо кончу оправдъ мой нѣкоторыми общими правилами Критики, и не запрещаю Г-ну Сочинителю статьи въ Телеграфѣ воспользоваться ими, если онъ почтетъ это не лишнимъ.

Чѣмъ отличается истинная, полезная критика, отъ безъ-послѣдовательной пародіи и безсовѣстной брани?

Чувствомъ красоты, глубоко постигнутымъ и сильно выраженнымъ; желаніемъ замѣтить и внушить достойное похвалы.

Какіе писатели изъ критиковъ пользуются славою прочною, истинною, считаются на равнѣ съ творцами, изъ Древнихъ?

Квинтиліанъ, Лонгинъ, живо чувствовавшіе и

(*) Здѣсь выпущено въ переводѣ семь строкъ. Г-нъ Эннекенъ не совсѣмъ учтиво называетъ критику Телеграфа: Un libelle diffamatoire, и проч. Послѣ сего онъ присовокупляетъ: J'ai taché de mettre dans ma réponse autant de modération, que l'auteur de l'article a mis dans son attaque d'indécence et d'emportement. (?!). *Изд. Тел.*

внимательно разкрывшіе красоты въ твореніяхъ Царей Греческой и Латинской литтературы.

Кто изъ Французовъ пользуется именемъ безсмертнымъ и славнымъ?

Безъ сомнѣнія — *Лагарпъ*.

Но за что? За брань-ли свою на Сенеку, Дората, Дидерота, Ламотта, за тѣ-ли томы свои, въ которыхъ всю полезность можно сжать въ нѣсколько параграфовъ?

Нѣтъ; но за прекрасныя страницы, гдѣ ученая рука его, разкрывая изобильнѣйшіе и чистѣйшіе источники всѣхъ красотъ искуства писать, показываетъ, столь удивительнымъ образомъ, величіе и прелесть Боссюетовъ, Лафонтеновъ, Корнелевъ, Кино, Расиновъ, Мольеровъ, Вольтеровъ, Грессетовъ, проницаетъ въ души ихъ, оживляется огнемъ ихъ геніевъ, и сближается съ тѣми кого хвалитъ, достоинствомъ своей похвалы. При чтеніи сихъ-то мѣстъ воспламеняется юный артистъ, усладительно чувствуетъ незамѣченныя имъ и открытыя ему критикомъ красоты и наконецъ, думая, что позналъ движеніе, и дѣйствія сокровеннѣйшихъ пружинъ сочиненія, восклицаетъ съ благородною смѣлостью: « *И я живописецъ*! «

Вотъ Критика истинно полезная, славная, плодотворная.

Но что осталось отъ Фреронов, отъ Дефонтеновъ? Они видѣли, дали замѣтить всѣ малѣйшія погрѣшности великихъ писателей; но сами написали-ль они хотя страницу, читаемую въ удовольствіемъ? Дефонтенъ, изтощивъ всѣ усилія,

хотѣлъ перевесть Виргилія, и — высокій, строгательный подлинникъ ни на одну минуту не возвысилъ переписчика.

Критическая ябеда, торжествующая надъ опечатками, вмѣсто того, чтобы погрустить объ нихъ, ослабляющая хорошее, увеличивающая недостатки, лишающая бодрости все, что стремится возвыситься, Критика, наконецъ, леденящая, разрушающая, марающая то, къ чему прикоснется, есть неприносящее чести упражненіе души холодной, ума тѣснаго, сердца злаго.

Хорошій критикъ руководитель; дурной критикъ — *рѣзака*.

Эннекенъ.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Прочитавъ отвѣтъ Г-на Эннекена, повѣрятъли читатели, что онъ точно *ухватилъ волка за уши*? Полно не за хвостъ-ли? Кто знаетъ Телеграфъ, тотъ согласится, что Телеграфскій волкъ, оборотившись, больно могъ-бы укусить неопытнаго ловца.

Спорить съ Г-номъ Эннекеномъ не о чѣмъ. Повторяю слова его: *мы не поймемъ другъ друга*. Критика Телеграфа и писана была не для исправленія Автора Пѣшики: онъ ужь неисправимъ; но для предостереженія другихъ и для показанія, особенно юнымъ читателямъ, нелѣпости старыхъ, обветшалыхъ теорій и смѣшныхъ понятій, какія имѣютъ о поэзіи люди, называющіе себя *классиками*; Дюсиса, Дораша, Ламоша, Грессета счита-

ющіе геніями выше Шекспира и Байрона, и — не смотря на всеобщій переворотъ литтературъ — все еще несмѣющіе упомянуть въ учебныхъ своихъ книжечкахъ о романтизмѣ, какъ будто можно заслонить рукою солнце и быть увѣреннымъ, что дитя не увидитъ его. Пожалѣемъ о такихъ людяхъ: нигдѣ уже нѣтъ имъ мѣста. И самая Франція — Франція, земля Классиковъ — рѣшительно гонитъ ихъ, смѣется надъ ними, не вѣритъ имъ. Каково, на примѣръ, какому нибудь старику-классику видѣть, что на старости лѣтъ онъ долженъ переучиваться; что все старое низпровергается; что идолы, предъ которыми онъ преклонялъ колѣна, разбиты, и многіе-ли согласятся сказать такъ откровенно, какъ недавно сказалъ Шатобріанъ: Cessons, Messieurs, cessons de flétrir le siècle qui commence: nos enfans valent mieux que nous?

Г-нъ Эннекенъ вооружается во всеоруженіе Классицизма; но для обращика Логики довольно представить нѣсколько забавныхъ выходокъ, которыя стоятъ звѣздочекъ, опредѣляющихъ *классическое* достоинство писателей:

1-е. Онъ не хочетъ говорить ученикамъ о Романтизмѣ; но какъ-же онъ изъяснитъ имъ Шекспира, Лопеца-де Вегу, Байрона и другихъ Романтиковъ, которыхъ включилъ и похваливаетъ въ своемъ Курсѣ?

2-е. Онъ хвалитъ до небесъ Лагарпа и Мармонтеля, и съ тѣмъ вмѣстѣ утверждаетъ, что Піитика, имъ Г-мъ Эннекеномъ составленная, *лучше всѣхъ донынѣ извѣстныхъ*. Куда-же поставимъ мы самаго Г-на Эннекена? Притомъ, онъ утвер-

ждаетъ, что у Лагарпа цѣлые томы *не годятся никуда*, и только странички кое-какія дойдутъ въ храмъ безсмертія. Прошу разбирать!

3-е. Хвалитъ *Калигефа* и — заставляетъ меня искать его *славныхъ твореній*— въ *Россійскомъ Театрѣ!*

4-е. Оправдывается въ неумѣренномъ самохвальствѣ тѣмъ, что его другіе хвалили. И что-же? Каждую цитатку въ Revue Encicloрédique почитаетъ себѣ похвалою. Мы не перевели этѣхъ похвалъ, потому, что онѣ состоятъ не изъ разборовъ, а изъ обыкновеннаго набора словъ, что Французы называютъ *une mention honorable* (*). Что касается до похвалы книгѣ Г-на Эннекена, сдѣланной почтеннымъ Творцомъ Ермака, я скажу Г-ну Эннекену то, что недавно сказалъ Летронъ одному писателю: ce sont là de ces paroles qu'on dit à l'oreille d'un auteur par obligeance et politesse; mais nous ne savons si celui qui les a dites, sera fort content qu'on les ait publiées.

Истина бываетъ горька: что̀ дѣлать! Г-ну Эн-

(*) А нѣкоторыя цитаты совсѣмъ не похвалы, на примѣръ, въ Майской книжкѣ, 1825 г., гдѣ Французскій Рецензентъ говоритъ, что ему не извѣстенъ переводъ Оберона, сдѣланный Ольбахомъ, о коемъ упоминаетъ Г-нъ Эннекенъ. Но Г-ну Эннекену и это похвалой кажется! Говорятъ, что одинъ старой выслужившійся прапорщикъ, всякій разъ, когда называли его: *ваше благородіе*! говаривалъ: *полно, брптецъ, полно льстить! вѣрь, что титулы не ослѣпляютъ меня!*

некену думается, что какая-то личность вмѣшивалась въ критику Телеграфа. Уѣряю, что совсѣмъ никакой, и въ наказаніе за дурное мнѣніе его о критикахъ Телеграфа, открою тайну, которую прежде, изъ сожалѣнія, не хотѣлъ открывать. Вотъ она:

Курсъ Г-на Эннекена и Піитика его не имъ сочинены: они суть *выборки изъ Лагарпа, Мармонтеля и другихъ писателей, кое-какъ сшитыя.* Въ Revue Encyclopédique давно уже уличили Г-на Эннекена, что онъ переписывалъ цѣлыми страницами и не сказывалъ именъ авторовъ, изъ коихъ бралъ, выдавая чужое за свое (*). Если Г-нъ Эннекенъ станетъ спорить, я уличу его, напечатавъ texte en regard образчики его похищеній. Онъ хвалится блестящимъ слогомъ разсужденія, въ концѣ его Піитики напечатаннаго: это разсужденіе — выписано изъ Мармонтеля!

(*) Говоря о множествѣ заимствованій изъ Блера, Шенье, Андрьё, Лемерсье, Лагарпа, Мармонтеля, Сабатье-де Кастра, Палиссо, Баттё, Критикъ извиняетъ Г-на Эннекена со всею Французскою учтивостію: Une poétique n'est pas un ouvrage d'imagination; c'est le résultat d'observations pour lesquelles on peut mettre à profit les travaux de ses devanciers. Il suffit à celui qui sait s'en emparer, de leur donner une disposition ou une forme qui lui soit propre! C'est ce que me paraît avoir fait en général M. Hennequin. Но вся Парижская вѣжливость не могла остановить Критика далѣе, и онъ немилосердо рѣжетъ Г-на Эннекена слѣдующимъ образомъ:

Если Г-нъ Эннекенъ держался за *волчьи уши*, кажется, что мнѣ подъ руку попались уши, немного подлиннѣе волчьихъ.

Издатель Телеграфа.

Журналистика.

Извѣстія о нѣкоторыхъ литтературахъ походятъ у насъ на старинные разсказы о томъ, что дѣлается *за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ*. Такъ, на примѣръ, *о Голландской Литтературѣ* мы знаемъ почти только то, что въ Голландіи *пишутъ* и *печатаютъ*. Конечно, Голландская Литтература не представляетъ такой обширности, какъ, на примѣръ, Англійская; но Голландія всегда имѣла и теперь имѣетъ писателей, достойныхъ вниманія просвѣщеннаго иностранца. Съ ними не мѣшало-бы нашимъ литтераторамъ знакомиться *на досугѣ*, котораго, надобно сознаться, у насъ

Cependant il est tel passage qu'il s'est borné à transcrire tout simplement, sans en prévenir le lecteur, comme cela est d'obligation en pareil cas. Критикъ уличаетъ въ выпискѣ цѣликомъ изъ книги Лемерсье на 7 страницахъ (*Курсъ Г-на Эннекена*, т. 1, стр. 148 — 154); въ выпискѣ изъ Мармонтеля на 49 страницахъ (*Курсъ Г-на Э.* т. 1. стр. 11 — 60.—

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

Рускихъ не мало. Литтературная дѣятельность Голландцовъ весьма велика, и это можно повѣрить обширнымъ числомъ повременныхъ изданій. Полагая, что читателямъ нашимъ любопытно будетъ взглянуть на краткій очеркъ современной Голландской журналистики, выписываемъ здѣсь краткое извѣстіе объ ней, сообщенное въ Revue Encyclopédique, Амстердамскимъ литтераторомъ Зоммергаузеномъ.

Вообще нынѣшнюю литтературу Нидерландскаго Королевства должно раздѣлить на двѣ части: *Голландскую* и *Бельгійскую*. Голландскій языкъ и литтература, хотя и должны почесться первенствующими и главными въ Королевствѣ, но они преимущественно относятся къ собственно такъ называемой Голландіи, то есть, областямъ, нѣкогда составлявшимъ Голландскую Республику; въ Белгіи-же, составлявшей прежде Французскія и Австрійскія владѣнія, господствуетъ Французскій языкъ: тутъ болѣе пишутъ на Французскомъ языкѣ, и мало на Голландскомъ.

Почти во всякомъ Голландскомъ городѣ, сколько-нибудь значительномъ, выходятъ газеты, иногда двои, и даже трои, подъ именемъ *Курантовъ* (Couranten). Содержаніе ихъ составляютъ современныя событія, курсы, частныя извѣстія. Въ Лейденскихъ и Гагскихъ Куранатахъ помѣщаются и литтературные отрывки. Гарлемскіе Куранты болѣе другихъ пользуются извѣстностію. Въ Гагѣ издается отъ Правительства оффиціяльная газета: Staats-Courent.

Но кромѣ Куранатовъ, въ Голландіи выходитъ,

въ нынѣшнемъ 1828 году, 57 журналовъ и газетъ различнаго содержанія.

Изъ нихъ—5 повременныхъ изданій Богословскаго содержанія; 6 содержатъ въ себѣ статьи, касательно Физики, Химіи и Фармаціи; 6 издается Медицинскихъ; 1 газета Юридическая; 2 Коммерческихъ; 2 журнала касательно Древностей и Географіи; 11 литтературныхъ; 5 педагогическихъ; 18 смѣшаннаго содержанія (моды, библіографія, критика, словесность).

Въ Брисселѣ издается 29 журналовъ, почти всѣ на Французскомъ языкѣ. Въ другихъ городахъ Бельгіи 25 журналовъ.

Впрочемъ, Голландская журналистика не дошла еще до совершенства Англійской и Французской: въ ней не видимъ ни такихъ важныхъ критическихъ журналовъ, каковы Англійскія Обозрѣнія; ни такихъ обширныхъ газетъ, каковы Французскія и Англійскія. Въ Бельгійскихъ журналахъ большею частію перепечатываются статьи изъ современныхъ Парижскихъ журналовъ.

СМѢСЬ.

Историческое обозрѣніе первой половины 1828 года.

(*Продолженіе*).

Политическая система Современной Исторіи, для лучшей ясности, можетъ быть раздѣлена въ настоящее время слѣдующимъ образомъ:

Событія *Иберійскаго* или *Пиренейскаго* полуострова, окруженнаго съ трехъ сторонъ морями, и съ четвертой отдѣленнаго отъ твердой земли Европы хребтами Пиренеевъ.

Событія на *Востокѣ Европы*: судьба Греціи, вліяніе Россіи на Турцію и Персію, что составляетъ театръ отдѣльныхъ происшествій.

Первыя касаются современной исторіи *Южной Америки*; вторыя современной исторіи *Западной Азіи* и *Сѣверной Африки*.

Но во всѣхъ событіяхъ сихъ земель, мы видимъ собственно только *слѣдствія*, коихъ главныя *причины* заключаются въ сильнѣйшихъ дѣйствователяхъ политическаго міра и уравниваются ими. Сіи дѣйствователи суть: *Россія*, юная, великая Держава, соединяющая собою Западъ Сѣверной Америки, Сѣверъ Азіи и Востокъ Европы; *Англія*, могущественная обладательница морей, опоясавшая своими владѣніями весь земной шаръ, великая просвѣщеніемъ, промышленностію, торговлею; *Франція*, крѣпкая посредница сихъ двухъ исполиновъ политическаго міра, сильная на твердой землѣ Европы,

своимъ положеніемъ, между Иберійскимъ и Итальянскимъ полуостровами, и среднею Европою.

Средняя Европа, Датскій, Итальянскій и Скандинавскій полуострова, составляютъ часть Европейскаго міра, совершенно неутральную въ нынѣшнихъ политическихъ переворотахъ.

Кромѣ тѣхъ частей Азіи, Африки, Америки и Австраліи, которыя, подвергаясь власти Европейскихъ Державъ, движутся въ ихъ сферахъ, остальная часть Азіи составляетъ особое позорище событій.

Младенчествующія страны Африки и Австраліи касаются міра Европейскаго только косвенно.

Въ Сѣверной Америкѣ видимъ сильное государство, удаленное въ особый міръ внутреннихъ событій и дѣятельнаго существованія.

Обозрѣвъ общую картину всѣхъ частей обитаемаго свѣта, какъ была она при началѣ 1828 года, и показавъ въ быстромъ очеркѣ исторію Отечества нашего, за протекшую половину сего года, мы обращаемся къ обозрѣнію другихъ государствъ, и въ Европѣ начнемъ обзоръ нашъ съ Пиренейскаго полуострова. Въ сей части Западной Европы такъ запутаны всѣ событія отъ дѣйствія причинъ внутреннихъ, что внѣшнія причины могутъ пояснить только часть событій, и не покажутъ намъ ихъ въ полномъ свѣтѣ. Перейдя за тѣмъ къ изображенію отдѣльно Франціи и Англіи, мы уклонимся потомъ на Востокъ Европы, гдѣ дѣйствіе внѣшнихъ причинъ составляетъ главную завязку современной исторіи. Наконецъ, обозрѣніе остальной Европы доставитъ полноту нашему опыту современной исторіи сей части свѣта.

Начало нынѣшней исторіи Пиренейскаго полуострова должно отнести къ эпохѣ владычества Наполеонова. Онъ — страшная комета, въ неправильномъ бѣгѣ своемъ перепутывавшая орбиты всѣхъ государствъ и раждавшая, при столкновеніи своемъ съ прежними, новыя царства, уничтожавшая существовавшій порядокъ и измѣнявшая состояніе, духъ и отношенія народовъ, пролетѣлъ и за Пиринейскими твердынями, изторгъ Испанію изъ усыпленія, развилъ міръ новой дѣятельности въ Португаліи, отшибъ отъ нихъ За-атлантическія области и породилъ революцію, коей слѣдствія не рѣшены донынѣ.

Когда Наполеонъ устремилъ честолюбивые взоры свои на Испанію, сіе государство уже болѣе 100 лѣтъ правимо было Монархами Бурбонской династіи, и какъ будто приготовлялось къ сильному перелому. Жаркій климатъ; рыцарское происхожденіе Испанцовъ; богатства Америки, произведшія лѣность и беззаботность физическую; бѣдность, постигшая отъ того всѣ нисшія званія; привычка, быть управляемою Державами болѣе дѣятельными и лучше Испаніи постигавшими тайны политики; рядъ Королей, постоянно подвергавшихъ королевство деспотизму своихъ министровъ — все это дѣлало Испанію, по внутреннему ея составу, совершенно особеннымъ государствомъ въ мірѣ Европы. Прибавьте къ сему богатство и силу Католическаго духовенства; величайшее неравенство въ правахъ, отношеніяхъ и состояніи обитателей; суевѣріе и невѣжество вообще всѣхъ званій. Въ такомъ-то государствѣ Наполеонъ хотѣлъ поставить

брата своего Королемъ и, не понимая Испаніи, сдѣлалъ онну изъ важнѣйшихъ политическихъ ошибокъ.

Вообще Испанію можно было раздѣлять еще на прибрежную и внутреннюю, или горную. Жители первой были знакомѣе съ Европейцами, болѣе просвѣщены, богаче горныхъ и внутреннихъ жителей, оставшихся въ теченіе двухъ вѣковъ, съ ихъ національною гордостію, бѣдностію и предразсудками. Слово: *иностранецъ*, казалось для нихъ равно съ словами: *еретикъ*, *непріятель*. Негодованіе закипѣло въ душахъ ихъ, когда знатные люди (довольные освобожденіемъ отъ власти сильнаго временщика, *Князя мира*, и въ надеждѣ играть блестящія роли), жители столицы и жители приморскихъ городовъ, съ радостью приняли новаго Короля. Но Король Іосифъ вошелъ въ Испанію съ чуждымъ войскомъ; съ нимъ явился новый Дворъ, въ замѣну стараго и, если видъ оружія непріятельскаго оскорбилъ тогда всѣхъ, то новые придворные и сила Французовъ при новомъ Королѣ возбудили ненависть Знатныхъ. Рѣшительный переворотъ оказался по голосу духовенства, когда оно увидѣло себя угрожаемое лишеніемъ богатствъ и власти. Повсюду вспыхнули возстанія. Не знатные люди и не горожане, а монахи и горные Испанцы начали его; духъ горцовъ мгновенно ожилъ; потомки рыцарей увидѣли предъ собою новое поприще дѣятельности, средства удовлетворить національному мщенію, защитить религію и — кровавая борьба началась; Знатные видѣли себя принужденными раздѣлить дѣло съ народомъ, среди коего явились *Эмпечинадо*, *Пасторъ*, *Манзо*,

Медико, Мина, Милансъ, Морилло—одинъ мѣльникъ, другой сапожникъ, третій пастухъ, четвертый и пятый крестьяне, двое послѣднихъ простые капралы. Судьба Короля плѣннаго, низверженнаго, трогала всѣхъ: имя его невольно дѣлалось кликомъ независимости Испанцовъ. Такъ продолжалась семилѣтняя народная война, при чемъ народъ самъ не понималъ,къ чему стремился,и думалъ сражаться единственно за независимость отечества и за права законнаго Короля.Испаніею правили между тѣмъ временныя Юнты. Главная Юнта, коей подчинялись всѣ другія, областныя и городовыя, составленная изъ аристократовъ высшихъ званій, видѣла необходимость учредить образъ государственнаго управленія, приличный обстоятельствамъ. Все старое было изпровергнуто, и въ 1810 году Юнта рѣшилась призвать депутатовъ дворянства, духовенства и гражданъ, раздѣлить ихъ на три палаты, по званіямъ, и постановить основные государственные законы. Но два года уже продолжалась война; нисшія званія узнали свою силу; они повелѣвали въ частныхъ Юнтахъ, и аристократы услышали неожиданный отвѣтъ. «Собраніе трехъ палатъ не представитъ націи, « отвѣчалъ народъ. «Мы нація; мы первые взялись за оружіе, когда наши знатные люди сгибались предъ похитителемъ, и если имъ было мѣсто при Дворѣ Іосифа, мы требуемъ своего мѣста въ законодательствѣ, которое утвердитъ нѣкогда возлюбленный нашъ Фердинандъ.» Свобода книгопечатанія пояснила уже въ это время народу выгоды аристократовъ, умы волновались, и Испанская конституція 1812 года издана была послѣ продол-

жительной борьбы, при смѣшеніи правъ всѣхъ званій. Составители ея, уничтоживъ высшую Юнту, учредивъ Регентство, были избраны изъ нисшихъ званій, и одушевлялись ненавистью къ чужеземному игу: ненависть къ Іосифу, казалось имъ, диктуетъ тѣ статьи, гдѣ власть Королевская и сила аристократовъ, коихъ опасался народъ, были столь ограничены. Не духъ равенства, но желаніе спасти отечество и боязнь силы тѣхъ людей, кои могли препятствовать этому, руководствовали Испанцовъ. Читая въ ихъ конституціи, составленной подъ выстрѣлами непріятеля, что «Испанская нація есть народъ свободный, и никто не имѣетъ права отдавать или передавать ее, какъ наслѣдство,» мы видимъ протестъ народа противъ уступки Испаніи иноземцу Іосифу. Испанцы постановили, что «Нація есть единая повелительница Испаніи, что она сама утверждаетъ коренные законы своего государства;» но въ слѣдъ за тѣмъ читаете — «Любовь къ отечеству есть первый долгъ Испанскаго гражданина; каждый Испанецъ, съ оружіемъ въ рукахъ, долженъ защищать отчизну» — и Испанская конституція, принятая народомъ, отнявшая власть у Короля, Дворянства и Духовенства, поясняется, какъ произведеніе современнаго состоянія дѣлъ, не выведенное изъ соображеній невыгодъ и выгодъ, но бывшее слѣдствіемъ мгновеннаго перехода нисшихъ званій, изъ усыпленія въ дѣятельность, изъ ничтожества въ силу. Въ 1814 году явился въ Испанію Фердинандъ. Наполеонъ умѣлъ представить ему новыя постановленія Испанцовъ слѣдствіями замысловъ Англичанъ и людей, возникшихъ изъ ничтожества

и отличившихся въ Испанской войнѣ. Уже Испанская земля очищена была отъ вражескихъ полчищъ. Король не сообразилъ, что восемь лѣтъ, измѣнившихъ всѣ прежнія отношенія, протекло въ его отсутствіи. Передъ него предсталъ народъ, одушевляемый восторгомъ при возвращеніи законнаго властителя; явились люди, требовавшіе возвращенія разрушенныхъ правъ и привиллегій; Духовенство, сильное своимъ вліяніемъ; конституція Испаніи представлялась ему чадомъ революціи, подобно революціоннымъ конституціямъ Французскимъ, и Король рѣшился, вполнѣ и безъ перемѣны, возстановить прежнюю систему правленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ разрушено было все вновь созданное.

Аристократы сначала сами спѣшили низпровергнуть конституцію, ограничивавшую ихъ феодальныя права; народъ изумился, но вскорѣ увидѣлъ, что мщеніе пало на главу аристократовъ, и думалъ въ паденіи людей, дѣйствовавшихъ во время войны, видѣть ручательство за распространеніе своихъ привиллегій и своей власти. Оба званія ошиблись, и только знатные аристократы стараго времени и Духовенство выиграли въ этомъ оборотѣ дѣлъ.

Никто изъ воспользовавшихся сею неожиданною перемѣною не замѣтилъ, какъ велика была разница въ расположеніи умовъ и отношеній, прежнихъ и новыхъ. Духъ государства такъ измѣнился съ 1808 по 1814 г., что прежнія формы не могли быть годны. Народъ привыкъ къ бивачной жизни, къ дѣятельности гражданской; страсти его были раскрыты. Сражаясь за независимость отечества,

онъ завоевалъ независимость свою у аристократовъ. Аристократы, потерявъ прежнія права, уже приобрѣли новыя, превосходствомъ ума, просвѣщенія, характера, привычкою народа видѣть ихъ повелителями на новыхъ постановленіяхъ. Такъ обѣ стороны терпѣли отъ побѣды Духовенства и знатныхъ людей стараго времени. Дабы понять несоразмѣрную разницу старыхъ формъ отъ новыхъ, должно вспомнить, что Король возстановилъ инквизицію, возвратилъ духовенству имѣнія, составляющія *четвертую часть* всѣхъ капиталовъ въ Испаніи. Въ тоже время начаты были преслѣдованія, казни, усиленъ надзоръ полиціи, отобрано оружіе у народа, распущены прежнія войска и набраны новыя. Присовокупите къ этому физическія бѣдствія, обременявшія съ 1814 года Испанію: голодъ, засуху, дожди, язву. Грабежи корсаровъ, умноженіе разбоевъ, недовѣрчивость, опасеніе — все терзало Испанію! Упорство, съ какимъ началъ и велъ Король неудачную и гибельную войну противъ бывшихъ своихъ Американскихъ владѣній; рѣшительный упадокъ промышленности и торговли, истощеніе финансовъ, увеличеніе налоговъ: все это дѣлаетъ понятнымъ, какъ приготовилось новое всеобщее возстаніе Испаніи въ 1820 году.

Въ шесть лѣтъ, протекшія послѣ прибытія Короля, мертвая тишина, въ какую погружена была Испанія, подобилась волкану, кипѣвшему подъ землею. Общія бѣдствія, общее неудовольствіе соединили всѣ званія, кромѣ Духовенства. Аристократы призывали народъ во имя конституціи 1812 года, и толпы стали съ оружіемъ подъ знамена Ріеги,

Квироги и Мины, въ 1820 году. Бывшіе защитники отечества явились тогда бунтовщиками. Такъ, то самое, что спасло Испанію при Іосифѣ, обратилось въ источникъ междоусобій и несчастій съ 1820 года. При имени прежней конституціи народъ возсталъ всюду, а аристократы хотѣли только возстанія народнаго; Король принужденъ былъ уступить силѣ и утвердить прежнюю конституцію. Тогда, съ такимъ-же изліяніемъ потребовали у него уничтоженія правъ Духовенства, съ какимъ Духовенство рѣшилось защищать ихъ. Богатство и вліяніе на умъ народа давало ему средство составить новую вооруженную партію, и *армія вѣры* сразилась съ конституціонною, торжествовавшею повсюду. Въ сей послѣдней явился раздоръ, когда аристократы, увидя исполненіе своего желанія, рѣшились измѣнить конституцію 1812 года. Народъ вознегодовалъ, и — люди, которыхъ онъ готовъ былъ носить на рукахъ въ 1820 году, выданы были имъ Французской арміи въ 1823 году, и казнены при глазахъ его.

Извѣстно, какъ легко было въ 1823 году Французамъ покорить ту землю, которая Наполеону стоила полумилліона воиновъ, и не поддалась ни силѣ его генія, ни мужеству его сподвижниковъ. Но кончилась-ли тогда Испанская революція? Обезоруживъ толпы народа, казнивъ зачинщиковъ, можно-ли было думать опять о неизмѣнномъ введеніи той системы государственнаго управленія, какая существовала за 15 лѣтъ въ 1808 году, и не удачно испытана въ 1814 году? Вотъ вопросъ, который поясняетъ настоящее состояніе Испаніи, и даетъ средство угадывать ея будущность.

ЖУРНАЛЬНЫЯ БЕЗДѢЛКИ (*).

Жилъ былъ, одинъ богатый баринъ, у котораго много было картинъ, статуй, лакеевъ и денегъ. Баринъ этотъ слылъ великимъ покровителемъ артистовъ. За одну большую картину, которую бродяга-иностранецъ выдалъ ему за картину Гвидо-Рени, онъ заплатилъ нѣсколько тысячь рублей. Слыша все это, Русскій художникъ рѣшился поднесть ему эстампъ своей работы. Онъ является съ превосходнымъ оттискомъ, подъ которымъ красиво подписано было посвященіе, застаетъ Мецената и представляетъ свою работу. Меценатъ полюбовался, подивился, ушелъ въ кабинетъ и — вынесъ артисту 25 рублей! Ни мало не смѣшавшись, Русскій артистъ беретъ деньги, оборачивается къ каммердинеру Мецената, отдаетъ ему ассигнацію и говоритъ: *Возьми, братецъ, на водку и пропей за здоровье своего барина.*» Это истинное происшествіе.

Въ Парижѣ явился журналъ, подъ такимъ страннымъ названіемъ, что не скоро-бы отгадать было можно. Онъ называется — Воръ (le Voleur)! Это

(*) См. № VIII, стр. 535.

журналъ журналовъ, литературы, наукъ, театровъ, искуствъ. Онъ выходитъ огромными листами, черезъ пять дней. При объявленіи объ немъ, въ Journal des Débats (14 Août, 1828), приложенъ портретъ Издателя: Издатель изображенъ въ очкахъ, окруженный журналами, изъ которыхъ щиплетъ онъ лоскутки; внизу подписано:

Au peu d'esprit que le bonhomme avait,
L'esprit d'autrui par complément servait....
... Il compilait, compilait, compilait!

VOLTAIRE.

Издатели обѣщаютъ *все*, потому что, *все хорошее* выбираютъ изъ отечественныхъ и иностранныхъ журналовъ. «Нашъ листокъ будетъ» говорятъ они, «ученъ, шутливъ, болтливъ, справедливъ къ талантамъ, почтителенъ ко всему почтенному, строгъ къ посредственному, горячъ къ тому, что составляетъ славу отечества и другихъ странъ, неумолимъ къ дуракамъ, спѣсивцамъ, пасквилантамъ, плутамъ, интриганшамъ, какого-бы рода ни были ихъ шарлатанство и ихъ маски.»

Все это прекрасно; за чѣмъ только между всѣмъ этимъ будетъ и *краденое* у своихъ? — Выдумывай, пиши самъ, и потомъ, какъ угодно, хвались безпристрастіемъ, строгостію, и проч. и проч. Странностью названія Издатели Вора извинить не могутъ. Англичане и Нѣмцы давно перещеголяли ихъ. Въ Германіи, напримѣръ, есть журналъ: *Чортовы записки*, а въ Англіи — *Журналъ сплетней*, *Мѣдный лобъ*, *Враль*, *Болтунъ*, *Бродяга*, и проч. Положимъ, что Парижскій *Воръ* будетъ уменъ и правдивъ; но воля

ваша — плохое извиненіе сказать: *Краду — съ позволенія вашего!* Воровство тѣмъ не менѣе воровство.

Гомеопатія начинаетъ повсюду возбуждать сильные споры. Въ Германіи особенно оказалось множество защитниковъ этой системы. Въ Пештѣ открыта аптека, у которой на вывѣскѣ подписано: Erſte homeopatiſche Apotheke. Въ ней продаются одни только гомеопатическія лекарства.

Въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ помѣщенъ манифестъ Россіи о войнѣ съ Турціею, in der original Sprache, прибавляетъ Издатель. На какомъ-же языкѣ? На Русскомъ, разумѣется: нѣтъ! на *Французскомъ!* Не ужели Г-нъ Издатель не знаетъ, что въ Россіи оригинальный языкъ *Русскій?*

Августа 19, въ Тиволи, Парижскомъ гуляньѣ, воздухоплаватель Робертсонъ открылъ новую забаву для Парижанъ. Вмѣсто обыкновеннаго аэростата подымались на воздухъ разныя фигуры, какъ-то рыбы, птицы. Допустивъ ихъ на извѣстную высоту, Робертсонъ предлагалъ кому угодно стрѣлять изъ лука, и всеобщія восклицанія сопровождали рыбъ и птицъ, когда онѣ, прострѣленныя, летѣли внизъ. Эту забаву Парижане называли: jeu d'arc aérostatique.

Ж. М.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les chapeaux de foulard, d'abord simplement garnis de biais de la même étoffe et de nœuds, admettent maintenant des fleurs. Tantôt c'est une guirlande *à la jardinière*, placée obliquement autour de la forme, tantôt ce sont deux bouquets de fleurs des champs posés bout à bout sur le devant de la forme. Dans les bons magasins de modes, on emploie, pour border la passe, un biais d'un ou deux pouces.

Le gros de Naples bleu et le crêpe bleu sont à la mode : on en fait de grandes capotes *à l'anglaise*, dont la forme ou calote est bouillonnée et la passe froncée. On met sur ces capotes des roses du Bengale rouges, quelquefois une branche de genet d'Espagne.

Les bonnets parés, en blonde ou en tulle brodé, sont toujours soutenus par des roulcaux de satin blanc, rose ou bleu. On les garnit de fleurs diverses, mais toutes d'un petit volume, de pois de senteur, par exemple.

(*) До 31 Авг. (н. с.), 1828 г.

Les chapeaux et les capotes de foulard ne sont plus doublés *en pareil*, mais en gros de Naples bleu, blanc, jaune, ou rose.

On fait des chapeaux habillés avec une étoffe de Lyon qui imite le crêpe de Chine ; et, pour les garnir, on entremêle des têtes de plumes à des boucles de ruban de gaze.

On appelle manches *à la mameluck* celles qui non seulement n'ont point de poignet dans toute la longueur, mais qui sont à peine soutenues du haut par une manche courte, dite *petite manche*. Ces nouvelles manches sont en général celles des canezous de jaconat et des robes tout-à-fait négligées du matin.

Les souliers d'un élégant ont, depuis peu, le bout long et pointu : son portefeuille n'est plus de cuir de Russie, parce qu'on a reconnu que ce cuir s'engraissait ; mais pour en conserver l'odeur, ou met un morceau de cuir de Russie dans une des poches d'un portefeuille de maroquin.

Шляпки изъ Остъ-Индской мозаической шафты (foulard) преже убирали просто косяками, изъ одинакой съ шляпками матеріи; но теперь украшаютъ ихъ цвѣтами : иногда гирляндой *à la jardinière*, наискось вокругъ тульи ; иногда двумя букетами полевыхъ цвѣтовъ, напереди тульи. Въ лучшихъ модныхъ магазинахъ поля шляпокъ обшиваютъ широкими, въ вершокъ и два вершка, косяками.

Голубой гроденапль и голубой крепъ въ модѣ: изъ нихъ дѣлаютъ большія шляпки—капоты на *Англійскій* манеръ (съ прямыми полями); тулья такихъ шляпокъ и поля въ складкахъ. Ихъ убираютъ красными Бенгальскими розами и, иногда, вѣткой Испанскаго дрока.

Нарядные, блондовые и изъ шитаго тюля, чепчики, окружаются атласнымъ виткомъ, бѣлаго, розоваго, голубаго цвѣта. Ихъ убираютъ также разными мѣлкими цвѣтами, на примѣръ, пахучимъ горошкомъ.

Шляпокъ и капотовъ изъ Остъ-Индской мозаической тафты не подбиваютъ нынѣ одинаковою матеріею (en pareil), но голубымъ, бѣлымъ, желтымъ и розовымъ гроденаплемъ.

Нарядныя шляпки дѣлаютъ изъ Ліонской матеріи, на подобіе Китайскаго крепа сработанной, и въ уборкѣ ихъ перемѣшиваютъ пучки перьевъ съ бантами изъ газовыхъ лентъ.

Мамелюкскими рукавами называютъ такіе рукава, которые не только не обхватываютъ плотно руки, но едва придерживаются сверху коротскими верхними рукавчиками. Этотъ новый манеръ рукавовъ въ модѣ для жаконатовыхъ каньзу и самыхъ модныхъ утреннихъ *неглиже*.

Важная перемѣна: носки у башмаковъ щеголя бываютъ длинные и острые: это возвратилась старинная мода! — Бумажникъ щеголя долженъ быть не изъ юфти, какъ было недавно въ модѣ, но изъ сафьяна; чтобы сохранить запахъ юфти, который

очень нравится Парижскимъ щеголямъ, кусочикъ юфти кладутъ въ сафьянный бумажникъ.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Креповая шляпка. Барежевое платье, съ буфами, вышитыми шелкомъ; шарфъ также вышитый.

2. *Мущина.* Суконный фракъ; шелковый жилетъ. казимировые панталоны.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 7 дня 1828 года.

Цензоръ Серѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

Молдавіи и Валахіи.

(Окончаніе).

Большую пространства часть сихъ обѣихъ областей можно назвать пустынею. Здѣсь-то особенно видны слѣдствія безначалія и тиранства, опустошающихъ Турцію. Безмѣрныя издержки, коихъ требуетъ исправленіе дорогъ, препятствовали Господарямъ открыть сообщеніе между подвластными имъ княжествами и образованною Европою. Впрочемъ, Турки никогда не согласились-бы на такую мѣру улучшенія, страшась облегчить тѣмъ способы вторженія непріятельскаго въ Турецкое государство, а Господарь, котораго жизнь и власть всегда зависятъ отъ произвола Дивана, можетъ-ли приступить къ чему либо, если тѣмъ онъ боится возбудить хотя малѣйшее подозрѣніе? Вообще, горная часть Молдавіи и Валахіи населена менѣе равнинъ: нѣсколько поселянъ, содержащихъ почтовые дворы и

бѣдные лѣсники составляютъ здѣсь все народонаселеніе.

Горные Молдаваны и Волохи страждутъ зобами, что, весьма вѣроятно, можно приписать привычкѣ ихъ пить снѣговую воду. У нихъ, какъ и у жителей Альпійскихъ горъ, замѣчаютъ ослабленіе вообще моральныхъ и физическихъ силъ. На равнинахъ способъ обработыванія земли здѣсь почти такой-же, какъ въ Европѣ. Для землепашества, вмѣсто лошадей, употребляютъ воловъ. Главную пищу крестьянъ составляетъ кукуруза. Пшеницы собирается однакожъ здѣсь довольное количество, для потребленія жителей; ячмень служитъ только для корма скота и птицъ. Помѣщики или Бояре, большею частію, отдаютъ земли на откупъ, предлагающему болѣе, или крестьянамъ изъ части хлѣба, принимая на себя налоги и другія повинности. Молдавію и Валахію можно почесть отечествомъ кочующихъ племенъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Цыгановъ*. Какъ Жиды избрали своимъ предпочтительнымъ мѣстопребываніемъ Польшу, такъ Цыганы — Жиды идолопоклонничества — скитаясь безъ отечества, безъ пристанища, не зная своего происхожденія, живя въ презрѣніи между людьми, но сохраняя древній свой характеръ, нравы и обычаи, кажется, преимущественно избрали своимъ жилищемъ бѣднѣйшую землю, изъ всѣхъ существующихъ въ Южной Европѣ. На $1\frac{1}{2}$ милліона жителей, оби-

пающихъ въ Молдавіи и Валахіи, считается 150,000 Цыганъ. Они наслаждаются крѣпкимъ здоровьемъ, приличнымъ ихъ кочевой жизни, и характеръ ихъ отличается оригинальностію, по которой легко узнать ихъ. Они ненавидятъ работу, покорность законамъ и осѣдлую жизнь; въ странѣ, гдѣ кажется уже нѣчего красть, они все доказываютъ еще свою непреодолимую наклонность къ воровству и ворожатъ людямъ, подобно имъ бѣднымъ. Не признавая никакой вѣры, если не принуждаютъ ихъ къ тому, они не знаютъ ни законнаго брака, ни правъ гражданскихъ.

Замѣтимъ, что сіе презрительное племя вообще живетъ въ Европѣ подъ тѣми-же гражданскими условіями, какъ Негры въ Америкѣ. Цыганъ Валахіи и Молдавіи есть рабъ, котораго можете купить и располагать имъ по волѣ. Часть Цыгановъ, простирающаяся до 80,000 душъ, принадлежитъ однакожъ Правительству, и пользуется, въ нѣкоторомъ отношеніи, свободою, потому, что Правительство не можетъ дать имъ работы. Каждый мущина, достигшій пятнадцати лѣтъ, платитъ подать. Цыганы отправляютъ самыя гнусныя ремесла, или достаютъ себѣ пропитаніе у дверей трактировъ и у Бояръ, забавляя несносною игрою на грубыхъ инструментахъ. Невольники частныхъ людей заняты домашними работами, или воздѣлываніемъ винограда. Господа не имѣютъ права наказывать смертію, но за

то свободно и часто подвергаютъ ихъ палочнымъ ударамъ. Изъ Цыгановъ выбираютъ палачей, и это единственная услуга, которую они оказываютъ обществу, въ награду за свою разбойничью жизнь.

Климатъ въ Молдавіи и Валахіи вѣсьма непостояненъ. Часто сѣверо-восточный вѣтръ, приносящій жестокій холодъ, въ большіе жары заставляетъ жителей надѣвать шубы. Теплое дуновеніе южнаго вѣтра рѣдко обвѣваетъ сіи страны; близость Балканскихъ горъ и Чернаго моря почти всегда ощутительна. Лѣтомъ часто свирѣпствуютъ ужасныя бури. Зима бываетъ продолжительная и холодная: отъ Декабря до Февраля земля покрыта снѣгомъ и льдомъ; всѣ рѣки замерзаютъ; самый Дунай, не смотря на широту и быстрину своего теченія, замерзаетъ до такой степени, что можно вести по немъ самую тяжелую артиллерію.

Легко угадать, что въ сихъ странахъ, угнѣтаемыхъ рабствомъ, города столь-же бѣдны, какъ и народъ. Бухарестъ, столица Валахіи, населенный 80,000 душъ, заключаетъ въ себѣ 366 церквей и 20 монастырей. Четыре вѣка назадъ, онъ былъ деревнею, принадлежавшею одному частному человѣку. Въ 1688 г. Бухарестъ сдѣланъ мѣстопребываніемъ Правительства, и выборъ сей столицы оправдывается удобностію сообщенія съ Турціею. Улицы Бухареста, и другихъ городовъ Валахіи, вымощены, или, лучше сказать, набросаны

неотесанными брусьями, положенными съ одной стороны улицы на другую. Небреженіе о поправкѣ сей мостовой производитъ на ней выбои, которые дѣлаютъ ее почти непроходимою. Пыльныя лѣтомъ, грязныя, шопкія зимою, улицы Волошскихъ городовъ почти неприступны для пѣшеходцовъ и опасны для ѣзды. Лѣтомъ испаряютъ онѣ вредныя влажности, которыя производятъ заразу. Природные жители, въ извиненіе своей безпечности, заставившей ихъ выбрать столь неудобный способъ мощенія, утверждаютъ, что почва слишкомъ мягка и не можетъ выдержать каменной мостовой; между тѣмъ, передъ глазами ихъ великолѣпныя дороги Римлянъ; но аристократы тамошніе слишкомъ лѣнивы, а Господари слишкомъ трусливы, и не хотятъ заняться подобными работами.

Яссы, столица Молдавіи, гораздо менѣе, но несравненно красивѣе Бухареста; здѣсь множество домовъ, построенныхъ иностранными купцами. Число жителей простирается до 40,000. Дворецъ Господаря заключаетъ въ своей оградѣ рядъ дворовъ и садовъ, сдѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ и обитаемыхъ множествомъ слугъ Господаря.

Здѣсь царство лѣни и невѣжества. Бояре не читаютъ, священники не умѣютъ читать, а крестьяне и не знаютъ, что̀ такое чтеніе.

Исторія Молдавіи и Валахіи, въ древнія вре-

мена, существенно соединялась съ исторіею Римской имперіи. Трансильванія, Темисваръ, Валахія и Молдавія составляли нѣкогда *Дакію*. Жители ея вели свое происхожденіе отъ Скиѳскаго поколѣнія, извѣстнаго Грекамъ подъ родовымъ именемъ *Ѳракіянъ*. Подобно всѣмъ народамъ Сѣвера, они были неустрашимы и почитали смерть на полѣ битвы залогомъ счастія въ будущей жизни.

Въ царствованіе Августа, Римляне въ первый разъ перешли черезъ Дунай. Они встрѣтили въ Дакахъ страшныхъ враговъ, предводимыхъ храбрымъ Беребестомъ; но дисциплина дѣлала Римлянъ непобѣдимыми. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, они овладѣли Дакіею и, слѣдуя обычаю завоевателей, встрѣчающихъ сильное сопротивленіе, раздѣлили ее на четыре или пять областей. По прошествіи одного столѣтія явился у Даковъ Децебалъ, одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые рѣшаютъ судьбы народовъ. Въ 87 году отъ Р. Х., онъ произвелъ въ Дакіи сильное возмущеніе и дерзнулъ противостать Римлянамъ. Самъ Домиціанъ отправился противъ него; но видя намѣренія свои разрушенными неудобопроходимостію земли и храбростію жителей, принужденъ былъ вступить съ Децебаломъ въ переговоры и помириться на условіи: платить ежегодно извѣстную сумму денегъ, которую Римляне называли *жалованьемъ*, а Даки *данью*. Траянъ устыдился такого догово-

ра съ варварами, и въ 102 году отказался отъ дани. Даки перешли Дунай и опустошили Римскія области. Траянъ направилъ противъ нихъ всѣ свои силы, прогналъ ихъ на лѣвый берегъ Дуная и, послѣ многихъ сильныхъ сраженій, принудилъ Децебала объявишь себя данникомъ Рима.

Въ послѣдствіи, по смерти Децебала, Дакія сдѣлалась областью Римской Имперіи. Римляне завели въ ней колоніи, поставили Пропретора, проложили дороги, построили города.

Въ 1391 году, Молдавія и Валахія въ первый разъ узнали Турецкій мечъ, по случаю вторженія воеводы Мирцы, въ сосѣднюю область, находившуюся подъ владѣніемъ Баязета. Султанъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ, отправился противъ дерзкаго зачинщика, разбилъ его, и належилъ подать, съ признаніемъ обѣихъ областей подвластными Турціи. Молдавія и Валахія были театромъ множества возмущеній до 1460 г. Въ сіе время, Магаммедъ II, возвратясь изъ похода въ Архипелагъ, явился для наказанія бунтовщиковъ. Договоръ, на которомъ братъ воеводы Оракула получилъ власть, служитъ донынѣ основаніемъ Волошской конституціи.

Обряды возведенія Господарей, ихъ Дворъ и система управленія установлены Турками. Назначеніе ихъ производится въ Константинополѣ, съ церемоніями, употребляемыми при назначеніи Визирей и Пашей. Муззуръ-Ага надѣваетъ имъ на

голову *кукку*, плюмажъ, отличительный знакъ начальства, а Великій Визирь почетную шубу. Предшествуемые военною музыкою, они представляются Султану на публичной аудіенціи. Изъ Сераля, новый Господарь идетъ въ Греческую церковь, гдѣ Патріархъ совершаетъ его возведеніе, со всѣми обрядами, употреблявшимися прежде при короноваціи Восточныхъ Императоровъ. Сопровождаемый Турецкими сановниками, Господарь торжественно въѣзжаетъ въ столицу княжества, со всею восточною пышностію, посреди Бояръ и высшаго Духовенства. Совѣтъ Господаря носитъ имя Дивана.

Съ 1710 года начались близкія сношенія Россіи съ обоими княжествами. Петръ Великій положилъ тогда основаніе великой монархіи, шедшей послѣ него исполинскими шагами, въ Европѣ и Азіи. Порта, въ 1695 году поколебавшая первенство Австріи, едва положила оружіе послѣ Карловицкаго пракшапа, какъ Царь возымѣлъ намѣреніе напасть на самую Турцію.

Турція была въ то время одною изъ сильнѣйшихъ военныхъ державъ Европы. При извѣстіи о вторженіи Рускихъ, 200,000 войска отправилось въ походъ. Царь вступилъ въ Молдавію, въ 1711 году, и остановился въ столицѣ сего княжества, ожидая припасовъ и войска, которыя обѣщалъ ему Бранкованъ, Волошскій Господарь. Неисполненіе обѣщанія довело Царя до самаго за-

трудительнаго положенія. Онъ скоро увидѣлъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Турками и, доказавъ умъ и мужество, которые ознаменовывали его характеръ, былъ принужденъ вступить въ переговоры объ отступленіи. Къ счастію Россіи, множество обстоятельствъ заставило Турковъ упустить благопріятнѣйшій случай къ уничтоженію въ самой колыбели могущества Русской арміи. Окончаніе исторіи Бранкована представляетъ истинную картину Оттоманской политики. Желая умягчить сомнѣнія Султана и его придворныхъ, онъ послалъ въ Константинополь значительныя суммы денегъ: въ Турціи это самое дѣйствительное средство отвращать наказаніе. Къ несчастію, страхъ сдѣлалъ Бранкована слишкомъ щедрымъ. Порта, примѣтивъ, что онъ нажилъ большое богатство, захотѣла овладѣть всѣми его сокровищами. Въ 1714 году Капиджи-Паша прибылъ въ Бухарестъ. Онъ написалъ Князю, что отправляется въ одну изъ пограничныхъ крѣпостей, и что предваритьльно хочетъ посѣтить его. Это посѣщеніе было смертный приговоръ. Капиджи-Паша вступилъ въ аудіенцъ-залу, и когда Князь вставалъ съ своего мѣста, чтобы принять его, Капиджи приближился и накинулъ на плеча Князя черную шаль, знакъ отрѣшенія отъ должности государственныхъ сановниковъ. Въ бѣшенствѣ, Бранкованъ началъ упрекать Султана за неблагодарность и вѣроломство; но онъ находился

во власти клевретовъ, которые никогда не упускаютъ своей добычи. Его задержали, описали всѣ его сокровища; фирманъ, прочитанный въ полномъ Диванѣ, объявлялъ его отрѣшеніе, и повелѣвалъ ему отправиться немедленно въ Константинополь, со всѣмъ своимъ семействомъ. Жители Бухареста, исполненные ужаса, ни мало не сопротивлялись, и несчастный Бранкованъ былъ взятъ и перевезенъ за Дунай. По прибытіи въ Константинополь, онъ былъ заключенъ въ Семибашенную крѣпость, страшное убѣжище всѣхъ падшихъ Музульманскихъ вельможъ. Сокровища Князя оказались гораздо меньше безразсудныхъ предположеній Султанскаго Дивана. Дабы открыть тайныя богатства Господаря, въ продолженіе трехъ дней сряду, предавали пыткѣ четырехъ дѣтей его въ глазахъ отца...

Когда сія ужасная сцена приближилась къ своему окончанію, Султанъ повелѣлъ отрубить всѣмъ имъ головы. Они были отведены въ одинъ изъ дворовъ Сераля. Султанъ находился у окна, окруженный важнѣйшими чиновниками; Бранкована прочли обвинительный актъ, припоминая его прежнія сношенія съ Австріею, тайный договоръ съ Русскимъ Царемъ, и все, что Бранкованъ почиталъ забытымъ, но что никогда не изглаживается изъ неумолимой памяти Турковъ. Четыре сына были потомъ обезглавлены въ присутствіи отца; онъ умерщвленъ послѣдній. Головы ихъ возили по

улицамъ столицы на пикахъ, а шѣла бросили въ море.

Непрестанно возрастающая слабость Турціи привлекла въ 1775 году снова Русскія войска, и, какъ мы уже сказали, Кайнарджинскій трактатъ далъ Россіи право участвовать въ назначеніи Господарей. Довольно любопытно замѣтить, что Валахія и Молдавія, сіи раззоренныя и несчастныя области, были первымъ мѣстомъ возстанія Грековъ. Здѣсь возвѣялись въ 1820 году хоругви Ипсиланти и Іордани.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Напрасно говорятъ, что съ *того свѣта* не бываетъ вѣстей. Если сообразить все, что донынѣ написано и разсказано было о людяхъ, не умолкнувшихъ со смертію, начиная съ повѣствованій Цицерона и до тѣхъ, самыхъ вѣрныхъ и правдивыхъ повѣствованій, которыя безпрестанно слышимъ мы въ свѣтѣ, то надобно согласиться, что у насъ не мало уже матеріяловъ, для составленія психографіи мертвецовъ. Сколько людей возвращалось къ своимъ пріятелямъ и роднымъ говорить, разсказывать, пугать ихъ! До сихъ поръ мертвецы играли у насъ, правду сказать, странныя роли. Люди, совсѣмъ не охотники до шутокъ за живо, по смерти прячутся въ сѣняхъ, баняхъ,

погребахъ, корридорахъ, любятъ ночь, темноту, приходятъ въ потемкахъ и спрашаютъ съ просонковъ. Мы давно знаемъ, что мертвые охаютъ, кричатъ, стонутъ, говорятъ; но кажется еще не слышно было, что мертвецы могутъ стрѣлять, апплодировать, играть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ? Разскажемъ читателямъ анекдотъ, самый странный, самый непонятный, и предоставимъ кому угодно разбирать истину въ темномъ дѣлѣ. Мы нашли этотъ анекдотъ въ Запискахъ Маркграфини Аншпахской, которыя недавно изданы въ Лондонѣ, и въ которыхъ весьма много любопытнаго. Надобно знать, что Маркграфиня Аншпахская была та самая Милади Кравенъ, которая при Императрицѣ Екатеринѣ пріѣзжала въ Россію, путешествовала въ Константинополь и славилась по Европѣ своею красотою, умомъ, любезностію. Она, послѣ смерти Лорда Кравена, вышла за Маркграфа Аншпахскаго, который впослѣдствіи отказался отъ своего маркграфства и умеръ въ Англіи, будучи просто богатымъ помѣщикомъ.

Маркграфиня увѣряетъ, что анекдотъ, который хотимъ мы разсказать, не подверженъ никакому сомнѣнію; что цѣлый Парижъ говорилъ объ немъ въ свое время; что множество достовѣрныхъ людей было его свидѣтелями, и даже, что тогдашнему Правительству оффиціяльно извѣстны были всѣ подробности.

Дѣвица Клеронъ также славилась нѣкогда въ Парижѣ своею красотою, талантомъ и любезностью, какъ нынѣ дѣвица Марсъ. Она являлась въ театръ царицею, выходила на сцену при плескахъ и восторгахъ, и кокетство приковывало къ торжественной ея колесницѣ всю Парижскую знать и иностранцовъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ, съ средствами жить весело.

Въ толпѣ молодыхъ шалуновъ и старыхъ волокитъ, окружавшихъ дѣвицу Клеронъ, всегда бывало нѣсколько людей добрыхъ и чувствительныхъ, привлеченныхъ къ ней истинно-сердечною привязанностью. Къ такимъ людямъ принадлежалъ Г-нъ С. . ., сынъ Бретанскаго купца, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, пріятной наружности, хорошо воспитанный, но скромный, стыдливый и несмѣлый. Не смотря на то, онъ обратилъ на себя вниманіе дѣвицы Клеронъ, и она позволила ему посѣщать себя, предложила, какъ сама говаривала, свою дружбу. С. . . надѣялся, что время и постоянство его страсти будутъ причиною перемѣны дружбы на чувство болѣе сильное.

Дни уходили за днями, и дѣла Г-на С. . . приняли весьма невыгодный оборотъ. Обыкновенно задумчивый, С. ., сдѣлался еще мрачнѣе: свѣтъ ему опостылѣлъ; онъ посѣщалъ только одну дѣвицу Клеронъ и хотѣлъ склонить ее отказаться отъ общества всѣхъ своихъ соперниковъ. Клеронъ не могла согласиться на такое желаніе, увидѣла не-

обходимость разрушить утѣшительныя надежды, какими льстилъ себя ея обожатель, и — отказала ему отъ своего дома. Несчастный занемогъ; постоянные отказы усугубили болѣзнь его. Письма и посѣщенія упрямо были отвергнуты, и наконецъ горесть свела его въ могилу. Въ послѣднія минуты жизни С. . . умолялъ дѣвицу Клеронъ позволить взглянуть на себя еще разъ; обстоятельства, не зависѣвшія отъ ея воли, воспрепятствовали ей исполнить просьбу. С. . . скончался въ квартирѣ своей, бывшей въ Антенской улицѣ. Онъ умеръ на рукахъ служителей и одной пожилой женщины, которая не покидала его во все время продолжительной болѣзни.

Клеронъ жила тогда въ улицѣ Бюсси, близь улицы Сенской и Сенъ-Жерменскаго Аббатства. Въ самый день смерти Г-на С..., мать дѣвицы Клеронъ и нѣсколько друзей остались у нее ужинать. Ужинъ кончился; Клеронъ пропѣла забавный романсъ; всѣ были веселы. Вдругъ пробило одиннадцать часовъ, и по всему дому раздался пронзительный вопль; унылые переливы его и продолжительность изумили гостей. Дѣвицѣ Клеронъ сдѣлалось дурно; около четверти часа была она безъ памяти. Когда она пришла въ себя, всѣ стали смѣяться, говоря, что сигналы ея свиданій слишкомъ шумны; но блѣдность лица и трепетаніе членовъ ея прекратили насмѣшки, и показали, что Клеронъ сама не знала причины страннаго явленія. Она

просила нѣсколькихъ женщинъ, тогда у нее бывшихъ, провесть ночь вмѣстѣ съ нею. Долго разсуждали о странномъ воплѣ, и рѣшились поставить на улицѣ сторожей, которые могли-бы замѣтить, въ случаѣ, если онъ опять возобновится, откуда и какъ онъ происходитъ. Ночь прошла тихо и безъ дальнѣйшихъ приключеній.

На другой день, въ 11 часовъ тоже явленіе; на третій опять тоже, и ужасъ дѣвицы Клеронъ былъ всегда одинаковъ. Друзья ея, сосѣди, даже полицейскіе служители, слышали этотъ вопль, всегда въ одинакій часъ, всегда подъ ея окнами: онъ, казалось, раждался въ пустотѣ воздушной. Клеронъ убѣдилась наконецъ, что вопль относится прямо къ ней. Рѣдко ужинала она въ гостяхъ; но если это случалось, то подлѣ ея дома не слышно было ничего; но вопль раздавался тамъ, гдѣ была она, и иногда въ 11 часовъ, возвращаясь домой, она слыхала его среди улицы. Весь Парижъ зналъ объ этомъ таинственномъ приключеніи: оно сдѣлалось предметомъ всѣхъ разговоровъ. Наконецъ, вопль прекратился; нѣсколько мѣсяцовъ его не было слышно, и Клеронъ думала, что все кончилось; но она обманулась.

Когда, по случаю бракосочетанія Дофина, придворные актеры и актрисы перевезены были въ Версалъ, дѣвица Клеронъ должна была прожить тамъ три дня съ своими товарищами. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ забыли нанять кварширы; въ

томъ числѣ была актриса Гранваль. Она пріѣхала въ Версаль, дожидалась до трехъ часовъ утра, и наконецъ Клеронъ предложила ей свою комнату, въ предмѣстіи Сен-Клу; Гранваль согласилась, и спѣшила лечь спать; Клеронъ дожидалась только своей горничной, раздѣвалась и сказала шутя: «Мы на концѣ вселенной; погода ужасная; вопль съ трудомъ достигъ-бы до насъ здѣсь.» Въ тоже мгновеніе вопль раздался ужаснымъ образомъ! Гранваль испугалась, въ одной рубашкѣ побѣжала въ нижній этажъ, и всю ночь никто не смыкалъ глазъ въ цѣломъ домѣ.

Семь или восемь дней спустя, Клеронъ была въ обыкновенномъ своемъ обществѣ; пробило одиннадцать часовъ, и вдругъ у одного изъ ея оконъ раздался сильный ударъ, какъ будто кто нибудь выстрѣлилъ изъ ружья. Всѣ слышали звукъ, всѣ видѣли огонь, но окно уцѣлѣло. Друзья дѣвицы Клеронъ, и сама она, думали, что кто-нибудь покушался на ея жизнь, что выстрѣлъ не попалъ, и что впередъ надобно взять предосторожность. Одинъ изъ знакомыхъ Клеронъ побѣжалъ къ полицейскому чиновнику. Приказано осмотрѣть сосѣдніе домы: ничего и нигдѣ не нашли. На другой день въ улицѣ былъ поставленъ дозоръ. Выстрѣлъ опять раздался въ 11 часовъ, и въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ былъ всегда слышимъ противъ одного и того-же окна, всегда въ одно и тоже стекло, и никто и никогда не могъ разтолковать причины.

Это событіе записано въ Парижскихъ полицейскихъ книгахъ.

Клеронъ мало по малу привыкала къ явленію столь необыкновенному. Въ одинъ вечеръ, весьма жаркій, она открыла окно, вышла на балконъ съ гостями и забыла посмотрѣть на часы. Бьетъ одиннадцать; выстрѣлъ гремитъ и—всѣ падаютъ за мертво. Какая-то необыкновенная сила бросила всѣхъ находившихся на балконѣ въ комнату. На другой день, дѣвица Дюменіль пригласила Клеронъ на вечеринку, которую давала въ своемъ домѣ у Бѣлой заставы; Клеронъ, въ одиннадцать часовъ, отправилась съ своею горничною, въ фіакрѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко; онѣ ѣхали по бульварамъ. «Не здѣсь-ли умеръ Г-нъ С. . .? «—спросила служанка, поравнявшись съ бывшею квартирою его.—Кажется, здѣсь, отвѣчала Клеронъ. — Въ ту-же минуту раздался выстрѣлъ, пролетѣлъ сквозь карету; кучеръ, думая, что напали разбойники, ударилъ по лошадямъ и опрометью поскакалъ. Пріѣхавъ къ Дюменіль, Клеронъ едва пришла въ себя; но это былъ послѣдній ударъ.

Выстрѣлы прекратились; ихъ замѣнили рукоплесканія, мѣрныя и громкія. Этотъ шумъ, къ которому публика приучила дѣвицу Клеронъ, не дѣлалъ на нее сильнаго впечатлѣнія; но друзья не переставали о ней безпокоиться. Они стали подстерегать; рукоплесканія обыкновенно были слышны въ одиннадцать часовъ и, казалось, проис-

ходили подъ окнами комнаты; но никого не было видно, и всѣ заключили, что это слѣдствіе прежнихъ звуковъ. Гармоническіе тоны смѣнили рукоплесканія: казалось, будто небесный голосъ напѣвалъ сладкіе гимны. Звуки сіи начинались на перекресткѣ Бюсси, и умолкали у дверей дома Клеронъ. Ходили, слушали, смотрѣли и не видали ничего. Наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ съ половиною, все прекратилось.

Домъ, гдѣ жила Клеронъ, былъ слишкомъ шуменъ. Тишина была необходима для ея занятій, и она наняла другой домъ, въ улицѣ Де-Маре. Хотя новый домъ казался малъ и тѣсенъ, но Расинъ жилъ въ немъ, со всѣмъ своимъ семействомъ; тамъ сочинялъ онъ безсмертныя творенія свои, тамъ онъ скончался; нѣжная Лекуврёръ занимала также сію квартиру, и въ ней кончила дни свои.

Не задолго до того времени, какъ дѣвица Клеронъ оставила прежнее свое жилище, сказали ей, что пожилая дама желаетъ видѣть ея комнаты. Она всегда уважала старость, и долгомъ почла встрѣтить даму. Невольное чувство заставило ее внимательно смотрѣть на незнакомку, и она удивилась, когда замѣтила, что незнакомка также, молчаливо и внимательно, на нее смотритъ. Клеронъ просила незнакомую даму сѣсть. Наконецъ, дама начала говорить. Она сказала дѣвицѣ Клеронъ, что уже давно хотѣла съ нею познакомиться; но, не зная никого изъ людей, имѣю-

щихъ счастіе видѣть дѣвицу Клеронъ, рѣшилась явиться къ ней, подъ предлогомъ наемки комнатъ. «Мнѣ хочется знать,» сказала она, «таковы-ли мѣста сіи, какими мнѣ ихъ описали; хочу слѣдовать за моимъ несчастнымъ другомъ въ его надеждахъ и отчаяніи...» — Мнѣ кажется, отвѣчала ей Клеронъ, что смятеніе, въ которомъ вы видите меня, и которое увеличивается съ каждымъ вашимъ словомъ, налагаетъ на васъ обязанность сказать мнѣ: кто вы таковы, о комъ говорите, и чего вы отъ меня требуете? Я не соглашусь быть ни чьей игрушкой, ни жертвой: говорите, или я васъ оставляю!

«Я была лучшимъ другомъ Г-на С...,» отвѣчала незнакомка, «единственнымъ существомъ, съ «которымъ онъ видался въ послѣднее время своей «жизни: мы проводили вмѣстѣ всѣ дни, всѣ часы, «разговаривая о васъ, иногда видя въ васъ анге«ла, иногда злаго духа, его терзавшаго. Я совѣ«товала Г-ну С... забыть васъ: онъ клял«ся, что будетъ любить за предѣлами сама«го гроба. Слезы ваши позволяютъ мнѣ спро«сить: за чѣмъ вы сдѣлали его столь несчаст«нымъ, и какъ, съ душою нѣжною и чувстви«тельною, могли вы отказать несчастному въ «утѣшеніи говорить съ вами, видѣться еще «разъ, въ послѣднія минуты его жизни?» — Сердцемъ не льзя повелѣвать. Г-нъ С... былъ человѣкъ достойный, имѣлъ много прекрасныхъ ка-

чествъ; но его характеръ, мрачный, унылый, самовластный, заставлялъ меня равно бояться его общества, дружбы и любви. Мнѣ не льзя было сдѣлать его счастливымъ: надобно было разспаться съ людьми, даже отказаться отъ моего шаланпа. Я слишкомъ горда; хочу всѣмъ быть обязанною только одной себѣ. Дружба къ нему заставила меня испытать всѣ средства привесши его къ чувствамъ болѣе тихимъ и умѣреннымъ; не вдаваясь въ крайности, увѣренная, что упрямство его не столько происходитъ отъ сильной страсти, сколько отъ несговорчиваго нрава, я твердо рѣшилась и сдержала свое обѣщаніе, отказаться отъ него совершенно. Я не хотѣла видѣть его въ послѣднія минуты: это зрѣлище разтерзало-бы мое сердце; я боялась показаться слишкомъ жестокою, отказавъ въ томъ, чего могли отъ меня требовать, и слишкомъ злополучною, если-бы удовлетворила желанію. Вотъ причины моего поведенія; смѣю думать, что оно не навлечетъ мнѣ порицанія. — «Осуждать васъ, «было-бы несправедливо,» сказала печально незнакомка. «Но могу ручаться, что душа Г-на С... «была проникнута добротою; страсть надъ «нимъ господствовала, и вашъ послѣдній отказъ «ускорилъ послѣднія его минуты. Онъ считалъ «всѣ мгновенія, когда вдругъ, въ десять часовъ «съ половиною, вошелъ слуга и объявилъ, что «вы рѣшительно не хотите видѣть его. Послѣ

«крашкаго молчанія, несчастный схватилъ руку «мою съ отчаяніемъ, которое меня испугало: «*Жестокая*! . . . *она ничего не выиграетъ*; «*по смерти я, также буду преслѣдовать* «*ее, какъ преслѣдовалъ во время жизни*! — «Я хотѣла успокоить его, но онъ уже скон- «чался. . . »

(Съ Франц.).

Le siège de Corinthe *(Осада Коринѳа)*. Партитура оркестра. Соч. I. Россини.

(Окончаніе).

Извѣстно, что Глюкъ былъ прозаикъ въ музыкѣ. Грубая, Тевтонская природа дѣлала его почти нечувствительнымъ къ таинственному очарованію, къ мелодической сообразности, и ко всѣмъ частямъ музыки, предназначеннымъ для обольщенія слуха, частямъ, которыя можно назвать музыкальною версификаціею. Но съ другой стороны, умъ Глюка былъ систематическій, и предавшись Сюару и нѣкоторымъ другимъ *Антибуффонскимъ* писателямъ, онъ выдумалъ и исполнилъ съ непзмѣнною суровостію несчастный свой проэктъ: сдѣлать изъ музыки ноmную декламацію. Угождая своимъ пріятелямъ-литтераторамъ, онъ отказался отъ всѣхъ правъ музыканта, и рѣшился униженно слѣдовать за словами и слогами, не принимая никакого другаго руководителя для образованія мелодіи, кромѣ

акцентуаціи словъ. Гибельная система эта на 50 лѣтъ согнала съ великолѣпной сцены нашей мелодію. Но Глюкъ былъ Нѣмецъ, воспитанный при шумѣ аккордовъ Баха и Генделя; слухъ его почиталъ необходимостью сложные эффекты, столкновеніе диссонансовъ, и потому съ гармоніею поступилъ онъ совсѣмъ иначе, нежели съ мелодіею. Не подвергая ее униженно въ услугу драмы, онъ сдѣлалъ изъ нее, такъ сказать, отдѣльную драму (*), и требовалъ отъ нее отдѣльныхъ и независимыхъ эффектовъ. Такимъ образомъ, не льзя не сказать, что своимъ оркестромъ и своими хорами Глюкъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ музыкальномъ искусствѣ. Онъ былъ Галуппи лирической трагедіи; но важнѣйшее достоинство его состояло, можетъ быть, въ томъ вліяніи, какое оказалъ онъ на самыхъ музыкантовъ, и вообще на театральное исполненіе. Пріѣхавъ въ Парижъ, Глюкъ нашелъ въ Королевской Оперѣ самый жалкій изъ всѣхъ Европейскихъ оркестровъ.

(*) Когда Орестъ, въ операхъ: *Ифигенія въ Тавридѣ*, произноситъ сіи слова: *Le calme rentre dans mon ame*, ему аккомпанируетъ музыка мрачная и строптивая. Объ этомъ замѣтили Глюку: «Да за чѣмъ-же вы слушаете Ореста?» вскричалъ онъ съ досадою; «если Орестъ и говоритъ вамъ, что онъ спокоенъ — онъ вретъ!» Со временъ Глюка, или, лучше сказать, со временъ Галуппи, оркестръ почти всегда играетъ у насъ ту-же роль, какую занимали у древнихъ корифеи. Онъ составляетъ безпрерывныя *à parte* для слушателей.

Скрыпачи играли зимою въ перчаткахъ и знали тактъ только по стуку тяжелой палки, сшоль гибельной для Люлли (*). Пѣвцы на сценѣ не могли пропѣть трехъ нотъ сряду, безъ того, чтобы не стучать руками и не дѣлать, что называли они *cadence perlée*, а хоры кричали, какъ слѣпые нищіе на площади. Глюкъ, столь-же отважный, какъ Россини въ наше время, безъ пощады напалъ на всѣ злоупотребленія и предпринялъ рѣшительное преобразованіе. Репетиціи оперы его: Ифигенія, продолжались цѣлый годъ; но послѣ такого продолжительнаго урока все измѣнилось: голоса установились; громы хористовъ замолкли; скрыпки не только знали кадансъ, но безъ дальнѣйшихъ усилій и кривляній играли на самой высокой аппликатурѣ. Одинъ разъ былъ данъ сильной толчекъ, и быстрота успѣховъ сдѣлалась необыкновенною: въ немного лѣтъ образовались во Франціи великіе скрыпачи. Примѣръ Віотти скоро явилъ Бертомовъ (Bertheaume), Жервеевъ, Фодоровъ; флейта, волторна, гобой приобрѣли виртуозовъ, словомъ: инструментальная музыка, съ того времени, нашла во Франціи, какъ равно и въ Германіи, достойныхъ исполнителей; ничто не препятствовало уже въ обѣихъ

(*) Не зная, какъ показать тактъ скрыпачамъ Людовика XIV, Люлли рѣшился вооружиться длиннымъ и толстымъ шестомъ. Такою палкою колачивалъ онъ изъ всей силы въ полъ оркестра; но однажды промахнулся, и такъ сильно ударилъ себя по ногѣ, что нога разболѣлась; бѣдный Люлли умеръ — жертвою своей дубины.

земляхъ полному развитію гармоніи и той обширной сложности, о которой мечталъ геній Дуранте еще въ началѣ XVIII вѣка, и которую геній Гайдена начиналъ осуществлять.

Ссора *Глюкистовъ* и *Пиччинистовъ* начинала утихать. Въ другой разъ, въ теченіе 30 лѣтъ, пролиты были рѣки чернилъ и даже нѣсколько капель крови въ честь музыки. Побѣда, долгое время колебавшаяся, осталась, чего и должно было ожидать, на сторонѣ болѣе гармоническаго изъ двухъ соперниковъ, когда вздумали въ Парижѣ дать одно изъ важнѣйшихъ твореній Гайдена (*). Негодованіе было всеобщее. Всѣ партіи согласно кричали о варварствѣ; дамамъ дѣлалось дурно отъ грубости новыхъ диссонансовъ, и самые рѣшительные Глюкисты затыкали себѣ уши. Дѣйствительно: скачекъ былъ великъ и переходъ не приготовленъ. Рѣка Сѣверной музыки хлынула вдругъ черезъ плотину; вся гармонія, въ теченіе полувѣка собиравшаяся въ головахъ Нѣмцовъ, съ излишествомъ расточена была Гайденомъ, въ аккордахъ смѣлыхъ и блестящихъ. Вскорѣ однакожь привыкли къ симъ необыкновеннымъ новостямъ, начали даже находить въ нихъ прелесть, когда человѣкъ, съ геніемъ еще болѣе богатымъ и сильнымъ, нежели Гайденовъ, явился и

(*) До того времени уже прошло около 30 лѣтъ, какъ Гайденъ сочинялъ музыку, но и въ самой Германіи до 1780 г. мало знали великія произведенія сего композитёра, который жилъ и сочинялъ при маленькомъ Дворѣ одного богатаго помѣщика Нѣмецкаго, Князя Эстергази.

возбудилъ двоякое удивленіе, своею системою инструментовки, необыкновенно-усовершенствованной, обиліемъ роскоши въ акомпаньеманахъ, совершенно новымъ познаніемъ театральной музыки и, неизвѣстными до того времени, приложеніями средствъ гармоніи къ драматическимъ эффектамъ. Нужно-ли сказывать, что сей геній, или лучше сказать, сей богъ музыки былъ—*Моцартъ*.

Можно укорить Моцарта только въ одномъ: онъ родился слишкомъ рано. Полвѣка спустя, явись Моцартъ, онъ нашелъ-бы музыкальный міръ, готовый къ его принятію, не зналъ-бы горестнаго чувства, что генія его не понимаютъ современники, и музыка не была-бы такъ поспѣшно доведена до послѣднихъ границъ ея развитія. За чѣмъ не слѣдовала музыка тихо по своему поприщу! За чѣмъ истощила она такъ быстро всѣ свои пособія! Мы не были-бы принуждены теперь искать новыхъ средствъ для возвращенія ей силъ юности. Но революціи, хотя и увѣряютъ насъ, что ходъ ихъ всегда бываетъ постепенный и правильный, часто созрѣваютъ преждевременно: для сего довольно явиться одному изъ тѣхъ людей, рановременный геній коихъ не можетъ удовлетворить себя иначе, какъ исполнивъ въ нѣсколько лѣтъ дѣло цѣлаго столѣтія, съ печальнымъ условіемъ, что современники не поймутъ его: таковъ былъ и Моцартъ. Правда: его глубокая, обуреваемая страстями душа, умѣла полною рукою разбрасывать на музыку пѣсни легкія, пріятныя, способныя къ понятію каждаго; его утѣшало иногда удивленіе слушателей. Но никто не умѣлъ оцѣнить чудесныхъ драматическихъ кра-

сотъ Моцарта, ни нововведеній въ гармонію, ни кто, можетъ быть, кромѣ Гайдена, непонималъ Моцарта вполнѣ. Уже въ 1812 году, черезъ 20 лѣтъ послѣ его смерти, только въ одной Германіи начали достойно торжествовать славу Моцарта. Но и тутъ, кажется, вмѣшивалась болѣе народная гордость; Франція изъявляла безспорное удивленіе къ его генію; но Италія, гдѣ чувства не такъ легко повинуются вѣжливости, откровенно признавалась, что Донъ Жуанъ Моцартовъ кажется ей непонятною чепухою. Сердечно преданная обожанію мелодіи, со временъ Галуппи и его секты, зная по слабымъ, такъ сказать, отблескамъ, новые успѣхи гармоніи, какъ могла она понимать Моцарта? Этотъ Нѣмецъ говорилъ языкомъ чуждымъ Италіянцу.

Но тайна сего языка не осталась для всѣхъ Итальянцовъ тайною. Юноша, по странной случайности, достоиной замѣчанія, родившійся въ годъ смерти Моцартовой, не смотря на молодость свою, позналъ всѣ скрытныя красоты музыки: это былъ *Россини*. Тщетно нѣсколько пріятныхъ пѣсенокъ, нѣсколько оригинальныхъ, исполненныхъ сладостной мелодіи, мотивовъ, обѣщали въ семъ возраждавшемся талантѣ скромнаго послѣдователя Паэзіелло и Чимарозѣ. Едва узналъ Россини состояніе Европейской музыки, какъ почувствовалъ, что надобно отказаться отъ наслѣдства старыхъ лебедей Авзоніи, и что для блестящей славы была одна дорога — *сдѣлаться Итальянскимъ Моцартомъ*. Дѣйствительно: даже между его соотечественниками, сей новый путь не могъ на долгое время остаться въ забвеніи и не быть путемъ успѣховъ. Любовь къ чистой мелодіи

становилась уже преданіемъ, классическимъ предразсудкомъ. Особенно новое поколѣніе Итальянцовъ показывало наклонность ко вкусу болѣе утонченному: десять лѣтъ войны, стукъ барабановъ, громъ пушекъ, приготовили уши Итальянцовъ къ потрясеніямъ гармоническимъ; оставалось рѣшиться и кончить революцію, само по себѣ уже начавшуюся. Но какъ исполнить такое смѣлое предпріятіе? Какъ замѣнить тихую сладостную нѣгу сильнымъ, быстрымъ движеніемъ? Всякій другой, кромѣ Россини, началъ-бы по маленьку, смѣшанными опытами, пошелъ на цыпочкахъ. Выбирая изъ Моцарта, съ осторожною скромностію, можно-бъ было согласить удовольствіе публики и на шестдесятъ лѣтъ упрочить свою славу. Но геній нетерпѣливъ и честолюбивъ: онъ идетъ быстро, самою опасною дорогою. Россини думалъ, что быть изъяснителемъ Моцарта можно только однимъ образомъ—*идти далѣе его*. Моцартъ обѣжалъ по крайней мѣрѣ двадцать человѣкъ, которые, по обыкновенному порядку дѣлъ, должны были идти между имъ и его предшественниками. Россини, еще болѣе смѣлымъ прыжкомъ, опередилъ двадцать другихъ. Онъ началъ дѣйствовать по Наполеоновски: громадою собралъ онъ всѣ инструменты, какими могъ распоряжать, даже и тѣ, которые до него являлись только въ рядахъ солдатъ. Съ симъ страшнымъ войскомъ Россини полетѣлъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Можетъ быть удивятся, какъ могла быть столь удачною такая отважность? Въ самомъ дѣлѣ, если Моцарта едва поняли, какимъ образомъ Россини, вдвое болѣе смѣлый, нежели Моцартъ, былъ счастливѣе? Изъяснить

это легко. Во всемъ есть два рода артистовъ, и слѣдовательно, *два рода* ихъ и въ музыкѣ. Одни небрегутъ успѣхомъ и единственно хотятъ собственно своего уваженія; другіе хотятъ удивленія другихъ и прежде всего думаютъ объ успѣхѣ. Моцартъ былъ, можетъ быть, одинъ изъ самыхъ небрегущихъ объ успѣхѣ своемъ людей. Когда какое нибудь изъ его великихъ твореній принимали холодно, онъ сердился, запирался у себя, съ нѣсколькими музыкантами, заставлялъ играть для самаго себя, и если былъ самъ собою доволенъ, то ни чего болѣе не требовалъ и совершенно утѣшался. При томъ расположеніи духа, удивительно-ли, что ему рѣдко апплодировали? Напротивъ, Россини, совсѣмъ не тотъ человѣкъ, который для самаго себя сталъ-бы сочинять музыку. Внимательно устремивъ взоры на публику, онъ изучалъ вкусъ ея, повиновался ея впечатлѣніямъ. Публикѣ посвящалъ онъ вдохновенія своего генія, весело жертвовалъ ей всѣмъ, что не имѣло счастія нравиться, и тщательно обработывалъ то, что имѣло успѣхъ. Прибавьте, что одно изъ величайшихъ обольщеній въ музыкѣ — *ясность*. Россини, выше всякой мѣры, дѣлаетъ свою гармонію сложною; но идеи его всегда ясны, рисунокъ его простъ, вы всегда легко поймете его: это слогъ Вольтера; но Моцартъ, какъ и всѣ мечтательные характеры, иногда бываетъ теменъ. Онъ любитъ одѣвать свои идеи полусвѣтомъ, не для всякаго прозрачнымъ и не рѣдко, особливо съ перваго взгляда, кажущимся просто мрачностію. Наконецъ, красоты Моцарта остаются незамѣченными и по тому, что онъ не часто повторяетъ ихъ: онѣ из-

глаживаются одна другою, по мѣрѣ того, какъ летятъ передъ слушателями. Не имѣя другаго вождя, кромѣ живаго воображенія, безъ предварительной мысли объ успѣхѣ, сочиняя для самаго себя, Моцартъ никогда не думалъ повторять самаго себя. Отъ того, въ музыкѣ Моцарта безконечное разнообразіе: наслажденіе для тѣхъ, кто знаетъ его тайну, но оно кажется неопредѣленнымъ и смѣшаннымъ съ начала. Надобно-ли говорить здѣсь, что Россини не отваживался на подобную опасность? Только Нѣмцу можно быть столь просту, чтобы расточать геніяльныя сокровища, совершенно по пустому; сверхъ того, Россини, по инстинкту знающій средства успѣха, понялъ, какъ много выигрываетъ музыкальная фраза отъ повтореній. Какъ она ни будь ясна, но съ перваго удара, не проникнетъ въ душу. Передавая ее душѣ слушателя, надобно приспособить и приучить ухо его: такова прихоть сего не послушнаго органа человѣческаго. Замѣтьте-же, какъ Россини, всякій разъ, едва замѣтишь улыбку, при какомъ нибудь изобрѣтеніи своемъ, переводитъ намъ его на всѣ лады, такъ, что мы совершенно бываемъ проникнуты имъ, и оканчиваемъ тѣмъ, что оно дѣлается нашею потребностію, страстью, изступленіемъ. Отъ сего происходитъ у Россини обиліе кресчендо, тріолетовъ, тройныхъ тактъ, терційныхъ модуляцій, прикладныхъ акомпаньемановъ. Употреби Россини сіи средства два, три раза, нѣсколько человѣкъ почитали-бы ихъ прекрасными; но толпа публики даже и не замѣтила-бы ихъ. Но частое повтореніе принудило всѣхъ насъ знать имъ цѣну. И

никогда не измѣнялъ Россини своему образу дѣйствій; никогда, ни одно счастливое вдохновеніе не приходило къ нему безъ того, чтобы онъ немедленно не привелъ его въ систему и не обратилъ его, такъ сказать, въ самый вѣрный рецептъ нравиться и вырывать рукоплесканія.

Теперь, можетъ быть, понятно будетъ читателямъ, почему Россини, болѣе Моцарта сложный и шумный, былъ счастливѣе его, былъ лучше понятъ публикою. Легко отгадать, почему и осуждатели Россини, до нѣкоторой степени, имѣли право упрекать его, что онъ составляетъ музыку изъ матеріяльныхъ средствъ и практическихъ способовъ (procédés routiniers). На бѣду свою, объяснители захотѣли сами заняться музыкою, съ тѣми-же средствами. Но ихъ произведенія были жалкія рапсодіи, а это, кажется, доказало, что кромѣ средствъ матеріяльныхъ, опасный соперникъ ихъ употребляетъ еще нѣчто, чего имъ недостаетъ, т. е. что у него есть великій талантъ и даръ изобрѣтенія. Изъ того, что систематическое употребленіе нѣкоторыхъ практическихъ средствъ было для Россини поводомъ успѣховъ, не слѣдуетъ, что въ его музыкѣ ничего нѣтъ болѣе, и что тутъ весь источникъ красотъ ея. Потому, что онъ ловчѣе Моцарта умѣлъ дѣйствовать на публику, не надобно заключать, что геній его менѣе Моцартова. Здѣсь не мѣсто сравнивать два таланта, столь великіе и различные. Сравненіе безполезно для искуства и не выведетъ изъ нерѣшительности тѣхъ людей, которые непремѣнно хотятъ увѣнчать одного изъ двухъ. Мы разсмотримъ только тѣ отношенія, въ какихъ ви-

димъ мы обоихъ великихъ художниковъ въ дополненіи гармонической прогрессіи или, говоря иначе, въ отношеніи тѣхъ ролей, какія назначено было имъ играть въ драмѣ, которой сюжетъ составляетъ исторія новѣйшей музыки.

Нѣчего и спорить о томъ, что Россини привелъ въ дѣйствіе инструментовку болѣе трудную и болѣе громадную, нежели Моцартова (*); что онъ чаще сталъ употреблять хоры и большія соединенія (ensemble) голосовъ; что его диссонансы разительнѣе и болѣе умножены; словомъ: что онъ далеко перешелъ за границу, при которой остановился его знаменитый предшественникъ, такъ, что Россини является, какъ будто, комментаріемъ на Моцарта. Теперь, даже въ Италіи, гдѣ прежде казалось, что еще сто лѣтъ не будутъ понимать Моцарта, съ десяти послѣднихъ лѣтъ, находятъ Моцарта уже слишкомъ малосложнымъ (simple).

Приступимъ къ разрѣшенію главнаго вопроса, о

(*) Для убѣжденія въ этомъ, стоитъ только взглянуть на инструментовку Осады Коринѳа и Донъ Жуана. Вотъ число инструментовъ, въ увертюрѣ первой изъ сихъ оперъ: 2 flûtes, 1 petite flûte, 2 hautbois, 2 clarinettes en si, 2 cors en fa, 2 cors en sol, 2 trompettes en ut, 2 bassons, 3 trombones, ophicléide, timballes en ut, grosse caisse, cimballes, triangle, 2 violons, alto, violoncelle, c. basso, всего 28.

Въ увертюрѣ Донъ Жуана: 2 violons, alto, 2 flûtes, 2 hautbois, 2 clarinettes en la, 2 bassons, 2 cors en ré, 2 trompettes, timbales, basse, всего 17.

которомъ намекнули мы при началѣ нашей статьи: что̀ будетъ музыка, послѣ сихъ двухъ гигантовъ? Куда довели они ее своими колоссальными шагами? Какія средства они еще оставили ей? Можетъ-ли явиться человѣкъ, который, въ отношеніи Россини былъ-бы тѣмъ, чѣмъ Россини былъ въ отношеніи къ Моцарту? Все-ли на старой дорогѣ гармонической прогрессіи должно искать новыхъ средствъ для произведенія эффекта? Нѣтъ! Какъ ни опасно въ нашъ вѣкъ предвѣщать будущее, мы осмѣлимся утверждать, что не здѣсь уже скрывается будущность музыки. Тщетно стараться превзойдти Россини: физически нѣтъ уже средствъ, и если-бы самъ Россини снова начиналъ свое поприще, онъ принужденъ-бы былъ ограничиться тѣмъ шумомъ, какой нынѣ производитъ оркестръ. Остался-ли хотя одинъ инструментъ — мѣдный, деревянный, духовой, струнной — неучаствующій по силамъ своимъ въ гармоніи нынѣшнихъ оркестровъ? Разумѣется, что мы говоримъ объ инструментахъ усовершенствованныхъ: полагаемъ, что никто не станетъ довѣрять будущихъ наслажденій нашихъ мужицкому рожку или *луковой дудкѣ* (flûte à l'oignon). Надѣяться, что люди изобрѣтутъ новые инструменты — вздорная мысль, на которую глупо полагаться. Почти тоже можемъ сказать о надеждѣ, измѣнить качества инструментовъ существующихъ нынѣ, и сдѣлать ихъ звучнѣе, увеличивъ размѣры ихъ. Впрочемъ, есть препятствіе, передъ которымъ уничтожаются всѣ такія покушенія: это наша слуховательная чувствительность, которая не въ состояніи переносить звуки сильнѣе тѣхъ, какимъ вни-

носить звуки, сильнѣе тѣхъ, какимъ внимаетъ она нынѣ. Какъ-бы ни велика была сила привычки, сомнѣваемся, чтобы она защитила насъ отъ головной боли и непріятнаго ощущенія въ ушахъ. Люди, не новички въ шумной музыкѣ, каждый день слышащіе Семирамиду, Моисея и Осаду Коринѳа, соглашаются, что они не въ состояніи были-бы перенесть малѣйшее умноженіе шума, и что на 30-мъ представленіи, все равно какъ и на первомъ, они безпрестанно опасаются, чтобы удовольствіе ихъ не обратилось въ изнуреніе.

Послѣ такой ужасающей картины, кажется, намъ осталось одно средство: обратиться назадъ и начать контра-революцію. Но пятиться назадъ, можетъ быть, еще труднѣе, нежели идти впередъ. Если мы хорошо представили читателямъ нашимъ исторію музыки, за прошедшую 1000 лѣтъ, то, читатели согласятся, что полное противодѣйствіе нынѣ существующему должно быть признано невозможнымъ. Противодѣйствіемъ мы называемъ постепенное стремленіе, на оборотъ противъ прежняго, чѣмъ должно довести по немногу гармонію, отъ нынѣшней сложности ея, къ первобытной простотѣ. Опыты доказываютъ, что нѣтъ постепенности отъ сложнаго къ простому: человѣчество въ своихъ развитіяхъ никогда нейдетъ путемъ рѣшительно-оборотнымъ, и послѣ нынѣшняго употребленія пороха не льзя ждать, чтобы воины наши принялись опять за мечи и копья. И такъ, смѣло можно уволить будущность музыки отъ уменьшенія оркестра, отъ изгнанія инструментовъ, одного за другимъ, такъ, какъ они вошли, и отъ об-

ращенія къ квартетамъ Перголезе и наконецъ къ діафоніямъ среднихъ вѣковъ. Гармонія, на той точкѣ, до которой мы видимъ ее достигшую, необходимо предназначена къ уравненію со всѣмъ другимъ. Въ мірѣ ничто не остается въ неподвижномъ состояніи, особливо въ мірѣ ощущеній: будутъ стремленія къ простотѣ, полу-дѣйствительные перевороты, борьба, потрясенія, болѣе и менѣе важныя, словомъ: по всѣмъ вѣроятіямъ, музыка подвергнется повременнымъ смятеніямъ, какія являются въ другихъ изящныхъ искуствахъ. Донынѣ музыка не достигала еще своей полноты, не была образована вполнѣ, и отъ сего происходилъ ея однообразный постоянный путь къ сложности. Теперь она у цѣли своего путешествія, и будетъ подчиняться другимъ законамъ. Такъ было и съ живописью: пока не узнали свѣто-тѣни (clair — obscur), пока секты колористовъ не довели ее до совершенства, живопись слѣдовала движенію правильно—возрастающему, отъ рисунка до цвѣтовъ. Но когда достигла она единожды къ полнотѣ своего развитія, мы видимъ ее измѣняемо-переходящею, отъ рисунка къ цвѣту, отъ цвѣта къ рисунку, но никогда не переступающею извѣстныхъ границъ, не позвляющею себѣ совершенно-обратнаго движенія. И нынѣ, когда намъ довелось быть свидѣтелями одного изъ самыхъ сильныхъ противодѣйствій, никто не осмѣливается показать въ себѣ новаго Чимабуе или Джіотто; даже и тѣ, которые отважились отступить назадъ до Перуджина, пугаются своей отваги, и спѣшатъ возвратиться къ Павлу Веронезу.

Такъ и въ музыкѣ. Кто захочетъ отступить ко

временамъ Паэзіелло, можетъ еще успѣть; но если его послѣдователь отступитъ до Перголезе, то вѣрно будетъ освистанъ, или усыпитъ всѣхъ. И такъ, если мы и оставимъ Россини, можно быть увѣреннымъ, что мы разстались не навсегда. Но Россини должно оставить, оставить рѣшительно; чѣмъ затруднительнѣе общее противодѣйствіе противъ гармоніи, тѣмъ желательнѣе и потребнѣе противодѣйствіе частное противъ Россини. Посмотрите, что̀ мы выигрываемъ подражая ему: послушайте Пакчини (Paccini), Ваккая (Vaccaï), Карафа, Меркаданте, людей съ талантомъ, но, къ несчастію своему, рѣшившихся рабски передавать намъ сколки съ Россини. Онъ, приводя въ систему, какъ мы сказали, всѣ свои вдохновенія, повторяя ихъ до излишества, поразилъ безплодіемъ поле своихъ открытій: на сихъ поляхъ уже нѣчего жать, и никогда, ни одинъ оригиналъ не былъ столь жестокъ къ своимъ подражателямъ, какъ Россини; можно сказать, что онъ прожилъ все, дабы обмануть своихъ наслѣдниковъ; онъ похожъ на одного изъ тѣхъ миѳическихъ геніевъ, который обрывалъ листья, по мѣрѣ того, какъ они вырастали подъ его руками.

Но если уже рѣшительно не должно подражать Россини, что-жь надобно дѣлать, дабы успѣшно дѣйствовать послѣ него?

Первое условіе—надобно быть, по крайней мѣрѣ, равнаго съ нимъ таланта, потому, что дѣло, за которое возмется соперникъ Россини, весьма нелегкое. Вводить новое всегда тяжело; но вести къ простому отъ сложнаго, сдѣлать бо́льшее съ мень-

шимъ: это никакъ не можетъ быть слѣдствіемъ усилій ума простаго и—признаемся — успѣхъ вообще сомнителенъ въ величайшей степени.

Перемѣнять можно два предмета: систему оркестра и систему пѣнія. Оркестра не должно обрывать; но только, какъ можно болѣе, велѣть молчать мѣднымъ исшрументамъ и другимъ шумливымъ дѣйствователямъ. Можно также пояснить аккомпаньеманъ речитативовъ, даже сдѣлать его менѣе значительнымъ, сведя на простой квартетъ струнныхъ инструментовъ; ввести въ бо̀льшее употребленіе мѣста безъ аккомпаньемана, доставляющія такое пріятное отдохновеніе слуху, и тѣмъ придать болѣе цѣны эффектамъ, за ними слѣдующимъ; словомъ—должно ввести въ инструментовку многоразличіе и контрасты: вотъ средства освѣжить, сдѣлать рѣзче, дать прелѣсть новости, которой не льзя уже надѣяться отъ увеличенія сложности. Разнообразіе есть тотъ рудникъ, который нынѣ должно разработывать. Всего утомительнѣе въ оркестрѣ подражателей Россини то, что они не щадятъ насъ ни на одну минуту, и безпрерывно употребляютъ всѣ средства производить эффектъ, думая, что красоты ихъ образца происходятъ только изъ сего источника, а потому двухъ тактъ не пройдетъ у нихъ, въ которыя они не черпали-бы въ немъ полною рукою. Надобенъ-ли аккомпаньеманъ къ простому романсу — все гремитъ: волторна, басъ, труба, цимбалъ, трехъугольникъ и Турецкій барабанъ! Этотъ манеръ — ходить всегда толпою, не только оглушителенъ, но и до изнуренія однообразенъ. Нетерпѣливо хочет-

ся разбить этѣ сплоченныя колонны, хочется, слушать отдѣльно, то волторну, то флейту, то віолончелль, и позволять имъ гремѣть всѣмъ вдругъ, когда придетъ очередь театральной разительности, сильнаго драматическаго движенія. Почему не принять, по крайней мѣрѣ въ иныхъ случаяхъ, образа инструментовки, какую за 120 лѣтъ употребилъ Клавдій Монтеверде, въ своемъ *Орфеѣ?* Раздѣленіе инструментовъ на маленькія купы, соединеніе ихъ по разсчету различныхъ качествъ ихъ звука, должно имѣть пріятнѣйшій эффектъ. Что касается до возможности осуществить сіе нововведеніе, напрасно будутъ представлять практическія затрудненія: ихъ преодолѣть не трудно. Въ этомъ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ ученаго теоретика, редактора журнала: *Revue Musicale.* Однажды достигнувъ до приличнаго раздѣленія силъ оркестра, вы увидите, что каждый разъ при соединеніи ихъ, онъ будетъ находить увлекательную силу обольщенія, которую теряетъ нынѣ, отъ того, что упорно никогда не хочетъ дѣйствовать раздѣльными силами. Аріи, каватины, дуэты, тріо, квартеты, финалы, все это Россини привелъ въ формулы, для каждаго рода онъ постановилъ типъ, извѣстный, систематическій, отлилъ формы, изъ коихъ онъ одинъ знаетъ тайну извлекать жизнь и разнообразіе. Въ рукахъ его подражателей все это производитъ только холодные, однообразные слѣпки. Что-жь надобно дѣлать? Разбить его формы; отъ времени до времени возвращаться къ діалогу въ дуэтахъ; испытать добрую, старую фугу. Почему всегда должно гремѣть соединеніе голосовъ?

Почему всякая арія преслѣдуется хоромъ? Надобно искать новымъ формъ: ихъ найдемъ въ разнообразіи рисунка музыки.

Но для нововведеній такого рода потребенъ человѣкъ, геній коего не затруднялся-бы никакими препятствіями. Явится-ли такой геній? Гдѣ найдти такую силу ума, которая освободила-бы насъ отъ формулъ Россини и заставила забыть ихъ? Мы знаемъ одного великана, который въ состояніи все это выполнить: этотъ великанъ—самъ *Россини!* Между тѣмъ, какъ мы судимъ о будущности музыки, ищемъ лекарствъ лечить ее отъ слабости, ей угрожающей, можетъ быть, человѣкъ подвергнувшій музыку сему опасному состоянію, уже готовъ на помощь къ ней. Можетъ быть, благодаря неизвѣстнымъ пособіямъ его обильнаго генія, мы скоро будемъ торжествовать наступленіе эпохи новой музыки, которая уничтожитъ всѣ зловѣщія замѣтки критики и низложитъ всю гордость судей. Остережемся въ своихъ неосторожныхъ предположеніяхъ, и не давая новыхъ совѣтовъ будущимъ нововводителямъ, подождемъ по крайней мѣрѣ, пока Авторъ *Моисея* кончитъ своего *Вильгельма Тэля* (*).

(*) Новая опера, о которой самъ Россини сказалъ, что это будетъ оселокъ его дарованій.

Instructions populaires sur le Calcul des probabilités (*Простонародныя наставленія о счисленіи Вѣроятностей*). Соч. Кетеле. Бриссель, 1828 г., in 18, съ эпиграфомъ: *Numeri mundum regunt.*

Спѣшимъ увѣдомить читателей Телеграфа объ этомъ новомъ сочиненіи Кетеле. Оно есть извлеченіе изъ твореній Лапласа и Лакруа, представленное съ возможною ясностію и простотою, и раздѣленное на 12 уроковъ, въ которыхъ изложены главныя основанія Математической Вѣроятности, простой и сложной, и главнѣйшія приложенія изчисленія Вѣроятностей къ жизни человѣческой, какъ-то: къ застрахованіямъ, свидѣтельствамъ, судебнымъ рѣшеніямъ и выборамъ.

Первыми изобрѣтателями сего сочиненія были Паскаль и Ферматъ; Ламбертъ, Дювильяръ, Моавръ и Бернуллій озарили его новымъ свѣтомъ; наконецъ Лапласъ и Лакруа дополнили недостатки, которые до нихъ были ощутительны. Кондорсетъ, весьма много проникавшій въ сію часть математики, столь великую важность полагалъ въ оной для общежитія, что совѣтовалъ составить изъ изчисленія Вѣроятностей особенный предметъ ученія.

Столь знаменитые ученые, занимавшіеся изчисленіемъ Вѣроятностей, достаточно убѣждаютъ насъ въ его важности и необходимости для общежитія. «Настоящія событія,» говоритъ Лапласъ, «имѣютъ связь съ предшествующими, ибо, что существуетъ, то должно имѣть причину или начало. Такъ нынѣшнее состояніе вселенной должны мы принимать за слѣдствіе предыдущаго состоянія и за причину будущаго. Умъ, который для извѣстнаго времени

позналъ-бы всѣ силы, оживляющія природу, и относительное положеніе ея существъ, и сіи познанія подвергнулъ-бы изчисленію, сей умъ заключилъ-бы въ одномъ выраженіи движенія огромнѣйшихъ тѣлъ и мѣльчайшихъ атомовъ; ему все было-бы открыто: и будущее, какъ прошедшее, представлялось-бы его очамъ. Успѣхи въ Астрономіи отчасти служатъ изображеніемъ сего возвышеннаго ума: простыя, аналитическія выраженія показываютъ прошедшее и будущее состояніе системы міра. Примѣняя сей-же способъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ познаній, умъ человѣческій приводитъ къ общимъ началамъ замѣченныя явленія и предвидитъ явленія новыя, которыя должны произойдти при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

И такъ, всѣ событія, даже и тѣ, кои по видимому не зависятъ отъ великихъ законовъ природы, непосредственно изъ оныхъ слѣдуютъ, точно также, какъ явленія солнечной системы. Не зная звѣньевъ, коими связываются они съ цѣлою вселенною, мы относимъ ихъ къ причинамъ конечнымъ, или къ случаю, смотря потому, замѣчаемъ-ли въ нихъ послѣдовательность, или безпорядокъ; но съ распространеніемъ предѣловъ познаній, сіи воображаемыя причины удаляются, и даже совершенно изчезаютъ предъ умозрѣніемъ и опытностью; онѣ уже принимаются за выраженіе невѣдѣнія нашего истинныхъ причинъ. »

Заключимъ предувѣдомленіе наше словами самаго Кетеле. « Большая часть познаній нашихъ, » говоритъ онъ, «основана на вѣроятностяхъ, болѣе или менѣе точныхъ. Отсюда раждается необходимость

опредѣлить сіи вѣроятности, не для какихъ-либо частныхъ приложеній, но для того, чтобы достигнуть до выводовъ, слѣдующихъ изъ однѣхъ и тѣхъже причинъ, и потомъ, дабы объяснить сіи самыя причины. Случай, сіе таинственное слово, столь часто во зло употребляемое, можетъ служить только покровомъ нашего невѣдѣнія; сіе чудовищное понятіе доселѣ управляетъ непросвѣщенными, кои не умѣютъ наблюдать явленій въ связи съ другими; но оно изчезаетъ предъ тѣмъ наблюдателемъ, который объясняетъ цѣлые ряды событій, имѣя высшее воззрѣніе на законы природы. Сіи законы вѣчны, неизмѣнны, подобны тому началу, изъ коего происходятъ; съ достоинствомъ человѣка согласно разкрывать оные, среди безчисленныхъ по видимому неправильностей. Одна изъ величайшихъ заслугъ, оказанныхъ науками въ новѣйшія времена, состоитъ именно въ томъ, что большая часть важнѣйшихъ началъ опредѣлена числами, и въ семъ родѣ опредѣленій нѣтъ ничего произвольнаго, нѣтъ злоупотребленій изъ словъ: здѣсь доказательства на самомъ дѣлѣ. Такъ Изчисленіе Вѣроятностей, при рожденіи своемъ примѣненное къ играмъ, нынѣ распространяется въ Наукахъ Естественныхъ, гдѣ показываетъ законы смертности и народонаселенія; въ наукахъ историческихъ научаетъ способу оцѣнивать достовѣрность преданій; проникаетъ въ святилище Ѳемиды, подавая мѣрило истины и милости судей; въ наукахъ политическихъ изчисляетъ потребности и богатства народныя. Симъ числовымъ доказательствамъ не можетъ противиться никакое краснорѣчіе. Все, что только можетъ выразиться чис-

лами, принадлежитъ къ области сего изчисленія; по мѣрѣ большаго совершенствованія науки ему подчиняются и въ немъ сосредоточиваются. Нынѣ можно судить о степени совершенства науки, смотря по тому: подвергается-ли она исчисленію; со дня на день болѣе подтверждается древнее изрѣченіе: *міромъ числа управляютъ.*

Главныя основанія Исчисленія Вѣроятностей можно найдти въ Курсѣ Чистой Математики, Франкёра, гдѣ оно изложено, какъ слѣдствіе теоріи переложеній и сочетаній. Здѣсь всѣ нужнѣйшіе выводы представлены такимъ образомъ, что всякій, безъ высшихъ частей Математики, въ состояніи будетъ ихъ выразумѣть. Дабы познакомить читателей Телеграфа съ любопытнымъ сочиненіемъ Кетеле, мы предлагаемъ изъ него нѣсколько уроковъ:

Indocti discant, ament meminisse periti.

I.

Достовѣрность и Вѣроятность.

1. Неизвѣстныя причины, отъ которыхъ зависитъ какое-либо событіе, называются обыкновенно *случаями.*

Такъ въ лотереѣ, заключающей 90 различныхъ билетовъ, встрѣчается 90 случаевъ; потому, что при каждомъ билетѣ можемъ ожидать выигрыша. Кость о 6 сторонахъ имѣетъ 6 случаевъ; потому, что при метаніи костью можемъ ожидать одной изъ 6 сторонъ, которая выигрываетъ.

2. Ожидаемое событіе раздѣляетъ случаи на два рода: *благопріятство*, или *удачи*, и *неблагопріятство*, или *неудачи*.

Если изъ 32 картъ желаемъ вынуть фигуру, то благопріятныхъ случаевъ представляется 12, именно: столько, сколько находится фигуръ; остальныя 20 будутъ случаи неблагопріятные.

3. Когда всѣ случаи равно благопріятны ожидаемому событію, тогда совокупность сихъ случаевъ производитъ *достовѣрность*.

Если хотимъ вынять одинъ бѣлый шаръ изъ ящика, въ которомъ положено 3 бѣлыхъ-же шара, то, поелику всѣ случаи выходятъ благопріятные, говоримъ, что исполненіе желанія *достовѣрно*.

4. Если, напрошивъ, будетъ только извѣстное число случаевъ благопріятныхъ ожидаемому событію, то исполненіе желанія называется *вѣроятнымъ*.

Когда въ ящикѣ, вмѣсто 3 бѣлыхъ шаровъ, положится 1 бѣлый шаръ и 2 черныхъ, тогда ожиданіе вынять бѣлый шаръ будетъ *вѣроятно;* потому, что изъ трехъ случаевъ выйдетъ одинъ благопріятный. Или положимъ, что хотимъ вынуть тузъ изъ 32 картъ: здѣсь также встрѣчается *вѣроятность*, потому, что изъ 32 случаевъ только 4 благопріятныхъ.

5. Событія не могутъ быть равно вѣроятны: *различныя степени вѣроятности* зависятъ отъ большаго или меньшаго числа благопріятныхъ случаевъ.

Положимъ, что въ ящикѣ 20 бѣлыхъ шаровъ и 5 черныхъ: здѣсь вынять одинъ бѣлый шаръ вѣроятнѣе, нежели одинъ черный, потому, что для бѣ-

лаго шара болѣе благопріятныхъ случаевъ, нежели для чернаго. Или изъ 32 картъ вынять одну фигуру, не столько вѣроятно, сколько вынять одну простую карту.

6. Изчисленіе, опредѣляющее степени вѣроятности въ какомъ-либо событіи, называется *Изчисленіемъ Вѣроятностей.*

Иногда число случаевъ въ событіи бываетъ *ограниченное*, каково въ бо̀льшей части игръ: здѣсь вѣроятность подвержена исчисленію. Напротивъ, бываетъ число случаевъ и *неопредѣленное*, на пр. въ бо̀льшей части наблюденій: тутъ принимается въ уваженіе вѣроятность по извѣстному числу случаевъ, выводимыхъ изъ опыта.

7. Вѣроятность иногда бываетъ столь велика, что можно принимать ее за достовѣрность.

Мы, на пр., въ теченіе нѣсколькихъ тысящелѣтій видимъ постоянное восхожденіе и захожденіе солнца; въ строгомъ смыслѣ завтрашнее восхожденіе солнца есть только вѣроятно, ибо, можемъ предполагать существованіе такого закона природы, который лишь завтра обнаружится, вопреки восхожденію солнечному. Однакожь, по уваженію опыта, подтверждаемаго тысящелѣтіями, вѣроятность завтрашняго восхожденія солнца мы принимаемъ за достовѣрность. Также съ достовѣрностью надѣемся прожить еще, на пр., 5 минутъ, хотя знаемъ, что самые здоровые люди умирали скоропостижно.

8. Въ событіяхъ необходимо предполагается зависимость ихъ отъ причинъ производящихъ; напротивъ, случаемъ почитается невѣдѣніе истинныхъ причинъ событія. «Пылинка,» говоритъ знамени-

тый Лапласъ, « взвѣваемая вѣтромъ, описываетъ столь-же правильную кривую линію, какъ и орбиты планетъ: вся разность между ими заключается въ нашемъ невѣдѣніи. »

II.

Вѣроятность математическая.

1. Вѣроятность математическая выражается *дробью, имѣющею числителемъ одни благопріятные случаи, а знаменателемъ всѣ случаи возможные.*

Если въ ящикѣ, въ числѣ 5 шаровъ, 3 бѣлыхъ, то желая вынять одинъ бѣлый шаръ, имѣемъ 3 удачи при 5 случаяхъ: здѣсь математическая вѣроятность ожидаемаго событія выразится дробью $\frac{3}{5}$; или, вѣроятность изъ 32 картъ вынять одну фигуру будетъ $\frac{12}{32}$, потому, что въ колодѣ считается 12 фигуръ.

2. Вѣроятность событія *противнаго*, или неудачи, точно также выражается, именно: дробью, имѣющею числителемъ неудачи, а знаменателемъ всѣ случаи, вмѣстѣ взятые.

Въ предыдущихъ примѣрахъ вѣроятности противныхъ событій выразятся дробьми: $\frac{2}{5}$ и $\frac{20}{32}$.

3. Вообще всякое неизвѣстное событіе представляетъ двѣ противоположныя вѣроятности: *исполненія* и *неисполненія*; сумма сихъ двухъ вѣроятностей всегда равняется *единицѣ*.

Очевидно, что, дабы получить вѣроятность противную, нужно только вѣроятность благопріятную вычесть изъ единицы.

4. Явствуетъ также изъ предыдущаго, что чѣмъ болѣе будетъ число удачь, въ отношеніи къ числу всѣхъ возможныхъ случаевъ, тѣмъ бо́льшая получится вѣроятность.

Такъ вѣроятность $\frac{12}{32}$ болѣе вѣроятности $\frac{4}{32}$.

5. Когда число благопріятныхъ случаевъ равняется числу всѣхъ случаевъ возможныхъ, или когда числитель дроби равняется знаменателю, тогда получается достовѣрность, слѣд. *достовѣрность выражается единицею.*

6. Нетрудно изъ сего заключить, что для *сравненія* двухъ математическихъ вѣроятностей, должно ихъ привесть къ одному знаменателю.

Спрашиваемъ на пр., что̀ вѣроятнѣе: открыть-ли костью о 6 сторонахъ очко 1, или вынуть изъ 32 картъ одну бубновую фигуру? Для сего вѣроятности $\frac{1}{6}$ и $\frac{3}{32}$ приводятся къ одному знаменателю: выйдетъ $\frac{32}{192}$ и $\frac{18}{192}$: ясно, что первое событіе вѣроятнѣе втораго.

7. Вѣроятность, представленная дробью, по свойству дробей, не измѣнится, когда благопріятные случаи и всѣ возможные на одно число помножатся или раздѣлятся. Такъ вѣроятность $\frac{4}{32}$ равняется $\frac{1}{8}$.

8. Теперь представляется вопросъ: какую величину должно принимать для вѣроятности, которую обыкновенно почитаемъ за достовѣрность? Среднимъ членомъ для сравненія избираютъ вѣроятность, какую имѣемъ относительно продолженія жизни въ извѣстное время. По таблицамъ смертности замѣчаютъ, на пр., что изъ 51,956 двадцатилѣтнихъ юношей десятый умираетъ въ теченіе почти 7 лѣтъ, слѣд. для сего возраста вѣроятность смерти въ те-

ченіе 7 лѣтъ будетъ $\frac{1}{10}$ т. е. нѣсколько меньше, вѣроятности вынуть тузъ съ одного раза изъ колоды 32-хъ картъ. Посему нетрудно найдти періоды времени, въ которые умираютъ $\frac{1}{100}$ $\frac{1}{1000}$ и т. д. изъ 51,956 юношей; именно:

Вѣроятность смерти въ теченіе:

$\frac{1}{10}$	7 лѣтъ.
$\frac{1}{100}$	8 мѣсяцовъ.
$\frac{1}{1000}$	25 дней.
$\frac{1}{10,000}$	60 часовъ.
$\frac{1}{100,000}$	6 часовъ.
$\frac{1}{1,000,000}$	36 минутъ.
$\frac{1}{10,000,000}$	4 минуты.
$\frac{1}{100,000,000}$	22 секунды.
$\frac{1}{2,000,000,000}$	1 секунда.

Всѣ сіи выводы должно принимать не въ отношеніи къ кому либо одному, но вообще къ смертности человѣческой.

Примѣнимъ къ этому другой вопросъ: если-бы бросили мы 15 буквъ слова: *Константинополь*, то, какъ велика будетъ вѣроятность, что изъ нихъ опять составится тоже слово? Изъ теоріи сочетаній извѣстно, что сіи 15 буквъ можно переложить болѣе нежели 18,000,000,000 различными образами, и что въ числѣ 90,000,000,000 различныхъ переложеній 5 разъ встрѣтится слово *Константинополь*, слѣд., получается вѣроятность, вдвое меньшая въ сравненіи съ вѣроятностью, что новорожденный, если достигнетъ 20-ти лѣтняго возраста, умретъ чрезъ одну секунду. Но то, что новорожденный на 20 лѣтнемъ возрастѣ можетъ прожить еще одну секунду, мы почитаемъ достовѣрнымъ; точно

шакже можемъ почишашь досшовѣрнымъ, чшо, бросивъ одинъ разъ 15 буквъ упомянушыхъ, не получимъ слова: *Константинополь*.

Вообще можно принимашь за досшовѣрносшь, чшо новорожденный, дожившій до 20 лѣшъ, проживешъ еще 36 минушъ; но для сего собышія прошивная вѣроящносшь, какъ мы выше видѣли, есшь $\frac{1}{1,000,000}$, шо ясно, чшо можно почишашь почши досшовѣрными шакія собышія, коюрыхъ прошивныя вѣроящносши равняюшся дробямъ, меньшимъ, нежели одна милліонная. Такъ можно бышь удосшовѣренными, чшо вынули-бы одинъ бѣлый шаръ изъ ящика, въ коюромъ-бы находилось 999.999 бѣлыхъ и 1 черный шаръ.

III.

Вѣроятность простая и сложная.

1. Собышіе, зависящее ошъ многихъ другихъ собышій, повидимому между собою неимѣющихъ связи, называется *сложнымъ*.

Желаніе, чшобъ мешанье косши ошкрыло очко 1, и пошомъ другое очко 2, есшь собышіе сложное: оно сосшавлено изъ двухъ независимыхъ собышій, каковы мешаніе очка 1 и мешаніе очка 2.

2. Сіи, независимыя одно ошъ другаго, собышія называюшся *простыми*.

3. Выраженіе вѣроящносши простой, или вѣроящносши, оношсящейся къ простымъ собышіямъ, извѣсшно; *вѣроятность сложная*, или *математическая вѣроятность событія сложнаго есть произведеніе простыхъ вѣроятностей*.

Вѣроящносшь простая на пр., ошкрышь очко 1, равняешся $\frac{1}{6}$; вѣроящносшь простая ошкрышь очко

2, также есть $\frac{1}{6}$; произведеніе ихъ $\frac{1}{36}$ будетъ вѣроятность сложная, или—вѣроятность открыть съ перваго раза очко 1, со втораго очко 2. Дѣйствительно, изъ 36 возможныхъ случаевъ одинъ только благопріятный, что можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

1 » 1	2 » 1	3 » 1	4 » 1	5 » 1	6 » 1
(1 » 2)	2 » 2	3 » 2	4 » 2	5 » 2	6 » 2
1 » 3	2 » 3	3 » 3	4 » 3	5 » 3	6 » 3
1 » 4	2 » 4	3 » 4	4 » 4	5 » 4	6 » 4
1 » 5	2 » 5	3 » 5	4 » 5	5 » 5	6 » 5
1 » 6	2 » 6	3 » 6	4 » 6	5 » 6	6 » 6

Возьмемъ другіе примѣры. Если-бы спрашивалось, какъ велика вѣроятность послѣдовательно вынять изъ колоды 32-хъ картъ туза, короля, даму и валета бубноваго, полагая, что всякій разъ вынимаемая карта опять кладется въ колоду? Здѣсь вѣроятность каждаго изъ четырехъ простыхъ событій равняется $\frac{1}{32}$: слѣд. сложная вѣроятность будетъ $\left(\frac{1}{32}\right)^4 = \frac{1}{1048576}$.

Или, какъ велика вѣроятность того, что грошъ, 20 разъ сряду обращаемый, откроетъ сторону орла? Здѣсь два только случая, при которыхъ одинъ благопріятный, слѣд. простая вѣроятность будетъ $\frac{1}{2}$, а сложная $\left(\frac{1}{2}\right)^{20} < \frac{1}{1000000}$ Такія событія почитаются чрезвычайными.

4. Происшествіе, о которомъ повѣствованіе передается чрезъ 20 свидѣтелей, будетъ имѣть подобное-ж выраженіе. Принимая вѣроятность всякаго посторонняго свидѣтельства въ $\frac{9}{10}$, или, полагая на 10 свидѣтельствъ 1 ложное, получимъ для вѣроятности свидѣтельства, передаваемаго чрезъ

20 человѣкъ $\left(\frac{9}{10}\right)_{20} < \frac{1}{8}$. Ясно, что вѣроятность такого свидѣтельства менѣе вѣроятности вынять съ одного раза шузъ изъ 32-хъ каршъ.

Уменьшеніе таковой вѣроятности сравниваютъ съ уменьшеніемъ свѣта, проходящаго чрезъ нѣсколько стеколъ. Немногіе историки обращаютъ вниманіе на постепенное уменьшеніе вѣроятности повѣствуемыхъ происшествій. Если-бы подвергли мы сей повѣркѣ нѣкоторыя изъ историческихъ происшествій, почитаемыхъ за достовѣрныя, то большая часть изъ нихъ, изъ ряда *достовѣрныхъ*, перешла-бы въ рядъ *сомнительныхъ*.

IV.

Степень точности изчисленія вѣроятностей.

1. Въ приложеніяхъ исчисленія Вѣроятностей представляется вопросъ о степени его точности и согласованія съ опытомъ. Сей вопросъ былъ предметомъ изслѣдованія многихъ геометровъ, въ особенности I. Бернуллія. Изложимъ главнѣйшія заключенія такихъ изслѣдованій.

2. Исчисленіе не согласуется съ событіемъ при одномъ, или вообще при небольшомъ числѣ опытовъ.

Изъ двухъ игроковъ, на пр., въ кость о 6-ти сторонахъ, вѣроятность одного, открыть очко 1, равняется $\frac{1}{6}$; вѣроятность противная другаго $\frac{5}{6}$. Однакожь, можетъ случиться, что выигрываетъ первый, а второй проигрываетъ. Напротивъ, если опыты метаній повторять, то выигрышъ останется на сторонѣ того, который вѣроятность имѣлъ $\frac{5}{6}$.

И такъ, въ частныхъ случаяхъ нельзя ожидать точности исчисленія вѣроятностей; *но при большемъ числѣ опытовъ согласіе событія съ исчисленіемъ возстановляется;* вѣроятность возрастаетъ съ увеличеніемъ числа опытовъ.

Бернуллій находитъ, что съ *увеличиваніемъ числа опытовъ можно достигнуть вѣроятности, по желанію приближенной къ единицѣ.*

Изъ сего явствуетъ опасность подвергаться неизвѣстности событія, когда случаи не могутъ повторяться наибольшее число разовъ. Сюда отнести можно лотерею; напротивъ, правительство, допускающее публичныя лотереи, въ сравненіи съ участвующими въ ней, имѣющее на своей сторонѣ большее число повторяемыхъ опытовъ, всегда выигрываетъ; въ семъ случаѣ исчисленіе вѣроятностей согласуется съ опытомъ.

3. Изъ предыдущихъ изслѣдованій можно вывесть слѣдующее заключеніе:

Если вѣроятность какого либо событія болѣе $\frac{1}{2}$, *то скорѣе можно вѣрить, что оно сбудется, нежели предполагать противное.*

Увѣренность возрастаетъ съ вѣроятностью.

Сверхъ того, при всякомъ числѣ опытовъ, вѣроятнѣйшее изъ всѣхъ сложныхъ событій будетъ то, въ которомъ каждое простое событіе соотвѣтственно своей вѣроятности.

Если, на пр., въ нѣсколько пріемовъ станемъ брать по нѣскольку картъ изъ колоды, то вѣроятнѣйшее событіе будетъ то, въ которомъ фигуры и про-

чія карты будутъ въ отношеніи 3 : 5; потому, что это есть отношеніе простыхъ вѣроятностей каждаго изъ двухъ событій, именно: $\frac{12}{32}$ и $\frac{20}{32}$.

4. Когда различные случаи равно-возможны, тогда прежнія событія не могутъ имѣть никакого вліянія на будущія. Невѣдѣніе сего начала заставляетъ многихъ подвергать имущество свое невыгодамъ лотерей.

5. Если при нѣсколькихъ повтореніяхъ встрѣчаются преимущественно нѣкоторые случаи благопріятные, то можно увѣриться, что это зависитъ, или отъ особеннаго устройства вещи, которою играютъ, или отъ искуства играющаго.

Когда, на пр., очко 1 открывается чаще, нежели сколько показываетъ математическая вѣроятность, тогда можно быть увѣреннымъ, что кость нарочно для сего устроена. Такъ, замѣчаетъ Лапласъ, въ общежитіи постоянныя удачи показываютъ умѣнье жить съ людьми.

Въ первую войну съ Испаніею, одинъ корпусъ Французской арміи, осаждавшій городъ, боялся пятницы, какъ такого роковаго дня, въ который непріятель громилъ ужаснѣе, нежели въ другіе дни. Мало по малу образовалось предубѣжденіе къ пятницѣ. Но послѣ осады узнали, что по пятницамъ доставалось защищать крѣпость опытнѣйшимъ воинамъ. Такъ, не зная истинной причины въ событіяхъ, мы приписываемъ ихъ предметамъ совершенно постороннимъ, для того только, чтобы не вѣрить дѣйствіямъ безъ какой либо причины.

V.

Математическая надежда.

1. Когда два лица бьются объ закладъ, или начинаютъ игру, при одинакой вѣроятности выигрыша, тогда залогъ и ставка игры могутъ быть *равныя.*

Пусть будетъ въ ящикѣ 20 бѣлыхъ шаровъ и столько-же черныхъ; если одинъ хочетъ вынуть бѣлый шаръ, другой черный, то вѣроятность того и другаго будетъ $\frac{1}{2}$. При одинакомъ положеніи заклада, или игры, можно выставлять съ обѣихъ сторонъ одинакую сумму.

2. *Если вѣроятности выигрыша неодинакія, то и суммы ихъ должны быть соотвѣтственны вѣроятностямъ.*

Когда, на пр., дѣло идетъ о томъ, чтобы открыть очко 1, костью о 6-ти сторонахъ, тогда можно ставить только $\frac{1}{5}$ противъ ставки другаго, потому, что у перваго одинъ благопріятный случай, у другаго ихъ пять. Или, еслибы, вмѣсто 6 игроковъ въ кость, остались двое: одинъ съ своею 6-ю долей, а другой занялъ-бы мѣсто пятерыхъ, въ семъ случаѣ невыгода на сторонѣ перваго: дабы уравнить обоихъ, надобно второму выставить сумму за всѣхъ пятерыхъ. Пусть двое закладываются о томъ: какая первая карта изъ колоды вынется, фигура-ли, или простая? Для одного вѣроятность есть $\frac{12}{32}$ или $\frac{3}{8}$; для другаго $\frac{5}{8}$; заклады должны быть въ отношеніи 3 : 5, какъ и вѣроятности.

3. *Математическою надеждою называютъ произведеніе ожидаемой въ выигрышѣ суммы на вѣроятность.*

Если-бы одинъ бился объ закладъ, что онъ вынетъ первую карту изъ колоды — фигуру, и закладывалъ-бы 3 червонца; другой, утверждающій противное, долженъ-бы закладывать 5 червонцовъ, потому, что вѣроятности суть $\frac{3}{8}$ и $\frac{5}{8}$. Надежда-же математическая перваго будетъ произведеніе 5 червонцовъ, которые онъ надѣется выиграть, на вѣроятность его $\frac{3}{8}$, или 1, 87 червонца. Надежда математическая втораго выйдетъ произведеніе 3-хъ червонцовъ на его вѣроятность $\frac{5}{8}$, или также 1, 87 червонца.

4. *При всякомъ залогѣ, математическая надежда обѣихъ сторонъ должна быть равная.* Въ противномъ случаѣ разность становится весьма ощутительна, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, и сторона имѣющая большую надежду математическую, будетъ всегда въ выигрышѣ. Такъ въ лотереяхъ, математическая надежда есть большая для разыгрывающаго лотерею, нежели для тѣхъ, которые берутъ билеты: онъ всегда получаетъ вѣрный выигрышъ, при большемъ числѣ розыгрышей.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ извѣстію объ искуственныхъ минеральныхъ водахъ, помѣщенному въ N° 12-мъ Телеграфа.

(Продолженіе).

Вообще больные столь-же довольны дѣйствіемъ здѣшнихъ водъ, какъ и дѣйствіемъ водъ натуральныхъ; они преимущественно хвалятъ сильное дѣйствіе искуственныхъ водъ на желудокъ. Мнѣ случалось видать, правда, что послѣ употребленія здѣшнихъ водъ оказывались иногда тѣ-же болѣзненныя послѣдствія, кои примѣчаются послѣ натуральныхъ; но они зависятъ въ семъ случаѣ, или отъ неосторожнаго и несвойственнаго употребленія водъ, или отъ того, что натурѣ потребенъ сильнѣйшій критическій переломъ. По сему, при употребленіи искуственныхъ водъ, равно какъ и натуральныхъ, потребно надлежащее изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ болѣзни, дабы, вмѣсто пользы, не нанесть больному вреда.

Вообще воды сіи содѣйствовали къ изцѣленію весьма многихъ болѣзней; на мнѣ самомъ Карльсбадскія воды дважды оказали весьма благотворное дѣйствіе, и я имъ столько-же благодаренъ, какъ и натуральнымъ. Тоже самое, или даже болѣе, скажутъ весьма многія особы, ихъ употреблявшія. При семъ надобно замѣтишь, что многіе посѣтители водъ жи-

вутъ здѣсь въ обыкновенномъ своемъ обществѣ, и нѣкоторые даже не прерываютъ своихъ занятій, что весьма легко можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на леченіе.

Не стану изчислять различные виды болѣзней, въ коихъ дѣйствіе водъ оказалось спасительно. Въ семъ отношеніи ссылаюсь я на сочиненіе мое о леченіи водами вообще, и въ особенности о важнѣйшихъ Нѣмецкихъ цѣлительныхъ источникахъ, которое въ непродолжительномъ времени надѣюсь выдать въ свѣтъ. Въ немъ постараюсь показать мнѣнія мои о натурѣ хроническихъ болѣзней, о дѣйствительности въ оныхъ натуральныхъ и искуственныхъ минеральныхъ водъ, и необходимыхъ условіяхъ употребленія оныхъ, согласно съ предполагаемою цѣлію.

Теперь остается мнѣ исполнить священную обязанность. Будучи свидѣтелемъ того, какъ Г-нъ Докторъ Струве, мало по малу, достигалъ до открытія способа составлять цѣлительныя воды, я обязанъ засвидѣтельствовать предъ всѣми, что хотя онъ и не былъ совершенно удаленъ отъ мысли о своихъ выгодахъ; но главнѣйшею побудительною причиною его было единственно рвеніе къ наукамъ, руководствовавшее его въ изслѣдованіяхъ сего рода, рвеніе, одушевляемое признательностію его къ скорому исцѣленію, полученному имъ отъ употребленія Карльсбадскихъ и Маріенбадскихъ паровыхъ ваннъ. Удивительное постоянство Г-на Струве въ изслѣдованіяхъ и опытахъ, соединенное съ отличными дарованіями и основательными свѣдѣніями въ

Химіи и Физикѣ, споспѣшествовало къ тому, что онъ, бросивъ новый глубокій взглядъ на природу, достигъ до того совершенства въ составленіи минеральныхъ водъ, въ какомъ нынѣ находимъ оныя.

Относительно вопроса: *можно-ли сдѣлать совершенное подражаніе природѣ, въ составленіи цѣлительныхъ водъ?* замѣчу слѣдующее: если искуственныя минеральныя воды, по многимъ опытамъ, оказываютъ такія-же благодѣтельныя дѣйствія, какъ и натуральныя, то, кажется, напрасно будетъ доказывать невозможность подражать природѣ, основываясь на самопроизвольныхъ предположеніяхъ о мистической сущности минеральныхъ источниковъ. Если при нынѣшнихъ успѣхахъ Химіи, которая изъ веществъ, само по себѣ уже весьма дѣйствительныхъ, извлекаетъ самыя дѣйствительнѣйшія ихъ основанія, каковы на пр. хинина, морфина, и такъ далѣе; если химическое обрабатываніе лекарствъ существенно способствуетъ къ открытію силы ихъ, то весьма вѣроятно, что она можетъ приготовить минеральныя воды, гораздо дѣйствительнѣйшія, нежели тѣ, кои встрѣчаемъ въ самой природѣ, что она можетъ, смотря по цѣли врача, составлять разныя измѣненія цѣлительныхъ водъ по различію особенныхъ случаевъ и тѣлосложеній; наконецъ, важнѣйшая выгода заведеній искуственныхъ минеральныхъ водъ состоитъ въ томъ, что въ оныхъ можно имѣть минеральныя воды различнаго свойства и крѣпости, такъ, что смотря по степени раздражительности больнаго, можно приготовлять для него воду совершенно ему приличную; для одного и того-же больнаго, въ одинъ и тотъ-же

день, можно употреблять различныя воды; переходить отъ водъ слабыхъ къ крѣпчайшимъ, приготовляемымъ природою въ мѣстахъ, одно отъ другаго весьма удаленныхъ. Весьма нерѣдко сей постепенный переходъ и единовременное употребленіе различныхъ цѣлительныхъ водъ предписывалъ я съ величайшею для больныхъ пользою, особенно водъ Карльсбадскихъ и Эмскихъ.

Если-бы до сихъ поръ мы совершенно ничего не знали о дѣйствительности минеральныхъ водъ, а искуственныя, каковыя нынѣ сославилъ Г-нъ Струве, сдѣлались-бы теперь извѣстными, какъ новое дѣйствительное лекарство, я не сомнѣваюсь, что открытіе его признано-бы было за одно изъ важнѣйшихъ во врачебной наукѣ. Я увѣренъ, что искуственныя минеральныя воды его не только сохранятъ свою славу; но, по мѣрѣ дальнѣйшаго разпространенія открышій, составятъ эпоху въ Фармакологіи. При всемъ томъ, ни мало не воспрепятствуетъ составленіе искуственныхъ посѣщенію естественныхъ минеральныхъ водъ, и слава ихъ еще болѣе тѣмъ разпространится, ибо дѣйствительность минеральныхъ водъ сдѣлается извѣстнѣе вообще всѣмъ больнымъ и вѣрнѣе изслѣдуется практическими врачами, изъ коихъ весьма многіе не имѣли случая изслѣдывать минеральныя воды въ самой природѣ.

III. Предисловіе Доктора Крейсига къ сочиненію его: Ueber den Gebrauch der natürlichen und künstlichen Mineralwässer, 1825 г.

Съ самаго начала долговременной моей практики, соединенной съ званіемъ Профессора Клиники, ближайшее изслѣдованіе природы и положительнаго способа лѣченія хроническихъ болѣзней, всегда было и понынѣ есть важнѣйшая цѣль моего стремленія. Живучи въ Дрезденѣ (главномъ мѣстѣ, гдѣ останавливаются больные, отправляющіеся къ Богемскимъ водамъ), я имѣлъ много случаевъ дѣлать наблюденія надъ хроническими болѣзнями, какъ прежде, такъ и послѣ употребленія минеральныхъ водъ, и пользовать оныя въ промежуткахъ времени, отъ осени до лѣта. Посему, издаваемую нынѣ книгу мою считаю полезною, ибо читатели найдутъ въ ней мои мнѣнія о леченіи болѣзней сего рода.

Совершенно новый способъ Г-на Доктора Струве приготовлять искуственныя минеральныя воды, подалъ мнѣ случай наблюдать дѣйствительность ихъ, какъ самихъ по себѣ, такъ и въ сравненіи съ натуральными. Но какъ всѣ минеральныя воды надлежитъ считать за постепенныя измѣненія цѣлительныхъ силъ одного рода, то имѣлъ я случай изслѣдовать воды, различныя по мѣсту, но однородныя или сходныя по ихъ натурѣ, каковы на пр. Эмскія и Карльсбадскія, надъ однимъ и тѣмъ-же больнымъ въ одно время, или одну послѣ другой, въ продолженіе одного курса; имѣлъ случай наблюдать, какъ послѣдовательныя дѣйствія водъ на весьма многихъ больныхъ, коихъ тѣлосложеніе мнѣ прежде было уже извѣстно, такъ преимущественно цѣлебную силу цѣлаго ряда дѣйствительныхъ минеральныхъ водъ на многихъ больныхъ, въ одно время.

При семъ случаѣ я опять долженъ повторить, что признаю воды, приготовленныя Г-мъ Струве, за чрезвычайно дѣйствительныя лекарства, и весьма удачное подражаніе природѣ; открытіе-же его по сей важной отрасли Фармакологіи, благотворнымъ для страждущаго человѣчества. Въ семъ отношеніи ссылаюсь я на предисловіе, помѣщенное мною при сочиненіи Г-на Струве: Ueber die Nachbildung der natürlichen Heilquellen, Дрезденъ, 1824 года). Здѣсь повторяю я то, что уже каждому изъ здѣшнихъ врачей извѣстно, и именно, что изобрѣтатель новаго способа подражать природѣ въ составленіи минеральныхъ водъ, счастливыми успѣхами своихъ изслѣдованій обязанъ единственно рвенію, съ коимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ изслѣдовалъ онъ предметъ сей, будучи побужденъ къ тому неимовѣрно скорымъ, счастливымъ и достопримѣчательнымъ излеченіемъ собственной упорной его болезни въ Маріенбадѣ. Что единственно благородное чувство признательности, а не низкая корысть, руководило его въ семъ случаѣ, сіе видно изъ слѣдующаго, всѣмъ извѣстнаго обстоятельства: прежде Г-нъ Струве отпускалъ воды свои каждому больному въ особой бутылкѣ; послѣ-же того позволилъ нѣкоторымъ изъ числа его знакомыхъ сбираться у него въ саду, для пользованія водами, всѣмъ вмѣстѣ, для того, чтобы всѣ они полную бутылку могли выпить за одинъ разъ. Симъ предупреждалось разложеніе воды, неизбѣжное при постепенномъ и продолжительномъ питьѣ бутылки. Но число приходящихъ мало по малу умножалось, и къ концу лѣта возросло до того, что по одобренію публики, Г-нъ

Струве принужденъ былъ учредить особенное заведеніе, и противъ желанія своего назначить для онаго свой садъ, служившій прежде для удовольствія его собственнаго и семейства его.

IV. Предувѣдомленіе о заведеніи искуственныхъ минеральныхъ водъ, какое положено открыть въ Доберанѣ. Соч. Доктора С. Г. Фогеля, Лейбъ-Медика Герцога Мекленбургскаго, въ Ростокѣ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ изобрѣтенный Г-мъ Докторомъ Струве, въ Дрезденѣ, способъ приготовлять искуственныя минеральныя воды, и учрежденное имъ для сего заведеніе, обратили на себя всеобщее вниманіе, не только по извѣстности изобрѣтателя, какъ человѣка справедливаго и безкорыстнаго, химика просвѣщеннаго и знаменитаго, но и по благотворному своему дѣйствію. Отъ сего вскорѣ, не только въ разныхъ городахъ Германіи (Лейпцигѣ, Берлинѣ и другихъ), но и въ иностранныхъ государствахъ частію, устроены были подобныя заведенія. Искуственныя минеральныя воды, по точному и добросовѣстному изслѣдованію, дѣйствительно содержатъ въ себѣ всѣ произведенія природы, совершенно сходно съ натуральными. Воды сіи, будучи надлежащимъ образомъ приготовлены и сбережены, сохраняютъ свойства натуральныхъ цѣлительныхъ водъ, съ коими, въ высокой степени совершенства, сходствуютъ по вкусу, запаху, цвѣту, температурѣ и дѣйствію на тѣло человѣческое. Онѣ имѣютъ даже нѣкоторыя преимущества передъ натуральными, ибо силы и свойства ихъ всегда одинаковы, между тѣмъ, какъ натуральныя минеральныя воды, отча-

сши на мѣстѣ подвержены различнымъ перемѣнамъ въ ихъ составѣ, отчасти, болѣе, или менѣе теряютъ свойства свои при перевозкѣ ихъ съ мѣста на мѣсто. Теплыя Карльсбадскія и Эмскія цѣлительныя воды ни коимъ образомъ перевозимы быть не могутъ; по сему, для пользованія оными необходимо ѣхать на мѣсто, ибо онѣ, будучи полезны отъ многихъ болѣзней, имѣютъ особенныя свойства, и въ случаѣ потребности ни чѣмъ замѣнены быть не могутъ. Весьма многія особы, для коихъ сіи воды были-бы чрезвычайно важны, по многоразличнымъ причинамъ не могутъ предпринять довольно дальняго путешествія къ онымъ: или по недостатку средствъ, или по чрезвычайной слабости, или по невозможности надолго оставить домъ свой.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ).

ЛИТТЕРАТУРНАЯ РѢДКОСТЬ.

(Кажется, можно такъ назвать слѣдующее за симъ театральное представленіе, коего современный списокъ доставилъ намъ одинъ почтенный соотечественникъ. Печатаемъ его для любопытныхъ наблюдателей отечественной литтературы. *Изд. Тел.*).

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей,

Всеславнѣйшей Самодержицѣ Всероссійской

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,

желали-бъ, при всенародномъ торжествованіи счастливо заключеннаго съ Короною Шведскою мира,

на новопостроенномъ Нѣмецкомъ Θеатрѣ, или позорищѣ, сочиненнымъ стихотворнымъ и послѣдовательнымъ позорищнымъ дѣяніемъ,

жертву своей всеподданнической радости

униженно къ стопамъ приносити

Всевысочайшею Россійскою Императорскою милостію именуемые позволительные Нѣмецкіе комедіанты.

Всемилостивѣйшая, Державнѣйшая Императрица, Всемилостивѣйшая Императрица и Государыня!

При всеславнѣйшемъ днѣ коронованія В. И. В. (что да утвердитъ Всевышняя Десница чрезъ тысячи солнечныхъ движеній въ неизреченной благости, и да содержитъ ненарушимо въ наилучшемъ благоденствіи!) мое воздыханіе къ Богу за благополучіе В. И. В. и Е. И. Высочества, Всепресвѣтлѣйшаго Великаго Князя, и побужденіе моего искреннѣйшаго сердца, къ приносу сей всеподданнѣйшей жертвы склонило.

Нынѣ-же, когда уже мой нововыстроенный комеди домъ въ совершенномъ состояніи приведенъ, то я приношу вышеозначенное всеподданнѣйшее

мнѣніе, къ Богу, и къ Всемилостивѣйшей Монархинѣ Всероссійской, при семъ всерадостномъ и для благополучія Россіи установленномъ, мирномъ торжествѣ; однакоже, что я еще къ преславнѣйшимъ стопамъ В. И. В. Нѣмецкое позорищное дѣяніе съ предисловіемъ подвергаю, и въ наиглубочайшей преданности представлю. Око міра, солнечное блистаніе, освѣщаетъ не токмо славные кедры Іойнискіе, но и тополевыя вѣтьви, и сей примѣръ подаетъ мнѣ наивсесчастливѣйшее упованіе, что Нѣмецкій ѳеатръ (или позорищное мѣсто) въ преставленіи сегоднишняго, всеподданнѣйшаго, сочиненнаго позорищнаго дѣянія Всевысочайшимъ присутствіемъ наивеличайшей Монархини Европейской въ безсмертную славу пріидетъ. Сія неизреченная благодать въ вѣчность адамантовымъ черепомъ вписана быть имѣетъ; я-же, сей Всевысочайшей милости воспаленъ, оную до окончанія жизни прославлять, и со всѣми своими, съ животомъ и съ имѣніемъ, до послѣдней капли крови пребуду.

В. И. В.

нашей, Всепресвѣтлѣйшей,

Державнѣйшей

Императрицы

Всемилостивѣйшей Императрицы

и Государыни

всеподданнѣйшій рабъ

Иванъ, Христофоръ Сигмундъ,

учредитель Нѣмецкихъ позорищныхъ дѣяній.

ПРЕДИСЛОВІЕ,

КОТОРОЕ НАПЕРЕДЪ ПОЗОРИЩНАГО ДѢЯНІЯ БЫТЬ ИМѢЕТЪ.

При открытіи позорища, подъ трубнымъ гласомъ, показывается гора Парнассусова съ *девятью Музми*; на верху горы находится *Аполло*, съ его пернатнымъ *Пегазомъ* (*Пегазусъ* слово Лашинское, т. е. конь со крилями, который у горы Геликона кладязь разгребъ). Одесную стоитъ *Миръ*. У его основанія разныя раздробныя оружія, а ошую *Постоянство*.

Миръ.

Такъ, Аполло! встань, поощри твои мысли:
Днесь-бо торжество Великой Императрицы,
Наивсемилостивѣйшей, егда родившейся въ свѣтѣ,
И сей Имперіи, предъ другими избранной.
Будь веселъ; изготовь твою музыку,
Чтобъ восклицаніе съ хотѣніемъ согласилось.

Аполло.

Къ какой радости да изготовится сердце мое?
Нѣтъ-ли какой, вновь полученной побѣды?
Объяви —

Постоянство.

Рцы —

Аполло.

Говори, изъясни,
Къ чему твое повелѣніе?

Миръ.

Къ единой радости.

Аполло.

Къ радости?

Миръ.

Такъ, къ увеселенію, и что только
выдумать можно,
Нынѣ-бо взыдутъ на насъ лучи свѣта милости.
Отъ кого? негли отъ той, которой весь свѣтъ честь
воздастъ,
И которая, своею славою, блистаніе высочествъ ум-
ножаетъ.
Коль въ побѣдѣ щедролюбива,
Толь преславно къ миру склонлива,
И толь великодушіемъ исполнена, что и цѣлыя земли
возвращаетъ,
И толь высоко, яко свое собинное почитаетъ.
Ея эмблемма называется: «*Живу и умру во славѣ!*»

Постоянство.

Сія есть Елисавета?

Аполло.

Кто? наша Императрица?

Постоянство.

Да, да! Россійская благодать и ихъ Самодержица;
Она та, кто нынѣ въ мірѣ торжествуетъ,
Коея подобіемъ Москва отъ начала

Свѣтъ міра, толь великою милостію наполненну, не
узрѣли,
Отъ которой еще ничто иное, какъ что называется
премудрость, чинилось.

Миръ.

Сей долженствуетъ украшеніе лавровъ!

Постоянство.

Сей принадлежитъ скипетръ!

Миръ.

Адамантами драгоцѣненъ!

Постоянство.

Злату Россіи подобенъ!

Аполло.

Все преизобиліе всей вселенной,
Ей днесь да вручится!

Миръ.

Такъ-то мое желаніе оное исполняется?

Аполло.

Чѣмъ похожь въ твоемъ желаніи умалишься?

Миръ.

Тѣмъ, что ты абіе лавръ съ себя сложишь,
Когда равную съ нами вѣрность къ Императрицѣ
имѣешь!

Аполло (*снимаетъ съ главы лавровый вѣнокъ*).

Тотчасъ, въ одно мгновеніе ока тебѣ покажу,
Что моя поземность туда склонится, куда
Наша Императрица сама лавры ведетъ,
Которая кійждаго сердца своею милостію къ себѣ
привлекаетъ.

Миръ.

Восходи на Пегаза, что̀ медлишь?
Кто хощетъ покорнымъ быть,
Долженъ равно съ молніей поспѣшенъ быть,
Высокихъ боговъ совѣтъ уже ожидаетъ въ своемъ
хорѣ,
Да взлетитъ твой духъ къ нему вскорѣ,
И вели освѣтить сей вѣнецъ,
Послѣ возвратись и помози намъ увеселити.

Аполло (*на Пегазусѣ*).

Вы Музы вѣрногласно восклицайте:
Да здравствуетъ
Елисавета,
Самодержица Всероссійская!

(*Музы восклицаютъ и Аполло ѣдетъ*).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Представляемое въ сегодняшнемъ преславномъ днѣ *Позорищное играніе* именуется. Добродѣтель коронуется, тиранство уклоняется. Такъ можетъ храбрость князей побѣду имѣть, уничтожая всякое исполненіе! Сіе есть:

Удивленія достойная терпѣливость одной великодушной княгини, или, для наслѣдственныхъ, природныхъ качествъ своихъ достопамятныхъ родителей, по многимъ гоненіямъ, къ владѣнію Римскою Имперіею призванный Артеміо.

Дѣйствующія особы.

Евдоксія, Римская Цезарева, вдовствующая Цезаря Валентина.

Артеміо, Евдоксіи сынъ, внукъ Цезаря Клаудія; потомъ избранный Цезарь Римскій.

Гензерико, Король Вендскій, подъ именемъ Арзаса, нѣкоего Армянскаго Принца.

Плацидія, дочь Цезаря Валентина и Евдоксіи.

Рицимеро, главный повелитель надъ оружіемъ Римскимъ.

Клеонилда Рицимера, нареченная невѣста Артеміова.

Олибріо, Римскій дворянинъ и придворный кавалеръ Евдоксіи.

Ирена, богиня мира.

Аполло, богъ знанія.

Лейбъ-гвардія Евдоксіи и Артемія, солдаты Рицимера.

При окончаніи позорищнаго дѣянія показывается въ машинѣ освѣщенный ликъ Е. И. В. — О сторону находится *Ирена;* посреди стоитъ Аполло, съ двумя лавровыми вѣнками.

Ирена.

Къ чему, Аполло, сей уборъ,
Лавровыми вѣтвьми украшенный,
Который напередъ сего одинъ Цезарь носилъ,
И по нынѣ еще Императрица имѣетъ?
Развѣ ея главѣ только,
Подобаетъ онымъ украшенной быти?

Аполло.

Да, сіи самыя лавровыя вѣтви,
Отъ самыхъ боговъ сочинены;
Да, сіи суть предъ глазами,
Двумъ главамъ показаны,
Наидостойнѣйшимъ во всемъ свѣтѣ
Обоимъ отъ меня даны.

Ирена.

Изрядно; иди-же теперь скоро
И коронуй оное изображеніе Милости:
Я разумѣю нашу Императрицу.
Небесная сила да сохранитъ ю отъ всякихъ вредъ,
И прославитъ, что въ ея достоинство,
Лавръ самую молнію съѣдаетъ.

(Здѣсь коронуетъ, подъ трубнымъ гласомъ, Аполло Всевысочайшій ликъ Е. И. В.).

Ирена.

Другой положи на главу Артеміеву,
Единоподобнаго тому, что никогда не думали,
И когда зависть предъ нимъ поблѣднѣетъ,
То, величайся сей храбрый воинъ,
Со всѣми наидостойнѣйшими въ свѣтѣ!

(Здѣсь Артеміо, подъ трубнымъ гласомъ, отъ Аполло коронуется лавровымъ вѣнцомъ, скоро его съ себя снимаетъ, и предъ ликъ Е. И. В. кладетъ.)

Артемiо.

Что мнѣ Аполло вручилъ,
Подобаетъ,
Достойнѣйшей
Въ свѣтѣ!

Стихословiе сочинено отъ I. К. С.

ПИСЬМО М. В. ЛОМОНОСОВА.

Не знаемъ, къ кому писано было это письмо, и для поясненiя, о чемъ говоритъ Ломоносовъ, должно разсказать читателямъ слѣдующее. Къ Ломоносову прислана была Сатира: *Петиметръ*, сочиненная Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ. Сатира эта была посвящена Авторомъ Сумарокову. Елагинъ начинаетъ ее, обращаясь къ Сумарокову, слѣдующимъ образомъ:

Открытель таинства любовныя намъ лиры,
Творецъ преславныя и пышныя Семиры,
Изъ мозгу рождшiя богини мудрый сынъ,
Наперсникъ Буаловъ, Россiйскiй нашъ Расинъ,
Защитникъ истины, гонитель, бичъ пороковъ,
Благiй учитель мой, скажи, о Сумароковъ,
Гдѣ риѳмы ты берешь, ты мнѣ не объявилъ,
Хотъ къ стихотворству мнѣ охоту въ сердце влилъ?
Когда сложенные тобой стихи читаю,
Въ нихъ разумъ, красоту и живость обрѣтаю,
И вижу, что ты ихъ слагая, не потѣлъ;
Безъ принужденiя писалъ, что ты хотѣлъ.

Не вижу, чтобы ты за рифмою гонялся,
Искаючи ее, работалъ и ломался;
Не вижу, чтобъ искавъ, сердился ты на нихъ:
Онѣ встрѣчаяся, кладутся сами въ стихъ.

Вѣроятно, Ломоносова просили сказать его мнѣніе. Онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.

Милостивый Государь!

По желанію вашему все, что въ моей силѣ состоитъ, готовъ исполнить, и тѣмъ одного избавленъ быть прошу, чтобы мнѣ не вступать ни въ какіе критическіе споры. Въ присланномъ Елагина письмѣ къ Сумарокову, онъ употребленную рифму: *Россія*, *Индія*, на смѣхъ въ примѣръ поставилъ. Я подлинно знаю, что сія рифма также нехороша, какъ извѣстная вамъ у Расина, и для того Елагинъ лжетъ, чтобъ онъ ею любовался.

Много-бы я могъ показать бѣдности его мѣлкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такого человѣка, который уже больше десяти лѣтъ стихи кропать началъ, и по нынѣ, какъ изъ прилагаемыхъ строчекъ видно, стихотворческой мѣры и стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображеній и надлежащимъ образомъ употребленія похвалъ и примѣровъ. Сіе особливо сожалительно объ Александрѣ Петровичѣ, что онъ хотя его похвалить, но не зная толку, весьма нелѣпо выбранилъ. Въ первой строчкѣ почитаетъ Елагинъ за таинство, какъ дѣлать любовныя

пѣсни, чего себѣ А. П., какъ священно-тайнику приписать не позволитъ, и Паномъ пѣсеннымъ назвать себя недопуститъ. *Семира пышная*, т. е. надутая, ему непріятное имя, да и неправда, за тѣмъ, что она больше нѣжная. *Рожденнымъ изъ мозгу богини сыномъ*, то есть, мозговымъ внукомъ, не чаю, чтобъ А. П. хотѣлъ назваться, особливо, что нѣтъ къ тому никакой дороги. Минерва трагедій и любовныхъ пѣсенъ никогда не сочиняла; она богиня философіи, математики и художествъ, въ которыя Александръ Петровичъ, какъ человѣкъ справедливый, никогда не вклеплется, и думаю, когда онъ услышитъ, что Перфильевичъ на него взводитъ, то истинно у нихъ до войны дойдетъ, не смотря на панегирикъ. *Наперсникомъ Буаловымъ* назвать А. П. несправедливое дѣло. Кто-бы Расина назвалъ Буаловымъ наперсникомъ, то есть его любимымъ прислужникомъ, то-бы онъ едва вытерпѣлъ: дивно, что А. П. сноситъ. Кажется сверстать его съ А. П. истинная обида. *Россійскимъ Расиномъ* А. П. по справедливости названъ, за тѣмъ, что онъ его не токмо половину перевелъ въ своихъ трагедіяхъ по Русски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушается. Что не ложь, то правда. Однако и Перфильевичъ, называя его защитникомъ истины, даетъ ему титулъ больше, нежели Короля Англійскаго: онъ пишется защитникомъ вѣры, но право или нѣтъ, о томъ сомнѣваться позволено. А. П. защитникъ истины? Великъ человѣкъ, ежели Перфильевичъ про него не такъ солгалъ, какъ о рифмѣ *Россія*, *Индія*, будто онъ сю любуется. Дважды поноситъ онъ своего

благаго учителя явно, въ третій ругательски хвалитъ: поноситъ первое, что учитъ его, яко-бы скрытно, не показывая, откуда беретъ рифмы, и будто-бы отъ него хочетъ посуловъ; второе, якобы все стихотворческое искуство А. П. состояло въ пріисканіи скоромъ рифмъ, не смотря на мысли, въ чемъ я самъ спорю и подтверждаю его-же Елагина словомъ, что А. П. ищучи рифмъ, самъ не ломается, но, какъ человѣкъ осторожный, лучше вмѣсто себя ломаетъ языкъ Россійскій, правда, хотя не вездѣ, однако не рѣдко. Наконецъ ругательскій титулъ: *благій учитель! Благій* по Славянски *добрый* знаменуетъ, и по точному разумѣнію писаться надлежитъ до Божества, какъ оное свидѣтельствуетъ: *никтоже благъ токмо единъ Богъ.* Я не сомнѣваюсь, что А. П. боготворитъ такимъ образомъ себя не позволитъ. И такъ одно нынѣшнее Россійское осталось знаменованіе: *благой* или *блажной:* нестерпимая обида! Однако еще несноснѣе, что онъ Аполлона столкавъ съ Парнасса, хочетъ Музъ отдашь въ послушаніе А. П. или, по его мнѣнію, безстыдному мщенію уже отдалъ, думая, что Музы безъ Сумарокова никому ничего дашь не могутъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Англійская литтература.

— An Inquiry into the nature and causes of the wealt of nations, by Adam Smith (*Изслѣдованія о свойствахъ и причинахъ народныхъ богатствъ.* Сочиненіе Адама Смита). *Новое изданіе*, съ присовокупленіемъ жизни Сочинителя, введенія, замѣчаній и дополнительныхъ разсужденій Я. Макколлока, Проф. Политич. Экономіи въ Лондонск. Университетѣ. Лондонъ, 1828 г. 5 томовъ, in 8.

Въ каждой наукѣ, каждомъ знаніи, есть имена великихъ людей, которые обширнымъ умомъ своимъ проникнувъ сокровенную сущность той или другой науки, того или другаго знанія, ознаменовываютъ въ немъ эпоху, и навсегда остаются фаросомъ для своихъ послѣдователей. Таковы были: Шлецеръ въ Критикѣ Русской Исторіи; Кантъ въ новѣйшей Философіи. Въ Политической Экономіи таковъ былъ А. Смитъ. Все, что сдѣлано въ Политической Экономіи послѣ него, донынѣ, должно почесть развитіемъ глубокихъ соображеній, показанныхъ А. Смитомъ въ великомъ его твореніи: *Изслѣдованіе о свойствахъ и причинахъ народныхъ богатствъ.* Оно было издано въ *первый разъ* въ 1776

году (въ Лондонѣ, 2 т. in 8., послѣ *Прибавленія* къ нему особо). Съ того времени множество изданій его было напечатано въ Англіи, Германіи и Франціи (*). Лучшій Французскій переводъ Маркиза Гарнье, напечатанный *вторымъ изданіемъ*, въ 1822 году (Парижъ, 6 т. in 8). Русскій переводъ (довольно плохой, и безъ всякихъ замѣчаній), напечатанъ въ СПб. 1802—1806 г. — Новое изданіе сочиненія А. Смита, сдѣланное Макколлокомъ, важно тѣмъ, что Издатель, будучи извѣстнѣйшимъ Политич. Экономомъ Англійскимъ, приложилъ новое вступленіе, гдѣ излагаетъ исторію науки, съ 1776 г., и прибавилъ цѣлый томъ диссертацій о различныхъ предметахъ Пол. Экон., показывая измѣненія, какія представляетъ нынѣ сія наука, противъ теоріи А. Смита. Все это чрезвычайно любопытно для наблюдателя современнаго просвѣщенія, особливо-же для посвятившихъ себя изученію Пол. Экономіи. Здѣсь должно замѣтить, что Макколлокъ есть самый жаркій послѣдователь теоріи Рикардо, сочиненіе коего можно почесть составляющимъ важнѣйшій авторитетъ нынѣшнихъ Англійскихъ Пол. Экономовъ (**). Французскіе критики замѣчаютъ, что говоря о Франціи, Г-нъ М. во многомъ ошибается; но съ тѣмъ вмѣстѣ отда-

---

(*) Замѣчательно изданіе въ полномъ собраніи сочиненій А. Смита, Л. 1812 г. Также изданіе Лондонское 1815 г., съ примѣч. Буханана.

(**) Французскій переводъ книги Рикардо изд. въ Парижѣ въ 1819 г. въ 2 томахъ.

ютъ справедливость его обширному таланту и знаніямъ.

— Definition in Political Economy, etc. (*Объ опредѣленіяхъ въ Политической Экономіи*, съ присовокупленіемъ изысканій о правилахъ, коими должны руководствоваться Политич. Экономы въ опредѣленіи и употребленіи терминовъ науки, и съ замѣчаніями объ уклоненіи отъ сихъ правилъ въ разныхъ сочиненіяхъ). Соч. Мальтуса. Л. 1827 г. in 12, 261 стр.

Мальтусъ составляетъ особую школу Политич. Экономіи, и есть одинъ изъ величайшихъ парадоксистовъ сего знанія. Жизнь его легко объясняетъ его парадоксы. Онъ выступилъ на поприще литтературы въ концѣ XVIII вѣка, когда въ Англіи наслаждался обширною славою В. Годвинъ, писатель, превознесенный въ то время, худо понятой, и нынѣ несправедливо забытый. Мальтусъ былъ однимъ изъ первыхъ его противниковъ, и сильными, рѣзкими софизмами сбилъ знаменитаго своего соперника. Опровергаемый въ свою очередь, принужденъ онъ былъ вывесть свою теорію Политики и Полит. Экономіи, гдѣ встрѣчаемъ много любопытнаго въ томъ, что Мальтусъ говоритъ противъ другихъ, и находимъ почти все неосновательнымъ, что онъ самъ выдумываетъ.

Въ новой книгѣ своей, М. объясняетъ весьма важную статью вообще всѣхъ наукъ. Онъ говоритъ о разности смысловъ, въ какихъ принимаются ученые термины, и различныхъ опредѣленіяхъ словъ и предметовъ, которые, безъ взаимнаго условія авторовъ, представляютъ странное замѣшательство, большія затрудненія, и нерѣдко бываютъ причи-

ною пустаго спора о словахъ. Желательно-бы, чтобъ и въ другихъ знаніяхъ ученые люди обратили вниманіе въ этомъ отношеніи, и постарались о соглашеніи въ значеніяхъ словъ и опредѣленіяхъ предметовъ, прежде нежели приступятъ къ выводамъ своимъ.

— The Constitutional History of England, etc. (*Конституціонная Исторія Англіи*). Соч. Гейнриха Галлама. Л. 1827 г. 2 т. in 4.

Послѣ извѣстной книги Делольма, не являлось еще ни одного сочиненія, касательно Англійской Конституціи, столь замѣчательнаго, какъ новое сочиненіе Галлама, извѣстнаго уже своею книгою: *Состояніе Европы въ Средніе Вѣки.* Авторъ соединилъ историческія событія, съ изложеніемъ сущности Англійскаго Законодательства, и — что большая рѣдкость въ Англіи — говоря о своемъ отечествѣ, не увлекался пристрастіемъ. За это сильно бранитъ его Quarterly Review, для котораго слово: *Англійское*, значитъ *совершенное.* Галламъ лучше Делольма умѣлъ представить духъ, и всѣ достоинства и недостатки Англійской Конституціи, потому, что работалъ по обширнѣйшему плану, входилъ въ историческую критику; какъ Англичанинъ, былъ знакомѣе Делольма съ Англіею и, наконецъ, не увлекался восторгомъ, какой въ Делольмово время безотчетно возбуждала Англійская Конституція. Оба сочиненія Галлама переведены на Французскій языкъ (*).

(*) Europe au moyen age. П. 1828 г. 4 т. in 8. — Histoire constitutionnelle d'Angleterre. П. 4 т. in. 8.

Можемъ рекомендовать читателямъ превосходное извлеченіе изъ послѣдняго сочиненія Галламова, сдѣланное на Франц. языкѣ, А. Р. Боргеромъ (Borghers), подъ названіемъ: Précis de l'Histoire de la Constitution d'Angleterre, d'après Hallam. Парижъ, 1828 года in 8, 396 стр.

Для познанія Англійскаго Законодательства, и особенно для сличенія его съ Французскимъ, важны слѣдующія новыя книги:

— Des pouvoirs et des obligations des Jurys, соч. Сира Ричарда Филипса; переведенное К. Комптомъ. 2-е *изд.* Парижъ, 1827 г. in 8.

Переводчикъ, К. Комтъ, Адвокатъ Королевскій въ Парижѣ и Сочинитель превосходной книги: Du système pénal et du système répressif en général, de la peine de mort en particulier (П. 1827 г. 1 т. in 8), получившій за сіе сочиненіе награду въ Женевѣ и Парижѣ. Онъ умножилъ сочиненіе Филипса своими замѣчаніями, сличеніемъ суда Присяжныхъ въ Англіи и Франціи, и отлично переработалъ подлинникъ вполнѣ.

— Des institutions judiciaires de l'Angleterre, comparées avec celles de la France. Соч. I. Ре (Rey). П. 1828 г. 2 т. in 8.

Важное сочиненіе, въ которомъ Авторъ, исторически, критически и сравнительно, обозрѣваетъ Законодательство Французское и Англійское.

— Narrative of the Burmese War, etc. *(Повѣствованіе о войнѣ съ Бирманами*, содержащее всѣ подробности военныхъ дѣйствій арміи, бывшей подъ начальствомъ Сира Арчибальда Кемпбелля, съ самаго при-

бытія оной въ Рангунъ, въ Маѣ 1824 г., до заключенія мира въ Яндабу, въ Февралѣ 1826 г.). Соч. Маіора Снодгресса. Л. 1826 г. in 8, 319 стр.

— A narrative of the Compaign of the British Army at Waschington and New Orleans, in the yars 1814 and 1815, etc. (*Повѣствованіе о походѣ Англичанъ къ Вашингтону и Новому Орлеану, въ* 1814 и 1815 гг., подъ начальствомъ Генераловъ Росса, Пакенгама и Ламберта, съ присовокупленіемъ обозрѣнія страны, гдѣ происходила война). Изд. Сочинителемъ книги: The Subaltern. Л. 1826 г. in 8.

До сихъ поръ мало возбуждали вниманіе двѣ частныя войны, которыя выдержала Англія въ Америкѣ и въ Индіи, въ послѣднія 15 лѣтъ. Но между тѣмъ обѣ сіи войны имѣли важное вліяніе на состояніе Англіи. Первая доказала слабость военныхъ силъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; вторая, силу Англійскаго оружія въ Остъ-Индіи и невозможность тамошнихъ туземцовъ устоять противъ превосходства военнаго искуства и Европейской дисциплины. Оба сіи событія изчезли въ блескѣ важнѣйшихъ переворотовъ современнаго міра. Тѣмъ не менѣе любопытны, какъ для географа, такъ для военнаго писателя и занимающагося военными знаніями, повѣствованія, изданныя нынѣ о той и другой войнѣ.

— History of the Indian Archipelago, etc. (*Исторія Индійскаго Архипелага,* съ присовокупленіемъ подробныхъ извѣстій о нравахъ, искуствахъ, языкахъ, установленіяхъ, вѣрахъ и торговлѣ его обитателей). Соч. Джона Крауфорда (Krawfurd). *Новое изданіе.* Л. 1827 г., 3 т. in 8, съ картинами и рисунками.

Замѣчательное сочиненіе извѣстнаго путешественника, умноженное и дополненное новыми его изслѣдованіями. Заключая подъ именемъ Индійскаго Архипелага всѣ острова, лежащіе между Австраліею, Филиппинскими островами и восточнымъ Индійскимъ полуостровомъ, Авторъ излагаетъ любопытнѣйшія подробности, собранныя имъ на мѣстѣ, и исторію, извлеченную изъ матеріяловъ, находящихся въ литтературѣ обитателей Архипелага, и извѣстіяхъ Европейцовъ.

— Memoirs of the right honorable George Canning, etc. (*Записки Лорда Георга Каннинга*). Л. 1828 г. 2 ш. in 8.

— Memoirs of the right hon. G. Canning, etc. (*Записки Лорда Г. Каннинга*). Собралъ Ѳ. Редъ. Л. 1827 г. in 8, 599 стр.

Это совсѣмъ не записки Каннинга, а компиляціи, гдѣ собраны извѣстія объ его жизни, письма, рѣчи, и т. д. Все это можно почесть только матеріялами для жизнеописанія сего великаго государственнаго человѣка. Гораздо лучше сихъ компиляцій книга, изданная во Франціи:

— Histoire du Ministère de G. Canning (*Исторія министерства Г. Каннинга*). П. 1828 г. 2 ш. in 8.

Авторъ сей любопытной, и съ благороднымъ безпристрастіемъ написанной, книги, извѣстенъ историческимъ обозрѣніемъ событій, произведшихъ Испанскую революцію.—Говоря о спекуляціяхъ литтераторовъ на имя Каннинга, скажемъ о слѣдующей книжечкѣ, изданной въ Парижѣ:

— The poetical Works of the right hon. G. Canning (*Поэтическія творенія Лорда Г. Каннинга*). Съ жизнеописаніемъ и пъяснительными примѣчаніями,

издалъ Дж. В. Лакъ. П. 1827 г. Превосходное изданіе, въ 32 д. листа, съ портретомъ.

Здѣсь собрано нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ Каннингомъ въ юности его; между прочимъ, есть стихи, гдѣ Каннингъ, съ пылкостію юноши, говоритъ о свободѣ Греціи. Книгопродавецъ Бодри издалъ стихотворенія Каннинга и во Французскомъ переводѣ, съ Англійскимъ подлинникомъ (П. 1828 г. in 18), и сверхъ того сосшавилъ изъ нихъ томъ въ свое красивое изданіе *Британскихъ классиковъ* (British Classics), котораго 26 томиковъ, in 32, уже изданы въ Парижѣ, весьма красиво.

— History of the progress and suppression of the Reformation in Italy, in the XVI century, etc. *(Исторія объ успѣхахъ и паденіи Реформаціи въ Италіи, въ XVI вѣкѣ).* Соч. Ѳ. М'Кри. Эдимбургъ, 1827 г. in 8.

Англичане съ особеннымъ пщаніемъ занимаются Исторіею Южной Европы, древнихъ и среднихъ временъ. Творенія Гиббона, Милля, Роское, признаны классическими. Къ симъ твореніямъ должно отнести книгу Г-на М'Кри. Предметъ имъ избранный— *Реформація въ Италіи*, начавшаяся и кончившаяся въ XVI вѣкѣ, изображенъ превосходно и съ величайшею вѣрностью.

— History of the Peninsular War *(Исторія войны на Пиренейскомъ полуостровѣ)*. Соч. Р. Сушея. Т. II, Л. 1827 г. in 4, 807 стр.

— A Narrative of the War Peninsular, etc. *(Повѣствованіе о Пиренейской войнѣ)*, Соч. Маркиза Лондондерп. Л. 1828 г. in 8.

Въ 1-й кн. Телеграфа, сего 1828 г., мы помѣстили отрывокъ изъ 1-го тома Сушеева сочиненія.

Умѣнья разсказывать, любопытства, какое возбуждаетъ Авторъ—знаменитый литтераторъ и поэтъ Англійскій—не льзя отрицать. Напомнимъ только, что Сутей, врагъ Французовъ, записной Тори, не можетъ быть почтенъ безпристрастнымъ историкомъ. Необходимо должно сличать его съ краснорѣчивымъ и безпристрастнымъ повѣствованіемъ Фуа (см. Тел. 1827 г. т. XV, 309).

Книга Маркиза Лондондери, бывшаго начальникомъ бригады, въ корпусѣ Генерала Дж. Мура, ничто иное, какъ простое повѣствованіе самовидца о войнѣ Пиренейской, до взятія Ціудадъ-Родриго, т. е. за первые четыре года.

Сочиненіе Сутея будетъ въ трехъ томахъ. Во 2-мъ онъ оканчиваетъ Февралемъ 1811 года, т. е. преслѣдованіемъ Массены войсками Веллингтона въ Португаліи. Это сочиненіе издается уже на Французскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Histoire de la guerre de la Péninsule, de R. Southey, trad. par M. Lardier.

— The Life of Napoleon Bonaparte (*Жизнь Наполеона Бонапарте*). Соч. Вилліама Газзлитта. Л. 1828 г. in 8, 4 тома.

Если книга Сутея родила Исторію Наполеона, сочиненную В. Скоттомъ, гдѣ безпристрастіе явилось болѣе замѣтнымъ, то, въ свою очередь, книга В. Скотта была поводомъ сочиненія Газзлитта. По политическимъ своимъ мнѣніямъ принадлежа къ партіи радикаловъ, Авторъ хотѣлъ вполнѣ показать геній Наполеона. Онъ заслужилъ общій упрекъ въ пристрастіи къ Наполеону отъ своихъ соотечественниковъ; но мы, чуждые національныхъ разсчетовъ, должны-ли быть неблагодарны за подвигъ

благородный и совершенный съ умомъ и съ жаромъ космополита? — Газзлитть донынѣ былъ извѣстенъ остроумными своими портретами современниковъ, которые помѣщалъ въ New Monthly Magazine, и которые потомъ были собраны и изданы Авторомъ въ Парижѣ, подъ названіемъ:

— Spirit of the age, or Contemporary Portraits, by W. Hazzlitt. П. 1827 г. 2 т. in 12.

Тутъ рѣзко и—какъ Англичанинъ — вѣрно изобразилъ Авторъ жизнь, сочиненія и духъ Байрона, В. Скотта, Колериджа, Сутея, Уордсуорта, Кампбеля, Крабба, Каннинга, Бентама, Годвина, проповѣдника Ирвинга, Горнъ Тука, Маккинтоша, Лорда Эльдона, Джиффорда и Джеффрея (основателей Эдимбургскаго и Трехъ-мѣсячнаго Обозрѣній), Брума, Бурдета, Мальтуса, Вильберфорса, Коббета, Эліи и Ноульса (Knowles). — Другое сочиненіе Газзлитта есть собраніе статей, извѣстныхъ въ Англіи подъ именемъ *Essays*, и содержащихъ въ себѣ критическое описаніе современныхъ нравовъ, въ родѣ Аддиссона. Оно издано также въ Парижѣ, подъ названіемъ:

— Table talk, or original Essays, by W. Hazzlitt. П. 1827 г. in 12.

Hystory of the Life and Voyages of Christopher Columbus (*Исторія жизни и пушествій Христофора Колумба*). Соч. Вашингтона Ирвинга (Французское изданіе, перепечатанное съ Англійскаго. П. 1828 г. 4 т. in 12.

Прочитавъ 1-й т. сего сочиненія, во Французскомъ переводѣ (Histoire de la vie et des voyages de Chri-

stophe Colomb, par M. Washington-Irving, trad. de l'angl. par C. A. Defauconpret fils. П. 1828 г. 4 т., in 8), мы отмѣнили свое сомнѣніе о томъ: могъ-ли остроумный В. Ирвингъ составить хорошее историческое сочиненіе. Исторія Колумба твореніе превосходное, и столь-же хорошо написано, сколько отличается обширностью свѣдѣній, разысканій Автора, новостью матеріяловъ, изъ коихъ многіе въ первый разъ извлечены имъ изъ пыли Испанскихъ архивовъ. Авторъ нарочно ѣздилъ въ Мадритъ, гдѣ собралъ множество свѣдѣній изъ государственныхъ архивовъ и изъ архива Герцога Верагуа, потомка Колумбова. Тамъ онъ и написалъ Исторію Колумба.

Въ Парижѣ издано полное собраніе всѣхъ сочиненій В. Ирвинга, подъ названіемъ:

— The complete Works of Washington Irving. П. 1827 и 1828 гг. 14 томовъ, in 12.

Тутъ, кромѣ жизни Колумба, помѣщены: The Sketch book, 2 тома; Bracebridge Hall, 2 тома; Salmagundi or the Whim-Whams and Opinions of Launcelot Landstaff, 2 тома; Nistory of New-York, 2 тома; Tales of a Traveller, 2 тома. Первое, вторые и послѣднее изъ сихъ сочиненій извѣстны Русскимъ читателямъ по многимъ переводамъ въ журналахъ. Желательно, чтобы кто-нибудь познакомилъ Русскую публику и съ *Исторіею Нью-Іорка*, гдѣ гуморизмъ Автора является въ полномъ блескѣ. Что касается до Исторіи Колумба, вѣроятно, мы не скоро дождемся Русскаго перевода оной.

Говоря о полныхъ изданіяхъ Англійскихъ Авторовъ, печатаемыхъ въ Парижѣ, упомянемъ о превосходныхъ Дидотовскихъ изданіяхъ Байрона и В. Скотта.

— The Complete works of Lord Byron. II. 1826, 1827 и 1828 г. Изданіе въ *одномъ томѣ*, in 8; другое изданіе въ 13 томахъ, in 32; третье въ 16 томахъ, in 12.— Къ каждому изъ нихъ приложены: отлично выгравированный портретъ Байрона, снимокъ почерка и жизнеописаніе.

Во всѣхъ трехъ, кромѣ извѣстныхъ уже сочиненій Байроновыхъ, то есть, поэмъ *(Чайльдъ-Гарольдъ, Корсаръ, Лара, Островъ или Христіанъ, Мазепа, Беппо, Абидосская Невѣста, Гяуръ, Паризина, Стованія Тасса, Предвѣщанія Данте)*, трагедій, *(Сарданапалъ, Фоскари, Марино Фаліери, Вернеръ)*, драмъ и мистерій *(Небо и Земля, Каинъ, Манфредъ, Преображенный уродъ)*, мѣлкихъ стихотвореній и разныхъ сочиненій (какъ-то: *Письмо о Попе, Англійскіе Поэты и Шотландскіе обозрѣватели)*, помѣщены вполнѣ Байроновы *Часы досуга* (прежде всего изданное имъ собраніе стихотвореній), The Curse of Minerva, The Age of Bronze, The vision of Judgement, Waltz, an apostrophic Hymn (злыя сатиры, которыхъ не смѣютъ печатать въ Англіи), Парламентскія рѣчи Байрона, Байроновъ переводъ Итальянской поэмы Пульчи (Morgante Maggiore) и повѣсть Вампиръ.

— Sir Walter Scott works complete. II. 1826, 1827 и 1828 гг.—Изданіе in 8, другое in 12, третье in 32.—Всѣ продаются за треть цѣны противъ Англійскихъ изданій. Поэтическія сочиненія В. Скотта продаются отдѣльно; романы и Жизнь Наполеона также.

Сверхъ сихъ важнѣйшихъ отдѣленій, во всѣхъ трехъ изданіяхъ помѣщены: *Жизнеописанія ро-*

манистовъ; Записки Свифта; Жизнь Драйдена; Письма Павла; Изслѣдованія о Рыцарствѣ; Шотландская Исторія и переводъ Гётева *Геца фонъ-Берлихингена.*

Читателямъ нашимъ извѣстно уже новое отдѣленіе романовъ В. Скотта, издаваемое имъ подъ названіемъ *Кенонгетскихъ Лѣтописей.* Во Французскомъ переводѣ составляютъ онѣ восемь книжекъ, in 12, въ коихъ помѣщены, кромѣ вступленія (гдѣ описываетъ самъ себя и своихъ знакомыхъ новый чудакъ, мнимый Сочинитель Кенонгетскихъ Лѣтописей): *Вдова Шотландская; Догъ лекаря; Два погонщика* и *Красавица Перѳская.* Послѣдній изъ сихъ романовъ занимаетъ 4 части, и В. Скоттъ является въ немъ прежнимъ исполиномъ-романистомъ, коего таланта не уменьшился съ лѣтами. Теперь В. Скоттъ напечаталъ книгу, которой совсѣмъ не ожидали-бы отъ него читатели:

— Religious Discourses *(Проповѣди).* Л. 1828 г. in 8, 79 стр.

Онъ говоритъ, что хотѣлъ испытать: трудно-ли сочинить простонародную, понятную всякому проповѣдь. Всего написано имъ проповѣдей двѣ: *Сравненіе судьбы Іудеевъ и судьбы Христіанъ,* и *О блаженствѣ праведныхъ и казни грѣшниковъ.* — Пишутъ, что въ Лондонѣ печатается, сочиненное В. Скоттомъ: *Наставленіе о садоводствѣ, съ присовокупленіемъ вообще начертанія Ботаники.* Не знаемъ, такъ-ли успѣшно проповѣдуетъ и ботанизируетъ В. Скоттъ, какъ пишетъ романы. Французскіе критики не довольны его проповѣдями.

— *Wibor Poezyi Polskiey.* Specimen of the Polish Poets *(Выборъ Польскихъ стихотвореній)*. Л. 1827 г. in 12.

— Translations from the Servian Mynstrelsy: to which are added some Specimens of Anglo-Norman Romances *(Переводы изъ Сербскихъ стихотвореній*, съ присовокупленіемъ выбора изъ *Англо-Нормандскихъ пѣсенъ)*. Л. 1826 г. in 4.

Вотъ два новые опыта переводовъ Боуринга. Издавъ выборъ изъ Русскихъ Поэтовъ, Боурингъ, необыкновенный практическій лингвистъ и отличный переводчикъ, издалъ выборъ Испанскихъ стихотвореній. Потомъ, обращаясь вновь къ Славянскимъ языкамъ, переводы изъ Сербскихъ пѣсенъ, собранныхъ Вукомъ Стефановичемъ, и наконецъ выборъ стихотвореній Польскихъ. Теперь занимается онъ Антологіею Венгерскою и Антологіею Богемскою.

Общій характеръ переводовъ Боуринга: точность, вѣрность, искуство передавать духъ подлинника. Общій недостатокъ—неразборчивость въ выборѣ пьесъ для перевода. Такъ въ Русскую его Антологію попались пьесы, которыхъ и въ подлинникѣ никто не читаетъ; такъ и въ Польскомъ выборѣ, подлѣ Кохановскаго, Красицкаго и Нѣмцевича, встрѣчаете сочиненія Ширмы, Венгерскаго, Гавинскаго. Не говоря о неразборчивости къ старымъ, непростительно было переводчику въ 1828 г. не знать Мицкевича и Залѣсскаго.—

Выборъ Сербскихъ стихотвореній удачнѣе. Приложеніе къ нимъ Англо-Саксонскихъ пѣсенъ подаетъ поводъ къ любопытнымъ сравненіямъ. Исторія Польской Словесности, кратко изложенная Боурингомъ, основана на старыхъ системахъ Исторіи Польской Литтературы.

Для знающихъ Англійскій языкъ выписываемъ въ образчикъ переводъ Сербской пѣсни, которую переводчикъ назвалъ: The Lover's Blessing. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ рукою подлинника, не можемъ присовокупить оригинала, или Русскаго перевода.

The wild hawk sat the dark night long
Beside the window of Melan,
And ever and anon her song
Thus sharp and clear began: —

« Rise up, it is a noble feast,
Thin own true-love to-night doth wed;
Rise, taste the cup, or send at least
Thy blessing to the bed. »

Melau made answer: « By my word,
To drink her wine J will not go;
But thou shalt bear my blessing, bird,
Since thou wilt have it so:

May for each drop this night she drains
Ten thousand tears hereafter flow!
Be child-birth pains the only pains
That bed shall never know! »

— The living Poets of England *(Современные Поэты Англійскіе)*. Собраніе стихотвореній Современныхъ Англійскихъ Поэтовъ, съ библіографическими и критическими замѣчаніями и опытомъ Исторіи Англійской Поэзіи. Парижъ, 1827 г. in 8, 2 т. 618 и 620 стр.

Выборъ полныхъ пьесъ и отрывковъ изъ сочиненій Джиффорда, Уолькота, Роджерса, Кампбеля,

Блумфильда, Клера, Крабба, Уордсуорта, Колериджа, Боульса, Монтгомери, Сотеби, Матурина, Сутея, Уйльсона, Байрона, В. Скотта, Т. Мура, Гогга, Теннента, Шеллея, Мильмана, Гунта, Лемба, Кролея, Бэйлли, Г-жи Ландонъ, Бартона, Турлоу, Киркъ-Уейта, Корнуалля, Китса, и другихъ. Для перваго ознакомленія съ богатствами новой Англійской Словесности, эта хрестоматія очень достаточна. Нѣкоторыя біографіи и замѣчанія писаны хорошо и дѣльно. Замѣтимъ, что и изданіе книги прекрасное.

— Georgica Publii Virgilii Maronis Hexaglotta *(П. Виргилія Марона Георгики, на шести языкахъ)*. Перевелъ на Англ. языкъ и издалъ В. Сотеби. Л. 1827 г. in f.

В. Сотеби извѣстенъ въ Англійской Словесности, какъ отличный переводчикъ Виландова Оберона и Виргиліевыхъ Георгикъ (1-е изданіе, Л. 1800 г. in 8). Онъ сочинилъ еще съ полдюжины трагедій и нѣсколько описательныхъ и эпическихъ поэмъ, заслужившихъ вниманіе соотечественниковъ. Будучи богатымъ человѣкомъ, Сотеби издалъ теперь вновь свой переводъ Георгикъ великолѣпно, въ листъ, и приложилъ подлинникъ Латинскій, texte en regard; сверхъ того Испанскій переводъ Іоанна Гусмана, Итальянскій Франциска Соаве, Нѣмецкій І. Г. Фосса и Французскій Делиля. Всѣ сіи переводы считаются лучшими, каждой въ своей странѣ. По случаю сего изданія, сосчитали, что въ Латинскомъ подлинникѣ находится 2188 стиховъ; въ Испанскомъ переводѣ 4201; въ Итальянскомъ 3709; во Французскомъ 2557; въ Англійскомъ 2477; въ Нѣмецкомъ — quasi строка въ строку — 2188: честь и слава Нѣ-

мецкому языку и неподражаемому Нѣмецкому переводчику Фоссу! Свойство языковъ дѣлаетъ Испанскій и Итальянскій переводы почти перифразами, а не переводами; Англійскій и Французскій переводы почти одинаковы по свойству своему. Выписываемъ здѣсь по нѣскольку стиховъ изъ всѣхъ переводовъ, присовокупляя къ тому и нашъ Русскій переводъ, С. Е. Раича. Намъ стыдно забывать трудъ почтеннаго нашего литтератора, къ сожалѣнію, неоцѣненный донынѣ соотечественниками, и достойный большаго вниманія, ибо онъ вѣренъ и написанъ прекрасными стихами.

Подлинникъ.

Ipse Pater, mediâ nimborum in nocte, corusca
Fulmina molitur dextra; quo maxima motu
Terra tremit, fugere feræ, et mortalia corda
Per gentes humilis stravit pavor; ille flagranti
Aut Atho, aut Rhodopen, aut alta Ceraunia telo
Dejicit; ingeminant austri et densissimus imber;
Nunc nemora ingenti vento, nunc littora, plangunt.

Испанскій переводъ.

El sumo Padre en medio desta noche
De tempestades, coruscantes rayos
Con mano poderosa arrojar suele.
Con cuyo estruendo tiembla la gran tierra;
Las fieras huyén, y un pavor que hace
A los hombres humildes, les abate
Su débil corazon à los mortales.
Jove con encendido rayo suele
Herir al monte Ato ó al Rodópe,
O á los montes Ceraunios encumbrados.

Los austros se redoblan, y se espesa
La tormenta, y los bosques con gran viento
Resuenan, y retumban las riberas.

Итальянскій переводъ.

Il Padre Giove nel gran bujo intanto
De gli atri nembi assiso di là vibra
Le sibilanti folgori, onde scossa
Trema la terra, fuggono le fiere,
Et per le vene de' mortali serpe
Freddo timor, che gli umilia, e confonde.
Egli poscia col fulmine temuto
Od Ato fere, o Rodope, o i scoscesi
Acroceraunj sassi. Il lor furore
Crescono gli austri, et più dirotta scende
La densa pioggia, e a lo spirar del vento
Ora gemono i boschi, ed ora i liti.

Французскій переводъ.

Dans cette nuit affreuse, environné d'éclairs,
Le roi des dieux s'assied sur le trône des airs :
La terre tremble au loin sous son maître qui tonne :
Les animaux ont fui ; l'homme éperdu frissonne ;
L'univers ébranlé s'épouvante — le dieu,
D'un bras étincelant dardant un trait de feu,
De ces monts si souvent mutilés par la foudre,
De Rhodope ou d'Athos met les rochers en poudre,
Et leur sommet brisé vole en éclats fumants :
Le vent croît, l'air frémit d'horribles sifflements ;
En torrens redoublés les vastes cieux se fondent ;
La rive au loin gémit, et les bois lui répondent.

Англійскій переводъ.

The Thunderer, throned in clouds, with darkness crown'd,
Bares his red arm; and flashes lightnings round.
The beasts are fled; earth rocks from pole to pole,
Fear walks the world, and bows th' astonish'd soul:
Prone Athos flames, and, crush'd beneath the brow,
Jove rives with fiery bolt Ceraunia's blow:
The tempest darkens, blasts redoubled rave,
Smite the hoarse wood, and lash the howling wave.

Нѣмецкій переводъ.

Selbſt der ewige Vater, hervor aus des grauſen Gewölks Nacht,
Schwingt helleuchtende Stral' in der Hand; daß ganz von der Regung
Bebet die Erd'; hin floh das Gewild, und den Erdegeſchlechtern
Sank das zagende Herz vor der Schrecklichen. Jezo den Athos,
Jetz der Ceraunien Haupt, und des Rhodope ſchlagt ſein entbrannter
Donner hinab! Es erneun ſich die Wind, und der dichteſte Regen;
Daß nun Hain, vom Sturme zerwühlt, nun Meeresgeſtad hallt.

Русскій переводъ.

Самъ Дій, облекшійся чернобагровой тучей,
Горящій вержетъ громъ, десной; земля дрожитъ;
Объятый ужасомъ, пустынный звѣрь бѣжитъ
И—сердце смертнаго боязнью потряслося!
Онъ молнію на выс Родопа и Аѳоса
Послетъ—ихъ гордость въ прахъ... и дождь густой съ небесъ,
И воютъ берега, и стонетъ дальній лѣсъ!

РУСКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Книги 1827 года.

Начальныя основанія Ботаники, изданныя Павломъ Горяниновымъ, Докт. Медицины, Императорской Медико-Хирургической Академіи Адъюнктъ-Профессоромъ и Императорскаго Виленскаго Врачебнаго и С. Петербургскаго Фармацевтическаго Общества Членомъ. СПб. 1827, in 8, 338 стр. и 12 табл.

Книги 1828 года.

Основанія теоретической Ботаники, изложенныя Петромъ Перелыгинымъ. СПб. 1828, in 8, 269 стр. (*).

(*) Въ послѣднее время наша литтература, по части Ботаники значительно умножилась. Кромѣ двухъ означенныхъ здѣсь книгъ, въ *С. Петербургѣ*: Г. Щегловъ издалъ послѣднія тетради своей Хозяйственной Ботаники; *въ Москвѣ*: Г. Двигубскій издалъ Московскую Флору; Легкій способъ опредѣлять растенія дикорастущія въ Московской Губерніи, и 2 тетради Изображеній растеній, преимущественно въ Медицинѣ употребительныхъ; Г. Максимовичъ издалъ Разсужденіе о системахъ растительнаго царства, и первую часть Основаній Ботаники. Извѣстія о сихъ книгахъ намъ обѣщаны для слѣдующихъ нумеровъ Телеграфа. *Изд.*

Сначала взглянемъ на планъ цѣлой Ботаники, предполагаемый Издателями.

Г-на Горянинова.	Г-на Перелыгина.
	I. Ботаника Теоретическая.
I. Ботаника собственно.	1. Органографія (Анатомія и Терминологія).
1. Терминологія (или Глоссологія по Декандолю).	2. Физіологія
2. Таксономія.	3. Паѳологія.
3. Фитографія.	4. Химія.
II. Физика растеній.	5. Географія.
1. Растительная Анатомія (Фитотомія, Органографія Декандоля).	6. Фитографія.
2. Физіологія (или Фитономія).	7. Таксономія.
3. Растительная Химія.	
4. Паѳологія растеній	II. Ботаника Практическая.
III. Ботаника Прикладная.	

Изъ сего очерка видно, что три первоначальные раздѣла у Г. Горянинова заимствованы изъ Декандолева чертежа Ботаники, и два первыхъ соотвѣтствуютъ Теоретической Ботаникѣ Г. Перелыгина, а Прикладная у него есть тоже, что у Г. Перелыгина Практическая.

Раздѣлить Ботанику, во первыхъ на двѣ части, какъ сдѣлалъ Г. Перелыгинъ, мы почитаемъ естественнѣе, нежели прямо на три части; но названія, кои далъ Г-нъ П. симъ частямъ, совершенно несвойственны значенію словъ: *Теорія* и *Практика*. Теоретическую его Ботанику называютъ Чистою; а Практическую (какъ у Г. Горянинова) Прикладною. Въ дальнѣйшемъ раздѣленіи собственно-Ботаники на 3 части, Г. Горяниновъ также послѣдовалъ Декандолю; но въ раздѣленіи *Физики растеній* онъ отступилъ и неудачно. Вопервыхъ, онъ *Анатомію растеній* или Фитотомію почитаетъ за одно съ *Органографіею* Декандоля, въ то время, какъ Анатомія у Декандоля составляетъ только меньшую часть Органографіи. Чрезъ сіе дѣлается непонятнымъ то, какимъ образомъ Органографія составляетъ часть Физики растеній. Далѣе Г. Горяниновъ исключилъ изъ плана Географію растеній, а растительную Химію сдѣлалъ особою частію. При томъ, нужно-ли было (вмѣстѣ съ Декандолемъ) отличать собственно Ботанику отъ Физики растеній? Почему Физіологія и Органографія, объясняющія истинную натуру органовъ растительныхъ, не суть собственныя части Ботаники—*науки о растѣніяхъ*, а *Глоссологія* почитается таковою, будучи только словаремъ Физіологіи, Органологіи и Химіи растительной? Должно-бы, кажется, сказать наоборотъ. Къ тому-жъ еще Г. Горяниновъ и самую *Терминологію*, которую почитаетъ за одно съ Глоссологіею Декандоля, ограничилъ только сложными органами питанія и рожденія, въ то время какъ у Декандоля она объемлетъ предметы и Ана-

томіи и Физіологіи (см. его Théorie élémentaire) и такимъ образомъ удовлетворяетъ данному ей и названію и значенію.

У Г. Перелыгина по справедливости соединена Анатомія и такъ называемая Терминологія въ одну *Органографію*; напрасно Химія растительная сдѣлана особою частію Ботаники; Географія растеній не исключена изъ плана, но не изложена въ книгѣ.

Представивъ такимъ образомъ планы Ботаники, предложенные въ обѣихъ книгахъ, мы можемъ удобнѣе показать ихъ содержаніе. Сочиненіе Г. Горянинова ограничено Терминологіей, Таксономіей и Фитографіей; Анатомія кратко изложена сначала. Въ Ботаникѣ Г. Перелыгина изложена Органографія (растеній явнобрачныхъ) соединенно съ Физіологіею, потомъ Патологія и Химія, за тѣмъ органы растеній тайнобрачныхъ, Фитографія и наконецъ Таксономія.—Изъ сего видно, что въ книгу Г. Перелыгина вошло больше предметовъ, въ чемъ и состоитъ ея преимущество; но въ Ботаникѣ Г. Горянинова хотя и меньше предметовъ, но они изложены подробнѣе и большею частію сообразнѣе съ новѣйшимъ состояніемъ науки: замѣтнѣе начитанность и собственное мысленіе Автора.

Теперь предложимъ нѣсколько критическихъ замѣчаній *pro и contra*, проходя статьи общія обѣимъ Ботаникамъ.

Предварительное Анатомическое обозрѣніе растеній у Г. Горянинова хотя нѣсколько спутано, однако даетъ довольно достаточное понятіе о семъ предметѣ, и Авторъ придержался теоріи, на сторонѣ коей большая часть. На страницѣ 17-ой у

него спирали приписаны плодовымъ частямъ грибовъ и лишаевъ, кажется по недосмотрительности; ибо въ послѣдствіи онѣ отрицаются у сихъ растеній. У Г. Перелыгина сей предметъ изложенъ и коротко и не ясно, особливо ячеистая шкань.

Статья о корнѣ почти одинаковаго достоинства у обоихъ авторовъ. Г. Горянновъ напрасно здѣсь описываетъ луковицу; Г. Перелыгинъ неправильно *lecus* почитаетъ корнемъ.

Статья о стеблѣ у Г. Перелыгина беретъ преимущество описаніемъ анатомическаго устроенія; остальное обстоятельнѣе изложено у Г. Горянинова, но онъ даетъ слишкомъ обширное значеніе соломинѣ (culmus), относя сюда и тростъ (calamus); соломиною означается только узловатый стебель злаковъ и одной пальмы (Ротанга).

Послѣ листьевъ у Г. Горянинова слѣдуетъ о ваіи (frons); потомъ о листьяхъ (Thallus), объ органахъ грибовъ и плесеней.— Замѣтимъ, что приписывая водораслямъ и печеночнымъ мхамъ *frandem*, не свойственно по Русски называть ее ваіею; ибо сіе слово относится къ пальмамъ, (а отъ нихъ и къ папоротникамъ); притомъ органы питанія водораслей, подобно какъ и лишаевъ, теперь называются общимъ терминомъ *thallus*, причисляя сюда-же печеночные мхи и грибы: это согласнѣе съ натурою. Онъ отличаетъ *скважины, колючки* и *пластинки* грибовъ отъ *пелены* (Hymenium), въ то время какъ это суть только ея-жъ измѣненія и притомъ относятся къ органамъ рожденія, а не питанія. Далѣе слѣдуетъ у него глава 5-я о прибавочныхъ органахъ и 6-я о почкахъ и отскокахъ, гдѣ надобно было описать и

луковицу. Вообще у него послѣдняя статья слишкомъ коротка.

Виды *цвѣторасположенія* (inflorescentia) въ обѣихъ книгахъ опредѣлены неудачно, особенно у Г. Горянинова, что показать весьма бы легко, еслибъ тѣмъ не слишкомъ распространили мы свои замѣчанія. Для примѣра-же скажемъ, что Г. Перелыгинъ исключилъ отсюда *spadix*, не различилъ зонтика простаго и сложнаго; но справедливо включилъ въ число цвѣторасположеній сложный цвѣтокъ и принялъ очень хорошее наименованіе онаго *корзинкою* (calathidium); удачно также приискано имъ Славянское слово *плюска*, для перевода Латинскаго термина cupula. — Г. Горяниновъ не принялъ корзинки въ число цвѣторасположеній, которую Декандоль почитаетъ даже за одно съ головкою, а между тѣмъ отъ сей послѣдней онъ отличаетъ *клубочекъ* (glomerulus) величиною и некрасивостію цвѣтовъ: ни того, ни другаго, ни даже порядка расцвѣтанія (во преки *Рёперу*) не льзя принять для сего за основаніе, ибо такое различеніе будетъ и неестественно и не нужно. Здѣсь замѣтимъ, что Г. Горяниновъ для термина *locusta* s. *spicula* принялъ слово (Петрова) *колосинка*, гораздо лучшее, чѣмъ употребляемое въ Русскихъ Ботаникахъ *колосокъ*.

Статья о цвѣточныхъ покровахъ у Г. Горянинова обработана весьма хорошо. *Perigonium* у него объяснено какъ должно, а равно виды чашечки и вѣнчика опредѣлены по надлежащему; не знаемъ только, почему онъ не захотѣлъ *общей чашечки* или обвертки сложнаго цвѣтка отнести къ IV главѣ (о прицвѣтникахъ), а описалъ при чашечкѣ, ограни-

чившись только нерѣшительнымъ замѣчаніемъ на 123 страницѣ. Это кажется дѣло уже рѣшеное!—Напротивъ того сія статья у Г-на Перелыгина спутана и неопредѣленна. Онъ принимаетъ perigonium simplex (называя *оцвѣтникомъ простымъ*) и per. duplex (*оцв. двойной*), и на стр. 78 говоритъ, будто анатомически доказано, что оцвѣтникъ (*) простой есть всегда чашечка. Правда, такъ принималъ Жюсье, но на иномъ основаніи; Анатомія-же въ пользу Декандолева мнѣнія, принятаго Г-мъ Горяниновымъ; при томъ, если оцвѣтникъ простой есть всегда чашечка, то какъ-же Г-нъ Перелыгинъ покровы лиліи и амарилла называетъ вѣнчикомъ?

При описаніи *тычинки*, Авторы не воспользовались наблюденіями Гильеменя о цвѣточной пыли, кои были уже помѣщены въ Указателѣ Открытій: они чрезвычайно важны для теоріи оплодотворенія и подтверждаются новыми наблюденіями Броньяра.

Статья *о медовникахъ* (nectarium) обработана весьма хорошо у Г-на Горянинова; но напрасно онъ объ *ложѣ* говоритъ послѣ плода, а не при цвѣтѣ: безъ предварительнаго объ ономъ изложенія многія обстоятельства цвѣтка и плода невразумительны, да и вообще о семъ предметѣ должно-бъ было еще нѣсколько распространиться.

Въ X-й главѣ у Г-на Горянинова говорится коротко о цвѣтахъ растеній тайнобрачныхъ. Замѣтимъ, что сплюснутыя ямочки около зеренъ хво-

(*) У Г-на Горянинова perigonium называется очень не выразительно *околочьемъ*.

ща, кои Гедвигъ почиталъ тычинками, напрасно Г-нъ Горяниновъ почитаетъ сими-же органами: онѣ не имѣютъ съ ними ничего общаго, и по своему гигроскопическому свойству тожественны съ *лучками* или *пружинками* (elateres) юнгерманій, кои служатъ для удобнѣйшаго разсѣменѣнія, подобно *летучкамъ* на плодахъ растеній сложныхъ, скабіозъ, мауна, пушицы, на сѣменахъ куршы, кипрея.

Въ статьѣ о *плодѣ* Г-нъ Перелыгинъ помѣстилъ составленное Г-мъ Проф. Зембницкимъ систематическое расположеніе различныхъ формъ, до излишества размноженныхъ Французскими Ботаниками. Если уже и согласиться принимать оныя, то въ семъ случаѣ Г-нъ Горяниновъ сдѣлалъ гораздо большую услугу приведеніемъ видовъ плода множественнаго къ большему единству и сокращенію. Мы однакожъ въ семъ случаѣ охотнѣе послѣдовали-бы Линку, который не одобряетъ установленія для сего особыхъ существительныхъ терминовъ. Въ самомъ дѣлѣ, особыми терминами означаются только особыя части растеній, или особыя ихъ уклоненія (на пр. cirrhus, phyllodium, ascidium), а не виды органовъ. Вѣнчикъ мотыльковый не означается особымъ существительнымъ именемъ; также точно не льзя опредѣлить и формъ плода множественнаго, до чрезмѣрности разнообразныхъ и переходящихъ изъ одной въ другую. Декандоль въ своемъ *Продромѣ* показалъ прекрасный образецъ описывать ясно и удовлетворительно плоды, избѣгая подобныхъ терминовъ, кои, должно правду сказать, и остаются въ однѣхъ Терминологіяхъ. За чѣмъ-же излишество?

Впрочемъ каждый имѣетъ свое мнѣніе; дѣло Г-на Горянинова стоитъ похвалы.

Замѣтимъ вообще то достоинство въ Ботаникѣ Г-на Горянинова, что онъ органы растеній тайнобрачныхъ, какъ несовершенныя еще формы, размѣстилъ по принадлежности при тѣхъ совершенныхъ органахъ, къ коимъ они относятся; при чемъ онъ избралъ лучшій способъ описывать органы по классамъ. Такимъ образомъ Органологія приводится къ большему единству. Г-нъ Перелыгинъ, можетъ быть желая достигнуть сего-же, или для большей простоты, описалъ органы питанія и рожденія тайнобрачныхъ растеній въ отдѣльной статьѣ, даже послѣ Физіологіи, Патологіи и Химіи, что противно порядку науки и мѣшаетъ полнотѣ Органологіи.

Что касается до *Фитографіи*, то у Г-на Горянинова она имѣетъ обширнѣйшій объемъ, нежели у Г-на Перелыгина, который весьма многія статьи, существенно сюда относящіяся, опустилъ.

Наконецъ, по изложенію системъ, книга Г-на Перелыгина весьма неполна и ничего новаго не прибавляетъ, такъ что все въ ней помѣщенное могло быть выписано изъ Русскихъ книгъ. Онъ изложилъ только систему Турнефорта, Линнея и Жюсье, безъ дальнихъ околичностей; особенно въ системѣ Жюсье высчитано только 141 семейство и даже не прибавлены новыя названія классовъ, что находится уже въ книгѣ Г-на Мартынова (Три Ботаника), за 7 лѣтъ изданной. У Г-на Горянинова сія часть обстоятельнѣе и доведена дѣйствительно до

новѣйшаго времени. Онъ начинаетъ съ Линнеевой системы, опустивъ Турнефортову и прежде бывшія, кои можно узнать изъ Ботаники Г-на Двигубскаго. Система Жюсье представлена въ послѣднемъ ея видѣ, съ вычисленіемъ 164 семействъ и показаніемъ нарочно многихъ примѣровъ. Послѣ сего изложена система Декандоля, съ вычисленіемъ семействъ, предложенныхъ его Théorie Elémentaire, и показаніемъ тѣхъ отмѣнъ, въ послѣдствіи Декандолемъ сдѣланныхъ, кои помѣщены въ двухъ частяхъ его Продрома.

Кстати здѣсь можемъ привести сдѣланное нѣкогда въ Телеграфѣ замѣчаніе, что Декандолева система совсѣмъ не *есть система Жюсье съ нѣкоторыми поправками;* но ее должно почитать именно особенною и по своимъ основаніямъ отличною отъ Жюсьевой системы.

Наконецъ предложенъ искусною рукою сдѣланный очеркъ Океновой системы новой, заимствованной, кажется, изъ новой его Ботаники, изданной въ дополненіе къ Lehrbuch der Naturgeshichte, о выходѣ коей мы слышали, но у себя еще не имѣемъ; почему теперь и удерживаемся сдѣлать о сей новой системѣ какое-либо сужденіе; получа-же надѣемся читателямъ нашимъ сообщить полное показаніе достоинства основной идеи, и того, какъ далеко простирается успѣхъ неоднократно измѣненнаго приложенія оной идеи къ самой натурѣ.

Вотъ сравненіе частей Ботаники, кои находятся въ обоихъ сочиненіяхъ: симъ подтверждается выше сказанное о сихъ книгахъ мнѣніе. Что касается до Физіологіи, Патологіи и Химіи въ сочиненіи Г-на

Перелыгина, то вообще ихъ можно назвать *довольно хорошими и вразумительными для перваго обученія*, но не соотвѣтственными съ современнымъ состояніемъ Естествознанія и дальнѣйшими требованіями науки. Сіе показать не трудно. Мы-бы желали, чтобъ Г-нъ Горянниновъ, какъ Медикъ новаго поколѣнія и преподаватель Ботаники для Медиковъ-же, дополнилъ свой Курсъ составленіемъ подробной Физіологіи и Патологіи, да и Анатомію изложилъ-бы въ подробности.

Теперь остается сдѣлать нѣсколько дополненій къ нашимъ замѣчаніямъ.

Русскія названія семействъ у обоихъ равнаго достоинства, т. е. большая часть изъ нихъ хороши и между собою сходятся; но нѣкоторыя неудачны. Такъ у Г-на Горянинова Cupressae названы *Кипрейными* не хорошо, ибо Кипреемъ называется Epilobium, что было уже въ Телеграфѣ замѣчено Г-ну Щеглову. У Гг-дъ Перелыгина и Маршынова нѣсколько лучше—*Киперныя*; у Г-на Кастальскаго *циперо-видныя*; но почему-бъ не назвать *Осоковыми*, заимствуя названіе отъ многочисленнѣйшаго рода. Если по тому, что это не будетъ слово въ слово, то для чего-же Г-нъ Горянниновъ Colchicaceae назвалъ *Чемеричными*, а не *осенниковыми* (Маршыновъ) (*); Cynarocephale *Чертополоховыми*, а не *Артишокоголовными*

(*) Это имя кажется можно-бъ удержать, ибо названіе у Г-на Перелыгина *Зимовиковыя*, а у Г-на Щеглова *Песобоевыя*, ничѣмъ не лучше.

(Мартыновъ), или проще *Артишокосыми* (Cynareae); Nyctagineae *Чудоцвѣтовыми?* Такимъ-же образомъ у него напрасно Ranunculacae — названы *Жабниковыми*, вмѣсто употребительнаго и свойственнаго съ ихъ натурою названія *Лютиковыя*, ибо Ranunculus, по просту и въ большей части книгъ, называется *Лютикомъ*, а жабникомъ угодно было его назвать только Г-ну Соболевскому, въ то время, какъ сіе слово относится къ другому растенію. Почему Myristiccae названы *Миристиковыми* (Маршын., Горян.), а не *мушкатными* (Перелыг.)?

У Г-на Перелыгина несвойственно названы Atripliccae—*Лебедевидными*, Polemoniecae—*Болдырьяновыми*, Ficoideae—*Фиговыми*, Leguminosae, (бобковыя) *гороховыми*. Что касается до названій растеній вообще въ книгѣ, то у Г-на Перелыгина почти всегда примѣры выставлены аккуратно по Русски и вмѣстѣ по Латыни, во избѣжаніе сбивчивости (*); у Г-на Горянинова иногда есть Русскія названія, чаще поставлены одни Латинскія, особливо-же пестрятъ книгу Латинскія идіотаціи въ текстѣ, хотя и весьма дѣльныя: это почитаемъ небрежностію!

При Ботаникѣ Г-на Горянинова приложены рисунки, изъ коихъ 10 изъ Ботаники Вильденова уже не новые для насъ, и отпечатаны досками изъ Ботаники Г-на Петрова, съ перемѣною 5-ти фигуръ на 9-й таблицѣ. Кромѣ сихъ еще прибавлены 2 таблицы гра-

---

(*) Замѣтимъ ему, что онъ напрасно вмѣсто *Черемуха* пишетъ сокращенно: *Черемха; Черемхою* наз. Prunessa.—На стр. 73-й у него Ligustrum:—*зорн!* переводъ!

вированныя лучше и вновь составленныя. Къ Ботаникѣ Г-на Перелыгина обѣщаны особо рисунки, съ особеннымъ оныхъ объясненіемъ.

W. W.

— *Собраніе актовъ публичнаго засѣданія* ИМПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербургской Академіи Наукъ.

(*Статья III и послѣдняя*).

Изложивъ читателямъ нашимъ содержаніе Рѣчи Г-на Президента Академіи, Г-на Триніуса, и Отчетъ Г-на Секретаря Академіи, приступаемъ къ послѣдней статьѣ, находящейся въ Собраніи актовъ публичнаго засѣданія Академіи: это *Рѣчь Г-на Академика Паррота* (на Французскомъ языкѣ). Предметъ ея составляютъ практическія изслѣдованія знаменитаго путешественника нашего Г-на Врангеля *о полярныхъ льдахъ и сѣверныхъ сіяніяхъ*, и теорія, извлеченная Г-мъ Парротомъ изъ своихъ собственныхъ и Г-на Врангеля изслѣдованій, составленія первыхъ и образованія другихъ.

Въ Московскомъ Вѣстникѣ помѣщено было критическое разсмотрѣніе Рѣчи Г-на Паррота. Не говоримъ о томъ, что стыдно Издателю Журнала, въ которомъ часто находятся извѣстія о многихъ современныхъ ничтожныхъ явленіяхъ отечественной литтературы, пропустить безъ вниманія столь важное и значительное явленіе, каково Собраніе актовъ засѣданія Академіи. Но если уже ему угодно было молчать самому, то непростительно въ замѣну молчанія помѣщать выскочку какого-то бе-

зыменнаго смѣльчака, который дерзко напалъ на ученое, и со всею ученою скромностію написанное, сочиненіе Г-на Паррота, удостоенное особеннымъ вниманіемъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Критика, разногласіе, несоглашеніе съ шѣмъ или другимъ мнѣніемъ, не только позволены, даже одобряются въ литтературѣ, какъ средства находить истину; но вѣжливость, осторожность, когда опровергаемъ авторитетъ человѣка извѣстнаго, суть обязанности критика. Говорите истину смѣло, не только литтератору, но самому Царю; вмѣстѣ съ шѣмъ, помните, что чѣмъ выше человѣкъ, которому говорите, шѣмъ сильнѣе должно быть ваше убѣжденіе въ правотѣ своей, и шѣмъ скромнѣе образъ вашего изложенія. Кіевскій Критикъ Московскаго Вѣстника, кажется, незнакомъ съ сими правилами. Не станемъ разбирать: правъ или нѣтъ противъ него Г. Парротъ, и изложимъ только сущность Рѣчи, которая измѣнена, изковеркана и осмѣяна была въ Московскомъ Вѣстникѣ.

Рѣчь Г-на Паррота составляетъ въ подлинникѣ $16\frac{1}{2}$ спір. in 4. Не смотря на то, обширность предмета не позволила Автору объяснить всѣ подробности его въ рѣчи, назначенной для публичнаго чтенія. Авторъ ссылается въ семъ случаѣ на изданную имъ книгу: Physikalische Beobachtungen des Kapitain-Lieutenant v. Wrangel, während seiner Reisen auf dem Eismeer in den Jahren 1821, 1822 und 1823, собранныя, переработанныя и изданныя Г-мъ Парротомъ (Берлинъ, 1827 г.), въ коихъ читатели найдутъ объясненія подробныя. Тѣмъ труднѣе изложить сущность предмета, изъясняемаго Г-мъ П., въ

статьѣ гораздо меньшаго противъ его Рѣчи объема. Постараемся однакожь сдѣлать кратчайшее изложеніе.

Въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ явленій природы, изумляющихъ путешествователя среди полярныхъ морей, должно положить исполинскія громады льдовъ, коими тамъ всегда усѣяно бываетъ море. Какимъ образомъ, и отъ чего составляются сіи громады? Вотъ вопросы, родившіеся послѣ описаній, сдѣланныхъ въ новѣйшее время Скоресби, Франклиномъ, Коцебу, Россомъ, Парри, и другими, смѣло странствовавшими въ тѣхъ странахъ, которыя природа хотѣла, кажется, оградить отъ любопытства смертныхъ холодомъ, льдами и гибелью. Въ послѣднее время, Европейскіе путешествователи со всѣхъ сторонъ старались приблизиться къ точкѣ земнаго шара, отвсюду окруженной непроходимыми льдами. Россъ и Парри отъ Сѣвера Америки; Парри отъ Шпицбергена; Скоресби отъ Гренландіи; Коцебу, Шишмаревъ, Васильевъ и другіе отъ Берингова залива; наконецъ, Врангель, Анжу, Матюшкинъ и другіе отъ Сѣвера Сибири, преодолѣвая неизчислимыя препятствія, подвергаясь безпрерывнымъ опасностямъ, доставили намъ важныя свѣдѣнія о полярныхъ странахъ. Г-нъ Парротъ собралъ въ вышеозначенной книгѣ своей замѣчанія Г-на Врангеля о льдахъ, преимущественно предъ всѣмъ другимъ, ибо Г-нъ Врангель разсматривалъ съ особеннымъ тщаніемъ, и геологически наблюдалъ полярные льды. По его соображеніямъ открылись въ ихъ устройствѣ слѣды такого-же порядка творенія, какія видимъ разсматривая слои зем-

ли. Видъ поверхности Ледовитаго моря, зимою, представляетъ безконечную снѣжную равнину, безпорядочно усѣянную большими и малыми холмами и горами льдовъ (или *торосами*, какъ называютъ туземцы сіи громады). Между сими торосами огромныя трещины ледяной коры, шириною иногда въ 10 и 15 саженъ, представляютъ собою точное подобіе рѣкъ, такъ, что путешественникъ иногда невольно думаетъ, что онъ еще по твердой землѣ, а не надъ безднами океана отваживается на дерзкое путешествіе.

Въ *торосахъ* явно различаются торосы *стараго* и торосы *новаго* образованія. *Первые* суть куски льдовъ, безпорядочно взгроможденныхъ, отъ 20 до 30 ф. въ толщину, до 100 и болѣе въ окружности; углы льдинъ округлены; цвѣтъ ихъ синеватый, и иногда сѣроватый, если въ кускахъ много бываетъ примѣси земли. Въ разломѣ льдинъ видны бѣловатыя перепонки, коими толща каждой льдины раздѣляется на нѣсколько слоевъ; вообще въ льдинахъ торосовъ стараго образованія нѣтъ соли.—Торосы новаго образованія составлены изъ кусковъ различной, но гораздо меньшей толщины, отъ 3 до 42 дюймовъ, неогромныхъ, и съ острыми углами. Въ разломѣ нѣтъ у нихъ слоевъ и каждую льдину составляетъ однослойная толща; цвѣтъ ихъ синій, въ зелень переходящій, и въ нихъ всегда находится немного морской соли. Въ вышину, тѣ и другіе торосы, бываютъ до 70 и 80 футовъ, и торосы новаго образованія преимущественно представляютъ собою самыя странныя фигуры.

Примѣсь земли и отсутствіе соли въ льдинахъ

торосовъ стараго образованія, доказываютъ, что онѣ суть произведенія земли; каждая раздѣлена перепонками снѣга, и посему явно, что онѣ принадлежатъ по образованію къ Альпійскимъ ледникамъ (glaciers), составляясь, подобно онымъ, изъ тающаго снѣга, который, за краткостію лѣта, не можетъ весь растаивать. Такимъ образомъ ошкрывается одинаковость дѣйствій природы на вершинахъ высокихъ горъ и въ полярныхъ странахъ.

Новаго образованія торосы, напрошивъ, произведеніе моря, и соль, въ нихъ находящаяся, показываетъ, что они ничто другое, какъ замерзшая морская вода. Прежде, ошибочно, полагали, что вода теряетъ свою соленость при замерзаніи, и сія геологическая ошибка вводила естествоиспытателей въ заблужденіе, касательно составленія ледяныхъ громадъ. Новѣйшіе опыты показали, что соль можетъ оставаться во льду при замерзаніи, и тѣмъ разрушено прежнее мнѣніе, равно и мнѣніе извѣстнаго путешественника Перона, что страшныя громады льдовъ, плавающія по океану, и иногда возвышающіяся надъ поверхностію моря на 100 футовъ, образуются на днѣ моря, и потомъ отрываются и всплываютъ на верхъ.

Обратимъ взоръ на другое замѣчательное явленіе полярныхъ странъ. Въ холодѣ, при которомъ ртуть не растаяваетъ нѣсколько мѣсяцовъ, и спиртовой термометръ падаетъ на 42° ниже нуля, путешественникъ видитъ въ ледяной корѣ океана *полыньи*, т. е. отверстія, на версту въ ширину и на двѣ въ длину, въ коихъ море свободно отъ льдовъ, какъ будто въ умѣренномъ климатѣ. Парри видѣлъ

свободное отъ льдовъ море подъ 83° широты, и плавалъ по оному, но лѣтомъ. Г-нъ Врангель зимою видѣлъ повсюду полыньи на Ледовитомъ морѣ. Какое волшебство изкопало сіи огромныя скважины во льдахъ, и какая сила хранитъ въ нихъ воду отъ замерзанія, когда холодъ покрываетъ льдяною корою все остальное пространство?

Замерзаніе происходитъ тамъ только, гдѣ есть твердое тѣло, отъ котораго ледъ можетъ разпространяться. Озера начинаютъ обыкновенно замерзать отъ береговъ. Скорезби отвергалъ сіе замѣчаніе, описывая, что открытое море, гдѣ онъ находился, вдругъ замерзло вокругъ корабля его, на необозримое пространство. Но онъ не зналъ, что твердое тѣло, производящее замерзаніе, можетъ и не быть утвержденнымъ, и что достаточно только его присутствія. Въ стаканѣ можно разхолодить воду до 10° градусовъ ниже нуля, и она не замерзнетъ; но едва прикоснутся къ ней маленькою льдинкою, вода замерзаетъ мгновенно; слѣдовательно: нѣсколько кусковъ плавающаго льда и самый корабль Скорезби могли произвесть замерзаніе въ открытомъ морѣ. Ледовитое море всегда бываетъ покрыто льдинами стараго образованія, плавающими по его поверхности. Замерзаніе начинается отъ береговъ, острововъ и отъ плавающихъ льдинъ. Но оно происходитъ призматическими плоскостями, такъ, что чѣмъ далѣе отъ пункта, гдѣ началось замерзаніе, тѣмъ ледъ, при начальной точкѣ замерзанія достигающій 42 дюймовъ въ толщину, дѣлается тоньѣе, и слѣд. ледяная кора на Ледовитомъ морѣ чрезвычайно неравна въ

толщинѣ своей. Тонкіе концы отъ разныхъ пунктовъ замерзанія сходятся вмѣстѣ. Вода, волнуемая подъ корою, и движимая во всѣ стороны, пробиваетъ сіи тонкія мѣста, образуетъ полыньи, и выбрасывая обломки льда на края, составляетъ торосы новаго образованія. Вода въ полыньяхъ безпрерывно волнуется, и волны, вышибаемыя моремъ въ сіи отверстія, такъ сильны, что могутъ образовывать громады въ 80 футовъ вышины, пока сильнѣйшій холодъ, при тихой погодѣ, не затянетъ полыньи льдомъ, оставя памятникомъ ея только кучи торосовъ.

Но вотъ важное обстоятельство: ГГ. Врангель и Анжу, стараясь съ разныхъ сторонъ приближиться къ сѣверному полюсу, были остановлены, такъ называемою туземцами, *Большею Полыньею*, которой ни ширины, ни длины они не могли узнать. Отъ долготы мыса Якана, до широты выше Новой Сибири, почти на 1600 верстъ, они обозрѣвали сію полынью, и туземцы увѣряли ихъ, что *Большая Полынья* идетъ далѣе, до самой долготы Сѣвернаго мыса, близъ Берингова залива, а потомъ обращается къ OZO и WNW. Если продолжить протяженіе сей полыньи на W, то дойдемъ до сѣв. стороны Шпицбергена, почти подъ 83° сѣв. широты, гдѣ Парри остановленъ былъ открытымъ моремъ, проѣхавши большое пространство по льду. Весьма любопытно было-бы повѣрить сію гипотезу о Большой Полыньѣ, въ прямомъ направленіи отъ Таймурскаго мыса.

Между тѣмъ, должно-ли довѣрять туземцамъ, называющимъ сіе обширное пространство откры-

тыхъ водъ *полыньею?* Существуетъ-ли далѣе сей полынья твердая земля, громада льдовъ, покрывающая твердь, или открытое море разливается на самомъ полюсѣ и далѣе, между прибрежными льдами Сибири и Америки?

Г-нъ Врангель видѣлъ торосы стараго образованія, захваченные корою льда, и заледѣнѣвшіе съ нею. Они составляются первоначально на землѣ: это неоспоримо. Спрашивается: съ береговъ-ли Сибири свалились въ море основанія сихъ громадъ?

Льдины, изъ коихъ составлены сіи торосы, бываютъ въ 30, 40 и болѣе футовъ толщиною. Въ продолженіе всей зимы, ледъ при берегахъ Сибири не можетъ составить толщи болѣе 40, съ чѣмъ-либо, дюймовъ; даже и не при устьяхъ рѣкъ, гдѣ таяніе снѣга многіе годы скопляетъ слои, Г-нъ Врангель не замѣтилъ толщи болѣе 10 футовъ. И такъ, здѣсь не могли составиться толстыя, на 40 футовъ въ разломѣ простирающіяся льдины: онѣ идутъ изъ стороны болѣе сѣверной, что подтверждаетъ и Парри, говоря о льдинахъ и теченіи, воспрепятствовавшихъ ему идти далѣе 80° шир. сѣверной. Если-бы сей знаменитый путешественникъ, съ такою-же цѣлію и тщаніемъ, какъ Г-нъ Врангель, наблюдалъ составъ торосовъ, на Сѣверѣ отъ Шпицбергена, то, вѣроятно, нашелъ-бы въ нихъ однородство съ торосами Ледовитаго Сибирскаго моря, и тогда не оставалось-бы болѣе никакого сомнѣнія, что открытое море, которое зимою составляетъ *Большую Полынью*, есть ничто иное, какъ широкій проливъ между берегами и сѣверны-

ми островами Азіи и Америки, и берегами материка подполюснаго, покрытаго ледниками, отъ коихъ отрываются огромныя льдины, составляющія торосы стараго образованія.

Сіи любопытныя проблеммы географическія приводятъ къ различнымъ геологическимъ предположеніямъ, и особенно къ важному вопросу: какое было начальное происхожденіе полярныхъ льдовъ; когда они начали приращаться; увеличиваются-ли нынѣ, или достигли послѣднихъ предѣловъ своего распространенія?

Нѣтъ сомнѣнія, что массы горно-каменныхъ породъ (masses de rochers), образовавшія материки и острова земнаго шара, не иное что, какъ осадки веществъ, которыя до того были разрѣшены (contenues en solution) въ океанѣ, покрывавшемъ основу земнаго шара. Сія огромнѣйшая осадка, какъ всякая осадка химическая, должна была произвесть теплоту, которая распространяясь по всей поверхности земли, препятствовала замерзанію, даже подъ полюсами, и сдѣлала обитаемыми самыя прилежащія къ нимъ страны. Когда сія теплота разсѣялась внутри, замерзаніе могло начаться при полюсахъ, если есть тамъ твердь земная, или у близъ лежащихъ странъ, откуда бури и вѣтры могли увлекать обломки льдовъ къ полюсамъ и, по недостатку теплоты, каждый годъ тамъ составлялись вѣчные льды, облѣпившіе полюсы.

Разсматривая такимъ образомъ образованіе огромнѣйшихъ массъ подъ полюсами, около которыхъ облегаетъ большая полынья, и составляетъ око-

нечность прибрежныхъ льдовъ материка Америки и Азіи, мы видимъ опять тождество дѣйствій природы повсюду, гдѣ составляются вѣчные льды.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ выписать здѣсь всѣхъ любопытныхъ замѣчаній Г-на Парроша, о распространеніи ледянаго купола подъполюснаго, постепенномъ увеличеніи холода отъ полюсовъ, противъ чего сражается человѣкъ, дѣлая климаты умѣреннѣйшими, вырубкою лѣсовъ, осушеніемъ болотъ, разселеніемъ въ мѣстахъ, дотолѣ бывшихъ необитаемыми. Сей борьбѣ природы съ человѣкомъ должно, можетъ быть, приписать неровности, замѣчаемыя нынѣ при наблюденіи термометра, и вообще измѣненія въ наше время въ климатахъ. Оставляя всѣ сіи подробности, обращаемся къ другому предмету Рѣчи Г-на Парроша — *сѣвернымъ сіяніямъ*.

Наблюдая сіи величественныя и прекрасныя явленія подъ 69 и 70°, Г-нъ Врангель замѣчаетъ, что сѣверныя сіянія всегда начинаются на краѣ горизонта, въ видѣ сегмента круга, не болѣе 20°, который неровно возвышается и расширяется до 80° и болѣе. Свѣтъ сего явленія слабѣе свѣта полной луны. Когда оно значительно увеличится, то начинаютъ изъ оконечностей его вылетать столбы свѣта, гораздо ярчѣе самаго основанія, въ разныя стороны, и какъ будто зажигаютъ новыя въ самомъ основаніи, часто измѣняя его фигуру, и мгновенно изчезая. Описавъ великолѣпное сѣверное сіяніе, видѣнное въ Дерптѣ, 22 Октября 1804 г., при чемъ слышенъ былъ шумъ, и столбы свѣта измѣнялись во всѣ цвѣта радуги, Г-нъ Парротъ заклю-

часть, что обширность и, если можно такъ сказать, плотность сѣв. сіяній бываютъ весьма различны; что столбы, вырывающіеся изъ нихъ и мгновенно изчезающіе, часто производятъ шумъ, когда самый сегментъ, изъ коего они вылетаютъ, никогда шума не производитъ, и что столбы сіи бываютъ ярче самаго сегмента, хотя сквозь него и сквозь нихъ видны бываютъ звѣзды. Отдаленность сихъ явленій отъ земли иногда можно положить до 200 верстъ; они всегда являются въ сѣверѣ, часто въ магнетическомъ меридіанѣ наблюдателя, или около; они имѣютъ вліяніе на намагниченную иголку, во все время своего продолженія, и даже на атмосферическое электричество, но гораздо рѣже. Вотъ еще другія, новѣйшія замѣчанія Г-на Врангеля: часто столбы образуютъ кругъ слабаго свѣта около луны; восходя высоко, столбы оставляютъ послѣ себя бѣловатыя облачка, которыя иногда видны бываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погасъ столбъ, и на другой день. Если падающая звѣзда влетаетъ въ пространство сѣвернаго сіянія, она зажигаетъ собою новый столпъ, воспаляющій другіе.

«Размышляя (говоритъ Г-нъ Парротъ) о столькихъ частныхъ явленіяхъ, составляющихъ собою величественное явленіе сѣверныхъ сіяній, дерзнетъ-ли физикъ изъяснять его? Удаленный отъ мѣста сихъ блестящихъ дѣйствій природы, при каждомъ появленіи представляющихъ новыя формы, онъ конечно будетъ имѣть право на снисхожденіе судей къ своимъ предположеніямъ.»

Что думали донынѣ о сѣверныхъ сіяніяхъ? Декартъ, первый изъ физиковъ объяснившій радугу, полагалъ, что сѣв. сіяніе есть оптическій метеоръ, производимый отраженіемъ свѣта на полярные льды, и передаваемый намъ другимъ отраженіемъ, въ высшихъ пространствахъ атмосферы. Галлей, безсмертный по своимъ опытамъ надъ компасомъ, приписывалъ сѣверное сіяніе магнетизму земнаго шара: мнѣніе, возобновленное, лѣтъ 35 тому, Дальтономъ. Меранъ низводилъ блестящую атмосферу солнца въ атмосферу земли, объясняя сѣв. сіяніе, какъ зодіякальный свѣтъ. Эйлеръ, первый возстановитель теоріи сотрясеній для явленій свѣта, производилъ его отъ столкновенія сотрясеній эѳира съ частицами атмосферическими. Кантонъ, первый изъ сдѣлавшихъ основательныя замѣчанія объ электричествѣ, и Франклинъ, полагали сѣв. сіяніе явленіемъ электричества: гипотеза, долгое время почитавшаяся за основательнѣйшую. Изслѣдователь электро-магнетизма, знаменитый Эрштедъ, въ сѣверномъ сіяніи находитъ дѣйствіе электро-магнетизма. Наконецъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ естествоиспытателей Французскихъ, составилъ въ новѣйшее время слѣдующую теорію: онъ полагаетъ основу сѣв. сіяній при магнетическомъ полюсѣ и приписываетъ магнетизму земли образованіе столбовъ, въ направленіи магнетическаго меридіана. Свѣтъ, разпространяемый явленіемъ, относитъ онъ къ атмосферному электричеству. Матерію сѣв. сіяній почитаетъ тончайшимъ волканическимъ порошкомъ, вознесеннымъ въ высшія пространства воздуха извержеміемъ сѣверныхъ волкановъ. Волка-

ническія частицы, содержащія окись желѣза, подверженную дѣйствію магнетизма, и поверженныя въ магнетическую жидкость, обращающуюся около земнаго шара, увлекаются въ видѣ столбовъ, по направленію магнетическихъ меридіановъ. Атмосферное электричество, измѣняя свою постепенность и самое свойство отъ одного конца столбовъ къ другому, старается уравняться, раждаетъ искры касаясь сихъ частицъ, и въ отдаленіи кажется блѣднымъ пламенемъ.

Г-нъ Парротъ убѣдительно опровергаетъ всѣ сіи гипотезы, и особенно послѣднюю, а потомъ объясняетъ свою собственную.

Вся поверхность воды и земли испаряетъ, отъ согнитія растительныхъ и животныхъ веществъ, водородный обугленный, легко воспламеняющійся газъ, который, будучи легче атмосфернаго воздуха, какъ 6 къ 10, возлетаетъ въ самые высшіе слои воздушной оболочки земнаго шара. Онъ встрѣчаетъ, одно надъ другимъ находящіяся, два теченія: отъ полюсовъ къ экватору, и отъ экватора къ полюсамъ. Послѣднее выше перваго, и стремитъ сей газъ къ полюсамъ, близъ коихъ слѣдовательно, должно накопляться безмѣрнымъ количествамъ водороднаго, обугленнаго газа. Это фактъ неоспоримый. Сей-то газъ составляетъ матерію сѣверныхъ сіяній, которыя зажигаются падающими звѣздами, въ безчисленномъ множествѣ летающими по воздуху. Основаніе сѣв. сіяній, показывающееся въ видѣ сегмента круга, составляетъ воспаленный газъ, къ коему летятъ новые столбы газа; касаясь воспале-

нія, они сами зажигаются во всю длину свою, и если въ нихъ есть еще атмосферный кислотворъ, горѣніе бываетъ съ шумомъ, и тихо, если нѣтъ атмосф. кислотвора. Симъ объясняется, почему сѣверное сіяніе всегда бываетъ близь полюсовъ; почему оно бываетъ различно въ величинѣ и объемѣ, являясь болѣе осенью и до половины зимы; отъ чего основаніе его горитъ тихо, а столбы производятъ шумъ, подобно шуму горящаго водотвора, и наконецъ, почему оно, состоя изъ горящаго газа, бываетъ прозрачно.

Если-бы мефитическій, обугленный водородъ скоплялся не разрѣшаясь, то въ 1000 лѣтъ онъ задушилъ-бы все живущее. Сгараніе его въ сѣв. сіяніяхъ есть новое доказательство мудрой экономіи дѣйствій природы. Безспорно, что сія новая гипотеза тогда была-бы совершенно положительною, когда мы могли-бы возвыситься въ пространства, гдѣ составляются сѣв. сіянія, могли зажечь сей блестящій метеоръ, и наблюсть температуру, происходящую отъ воспаленія, и химическія произведенія, какія оно доставляетъ. Но будемъ внимательнѣе наблюдать, и мы замѣнимъ сей опытъ. Падающая звѣзда есть свѣтильникъ, коимъ мы зажгли-бы его; колебаніе столбовъ и движенія свѣта сѣв. сіянія есть термометръ, показывающій движенія воздуха, причиняемыя горѣніемъ, точно какъ на пожарѣ, ибо въ холодныхъ странахъ, гдѣ горитъ сѣв. сіяніе, столь-же мало бываетъ вѣтровъ, какъ и тучь. Химическія произведенія его должны быть вода и углекислый газъ; что-же другое, если не составленіе воды показываютъ бѣловатыя облачка,

образующіяся послѣ сгоранія столбовъ, и кругъ около луны? Мы не видимъ углекислаго газа, но легко можемъ понимать, что сей газъ, будучи тяжелѣе атмосфернаго воздуха, какъ 3 къ 2, стремится, послѣ сгорѣнія обугленнаго водорода, къ низу, и вознаграждаетъ угольное начало, теряемое растительностію черезъ гніеніе: это согласуется съ общимъ испытаніемъ воздуха, взятаго на высокихъ горахъ, въ которомъ находимъ углекислый газъ. Физикамъ извѣстно уже было обращеніе воды, отъ земли въ атмосферу и обратно. Теперь, послѣ изслѣдованія сѣв. сіяній, можемъ предположить стремленіе отъ земли водорода и на землю угольнаго начала; первое обращеніе производитъ всѣ водяные метеоры: дождь, снѣгъ, облака, туманы, бури, молнію; два другіе производятъ сѣв. сіяніе.

Для полной достовѣрности сей теоріи слѣдуетъ начать трудъ геометрамъ. Г-нъ Врангель доставилъ намъ частныя изслѣдованія. Надобно послать нѣсколько изслѣдователей въ полярныя страны, раздѣлить мѣста ихъ наблюденій большими пространствами, и дать имъ средства измѣрять величину, фигуру, вышину, движеніе всѣхъ частей сѣв. сіяній, съ разныхъ точекъ. Сіе занятіе можно соединить съ обозначеніемъ сѣверныхъ береговъ Азіи, отъ устья Лены до Таймурскаго мыса—пространства, почти неизвѣстнаго — и далѣе, взявъ выше Новой Земли до сѣверной части Шпицбергена, гдѣ былъ Парри.

Все сіе пространство (такъ заключаетъ Рѣчь свою Г-нъ Парротъ) есть область Россіи: она мо-

жетъ оставить Америкѣ познаніе сѣверныхъ береговъ Американскаго материка, отъ Берингова пролива до самой западной оконечности Гренландіи. Полнымъ обозрѣніемъ Сѣвера Россіи мы удостовѣримся: есть-ли какой-нибудь перешеекъ земли, или вѣчныхъ льдовъ, могущій показать человѣку путь къ полюсу, или большая полынья совершенно отдѣляетъ сей пунктъ земнаго шара, коему равнородный находится только подъ южнымъ полюсомъ, и Ледовитое море есть проливъ между Азіею и вѣчными громадами льдовъ Сѣвернаго полюса.

Предоставляя будущему времени исполненіе предначертаній, какія мы нашли въ Рѣчахъ Г-на Президента и двухъ почтенныхъ Членовъ Академіи; предоставляя ученымъ физикамъ сужденіе о гипотезахъ Г-на Паррота, и собственныя замѣчанія наши благоусмотрѣнію знаменитой Академіи, пожелаемъ, чтобы для чести Русской литтературы чаще являлись книги, подобныя Собранію актовъ публичнаго засѣданія Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ. Такія книги, побуждающія заниматься важными учеными предметами не однихъ ex professio ими занимающихся, но каждаго просвѣщеннаго гражданина литтературной республики, достойны особаго нашего вниманія и признательности.

— *Обозрѣніе публичнаго преподаванія наукъ въ* Императорскомъ *Московскомъ Университетѣ,* съ 17 д. Августа 1828-го, по 28 Іюня 1829 года. Издано по распоряженію Университетскаго Начальства. *Conspectus prælectionum* in Univ. litter. Cæsarea Mosquensi, etc.

М. 1828 г. въ ш. Унив. in 4, 36 стр. и роспись лекціямъ на листѣ.

Объявленіе публичнаго преподаванія наукъ въ Императорскомъ *Санктпетербургскомъ Университетѣ*, на сей 1828 годъ, отъ Ректора и Совѣта Университета. СПб. 1828 г. въ ш. Акад. Наукъ, in 4, 21 стр.

— *Lectiones publicae* in Caesarea litterarum Universitate Petropolitana per proximum cursum anni MDCCCXXVIII habendae indicantur a Rectore et Senatu Academico. СПб. 1828 г. въ ш. Акад. Наукъ, in 4, XXI стр.

По соображенію курсовъ и лекцій обоихъ Университетовъ, находимъ большую разницу въ расположеніи, порядкѣ чтеній и руководствахъ, коимъ слѣдуютъ Г-да Профессоры и Адьюнкты Университетовъ.

Въ Московскомъ Университетѣ находится *четыре* отдѣленія: Нравственно-политическое (10 лекцій): *Благословіе догматическое; Римское гражданское Право* (по Вальдеку), съ приложеніемъ къ законамъ Египтянъ, Евреевъ, Грековъ, Нѣмцовъ, Англичанъ, Пруссаковъ и Французовъ; *Россійское практическое производство дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; Дипломатія* и *Право политическое* (по Ахенвалю); *частное гражданское Право; Уголовные законы; Исторія Римскаго законодательства* (по Цвѣтаеву); *Исторія Россійскаго законодательства* и частныя права губерній и областей Россійскихъ; *Исторія и Статистика Россійскаго государства; Политическая Исторія* и *Статистика Европейскихъ государствъ; Россійское законовѣдѣніе; Политическая Экономія* (по Шлецеру и Шторху). — Отдѣленіе

Физико-математическое (13 лекцій): *Зоогнозія; Всеобщая Химія* (по Пайену), *Ботаника; Механика и Оптика*, съ объясненіемъ моделей машинъ; *Частная Технологія* (по Поппе); *Высшая Алгебра* (по Франкёру); *Физика* (по Двигубскому и Біоту); *Дифференціальное и интегральное исчисленіе* (по Франкёру); *Астрономія; Минералогія* (по Фишеру); *Сельское Хозяйство* (по Таеру и Павлову); *Теорія Артиллеріи* (по Шелю и Гогелю), съ объясненіемъ фортификаціонныхъ и артиллерійскихъ чертежей; *Опытная и аналитическая Химія* (по Берцелію, Пфаффу и Тенару); *Аналитическая Геометрія* (по Франкёру). — Отдѣленіе Врачебное (18 лекцій): *Анатомія тѣла человѣческаго; Хирургія; Физіологія* (по Ленгоссеку); *Судебно-Врачебная Наука* (по Пленку и Шпренгелю); *Частная Медицина клиническая* (по І. Франку); *Врачебное веществословіе* (по Гартману); *Наука о сильно-дѣйствующихъ средствахъ* (по Шнейдеру) и *Фармація* (по Вирею и Вилье); *Ветеринарная Наука* (по Фейту); *Повивальное искуство* (по Сибольту) и *Наука о дѣтскихъ болѣзняхъ* (по Генке); *Общая Патологія* (по Ипею) и *Общая Терапія* (по Шпренгелю); лекціи о *Хирургическихъ операціяхъ и инструментахъ* (по Гильшебрандту); *Офталмологія* и *наука о хирургическихъ операціяхъ* (по Веллеру); *Математика* (по Чумакову) и *Физика*, приноровленная къ Медицинѣ (по Двигубскому); *Способы* (?) *сочинять рецепты* (по Консбруху и Эбермейеру); *Анатомія* и *Физіологія домашнихъ животныхъ* (по Фейту); *Зоологія* и *Минералогія* (по Фишеру) и *Ботаника* (по Ришарду); *Костесловіе, Связесловіе* и *Мышцесловіе* (по Ло-

деру); *Анатомія тѣла человѣческаго* (по Лодеру); *Аналитическая Химія;* наука о *женскихъ болѣзняхъ* (по Сибольту); *Исторія Медицины* (по Шпренгелю) и *Врачебныя системы* (по Геккеру). — Отдѣленіе Словесное (13 лекцій): *Риторика* и *Критика словесности; языкъ Славянскій; Теорія и Исторія изящныхъ искуствъ* (по Сульцеру и Эбергарду; *Археологія* (по Эшенбургу и Винкельману); *Исторія* и *Статистика Россійскаго государства; Арабскій и Персидскій языки; Древняя и среднихъ вѣковъ Исторія; Статистика общая; Греческій языкъ* (Достопамятности Ксенофонта; Софокловы Трахинянки; Гомерова Одиссея) и *Греческія Древности; Латинскій языкъ* (теорія слога по Шеллеру и Беку; Оды Горація; Цицеронова рѣчь за Марцелла) и *Римскія Древности* (по Адаму); *Россійская Словесность; Нѣмецкій языкъ* и литтература; *Французскій языкъ* и словесность; *Англійскій языкъ; Исторія Англійской словесности; Итальянскій языкъ* и *Исторія Итальянской словесности; Французская словесность* (по Лагарпу). — Отдѣльныя лекціи *рисованья, музыки* и *танцованья.*

Въ Санктпетербургскомъ Университетѣ *три* факультета: Философско-юридическій (7 лекцій) — *Естественное Право* и *Право Народное* (по Мартини); *Исторія Россійскаго Права* и *Право Россійское, Гражданское* и *Уголовное; Логика, Метафизика* и *Нравоучительная Философія* (по Баумейстеру (?); *Народное хозяйство, Экономика* (?) и *Наука о Финансахъ* (по Адаму Смиту (?)); *Исторія Римскаго права* и *частное Римское Право* (по Макельдею); *Теорія Уголовнаго Права* (по

Фейербаху); *Исторія философскихъ системъ* (по Теннеману). — Факультетъ Физико-Математическій (13 лекцій): *Химія тѣлъ органическихъ*, растительныхъ и животныхъ (по Тенару); *Механика* (по Франкёру); *Астрономія* (по Деламбру); *Минералогія* (по Гаю) и *Геогнозія* (по Добюисону); *Практическая Зоологія* (по Кювье); *Ботаника* (по Декандолю) и *СПбургская Флора; Физика общая; Физика частная* (по Біоту); *Прикладная Ботаника* (по Декандолю); *Дифференціальное и интегральное исчисленіе* (по Лакруа); *Химія тѣлъ неорганическихъ* (по Тенару); *Начертательная Геометрія* (по Севастьянову) и повторенія Физики (по Біоту, Депре, Монферану и Баумгартнеру); *Дополненія къ Алгебрѣ; Прямолинейная и сферическая Тригонометрія и приложенія Алгебры къ Геометріи* (по Біоту); *Начальная Зоологія*.—Факультетъ Историко-Филологическій (16 лекцій): *Всеобщая Статистика* (по Гейму, Гасселю и Мейзелю); *Греческая литтература* (чтеніе Софокла и Ѳукидида); *Латинская литтература* (чтеніе Виргилія и Цицерона); *Россійская Словесность* (правила слога; теорія прозы; Исторія словесности); *Арабскій языкъ* и *Турецкій языкъ* (*);

(*) Сей курсъ преподаетъ знаменитый оріенталистъ нашъ І. Сенковскій. Онъ раздѣляетъ его на три года, и нынѣшній разъ располагаетъ трехъгодичное преподаваніе слѣд. образомъ: 1-й годъ—Грамматика Арабскаго языка, по руководству С. де Саси и Антона Ариды; переводъ на Русскій языкъ трехъ первыхъ Суратъ Алкорана, также Калиле и Демне, и избранныя мѣста изъ Хрестоматіи С. де Саси. —

Краснорѣчіе и *Стихотворство; Греческая литтература* (чтеніе Геродота, Θукидида и Θеокрита); *Латинская литтература* (чтеніе Тита-Ливія и Виргилія); *Новѣйшая Исторія* (по Коху) и *Россійская* (по книгѣ Константинова); *Персидскій языкъ* (*); *Французскій языкъ* (по Граммматикѣ Буд-

---

2-й годъ — Семь Муаллакатъ, съ комментаріемъ Зеузенія, и поэмы Хамасы, съ комментаріемъ Тебризія; для практики языка переводъ на Арабскій языкъ Персидской поэмы Пенди-Аттаръ. — 3-й годъ — Мекамматы Харирія, съ изъясненіями на Арабскомъ языкѣ, и въ заключеніе краткій курсъ Восточной литтературы и Географіи, а сверхъ того въ разныя времена сочиненія на Арабскомъ языкѣ. — Курсъ *Турецкаго языка*: Граммматика; переводъ избранныхъ мѣстъ изъ Исторіографовъ: Наима, Рашидъ, Иззи, Васыфъ, Ходжа-Саадъ-Эд-динъ; описаніе походовъ Румянцова, сочиненное Ресми — Ахмедъ-Эфендіемъ; отрывки изъ поэмы: Юсуфъ-ве-Зулейха; сочиненія на Турецкомъ языкѣ.

(*) Сей курсъ преподаетъ природный Персіянинъ, Мирза Джаферъ Ибнъ-Али-Мерданъ-Бегъ-Топчи-Баши и, также, какъ Г-нъ Сенковскій, дѣлитъ его на три года. Нынѣшній курсъ — 1-й годъ, Персидская Граммматика; переводъ съ Персидскаго на Русскій Пендъ — Наме Аттара; Гулистана и Бустана Садія. — 2-й годъ, избранныя Газали изъ Хафыза; Энвари-Сухейлй; избранныя мѣста изъ Месневіи-Мевля-Руми. — 3-й годъ, избранныя мѣста изъ Шахъ-Наме Фирдевсія и Бухарской Исторіи Тезкире—и—Мукымъ-Хани; Исторія Вессафа, и сочиненія на Персидскомъ языкѣ, по руководству Махзенуль-Инша, съ практикою разговорами.

ри и Хрестоматіи Ноэля); *Исторія Французской словесности; Нѣмецкій язык*ъ (по Грамматикѣ Шумахера); *Англійскій языкъ; Древняя Исторія* (по Кайданову); *Среднихъ вѣковъ Исторія* (по Коху); *Географія древнихъ и среднихъ вѣковъ* (по Данвилю); *Латинскій языкъ; Греческій языкъ* (по Грамматикѣ Бутмана и Хрестоматіи Якобса); *Арабскій языкъ*. — Лекціи *рисованія* и *черченія*.

— *Пространное руководство къ общей Технологіи*, или къ познанію всѣхъ работъ, средствъ, орудій и машинъ, употребляемыхъ въ разныхъ техническихъ искуствахъ. Издано Ѳедоромъ Денисовымъ. М. 1828 года, въ т. С. Селивановскаго, in 8, V и 548 стр. съ 2-мя таблицами чертежей.

Спѣшимъ увѣдомить о семъ важномъ сочиненіи почтеннаго Профессора Технологіи при Московскомъ Университетѣ, Ѳ. А. Денисова. На Русскомъ языкѣ было до сего времени издано весьма немного книгъ, въ которыхъ изложена была общность Технологіи. Изъ числа такихъ должно наименовать: *Начальныя основанія Технологіи*, соч. И. А. Двигубскаго (М. 1807 г. 2 ч.); *Технологію*, изд. отъ Главнаго Правленія училищъ, и многократно перепечатанную въ С. Петербургѣ; *Технологію* Функе, переведенную Г-мъ Озеровымъ (М. 1804 г.). Но двѣ первыя были приноровлены болѣе къ преподаванію въ училищахъ, и притомъ-же, книга Г-на Двигубскаго нынѣ устарѣла, а послѣдняя изъ упомянутыхъ нами весьма неполна. Г-нъ Денисовъ издалъ книгу, обогащенную множествомъ открытій, сдѣланныхъ въ послѣдніе 20 лѣтъ, расположенную по системѣ строгой, и могущую служить, какъ для

преподаванія въ училищахъ, такъ и для пріученія нашихъ практическихъ технологовъ къ книжному занятію и руководства ихъ въ теоріи и практикѣ. Невозможно требовать, чтобы всякій ремесленникъ и заводчикъ нашелъ въ сей книгѣ подробныя для себя изъясненія всѣхъ способовъ его ремесла или производства; но главныя, общія понятія собраны съ большою полнотою, изложены ясно, и множество подробностей технологическихъ включено Авторомъ въ общія замѣчанія. Намъ обѣщанъ подробный разборъ книги Г-на Денисова.

— *Лирическія Стихотворенія Графа Хвостова.* Т. I. книга I. *Третье полное изданіе.* Съ эпиграфомъ: *За трудъ не требую и не чуждаюсь славы.* СПб. 1828 г. въ т. Акад. Наукъ, in 8, XII, III и 319 стр.

На оберткѣ сей книги напечатано: *Полное собраніе стихотвореній Графа Хвостова;* на первой страницѣ находимъ другое названіе: *Стихотворенія Графа Хвостова;* на второй страницѣ слѣдуетъ еще новый, общій, а не одного отдѣленія, титулъ: *Лирическія стихотворенія Графа Хвостова,* томъ 1, книга 1-я. Послѣ всего этого, намъ никогда не догадаться-бы, что эта книга есть начало *новаго, полнаго собранія всѣхъ сочиненій и переводовъ Графа Д. И. Хвостова,* если-бы *Издатель* 1828 *года,* А. М. не оговорился объ этомъ, и не увѣдомилъ въ предисловіи, что его стараніямъ поручено отъ Пѣвца Кубры новое изданіе, что оно составитъ *шесть томовъ,* и что въ 1-мъ заключаются *Лирическія стихотворенія.*

Новое изданіе прекрасно. Одного не достаетъ въ немъ: жизнеописанія Автора. Графъ Д. И. Хвостовъ, современникъ Державина, другъ и родственникъ Суворова, долженъ подарить насъ любопытною своею біографіею. Мы просимъ Издателя его сочиненій, и его самаго, объ этомъ. Можно судить о любопытности біографіи Графа Д. И. по примѣчаніямъ, какія находятся при первомъ томѣ: это волшебный фонарь остроумнаго, забавнаго, историческаго и статистическаго.

Съ горестью замѣтили мы однакожь въ примѣчаніяхъ... нападки почтеннаго поэта на Телеграфъ: Графъ Д. И. говоритъ, что будто-бы въ Телеграфѣ отвергается составленіе Русскихъ словъ съ частицею *безъ*. «Не понимаю,» продолжаетъ Графъ Д. И., «почему, употребляемая *всегда* и *вездѣ*, отрицательная частица: *безъ*, не понравилась Рецензенту. По этому, слово: *безумный*, Г-нъ Издатель Моск. Телеграфа исключитъ изъ Русскаго языка.» Почтенный поэтъ позволитъ намъ сказать, что онъ представилъ слова Телеграфа невѣрно. Онъ ссылается на 129 стр. 6-го № 1827 года, а тамъ замѣчено только было, что въ Россійско-Французско-Нѣмецкомъ Словарѣ, изданномъ Г-мъ Глазуновымъ, помѣщены слова, какихъ *нѣтъ въ Русскомъ языкѣ*; въ эти слова попались и составленныя съ частицею *безъ*, напримѣръ: *безквасный, безкнижный, безковарный, безкрасотство, безмозгій, безмрачный*, и проч. Это не значитъ, что съ частицею *безъ* не льзя составлять словъ, но, что не всѣ слова можно составлять съ нею. Какимъ образомъ

безъ необходимой частицы *безъ*, выразимъ напримѣръ: *беззаконный*, *безмолвіе*, *безразсудство*, *безобразіе?* Но, какъ съ Г-мъ Глазуновымъ не льзя было согласиться, что въ Русскомъ языкѣ есть слова: *безпогрѣшность*, *безконный*, такъ осмѣливаемся и съ Графомъ Д. И. не соглашаться, чтобы частицу *безъ* можно было *вездѣ и всегда употреблять*. Сдѣлаемъ опытъ, и спросимъ можно-ли по Русски составлять слѣдующія слова: *безсуществованіе*, *безхожденіе*, *безмодникъ*, *безкричаніе*, *безсмѣхательство?* Если нельзя, то о чемъ-же хлопочетъ почтенный поэтъ?

Что сказать о самыхъ сочиненіяхъ Графа Д. И. Хвостова? Большая часть ихъ уже извѣстна публикѣ: доказательство извѣстности его твореній — скорый, непостижимо скорый расходъ прежнихъ изданій. Читая старыя и новыя его стихотворенія, невольно повторите—

Все тотъ-же онъ; все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный —

и невольно скажете съ Княземъ П. И. Шаликовымъ:

Любезный Графъ! пиши, пиши (*)!

(*) См. Посланіе Князя П. А. Шаликова къ Графу Д. И. Хвостову, *Дамскій Журналъ*, 1828 г. книжка 19.

ЛИТТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Альманахъ: *Сѣверные Цвѣты*, будетъ изданъ и на слѣдующій 1829-й годъ. Проѣзжая черезъ Москву изъ Южной Россіи, гдѣ прожилъ все лѣто, Баронъ А. А. Дельвигъ, Издатель сего Альманаха, сказывалъ намъ, что онъ надѣется поддержать внутреннее и внѣшнее изящество сего прекраснаго литературнаго произведенія. Много превосходныхъ пьесъ, въ стихахъ и прозѣ, уже собрано имъ.

Въ Москвѣ печатаются, въ типографіи С. А. Селивановскаго, Сочиненія и Переводы Д. В. Веневитинова, юноши съ отличными талантами, къ сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его, рано похищеннаго смертію отъ любви, дружбы и отечества. Видѣвъ еще при жизни Д. В. въ рукописи нѣкоторые опыты его, спѣшимъ извѣстить читателей нашихъ о скоромъ появленіи книги, по всему достойной особеннаго замѣчанія.

Въ Петербургѣ печатается Историческо-Географическое описаніе Монголіи, сочиненное отцомъ Іакинѳомъ. Важное твореніе, какъ по предмету, такъ и по достовѣрнымъ, обширнымъ свѣдѣніямъ почтеннаго Сочинителя.

Шекспирова трагедія: *Гамлетъ*, переведена Г-мъ Вронченкою, который съ такимъ искуствомъ передалъ Русской Литературѣ Байронова Манфреда. Новый трудъ его скоро будетъ изданъ въ СПбургѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

— Trzy Spiewy s poematu Adama Mickiewicza: *Wallenrod* (Три пѣсни изъ поэмы: *Валленродъ*, сочиненной А. Мицкевичемъ). Музыка (голосъ и аккомпаньеманъ фортепіано) Маріи Шимановской. СПб. 1828 г.

Намъ пріятно извѣстить о новомъ произведеніи Г-жи Шимановской, которое, также какъ и *Свитезянка*, есть дань уваженія сей превосходной артистки великому поэту Польскому. Впрочемъ, кажется, что предметы музыки, избранные на сей разъ Г-жею Шимановскою, были слишкомъ огромны для исполненія. Сочинить музыку на балладу: *Альпуэара* надобно было Веберу: кромѣ его не знаемъ, кто-бы изъ современниковъ могъ выразить вполнѣ весь величественный ужасъ сего творенія Мицкевича.

ЖУРНАЛИСТИКА.

(Письмо къ Издателю Телеграфа).

У васъ такъ замедляются иногда, М. Г., извѣстія о кометахъ и метеорахъ Русской литтературы, что онѣ успѣваютъ улетѣть или изчезнуть, прежде нежели вы соберетесь извѣстить объ нихъ въ вашемъ Телеграфѣ. Это непростительно. Правда, я самъ видѣлъ въ театрѣ, какъ толстый Меркурій, крашенымъ кадуцеемъ своимъ, гналъ журналистовъ

съ Парнасса, принявъ на себя должность бушочника у *Парнасской заставы;* не льзя-же журналисту знать всѣ Парнасскія сплетни, если его не пускаютъ на Парнассъ; но многое происходишъ у подошвы Парнасса какъ не знать этого? Сколько похоронъ отправлено въ Русской Литтературѣ прошлаго и нынѣшняго года; сколько покойниковъ изъ-подъ станка типографскаго отправилось въ могилы, или, что все равно, въ мѣшки *ходевщиковъ* (*), а въ вашей метрикѣ не находимъ ни именъ ихъ, ни памяти о похоронахъ. Проглядывать ничего не надобно на то журналъ, на то журнальный дозоръ, чтобы забирать всякаго бродягу литтературнаго, спрашивать законнаго вида на свободное проживательство, и убирать съ поля литтературы зрѣлыя ягоды, отщибаемыя отъ родной вѣтви порывомъ авторскаго самолюбія.

Боясь, чтобы вы не проглядѣли прелестнаго явленія, которое подглядѣлъ я въ Вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ, спѣшу подѣлишься съ вашими читателями находкою. Чудо чудное и диво дивное! Вы писывали объ Англійскихъ Обозрѣніяхъ, какъ-же не написать вамъ о томъ, что отнынѣ замѣнитъ всѣ Обозрѣнія, Вѣстники, Зрители, заключитъ все, и будетъ для Русской литтературы такимъ-же достопамятнымъ явленіемъ, какъ комета, которою грозятъ намъ въ 1832 году, если только новая литтературная комета появится на свѣтъ.

(*) Общее названіе книжныхъ брадатыхъ продавцовъ.

В. Н. Олинъ, издатель неконченнаго *Рецензента*, и *Журнала Древней и Новой Словесности*, умершаго отъ недостатка подписчиковъ, передѣлыватель Байронова Корсера, сочинитель поэмъ, стиховъ, критическихъ и прозаическихъ статей, рѣшился опять посвятишь труды свои Русской журналистикѣ, за которую два раза принимался такъ неудачно. Онъ издалъ уже программу изданія, которое начнетъ съ новаго года. Имя ему *Сѣверный Вѣстникъ*. Это будетъ Журналъ Словесности *Новѣйшей*, Словесности Древней, Стихотвореній, Наукъ, Изящныхъ Художествъ, Современной Библіографіи, Критики, Антикритики, Журналистики, разныхъ извѣстій, Театра и Модъ: все, все будетъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. Если программа есть вывѣска сего восьмаго чуда, не угодно-ли вамъ познакомить читателей съ новымъ журналомъ, издать остальныя книжки Телеграфа, потомъ разбить чернилицу, изломать перья и смотрѣть только, какъ полетитъ по горизонту литтературы новое, великое созданіе творца Корсера; совѣтую и другимъ Журналистамъ сдѣлать тоже.

Сѣверный Вѣстникъ будетъ выходить книжками, каждыя двѣ недѣли, и въ каждой книжкѣ будутъ заключаться слѣдующія 12 отдѣленій.

I. Словесность новѣйшая. Новѣйшая! вотъ обольстительное словечко, подобное словамъ: *лучшій, самый лучшій*, находимымъ въ прейсъ-курантахъ винъ и табаковъ! Но послушайте, что далѣе: въ отдѣленіе сіе будутъ входить «сочиненія, собственно относящіяся къ Изящной Словесности.» Какія-же?

Біографическія извѣстія о великихъ мужахъ, о знаменитыхъ новѣйшихъ писателяхъ, и вообще объ ихъ сочиненіяхъ, съ приложеніемъ иногда ихъ портретовъ, литографированныхъ или — *графическихъ*. Какъ? Развѣ это сочиненія, *собственно къ Изящной Словесности относящіяся?* Да, ММ. ГГ. — Но при томъ будутъ—«повѣсти; отрывки изъ лучшихъ романовъ, *съ краткимъ обозрѣніемъ цѣлаго сочиненія.*» Какого-же сочиненія? Не знаю; но это-ли еще услышатъ читатели. Далѣе Издатель обѣщаетъ— «переводы поэмъ и вообще драмматическихъ со- «чиненій.« Вотъ самая лестная надежда! Теперь увидимъ мы pendant къ Кальѳону и Корсеру, Корсеру, давно уже поставленному на полочку въ храмѣ безсмертія. «Одни уже только Шекспиръ, Гё- «те и Шиллеръ,» прибавляетъ Издатель, «доста- «вятъ безъ сомнѣнія почтеннымъ нашимъ читате- «лямъ — *пріятное препровожденіе времени,*» разумѣется, въ переводахъ, подобныхъ Баязету и Корсеру, изданныхъ Г-мъ Олинымъ. «Однимъ словомъ, «отдѣленіе сіе можно будетъ назвать...» Здѣсь бьюсь на 100 противъ 1, что читатели не придумаютъ, *какъ* хочетъ назвать это отдѣленіе Г-нъ Издатель! — *Литтературною полиграфіею*... Вотъ куда съѣхала *Изящная Словесность!* Но если *полиграфія*, и при томъ *литтературная*, будетъ первымъ отдѣленіемъ, чѣмъ-же наполнятся остальныя одиннадцать? Какъ, чѣмъ?

Отдѣленіе 2. «*Словесность Древняя.* Переводы «Греческихъ и *Римскихъ* Классиковъ, сихъ яркихъ «свѣтильниковъ Древности.» По смыслу рѣчи выходитъ: переводы, сдѣланные Греческими и Рим-

скими Классиками. Желательно видѣть такіе замѣчательные переводы. Тутъ-же будутъ (въ *Словесности* — прошу припомнить!) *сужденія объ ихъ твореніяхъ*, сужденія сравнительныя — «неисчерпаемые рудники драгоцѣнностей литературныхъ,» прибавляетъ Издатель, и—вотъ названіе для втораго отдѣленія Сѣвернаго Вѣстника: *неизчерпаемый рудникъ литтературныхъ драгоцѣнностей!*

Пропускаемъ *третье отдѣленіе*. Программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обверстки Вѣстника Европы. Тамъ каждый годъ Г-нъ Издатель обѣщаетъ: *оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи, посланія, сатиры*, и проч. (*см.* обверстку Вѣстника Европы, какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ). Г-нъ Олинъ также обѣщаетъ: оды, гимны, элегіи, посланія, сатиры, поэтическіе отрывки. Издатель Вѣстника Европы не-поэтъ, и по недороду поэзіи не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, элегій; но Издатель Вѣстника Сѣвернаго самъ поэтъ, и за неприсылкою отъ другихъ самъ провозгласитъ оду, пропоетъ гимнъ и напишетъ сатиру, напримѣръ, на всѣхъ тѣхъ, кто станетъ ему говорить, что лучше-бы докончить ему *Рецензента*, нежели принимаяться за наполненіе Сѣвернаго Вѣстника литтературною полиграфіею и рудою изъ неизчерпаемыхъ рудниковъ литтературныхъ драгоцѣнностей.

Но вотъ является новый переходъ отдѣленіе IV, *Науки*; отдѣленіе V, *Изящныя Художества*, и—*всѣмъ сестрамъ по серьгамъ*: Издатель обѣщаетъ:

статьи о наукахъ—военныхъ, политическихъ, *словесныхъ*, *естественныхъ*, и проч. Все это входитъ въ отдѣленіе IV, или—«въ *категорію сего отдѣленія*,» какъ говоритъ Издатель. Не почитаетъ-ли онъ *безсловесными* и *неестественными* науками Грамматику и Логику, съ которыми борется усильно на каждой строчкѣ, и побѣждаетъ ихъ, но какъ Пирръ: еще побѣда и—смѣхъ читателей будетъ торжественною музыкою для побѣдителя.—Издатель не боится и обѣщаетъ—*аналитическія разсужденія о произведеніяхъ (?)*, *нужные* чертежи и *графическіе* рисунки.

Въ VI отдѣленіи Издатель даетъ слово за *Библіографію*, въ VII за *Критику*, обѣщаетъ безпристрастіе и, чтобы не испугать *категоріею сего отдѣленія*, мажетъ края сосуда, въ который наливаетъ горечь Критики, Латинью: Tros Rutulusve fuat, nullo mihi discrimine habetur. Впрочемъ, Издатель былъ тутъ въ большомъ замѣшательствѣ. «*Критика удерживаетъ отъ погрѣшностей*, *а отъ похвалы люди портятся*,» говоритъ онъ. Что-жъ дѣлать? Богъ знаетъ! Кажется, Издатель не можетъ сказать, чтобы критики не говорили ему горькихъ истинъ; но удержало-ли это Издателя отъ писанья? Впрочемъ, судя съ другой стороны, Издатель Сѣв. Вѣстника истинный поэтъ. Если ни слава и ничто другое не должны побуждать писателей, а одно только безкорыстное желаніе творить, то Г-нъ Олинъ цѣлый вѣкъ писалъ не слыхавъ похвалы, не унялся, пишетъ и будетъ писать, доказывая собою, что Критика толкуй что хочешь, а плохой писатель никогда не

уймется. Но строгій опытъ былъ видно не совсѣмъ по вкусу Издателя, и потому, вѣроятно, увѣряетъ онъ, что будетъ милостивъ къ авторамъ и переводчикамъ «отзывы слишкомъ строгіе, оскорбляющіе сродное человѣку чувство самолюбія (милое добродушіе, милая *наивность*, какъ говаривалъ одинъ старый педагогъ) убиваютъ не рѣдко возникающіе таланты (но гдѣ замѣтилъ Издатель *частое возникание* талантовъ?) и совращаютъ молодыхъ писателей съ поприща, по коему могли-бы они, въ послѣдствіе времени, протекать съ блестящимъ успѣхомъ.» Впрочемъ, не думайте, Господа не рѣдко возникающіе таланты, чтобы Издатель хотѣлъ *только хвалить;* нѣтъ! онъ знаетъ, что отъ похвалы люди *портятся*, и—не взирая ни на лица, ни на отношенія, будетъ «произносить рѣшительные приговоры, если *почему-либо* будутъ они нужны.» Загадочное: *почему-либо*, можетъ тотъ разгадывать, кому угодно. Но всего этого мало: Издатель грозно бросаетъ перчатку всѣмъ несправедливымъ критикамъ, и въ VIII отдѣленіи, подъ фирмою *Антикритикъ*, берется—«отражать несправедливые приговоры сочиненіямъ, или достоинству переводовъ, внушенные личностію, или ложнымъ образомъ мыслей.» Браво! самая рыцарская выходка, и любопытно знать: будутъ-ли тутъ возраженія противъ критикъ на собственныя произведенія Издателя? По крайней мѣрѣ, Издатель, въ IX отдѣленіи, обѣщаетъ каждыя двѣ недѣли *разборъ всѣхъ статей во всѣхъ Русскихъ Журналахъ*.

Истощились-ли наконецъ отдѣленія неизсякае-

маго Сѣвернаго Вѣстника? спросишъ читатель. О, нѣтъ! X отдѣленіе его, *разными извѣстіями* будетъ «ставить всѣхъ читателей *наровнѣ* съ до-«стопримѣчательными современными происшестві-«ями.» Прекрасная фигура: иногородный читатель, котораго Издатель Сѣвернаго Вѣстника ставитъ наровнѣ съ современными происшествіями! Непонятно? Подождите, господа иногородные читатели, и вы станете съ ними наровнѣ.

Критическія замѣчанія о театрѣ, занимая XI отдѣленіе, не только будутъ касаться пьесъ, играемыхъ на театрахъ Русскомъ и Французскомъ, но *въ категорію* этого отдѣленія войдетъ и театральная полиграфія: Издатель обѣщаетъ критическія замѣчанія — даже *на декораціи, машины и прочее;* это *прочее* вѣроятно значитъ здѣсь лампы, занавѣсъ сцены, свистокъ, по которому перемѣняются декораціи, и нору суффлёра.

Наконецъ, угождая всѣмъ, Издатель обѣщаетъ и *Моды*—XII отдѣленіе, *съ рисунками лучшей работы.* «Всѣ модные иностранные журналы приходятъ «въ Петербургъ съ стимботомъ, или пароходомъ, «гораздо ранѣе, чѣмъ въ Москву, то Издатель и «льститъ себя пріятною надеждою, что модныя «новости въ его журналѣ будутъ *свѣжѣе* извѣстій «по сей части другихъ Русскихъ журналовъ.»

Кажется, онѣ свѣжи и въ другихъ журналахъ. Издатель не сказываетъ *числа картинокъ*—осторожное умолчаніе; но вотъ бѣда: зимой пароходъ не ходитъ, а подписавшись на полученіе по почтѣ, и лѣтомъ Издатель будетъ получать *графическія* изображенія Парижскихъ чепчиковъ *съ*

почтою, а не съ пароходомъ; почта-же приходитъ въ Москву и Петербургъ въ одно время. Не ужели Издатель думаетъ, что подписчики безъ разсчета повѣрятъ всему, что угодно было Г-ну Издателю наговорить въ своей программѣ? Иное дѣло, если-бы онъ получалъ иностранные журналы на аеростатахъ какихъ-нибудь, перегравировывалъ, разкрашивалъ и разсылалъ картинки какими-нибудь велосипедами, тогда и сомнѣвашься-бы не о чемъ.

Но спрашиваемъ: какъ-же велико будетъ пространство каждой книжки, если въ каждой должно будетъ помѣстить 12 отдѣленій? Листовъ 20, 25? Ничего не бывало! *Отъ* 5 *до* 6 *листовъ!* Разсчитываемъ 6, самую большую мѣру, и на каждое отдѣленіе приходится *четыре странички.* Мало да мило! Какое наслажденіе читателю два раза въ мѣсяцъ получить полліста литтературной полиграфіи, полліста неизчерпаемыхъ рудниковъ литтературныхъ драгоцѣнностей; полліста одъ, гимновъ, элегій, посланій; по стольку-же категоріи наукъ *словесныхъ* и *естественныхъ,* съ *нужными* чертежами; аналитическихъ разсужденій о произведеніяхъ; библіографіи Русской и иностранной — *достопримѣчательной;* критики, т. е. похвалъ, отъ которыхъ люди портятся, или, *когда почему-либо нужно* будетъ, приговоровъ рѣшительныхъ; антикритикъ; обозрѣнія за двѣ недѣли *всѣхъ* статей, во *всѣхъ* Русскихъ журналахъ (на полулистѣ); замѣчаній на машины и декораціи, и *свѣжихъ,* лѣтомъ на пароходѣ, а зимою на конькахъ, прикатившихъ въ Петербургъ модъ!

Теперь дѣло Издателя кончено: программа его полетѣла на берега Улео и Лены, Двины и Аракса. Остается—собрать тысячи двѣ пренумераншовъ, и на пароходѣ съ Парнасса получить пука два свѣжихъ лавровъ.

Издатель не почитаетъ нужнымъ прибавлять, что Сѣверный Вѣстникъ его не кончится двумя, шремя книжками, подобно *Рецензенту*, умершему, вмѣсшо 10½-хъ, на 20 лисшахъ, подобно Благонамѣренному, Азіяшскому Вѣсшнику, Санкшпетербургскому Зришелю, Журналу Изящныхъ Художесшвъ, и другимъ, не дожившимъ до опредѣленнаго срока. Все эшо само по себѣ разумѣется.

Не оставлю сообщашь публикѣ дальнѣйшихъ извѣсшій о лишшературной комешѣ, покажывающейся въ созвѣздіи Русскихъ журналовъ, если вы, Г-нъ Издашель Московскаго Телеграфа, вѣрише, что

Смѣяшься право не грѣшно
Надъ всѣмъ, что кажешся смѣшно.

И. Вѣнигна.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1828 ГОДА.

(Продолженіе).

Если повѣрка опытами Исторіи можетъ быть почтена сколько нибудь достовѣрною, то разсматривая ходъ дѣлъ въ Испаніи, въ 1823 году, когда все, казалось, должно было придти въ спокойное состояніе, можно было предсказать ужасную будущность сего государства. Не вооруженное участіе иностранной державы потребно было Испаніи: семилѣтняя борьба ея съ Наполеономъ доказала, что сила не смиритъ Испанца; не казнь главныхъ заговорщиковъ могла усмирить Испанію, ибо раздоръ, а не бунтъ, междоусобіе, а не мятежъ, раздирали ее; всѣ партіи, всѣ званія были виноваты: часть обитателей сражались противъ другой части; аристократство, среднее состояніе, духовенство возставали одно на другое: одни требовали правъ, какія уступилъ имъ, въ годину славы и бѣдствія, самый народъ, и отказываясь отъ пустыхъ титуловъ, какими льстилась прежде ихъ Кастилланская гордость, хотѣли дѣятельности государственной; другіе спорили за свои права, которыя почитали купленными кровію; третьи опирались на древность правъ

своихъ и участіе въ спасеніи отечества отъ чужеземнаго ига. Всего несообразнѣе было при такихъ смятенныхъ обстоятельствахъ стараніе еще разъ ввести старыя формы правленія. И потому, что обстоятельства совершенно перемѣнились, и потому, что всѣ званія сознавали уже невыгоды прежнихъ формъ, и не могли спокойно войдти въ нихъ, не льзя было вводить сіи формы безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Къ несчастію, всѣ несвойственныя времени формы государственныхъ установленій таковы, что малѣйшее измѣненіе уничтожаетъ ихъ силу и сущность. Тутъ не льзя починивать: надобно перестроивать, или строить вновь, и горе государству, если ветхое зданіе его хотятъ поддержать внѣшними подпорками: тѣмъ сильнѣе оно развалится и погубитъ неосторожныхъ зодчихъ. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи видѣли, что для урона партіи аристократовъ надобно было поддержать партію духовенства; но духовенство было неумѣренно въ требованіяхъ при новомъ торжествѣ своемъ: хотѣли отнять у него сильнѣйшее средство дѣйствованія—*инквизицію*. Отнявъ сіе средство, оскорбили духовенство, и лишили его силъ дѣйствовать вполнѣ; отъ того противныя партіи успѣли укрыться и опять усилиться. Кажется непонятною роль среднихъ званій въ Испаніи съ 1823 года: они, кажется, сами не знаютъ, чего хотятъ, и равно подкрѣпляли и аристократовъ и духовенство. Но такое поведеніе объяснится, если сообразить два различныя, но равно сильныя вліянія на народъ: вліяніе аристократовъ, при напоминаніи о постановленіяхъ 1811

года, и вліяніе духовенства, когда воззваніе его касается религіозныхъ чувствъ народа. Такъ, Каталонія, долѣе всѣхъ Испанскихъ областей стояла за права 1811 года въ 1823 году, когда Мина призывалъ Кастиліанцовъ подъ знамена свои, и — первая вступилась за духовенство въ 1827 году, когда монахи водрузили въ ней знамя арміи Апостолической.

Должно согласиться, что Испанію могло успокоить только безпристрастное разсмотрѣніе и соображеніе образа мыслей и требованій всѣхъ партій, всѣхъ званій. Помирить ихъ взаимными уступками, прощеніемъ стараго, общимъ благополучіемъ, дѣятельнымъ стараніемъ просвѣтить народъ, возстановить промышленность и торговлю, заставить трудиться, прекратить буйную жизнь нѣсколькихъ милліоновъ Испанцовъ, начавшуюся отъ политическихъ волненій, утвердить правосудіе и порядокъ—вотъ важные предметы, коими слѣдовало заняться. Къ несчастію, ничего подобнаго не думали дѣлать въ Испаніи. Едва обезоружили жителей, какъ и начались кровавыя сцены преслѣдованій за политическія мнѣнія. Разбойники ѣздили шайками по дорогамъ, а полиція искала разсѣянныхъ бунтовщиковъ и казнила ихъ; кинжалы заговорщиковъ отмщали исполнителямъ наказаній: въ одномъ мѣстѣ вѣшали конституціоннаго; въ другомъ, сообщники его, въ возмездіе, рѣзали солдата арміи вѣры. Такъ, годъ отъ году усиливалось снова негодованіе, ожесточеніе, упорство партій, и въ 1827 году, при совершенномъ упадкѣ финансовъ, торговли, промышленности и просвѣщенія, Испа-

нія представляла прежнюю, и еще болѣе прежняго ужасную картину безначалія и безпорядковъ. Такое состояніе, безъ малѣйшаго улучшенія, продолжается и въ нынѣшнемъ году. Главныя черты его суть слѣдующія :

Съ паденіемъ конституціонной партіи въ 1823 г., рѣшительный перевѣсъ получила партія духовенства. Первое требованіе оной было : *ввести неограниченный теократизмъ,* возстановить инквизицію, передать въ руки ея поборниковъ полную власть, сохранить, даже увеличить неприкосновенность имѣній духовенства и свободу ихъ отъ налоговъ. Боязнь пагубнаго дѣйствія столь сильныхъ, рѣшительныхъ мѣръ препятствовала принятію ихъ вполнѣ : правительство требовало уступки, и склонилось къ полу-мѣрамъ, всегда опаснымъ и ничего не рѣшающимъ при необыкновенныхъ потрясеніяхъ государствъ.

Духовенство негодовало, и партія его, тщетно продолжавъ переговоры весь 1824 годъ, въ 1825 году подняла знамя бунта, принявъ названіе *Апостолической.* Вскорѣ начала она совершенно отвергать власть Короля, приглашала Инфанта Донъ Карлоса къ восшествію на престолъ, и отъ того получили бунтовщики сей партіи названіе Карлистовъ. Тогда, не смотря на то, что главные Апостолики засѣдали въ Государственномъ Совѣтѣ и правили Испаніею, надобно было преслѣдовать сію партію, какъ скопище измѣнниковъ и бунтовщиковъ. Перемѣна Министерства, и усиленіе власти умѣреннаго министра Зеа — Бермудеса,

ознаменовалось открытыми военными дѣйствіями противъ Апостоликовъ. Но это служило поводомъ къ появленію конституціонныхъ войскъ и Гверильясовъ, и въ 1826 г., уничтоживъ скопища Апостоликовъ, надобно было сражаться съ Конституціонными, собравшимися въ большихъ толпахъ. Зеа-Бермудесъ былъ смѣненъ, особливо за то, что онъ почиталъ необходимымъ признать независимость бывшей Испанской Америки, и что налогъ на имѣніе духовенства былъ имъ утроенъ. Герцогъ Инфантадо заступилъ его мѣсто, и отказался вскорѣ. Возстаніе Конституціонныхъ усилило опять Апостоликовъ; Каламарде, жаркій заступникъ сей партіи, вступилъ въ министерство. По его вліянію Испанія защищала въ прошломъ году бунтовщиковъ Португальскихъ, принимала ихъ къ себѣ, когда бѣжали они, разбитые Королевскими войсками, и выставила 40 т. наблюдательнаго войска на границахъ Португаліи; голодные, полуодѣтые солдаты сей арміи бродили повсюду, особливо, когда велѣно было разпустить сіе войско, причинявшее только тягость жителямъ. Но губернаторы пограничныхъ областей упорно помогали Португальскимъ бунтовщикамъ, не смотря на повелѣніе Короля, которому сдѣланы были сильныя представленія отъ Европейскихъ Государей, и поставлено непремѣннымъ долгомъ предоставить Португалію судьбѣ ея, ни во что не вмѣшиваясь. Видя новую колеблемость въ мнѣніи правительства, Апостолики опять принялись за оружіе, и въ Каталоніи въ прошломъ году *Агравіадосы* (такъ называли они

себя, говоря, что имъ предназначена тяжкая обязанность спасти Испанію) рѣшительно основали Юнту въ Ингваладѣ, объявили Королемъ Инфанта Донъ Карлоса, требовали инквизиціи, составили войско изъ 20,000 человѣкъ, учредили регенство въ Маррезѣ и блокировали крѣпость Гирону. Остатки наблюдательной арміи, отъ границъ Португальскихъ, двинулись въ Каталонію: бунтовщики были разбиты; начались казни. Каламарде и другіе Апостолики принуждены были соглашаться на строгія мѣры. Но когда Генералъ Эспана, начальникъ Королевской арміи, казнилъ нѣсколько бунтовщиковъ монаховъ, его немедленно отставили. Король рѣшился самъ явиться въ Каталонію, и въ Декабрѣ прибылъ въ Барцеллону. Думали, что правительство объявитъ общее прощеніе; но дѣло кончилось великолѣпными пріемами на пути и въ городахъ. Въ нынѣшнемъ году Король объѣхалъ Сенъ-Себастіанъ, Памплелуну, Саррагоссу, съ великими торжествами, и возвращеніе его въ Мадритъ положено было въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Остальные Агравіадосы вездѣ разогнаны войсками Генерала Лонга, заступившаго мѣсто Эспаны. Мѣры болѣе умѣренныя, казалось, были приняты правительствомъ; но сія надежда не сбылась, и въ Апрѣлѣ Каламарде возведенъ былъ въ званіе перваго министра, возобновлено требованіе объ инквизиціи, полиціи велѣно снова наблюдать за всѣми военными и гражданскими чиновниками; множество заговорщиковъ казнено и отправлено въ ссылку въ Африку.

Въ Испаніи полагаютъ нынѣ до $11\frac{1}{2}$ милліоновъ

жителей, кромѣ Африканскихъ, Азіятскихъ (*) и Американскихъ ея владѣній. Вообще Испанія вся въ волненіи. Галлиція, Андалузія и Эстремадура преимущественно привержены къ Конституціонной; Каталонія, Кастилія и Валенція къ Апостолической партіи. Физическія бѣдствія безпрерывно продолжаются въ Испаніи: въ Январѣ страшная буря опустошила южные берега; зимою были сильные морозы, и продолжительные дожди шли нынѣшнимъ лѣтомъ. Алжирскіе и Колумбійскіе корсары грабятъ подлѣ самыхъ береговъ Испанскихъ; разбойничьи шайки, Апостолическіе бѣглецы, Конституціонные гверильясы, опустошаютъ селенія, свирѣпствуютъ по дорогамъ, останавливаютъ почты, проѣзжающихъ, и даже Королевскихъ курьеровъ. Есть множество такихъ людей, которые, вооружась, ѣздятъ повсюду, пристаютъ ко всѣмъ партіямъ, и готовы кому угодно служить за деньги своею саблею, какъ старинные Итальянскіе Кондотіери. Только вооруженная сила можетъ удерживать явные бунты и возстанія цѣлыхъ областей. До 350 тысячь милиціи и болѣе 90,000 войска регулярнаго разсѣяно по всей Испаніи. Одна милиція стоитъ до 60 милліоновъ фр. въ годъ.

Между тѣмъ въ финансахъ оказывается совершенное разстройство. Непризнавъ займа, сдѣлан-

(*) Въ Азіи принадлежатъ Испанцамъ только Филиппинскіе острова, на коихъ полагаютъ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей. Въ Африкѣ острова Канарскіе (болѣе 200 т. ж.) и Цейта, или Presidio, въ Морокскихъ владѣніяхъ, мѣсто ссылки, съ 10 т. жителей.

наго Кортесами въ 1821 году, и отказавшись платить облигаціи сего долга, которые въ 1827 году продавались въ Англіи по 12 за 100, Испанія сдѣлала для себя невозможнымъ иностранный заемъ. Между тѣмъ, поступки Испанскихъ министровъ во многомъ непостижимы. Въ прошломъ году поступило въ казну до 32 милліоновъ піастровъ: велѣно было собрать всѣ старыя недоимки, съ 1808 г., включая и то, что взято было въ казну при Іосифѣ и во время Кортецовъ, какъ отданное незаконной власти. 5 милліоновъ издержено было на сборъ сихъ податей; 12 на содержаніе правительства; 10 на войско и духовенство. Къ концу года въ казнѣ ничего не оставалось; убавили жалованья, отказали въ пенсіяхъ, продали имѣніе всѣхъ обвиненныхъ въ заговорахъ; но сіи пособія оказались недостаточны. Приготовляясь къ принятію Короля, при возвращеніи его въ Мадритъ, правительство заставило заплатить по 4 реала со всякаго окошка домовъ, по улицамъ, гдѣ онъ поѣдетъ; наложило подать на всѣхъ, кто въѣдетъ въ это время въ Мадритъ, и продавало мѣста въ амфитеатрѣ, гдѣ назначенъ бой быковъ. Около 43 милліоновъ реаловъ, привезенныхъ на кораблѣ *Перло* изъ Гаванны, истрачены немедленно; большая часть употреблена на уплату жалованья придворнымъ. Между тѣмъ, солдаты ходятъ въ лохмотьяхъ, принуждены просить милостыни, и во многихъ мѣстахъ жители доведены до послѣдней крайности. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ въ Испаніи, по списку 1826 года, находимъ нѣсколько судимыхъ за *человѣкоядство!*

Министры запретили брань и клятвы всѣмъ Испанцамъ; также запрещено дѣлать и продавать оружіе, безъ позволенія и не на счетъ правительства.

Странно, что при такихъ смутныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ, Испанское правительство все еще не оставляетъ своихъ предпріятій, относительно обратнаго завоеванія Америки. Впрочемъ, кажется нынѣшнія экспедиціи его касаются только сохраненія острова Кубы и другихъ небольшихъ острововъ, еще остающихся въ Америкѣ подъ Испанскою властію. Изъ Гаванны пишутъ, что для охраненія острова Кубы потребно неменѣе 12,000 войска. Весь флотъ Испанскій состоитъ нынѣ изъ 34 кораблей, въ числѣ коихъ только 3 линейныхъ; 15 изъ числа всѣхъ, большихъ и малыхъ кораблей, находится въ Америкѣ. До такой степени упала Испанская морская сила, грозившая нѣкогда Англіи непобѣдимыми своими армадами. Можно полагать, что, при безпрерывномъ усиленіи Юго-Американскихъ республикъ, вскорѣ и самая тѣнь Испанскаго владычества изчезнетъ въ Америкѣ.

Обращаемся къ сосѣдственной съ Испаніею державѣ Португальской. Здѣсь является однородная съ изображеніемъ Испаніи картина, но въ особенныхъ краскахъ.

Старинные путешественники почитали обязанностью разсказывать по возвращеніи своемъ о разныхъ чудесахъ, ими видѣнныхъ. Теперь, этотъ обычай вышелъ изъ моды: число диковинокъ уменьшается; время чудесъ прошло. Не лучше-ли ска-

зашь, что мы сдѣлались къ нимъ менѣе внимательны? Общія идеи, общіе взгляды занимаютъ насъ, и частныя рѣдкости менѣе обращаютъ на себя наше вниманіе. Изчислимъ здѣсь однакожь нѣсколько новѣйшихъ извѣстій о такихъ предметахъ, которые можно назвать диковинками и чудесами, о которыхъ можно разсказывать на подобіе старинныхъ странствователей.

Давно говорили въ Америкѣ о *мѣдной скалѣ*. Г-нъ Кассъ, посланный для переговоровъ съ дикими Американцами, на рѣку Онтонагонъ, удостовѣрился въ существованіи сего чуда природы. Въ дремучемъ лѣсу, не подалеку отъ озера, лежитъ огромнѣйшій кусокъ самородной мѣди, обросшій землею и деревьями. Напрасно старались Г-нъ Кассъ и сопутники его сдвинуть съ мѣста сію громаду, или отломить отъ нее кусокъ: невозможно было ни подорвать, ни пошевелить ее; для перевозки-же ея потребны необыкновенныя усилія. Хотятъ отправить изъ Вашингтона ученыхъ естествоиспытателей, для осмотра, по крайней мѣрѣ, сей рѣдкости.

Другая достопамятность — вновь открытый въ Америкѣ рудникъ *самороднаго желѣза*. Симъ открытіемъ совершенно рѣшены сомнѣнія минералоговъ, о томъ, что существуетъ-ли въ мірѣ желѣзо въ металлическомъ чистомъ состояніи? Маіоръ Бурелль (Burall) открылъ рудникъ самороднаго желѣза въ горѣ Ханаанъ, находящейся въ Коннектикутской области, въ $1\frac{1}{2}$ милѣ отъ городка Ханаана. Слюдистая горная порода, въ которой заключено желѣзо, закрыта другими наростами земли; но присутствіе огромнѣйшихъ массъ желѣза

производитъ сильное дѣйствіе на магнитную стрѣлку; молнія избила всѣ окружающія сіе мѣсто деревья, привлекаемая электричествомъ. Цвѣтъ добытыхъ самородокъ желѣзный; онѣ ковки, но менѣе нежели метеорическое желѣзо, ибо въ нихъ есть примѣсь свинчака (plombagine). Слой свинчака вообще закрываетъ рудникъ, какъ будто предохраняя желѣзо отъ окисленія: свинчакъ кажется кристаллизованнымъ, и легко дѣлится на пирамиды и неправильные шестроедры; удѣльный вѣсъ его легче желѣза, и сходенъ съ вѣсомъ закаленной стали, не превосходя 6, 72.

Въ нѣкоторыхъ кускахъ желѣза нашли самородную сталь, безъ всякой примѣси свинчака, чрезвычайно твердую и рѣжущую стекло. Дѣйствіе кислотъ открыло въ ней уголь, и тѣмъ показало, что это дѣйствительно сталь. По испытаніямъ Г-на Шепферда, извѣстнаго Американскаго химика, оказалось, что въ Коннектикутскомъ самородномъ желѣзѣ нѣтъ нисколько никкеля, и слѣдственно, что его происхожденія не льзя отнести къ причинамъ происхожденія метеорическаго желѣза, въ коемъ всегда бываетъ никкель; также ни сколько не открыто въ немъ и мѣди, которою отличаются куски самороднаго желѣза, сысканные въ Саксоніи. Въ слѣдствіе всѣхъ опытовъ, вотъ разложеніе Коннектикутскихъ самородокъ: 90, 24 чистаго желѣза, 7 свинчака, и 2, 76 потери, которая главнѣйше состоитъ въ углѣ.

Индійскій горшокъ. Такъ называется скала въ сѣверо-западной Америкѣ. Она составляетъ отдѣльный утесъ, въ 12 футовъ вышины, на подножіи

въ 5 футовъ, и фигура сего утеса есть точная и правильная фигура вазы, сдѣланной по самымъ изящнымъ образцамъ работы Греческихъ художниковъ. Въ срединѣ ея растетъ нѣсколько огромныхъ сосенъ, и наблюдатель съ трудомъ увѣряется, что сіе превосходное изваяніе есть игра природы, а не дѣло рукъ человѣческихъ.

Менѣе-ли сихъ чудныхъ произведеній природы замѣчателенъ памятникъ, найденный недавно въ Буеносъ-Айресѣ, близь Монте-Видео. Крестьянинъ пахалъ землю, и зацѣпилъ за камень, по видимому надгробный, съ неизвѣстною надписью. Поднявъ сей камень, открылъ онъ подъ нимъ небольшой кирпичный сводъ, а въ пустотѣ свода двѣ сабли, шлемъ и щитъ, весьма испорченныя ржавчиною, и сверхъ того глиняный сосудъ. По привозѣ камня и всѣхъ вещей въ Монте-Видео, ученые узнали Греческую работу; сосудъ былъ древняя Греческая амфора. На эфесѣ одной сабли различили изваяніе лица Греческой формы, а на шлемѣ превосходной работы изваяніе Ахилла, влекущаго трупъ Гектора, около Трои. Надпись на камнѣ оказалась Греческая, и хотя съ большимъ трудомъ, но прочитали въ ней слѣдующія слова: Uiou tou Filipp... Alexan... to.. Maquedo... basi.. epi tes execon...k... tri... oly... en to... top Ptolem...— Легко узнать въ сихъ отрывкахъ полную надпись: Uiou tou Filippou, Alexandros ton Maquedonion Basileos, epi tes execonta kai trites olimpiades, en tois topois Ptolemaios... Далѣе ничего не льзя было прочитать; но все доказываетъ, что найденный камень и вещи суть памятники пребыванія Грековъ

въ Америкѣ. Можетъ быть, туда занесенъ былъ въ древнія времена какой нибудь Греческій корабль. Въ сочиненіяхъ Грековъ находимъ много извѣстій о неизвѣстныхъ земляхъ, находящихся за Океаномъ, и многія изъ нихъ доказываютъ, что онѣ основаны были на положительныхъ, хотя весьма неопредѣленныхъ свѣдѣніяхъ.

Въ Москву пріѣхала уже часть труппы Французскихъ актёровъ, и въ Ноябрѣ, Французскій спектакль, вѣроятно, будетъ въ Москвѣ открытъ. Для него назначаютъ театръ въ домѣ Апраксина, что близъ Арбатскихъ воротъ. Сказываютъ, что въ числѣ актёровъ и актрисъ есть артисты и артистки съ отличными талантами.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Le matin, une élégante ne peut sortir qu'en capote *à l'anglaise*, en paille lisse, doublée de gros de Naples bleu, et garnie de biais et de rosettes de cette étoffe.

Les foulards les plus nouveaux, pour robes de demi-toilette, sont croisés. Leurs raies forment des colonnes torses de la largeur d'un travers de doigt. De larges bandes blanches séparent ces colonnes, qui sont semées de petits bouquets. Il y a des dessins courans sur les colonnes.

Quelques merveilleuses ont fait faire des robes de jaconat à plis arrêtés tout autour de la taille, et, ce qui est plus extraordinaire, à plis continués jusqu'en bas. Le corsage et les manches longues sont pareillement plissés, mais à plis moins larges.

Les étoffes à raies étroites se nomment *zébrées*, quand les raies ne sont que de deux couleurs, et qu'il y en a une blanche.

Jamais nouvelle mode n'a *pris* avec plus de rapidité et plus généralement que celle des manches larges, sans poignet et presque sans soutien du haut.

(*) До 25 Сентября (н. с.), 1828 года.

Il y a une nouvelle manière de lacer les demi-brodequins et les guêtres, en forme des croix de Saint-André. Cette laçure, comme l'ancienne, se fait sur le côté.

Les sacs à mouchoir de nez ont la forme d'un bonnet de mandarin. Ils sont couleur chamois; on les borde en bleu ou en rouge.

La coeffure, dite *à l'anglaise* est celle de nos plus jolies Parisiennes. Le dernier bal de Saint-Mandé offrait un grand nombre de danseuses ainsi coeffées.

On sait que ce sont presque toujours les femmes de théâtre qui font *prendre* les modes. Longtems la coeffure en coques eut pour appuis mesdames Damoreau-Cinti, Noblet et Prevost. Cette dernière vient d'adopter les tire-bouchons *à l'anglaise*.

Dimanche dernier, presque toutes les dames qui assistaient à cheval, à la course de chevaux, avaient un habit d'amazone en drap bleu foncé et un canezou blanc; quelques-unes portaient un chapeau gris. Les hommes étaient en pantalon blanc, habit marron ou bleu, gants jaunes glacés, gilet blanc, cravate noire avec une rosette volumineuse, chapeau noir ou gris.

На утренней прогулкѣ щеголиха не можетъ явиться иначе, какъ въ *Англійской* соломенной шляпкѣ; такія шляпки бываютъ подбиты голубымъ гродеперлемъ, и убраны косяками и розетками изъ соломенной плетушки.

Узоры модной Остъ-Индской мозаической кисеи, для полунарядныхъ платьевъ дѣлаются крестооб-

разные. Широкія, бѣлыя полосы съ вавилонами, раздѣляютъ другія полоски, усѣянныя букетцами цвѣтовъ.

Нѣкоторыя изъ щеголихъ дѣлаютъ жаконатовыя платья, съ складками вокругъ всей таліи, и — что еще необыкновеннѣе—складки продолжаются во все платье; корсажъ и длинные рукава бываютъ также въ складкахъ, только не такъ широкихъ.

Матеріи съ узенькими полосками, если полоски только двухъ цвѣтовъ и въ томъ числѣ одна бѣлая, называются *зебровыми* (*).

Никакая мода не была принята такъ скоро всѣми, какъ мода на широкіе *Мамелюкскіе рукава.*

Новая мода: застегивать штиблеты и полусапожки съ боку, въ видѣ Андреевскаго креста.

Ридикюль, въ которомъ бываетъ платокъ щеголихи, дѣлается на подобіе шапки Китайскаго мандарина, цвѣта серны, съ голубою и красною полосками по краямъ.

Высокія прически оставлены. Парижскія дамы убираютъ теперь головы на *Англійскій* манеръ, то есть, съ длинными витыми локонами (tire-bouchons). Въ Парижѣ знаменитыя актрисы даютъ тонъ въ этомъ случаѣ. Долго Чинти, Нобле и Прево поддерживали высокія прически головъ; но едва Прево завилась по Англійски — и Парижанки стали также завиваться.

На послѣдней скачкѣ въ Парижѣ было много дамъ, верхомъ, одѣтыхъ въ синія суконныя амазоны, съ

(*) Зебръ, или зюбрь, полосатый Азіятскій звѣрь.

бѣлыми каньзу; иныя были въ сѣрыхъ шляпкахъ. Мущины были одѣты въ каштановыхъ и синихъ фракахъ, бѣлыхъ панталонахъ, желтыхъ перчаткахъ, бѣлыхъ жилетахъ, черныхъ галстухахъ, съ большими узлами, и въ черныхъ, или сѣрыхъ, шляпахъ.

На приложенной картинкѣ:

Дама, въ шляпкѣ-капотѣ, у которой тулья гроденаплевая, а поля соломенныя. Платье изъ коттали, вышитое гарусомъ, съ буфами, отороченными также гарусомъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Сентября 7 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БУМАЖНЫХЪ И ШЕРСТЯНЫХЪ ФАБРИКЪ ВЪ АНГЛІИ.

(Продолженіе) (*).

Различныя улучшенія, сдѣланныя въ пряденіи хлопчатой бумаги, были столь важны, что пряжа N° 100, которая въ 1786 году, послѣ окончанія привиллегіи Аркрейта, когда цѣна оной была въ упадкѣ, продавалась за 38 шилл., нынѣже продается за 3 или 4 шилл. Сіи улучшенія въ пряденіи (**), равно въ тканьѣ, бѣленьѣ, и проч., по мѣрѣ уменьшенія цѣны бумажныхъ товаровъ, и въ тоже время непомѣрнаго на нихъ требованія, были существенною и единственною

(*) См. N° XII, стр. 425 — 447.

(**) Г. Кеннеди, говоря объ улучшеніяхъ, замѣчаетъ, что посредствомъ оныхъ одинъ человѣкъ можетъ нынѣ доставить, въ извѣстное время, столько пряжи, сколько за 50 лѣтъ назадъ доставляли оной 200 человѣкъ.

причиною чрезвычайнаго размноженія мануфактуръ. Изъ реэстровъ таможни явствуетъ, что все количество хлопчатой бумаги, ежегодно ввозимое въ Великобританію, простиралось въ сложности отъ 1700 до 1705 года, включительно, только до 1,170,881 фунтовъ. Счетъ хлопчатой бумагѣ, ввезенной отъ 1720 до 1770 года, не сохранился, но за два или за три года до сего времени, фабрики размножались весьма медленно и были маловажны. Докторъ Персеваль въ Манчестерѣ, имѣвшій всѣ средства основательно знать сей предметъ, увѣряетъ, что цѣна всѣхъ бумажныхъ товаровъ, выдѣланныхъ въ Великобританіи при восшествіи Георга III на престолъ, въ 1760 году, простиралась только до 200,000 ф. с. въ годъ; число мастеровыхъ также было незначительно. Но послѣ изобрѣтенія Дженни и Spinning frame, количество ввозимой хлопчатой бумаги, цѣна издѣлій и число мастеровыхъ умножались въ геометрической пропорціи. Привозъ съ 1771 до 1775 года простирался въ сложности до 4,764,589 фунтовъ, и съ того времени до окончанія срока второй привиллегіи Аркрейта, именно, въ 1785 году, ежегодный привозъ умножился въ сложности до 7,470,845 фунтовъ. Слѣдующая оффиціальная таблица хлопчатой бумаги, ввозимой и вывозимой съ 1781 до 1825 года, даетъ намъ ясное понятіе о размноженіи фабрикъ.

Хлопчатой бумаги ввезено въ Англію и вывезено изъ оной, съ 1781 до 1825 года.

Годъ	Привозъ.	Вывозъ.	Годъ	Привозъ.	Вывозъ.
	Ф.	Ф.		Ф.	Ф.
1781	5,198,778	96,788	1804	61,867,329	503,171
1782	11,828,039	421,229	1805	59,682,405	804,243
1783	9,735,663	177,626	1806	58,176,283	651,867
1784	11,482,083	201,845	1807	74,925,306	2,176,943
1785	18,100,384	407,496	1808	43,605,982	1,644,867
1786	19,475,020	323,153	1809	92,812,282	4,351,105
1787	23,250,268	1,073,381	1810	132,488,935	8,788,109
1788	20,467,436	853,146	1811	91,576,535	1,266,867
1789	32,576,023	297,837	1812	63,025,936	1,740,912
1790	31,447,605	844,154	1813	50,966,000	
1791	28,706,675	363,442	1814	60,060,239	6,282,437
1792	34,907,497	1,485,465	1815	99,306,343	6,780,392
1793	19,040,929	1,171,566	1816	93,920,055	7,105,034
1794	24,358,567	1,349,950	1817	124,912,968	8,155,442
1795	26,401,340	1,193,737	1818	177,282,158	15,159,453
1796	32,126,357	694,962	1819	149,739,820	16,622,969
1797	23,354,371	609,058	1820	144,818,100	7,410,602
1798	31,880,641	601,139	1821	123,977,400	16,305,892
1799	43,379,278	844,671	1822	135,420,100	20,220,064
1800	56,010,732	4,416,610	1823	191,402,503	9,310,403
1801	56,004,305	1,860,872	1824	149,380,122	13,299,505
1802	60,345,600	3,730,480	1825	228,005,291	18,004,953
1803	53,812,284	1,561,053			

Весьма-бы желательно было составить точную оцѣнку нынѣшнему достоинству бумажныхъ издѣлій, и опредѣлить число людей, употребляемыхъ на фабрикахъ бумажныхъ издѣлій; но какъ основанія подобныхъ оцѣнокъ весьма неопредѣленны, то почти невозможно сдѣлать вѣрнаго исчисленія. Слѣдующія показанія нѣсколько прибли-

жаются къ достовѣрности. Въ 1817 году Г. Кеннеди опредѣлилъ число людей, употребляемыхъ для пряденія хлопчатой бумаги въ Великобританіи количествомъ 110,763 человѣкъ; помощь, которую доставляли паровыя машины, сравнилъ онъ съ силою 20,768 лошадей, и число дѣйствующихъ веретенъ положилъ въ 6,645,833. Далѣе, опредѣлилъ онъ число клубковъ пряжи, ежегодно производимыхъ, въ 3,987,500,000, и количество каменныхъ угольевъ, употребляемое для ихъ выдѣлыванія, въ 500,479 тоннъ.

Изъ увеличенія привоза сыраго матеріяла явствуетъ, что издѣліе бумажныхъ товаровъ умножилось съ 1817 года въ пропорціи отъ 20 до 25 на 100. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1824 года, Г. Гускиссонъ сказалъ въ Нижнемъ Парламентѣ, что по его мнѣнію, цѣна бумажныхъ товаровъ, ежегодно выдѣлываемыхъ въ Великобританіи, простирается до чрезвычайной суммы — $33\frac{1}{2}$ милл. ф. с., и мы вѣрно не ошибемся, ежели оцѣнимъ ихъ нынѣ въ 36 милліоновъ.

Ежегодное сложное количество хлопчатой бумаги, ввозимой въ государство, за исключеніемъ вывоза за границу, составляетъ около 140 милліон. фунтовъ вѣсу. Мы полагаемъ, что отъ сего количества, около 10 милліоновъ фунтовъ употребляется въ сыромъ, или необдѣланномъ состояніи, и такъ останется сумма 130 милліо-

новъ, для издѣлій, издержки которыхъ могутъ въ сложности быть назначены въ 1 шиллингъ, $1\frac{1}{2}$ д. за фунтъ. Ежели вычтемъ изъ полной цѣны выдѣланныхъ товаровъ, или 36 милл., цѣну сыраго матеріяла, простирающуюся до 9 милліоновъ, то останется 27 милл., составляющихъ капиталъ, изъ коего должна производиться плата людямъ, употребляемымъ на фабрикахъ, вычитается барышъ капиталистовъ, суммы для поправки строенія и машинъ, плата за уголья, и пр. и пр. — И такъ, если-бы мы въ состояніи были назначить раздачу сего капитала, то раздѣляя плату и барышъ, могли-бы опредѣлить довольно точно число работниковъ и количество употребляемаго капитала. — Но здѣсь, къ сожалѣнію, мы должны судить по вѣроятію и аналогіи; однакожь, смѣло можно полагать, судя по великому употребленію дорогихъ машинъ во всѣхъ частяхъ бумажныхъ фабрикъ, что пропорція капитальной прибыли, и приращеніе суммы, отдѣленной для нужныхъ поправокъ, должны быть больше, нежели въ какой-либо другой отрасли промышленности. Сію пропорцію опредѣляютъ различно: за исключеніемъ сыраго матеріяла считаютъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ цѣны выработанныхъ товаровъ; но поелику мнѣнія, касательно сего предмета, весьма разнообразны, то мы возмемъ среднюю пропорцію. Полагая, что барышъ капитала, употребляемаго для бумажныхъ издѣлій, жалованье управляющимъ, сумма, нужная для поправки ма-

шинъ и строенія, также цѣна угольевъ, за исключеніемъ сыраго матеріяла, простираются до $\frac{12}{27}$ цѣны выдѣланныхъ товаровъ, или до 12 милліоновъ, то остается 15 милліоновъ, для платы прядильщикамъ, ткачамъ, бѣлильщикамъ и другимъ рабочимъ, употребляемымъ на фабрикахъ. Полагая, что между ими находится много людей, моложе 16 лѣтъ, и полагая сложную плату только въ 20 ф. стерл. за годъ, мы выведемъ 705,000 человѣкъ, употребляемыхъ по мануфактурамъ.

Однакожь мы ошибемся, ежели скажемъ, что сіе число, хотя оно и довольно велико, заключаетъ въ себѣ всѣхъ рабочихъ, коимъ бумажныя фабрики доставляютъ пропитаніе. Изъ суммы 12 милліоновъ, составляющей барышъ капиталистовъ, и суммы, нужной для покупки угольевъ и поправки машинъ и проч., должна быть ежегодно еще назначаема сумма для платы механикамъ, мастерамъ машинъ, литейщикамъ, кузнецамъ, столярамъ, каменьщикамъ, и проч. Не легко опредѣлить сію сумму; но считая 3 или 4 милл., и полагая на каждаго человѣка 30 ф. стерл. въ годъ, все число употребляемыхъ на фабрикахъ людей будетъ 133,000, и 8 милл. остается чистаго капитальнаго барыша, употребляемаго для покупки матеріяловъ, поправки машинъ и строеній, угольевъ и проч., слѣдовательно, весь счетъ будетъ слѣдующій:

Цѣна всѣхъ бумажныхъ товаровъ, ежегодно выдѣлываемыхъ въ Великобританіи, 36,000,000 ф. с.
Сыраго матеріяла 130,000,000 фун., по 1 шилл. $4\frac{1}{2}$ д. за фунтъ . . . . . 9,000,000 ф. с.
Плата 705,000 ткачамъ, прядильщикамъ, бѣлильщикамъ и проч. по 20 фун. стерл. каждому въ годъ . . . . . 15,000,000 » »
Плата 133,000 механиковъ, кузнецовъ, каменьщиковъ, столяровъ, и пр., каждому 30 ф. с. въ годъ . . . . . 4,000,000 » »
Барышъ мануфактуристовъ, жалованье прикащикамъ, суммы на покупку матеріяловъ, машинъ, угольевъ, и проч. . . . 8,000,000 » »
———— 36,000,000

Обращающійся капиталъ можетъ быть оцѣненъ слѣдующимъ образомъ:

Капиталъ, употребляемый на покупку сыраго матеріяла 9,000,000
Капиталъ, употребляемый на жалованье 19,000,000
Капиталъ, употребляемый на прядильни, ткацкіе станки, мастерскія, амбары, и пр. 37,000,000
65,000,000

Положимъ, что капиталъ приноситъ, выключая жалованье управителямъ и пр., 10 процентовъ, то сіи 65 милл. доставятъ 6,500,000 ф. с. — Вычтя сумму сію изъ 8 милл. барыша, остается 1,500,000 на покупку матеріяловъ, угольевъ для паровыхъ машинъ, застрахованія, и проч.

Ежели мы не ошиблись въ разсчетахъ, то назначивъ сумму старикамъ, больнымъ, дѣтямъ и др., коихъ бытіе зависитъ отъ людей, на бумажныхъ фабрикахъ занимающихся, выведемъ, что сего рода мануфактуры доставляютъ пропитаніе, по крайней мѣрѣ, 1,000,000 или 1,100,000 человѣкъ. И симъ плодотворнымъ источникомъ богатствъ и благосостоянія мы одолжены необыкновеннымъ дарованіямъ и искусству нѣсколькихъ особъ, всегоже болѣе тому увѣренію въ собственности и свободѣ промышленности, которыя внушаютъ довѣренность и смѣлость всѣмъ занимающимся искусственными предпріятіями, тому всеобщему распространенію познаній, посредствомъ коихъ мы заставляемъ всѣ силы природы намъ повиноваться и извлекаемъ всю возможную пользу изъ нашихъ способностей.

Вліяніе мануфактурной промышленности на употребленіе капиталовъ и работы въ разныхъ городахъ Ланкаширскихъ и Ленеркширскихъ областей, преимущественно занимающихся бумажными издѣліями, чрезвычайно содѣйствовало къ ихъ населенію. Въ 1774 году, въ Манчестер-

скомъ приходѣ было 41,032 жителей; число сіе возросло въ 1821 году до 133,788, и. е. въ теченіе 47 лѣтъ увеличилось *третьею частію*. Въ 1780 году было въ Престонѣ не болѣе 6,000 жителей, а въ 1825 году 30,000. Подобнымъ образомъ народонаселеніе умножилось въ Блекбурнѣ, съ 1811 до 1821 года, отъ 11,980 до 21,940; въ Болтонѣ отъ 17,416 до 39,616; въ Ваганѣ отъ 10,989 до 17,746 и т. д. Но умноженіе жителей въ Ливерпулѣ приведетъ всякаго въ удивленіе, и можетъ сравниться только съ увеличеніемъ одного или двухъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Ливерпуль собственно не принадлежитъ къ городамъ, преимущественно занимающимся бумажными издѣліями, но не смотря на то, онъ обязанъ имъ быстрымъ своимъ увеличеніемъ: здѣсь складочное мѣсто области бумажныхъ издѣлій, мѣсто, куда ввозятъ всю сырую хлопчатую бумагу и разныя чужеземныя произведенія, потребныя для занятій и пропитанія людей, употребляемыхъ на фабрикахъ; изъ него обратно вывозятъ издѣлія въ чужіе края. По сему Ливерпуль сдѣлался обширнымъ торговымъ городомъ, и его должно почесть въ семъ отношеніи вторымъ по Лондонѣ. По вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, число жителей въ Ливерпулѣ простиралось въ 1700 году только до 5,145; въ 1750 году ихъ было 18,450; въ 1770 году 34,050. Въ сіе время бумажныя фабрики начали быстро распро-

спрашяшься, и число жителей въ Ливерпулѣ возрасло въ 1801 году до 77,653, а въ 1821 году до 118,972. Умноженіе народочислія въ Ленеркширѣ и Ренфрюширѣ не менѣе удивительно. Въ 1780 году, въ городѣ Гласговѣ находилось только 42,832 жителей; въ 1801 году число сіе увеличилось до 83,769, а въ 1821 году оно простиралось до 147,043. Тоже случилось и въ Пилѣ. Въ 1782 году въ семъ городѣ и въ приходѣ Аббе-Наришѣ было только 17,700 жителей; въ 1801 году ихъ считалось уже 31,179, а въ 1821 — 46,000.

Съ 1823 года, когда нелѣпая система Ирландскихъ предохранительныхъ пошлинъ была уничтожена, бумажныя фабрики начали оказывать великіе успѣхи въ Ирландіи. Сіе видно изъ донесенія, представленнаго Нижнему Парламенту, и показывающаго, что количество бумажныхъ товаровъ, преимущественно дѣланныхъ изъ Англійской пряжи, и вывозимыхъ изъ Ирландіи въ Великобританію, простиралось въ 1822 году до 406,687 ярдовъ; въ 1823 году до 556,646; въ 1824 году до 3,840,699, а въ 1825 году до 6,418,645, слѣдственно, въ теченіи двухъ лѣтъ увеличилось почти въ 12 разъ.

Шерстяныя издѣлія составляли весьма долгое время важнѣйшій торгъ Англіи, и хотя улучшенія, дѣланныя съ 1770 года, въ пряденіи хлопчатой бумаги, и въ произведеніяхъ бумажныхъ товаровъ, были не болѣе значительны, какъ и

улучшенія въ шерстяныхъ фабрикахъ, однакожъ первыя теперь гораздо превосходнѣе послѣднихъ. Изъ реэспировъ, объявленной въ таможняхъ и дѣйствительной цѣны разныхъ товаровъ, отправленныхъ изъ Великобританіи, видно, что вывозъ бумажныхъ товаровъ, со включеніемъ пряжи, простирается въ сложности до 17 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, или почти половины цѣны, всѣхъ выпканныхъ и вывезенныхъ изъ государства товаровъ. Представимъ читателямъ таблицу, взятую изъ отчетовъ, напечатанныхъ по повелѣнію Нижняго Парламента, объ оффиціяльныхъ и объявленныхъ, или дѣйствительныхъ цѣнахъ бумажныхъ товаровъ, бумажной пряжи, шерстяныхъ и шелковыхъ товаровъ, и количествѣ всѣхъ другихъ произведеній Англійскихъ фабрикъ, вывезенныхъ изъ Великобританіи во всѣ части свѣта (исключая Ирландію), съ 1814 до 1826 года.

	Годъ.	Бумажные товары.	Бумажная пряжа.	ТОВАРЫ. Шерстяные.	Льняные.	Шелковые.	Тканныхъ товаровъ, всего.	Другихъ товаровъ, всего.
Оффиціальныя цѣны.	1814	16,690,365	1,119,850	4,931,670	1,524,457	173,318	24,439.684	8,760,896
	15	21,699,505	808,853	7,122,570	1,590,074	224,873	34,445,876	10,266,126
	16	16,335,124	1,380,486	3,586,564	1,559,367	161,874	25,023,215	9,751,305
	17	20,357,147	1,125,257	5,676,920	1,945,494	152,734	29,255,253	9,980,144
	18	21,627,936	1,296,776	6,344,100	2,153,309	167,559	31,589,683	10,375,844
	19	16,876,206	1,585,753	4,602,270	1,547,352	126,809	24,738,390	8,185,185
	1820	20,704,600	2,022,153	4,363,973	1,955,186	118,370	29,144,283	8,675,753
	1	21,630,493	1,898,695	5,500,922	2,303,443	136,402	31,478,955	8,715,938
	2	24,566,920	2,353,217	5,943 612	2,594,783	141.007	35,599.539	7,958,950
	3	24,117,549	2,425,419	5,539,789	2,654,098	141,520	34,878,175	8,266,291
	4	27,170,107	2,984,329	6,136,092	3,283 403	159,648	39,733,579	8,296,457
	5	26,597,578	2,897,706	5,929,342	2,709,772	150,845	38,285,209	8,167,842
	6	24,445,565	3,748,526	5,044,585	2,056,760	106,738	32,399,474	7,932,830
Объявленныя цѣны.	1814	17,593,796	2,794,249	6,372,494	1,704,384	550,020	28,788,940	14,658,432
	15	19,124,062	1,674,022	9,338,142	1,777 563	622,120	32,535,905	17,177,340
	16	13,072,757	2,628,448	7,844,855	1,452,667	480,522	25,479,252	14,849,690
	17	14,478,022	2,044,182	7,163,472	1,703 632	408.523	25,467,827	14,869,292
	18	16,643,579	2,385,305	8,145,193	1,949,845	499,475	29,624,067	15,567,182
	19	12,388,833	2,516,783	5,986,807	1,394,245	376,798	22,660,467	14,588,029
	1820	13,843,569	2,826,643	5,583,450	1,653,804	574,144	24,278,570	14 290,109
	1	13,786,957	2,307,850	6,461,567	1,984,465	373,938	24,944,759	10,944,223
	2	14,534,253	2,700,437	6,488,523	2,492,772	584,455	26,297 429	9,879 468
	3	13,754,445	2;625,947	5,634,137	2,095,574	350,880	24,957,952	10,233,172
	4	15,240,006	3,135,496	6,044,534	2,442,440	442,582	27,272.059	10,304,359
	5	15,034,438	3,206,729	6,195,775	2,430.705	296,677	26,862.024	14,224,749
	6	10,522,357	3,491,268	4.982.898	1 489,647	468,453	20,652,623	10,195,045

До 1790 года, сырая хлопчатая бумага для Англійскихъ издѣлій преимущественно была получаема изъ Западной Индіи и Леванта. Но, по окончаніи Американской войны, начали разводить оную въ Каролинѣ и Георгіи, и такъ удачно, что она составляетъ нынѣ одно изъ важнѣйшихъ произведеній Соединенныхъ Штатовъ. Американская хлопчатая бумага извѣстна вообще подъ именами *Sea Island* и *Upland*. Первая есть тончайшая, изъ всѣхъ родовъ, ввозимыхъ въ Великобританію. Она растетъ на песчаныхъ мѣстахъ, омываемыхъ моремъ. Вторая растетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, но съ великимъ прудомъ отдѣляется отъ сѣмянъ и по сему прежде ея мало разводили. Наконецъ Г. Уитней, изобрѣтшій машину, отдѣляющую бумагу отъ сѣмянъ съ величайшею легкостію, доставилъ Каролинскимъ и Георгійскимъ колонистамъ не менѣе пользы, какъ и Аркрейтъ Ленкаширскимъ мануфактуристамъ. До изобрѣтенія машины Уитнея, въ 1793 году, въ Соединенныхъ Штатахъ такъ мало разводили хлопчатой бумаги, что не могли вывозить ни одного фунта. Но едва машина Уитнея была устроена, какъ разведеніе хлопчатой бумаги сдѣлалось главнѣйшимъ занятіемъ колонистовъ Каролины и Георгіи, такъ, что нынѣ они вывозятъ болѣе 100 милліоновъ фунтовъ въ годъ. Уитней взялъ патентъ на свое изобрѣтеніе, и платилъ за право пользоваться

онымъ въ Южной Каролинѣ 50,000 доллеровъ. Въ Георгіи, и нѣкоторыхъ другихъ областяхъ, онъ долженъ былъ сражаться съ сильною партіею, возставшею противъ него, и старавшеюся лишить его выгодъ изобрѣтенія; много времени прошло, пока удалось ему сдѣлать привиллегію свою дѣйствительною.

Окончивъ наше краткое, и весьма несовершенное начертаніе начала, возрастанія и нынѣшней обширности бумажныхъ мануфактуръ въ Англіи, мы намѣрены представить нѣсколько замѣчаній, касательно возможности сохранить наше превосходство въ оныхъ, и вліянія мануфактуръ на состояніе и нравственность народа.

Очевидно, что многія догадки необходимо должны войдти въ разсужденіе о будущемъ состояніи промышленности, которая зависитъ отъ многихъ нечаянныхъ и непредвидѣнныхъ случаевъ, и что невозможно предсказать съ достовѣрностію совершенною, въ какомъ состояніи будетъ она чрезъ нѣсколько лѣтъ. Но исключая вліяніе народныхъ смятеній, коихъ предвидѣть нельзя, мы не думаемъ, чтобы у насъ, или въ другихъ торговыхъ и мануфактурныхъ странахъ свѣта, была какая либо причина, которая-бы давала поводъ почитать сколько нибудь основательными невыгодныя предположенія людей, утверждающихъ, что бумажныя издѣлія, достигшія своего зенита, должны приходить въ упадокъ. Вообще естествен-

ныя способности наши въ мануфактурныхъ занятіяхъ превосходятъ способности всѣхъ другихъ народовъ. Превосходство, до котораго мы уже достигли, всего болѣе говоритъ въ нашу пользу. Наши мануфактурщики, механики и мастеровые смышленѣе, искуснѣе и предпріимчивѣе людей сихъ званій во всѣхъ другихъ націяхъ. Чудесныя изобрѣтенія, ими уже сдѣланныя, и обширныя свѣдѣнія во всѣхъ частяхъ мануфактурныхъ работъ, не только даютъ имъ средства совершенствовать способы, уже извѣстные, но могутъ руководствовать къ открытію новыхъ. Заведенія наши для пряденія, тканья, печатанія, бѣленія, превосходнѣе всѣхъ иностранныхъ; разныя части работъ болѣе и лучше раздѣлены; мастеровые съ малолѣтства привыкаютъ къ промышленнымъ занятіямъ; они присвоили себѣ особенное проворство и ловкость въ исправленіи различныхъ частей работъ, которыя пріобрѣтаются однимъ только долговременнымъ и неусыпнымъ раченіемъ о дѣлѣ. И такъ, имѣя на своей сторонѣ всѣ сіи выгоды, спрашиваемъ: почему не могли-бы мы сохранить навсегда нынѣшняго нашего преимущества? Всякая другая нація, намѣреваясь завести фабрики, должна непремѣнно преодолѣть величайшія препятствія въ сравненіи съ нами. Кромѣ того, что опытность въ обработываніи и основательныя знанія въ разныхъ частяхъ работъ, пріобрѣтаются весьма медленно,

заведенія другихъ народовъ въ началѣ не могутъ быть довольно обширны, и потому они не въ состояніи будутъ раздѣлить фабричныя работы на многія части. Справедливо, кажется, можно заключить, что новые иностранные заводчики, вступя въ соперничество съ нашими, уже достигшими высокой степени совершенства въ своемъ искуствѣ, должны быть непремѣнно исключены изъ каждаго рынка, въ которомъ обѣ партіи возымѣютъ ровное участіе, и что кромѣ помощи, получаемой ими отъ ограниченій и запрещеній нашихъ товаровъ, ничто не можетъ предупредить совершеннаго разрушенія ихъ заведеній (*).

Но, говорятъ намъ, сколь-бы ни были велики сіи выгоды, онѣ малосильны, въ сравненіи съ большими невыгодами. Удобность получать отъ своихъ согражданъ сырой матеріалъ, и не платить денегъ за перевозъ онаго въ отдаленную страну, доставятъ наконецъ средства новоучреждающимся мануфактурамъ въ Америкѣ взять верхъ надъ ними; при томъ, высокая цѣна съѣстныхъ припасовъ въ Великобританіи, и большія пошлины, заставляющія насъ платить нашимъ мастеровымъ за работу гораздо дороже, нежели платятъ онымъ фабриканты Соединенныхъ Штатовъ, суть такія для насъ препятствія, коимъ ни огромный

(*) Просимъ Г-дъ Теоретиковъ замѣтить сіи слова. *Изд. Тел.*

нашъ капиталъ, ни большая опытность, ни преимущественныя свѣдѣнія нашихъ мастеровыхъ не могутъ всегда противиться.

Однакожъ, въ разсужденіи Америки, мы не видимъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы она могла сдѣлаться когда либо для насъ опасною соперницею въ мануфактурной промышленности, или чтобы ея произведеніе, разумѣя хлопчатую бумагу, было для насъ обстоятельствомъ весьма важнымъ. Въ Америкѣ есть сколь пространныя, плодоносныя и донынѣ еще не заселенныя, мѣста, что земледѣліе на весьма долгое время будетъ еще оставаться главнымъ предметомъ занятія жителей, и употребленія ихъ капиталовъ. Можно полагать, что чѣмъ болѣе понятія объ истинныхъ основаніяхъ государственнаго хозяйства у нихъ распространятся, тѣмъ лучше народъ и его правители будутъ видѣть, сколь безразсудно и безвременно учреждать имъ нынѣ мануфактуры; они часъ отъ часу охотнѣе будутъ слѣдовать правиламъ здравой политики, и позволятъ каждому искать своихъ выгодъ тамъ, гдѣ кому разсудится. Но положимъ, что Американцы будутъ упорствовать въ ошибочной своей политикѣ и насильно заведутъ фабрики, то, какая имъ будетъ выгода отъ собственнаго сыраго матеріяла? Ясно, что въ Америкѣ можно съ пользою заниматься издѣліями только въ Сѣверныхъ Штатахъ, ибо, вѣрно всѣ въ томъ согласятся, фабричные това-

ры, произведенные невольниками, не могутъ сравниться съ издѣліями людей свободныхъ, и ежели должно привозить хлопчатую бумагу изъ Георгіи и Каролины въ отдаленную область Соединенныхъ Штатовъ, то плата за перевозъ въ Массачузетъ и Коннектикутъ должна быть слишкомъ велика въ сравненіи съ цѣною издѣлій. Слѣдственно, намъ вовсе не должно бояться соперничества Америки. Препятствія, противящіяся намѣренію Американцовъ сдѣлаться мануфактурною націею, будутъ непреодолимы въ продолженіе весьма многихъ лѣтъ, и когда въ самомъ дѣлѣ они достигнутъ своей цѣли, то выгода имѣть собственный сырой матеріялъ, слишкомъ ничтожна, и нестоитъ того, чтобы объ ней говорить; ее ни какъ нельзя сравнить съ особенными источниками нашего преимущества (*).

Но всего болѣе предвѣщатели упадка нашего мануфактурнаго и торговаго благосостоянія опираются на соперничество нашихъ сосѣдовъ твердой земли Европы, на большую нашу плату рабочимъ и пошлины. Напрасно, говорятъ они, мы обманываемъ самихъ себя, надѣясь на огромный нашъ капиталъ и превосходные успѣхи на-

(*) Должно-ли здѣсь замѣчать явные софизмы, въ какіе увлекаетъ сочинителя неумѣстный патріотизмъ, отличающій всѣ статьи въ Quarterly Review? *Изд. Тел.*

шей мануфактурной промышленности. Положимъ, что сіи выгоды могутъ на время обнадежить насъ въ нашемъ преимуществѣ; но онѣ не въ состояніи доставить намъ всегдашней монополіи. Французы, и другіе народы твердой земли, уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать великіе успѣхи въ мануфактурныхъ издѣліяхъ; наша огромная плата рабочимъ и пошлины, должны наконецъ дать имъ преимущество надъ нами. Всѣ сіи мнѣнія часто были повторяемы и произвели на многихъ великое впечатлѣніе, поэтому изслѣдуемъ ихъ подробнѣе.

Мы весьма сомнѣваемся, чтобы мастеровые въ Англіи получали въ самомъ дѣлѣ болѣе платы, нежѐли во Франціи. Правда, что поденщику платятъ болѣе въ Англіи, нежели во Франціи, но дѣло не о томъ идетъ, гдѣ — во Франціи или въ Англіи — мастеровые получаютъ болѣе платы за *извѣстное время*, но о томъ, гдѣ они получаютъ болѣе платы за *извѣстное количество работы*. Сей вопросъ совсѣмъ различенъ отъ перваго. Приведемъ здѣсь мнѣніе, весьма знающаго сіи предметы человѣка, Артура Юнга. Онъ говоритъ, что работникъ Эссекскій, получая 2 шилл. 6 д. въ день, дешевле, нежели работникъ въ Типперари, получающій 5 д. И по сему правилу, фабрикантъ во Франціи, хотя можетъ нанять работниковъ 20-ю или 30-ю процентами дешевле, нежели фабрикантъ въ Англіи, но такъ

какъ Англійскіе работники лучше обучены, различныя работы удобнѣе раздѣлены между ими, и они въ состояніи доставить въ извѣстное время гораздо болѣе произведенія, нежели Французскіе, но жалованье, или плата за работу, въ самомъ дѣлѣ менѣе въ Англіи, нежели во Франціи. Мы не думаемъ чрезъ сіе составить точной смѣты сравнительной цѣны работъ въ обоихъ государствахъ, но насъ увѣряли люди, весьма опытные и совершенно знающіе состояніе промышленности Франціи и Англіи, что хотя Французскіе мастеровые могутъ сравняться съ Англійскими, и даже превзойдти ихъ въ издѣліи галантерейныхъ вещей, и вообще во всѣхъ предметахъ легкой работы, но несравненно уступаютъ во всѣхъ прочихъ, такъ, что бумажные и шерстяные мануфактуристы, дѣлающіе мѣлочные желѣзные и стальные товары, также и машинные мастера, доставляютъ работу въ Англіи дешевле, и притомъ гораздо лучшей отдѣлки, нежели во Франціи.

Слѣдственно, по неопредѣленнымъ и худо изслѣдованнымъ предположеніямъ, относительно нисшей платы во Франціи въ сравненіи съ Англіею, нельзя составить точной смѣты дѣйствительной цѣны работъ въ обоихъ государствахъ. Положимъ однакожъ, хотя мы и совсѣмъ другаго въ семъ случаѣ мнѣнія, что за работу, въ самомъ дѣлѣ менѣе платится во Франціи, нежели въ Англіи, все не трудно будетъ доказать, что это об-

стоятельство невредно для нашихъ бумажныхъ мануфактуристовъ, когда мы ихъ сравнимъ съ мануфактуристами Франціи, или другой какой-либо земли.

(Окончаніе въ XVIII книжкѣ).

ВИДѢНІЕ ТАССА (*).

ТАССЪ и МАНСО.

Мансо.

Повѣрь мнѣ, Тассъ: видѣнье то—не духъ;
Ты самъ творецъ воздушнаго мечтанья!
Призракъ пустой сей непоняшный другъ,
Безъ сущности, безъ жизни, безъ дыханья!
Ты въ бездну думъ глубоко погруженъ:
Міръ внутренній твоимъ сталъ міромъ внѣшнимъ,
И на яву ума чудесный сонъ
Считаешь ты существованьемъ здѣшнимъ.

(*) Историческое преданіе. Тассъ мечталъ, что видитъ привидѣніе, говаривалъ съ нимъ, и другъ его Мансо былъ однажды изумленъ восторгомъ, какимъ привѣтствовалъ сумасшедшій поэтъ мечту свою.

ТАССЪ.

Ни госпиталь Санкт-Анны, ни вражда
Альфонсова, ни злая зависть свѣта,
Феррара вся—вселенная—поэта
Не убѣдитъ! Я не былъ никогда
Безумнымъ, вѣрь: въ безумномъ заговорѣ
Противъ меня Италія моя!
Мои враги, о стыдъ! мои друзья
Согласны всѣ въ жестокомъ приговорѣ:
Свести меня съ ума—и Мансо, ты!
Смотри: мой взоръ, блеститъ-ли онъ безумьемъ,
Иль вдохновеннымъ, божественнымъ раздумьемъ?
Ты поблѣднѣлъ: исчадью темноты
Несносенъ свѣтъ! Не покушайтесь снова
На Генія! два громоносныхъ слова,
Единый взмахъ его орлиныхъ крылъ—
И онъ вамъ въ грудь вонзитъ когтей кинжалы!
Меня-ль включить въ темницы и подвалы
Къ юродивымъ, какъ въ темный міръ могилъ;
Меня-ль убить хотите гнѣвомъ сильнымъ,
И рубищемъ изодраннымъ и пыльнымъ
Одѣть на смѣхъ—о варвары!...
Сей часъ
Я храмину твою покину: то-же
Считаешь ты меня безумнымъ... Боже!

МАНСО.

Смири свой гнѣвъ несправедливый, Тассъ!
Ты душу мнѣ обидою потрясъ;
Остановись! ты-ль ненависти черной
Не различишь отъ дружбы непритворной?

Безумнымъ счелъ тебя Альфонсовъ дворъ —
Ты награжденъ всемірнымъ удивленьемъ;
Ты отплатилъ ему великимъ мщеньемъ:
Ихъ имена въ поэмѣ дивной стеръ —
И ихъ сразитъ проклятіе потомства!
Клянусь: къ тебѣ друзья безъ вѣроломства!
На перерывъ *Великаго* зовутъ —
И счастливъ тотъ, кто дѣлитъ съ нимъ пріютъ!
И я къ тебѣ любовію прикованъ;
Какъ нѣкій богъ, ты обладаешь мной,
Пересоздалъ меня, поэтъ святой!
Гдѣ дышешь ты, тамъ воздухъ очарованъ
И вьются тамъ прелестныя мечты:
Эрминія, Клоринда и Армида,
Три Граціи безсмертной красоты!...
Тяжка, мой другъ, отъ Тасса мнѣ обида!
Моей тоской ты умилился, ты
Останешься: улыбкою ланиты
Оживлены. — Неаполь знаменитый,
Предѣлъ небесъ, ниспадшій долу рай,
И Павзилипъ и гордый видъ волкана,
Сорренто брегъ, зерцало океана —
Останься, Тассъ: взгляни и оживай!

Тассъ.

Прости меня за муки и за слезы
Въ стѣнахъ тюрьмы: ожесточенъ твой другъ!

Мансо.

Но удаляй мучительныя грезы;
Собой дари почаще мирный кругъ
Своихъ друзей; забудь тотъ чудный духъ —
Онъ Генія игривое сотканье,

Призракъ еще творимаго тобой!
Ты не держи бесѣды съ нимъ ночной:
Умножится душевное страданье!

ТАССЪ.

Не говори: ты не видалъ его!
Со мной побудь; сегодня добрый Геній
Опять придетъ—невольно ты колѣни
Согнешь предъ нимъ!... не знаешь ты всего!
Когда-бъ ты зналъ! Но что-же? Безъ боязни
Открою съ знакъ довѣрчивой пріязни;
Я разскажу, ты тайну сохрани:
Она свята!... мы, кажется, одни?

Въ глазахъ людей причудливый и странный,
Безуменъ Тассъ!... Сей духъ, какъ гость нежданный,
Явился мнѣ въ златые счастья дни—
И онъ стоялъ въ таинственной сѣни,
Во свѣтлую одежду облеченный.
Позвалъ меня... онъ мнѣ въ лицо дохнулъ—
Повѣялъ жаръ по членамъ... изступленный,
Прошедшихъ лѣтъ я слышалъ ратный гулъ—
Сей міръ померкъ, другой разсвѣлъ... яснѣе...
Вспылала мысль во мнѣ объ Эпопеѣ!
Среди забавъ, средь свадебныхъ пировъ
Альфонсовыхъ я слышалъ духа зовъ—
Я далъ отвѣтъ... всѣ слушая не знали,
Что было то: ихъ устрашилъ мой взоръ!
Но Геній сей порой былъ духъ печали...
Жестокій! онъ пресѣкъ мой разговоръ
И страсти мигъ съ прелестной *Санвитали*...
Меня сразилъ нѣмой его укоръ!

Не утоливъ во мнѣ душевной жажды,
Онъ множилъ огнь любви другимъ огнемъ;
Меня терзалъ!... Онъ изъ Феррары дважды
Увлекъ меня таинственнымъ путемъ
Къ моей сестрѣ, пока придворныхъ злоба
Еще пѣвцу не докопала гроба.

Я заключенъ былъ въ смрадный гробъ тюрьмы—
И онъ со мной, соплѣнникъ добровольный,
Восторга свѣтъ шворилъ средь грустной тьмы,
Дарилъ меня въ темницѣ жизнью вольной—
И какъ друзья, какъ братья жили мы!

Ерусалимъ жестоко растерзалъ!
О, если-бъ вы, безчувственные, знали,
Что я свой умъ, восторгъ и сердца пылъ,
Весь огнь души на искры раздробилъ,
Чтобъ всякому въ Ерусалимѣ слову
По искрѣ давъ, дать свѣтлую обнову!
Что всякій стихъ частица жизни, мной
Средь тайныхъ мукъ вамъ отданной... не вся-ли
Утрачена? Недугъ лишь роковой
Остался мнѣ... Когдабъ вы это знали!
Я слышалъ вѣсть: темницы слабый свѣтъ
Темнѣе сталъ и гнѣвъ мой вспыхнулъ юный
И на судей подъялъ свои перуны—
Но *онъ* сказалъ заботливо: «Нѣтъ, нѣтъ!»
И стихнули бушующія струны,
И скроменъ былъ, какъ дѣвство, мой отвѣтъ!

Мансо.

Пѣвецъ! вполнѣ тебѣ мы знаемъ цѣну:
Такой отвѣтъ отъ преданнаго плѣну

Безсрочному—отъ Тасса изъ тюрьмы—
Онъ удивилъ... рукоплескали мы!
Ты совершилъ великій подвигъ; нынѣ
Подъ лавромъ спи въ отеческой долинѣ;
Не признавай могущества духовъ!
Живи съ людьми: мой гласъ—отчизны зовъ!
Я именемъ всего молю, что свято,
Забудь о *немъ!* ты страждешь, о Торкватo!

ТАССЪ.

Умолкни, другъ: его не знаешь ты!
Торжественной ему ты клятвы не далъ,
Его святыхъ объятій не извѣдалъ,
Не созерцалъ живящей красоты!
Онъ грудь твою палилъ-ль чуднымъ взглядомъ?
Тебя, хоть разъ, кормилъ-ли сладкимъ ядомъ,
Восторгами и вѣчности земной
Желаньемъ?... Нѣтъ!... я клятвы не нарушу!
Но чудный духъ, подумай, кто такой?
Не трепещи, скажу: за лавръ святой
Я демону искуства продалъ душу...
Я продалъ все—и сталъ его рабомъ!
Волнуемый его дыханьемъ чистымъ,
И крестъ неся, златой, съ живымъ вѣнцомъ,
Бреду, несусь къ вершинамъ горъ лучистымъ—
И разума не слыша укоризнъ,
Не чувствую, безумно упоенный,
Что онъ, какъ богъ громовъ воспламененный,
По молніямъ истощеваетъ жизнь
Моей души, сей тучи вѣчно-бурной—
И наконецъ со мной простясь предъ урной—

Но что! пришелъ обѣтованный часъ...
То шумъ его шаговъ... вотъ онъ!

Мансо (*трепеща*).

О Тассъ!

Баронъ Розенъ.

Г. Сѣвскъ.

ЗЛАТО.

КЪ М. Л. КОЖЕВНИКОВУ.

Вкругъ стѣнъ высокихъ и затворовъ,
Стрегущихъ псовъ печальный вой
Оберегалъ отъ жадныхъ взоровъ
Красы Данаи молодой.

Киприда съ Зевсомъ лишь смѣялись
Заботамъ сторожа-отца,
И двери настежь отворялись
Предъ златомъ мощнаго льстеца.

О злато, злато! Въ гибель нашу
Быстрѣе молній съ высоты,
Довсюду проникаешь ты,
Сквозь темя горъ, сквозь копій чащу!

Земля извергнула тебя,
Исчадье злое, изъ объятій!...
Съ тѣхъ поръ, лаская и губя
Врагами сдѣлало ты братій.

Съ тѣхъ поръ весь міръ, какъ торга домъ,
Судъ, правду чтитъ твоей цѣною;
Карая бѣдныхъ, дремлетъ громъ
Надъ защищаемымъ тобою.

Прошли святыя времена—
(Въ душахъ растлѣнныхъ нѣтъ имъ мѣста)
Когда—какъ агница скромна,
Чиста—какъ голубь—шла невѣста.

Лежала вкругъ ея чела
Не жемчугами непорочность;
Трудъ, вѣрность въ домъ она вела
И радостей семейныхъ прочность.

Супруги чадъ своихъ въ сердца
Вливали тоже къ счастью средство:
Сынъ добрый, безъ суда, въ наслѣдство
Благословенье бралъ отца.

Корысти жажда измѣнила
Надежды брачныхъ алтарей,
И по наслѣдству для дѣтей
Свята отцовская могила!

О злато! всё-ль изрекъ я зло?
Чего еще не доставало?
Кого спокоить ты могло?
Когда кого ты насыщало?

Растутъ сокровища, а духъ
Горитъ несытой жаждой болѣ!
Хвала богамъ, любезный другъ,
Меня хранящимъ въ скудной долѣ:

Фортуна мало мнѣ дала:
За то ни спѣсью, ни заботой,
Какъ ростовщикъ подъ позолотой,
Не морщу яснаго чела.

Немногихъ благъ большой владѣлецъ,
Въ тѣни самимъ взращенныхъ ивъ,
Я понимаю чѣмъ счастливъ
Въ наслѣдномъ полѣ земледѣлецъ.

Служитель при моемъ столѣ
Гербовъ и галуновъ не носитъ,
И не въ восточномъ хрусталѣ,
И не столѣтнее подноситъ.

За то порока черный слѣдъ
Моихъ пороговъ не пятнаетъ,
И повѣсть жалостную бѣдъ
Отказъ холодный не встрѣчаетъ.

Лукуллы наши не поймутъ,
Какъ я на чашу пресыщеній
Не промѣняю мой сосудъ
Трудомъ добытыхъ наслажденій.

Ты долю малую мою
Хотѣлъ-бы скрасить, возвеличить;
Нѣтъ, добрый другъ, хочу, люблю
Мои желанія граничить.

Не кучи злата и сребра
—Онѣ самодовольства чужды—
Но мира въ сердцѣ и добра
Прошу отъ Неба; горе, нужды

Я взвѣшу съ дружбою твоей,
И—слава Богу! въ тихой сѣни
Никто не слышитъ горькой пени
Ни на судьбу, ни на людей!

В. Орловъ.

ДѢВА РАЯ.

I.

Какъ лампа тлится догарая,
Забытая въ ущельи скалъ,
Такъ часъ за часомъ улетая,
Мой вѣкъ туманный исчезалъ.
Онъ ничего не оставлялъ
Въ своемъ невидимомъ теченьи. . :
И вдругъ, живыя сновидѣнья
Восколебали духъ во мнѣ;
Неизъяснимыя видѣнья
Тѣснились въ душу. . . Вся въ огнѣ,
Увита радугой нетлѣнья,
Предстала *Дѣва вдохновенья*
Моимъ младенческимъ очамъ.
Она въ лучахъ луны летала,
Крылатая, по облакамъ;
Она мнѣ арфу показала,
И къ золотымъ ея струнамъ
Меня, ребенка, приучала.
О чемъ-то сладко напѣвала
Мнѣ пѣснью дивною она —
И вновь волшебства пелена
Опять глазъ прелестную скрывала. . .

Безъ ней я духомъ унывалъ;
Я ждалъ, придетъ-ли вновь родная!
Я съ каждымъ днемъ истаявалъ,
И жизнь моя, отъ скорби тая,
Какъ лампа тлилась догарая,
Забытая въ ущельи скалъ.

II.

Явилась снова *Дѣва Рая*,
Задумчива на темѣ горъ. . .
Зарей безсмертія сіяя,
Горѣлъ ея небесный взоръ.
Я слышалъ дивный разговоръ
Ея съ нагорными духами;
И арфы тихія струнами
Нарѣчью смертныхъ передалъ
Ея завѣтные глаголы. .
— Въ тотъ часъ, какъ взоромъ пробѣгалъ
Морей напѣненные долы,
И бурь нагорные престолы
Надъ синимъ понтомъ созерцалъ —
И страсти бурныя кипѣли
Во мнѣ, какъ зыбь свинцовыхъ водъ,
Глаза мои туда летѣли,
Гдѣ подпирая неба сводъ,
Пятой опершись на долины,
Склонялись горы-исполины
Предъ *Дѣвой Рая*. Вихрь взвѣвалъ
Мои власы межь горныхъ скалъ,
Когда въ порывахъ вдохновенья
Я душу ей передавалъ
За тайну пѣсенъ вдохновенья.

Увы! я мучился съ тѣхъ поръ,
Безумной страстію сгарая,
Какъ мнѣ явилась *Дѣва Рая*
Задумчива, на темѣ горъ.

III.

И наконецъ, въ одеждѣ тлѣнья,
Я на землѣ ее узрѣлъ. . .
Огонь небесный вдохновенья
Надъ ней звѣздою пламенѣлъ;
Я сладкой нѣгою горѣлъ,
Когда надъ звонкими струнами
Она летучими перстами
Порхала. . . подъ ея рукой
Гармоньи Геній пробуждался;
И каждый звукъ, какъ духъ живой,
Съ душой, какъ нѣжный другъ, сливался,
Весь въ пламень чувства превращался,
Какъ разговоръ любви нѣмой. . .
Она мнѣ душу наполняла
Волшебной рѣчью милыхъ словъ;
Она вся въ нѣгѣ трепетала;
Она была вся жизнь, любовь! . . .
Въ порывѣ чувствъ, въ пылу мечтанья
Я жаждалъ сладкаго лобзанья. . .
Ахъ! звуковъ міръ, какъ-бы во снѣ,
Съ тѣхъ поръ смущаетъ сердце мнѣ,
Тягчитъ мои воспоминанья!
Съ тѣхъ поръ, въ душевной глубинѣ
Одни безумныя желанья

Кипятъ... Мой Геній улетѣлъ,
Въ залогъ оставя мнѣ мученья...
Зачѣмъ, зачѣмъ въ одеждѣ тлѣнья
Я на землѣ ее узрѣлъ!...

И. Л.

А. Ѳ. ДМИТРІЕВОЙ,

ПОСЫЛАЯ ЕЙ ТРАГЕДІЮ: МАРІЯ СТУАРТЪ.

Есть въ жизни свѣтлое мгновенье:
Тогда, бросая взоръ вокругъ,
Вездѣ мы видимъ наслажденье,
Вездѣ намъ радость вѣрный другъ.

Зовутъ любовью это время;
Она живетъ на небесахъ,
И, облегчая жизни бремя,
Бываетъ на землѣ въ гостяхъ.

Тогда на міръ глядимъ пристрастно,
Мечтая смѣло всякой часъ:
Какъ сердце чувствуетъ прекрасно,
Такъ все прекрасно возлѣ насъ.

Тогда быть добрыми умѣемъ,
Притворство не знакомо намъ,
Прощаемъ мы своимъ злодѣямъ
И снисходительны къ стихамъ.

Такъ вы, съ улыбкой снисхожденья,
Примите здѣсь мои стихи,
И лестнымъ взоромъ одобренья
Мнѣ отпустите за грѣхи.

Не голосъ вѣры въ дарованье,
Не жажда суетныхъ похвалъ
Мнѣ дали стихотворца званье:
Я для любви стихи писалъ.

Она была мнѣ вдохновеньемъ,
Прекрасной Музою моей,
И лучше славы награжденьемъ,
И счастіемъ немногихъ дней. —

Я васъ увидя вспомнилъ счастье:
Такъ Рускій, переплывъ моря,
Не помнитъ родины ненастье,
На небо лучшее смотря.

Н. Павловъ.

ПОСЛАНІЕ

КЪ КНЯЗЮ АЛ. ИВ. ДОЛГОРУКОМУ,

(по случаю его новоселья).

Къ себѣ вчера на новоселье,
Любезный Князь, зазвали вы,
Гостепріимное веселье
(Дочь бѣлокаменной Москвы).

Притворство было за порогомъ,
Пріемъ радушный у дверей,
И обнявшись съ кудрявымъ богомъ,
Встрѣчала радость всѣхъ гостей;
Тутъ шутка шуткою смѣнялась,
И мнѣ казалось, что со мной,
Какъ будто вѣкъ не разставалось
Приволье жизни удалой.
Но все пройдетъ!... Все канетъ въ вѣчность,
И опытъ, жизни властелинъ,
Какъ лицемѣръ. Чистосердечность
Пригонитъ все на свой аршинъ.
Одна лишь дружба не проходитъ;
Ее и опытъ не мертвитъ;
Она насъ къ пристани приводитъ,
Гдѣ можемъ горести забыть;
Гдѣ можемъ вѣриться надеждѣ,
Гдѣ стариной согрѣвъ умы,
Мы говоримъ: «Не такъ-ли прежде
Въ веселый часъ живали мы.

А. Башиловъ.

1828 года,
Сентября 30 дня.
Москва.

ЗАСТРАХОВАНЬЕ СЕРДЦА.

До Общества застрахованья
Мнѣ никакого дѣла нѣтъ;
Брать акцій нѣтъ во мнѣ желанья,
О нихъ не думаетъ Поэтъ.
Безпечность—вотъ его стихія!
Лишь улыбалась-бы любовь,
Звучали-бъ струны золотыя;
Но домъ сгоритъ—построю вновь!
А не на что?... На что-же струны?
Услада жизни — волшебство!
Богини вѣтреной, Фортуны,
Я вѣкъ не чтилъ за божество!
Лишь-бы хранилась жизни радость,
Мое все счастіе — въ женѣ!
Пускай кипитъ надолго младость,
Но не сгоритъ любовь во мнѣ!
И не зажгутся пылки страсти,
Ихъ сколько-бъ вихрь ни поджигалъ:
Я сердце отъ такой напасти
Въ ея любви застраховалъ.

Николай Кашинцовъ.

ОТЪ ЧЕГО РОБКИ УЧЕНЫЕ?

« And of his port as meek as is a maid (*). »

Люди, собственно такъ называемые *ученые*, живутъ въ отвлеченномъ мірѣ, въ удаленіи отъ свѣта: вотъ двойственная причина, производящая разсматриваемый нами вопросъ. Жизнь посвященная ученію предполагаетъ также, что человѣкъ, избравшій ее своимъ удѣломъ, составилъ себѣ идеалъ характера возвышеннаго: это сообщаетъ какой-то гордый порывъ уму и поселяетъ угрюмость въ чувствованіяхъ — неизбѣжное слѣдствіе гордости.

Существованіе одинокое и бѣдное необходимо дѣлаетъ человѣка боязливымъ, неловкимъ: это явно и не стоитъ даже объясненія. Не льзя быть пріятнымъ въ свѣтѣ, не зная обычаевъ онаго; но можно-ли знать сіи обычаи, не бывая въ свѣтѣ часто? Кто скажетъ о себѣ, что онъ въ состояніи исполнитъ безъ нѣкотораго сомнѣнія и замѣшательства то, что случается ему исполнять рѣдко, по особеннымъ случаямъ? Требовать, чтобы ученый или простой гражданинъ, пріятно

(*) « И видъ его такъ-же нѣженъ, какъ видъ дѣвушки.»

и легко танцовали по натянутому канату—столь же безразсудно, какъ ввести сихъ людей въ веселый, блестящій кругъ, и надѣяться что они будутъ тамъ блистать, пріятно разсказывая дневные анекдоты, или отличатся въ мѣнѣ легкихъ, острыхъ выраженій. «Если вы не видали Двора,» говоритъ Тоучстонъ, «ваше обхожденіе будетъ дурно; а если оно дурно—вы погибшій человѣкъ.»

Другая причина робости ученыхъ менѣе явна и потому должны мы изслѣдовать ее основательнѣе. Человѣкъ, осуждающій себя на продолжительныя, трудныя изслѣдованія, естественно теряетъ быстроту и ловкость, отличающія блестящую вѣтренность свѣтскаго разскащика. Есть извѣстная движимость, извѣстный жаръ разума, встрѣчаемые только у людей, всегда заняпыхъ настоящимъ и никогда не проникающихъ далѣе поверхности. Ученый, со всѣхъ сторонъ встрѣчая сомнѣнія и недостовѣрность и даже преимущественно занимаясь предметами самыми темными, становится нерѣшителенъ, недовѣрчивъ, разсѣянъ. Всѣ дѣйствія ума его медлительны, осторожны; онъ приближается извилинами, обходами, вмѣсто того, чтобы съ смѣлостью и быстротою идти прямо къ своей цѣли. Чѣмъ далѣе идетъ онъ по пути своему, тѣмъ болѣе умножаются запрудненія онаго и ходъ его становится болѣе медленъ и робокъ. Онъ не взрываетъ почвы слегка, но углубляется въ нее, идя впередъ какъ муравей,

въ пемнощѣ, по ступенямъ невидимымъ, и выкидывая на поверхность грязь и обломки, дабы означить свой путь. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что каждый внезапный свѣтъ ослѣпляетъ его, каждый неожиданный вопросъ разстроиваетъ, и всегда съ невыгодою для него въ критическихъ случаяхъ. Ему надобно время собраться съ духомъ, изслѣдовать возраженія, сдѣлать новыя изысканія: а этотъ способъ совершенно отличенъ отъ смѣлаго, необузданнаго хода человѣка дѣловаго и свѣтскаго. Ученый, часто бывая въ затруднительныхъ для его робости обстоятельствахъ, особенно если его характеръ созерцателенъ и откровененъ, теряетъ, вмѣстѣ съ довѣренностью къ самому себѣ, свою самостоятельность, по крайней мѣрѣ въ мнѣніи другихъ людей. Ученіе не сдѣлало его мудрымъ: оно только научило его мудрому сомнѣнію; оно внушило ему превосходныя причины уклоняться со своимъ мнѣніемъ, тогда какъ другіе съ дерзостью бросили-бы на вѣсы тяжесть своихъ частныхъ преимуществъ или своего тщеславія.

Кто искренно занимается изысканіемъ истины, тотъ не считаетъ ничего условнымъ. Ему надобны доказательства положительныя, разсмотрѣніе подробное. Онъ не хочетъ ни обманывать другихъ, ни обманываться самъ призраками. Онъ посвящаетъ цѣлые годы тяжелыхъ трудовъ и упорнаго энтузіазма, дабы узнать какое-нибудь иску-

ство, углубиться въ какую-нибудь науку, но и тутъ слѣдствіе его усилій часто бываетъ неопредѣленно. Основываясь на этомъ, онъ полагаетъ, что и другіе успѣхи должны быть приобрѣтаемы такимъ-же образомъ. Его не убѣдите, что значительный предметъ можно схватить вдругъ. Онъ не только не приметъ съ гордостью, но почтетъ за стыдъ пріобрѣсти какія-нибудь выгоды общими, легкими средствами. Онъ не предполагаетъ, что тѣ, чье одобреніе для него драгоцѣнно, будутъ изумлены его важностью и требованіями, не имѣющими основанія. Онъ удостовѣренъ, что все хорошее пріобрѣтается только продолжительными трудами, и что важность средствъ необходимо должна быть соразмѣрна важности цѣли. Изъ своихъ ежедневныхъ упражненій онъ знаетъ, что всегда есть затрудненія, утомляющія терпѣніе и самые крѣпкіе нервы и колеблющіе самую высокую смѣлость. Если существуетъ предметъ, болѣе другихъ достойный подвигнуть мудреца къ усиліямъ и заставить сердце его содрогнуться при одной мысли объ отдаленномъ успѣхѣ, то онъ не въ силахъ согласится, что для пріобрѣтенія сего большаго выигрыша въ лотереѣ жизни, надобно только дерзкую, свободную руку. Не льзя написать картину, стоявши передъ зеркало и восхищаясь собой, или рѣшить задачу гордою, возвышенною осанкою. Ученый расчисляетъ, что то-же должно быть въ

свѣтѣ, и обходится съ женщинами такъ-же какъ съ Музами. Онъ никакъ не станетъ говорить, не будучи увѣренъ, что скажетъ что-нибудь лучшее, чѣмъ другіе, и если приписываетъ себѣ какое-нибудь преимущество, то въ тоже время старается доказать, что оно дѣйствительно принадлежитъ ему. Слишкомъ поздно и не ко времени понимаетъ онъ, что безстыдство есть ходячая монета въ дѣлахъ сего свѣта, что счастіе никогда не ждетъ желающихъ воспользоваться его дарами, что надобно ловить его на лету; что люди вообще сходятся скорѣе съ тѣмъ, кто самъ себѣ отдаетъ справедливость, и даже кто насильно убѣждаетъ ихъ въ свою пользу, чѣмъ съ ищущимъ чужаго мнѣнія для увѣренности въ своихъ силахъ, для смѣлаго продолженія своего пути. Глупцы смѣло бросаются туда, куда человѣкъ умный не смѣетъ приближаться, и скромное достоинство узнаетъ, не къ удовольствію своему, что смѣлость и безстыдство срываютъ успѣхи тамъ, гдѣ робость остается въ сторонѣ или падаетъ; что физіономія цвѣтущая, веселая, предпочитается меланхолическому, огорченному лицу, и здоровье, живость земныхъ людей, сложенію страдающему, раздражительному; что, для успѣха, человѣкъ долженъ имѣть вѣрные, неопровергаемые признаки увѣренности въ самого себя, а не утомлять цѣлый свѣтъ своими сомнѣніями и боязнію о томъ, что онъ

не имѣетъ надежды достигнуть воображаемаго совершенства. Нашъ бѣдный ученый хочетъ опойдти нѣсколько въ сторону, но безжалостный свѣтъ, съ благородствомъ нападающій всегда на слабѣйшаго, гонитъ его еще далѣе. Съ умноженіемъ сего гоненія, онъ чувствуетъ въ себѣ менѣе силъ противустоять ему и борошься съ тѣми, кто идетъ по одному съ нимъ пути и стремится къ одинакой цѣли. Тогда онъ удаляется съ театра и остается страдательнымъ, но не спокойнымъ зрителемъ того, что происходитъ на сценѣ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе есть скорѣе плодъ быстрой и твердой рѣшительности, чѣмъ глубокихъ и тонкихъ соображеній. Сверхъ того, можно предполагать, что человѣкъ, показывающій увѣренность въ свои средства, не измѣнитъ ввѣренныхъ ему выгодъ, отъ слабости или недѣятельности. Вообще мнѣніе, составляемое нами о другихъ, бываетъ слѣдствіемъ замѣчаній поспѣшныхъ и поверхностныхъ; слѣдственно, весьма важно то, что говоритъ воображенію и поражаетъ чувства. Съ народомъ, въ свѣтѣ, надобно употреблять и средства народныя, свѣтскія, и не основывать своихъ будущихъ успѣховъ на качествахъ скромныхъ и скрытыхъ, потому что грубые органы толпы не могутъ замѣтить ихъ.

Жить—значитъ сражаться, и сраженіе это всего чаще завязывается на аренѣ гостиныхъ. Тамъ самолюбія и требованія всѣхъ родовъ въ вѣчной

борьбѣ, иногда тайной, иногда открытой. Вѣжливость намъ вещь рѣдкая; та, которую намъ встрѣчаемъ, состоитъ единственно въ исполненіи извѣстнаго числа условныхъ обрядовъ. Напротивъ вѣжливость истинная происходитъ отъ сердца; источникъ и начало ея добродушіе. Да, оно заставляетъ насъ въ пылу разговора давать себѣ быстрый отчетъ о различныхъ склонностяхъ людей, бесѣдующихъ съ нами, и властвовать надъ словами нашими для того, чтобы не оскорбить и не опечалить ими кого-бы то ни было. Люди, воспитанные самымъ лучшимъ образомъ, даже находившіеся при Дворахъ, безъ добродушія будутъ грубы и жестоки во многихъ случаяхъ. Полагаемъ, что здѣсь не совсѣмъ не кстати будутъ слѣдующіе совѣты людямъ, являющимся на семъ полѣ бишвъ нашей современной образованности:

«In peace, there's nothing so becomes a man,
As modest stillness and humility:
But when the blast of war blows in our ears,
Then imitate the action of the tyger;
Stiffen the sinews, summon up the blood,
Disguise fair nature with hard-favour'd rage:
Then lend the eye a terrible aspect;
Let it pry through the portage of the head,
Like the brass cannon; let the brow o'erwhelm it
As fearfully, as doth a galled rock
O'erhang and jutty his confounded base,
Swill'd with the wild and wasteful ocean (*). »

(*) «Въ мирное время, для человѣка всего приличнѣе

Какъ ни благоразумны совѣты сіи, имъ не можетъ слѣдовать человѣкъ, привыкшій надѣяться всѣхъ успѣховъ отъ своихъ философическихъ размышленій. Легкіе, шумные успѣхи людей, менѣе его трудившихся, отнимаютъ у него смѣлость. Онъ теряетъ уваженіе къ самому себѣ, и у него уже нѣтъ никакого вѣрнаго масштаба для оцѣнки себя и другихъ. Онъ думаетъ, что долженъ совершенно преобразовать себя; но вкусъ у него такъ нѣженъ, что онъ не можетъ удивляться тѣмъ, кто имѣетъ успѣхъ въ свѣтѣ, и потому, не слѣдуя дневнымъ модамъ, не переучиваясь кланяться, не учась фехтованью, которое укрѣпляетъ нервы и придаетъ болѣе ловкости движеніямъ, онъ увеличиваетъ свои недостатки, а совсѣмъ не исправляетъ ихъ. Еще съ большею тонкостью избираетъ онъ слова для своихъ выраженій, еще болѣе совершенствуетъ свой языкъ, голосъ и утончаетъ свои чувства; наконецъ, довольный слѣдствіемъ своихъ усилій, онъ надѣется, что люди бу-

---

скромное спокойствіе и миролюбіе; но когда раздается въ ушахъ нашихъ гласъ войны, тогда подражай тигру. Укрѣпи свои нервы, волнуемые кровью; закрой нѣжную природу грозною свирѣпостью. Пусть взоръ твой будетъ ужасенъ, пусть разитъ онъ изъ своего вмѣстилища, какъ мѣдяная пушка, пусть надвинется на него угрожающее чело, какъ скала, выдающаяся впередъ отъ своего основанія, подмытаго волнами дикаго, кипящаго океана.»

душъ судитъ о немъ безпристрастно, что, рано или поздно, публика отдастъ ему справедливость, что счастіе улыбнется ему и красота не будетъ убѣгать отъ него. Oh malore! онъ совершенно на той-же точкѣ, или сталъ еще хуже прежняго.

Еще другое обстоятельство можетъ смущать разсудокъ ученаго и умножать для него трудность вступленія въ свѣтъ. О немъ скажутъ, что онъ упалъ съ неба. Онъ привыкъ къ лицамъ историческимъ и занимался только отвлеченными предложеніями. Онъ не имѣлъ никакого вѣрнаго понятія о вещахъ и людяхъ нашего времени. Онъ не умѣетъ соглашать свои *абсолютныя идеи* съ измѣнчивыми, осторожными правилами свѣта. Толпа подлунныхъ смертныхъ непонятна для этого новаго пришлеца изъ *Утопіи*. Во всю жизнь свою онъ смотрѣлъ только на немногія великія имена, какъ на божества, какъ на вѣчныя звѣзды въ небесахъ славы, и уважалъ себя и другихъ единственно соразмѣряя благоговѣніе, болѣе или менѣе искреннее, къ симъ идоламъ. Но всѣхъ, кто не въ числѣ сихъ привиллегированныхъ божествъ, или не причисленъ къ сонму ихъ обожателей, онъ почиталъ ничтожными червями, ползающими на поверхности земли и не имѣющими никакой умственной цѣнности. Послѣ этого, онъ слишкомъ изумленъ и почти обиженъ, когда удостоивъ вмѣшаться въ толпу подобныхъ себѣ, онъ узнаетъ, что сіи пошлыя смертныя одного съ нимъ роста, что у

нихъ есть слова, мысли, чувства, такія-же какъ у него, и что они не просто цифры, какъ онъ полагалъ. Прежде, не цѣнивъ ихъ ни во что, онъ вдругъ начинаетъ уважать ихъ болѣе нежели они стоятъ. Не ожидая ничего подобнаго, онъ тѣмъ болѣе пораженъ. Малѣйшій блескъ здраваго разсудка и веселости кажется ему исполненнымъ ума и премудрости; онъ полагаетъ, что его преимущества не значатъ ничего, потому что они не единственны, и онъ уклоняется отъ битвы, для которой у него нѣтъ оружія, которая унижаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Рыцарь Ла Манхскій, побитый мѣльниками, упѣшается, обвиняя самого себя въ томъ, что началъ сраженіе съ плебеями. Гордость науки также приходитъ на помощь неловкости неопытнаго новичка, и онъ старается видѣть въ своемъ пораженіи стыдъ только въ томъ, что связался съ низшими себя. Чѣмъ исключительнѣе важность, соединяемая съ понятіемъ объ учености, тѣмъ многочисленнѣе подобныя ошибки, и тѣмъ сильнѣе изумленіе при оныхъ.

Люди, съ необыкновеннымъ усиліемъ стремящіеся къ какой-либо цѣли, рѣдко бываютъ трубами своей собственной извѣстности, и, я думаю, можно почесть правиломъ, почти общимъ, что мы получаемъ отъ другихъ именно столько почестей, сколько пріобрѣтемъ ихъ собственными нашими

разглашеніями, нашимъ видомъ и обхожденіемъ; но человѣкъ, сдѣлавшій что-нибудь необыкновенное, великое, не столько какъ другіе почитаетъ это необыкновеннымъ—по привычкѣ. Рѣдко гордится онъ своими успѣхами, потому что его не такъ занимаетъ сдѣланное уже, какъ то, что онъ могъ-бы сдѣлать. Безпокойныя, трудныя, упорныя усилія въ достиженіи къ какой-либо великой цѣли чрезвычайно рѣдко производятъ въ насъ чувство удовольствія, удивленія къ самимъ себѣ. Чьи умственныя способности заняты безпрерывно, тому недосугъ гордиться послѣдствіями своихъ занятій. Труды умственные, подобно самымъ смиреннымъ трудамъ пѣла, истощаютъ и уменьшаютъ живость ума. Къ тому, пріятное впечатлѣніе, производимое успѣхомъ въ трудномъ предпріятіи должно быть слишкомъ легко, въ сравненіи съ усиліями и стараніями, предшествовавшими сему успѣху. Только люди, не сдѣлавшіе ничего, воображаютъ, что они могутъ дѣлать все; только они имѣютъ и время и расположеніе удивляться самимъ себѣ. Глупцы, у которыхъ всѣ мнѣнія заимствованныя, никакъ не могутъ думать о себѣ безъ удовольствія, и можно сказать, что глупость есть природное зеркало суетности. Справедливо замѣчено, что въ истинныхъ герояхъ суетность рѣдко бываетъ на лицо, по крайней мѣрѣ для толпы; философы совсѣмъ не любятъ выставлять примѣтъ мудрости. Дѣла великія бываютъ или слѣдствіемъ

большихъ прудовъ и работы, придающихъ характеру строгій оттѣнокъ, слѣдственно тутъ нѣтъ доступа суетности; или они происходятъ отъ счастливаго, легкаго генія, и тогда стоятъ ему такъ мало труда, что не могутъ возбудить въ немъ много самолюбія: онъ не только не удивляется самому себѣ, но не понимаетъ изумленія другихъ. Vix ea nostra voco, девизъ природныхъ талантовъ.

Человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою, всѣ свои умственныя способности разрѣшенію вопроса: Что такое истина? презираетъ ложь и все къ ней приближающееся. Истина, предметъ всѣхъ его изысканій, становится для него нѣкоторымъ божествомъ. Грубостью заблужденія оскорбляютъ нѣжныя его понятія, какъ оскорбляютъ артиста, котораго заставляютъ начать вывѣску или писать каррикатуру. Его умъ не постигаетъ, какъ можно извлекать какую-нибудь выгоду изъ источника нечистаго, постыднаго. Если вы скажете мнѣ, что такой-то человѣкъ глубокій метафизикъ, и прибавите, что онъ любитъ похвастать довольно грубо, я не повѣрю вамъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Послѣ изслѣдованій надъ природою и истиною, послѣ терпѣливыхъ изысканій и тонкихъ разсмотрѣній, нѣтъ нужды награжденъ-ли онъ успѣхомъ или нѣтъ, онъ никогда не можетъ завидовать похваламъ ложнымъ, пріобрѣтаемымъ

внезапностью и вздорнымъ хвастовствомъ. Положительныя, личныя пользы поглощаютъ большую часть вниманія невѣжды или свѣтскаго человѣка, который разсматриваетъ вещи не въ нихъ самихъ, но въ отношеніи ихъ къ самому себѣ. Напротивъ философъ находитъ наслажденіе въ разсматриваніи истинъ безусловныхъ, всеобщихъ. Философія научаетъ знать самого себя, и это знаніе предостерегаетъ отъ увлеченій самолюбія. Замѣчаютъ, что математики вообще люди прямодушные; меня увѣряли также, что плотники, дѣлающіе все по линейкѣ и угломѣру, чаще бываютъ люди честные. Шекспиръ, сей великій наблюдатель природы и людей, въ Комедіи своей: *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, сдѣлалъ столяра Снюга нравственнымъ лицомъ своей пьесы. У меня спросятъ, можетъ быть, такъ ли безкорыстны и отдаютъ-ли себѣ столько справедливости поэты и вообще творцы сочиненій, относящихся къ воображенію? Признаюсь, трудно защитить ихъ отъ всякаго упрека въ суетности; однакожъ, большая часть изъ нихъ столько погружены въ свои идеальныя созданія, въ которыхъ есть своя истина, что въ семъ отношеніи они почти не могутъ обманывать другихъ. Обыкновенныя занятія поэтовъ — мечты; напротивъ обманщикъ думаетъ только о самомъ себѣ и старается удивить слушателей сплетеніемъ безстыдства и лицемѣрія. Но, ска-

жутъ, что Іезуиты также люди просвѣщенные, и между тѣмъ вездѣ приводятъ въ примѣръ ихъ пронырства и корыстолюбивые виды. Это исключеніе, какого надобно всегда ожидать. Я говорю только о естественномъ направленіи дѣлъ, а не объ уклоненіяхъ на зло, приданныхъ дѣламъ природы насильственнымъ соединеніемъ оныхъ съ другими началами.

Самое грустное слѣдствіе робости и угнетенія оказывается въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, потерявъ довѣренность къ самому себѣ, станетъ посѣщать дурное общество, или, что еще хуже, войдетъ въ связь, для него низкую. Въ этомъ отношеніи никто не былъ столько достоинъ сожалѣнія, какъ Грей (*), которому безмѣрная робость не позволяла бывать свободно даже въ обществѣ Профессоровъ, сочленовъ его по училищу. Какъ ночная птица, онъ, казалось скрывался отъ дневнаго свѣта, и, подобно ей, былъ преслѣдованъ вездѣ, гдѣ ни показывался. Часто тревожили его даже въ самыхъ тайныхъ убѣжищахъ, куда удалялся онъ со своимъ уединеннымъ дворомъ. Онъ скитался изъ одного учебнаго заведенія въ другое, и всегда терпѣлъ преслѣдованія,

---

(*) Авторъ *Сельскаго кладбища*, и многихъ другихъ стихотвореній, почти безъ исключенія ознаменованныхъ характеромъ мечтательнымъ, меланхолическимъ.

несносныя для человѣка съ такимъ угрюмымъ, слабымъ характеромъ. Эти преслѣдованія заставили его еще болѣе быть съ самимъ собою, перечитывать любимыхъ авторовъ и переписываться со своими отдаленными друзьями. Одна мысль, увидѣть свой портретъ при сочиненіяхъ своихъ, приводила его внѣ себя, и онъ умеръ отъ раздраженія нервъ, произведеннаго въ немъ извѣстностью его имени, прославленнаго познаніями, вкусомъ и геніемъ. Но его затворническая жизнь все еще была лучше жизни Порсона, который, избѣгая принужденія общественнаго и не имѣя наружности, необходимой для успѣха въ обществѣ, пускался въ самыя неблагородныя забавы, проводилъ дни и ночи въ кабакахъ, не заботился, съ кѣмъ и гдѣ онъ находится, только-бы ему было съ кѣмъ говорить и было что пить, и который, говоря собственнымъ его выраженіемъ, безпрестанно переходилъ отъ смиреннаго *портера* къ Императорскому *токаю*. Этотъ несчастный погибъ жертвою того рода жизни, къ которому вначалѣ былъ приведенъ чувствомъ ложнаго стыда. Подъ конецъ, только работа одна могла отвлечь его отъ постыдныхъ удовольствій, и если что-нибудь требовало всего его времени и всего вниманія, онъ запирался, дома или въ Университетѣ, и занимался сличеніемъ старыхъ манускриптовъ или изданіемъ Греческой трагедіи. Покуда продолжалось его занятіе, онъ не пилъ ни капли вина и не видался

ни съ однимъ изъ товарищей своего разврата. Въ послѣдній разъ встрѣтилъ я его въ Лондонскомъ Институтѣ, и долго буду помнить противоположность его занимательнаго, вѣжливаго разговора, съ его худымъ чернымъ сюртукомъ, покрытымъ паутиной. Истинно горестно, что подобные люди ниспадаютъ до такого униженія, единственно отъ неловкости и незнанія общественныхъ формъ. Но, мнѣ скажутъ, что Шериданъ также печально кончилъ жизнь свою и жилъ не лучше, хотя находился въ кругу блестящемъ. Правда, Шериданъ, съ своимъ багрянымъ носомъ и живостью своего взгляда, не можетъ быть обвиненъ въ ложномъ стыдѣ; но его недостатки происходили отъ причины, весьма близкой къ ложному стыду, то есть: въ немъ не было той благородной независимости, той увѣренности въ собственныхъ преимуществахъ, которыя всегда должны отличать генія; къ тому-же, имъ обладало опасное честолюбіе—имѣть поборниками и хвалителями людей знатныхъ. Желаніе быть въ обществѣ Лордовъ, показываетъ характеръ столь-же мало возвышенный, какъ и страсть быть съ сапожниками и кабацкими прислужниками, потому что быть въ обществѣ высшихъ себя мы желаемъ для того, чтобы намъ удивлялась толпа. Конечно, тонъ литтературнаго покровительства весьма улучшился въ послѣдніе сто лѣтъ. Теперь уже не видимъ, чтобы

драматическій авторъ просилъ знатную даму взять ложу въ первое представленіе его пьесы, дабы тѣмъ устрашить партеръ и не позволить ему свистать; теперь съ какою-то недовѣрчивостью и стыдомъ читаемъ въ романѣ Фильдинговомъ, что приходскому священнику Адаму подаютъ *эль*—въ кухнѣ Г-на Буби. Литература нынѣ почти на своей настоящей степени. Она уже не подвергается презрѣнію знатныхъ; ее не оскорбляетъ каждый встрѣчный бездѣльникъ. Впрочемъ, едва-ли опять когда-нибудь займетъ она въ обществѣ то мѣсто, какое принадлежало ей въ давніе вѣка.

Помню, какъ одна очень умная и прозорливая дама почитала необходимымъ слѣдствіемъ робости ученыхъ, любовь ихъ къ горничнымъ и другимъ женщинамъ сего класса, потому что неловкость въ обхожденіи и незнаніе обыкновенныхъ свѣтскихъ обычаевъ отнимали у нихъ всю надежду понравиться женщинамъ, занимающимъ нѣкоторую степень въ свѣтѣ. Не смѣя и думать о самомъ лестномъ для него успѣхѣ, и между тѣмъ чувствуя необходимость осуществить мечты воображенія нѣжнаго и романическаго, ученый обращается къ какой-нибудь Тобозской Дульцинеѣ съ своими утонченными чувствованіями, которыя составили-бы счастіе и славу женщинъ совсѣмъ другаго разряда, если-бы только были выражены передъ ними. Это объясняетъ странныя связи ге-

ніяльныхъ людей съ женщинами ничтожными и глупыми. Такъ Руссо привязался къ Терезѣ, такъ Петрарка хотѣлъ ушѣшить себя грубою любовью за холодность Лауры. Можетъ быть, въ подобные поступки ученаго столько-же вмѣшивается гордость, сколько скромность. Онъ не только боится не встрѣтить соотвѣтственности тамъ, гдѣ ему было-бы всего пріятнѣе найдти ее, но, онъ страшится также за свое собственное самолюбіе, боится унизительнаго отказа и упрека въ томъ, что избралъ предметъ, для него слишкомъ высокій. Впрочемъ, живя въ мірѣ идеальномъ, онъ всегда можетъ украсить свое божество, каково-бы оно ни было, всѣми вымышленными совершенствами. Воображеніе его разгорается отъ какой-нибудь Фаншетты или Маріоны, какъ воображеніе артиста отъ воска или глины, которую онъ мнетъ въ своихъ рукахъ. Чѣмъ сильнѣе противоположность между качествами, которыя онъ такъ великодушно приписываетъ ей, и между состояніемъ ея, тѣмъ болѣе онъ доволенъ и ею и самимъ собой. Онъ еще болѣе любитъ ее за то, что она, по его мнѣнію, всѣмъ одолжена самой себѣ; онъ гордится, что нашелъ и призналъ скрытое достоинство.

Для человѣка, привыкшаго къ ученой, уединенной жизни, лучшее средство избавиться отъ ложнаго стыда и отъ неудовольствій и дурачествъ, слѣдующихъ за онымъ, состоитъ не въ томъ-ли,

что онъ долженъ почитать себя принадлежащимъ къ кругу дѣйствій особенному, совершенно отличному отъ обыкновенныхъ сценъ жизни? и слѣдственно, онъ долженъ извинять себя незнаніемъ, и требовать преимуществъ иностранца, или человѣка, который говоритъ не на одномъ съ нами языкѣ. Путешествуя въ чужестранномъ дилижансѣ, никто не вздумаетъ блистать своею особою: всякой пойметъ, что здѣсь не ему должно поддерживать разговоръ; но отъ этого онъ не будетъ въ смущеніи. Надобно только соображаться съ новымъ своимъ положеніемъ и сохранять свободное, простое обращеніе. Каждая вещь въ мірѣ имѣетъ свои особенныя границы и свой маленькій центръ, вокругъ котораго обращается. Истинная мудрость сей жизни состоитъ въ томъ, чтобы не совращаться съ опредѣленнаго намъ пути, какъ-бы ни былъ онъ тѣсенъ, и довольствоваться успѣхомъ, какой можно на немъ пріобрѣсти. Къ несчастію, не такъ поступаетъ большая часть людей: не успѣвая въ дѣлахъ намъ чуждыхъ, мы стыдимся, и стараясь поправить наши ошибки, почти всегда впадаемъ еще въ бо̀льшія.

(New Monthly Magazine).

Полный курсъ Чистой Математики. Сочиненіе Франкёра. Переведено съ Французскаго Гг-ми Христіани 2-мъ, Крюковымъ и Болотовымъ. СПб. 1827 г. Часть I.

Преподаваніе Математики по курсу Франкёра введено въ Москвѣ Профессорами Московскаго Университета П. С. Щепкинымъ и Д. М. Перевощиковымъ, которые первую часть онаго перевели съ перваго Французскаго изданія. Переводъ сей, изданный въ 1819 г., весь уже распроданъ и потому новый переводъ со 2-го Французскаго изданія явился во время. Достоинство сего курса оправдано успѣхами тѣхъ учениковъ, которые учились по оному подъ руководствомъ умныхъ наставниковъ. Ясность въ доказательствахъ, точность, осмотрительность и отчетливость въ изслѣдованіяхъ составляютъ общій характеръ сочиненій Франкёра; но въ сей книгѣ, онъ кромѣ того показалъ примѣръ удивительнаго искуства соединять обширность съ краткостію, въ маломъ числѣ словъ заключать многія истины. Это кажется первый курсъ Математики, въ которомъ авторъ не столько дорожитъ результатами, сколько путемъ къ нимъ ведущимъ, связію ихъ между собою и взаимною послѣдовательностію: Франкёръ не просто излагаетъ истины науки, подтверждая ихъ доказательствами, но большею частію какъ-бы изобрѣтаетъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ читателемъ, или, лучше сказать, заставляетъ его изобрѣтать оныя. Посредствомъ такого ученія не только приобрѣтаются знанія, оставленныя намъ предшественниками, какъ общее наслѣдіе человѣческаго рода, но умъ учащихся непрерывною дѣятельностію укрѣп-

ляется, творенія оригинальныхъ писателей становятся для нихъ доступными и сверхъ того они сами дѣлаются способными открывать новыя истины.

И такъ переводомъ книги столь высокаго достоинства и особенно введеніемъ оной въ употребленіе оказана величайшая услуга для учащихся: потому Рецензентъ считаетъ долгомъ разсматривать ее съ большимъ вниманіемъ.

Объ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ при второмъ изданіи, Сочинитель въ предисловіи говоритъ такимъ образомъ: «взявъ на себя трудъ сравнить сіе изданіе съ первымъ, усмотрятъ, что только порядокъ остался одинъ и тотъ-же; самое-же сочиненіе передѣлано даже въ подробностяхъ. Мѣстами я старался придать болѣе ясности изложенію; въ другихъ соблюсти болѣе строгости въ доказательствахъ, а гдѣ доставить болѣе или менѣе точности...; здѣсь найдутъ цѣлыя статьи, коихъ прежде недоставало, хотя онѣ принадлежатъ къ курсу Чистой Математики. Наконецъ увидятъ, что я употребилъ всѣ старанія, и не пренебрегъ ни однимъ совѣтомъ, дабы сдѣлать сей курсъ достойнымъ одобренія ученыхъ и наставниковъ.»

Нынѣ изданная первая часть курса содержитъ въ себѣ Ариѳметику, начальную Алгебру, начальную и Аналитическую Геометрію.

Приступаемъ къ разбору Ариѳметики. «Собраніе единицъ одного рода называется числомъ или количествомъ.» Стр. 1. чл. 1. Безъ сомнѣнія «со-

единеніе подобныхъ предметовъ,» изъ коихъ каждый можно принять за единицу, дало первое понятіе о числѣ; но для обширнаго значенія сего слова такое опредѣленіе едва-ли достаточно. Подъ него можно подвести только одинъ видъ чиселъ, именно цѣлыя, ибо дробныя суть собранія не единицъ, а долей оныхъ; ирраціональныя не могутъ быть выражены ни посредствомъ самой единицы, ни посредствомъ ея долей. Такое различіе первоначальнаго понятія о числѣ и смысла, соединяемаго нынѣ съ симъ словомъ, произошло отъ того, что изъ подражанія простому счету отдѣльныхъ предметовъ, при составленіи понятій о величинахъ непрерывныхъ, каковы протяженіе, время, вѣсъ и пр., введено въ употребленіе измѣреніе, и выводъ сего дѣйствія названъ также *числомъ*. Впрочемъ Сочинитель употребилъ частное опредѣленіе потому, что Ариѳметику свою начинаетъ Главою *о числахъ цѣлыхъ;* но этимъ погрѣшаетъ противъ общихъ правилъ для расположенія всякаго учебнаго сочиненія, котораго *первая глава* или *Введеніе* должно быть посвящено объясненію предметовъ науки.

Стр. 3. *гл.* 3. «Часто случается, что слагае-«мыя числа равны между собою, какъ то: 2+2+2+ «2 = 8; сей частный случай сложенія называется «*умноженіемъ.*» Ясно, что сіе остается справедливымъ до тѣхъ поръ, пока множитель число цѣлое: на стр. 61. чл. 41 сказано: «выраженіе *слo-*«*жить* 3 *столько разъ, сколько въ* $\frac{2}{5}$ *содержится* «*единицъ*, не имѣло-бы никакого смысла.» Потому Авторъ далѣе говоритъ: «умножить на $\frac{2}{5}$ будетъ

« значитъ взять $\frac{2}{5}$-хъ множимаго. » Въ выноскѣ объясняется примѣрами, что сіи два понятія о умноженіи не противорѣчатъ одно другому и они совокупляются въ одно, выраженное такимъ образомъ: « *Произведеніе составлено изъ множимаго,* « *какъ множитель составленъ изъ единицы.* » Но спрашивается, если послѣднее выраженіе относится и къ цѣлымъ множителямъ, и къ дробямъ, то почему-же оно, какъ общее, не принято въ началѣ? Тогда-бы виднѣе было, что дѣйствія, производимыя со всѣми видами чиселъ, суть одни и тѣже. Можетъ быть въ такомъ случаѣ лучше-бы было дать понятіе о числахъ дробныхъ и ирраціональныхъ прежде, нежели о четырехъ дѣйствіяхъ; но это легко-бы было извлечь изъ понятія объ измѣреніи, перенесши его съ 53 стр. на 1. Для дѣтской книжки такое несовершенство можетъ быть не было-бы вредно; но въ полномъ курсѣ должно-бы избѣгнуть онаго.

Въ выноскѣ на стр. 6 говорится о возможности замѣнять число 10, принятое за основаніе въ обыкновенномъ счисленіи, всякимъ другимъ: подобныя замѣчанія драгоцѣнны для учащагося; онъ навыкаетъ чрезъ нихъ строго отличать необходимое отъ условнаго.

Въ объясненіи вычитанія сложныхъ чиселъ, на стр. 12, сказано: « *Если верхняя цифра менѣе нижней, то* « *первую увеличатъ десятью, потомъ приложатъ* « *единицу къ нижней цыфрѣ, стоящей на одинъ знакъ* « *въ лѣво.* » Это справедливо, хорошо выводится изъ сложенія, и ясно что въ такомъ случаѣ разность чиселъ не перемѣняется; но естественнѣе увеличивъ

меньшую изъ цифръ десятью, уменьшать единицею стоящую подлѣ нея слѣва: это есть необходимое слѣдствіе сложенія и въ такомъ случаѣ не измѣняется самое верхнее число.

При разложеніи составнаго числа на первоначальные производители, сказано: (стр. 38, чл. 26) «безполезные опышы дѣленія не должно продол-«жать *далѣе квадратнаго корня дѣлимаго числа.*» Если-бы извлеченіе квадратнаго корня предшествовало сему правилу, то прежде всего надлежалобы извлечь оный изъ дѣлимаго, потомъ испытать всѣ первоначальныя числа, мѐньшія онаго. Но выше сего было изъяснено только, что̀ должно разумѣть подъ именемъ квадратнаго корня; по сему необходимо каждый испытуемый дѣлитель возводить въ квадратъ для сравненія съ дѣлимымъ и останавливаться на томъ дѣлителѣ, котораго квадратъ болѣе сего послѣдняго; это еще сложнѣе. Несравненно легче узнавать дѣлителя, на которомъ должно останавливаться по тому, что онъ *даетъ частное менѣе себя.*

Послѣ сего слѣдуетъ нахожденіе всѣхъ возможныхъ дѣлителей даннаго составнаго числа. Изъ предшествующаго сему можно было заключить только, что всякое произведеніе первоначальныхъ чиселъ, на которыя разложилось данное составное, будетъ дѣлителемъ сего послѣдняго, что кромѣ подобныхъ произведеній не можетъ быть никакихъ другихъ дѣлителей; но не доказано a priori, что изложеннымъ здѣсь пріемомъ открываются всѣ возможныя произведенія первоначальныхъ чиселъ, най-

денныхъ изъ разложенія даннаго составнаго. Посему удобнѣе-бы кажется было разрѣшать сей вопросъ послѣ изысканія способовъ составлять всѣ возможныя совокупленія изъ данныхъ буквъ, которое помѣщено у Ф. въ Высшей Алгебрѣ. Сіе перемѣщеніе не произвело-бы даже никакой перемѣны въ курсѣ, ибо нахожденіе всѣхъ дѣлителей совершенно не нужно во всей первой часши онаго.

Стр. 49, 5-е. «26 можетъ быть замѣнено — 11, «служащими ему дополненіемъ къ 37» сказано рано; ибо до сихъ поръ не было еще условія употреблять отдѣльныя отрицательныя величины.

Четыре дѣйствія, производимыя съ дробями, изложены особенно искусно, кратко и ясно. Одно только умноженіе, какъ выше сказано, потеряло нѣсколько отъ того, что въ началѣ не принято общаго опредѣленія онаго. Еще замѣтимъ, что для дѣленія на цѣлое, на пр. 5 дроби на пр. $\frac{6}{7}$, которой числитель не кратный онаго, не нужно-бы, кажется, обращать ее въ $\frac{6\times5}{7\times5}$, ибо раздѣлить дробь на 5 значитъ уменьшить ее въ 5 разъ, а объ уменьшеніи дроби говорено было вполнѣ прежде сего.

Въ извлеченіи квадратныхъ корней на стр. 93 и кубичныхъ на стр. 102, когда по отысканіи десятковъ корня, изображающагося двумя цифрами, ищутся единицы, то прямо берется въ первомъ случаѣ удвоенное произведеніе десятковъ на единицы, а во второмъ утроенное произведеніе квадрата десятковъ на единицы. Мнѣ кажется здѣсь должно-бы показать, почему сіи члены предпочитаются прочимъ, т. е. объяснить, что они болѣе сихъ послѣднихъ.

Послѣ извлеченія квадратныхъ и кубичныхъ корней слѣдуетъ статья объ Ариѳметическихъ и Геометрическихъ пропорціяхъ. Вообще пропорціи имѣютъ цѣлію сравненіе величинъ, но въ Ариѳметикѣ величины сравниваются съ единицею и посредствомъ ея между собою: слѣд. въ числовой выкладкѣ совершенно можно обходиться безъ пропорцій. Пропорціи должны имѣть мѣсто тамъ, гдѣ величины разсматриваются непосредственно, т. е. въ Геометріи: такимъ перемѣщеніемъ тройное правило въ Ариѳметикѣ сдѣлалось-бы простѣе, а Геометрія выиграла-бы въ полнотѣ. Но если издавна принято обыкновеніе излагать теорію пропорцій въ Ариѳметикѣ; то желательно-бы было, чтобы Ф. отдѣлилъ отъ нее то, что собственно къ ней не принадлежитъ, именно свойства такъ называемой пропорціи Ариѳметической (équidifférence). Безполезность ея доказывается и тѣмъ, что она ни въ сей статьѣ, ни далѣе не имѣетъ никакого приложенія.

Удобство-же сравненія чиселъ посредствомъ единицъ, самъ Авторъ послѣ доказываетъ въ рѣшеніи задачъ сложнаго тройнаго правила: тамъ, когда отношенія обратныя, одинъ изъ членовъ приводится къ единицѣ, и если-бы все рѣшеніе сихъ вопросовъ совершалось чрезъ приведеніе къ единицѣ, то машинальное правило, напечатанное на стр. 117 курсивомъ, сдѣлалось-бы не нужно, а вопросы рѣшались-бы столь-же скоро и удобно, какъ и посредствомъ онаго. Далѣе, въ правилѣ товарищества, время обращенія капиталовъ необходимо приводится къ единицѣ. Въ концѣ-же онаго Авторъ признаетъ

удобство вычислять прибытокъ сначала на 100, потомъ на данные капиталы: а это тоже, что приводить капиталы къ постоянной единицѣ. Самое выраженіе процентовъ, всюду употребительное, въ которомъ означается или сколько прибыли считать со ста (pro cento), или на сколько капитала полагать единицу прибыли, подаетъ мысль производить подобныя исчисленія безъ пропорцій.

Вооружась противъ пропорцій въ Ариѳметикѣ, прибавимъ еще, что прогрессіи и логариѳмы едвали такъ-же не съ выгодою могли-бы перейти вполнѣ въ Алгебру, ибо 1) опредѣленіе суммы прогрессіи Геометрической здѣсь было-бы затруднительно, а вѣроятно для единообразія выпущено опредѣленіе суммы и Ариѳметической прогрессіи, хотя оное и довольно легко. 2) Логариѳмы чиселъ < 1 отрицательные, слѣд. дѣйствія съ ними производимыя были-бы гораздо понятнѣе послѣ теоріи отрицательныхъ величинъ; въ Ариѳметикѣ-же почти не имѣемъ права писать $\log.0,04 = -1$, 39. . ., $\log.0,00027 = -3,56...$, какъ это сдѣлано на стр. 133. Отрицательныя характеристики ни мало не устраняютъ сего затрудненія. Самъ Авторъ нашелъ нужнымъ въ Алгебрѣ повторить какъ прогрессіи, такъ и логариѳмы.

Впрочемъ, здѣсь не льзя не похвалить краткости: статья о пропорціяхъ занимаетъ менѣе 5-ти страницъ, о прогрессіяхъ не болѣе трехъ, о логариѳмахъ, съ изъясненіемъ возможности составленія таблицъ и описаніемъ употребленія оныхъ немногимъ болѣе 11. Однакожь здѣсь совершенно нечего прибавить.

Упомянемъ еще объ удивительной обмолвкѣ Автора, стр. 134, 111: «Чтобы получить логариѳмы «цѣлыхъ, содержащихся между какими-нибудь чис- «лами, на пр. между 10 и 20, должно представить «себѣ, что помѣстили довольно большее число сред- «нихъ геом. пропорціальныхъ членовъ, весьма мало «разнящихся одинъ отъ другаго, дабы нѣкоторые «изъ оныхъ можно было принять приближенно рав- «ными 11, 12, 13, т. е. что сіи средніе члены раз- «няшся отъ 11, 12, 13... только откидываемыми «десятичными знаками. Но каждый членъ прогрес- «сіи получается чрезъ умноженіе предыдущаго на «знаменателя содержанія, и какъ одинъ изъ произ- «водителей безпрестанно увеличивается, посему «между 10 и 11 находится *менѣе* среднихъ членовъ, «чѣмъ между 11 и 12, а тѣмъ паче между 12 и 13...» Слово *менѣе* можно-бы почесть опечаткою; но далѣе слѣдуетъ «посему логариѳмы или средніе про- «порціональные члены ариѳметической прогрессіи «дѣлаются *многочисленнѣе* и болѣе близкими одинъ «къ другому.» Изъ сего еще выводится извѣстная истина: «чѣмъ число болѣе, тѣмъ разность его ло- «гариѳма съ послѣдующимъ за нимъ въ таблицахъ «менѣе,» хотя она видна изъ сказаннаго послѣ, т. е. что одна и таже единица должна раздѣлиться и между 9-ю лог. чиселъ отъ 1 до 10 и между 90 отъ 10 до 100 и между 900 отъ 100 до 1000 и т. д., потому-то все предшествовавшее дѣлается совершенно ненужнымъ. Упомянутая обмолвка легко опровергается: геометр. прогрессія, о которой здѣсь говорится, непрерывно возрастаетъ, слѣдовательно ея знаменатель содержанія > 1; пусть онъ=

q. Назовемъ a первый членъ ея и возмемъ разность членовъ n аго и n—1 аго: она будетъ имѣть видъ $aq^{n-2}(q-1)$. Здѣсь видно, что съ возрастаніемъ n разность ея увеличивается; и такъ чѣмъ далѣе возмутся члены прогрессіи, тѣмъ менѣе ихъ будетъ заключаться въ одинакомъ промежуткѣ, такъ что между 13 и 12 ихъ менѣе, нежели между 12 и 11, а здѣсь менѣе, нежели между 11 и 10. Вставивъ, напр. 498 членовъ между 10 и 20, увидимъ, что оныхъ 69 содержится между 10 и 11, 63 между 11 и 12, 57 между 12 и 13 и т. д. Совѣстно смолчать, что исправленіе такой погрѣшности должно-бы, кажется, войдти въ обязанность переводчиковъ.

Приступая къ разбору Алгебры, замѣтимъ прежде всего, что въ изданной книгѣ она не вся, ибо Ф., отдѣливъ пособія высшихъ исчисленій, не нужныя для его Аналитической Геометріи, назвалъ совокупность оныхъ *Высшею Алгеброю*, и помѣстилъ во второй части Курса, оставивъ все прочее въ первой части, подъ именемъ *Алгебры начальной*. Не хочу вмѣстѣ со многими осуждать такое раздѣленіе; согласенъ, что Высшая Алгебра, помѣщенная во второй части, не представляетъ отдѣльнаго цѣлаго; но увѣренъ, что собственно наука отъ сего ничего не терпитъ. Мнѣ кажется совершенно все равно, изложить-ли вполнѣ начала науки, и потомъ въ совокупности приложенія оныхъ, или изложивъ часть сихъ началъ, присовокупить свойственныя имъ приложенія, потомъ возвратиться опять къ началамъ, а послѣ еще къ приложеніямъ. Поводомъ къ такому раздѣленію Алгебры бы-

ло кажется то, что важнѣйшія прямыя приложенія ея къ Геометріи не простираются выше второй степени, между тѣмъ какъ истины, заключающіяся въ Высшей Алгебрѣ, или прилагаются къ Геометріи только помощію дифференціяльнаго исчисленія, или суть плоды изслѣдованій, важныя самостоятельно. Правда, ряды логариѳмическіе и тригонометрическіе, не входя въ Высшую Алгебру, освободили-бы отъ предваритѣльнаго объясненія одной возможности составлять таблицы логариѳмовъ (стр. 192) и тригонометрическихъ линей (стр. 416); разумѣю, если-бы теорія логариѳмовъ вошла вполнѣ въ Алгебру. Впрочемъ, упомянутыя объясненія возможности у Автора весьма достаточны. Сіе раздѣленіе принесло даже выгоду, состоящую въ томъ, что истины начальной Алгебры тотчасъ получили приложенія; а приложенія оживляютъ самыя начала, и учащіеся яснѣе понимаютъ вторыя помощію первыхъ. При томъ Алгебра и Геометрія, съ самаго рожденія первой, были неразлучными сопутницами, споспѣшествовавшими одна другой. Слѣды такого вспомоществованія не рѣдко встрѣчаются въ Высшей Алгебрѣ. Посему она должна быть во многомъ измѣнена, дабы могла вполнѣ споспѣшествовать Геометріи. Въ сей-же послѣдней Франкёръ дѣлаетъ нѣкоторыя заимствованія изъ начальной Алгебры.

Послѣ вступленія весьма хорошо написаннаго, и содержащаго въ себѣ объясненіе цѣли сей части, или лучше сказать основы Математики, отличіе ея отъ Ариѳметики и опредѣленіе нѣкоторыхъ терминовъ, слѣдуетъ статья о приведеніи.

Въ статьѣ о дѣленіи дается понятіе о безконечныхъ рядахъ чрезъ исполненіе a: (1—x) стр. 151); желательно-бы даже видѣть здѣсь сіе понятіе болѣе развитымъ, ибо дѣйствительно ряды заимствуютъ начало свое отъ сего дѣйствія. Приложеніе строки $=\frac{a}{1-x}$ къ обращенію періодическихъ дробей въ простыя, очень удачно; только не хотѣлось-бы видѣть здѣсь опять прежде времени — 2 въ суммѣ ряда $1+\frac{1}{2}+\frac{2}{4}+\ldots$

Послѣ дѣленія слѣдуетъ статья о дробяхъ, которая начинается такимъ образомъ (стр. 153): «Все сказанное о числовыхъ дробяхъ, должно при-«ложить къ алгебраическимъ,» и слѣдуютъ главныя дѣйствія, производимыя съ дробями, изображенными буквами. Но если одинъ разъ навсегда условились употреблять буквы вмѣсто чиселъ, то не уже-ли кто-нибудь подумалъ-бы, что для дробей можно сдѣлать исключеніе. Дѣло другое, если-бы сія статья заключала въ себѣ примѣры на любопытныя сокращенія, случающіяся въ дробяхъ; но въ томъ видѣ, какъ есть, она могла-бы быть выпущена безъ всякой потери.

Далѣе, показавъ нѣкоторыя свойства чиселъ, разумѣется наиболѣе важныя, и способы находить общихъ дѣлителей многочленныхъ, Авторъ переходитъ къ уравненіямъ. Не знаю почему вначалѣ сей статьи объясняется раздѣленіе уравненій только по степени неизвѣстныхъ и совершенно умалчивается о числѣ оныхъ, между тѣмъ какъ далѣе, вначалѣ статьи объ ур. со многими неизвѣстными, какъ будто предполагается, что читатель былъ предваренъ о семъ.

Способы выражать вопросъ алгебраическимъ языкомъ, равно какъ и приводить сіе выраженіе, т. е. уравненіе въ простѣйшій видъ, хотя относятся къ ур. всѣхъ степеней и со всякимъ числомъ неизвѣстныхъ, но у Автора содержатся исключительно въ статьѣ объ уравн. первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Отъ такого расположенія книга ничего не потеряетъ, если изложеніе оныхъ здѣсь удовлетворительно. Сего не льзя отрицать относительно составленія ур. изъ вопросовъ, хотя оно и кратко; но къ дѣйствіямъ приготовляющимъ ур. для рѣшенія, кажется, не худо-бы прибавить: 1) что не одни коэффиціенты могутъ быть дробными, но и самыя неизвѣстныя величины иногда входятъ въ знаменателя, и что сіи знаменатели также должны быть уничтожаемы чрезъ умноженіе; 2) что если неизвѣстныя величины вмѣстѣ съ извѣстными заключены въ скобкахъ, то оныя должно раскрывать; 3) что корни, стоящіе надъ неизвѣстными величинами, должно, послѣ надлежащаго перемѣщенія членовъ, уничтожать чрезъ возведеніе въ степени, отъ чего однако-же можетъ выйдти ур. и первой степени. Въ послѣдствіи сіи случаи встрѣчаются даже въ частныхъ примѣрахъ, поставленныхъ въ Курсѣ, напр. стр. 171, XIII стр. 175, V стр. 226, VIII, стр. 375, гл. 317.

Замѣтимъ еще, что вопросъ VI стр. 168, «нѣ-«сколько товарищей, А. В. С... получили барышъ, «и, согласно съ ихъ условіемъ, А. беретъ 10 рублей «изъ общей суммы и 6-ю долю остатка; В. въ свою «очередь 20 рублей и 6-ю долю остатка; С. полу-

« чаетъ 30 и 6-ю долю остатка и т. д. до послѣд-
* няго, который беретъ остальное. По окончаніи
« раздѣла каждому досталось поровну; спраш. ба-
« рышъ, число товарищей и часть каждаго, » собственно условный. Учащійся сей часъ видитъ въ немъ неопредѣленное число ур. для вычисленія барыша, не понимая еще ихъ тожества, и это можетъ затруднить его безъ пользы. Сія задача обогатила-бы теорію условныхъ вопросовъ, бѣдную въ Курсѣ Ф. примѣрами, и такъ можно-бы именно доказать, что числа 10, 20, 30... должны составлять какую-нибудь Ариѳметическую прогрессію, дабы вопросъ былъ возможенъ, т. е. чтобы участки были равны. Далѣе, вопросъ относительно маятниковъ, приведенный въ примѣръ сложныхъ задачъ, стр. 170, можетъ также затруднить учащагося: онъ не знаетъ еще, на чемъ основано ур. выражающее оный, что значитъ центръ качанія и т. д. При томъ сей вопросъ рѣшается одною пропорціею: слѣд. весьма не сложенъ и могъ-бы быть замѣненъ другимъ.

Въ замѣчаніяхъ на ур. первой степени, понятія объ отрицательныхъ величинахъ выводятся изъ самаго свойства вопросовъ; это доставляетъ большую выгоду учащемуся, и вмѣсшѣ съ условіемъ изображать a—b чрезъ —(b—a), когда b > a, предъ нимъ раскрывается важнѣйшая выгода сего условія — достигать истиннаго рѣшенія вопроса, не передѣлывая выкладки, въ которой допущена была ошибка, и измѣнять вопросъ, въ случаѣ его нелѣпости, такъ, чтобы онъ сдѣлался возможнымъ. Въ началѣ статьи, въ выноскѣ, прибавлено весьма полезное объясненіе,

почему мы можемъ въ общемъ видѣ ур. первой степени предполагать всѣ члены положительными: его существенно не доставало въ первомъ изданіи, ибо въ семъ мѣстѣ не допущены были еще условія $-2 < 0, -5 < -3. - < 1$ и т. п.

Въ концѣ сей статьи выводятся понятія о безконечно великомъ количествѣ и тожественномъ ур. какъ слѣдствія; но здѣ-же должно-бы, кажется, разсмотрѣть и случай $x = 0$.

Въ статьѣ объ ур. первой степени со многими неизвѣстными наиболѣе примѣчателенъ особенный изящный способъ рѣшенія ур. съ 3, 4, и т. д. неизвѣстными. Здѣсь помѣщены во второмъ изданіи ур. разлагающіяся на два другія: они заслуживали особенное разсмотрѣніе, ибо необходимы въ Аналитической Геометріи. Къ роду сихъ ур. отнесена и извѣстная теорема: *предѣлы равныхъ величинъ равны*, которой Ф. далъ особенный оригинальный видъ и которая помѣщена была въ первомъ изданіи, въ начальной Геометріи, безъ всякаго сомнѣнія, она заняла здѣсь мѣсто гораздо болѣе ей свойственное и доставила возможность въ статьѣ о дробныхъ и отрицательныхъ показателяхъ помѣстить прекрасное доказательство предложенія: $a^{\sqrt{2}} \times a^{\sqrt{3}} = a^{\sqrt{2}+\sqrt{3}}$. При сей теоремѣ два примѣра, изъ которыхъ второй особенно любопытенъ.

Статья о неравенствахъ въ первый разъ, кажется, появилась въ учебномъ курсѣ. Не знаю какъ рѣшить вопросъ, можно-ли въ Алгебрѣ выбрать для нея мѣсто приличнѣе даннаго ей Франкёромъ? Съ одной стороны вопросы, сюда относящіеся, могутъ

представлять болѣе одного условія, какъ въ статьѣ предыдущей и могутъ имѣть рѣшеній также болѣе одного, какъ въ слѣдующей статьѣ; потому сія статья служитъ естественнымъ переходомъ отъ предыдущей къ слѣдующей. Съ другой стороны, неравенства суть отношенія между величинами, совершенно отдѣльныя отъ уравн. и не должны-бы быть включаемы въ теорію сихъ послѣднихъ. Но какъ-бы то ни было, изъ сей статьи извлекается множество полезнѣйшихъ заключеній.

Правило смѣшенія, служившее прежде примѣромъ опредѣленныхъ задачъ, перенесено теперь въ неопредѣленныя, и справедливѣе, ибо задачи, принадлежащія къ оному, могутъ принимать иногда нѣсколько рѣшеній. Только не знаю, почему Авторъ, сохранивъ древнее названіе сего правила, которое, если угодно, можно забывать, ибо задачи относящіяся къ оному рѣшаются помощію общихъ началъ Алгебры, не разобралъ нѣхъ случаевъ, когда смѣшиваемыхъ веществъ болѣе двухъ. Онъ говоритъ еще (стр. 191), 1-е, Что сіи вещества не должны быть подвержены химическому сродству; но химическое сродство можетъ измѣнять только объемъ вещества, а вѣсъ, по многочисленнымъ опытамъ Ньютона, ни въ какомъ случаѣ не измѣняется, если не отдѣляется или не присоединяется новое вещество къ смѣшиваемымъ. И такъ, чтобы правило смѣшенія всегда оставалось въ своей силѣ, должно принимать въ ономъ только единицы вѣса, а не объема, что почти всегда такъ и дѣлается.

По словамъ Автора, въ статьѣ о дробныхъ и отриц. показателяхъ, стр. 208, стр. 20, «мы въ правѣ «означить $\frac{1}{a^p}$ чрезъ a^{-p}», стр. 209 строка 13-я:

«согласимся, что a ° 1», стр. 210 строка 15-я: «Можно слѣдовательно чрезъ оное $(a^{\frac{n}{m}})$ означать «$\sqrt[m]{a^n}$» подумаемъ, что сіи соглашенія совершенно произвольны, между тѣмъ какъ ихъ нельзя замѣнить другими, на пр. если условимся $a^{\frac{n}{m}}$ понимать чрезъ $a^n : a^m$ или a^{-p} чрезъ $\sqrt[p]{a}$; то въ выкладкахъ вы дете замѣшательство. Сіи соглашенія равно какъ и допущенія $a-6=-(6-a)$, $\sqrt{-a^2}=a\sqrt{-1}$, суть слѣдствія одного условія — доставлять формуламъ всеобщность, помощію которой отъ Алгебры получается наибольшая выгода; принявъ сіе послѣднее мы должны были принять и предыдущія.

Въ началѣ статьи объ извлеченіи квадратныхъ и кубичныхъ корней, помѣщенъ прекрасный сокращенный способъ находить квадратные корни большихъ чиселъ, принадлежащій существенно Алгебрѣ.

Выше говорено было, что пропорціи въ Ариѳметикѣ нѣсколько не на мѣстѣ; въ Алгебрѣ быть имъ нимало не приличнѣе, тѣмъ болѣе, что они повторяются здѣсь въ другой разъ и потому стоятъ на ряду со статьею о дробяхъ. Въ Алгебрѣ есть болѣе нежели пропорціи, есть уравненія, и самыя пропорціи уже употреблялись въ ней нѣсколько разъ въ частныхъ вопросахъ.

Прогрессіи не основываются на свойствахъ пропорціи, хотя дѣйствительно каждый членъ ихъ есть средній пропорціональный между смежными и

хотя въ книгѣ входятъ они вмѣстѣ съ пропорціями въ одну главу *объ отношеніяхъ*. По сему предъ логарнѳмами ихъ настоящее мѣсто. Правда что опять не всѣ вопросы относительно Геометрической прогрессіи здѣсь рѣшаются, ибо опредѣленіе числа членовъ по первому, послѣднему и знаменашелю содержанія требуетъ логарнѳмовъ, а отысканіе знаменателя содержанія, по первому члену, числу оныхъ и суммѣ, доводитъ до ур. высшей степени. Но рѣшеніе сихъ вопросовъ не составляетъ здѣсь необходимости.

На стр. 234-й гораздо удобнѣе нежели въ Арнѳмешикѣ, доказывается, что разность логарнѳмовъ двухъ смежныхъ чиселъ уменьшается вмѣстѣ съ увеличиваніемъ оныхъ; но здѣсь должно-бы замѣтить важнѣйшее, именно, что сія разность въ нѣкоторомъ промежуткѣ остается почти постоянно. Это легко вывести изъ той-же формулы, а сія истина весьма употребительна при числовыхъ выкладкахъ.

Алгебра оканчивается правиломъ процентовъ съ любопытнымъ приложеніемъ онаго къ срочнымъ и пожизненнымъ уплатамъ, правиломъ учета и ложнаго положенія. Всѣ сіи правила включены въ одну статью, подъ именемъ *задачъ, зависящихъ отъ пропорцій*; но легко понять что задачи, сюда относящіяся, можно рѣшать, подобно тройному правилу, помощію сравненія величинъ съ единицами. Алгебра во всемъ Курсѣ есть, кажется, та часть, гдѣ Франкёръ слѣдовалъ наиболѣе совѣту знаменитаго Лапласа, принятому имъ въ эпиграфъ: Préférez dans l'enseignement, les méthodes générales, и т. д. Здѣсь

онъ вполнѣ пользовался свойствомъ формулъ: выражать общія заключенія. Отъ сего, статья о неопредѣленныхъ задачахъ и о квадратныхъ ур., а преимущественно замѣчанія на ур. 1-й степени, кажутся совершенно новыми.

(Окончаніе въ XVIII-й книжкѣ).

ПРИБАВЛЕНІЕ

къ извѣстію объ искуственныхъ минеральныхъ водахъ, помѣщенному въ № 12 Телеграфа.

(Окончаніе).

Число особъ, употреблявшихъ искуственныя минеральныя воды въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, простирается уже до нѣсколькихъ тысячь, изъ коихъ большая часть дѣйствіемъ ихъ совершенно довольны. Самые врачи, не безъ довѣрчивости рѣшившіеся сперва на употребленіе сихъ искуственныхъ водъ, и испытавшіе еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ великую пользу минеральныхъ водъ, на самыхъ источникахъ, удивляются совершенно сходному, благотворному дѣйствію ихъ. Я знаю многіе тому примѣры. Равномѣрно я имѣю у себя самыя убѣдительныя, письменныя и печатныя, свидѣтельства искуснѣйшихъ, опытнѣйшихъ и безпристрастнѣйшихъ Врачей Германскихъ, кои отдаютъ полную справедливость великой пользѣ искуственныхъ

минеральныхъ водъ, основываясь на собственныхъ опытахъ.

Конечно достойно замѣчанія и то, что ученѣйшіе химики одобряютъ не только способъ Г. Струве, но и въ особенности его предпріятіе. Съ давняго времени помышляли о томъ, какимъ-бы образомъ, изслѣдовавъ составныя части натуральныхъ минеральныхъ водъ, сдѣлать подражаніе природѣ составленіемъ искуственныхъ, и во многихъ сочиненіяхъ находятся правила для сего производства; но никто не достигъ цѣли съ такимъ совершенствомъ, основательностію и точностію, какъ Г. Докторъ Струве. Говорятъ, что въ непродолжительномъ времени самъ онъ сообщитъ о семъ въ подробности.

Надлежало ожидать, что о возможности подражать природѣ составленіемъ искуственныхъ водъ, возникнутъ различныя сомнѣнія; признаюсь, я долго не могъ съ симъ согласиться. Мысль: постигнуть употребляемыя природою средства, силы и дѣйствія, для приготовленія минеральной воды въ глубочайшихъ нѣдрахъ земли и сдѣлать ей такое подраженіе, что бы не было между подраженіемъ и подлинникомъ никакого различія, мысль сія казалась всѣмъ весьма отважною. Великій Химикъ Берцеліусъ открылъ въ Карльсбадскихъ водахъ многія, совершенно новыя, составныя частицы, которыя доселѣ не были найдены ни однимъ химикомъ при разложеніи ихъ; по сему послѣдовали сомнѣнія, кои, казалось, особенно поколебали вѣру въ искуственныя минеральныя воды, замѣняющія натуральныя. Начали говорить о томъ, сколько

другихъ, различныхъ составныхъ частей можетъ быть еще сокрыто въ натуральныхъ водахъ, и потомъ найдено при послѣдующихъ разложеніяхъ и вновь изобрѣтенномъ какомъ либо способѣ испытывать воды. Искуство не можетъ совершенно подражать природѣ, въ составленіи минеральныхъ водъ, ибо ему еще не совершенно извѣстны, какъ составныя части водъ, такъ и составленіе оныхъ. Г-нъ Струве умѣлъ удалить всѣ сіи сомнѣнія. Количество новыхъ составныхъ частей, опредѣленное Г. Берцеліусомъ, чрезвычайно мало, такъ, что едва можетъ быть опредѣлено вѣсомъ, и посему, въ отношеніи къ дѣйствительности на человѣческое тѣло можетъ быть почтено за ничто. Повѣритъ-ли кто нибудь, на примѣръ, что 1 гранъ, распущенный въ 500 ф. воды можетъ имѣть какое либо, замѣтное по своему дѣйствію, вліяніе на человѣческое тѣло? Конечно опровергнетъ сіе и самъ Г. Ганеманнъ, допускающій что $\frac{1}{100,000}$ или $\frac{1}{1,000,000}$ часть грана оказываетъ уже разительное дѣйствіе на тѣло. Однакоже Г-нъ Струве, для успокоенія посѣтителей водъ его, приложилъ къ искуственнымъ своимъ Карльсбадскимъ водамъ и сіи малѣйшія частицы, такъ, что нынѣ въ нихъ находится совершенно все тоже, что и въ натуральныхъ водахъ.

Я не могу оставить здѣсь безъ вниманія еще другаго обстоятельства, относящагося къ теплымъ минеральнымъ источникамъ. «Поелику мы,» писалъ ко мнѣ одинъ великій Химикъ, «не знаемъ еще съ достовѣрностію, откуда воды сіи заимствуютъ

теплоту свою, и отъ чего температура ихъ не измѣнилась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, то, подражать природѣ въ семъ отношеніи весьма трудно. Притомъ, кажется, дѣйствіе водъ на человѣческое тѣло зависитъ преимущественно отъ естественной теплоты, и не можетъ быть объяснено изъ немногихъ составныхъ частей, содержащихся въ таковыхъ водахъ въ маломъ количествѣ.» Не смотря на сіи возраженія и немногія другія, маловажныя, опытъ, сей вѣрнѣйшій и богатѣйшій источникъ истины, доказалъ неопровержимость слѣдующаго: 1-е, Г-нъ Струве открылъ столь совершенный способъ подражать природѣ, въ приготовленіи минеральныхъ водъ, что по всѣмъ учиненнымъ испытаніямъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствъ ихъ, едва-ли находится какое различіе между натуральными и искуственными минеральными водами. Сіи искуственныя произведенія Г-на Струве, будучи подвержены физическому и химическому испытанію, даютъ тѣ-же самые результаты, какъ и натуральныя воды, при одинаковомъ, совершеннѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ разложеніи. Сіе тѣмъ болѣе достойно примѣчанія, что Г-нъ Струве, испытуя многія искуственныя минеральныя воды, приготовленныя по другимъ способамъ, не нашелъ изъ нихъ ни одной, которая-бы заслуживала имя той натуральной воды, коей подражать хотѣли, но всегда онѣ различаются отъ сихъ послѣднихъ, какъ по количеству, такъ и по качеству содержащихся въ нихъ веществъ. Изъ сихъ-то недостатковъ ихъ и наблюденія ключей на самомъ мѣстѣ, Г-нъ Струве извлекъ для себя главныя правила приготовленія

водъ. Здѣсь думаю, не будетъ противно цѣли, присовокупить въ краткихъ словахъ объясненіе Г-на Струве. Онъ, по всей справедливости, утверждаетъ, что всякая искуственная минеральная вода должна содержать въ себѣ каждую изъ составныхъ частей натуральной воды, весьма вѣрно, какъ въ количествѣ, такъ и въ качествѣ. Химическое разложеніе должно имѣть тѣ-же результаты, какъ и испытаніе натуральной воды, предполагая, что анализъ оныхъ былъ сдѣланъ однимъ и тѣмъ-же способомъ. Но по разложенію можно заключать только о началахъ, а не о способѣ, коимъ онѣ соединены между собою; послѣднее прямымъ путемъ открыто быть не можетъ. Дабы узнать его, должно стараться, сколь возможно, отыскать условія, служащія основаніемъ тому виду, въ которомъ представляются намъ минеральныя воды. Если искуственная минеральная вода совершенно сходствуетъ съ натуральною, какъ въ физическихъ и химическихъ свойствахъ, такъ и въ совокупности внѣшнихъ ея признаковъ, то, слѣдуетъ заключить, что мы счастливо постигли вышеупомянутыя условія. Не только вкусъ, запахъ и температура искуственной воды должны совершенно сходствовать съ натуральною; но не должно также быть между ими никакого различія, ни въ образѣ соединенія разныхъ газовъ и составныхъ частей, ни въ томъ видѣ, въ какомъ отдѣляются изъ нея, сперва жидкія, а въ послѣдствіи и твердыя составныя части. Г-нъ Струве въ заведеніи своемъ счастливо слѣдовалъ симъ простымъ, яснымъ и здравымъ основаніямъ, и потомъ опытъ при употребленіи получен-

ныхъ такимъ образомъ искуственныхъ минеральныхъ водъ, запечатлѣлъ дѣйствительность ихъ.

Но, кромѣ снарядовъ для приготовленія водъ, надобно было еще сдѣлать, чтобы искуственныя воды оставались навсегда равно дѣйствительными и свѣжими, и были-бы предохранены отъ вредныхъ вліяній атмосферы. Чрезъ сіе посѣтитель искуственныхъ водъ перемѣщается непосредственно къ натуральнымъ источникамъ, получая изъ рукъ Искуства, изъ одной и той-же бутылки, первый и послѣдній стаканъ одинакого достоинства; напротивъ того въ пересылаемыхъ для питья минеральныхъ водахъ только первый стаканъ имѣетъ свое первоначальное свойство, прочіе-же болѣе и болѣе въ своей натурѣ измѣняются. Теплыя и горячія воды тѣмъ труднѣе для пересылки, чѣмъ скорѣе могутъ измѣняться въ своемъ составѣ. Всякая минеральная вода, преимущественно-же дѣйствительнѣйшая и животворная, по дѣйствію своему столь отличная отъ средствъ разрѣшающихъ и слабительныхъ, составляетъ такое цѣлое, которое на страждущія тѣла оказываетъ свойственное ему дѣйствіе, пока всѣ части его находятся въ надлежащей связи.

2-е, Всего важнѣе то, что искуственныя минеральныя воды, по способу Г-на Струве приготовленныя, во многихъ различныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ, при одинакихъ впрочемъ обстоятельствахъ, оказываютъ совершенно такую-же пользу, каковую, по многимъ опытамъ, приносятъ натуральныя минеральныя воды, на самыхъ источникахъ. 3-е, Наконецъ, особеннаго примѣчанія достойно

но, что искуственныя минеральныя воды, будучи неправильно, или не кстати, употреблены, столько-же вредны, какъ и натуральныя, при безвременномъ или превратномъ ихъ предписаніи. Сіе должно разумѣть вообще о всѣхъ сильныхъ средствахъ, кои, чѣмъ большую и значительнѣйшую пользу приносятъ при надлежащемъ ихъ употребленіи, тѣмъ сильнѣйшій вредъ причиняютъ въ противномъ случаѣ.

По всѣмъ симъ основаніямъ и обстоятельствамъ, дѣйствительно не надобно желать никакого другаго заведенія въ Доберанѣ, кромѣ института для приготовленія искуственныхъ минеральныхъ водъ. Въ немъ соединены многія обстоятельства, необходимо потребныя и весьма выгодныя для успѣшнѣйшаго леченія водами. Всюду, куда ни бросишь взоръ на окрестности, природа представляетъ прелестныя мѣста, могущія служить пріятнѣйшею прогулкою, а искуство доставляетъ все возможное, къ устроенію въ семъ мѣстѣ настоящихъ Елисейскихъ полей, могущихъ удовлетворять желаніямъ каждаго посѣтителя водъ. Великая выгода и удобность: въ одномъ и томъ-же мѣстѣ пользоваться различными ваннами, и чрезъ то, по обстоятельствамъ и надобности, поддерживать леченіе водами, весьма благопріятствуютъ цѣли сего заведенія. Нашъ Великій Герцогъ, удостовѣрясь въ пользѣ такого заведенія въ Доберанѣ, приказалъ доставить сему заведенію все, потребное для приведенія его въ совершенство. Ему благоугодно было, чтобы я на мѣстѣ изслѣдовалъ подлинность, свойства и употребленіе водъ. Это мною исполнено, и я ласкаю

себя надеждою, что донесеніе мое по сему предмету показало въ надлежащемъ видѣ сіе дѣло, и что, въ слѣдствіе онаго, положенное основаніе будетъ имѣть весьма хорошій успѣхъ.

Докторъ С. Г. Фогель.

Роспокъ,
13 Января, 1824.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Нѣмецкая Литтература.

— Göthe's Werke *(Сочиненія Гёте)*. Полное, послѣднее изданіе (Vollständige Ausgabe letzter Hand). Штутгартъ и Тибингенъ, 1827 и 1828 гг.

Еще въ 1826 году, Патріархъ Германской поэзіи, Гёте объявилъ, что онъ намѣренъ печатать *полное* и *послѣднее* изданіе всѣхъ своихъ сочиненій. Онъ получилъ послѣ того привиллегіи отъ всѣхъ Германскихъ Правительствъ, коими запрещено перепечатывать въ Германіи новое его изданіе. Извѣстно, что по причинѣ раздѣленія Германіи на разныя государства, неисчѣлимое для авторовъ и переводчиковъ зло причиняетъ тамъ перепечатываніе книгъ въ разныхъ мѣстахъ. Уваженіе къ Гё-

те всѣхъ Германскихъ Государей отвратило отъ его сочиненій это непріятное обстоятельство. Теперь получено въ Москву 15 томовъ новаго изданія Гётевыхъ сочиненій. Ихъ будетъ два различныя изданія; одно in 8, лучшимъ образомъ напечатанное. Но сначала Гёте издаетъ маленькое и простое (въ 16-ю долю листа), какія теперь въ модѣ у Нѣмцовъ, по дешевизнѣ, хотя они довольно неопрятны, по причинѣ плохой бумаги и странному квадратному формату. Вотъ содержаніе пятнадцати частей: 1-е, *мѣлкія стихотворенія:* пѣсни, баллады, элегіи, посланія, эпиграммы; 2-е, *продолженіе мѣлкихъ стихотвореній* · сонеты, кантаты, и проч.—3-е, *продолженіе мѣлкихъ стихотвореній;* тутъ-же помѣщены переводы Гёте изъ Байронова Донъ Жуана и Манфреда; переводъ оды Манзони, Ново-Греческихъ пѣсенъ и проч.; 4-е, *продолженіе мѣлкихъ стихотвореній;* театральные прологи, финалы, начало трагедіи: *Навзикая;* замѣчанія къ мѣлкимъ стихотвореніямъ; *Елена*, междудѣйствіе изъ Фауста; Ксеніи. — 5-е, West-östlicher Divan *(Переводы изъ Восточныхъ писателей).*— 6-е, *Примѣчанія* къ симъ переводамъ.—7-е, *Театръ:* Die Laune des Verliebten, пастушеская комедія; die Mitschuldigen, комедія; die Geschwister, комедія; переводы *Магомета* и *Танкреда,* Вольтеровыхъ трагедій.—8-е, *продолженіе театра;* трагедіи: *Гёцъ фонъ-Берлихингенъ* и *Эгмонтъ.*—9-е, Продолженіе театра. Трагедіи: *Ифигенія въ Тавридѣ; Торквато Тассо* и *Побочная дочь.*—10-е, Продолженіе театра: отрывокъ изъ трагедіи: *Эльпеноръ;* трагедія: *Класиго;* трагедія: *Стелла;* опера: *Клаудина;* опера *Эрвинъ*

и *Эльмира*.—11-е, Другія драматическія сочиненія.—12-е, *Фаустъ*. Здѣсь въ первый разъ напечатана *2-я часть Фауста*. — 13-е, *Театральныя въ драматическомъ родѣ, и другія сочиненія; Художника*.—14-е, *Продолженіе* театральныхъ и въ драматическомъ родѣ сочиненій (der Triumph der Empfindsamkeit; die Vögel; der Groß-Cophta; der Bürger-General).—15-е, die Aufgeregten, драма; прозаическіе отрывки.

Такимъ образомъ, печатая послѣднее изданіе своихъ сочиненій, Гёте помѣщаетъ въ него и новыя свои творенія, вмѣстѣ съ прежними. Важнѣйшее созданіе Гёте, заключившее въ себѣ всю умственную жизнь и отразившее всего поэта — *Фаустъ*, является всегдашнимъ предметомъ мыслей Гёте и въ старости его. Междудѣйствіе: *Елена*, и разныя отдѣльныя къ нему приложенія, заключила, помѣщенная въ 12-мъ томѣ, *вторая половина Фауста*, гдѣ поэтъ переноситъ дѣйствующія лица въ новый міръ, окружаетъ Фауста воздушными духами, позволяетъ ему пить изъ рѣки забвенія, Мефистофеля рядитъ въ придворные шуты, и заставляетъ играть комедіи.

— System der Logik (*Система Логики*. Ручная книга для самопзученія). Соч. К. Ф. Бахманна. Лейпцигъ, 1828 г., in 8, XII и 650 стр.

Въ числѣ новѣйшихъ Германскихъ мыслителей, съ уваженіемъ повторяется имя Бахмана, сочинителя книги: Die Kunstwissenchaft, in ihrem allgemeinen Umrisse. Новое сочиненіе Бахмана объемлетъ законы мышленія раздѣляясь на три части: die Elementarlehre, die Systematik oder Architektonik и Исторію Логики.

— Wladimir der Grosse *(Владиміръ Великій)*. Эпическая поэма, въ 3-хъ пѣсняхъ, сочиненная на Шведскомъ языкѣ Э. І. Стагнеліусомъ (Stagnelius), и переведенная на Нѣмецкій Олофомъ Бергомъ. Кенигсбергъ, 1827 г., in 8, 160 стр.

Эрихъ Іоаннъ Стагнеліусъ, Шведскій поэтъ, род. въ 1794 и умершій въ 1823 году, подавалъ своими сочиненіями большія надежды соотечественникамъ. Сочиненія Стагнеліуса изданы послѣ смерти его, друзьями, въ 1824 г., въ 3-хъ томахъ. Романтическая поэма: *Владиміръ Великій*, начата была Стагнеліусомъ на 18-мъ году его жизни; не смотря на юность поэта, Нѣмецкіе критики пишутъ объ ней съ большимъ уваженіемъ. Стагнеліусъ повѣствуетъ о принятіи Христіанской вѣры Владиміромъ. Мы давно ждемъ, и не теряемъ еще надежды дождаться, поэмы *Владиміръ*, которую хотѣлъ писать нашъ Жуковскій.

— Historische Werke von Arn. Herm. Ludwig Heeren *(Историческія сочиненія Арн. Герм. Людвига Геерена)*. Т. VII. Геттингенъ, 1828 г., in 8, XVIII и 556 стр.

Въ семъ томѣ полнаго собранія своихъ сочиненій (коихъ до 1828 г. напечатано *шесть* томовъ), знаменитый Геренъ помѣстилъ классическое сочиненіе, употребляемое имъ для обученія въ Геттингенскомъ Университетѣ Древней Исторіи: Handbuch der Geschichte der Staaten des Alterthums. Оно было издано въ 1799 г. въ *первый разъ*; послѣ того было еще *четыре* изданія; слѣдовательно, теперь напечатано оно въ 5-й разъ. Авторъ значительно умножилъ его новыми изысканіями.

— Geschichte von Russland nach Karamsin (*Исторія Россіи*, составленная по сочиненію Карамзина). Съ многими изъясненіями и прибавленіями, составилъ Авг. Вильг. Таппе. Ч. I. Дрезденъ, 1828 г., in 8, XVI и 360 стр.

Г-нъ Таппе извѣстенъ своею Грамматикою Русскаго языка, достойною большой похвалы и лучшею изъ всѣхъ Русскихъ Грамматикъ, изданныхъ для Нѣмцовъ. Онъ жилъ много лѣтъ въ Россіи, и изучалъ наше отечество съ великимъ тщаніемъ. Въ 1819 г. издалъ онъ въ двухъ томахъ сокращеніе *Исторіи Государства Россійскаго* (напечатанное 2-мъ изданіемъ въ 1824 году), въ видѣ книги для изученія Русскаго языка. Теперь переработалъ, умножилъ и издалъ Г-нъ Таппе свое извлеченіе на Нѣмецкомъ языкѣ, присовокупивъ къ нему многое по собственнымъ изысканіямъ и изслѣдованіямъ. Для насъ любопытно въ немъ библіографическое указаніе источниковъ Русской Исторіи, и особливо иностранныхъ сочиненій о Русской Исторіи. Впрочемъ, не льзя Рускому не поблагодарить Г-на Таппе вообще за трудъ его.

Помѣстивъ въ извѣстія о Нѣмецкой Литтературѣ свѣдѣніе о переводѣ *Творсній Конфуція* на Нѣмецкій языкъ Г-мъ Шотомъ, заимствованное нами изъ Нѣмецкихъ журналовъ, помѣщаемъ критическое замѣчаніе, сообщенное намъ О. Іакинѳомъ. Какъ-бы желательно было, чтобы всѣ ученые люди съ такимъ тщаніемъ наблюдали за современною литтературою, по извѣстнымъ каждому изъ нихъ предметамъ!

«Въ № 13-мъ Телеграфа, на стр. 86, объявлено о переводѣ одной Китайской книги на Нѣмецкій языкъ. Переводчикъ, Г-нъ В. Шотъ, назвалъ ее *твореніемъ мудреца Кхунъ-фу-цзы*. Извѣстно, что сей мудрецъ сочинилъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ собственное названіе, и по титулу, подъ которымъ Г-нъ Шотъ издалъ переводъ свой, трудно догадаться: которое изъ твореній Кхунъ-цзы (*) переведено имъ на Нѣмецкій языкъ? Но слово: *Лунь-юй*, названіе 1-й части, въ свѣтъ изданной, отчасти разрѣшаетъ наше недоумѣніе.

«Есть въ Китаѣ учебная книга, называемая: *Четырекнижіе*, на Кит. языкѣ: *Сы-шу*. Такъ названа сія книга потому, что составлена изъ соединенія четырехъ разныхъ книжекъ, какъ-то: *Лунь-юй*, *Мынъ-цзы*, *Да-сё* и *Чжунъ-юнъ*. *Лунь-юй* значитъ: разговоры или разсужденія; она содержитъ въ себѣ изрѣченія и дѣянія мудреца Кхунъ-цзы, его отвѣты и изъясненія, записанныя учениками его Цзы-ся, Цзы-ю, Цзэнъ-цзы, Цзы-чжанъ и Минь-цзы. Прежде находилось два *Лунь-юй*: одинъ въ княжествѣ Ци; другой въ княжествѣ Лу. Первый не дошелъ до насъ, а нынѣ употребляемый есть Лунь-юй княжества Лу. Мынъ-цзы, собственно есть имя мудреца, который въ IV вѣкѣ до Р. Х. преподавалъ свое ученіе. Ученики его: Гунъ-сунь-чёу и

(*) *Кхунъ-цзы* и *Кхунъ-фу-цзы* суть слова однозначащія; первое есть болѣе книжное, а послѣднее употребительнѣе въ ученыхъ разговорахъ.

Вань-чжанъ, собрали его изрѣченія, и составили книжку, которую назвали именемъ своего учителя — *Мынъ-цзы*. Да-сё значитъ *Великое ученіе*, и есть книжка, сочиненная ученымъ Цзэнъ-цзы ученикомъ мудреца Кхунъ-цзы. Великимъ ученіемъ названа сія книжка потому, что въ древности была преподаваема возрастнымъ ученикамъ. Усовершеніе собственныхъ добродѣтелей, просвѣщеніе народа и достиженіе высочайшаго добра, составляютъ ея содержаніе. До изданія Сы-шу она помѣщена была въ Запискахъ о обрядахъ, гдѣ составляла 42-ю, а нижеслѣдующая *Чжунъ-юнъ* 31-ю главу. Чжунъ-юнъ значитъ: *средина* и *обыкновенное*, и есть книжка, сочиненная ученымъ Кхунъ-цзи, внукомъ мудреца Кхунъ-цзы. Въ ней преподается о естественномъ законѣ.

«Вышепомянутыя четыре сочиненія нынѣ занимаютъ первое мѣсто между классическими книгами; но пока находились порознь, то немногіе обращали вниманіе на ихъ изученіе, почему ученый Чжу-цзы, уже въ XIII вѣкѣ, соединилъ ихъ въ одну книгу и издалъ въ свѣтъ особливо, подъ общимъ названіемъ: *Сы-шу*. Сію самую книгу Г-нъ Шотъ неправильно назвалъ *твореніемъ мудреца Кхунъ-фу-цзы*, и присовокупляетъ, что при ея переводѣ содѣйствовали ему два природные Китайца. Не думаю, чтобы нашелся хотя одинъ ученый Китаецъ, который-бы не зналъ объ истинномъ происхожденіи сей книги; потому невѣроятно, чтобъ приводимые два Китайца ни однажды не сказали, что Сы-шу не есть сочиненіе мудреца Кхунъ-цзы. Г-нъ Шотъ обязанъ объясниться въ семъ предъ ученою публикою, и тѣмъ избавить отъ подозрѣній

шрудъ свой, достойный впрочемъ общаго вниманія, не въ его одномъ отечествѣ, но и въ цѣлой Европѣ.»

Сент. 22,
1822.

— Allgemeines Verzeichniss der Bücher, welche in der Frankfurter und Leipziger Ostermesse des 1828-sten Jahres ganz neu gedruckt oder neu aufgelegt worden sind, auch derer, die künftig herauskommen sollen *(Общій реэстръ книгъ, на Франкфуртской и Лейпцигской Пасхальныхъ ярмаркахъ* 1828 *года находившихся, или приготовленныхъ къ изданію)*. Лейпцигъ, у Вейдмана, in 8, 288 стр.

Такіе каталоги издаются для каждой изъ двухъ, ежегодно бывающихъ въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ, Пасхальной и Михайловской ярмарокъ. Сами по себѣ они неважны, ибо располагаются безъ всякой системы, и не всегда вѣрно; но даютъ поводъ къ любопытнымъ соображеніямъ статистическимъ, касательно *книжной торговли въ Германіи*. Вотъ сокращенное извѣстіе о Пасхальномъ Каталогѣ, извлеченное нами изъ статьи Бека, Лейпцигскаго Профессора (Allgemeines Repertorium, 1828 г. № 4).

Число *издателей книгъ*, означенныхъ въ семъ каталогѣ—401! Между ними, болѣе другихъ издали книгопродавцы Коттa (въ Штутгардѣ и Тибингенѣ), Арнольдъ (въ Дрезденѣ), Гартманъ, Бассе, Гризонъ и Комп. (въ Бреславлѣ), Шлоссеръ (въ Аугсбургѣ), Понтьё, Михельсенъ и Комп., Реймеръ, Фоссъ. 231 стр. занимаютъ названія книгъ Нѣмецкихъ, Латинскихъ, Греческихъ и проч., отпечатан-

ныхъ, или готовыхъ къ печати; въ числѣ поименованныхъ книгъ находится:

Романовъ и повѣстей (въ томъ числѣ новыхъ изданій 15)	191
Драмъ (считая и собр. сочиненій драматическихъ).	37
Ландкартъ, атласовъ, земныхъ и небесныхъ глобусовъ, и проч. (новыхъ изданій 29).	116
Музыкальныхъ книгъ (новыхъ изданій 4). .	33
Игръ	5
Прочихъ, большихъ и мѣлкихъ сочиненій (въ томъ числѣ новыхъ изданій 341)	2852
	3234

Въ числѣ сихъ книгъ считаются также рисунки, эстампы, двойныя изданія (на пр. Витрувій), отдѣльныя части сочиненій, особенно отпечатанныя (на пр. нѣсколько томовъ Энциклопедіи Криница), и отдѣльныя статьи изъ журналовъ. Число журналовъ, газетъ и разныхъ сборниковъ весьма велико. Изъ авторовъ, Девора является съ 11-ю нумерами; но никто не превосходитъ въ семъ отношеніи В. Скотта, который занялъ 32 нумера; въ семъ числѣ 4 перевода Нѣмецкихъ его Исторіи Наполеона и переводы 12 романовъ. Замѣчательны: Эбершова *Ручная книга библіографіи;* Шеллева *Исторія Греческой Литтературы*, переведенная подъ надзоромъ Автора, и имъ самимъ умноженная; Пассовы *Initia historiae Roman. literariae.* Ни одна изъ отраслей литтературы не представляетъ такъ много книгъ, какъ *Филологія:* кромѣ 5 переводовъ, Цицеронъ занима-

етъ 12 нумеровъ; Платонъ 10, Горацій 5, Овидій 6. Замѣтимъ также отрывки потерянныхъ классическихъ сочиненій, какъ-то: *Стезихора*, изд. Клейномъ; *Леонція*, изд. Риглеромъ и Аксіомъ; начало книги: *Corpus Grammaticorum litt.*, изд. Линдеманомъ; *Anecdota graeca*, Бахмана. Видимъ приращеніе и по части Древностей; здѣсь замѣчательны: *Этруски* (2 ч.) и *Исторія Эллинскихъ племенъ* (5 ч.) Отфрида Миллера. Арабская Литтература обогащена сочиненіемъ: Makrisii Taieddii historia Coptorum Christ. in Arabia, Веццера. Къ важнѣйшимъ біографіямъ принадлежатъ Роммеля, *Филиппъ великодушный*; Рёзе, *Бернгардъ Великій, Герцогъ Саксонскій; Жизнь Авг. Людв. Шлецера.* Историческими сочиненіями особенно богата Сѣверная исторія; изъ ея сокровищъ замѣтны: обработанная Нирупомъ 14-я часть Сумовой *Датской Исторіи*; 6-я часть Historiæ Regum Norvegicorum, Торлаціуса и Верлауфа; послѣдняя часть *Эдды*, и проч. (вообще Датская Литтература явилась нынѣ въ большомъ блескѣ).— Издано много Флоръ, какъ-то: Гаудина Flora Helvetica; Шпенна Fl. Friburgensis; Теноре Fl. Neapolitana.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

Книги 1827 года.

— *Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина*, систематическимъ порядкомъ расположенная. Въ 4-хъ частяхъ, съ приложеніемъ Азбучной Росписи именъ Сочинителей и переводчиковъ, и Краткой Росписи книгамъ, по азбучному порядку. СПБ. 1828 г. въ т. А. Смирдина, in 8, III, XVI, LXXVIII, 712 и XCIII стр.

Москва не можетъ похвалиться такою обширною библіотекою для чтенія, какая существуетъ уже много лѣтъ въ Спбургѣ. Сколько можно болѣе романовъ, и сотенъ пять – шесть другихъ книгъ поставить на полки; потомъ объявить о библіотекѣ, и напечатать азбучный реэстръ нѣсколькихъ тысячъ книгъ: это называется—*открыть публичную библіотеку для чтенія*. Читатели смотрятъ въ реэстръ новой библіотеки, спрашиваютъ книгу, и если спросъ не касается романа или какого нибудь вздора, получаютъ отвѣтъ: «*Находится въ чтеніи,*» и вѣчно требуемая книга будетъ находиться въ чтеніи, потому, что она пустой билетъ: въ библіотекѣ ея и не бывало, а въ реэстръ она поставлена для вида. Таковы всѣ Русскія библіотеки для публичнаго чтенія, открываемыя книгопродавцами въ Петербургѣ и Москвѣ.

Но, совсѣмъ не такова библіотека А. Ф. Смирдина, Спбургскаго книгопродавца. Ее началъ собирать В. А. Плавильщиковъ; желая и послѣ смерти поддержать свое полезное заведеніе, предоставилъ онъ библіотеку своему помощнику, Г-ну Смирдину, который, принявъ всю торговлю В. А. Плавильщикова, разпространилъ и увеличилъ какъ ее, такъ и библіотеку. Теперь въ библіотекѣ на лицо находится *до* 10 *т. названій* (считая при томъ разныя изданія одной книги въ одинъ нумеръ, и не смотря на число томовъ, книгу составляющихъ). Кромѣ того, Г-нъ Смирдинъ, отличающійся своими изданіями многихъ полезныхъ книгъ, прекрасною типографіею, и вообще отличнымъ порядкомъ въ производствѣ дѣлъ, рѣшился издать вновь систематическій реэстръ своей библіотеки, ибо изданный при В. А. Плавильщиковѣ весь вышелъ; притомъ былъ онъ недостаточенъ, довольно сбивчиво расположенъ, и по причинѣ многихъ къ нему Прибавленій, особо изданныхъ, затруднителенъ для пріисканія книгъ.

При семъ новомъ изданіи или, лучше сказать, семъ новомъ каталогѣ, потому, что онъ совершенно передѣланъ, Издатель старался приспособить его всѣми возможными образами для удобства пользующихся библіотекою.

Послѣ объявленія объ условіяхъ подписки, слѣдуетъ азбучная роспись всѣхъ именъ сочинителей и переводчиковъ, коихъ произведенія находятся въ библіотекѣ. Потомъ, систематически расположенный реэстръ книгъ. Наконецъ, особый, сплошной реэстръ названій книгъ, по азбучному порядку. По

сей послѣдней росписи, и по списку именъ сочинителей и переводчиковъ, весьма легко сыскать извѣстную требуемую книгу. Замѣтимъ, что Г-нъ Смирдинъ напечаталъ каталогъ свой весьма красиво, ясно и четко. Послѣ сего, кромѣ похвалы и благодарности отъ публики, Издатель ничего болѣе ожидать не можетъ.

Но слова: *расположенный систематическимъ порядкомъ*, даютъ все право Рецензенту обратить строгое вниманіе на сей каталогъ съ другой стороны. Здѣсь отвѣтственность падаетъ не на Издателя, но на Г-дъ литтераторовъ и ученыхъ людей, занимавшихся составленіемъ каталога.

Мы слышали отъ самаго Г-на Смирдина, что полагая свой каталогъ основаніемъ полнаго библіографическаго каталога всей Русской Литтературы, онъ предполагаетъ современемъ издать, въ видѣ дополненія, реэстръ всѣхъ остальныхъ Русскихъ, въ библіотекѣ его не находящихся книгъ. О пользѣ подобнаго предпріятія нѣчего и говорить. Единственный библіографическій словарь, изданный Г-мъ Сопиковымъ, теперь уже устарѣлъ, да и всегда былъ весьма не полонъ и невѣренъ. Онъ можетъ однакожъ служить основаніемъ словарю Г-на Смирдина. Но если Г-нъ Смирдинъ намѣревается издать словарь свой въ систематическомъ порядкѣ, то спрашивается: можетъ-ли изданный нынѣ каталогъ его библіотеки послужить основаніемъ въ такомъ случаѣ? Можетъ быть, мы ошибаемся, но—да извинятъ Г-да Редакторы каталога — намъ кажется, что не можетъ.

Не льзя не удивляться, что Г-да Редакторы не воспользовались недостатками прежняго каталога, и не могли улучшить новаго. Рѣдко можно встрѣтить столь невѣрно и ошибочно расположенную систему, и такой безпорядокъ въ размѣщеніи книгъ.

Выше сказано, что по росписи, въ азбучномъ порядкѣ расположенной, и по реэстру именъ писателей, легко найдти всякую извѣстную книгу въ библіотекѣ Г-на Смирдина. Но если-бы кто хотѣлъ искать книги, которой названіе, и имя автора, или переводчика, ему неизвѣстны, или-бы захотѣлъ обозрѣть Литтературу какого либо знанія, науки или предмета, то по новому каталогу это почти невозможно. Такимъ образомъ, и мы не можемъ здѣсь представить читателямъ нашимъ какихъ либо любопытныхъ выводовъ о Руской Литтературѣ, извлеченныхъ изъ систематическаго ея обзора по каталогу. Удовольствуемся только замѣчаніями на самый каталогъ.

Системъ, для расположенія библіотекъ и библіографическихъ сочиненій, есть множество. Въ каждой системѣ, какъ-бы она ни была невѣрна, можемъ однакожь видѣть, что руководствовало къ принятію того или другаго порядка. При расположеніи книгъ каждой библіотеки, разумѣется, имѣютъ въ виду самыя книги, въ ней находящіяся, и по сей причинѣ измѣняютъ иногда систему, убавляя или умножая подраздѣленія. Но главныя основанія выводятся изъ общихъ, всегда одинаковыхъ началъ. — Какія общія начала руководствовали при составленіи XXII-хъ отдѣловъ, на которые раздѣлена библіо-

тека Г-на Смирдина? Этого мы никакъ не могли объяснить себѣ. Вотъ сіи отдѣлы: *Богословіе; Философія; Правовѣдѣніе; Политика; Исторія Россійская; Исторія Всеобщая; Географія; Математика; Естественныя науки; Медицина; Домоводство; Технологія; Свободныя художества; Гимнастическія или тѣлесныя упражненія; Увеселенія; Языкознаніе; Собственная Словесность; Произведенія Словесности въ стихахъ и прозѣ; Произведенія Словесности прозаическія; Произведенія Словесности піитическія; Романы, повѣсти и сказки; Періодическія сочиненія.* Неужели сіи отдѣлы равносильны одинъ другому? Могла-ли *Исторія Россіи* занять равное мѣсто съ *Всеобщею*, и Философія съ *Увеселеніями?* Что значитъ *Политика*, *Естественныя* науки, *Свободныя* художества, *Собственная* Словесность? Всѣ сіи названія, или старая, ошибочная номенклатура, или новыя ошибки и сбивчивость понятій. И какъ-же можно было, сдѣлавъ отдѣлы для *Географіи*, *Домоводства*, даже *Гимнастики*, сбить въ одинъ отдѣлъ *Естественныхъ наукъ* Физику и Химію? (что значитъ: науки *Естественныя?* Встрѣтивъ уже одинъ разъ это слово (Тел. 1828 г. кн. XV, стр. 463), замѣтимъ здѣсь, единожды навсегда, что, если Г-да литтераторы, употребляющіе сіи слова, думаютъ видѣть въ немъ синонимъ слова: *Естествознаніе*, то они ошибаются, ибо *Естествознаніе* совсѣмъ не то: слово это означаетъ: *познаніе естества*; слова-же: *Естественныя науки*, ровно никакого смысла не представляютъ, кромѣ противоположности словамъ: *не-естественныя науки*)

Послѣ такихъ ошибокъ въ главныхъ отдѣлахъ, надобно ожидать ошибокъ въ подраздѣленіяхъ, и мы встрѣчаемъ ихъ довольно. Если для Россіи, какъ такого предмета, о которомъ находимъ множество книгъ въ Русской литературѣ, Редакторы хотѣли сдѣлать особое отдѣленіе, почему только одна *Исторія* Россіи удостоилась сей чести, а все другое, къ Россіи относящееся, разнесено куда попало? Исторію Медицины въ Россіи находите въ Медицинѣ, и мы не знали, гдѣ искать *военной Русской Исторіи?* Всего неожиданнѣе было для насъ найдти ее послѣ того *въ Россійской Исторіи собственно.* Но все это еще ничего, противъ другихъ разносокъ. *Педагогика* ушла въ *Философію*, а въ Педагогику попали *дѣтскія книги*, такъ, что *Малютку — экономку*, *Правила благопристойности*, *Дѣтскій гостинецъ*, находите — въ *Философіи! Статистика* попала въ *Политику* и стала рядомъ съ *Дипломаціею.* Часть Миѳологіи: *Магометанская религія* и *Огнепоклонство* поставлены — въ *Богословію*, а Миѳологія Греческая и Римская сдѣлалась однимъ изъ *вспомогательныхъ знаній Исторіи.* Физика раздѣлена на *Общую Физику*, *Гальванизмъ*, *Электрицизмъ* и — *Метеорологію!* Въ *Домоводство* помѣстились *Земледѣліе*, *Скотоводство* и — *Сельское* и *Городское хозяйство! Собственная Словесность* значитъ въ каталогѣ *теорію Изящныхъ Искуствъ*, но тутъ-же помѣщена *Исторія Литературъ.* Полиграфы составили отдѣленіе подъ титуломъ: *Произведенія словесности въ стихахъ и прозѣ*, и въ это отдѣленіе, и въ другое: *Произведенія Словесности піитическія*,

помѣщены одинаковаго содержанія книги. Но о распредѣленіи книгъ скажемъ далѣе. Объяснимся касательно раздѣленій каталога.

Г-нъ Смирдинъ, приступая къ составленію каталога, совѣтовался между прочимъ и съ нами, и со всею готовностію мы сообщили ему систему, по которой полагали удобнѣйшимъ составить каталогъ. Къ сожалѣнію, другія занятія препятствовали намъ посвятить трудъ на полезное дѣло составленія самаго каталога. Но Г-да Редакторы онаго могли имѣть въ виду нашу систему; оставя ее, и составляя свою новую, вѣроятно, они почли ее негодною. Дѣлаемъ къ семъ случаѣ посредниками просвѣщенныхъ читателей, и единственно для того, чтобы не сказали литтературные стряпчіе: *совѣтовать всѣ, а самъ дѣлать никто,* объясняемъ крашко нашу систему.

Составляя оную, мы полагали, что должно имѣть въ виду понятія читателей, съ которыми должно имѣть дѣло, и удобство для пользующихся библіотекою, потому, и не могли рѣшиться на раздѣленіе чисто — философическое, гдѣ изъ одного пункта развивалась-бы вся литтература; въ тоже время мы почитали нужнымъ сколько возможно близкое приближеніе къ сему существенному основанію. Въ слѣдствіе сего приняли мы правиломъ: по возможности менѣе главныхъ отдѣловъ, и болѣе частныхъ подраздѣленій. Первые заключаютъ въ себѣ главныя идеи единства всѣхъ знаній; вторыя подробности различій.

Такимъ образомъ, вмѣсто XXII-хъ, все дѣлилось у насъ на восемь только отдѣловъ: *Богословіе; Фи-*

лософія; *знанія Математико-Физическія*; *знанія Этико-Политическія*; *приложенія того и другаго отдѣла знаній*; *Изящныя Искуства*; *Словесность*; *Полиграфія* и *Смѣсь*.

Естественность сего раздѣленія очевидна. *Богословіе* (познаніе Бога), какъ неподлежащее сужденію ума, но познаваемое Вѣрою и Божественнымъ Откровеніемъ, составляло 1-й отдѣлъ. *Философія*, какъ источникъ всѣхъ человѣческихъ знаній, какъ откровеніе ума, составляла 2-й. — *Математико-Физическія знанія* (познаніе Природы и познаніе Человѣка, какъ части природы вещественной) 3-й, дѣлясь на *Математику*-собственно и *Физику-собственно*, *Химію* и *Естествознаніе*. — *Этико-Политическія знанія* (познаніе человѣка, какъ разумнаго существа и дѣйствій его), отдѣлъ 4-й, дѣлясь на *Географію и Статистику*, *Исторію*, *Политику* или государствовѣдѣніе, *Юриспруденцію*. — За симъ слѣдовали *приложенія* того и другаго отдѣла знаній, составляя 5-й отдѣлъ, и дѣлясь на *Прикладную Математику*, *Медицину*, *Военное Искуство*, *Мореплаваніе*, *Металлургію*, *Технологію*, *Сельское Хозяйство и Домоводство*, *Педагогику*, и *Языкоученіе*. — *Изящныя Искуства*, составляя особый отъ наукъ и знаній міръ, были предметомъ 6-го отдѣла, а *Словесность*, по обширности своей, съ *теоріею*, *практикою* и *критикою*, 7-го отдѣла. Наконецъ, *Полиграфія* и *Смѣсь* составляли послѣдній и весьма обширный отдѣлъ, заключая энциклопедическія сочиненія, собранія сочиненій, журналы и газеты, библіографію, увеселенія и игры.

Въ этомъ расположеніи могутъ быть ошибки; но по крайней мѣрѣ видно: почему дѣлано такъ а неиначе; предметы раздѣлены по приличіямъ, и частности выливаются изъ общностей. Боясь занять много мѣста, мы не можемъ представить здѣсь подробныхъ подраздѣленій каждаго отдѣла. Вообще, въ подробностяхъ мы располагали каждый предметъ слѣдующимъ образомъ: 1-е пріуготовительная часть (системы, общности, вспомогательныя знанія, свѣдѣнія); 2-е самый предметъ; 3-е, матеріялы; 4-е, смѣсь.

Впрочемъ, согласимся и на то, что мы могли ошибаться рѣшительно, и теперь ошибаемся, думая, что система, нами предлагаемая, вѣрнѣе приняшой въ каталогѣ; можетъ быть, Г-да Редакторы каталога могутъ оправдаться въ своихъ раздѣленіяхъ. Но ничѣмъ оправдаться имъ невозможно въ распредѣленіи самыхъ книгъ; едва-ли половина книгъ поставлена на своемъ мѣстѣ: всѣ осталныя распредѣлены, какъ попало.

1-е. По произвольному раздѣленію, въ исчисленіи книгъ нѣтъ ни хронологическаго, ни по авторамъ, ни по алфавиту порядка.

2-е. Книги одинакаго содержанія разнесены въ разные отдѣлы. *Извѣстія Россійской Академіи*, на примѣръ, находятся въ *Историческихъ Запискахъ и повѣствованіяхъ о разныхъ событіяхъ* на стр. 209 (и тутъ-же *Указатель Московскаго Университета* — чисто статистическая книга!), а *Труды Московскаго Общ. Люб. Росс. Словесности*, въ *Собраніяхъ сочиненій разныхъ Авторовъ*, въ отдѣлѣ *Словесности*; тутъ-же Альманахи Литературные.

Овидіевы Превращенія видимъ въ Миѳологіи, № 2977, и ихъ-же находимъ въ поэмахъ, № 6772.

3. Несвойственно внесены въ отдѣленія книги не соотвѣтствующаго содержанія. *Въ Исторіи* находимъ: *Достопамятности въ мірѣ*, Пропіака, *Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ*, Шатобріана. Сатирическія, вздорныя книжонки о Наполеонѣ (какъ-то: Наставленіе Исторіографу, № 3484; Исповѣдь, № 3485; Смотръ совѣсти, № 3487; Мысли, Сонъ въ Москвѣ, Наполеонъ съ причетомъ), что давно-бы пора выбросить въ сатиры, находятся въ *Смѣси* Исторіи Всеобщей. Во Французской исторіи находимъ: *Остатокъ человѣколюбія во Франціи*, № 3154.

Всего лучше можемъ доказать все, что мы говоримъ о несообразности общихъ и частныхъ отдѣловъ каталога, и невѣрномъ распредѣленіи книгъ, разборомъ одного котораго нибудь отдѣла, напримѣръ, 20-го: *Произведенія Словесности піитическія.*

Онъ дѣлится, на *Собраніе сочиненій разныхъ авторовъ* (за чѣмъ зашла сюда *Пчела*, собраніе статей въ стихахъ и *прозѣ*, № 6577) и *Собраніе сочиненій одного автора.*

За тѣмъ слѣдуетъ *Эпическая поэзія*: а. *Поэмы героическія* — гдѣ видимъ Андріаду; Аннибала на развалинахъ Карѳагена, Г-на Струйскаго; переводъ Игоревой пѣсни и другія стихотворенія Г-на Бланшарда (они слѣдовали въ *Собраніе сочиненій одного автора*, также, какъ и № 6715, Эпическія творенія Хераскова, № 6717, Битва при Ватерлоо и Баллады В. Скотта и № 6739, 6744, 6745,

переводы поэмъ Оссіана); другой переводъ Игоревой пѣсни Г-на Левишскаго; Поліонъ или просвѣтившійся нелюдимъ, Княжны Урусовой. Неужели все это *эпическо-героическія* поэмы? Неужели и № 6699, *Плачъ Іереміи* и *Мессіяда* — *героическія* поэмы?

б. *Поэмы романтическія.* Алёша Поповичъ, Радищева; Владѣтель волшебнаго хрусталька, Г-на Коншина; Пилигримы, Хераскова; Виргиліева Энеида (№ 6771); Превращенія Овидія; собраніе стихотвореній, подъ № 6774, и Студентъ Клаусъ — Кандидатъ — неужели все это поэмы *эпическо-романтическія?*

в. *Поэмы комическія.* Софронъ или бой за барду; Тяжба и судъ ерша съ лещомъ; Французъ на дрожкахъ; Честная госпожа масляница; Судъ Шемякинъ, и переводъ Энеиды, Г-на Вѣтринскаго — неужели все это поэмы *эпическо-комическія?*

г. *Баллады.* Но какъ въ Эпопею зашла баллада? Какъ въ балладу попалъ *Добромыслъ*, Богдановича? Скажемъ болѣе: неужели въ Эпопею идетъ *романтизмъ*, и даже *Энеида на изнанку*? Развѣ потому-же, почему ниже, въ *лирической* поэзіи являются — *посланія* и *мѣлкія стихотворенія*; въ *драматической* — *балетъ*, а въ *описательной* — *Идиллія!*

Не входя въ дальнѣйшія подробности и построчный переборъ книги, на 700 слишкомъ страницахъ, въ двѣ колонны напечатанной, полагаемъ, что показаннаго нами достаточно для слѣдующаго вывода: предпріятіе Г-на Смирдина прекрасно, и съ его стороны исполнено все, чего мы въ правѣ отъ него требовать; но литтературное исполненіе въ сей книгѣ весьма недостаточно, такъ, что при

новомъ изданіи оной, ее надобно совершенно передѣлать. Если-же смотрѣть на нее, какъ на книжный реэстръ, не говоря ничего о системѣ, то она драгоцѣнна для библіографа, какъ матеріялъ. Замѣтимъ, что корректурная часть въ оной весьма хороша, и названія книгъ выставлены точно и вѣрно.

Незнающій хорошо Русской литтерашуры можетъ подумать, что распредѣленіе Русскихъ книгъ по надлежащимъ отдѣламъ, весьма легко. Къ оправданію Г-дъ Редакторовъ каталога скажемъ, что это мнѣніе ошибочно. При странныхъ названіяхъ, какія получаютъ книги въ Русскихъ переводахъ, при смѣшеніи понятій о наукахъ, при обманчивыхъ и ложныхъ названіяхъ книгъ, распредѣленіе не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ пересмотромъ самыхъ книгъ, и слѣдовательно — это дѣло не легкое. Не менѣе затрудняютъ библіографа многія книги и по содержанію своему. На все это можно представить множество примѣровъ.

— *Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи.* Книга I. *Памятники, собранные въ Германіи.* Отдѣленіе I. СПб. 1827 г., in 4, 32 и 94 стр.

Мы извѣщали читателей нашихъ о появленіи снимковъ съ Словенскихъ палеографическихъ памятниковъ, внѣ Россіи находящихся, и принадлежащихъ къ I-му отдѣленію 1-й книги новаго сочиненія Г-на Кеппена, предназначеннаго для описанія памятниковъ Славянской палеографіи въ Германіи, Польшѣ,

Венгріи, Италіи и Франціи находящихся (Тел. 1827 г. т. XV, отд. I-е, стр. 149–156). Теперь напечатаны подробныя объясненія на 9-ть листовъ снимковъ, выданныхъ въ прошломъ году и составляющихъ (съ отрывками изъ Остромирова Евангелія) I-е отдѣленіе I-й книги.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно, что сіе *первое* отдѣленіе, кромѣ Остромирова Евангелія, состоитъ изъ драгоцѣнныхъ снимковъ съ Славянскихъ вставокъ въ Фрейзингенской рукописи, снимковъ съ азбуки рукописнаго Евангелія 1492 г. и печатной книги 1512 года. Объясненіями на Фрейзингенскіе отрывки Г-нъ Кеппенъ снова доказываетъ свои глубокія палеографическія и археографическія познанія въ Славянскихъ древностяхъ. Все, чего можно желать занимающемуся Славянскою палеографіею, представлено Г-мъ Кеппеномъ съ ученою и превосходною точностью.

Прежде всего слѣдуетъ подробное описаніе Фрейзингенской, нынѣ въ Минхенѣ находящейся, рукописи, и опредѣленіе времени, когда писаны въ ней Славянскіе отрывки. Древность ихъ, по всѣмъ изысканіямъ, относится къ X и, можетъ быть, даже къ IX вѣку.

За тѣмъ приложены *Грамматическія объясненія*, А. Х. Востокова, который, по просьбѣ Г-на Кеппена, приводитъ сходное съ однимъ изъ Фрейзингенскихъ отрывковъ мѣсто изъ нашего Церковно-Славянскаго Пролога (рукопись XV вѣка). За тѣмъ переписываетъ онъ сіи отрывки Кирилловскими буквами, объясняетъ произношеніе Латинскихъ буквъ,

употребленныхъ въ сихъ отрывкахъ, и дѣлаетъ грамматическій анализъ всѣхъ словъ, въ сихъ отрывкахъ находящихся, сличая ихъ съ находящимися въ Церковно-Славянскихъ рукописяхъ.

Касательно изъясненій Г-на Востокова, скажемъ, что въ нихъ можно почесть любопытнѣйшимъ рѣшительное объявленіе его, что переводъ Св. Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ сдѣланъ былъ на *Болгарскій* языкъ (стр. 27).—За статьями Г-на Востокова слѣдуютъ, и оканчиваютъ книгу, краткія замѣчанія на снимокъ азбуки изъ Четверо-Евангелія Славянскаго, писаннаго въ Молдавіи, въ 1492 году, и на снимокъ молитвъ на Польскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ книгѣ: Statuta Sinodalia (Нюренбергъ, 1512 г.).

— *Медико-Топографическое описаніе Лондона.* По лучшимъ руководствамъ составленное Александромъ Крейсти. СПб. 1828 г, въ т. Корпуса Жандармовъ, in 8, IX и 148 стр.

Сочиненія такого рода могутъ быть предметомъ рецензій въ Медицинскомъ Журналѣ, состоя изъ фактовъ, коими описываемый городъ изображается съ тѣхъ сторонъ, кои особенно отличительны и замѣчательны для Медика. Медицинская топографія составляетъ одну изъ важныхъ частей практической Медицины, и на нее обращаютъ вниманіе многіе знаменитые ученые. Общіе законы Патологіи, Терапіи и другихъ частей Медицины, конечно, вездѣ одинаковы; но въ подробностяхъ бываетъ большая разница, ибо климатъ, мѣсто жительства, сложеніе обитателей разныхъ странъ, образъ жизни и нравственное состояніе дѣлаютъ важныя

различія между тѣмъ и другимъ государствомъ, тою и другою страною, и даже двумя областями. Отъ того, кромѣ общихъ правилъ Медицины и теоріи, практика доставляетъ, посредствомъ долговременныхъ наблюденій, медико-топографическіе выводы, важные для медиковъ, живущихъ въ мѣстахъ, гдѣ собраны сіи выводы, и для медиковъ вообще, при ихъ соображеніяхъ. И статистикъ, отчасти, можетъ пользоваться сочиненіями сего рода, ибо медицинскіе выводы касаются статистическихъ изслѣдованій, на коихъ основывается статистика.

Г-нъ Крейсти, обогатившій уже Русскую медицинскую литтературу переводами, съ Англійскаго, Кулленова руководства къ Носологіи и Терапіи (СПб. 1818 г.), и Томасова лечебника дѣтскихъ болѣзней (СПб. 1822 г.), а съ Нѣмецкаго Джонсоновой книги о подагрѣ (СПб. 1825 г.), издалъ теперь описаніе Лондона въ медико-топографическомъ отношеніи. Сначала слѣдуетъ въ сей книгѣ топографія Великобританской столицы; потомъ, обозрѣніе главнѣйшихъ болѣзней, преимущественно существующихъ въ Лондонѣ; далѣе, исчисленіе медицинскихъ, и вообще до сохраненія здоровья и жизни касающихся, заведеній въ Лондонѣ; наконецъ, Лондонская pharmacopoeia extemporanea: рецепты употребительнѣйшихъ врачебныхъ пособій, предписываемыхъ Лондонскими врачами.

Гг-да Издатели медицинскихъ Русскихъ журналовъ, вѣроятно, отдадутъ публикѣ подробный отчетъ о книгѣ Г-на Крейсти. Мы замѣтимъ единственно слѣдующее:

При всей неотрицаемой пользѣ книги Г-на Крейсши, мы желали-бы видѣть въ ней болѣе точности и достовѣрности въ статистическихъ посылкахъ. Авторъ говоритъ, что онъ почерпнулъ свое сочиненіе «изъ лучшихъ періодическихъ твореній.» Не льзя пожаловаться, чтобы въ Англіи было мало источниковъ для подобныхъ книгъ. Кромѣ обширной журналистики, которою, какъ видно, пользовался Авторъ, каждогодно издаются въ Англіи, отъ Правительства и разныхъ обществъ и заведеній, подробнѣйшіе отчеты о народонаселеніи, потребленіи, здоровьѣ обитателей Лондона, другихъ городовъ, и вообще Англіи и Шотландіи. Авторъ долженъ былъ точнѣе сообразить всѣ сіи свѣдѣнія; онъ представилъ ихъ напротивъ довольно не точно, и объ оффиціяльныхъ извѣстіяхъ даже ничего не упомянулъ. Онъ не означилъ и того, къ которому году относятся статистическія его извѣстія о Лондонѣ, а это произвело странныя недоразумѣнія. Представимъ примѣръ: о народонаселеніи на стр. VIII, Авторъ говоритъ, что оно простирается до 1,300,000; на стр. 15, *до* 1 милліона; на стр. 21, *слишкомъ* милліонъ; въ примѣчаніи на стр. 28, противъ текста сей страницы, находимъ противорѣчіе. Жаль, что почтенный Авторъ не распространилъ здѣсь своего замѣчанія, и въ число фактовъ не включилъ свѣдѣній о тюрьмахъ, что принадлежитъ существенно къ предмету его книги.

— *Рѣчь, произнесенная въ залѣ торжественныхъ собраній къ студентамъ* Императорскаго *Харьковскаго Университета*, въ 1-й день Сентября 1828 года, Экстраординарнымъ Профессоромъ, П. Арте-

мовскимъ Гулакомъ, при начатіи новаго курса ученія. Х. 1828 г., въ ш. Университета, in 8, 22 стр.

— *Краткое историческое извѣстіе о существующихъ нынѣ въ Россіи Епархіяхъ*, in 8, 13 стр.

— *Описаніе монастырей, въ Россійской Имперіи находящихся*, съ присовокупленіемъ историческаго извѣстія о существующихъ нынѣ въ Россіи епархіяхъ, и о всѣхъ соборныхъ, монастырскихъ, ружныхъ и приходскихъ церквахъ, въ столичныхъ городахъ Москвѣ и С. Петербургѣ находящихся, съ показаніемъ времени, когда оныя учреждены или построены, какія случились въ нихъ достопамятныя происшествія, и въ какія числа бываютъ храмовые праздники въ оныхъ. *Изданіе седьмое.* М. 1828 г., въ ш. С. Селивановскаго, in 8, 248 стр.

— *Руководство къ познанію неисходимой пасхаліи*, математическимъ порядкомъ расположенное, съ таблицами, in 8, 152 стр.

— *О лѣтосчисленіи*, гражданскомъ раздѣленіи времени, и историческое объясненіе наименованій мѣсяцовъ, in 8, 90 стр.

Всѣ сіи книги обыкновенно переплетаютъ вмѣстѣ съ подробнымъ мѣсяцословомъ, или святцами, въ коихъ помѣщаются краткія жизнеописанія Святыхъ, а потому у *первой*, *третьей* и *четвертой* изъ сихъ книгъ нѣтъ заглавныхъ листковъ, и къ предмету, означенному на первомъ листкѣ, присовокупляется въ оныхъ много другихъ, какъ-то: къ *пасхаліи* — таблицы о восхожденіи и захожденіи

солнца въ СПбургѣ и Москвѣ, росписи праздникамъ, крестнымъ ходамъ, царскимъ панихидамъ, стихи и нравственныя размышленія въ прозѣ; къ *лѣтосисленію* прибавлены: названія мѣсяцовъ по Славянски, Малороссійски (не по Польски-ли?), Еврейски и Турецки; далѣе, предсказанія о погодѣ, экономическія и поваренныя наставленія, замѣчанія объ аспектахъ, и исчисленіе затмѣній до 1900 года. Это встарину еще было переведено съ Нѣмецкаго; издавано въ видѣ телескоповъ, календарей, предсказаній; бывало въ письмовникахъ, сборникахъ, и проч. и проч. Прежде присовокупляли къ этому Брюсовъ планетникъ, предсказанія о политическихъ событіяхъ, предсказанія Маршына Задека, Нѣмецкій рудометъ, свѣдѣніе, когда стричь ногти, волосы, и т. д. Старики дорожатъ старыми книгами, въ которыхъ все это находится. Запасшись такою драгоцѣнностью, сколько запасаетъ себѣ предметовъ для разговора и наблюденій, какой-нибудь деревенскій житель! Съ какою важностью разсказываетъ онъ сосѣдямъ, что къ 25 Декабря должно ждать много снѣгу, ибо въ Сентябрѣ на дубахъ было много жолудей; что на будущій годъ будетъ плохой урожай, ибо при вступленіи солнца въ знакъ скорпіона гремѣлъ громъ, и проч. и проч., между тѣмъ какъ —

Всѣ только слушаютъ его разинувъ ротъ!

— *Марміонъ*, или битва при Флодденъ-Фильдѣ. Соч. С. В. Скотта. Переводъ съ Французскаго. 2 ч. М. 1828 г., въ т. Н. Степанова, in 12, V, 143 и 214 стр.

Обыкновенный переводъ поэмы В. Скотта, съ *Французской прозы* въ *Русскую прозу*, только едвали переводъ Марміона не хуже и обыкновенныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сомнѣваешься: по Русски-ли написано что читаешь; слова, кажется, все извѣстныя; но смысла никакъ не доберешься.

— *Пѣсни серебрянаго рожка.* М. М. (*М. Максимова*). Книжка 1-я, съ эпиграфомъ: *Мы любимъ книжки небольшія.* Филимоновъ. М. 1828 г., въ ш. С. Селивановскаго, in 12, 37 стр.

Въ самомъ дѣлѣ *небольшая* книжка. Повторимъ сказанное нами при другомъ случаѣ: за чѣмъ не прибавлено, послѣ слова: *первая—и послѣдняя?* Теперь надобно дожидаться *второй*, а тамъ, можетъ быть, пѣсенъ *мѣднаго*, а потомъ *желѣзнаго* и *берестянаго* рожка. Русскимъ стихотворцамъ надобно поддержать въ семъ случаѣ извѣстное и коренное правило Русской Словесности *подражать всему, что ясится, каково-бы ни было новоявившееся созданіе.*

— New English and Russian Dialogues, etc. *Новые разговоры Англійскіе и Русскіе*, изданные Яковомъ Лангенымъ. СПб. 1828 г., въ ш. Акад. Наукъ, in 8.

Уже нѣсколько разъ были издаваемы разговоры Англійскіе, съ Русскимъ переводомъ, напримѣръ: въ СПб. 1817 г., въ Москвѣ 1822 г., въ Николаевѣ 1802 г. — Собранные Г-мъ Лангенымъ издаются въ 1-й разъ; впрочемъ, у насъ есть извѣстная старая форма учебныхъ разговоровъ, и по ней составлять легко; слѣдовательно, и Г-ну Лангену небольшаго стоило труда издать свою книжку. По крайней мѣрѣ, за это онъ долженъ-бы выправить языкъ, и

Англійскій и Русскій, въ новыхъ разговорахъ. Кто *говоритъ* такимъ образомъ: « Вы, сударь, *который посѣщаете* всѣ общества, *читаете всякія* газеты и знаете *все, что только* происходитъ, *какъ* въ большомъ свѣтѣ, *такъ* и въ кабинетахъ вельможей, *не имѣете-ли* чего мнѣ разсказать? *Никакой* новости?»— Мы уже говорили въ Телеграфѣ, что собранія разговоровъ, для изученія какого-нибудь языка, кажутся намъ безполезными; но что сказать, если они при томъ изложены такимъ неправильнымъ языкомъ?

Литтературныя извѣстія.

Новый переводъ Гётева *Вертера* печатается въ Москвѣ, въ типографіи А. И. Семена. Русскіе читатели увидятъ наконецъ это произведеніе юности великаго поэта, въ достойномъ подлинника переводѣ.

О. Іакинѳъ издаетъ въ СПбургѣ *Планъ Пекина*. Бывши въ столицѣ Китайскаго государства, О. Іакинѳъ поручалъ искусному Китайскому инженеру составить сей планъ, и зная совершенно Пекинъ, повѣрилъ планъ сей на мѣстѣ. Сіе-то замѣчательное произведеніе выдаетъ онъ теперь, съ описаніемъ всѣхъ достопамятностей Пекина (на Французскомъ и Русскомъ языкахъ). Описаніе составитъ до 10 печатныхъ листовъ, и заключитъ въ себѣ множество подробностей, и объясненіе всего достойнаго любопытства въ столицѣ Китая. Планъ гра-

вируется съ совершенною точностію противъ Китайскаго подлинника; о подпискѣ извѣщено было отъ Конторы Телеграфа въ прошедшей книжкѣ (№ 15).

Въ Минхенѣ издаетъ *Живописное и военное путешествіе, отъ Вилленберга, что въ Пруссіи, до Москвы, въ 1812 году* (Malerische und militairische Reise, etc.), искусный баталный живописецъ и пейзажистъ, Альбертъ Адамъ. Онъ былъ при Вице-Королѣ Итальянскомъ Евгеніи, во все время похода 1812 г., и съ натуры срисовывалъ виды городовъ и сраженій. Драгоцѣнное собраніе его рисунковъ составитъ до 120, небольшаго формата листовъ, съ описаніями. Подписка принимается у Минхенскихъ книгопродавцовъ Германа и Барта (Barth).

Мюльнеръ издаетъ полное собраніе своихъ драматическихъ сочиненій (Mülner's Dramatische Werke) въ семи томахъ. Цѣна на подписку 3 тал. 12 грош. Подписка въ Брауншвейгѣ, у книгопродавца Фивега (Vieweg).

ЖУРНАЛИСТИКА.

Представляя читателямъ свѣдѣнія объ иностранныхъ журналистикахъ, мы до сихъ поръ почти ничего не говорили о журналистикѣ Нѣмецкой. Главная причина этому: невозможность имѣть основательныя свѣдѣнія о семъ предметѣ, при совершенномъ недостаткѣ въ Германіи современной библіографіи. Трудолюбивые Нѣмцы отстали въ этомъ случаѣ отъ Французовъ. Не отъ флегматическаго-ли, холоднаго характера происходитъ въ нихъ невниманіе къ быстротѣ новостей вообще? Тщательно собираетъ и замѣчаетъ Нѣмецъ все, что любопытно въ какомъ нибудь отношеніи, и потому библіографическихъ и критическихъ журналовъ выходитъ въ Германіи множество; но Германцу мало нужды въ калейдоскопной, быстрой и разнообразной пестротѣ новостей: черезъ годъ, два, три, въ систематическомъ обзорѣ какого нибудь профессора, онъ узнаетъ *новости* библіографическія, достаетъ, читаетъ ихъ, перечитываетъ и бережетъ, когда Французу дай тотчасъ такое свѣдѣніе, дай ему пробѣжать, узнать, забыть, и черезъ два дня броситъ листочки, за которыми готовъ онъ бѣжать на край свѣта, пока ихъ не имѣетъ.

Другою причиною недостатка библіографіи современной въ Германіи, можно почесть ужасное

количество книгъ, газетъ и журналовъ Нѣмецкихъ: отъ того, не заботясь о новости свѣдѣній, Германскіе библіографы страдаютъ и неполнотою ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ на Руси трудно понять необозримую пучину, которая потопляетъ каждый годъ новыя полки Нѣмецкихъ библіотекъ. Бальби насчиталъ современныхъ Нѣмецкихъ журналовъ до 600 (смотр. Телеграфъ 1828 г. Т. XX, 521); но едва-ли вѣрно такое исчисленіе. Нѣтъ мѣстечка въ Германіи, гдѣ-бы не выходилъ листокъ газеты; нѣтъ городка, гдѣ-бы не было журнала. Раздѣленіе Германіи на множество государствъ, и дробь народонаселенія, дѣлаютъ библіографическій обзоръ, по крайней мѣрѣ, журналистики, совершенно невозможнымъ.

Одна изъ отличительныхъ чертъ Нѣмецкой литтературы есть *универсальность;* кажется, что этого слова, какъ Англійскаго humour, не льзя выразить въ переводѣ. Нѣмецъ такъ всеобщъ, такъ способенъ заключать въ себѣ самые различные элементы, что намъ, или Французамъ, это кажется вовсе непонятнымъ. Ни въ какомъ народѣ не встрѣтите такой способности углубиться въ самого себя, и—соединять въ себѣ столь много разнообразнаго, усвоивая все, и приводя въ какую-то особенную систему. Только у Нѣмцовъ могли явиться Гёте, Жанъ-Поль и Моцартъ. Народность просвѣщенія, разбиваясь на множество разныхъ званій, состояній, отношеній, политическихъ раздѣловъ, производитъ такое же смѣшеніе дробей и въ литтературѣ. Отъ всего этого, при обиліи всякаго рода и званія людей, занимающихся писаньемъ

и чтеніемъ, въ литтературѣ Нѣмецкой находите непонятное сближеніе крайностей: глубочайшую ученость и самое поверхностныя свѣдѣнія; геніяльныя, самобытныя произведенія — и переводъ самыхъ вздорныхъ и пустыхъ иностранныхъ книжонокъ; обширныя, огромныя литтературныя предпріятія — и печатанье самыхъ пошлыхъ пустяковъ, тысячами экземпляровъ продаваемыхъ. Нѣмцы, ни мало не останавливаясь, переведутъ всякую огромную книгу; потомъ явится на нее столь-же огромная критика; потомъ комментарій; потомъ извлеченіе изъ нея; далѣе примѣненіе оной; тамъ перифразъ: и всякое, большое и малое, старое и новое, классическое и романтическое, Французское и Арабское, Испанское и Русское произведеніе подъ стать Нѣмцу; всякое дѣлаешъ, больше или меньше, волненіе въ Литтературѣ, и на все есть дѣлатели, читатели, судители, наблюдатели. Не даромъ-же 400 издателей присылаютъ свои произведенія на лейпцигскую ярмарку, и одни названія Нѣмецкихъ книгъ, продаваемыхъ на Лейпцигской ярмаркѣ, каждый годъ составляютъ двѣ книги.

При такой сущности литтературы, въ журналистикѣ Нѣмецкой должны быть странности и несообразности чрезвычайныя, многообразіе необыкновенное. Объ изобиліи мы уже говорили. Касательно многообразія скажемъ, что оно удивительно: едва-ли есть наука, знаніе, предметъ общежитія или умствованія, для котораго не было-бы журнала, газеты, листка: Философія, Религія, Медицина, путешествія, Географія, Юриспруденція, Музыка, Древности, каждая замѣчательная страна,

домоводство, земледѣліе, охота, кухня, школы, слуги, студенты — все находитъ своего журналиста, и раздробленіе, отраженіе литтературныхъ радіусовъ отъ предмета къ предмету, неисчислимы. Они производятъ раздробленіе самаго образа изданья, формата, статей въ журналахъ. Образованный Нѣмецъ не существуетъ безъ чтенія; но имѣя множество книгъ и не желая измѣнить ни малѣйшаго порядка въ жизни, никакихъ упражненій, онъ довольствуется листочкомъ журнала; за то требуетъ его *каждый день*, и Издатель приспособляется ко всѣмъ требованіямъ; отъ этого являются такія странности, которыхъ, кромѣ Нѣмца, не вынести никому; на примѣръ: въ литтературной газетѣ, выходящей ежедневно, 20, 30 дней тянется какая нибудь повѣсть. Нѣмецъ читаетъ по 30, по 40 строчекъ этой повѣсти въ каждомъ нумерѣ, сидя по воскресеньямъ на гуляньѣ, или въ Биргеръ-клубѣ, прихлебываетъ пиво, сосетъ трубку, перечитываетъ журнальную провизію за прошлую недѣлю, и преспокойно ждетъ окончанія, говоря: Zeit bricht Rosen. Забавно, какъ передѣлываютъ Нѣмецкіе Журналисты извѣстія иностранцовъ по вкусу своихъ соотечественниковъ, приводятъ ихъ въ систему, скрашиваютъ своими шуточками, и какъ Нѣмецкая Spitzfindigkeit забавляется остротами, въ родѣ слѣдующихъ: Il faut vivre, ist der Hauptgrundsatz und Leiter aller Handlungen der Bewohner der Hauptstadt der Welt (рѣчь идетъ о Парижѣ). Jeder wird nach der Anzahl seiner Bedienten, Equipagen, Ausschmückung seiner Wohnung, seinen Pferden, den Weinen auf seinem Tische, seiner Loge in der Oper beurtheilt; denn dies sind die noth-

wendigſten Sachen, einen gentilhomme zu machen; man nehme ſie dem erſten Manne im Staate und il n'est plus rien. — Приведемъ еще *Нѣмецкую* шутку. Говоря о множествѣ *карманныхъ* книгъ, изданныхъ въ прошломъ году (Taschenbücher, Taschenbibliotheken, Taschencncyclopädien, Taschenliederbücher), Рецензентъ прибавляетъ: Man muss aber doch weite Taschen haben, um alle diese Taschenproducte zu beherbergen. Кажется, видишь живьемъ Нѣмецкаго остроумца—журналиста и торжественную улыбку его!

Менѣе-ли забавно, что ученыя критическія газеты издаются полулистами каждый день, и въ нихъ помѣщаются разборы книгъ, года за два, за три изданныхъ, и какихъ-же: перевода Цицерона, изданія Аристотелевой Піитики, диссертаціи о Пуническихъ надписяхъ; или, что въ политической газетѣ представляется переводъ достопамятнаго акта нумерахъ въ 10. Нѣмецъ не спѣшитъ, но хочетъ знать; на досугѣ онъ все сообразитъ, запишетъ и обдумаетъ.

Послѣ всего этого, читатели извинятъ насъ въ недоставленіи общихъ свѣдѣній о Нѣмецкой журналистикѣ. Мы рѣшились однакожъ, отъ времени до времени, представлять статьи о лучшихъ по разнымъ частямъ, или почему либо замѣчательныхъ, газетахъ и журналахъ Нѣмецкихъ, и теперь дѣлаемъ этому маленькій опытъ.

Безчисленное множество политическихъ газетъ и журналовъ въ Германіи состоитъ большею частію изъ переводовъ. Въ нихъ все смѣшивается: Французскій либерализмъ, политическій *годдемъ* Англичанина, мнѣніе Итальянца, Испанца, Рускаго. Во-

обще, собственно—политическія газеты Нѣмцовъ начались съ эпохи Французской революціи. До нѣхъ поръ *Гамбургскій безпристрастный корреспондентъ* былъ почти единственною политическою газетою въ Германіи. Основаніе (piquante Idee zum Grund) такъ называемыхъ Нѣмцами Unterhaltungsblätter (литературныхъ газетъ) принадлежитъ собственно Нѣмцамъ. Нынѣ ихъ множество въ Германіи, и всѣ онѣ на одинъ манеръ: выходятъ ежедневно, по полулисту, въ двѣ колонны, заключая повѣсти, отрывки, стихи, не-политическія новости, извѣстія о театрахъ, произведеніяхъ искуствъ, анекдоты, смѣсь, и проч. Самая старшая изъ такихъ газетъ, въ нынѣшнемъ ихъ образованіи — Zeitung für die elegante Welt, начата была Докторомъ Шпацыромъ, въ Лейпцигѣ, въ 1801 году. Послѣ придумали прибавлять къ Unterhaltungsblätter, особые листочки; такъ при Штутгардскомъ *Утреннемъ листкѣ* (Morgenblatt), занимающемъ нынѣ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ, и начатомъ съ 1807 года, присовокупляются критическія и къ Изящнымъ Искуствамъ относящіяся Прибавленія. Съ сею газетою соперничаетъ Дрезденскій *Вечерній листокъ* (Abendzeitung), начатой съ 1817 года; Издатель его Винклеръ (принявшій выдуманное имя *Теодора Гелля*). Прежній сотрудникъ этого листка, Ф. Киндъ, сочинитель Фрейшица, съ 1827 года началъ издавать Дрезденскую *Утреннюю Газету*, Dresdner Morgen-Zeitung (5 № въ недѣлю); къ нему присовокупляетъ Л. Тикъ свои *Драматургическіе листки* (Dramaturgischen Blätter). *Полуночная газета* (Mitternachtblatt), Ад. Мюльнера, выходитъ съ 1826 года и сатирическое

перо Издателя сдѣлало ей довольно большой успѣхъ. Въ томъ-же году начаты въ Гамбургѣ *Полдневные листки* (Mittags-Blätter), Профессоромъ Шицомъ (Schütz). Наконецъ должно упомянуть объ уважаемыхъ въ Германіи Берлинскихъ Conversations-Blätter, съ музыкальными прибавленіями Ферстера и Геринга.

Англійская журналистика кажется въ Германіи столь любопытною, что нѣсколько журналовъ наполняются единственно статьями изъ современныхъ Англійскихъ журналовъ. Таковы: Britannia, ежемѣсячникъ, издаваемый въ Штутгартѣ, съ 1825, и The British Chronicle (*Британская Лѣтопись*), въ Готѣ, начатая съ 1827 года. — Въ первой помѣщаются переводы изъ Англійскихъ журналовъ и газетъ; въ другой просто перепечатываются отрывки изъ Англійскихъ новыхъ книгъ и журналовъ.

СМѢСЬ.

СИМОНЪ БОЛЛИВАРЪ,

Президентъ Колумбійской республики.

(Изъ записокъ самовидца).

Онъ родился въ Караккасѣ, области Венецуэльской, въ 1772 году. Фамилія Болливаровъ въ давнія времена переселилась изъ Испаніи въ Южную Америку. Симонъ Болливаръ единственный потомокъ мужескаго пола сей старинной и богатой фамиліи. У него нѣтъ дѣтей, и имя Болливаровъ кончится съ его смертію.

Въ юности онъ посѣщалъ Испанію и путешествовалъ по Европѣ. Будучи кореннымъ Испанскимъ дворяниномъ, онъ могъ надѣяться значительныхъ чиновъ въ Испаніи, но задумчивый, всегда погруженный въ самого себя, не умѣлъ льстить и кланяться. Потеря жены, которую онъ любилъ и которая скончалась въ цвѣтущей молодости, заставила его искать утѣшенія въ путешествіи. Болливаръ былъ во Франціи и Италіи. Еще нѣсколько времени потомъ жилъ онъ въ Англіи, объѣхалъ Сѣверную Америку и Антильскіе острова. Едва вспыхнуло возстаніе южныхъ Американцовъ, Болливаръ поспѣшилъ на родину. Онъ былъ Полковникомъ при возмущеніи Миранды. Когда предпріятіе Миранды не

удалось, Боливаръ бѣжалъ на Антильскіе острова, и вскорѣ явился предводителемъ своихъ земляковъ. Онъ одинъ могъ и умѣлъ поддержать и кончить тяжкую, продолжительную войну.

Съ сего времени онъ открыто объявилъ себя за инсургентовъ. Надобно написать много томовъ, дабы изобразить всѣ усилія и походы, сдѣланные Боливаромъ для воспламененія и поддержанія смѣлости Американцовъ, всѣ разнообразные успѣхи и неудачи его предпріятій, его побѣды и пораженія, препятствія всѣхъ родовъ, какія онъ долженъ былъ преодолѣть, опасности, какимъ онъ подвергался и всегда чудесно выходилъ изъ оныхъ невредимымъ. Даже въ чужихъ странахъ его преслѣдовали убійцы, ходившіе за нимъ по пятамъ: они умертвили его Секретаря, который случайно спалъ на постелѣ своего начальника. Въ другой разъ, застигнутый, среди ночи, въ главной квартирѣ своей Испанскимъ отрядомъ, подведеннымъ къ самой палаткѣ его однимъ измѣнникомъ, Боливаръ спасся тѣмъ, что за минуту вышелъ изъ нея (*). Довѣрчивый до безразсудности, смѣлый до дерзости, какъ въ домашней жизни, такъ и въ битвахъ, переносящій всѣ возможныя лишенія, труды, непогоду, въ грязяхъ *llans*, на вершинѣ Андовъ, на обоихъ берегахъ Панамскаго перешейка, подъ огненнымъ небомъ Южной Америки; всегда первый въ рядахъ воиновъ; пламенный на войнѣ, любящій женщинъ,

(*) Адъютантъ его Товаръ, лежавшій подлѣ своего начальника, былъ изстрѣлянъ залфомъ изъ ружей.

хотя ни одна изъ нихъ не покорила его, Болливаръ, по виду нѣжный сложеніемъ и подверженный хронической болѣзни, пережилъ всѣ сіи физическія и нравственныя испытанія. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ сохраняетъ всю силу ума, тѣла, и, что должно удивлять еще болѣе, совершенное превосходство надъ воинами и гражданами всѣхъ классовъ, *всѣхъ цвѣтовъ*. Тому уже десять лѣтъ, какъ жители обширныхъ странъ, по единодушному согласію, назвали его *Освободителемъ*.

Кто вблизи не видалъ Болливара и прежней Испанской Америки, тотъ не можетъ судить объ этомъ человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, качества человѣка частнаго были одною изъ могущихъ причинъ, что человѣку общественному прощаютъ его славу; этихъ качествъ даже не подозрѣваютъ творцы ругательныхъ сочиненій или оговоровъ, обращающихся въ Англіи и во Франціи.

Сердце Болливара исполнено великодушія самаго возвышеннаго; его безкорыстіе уподобляется расточительности. Онъ презиралъ безъ торжества, забывалъ личныя оскорбленія безъ предосторожности, не помнилъ неблагодарности, часто встрѣчаемой, закрывалъ глаза передъ всякою слабостью. При малѣйшемъ признакѣ раскаянія, перемирія, примиренія, онъ смѣло открывалъ грудь свою передъ непріятельскими кинжалами и штыками. Самъ Морилло былъ изумленъ его рыцарскою довѣренностью къ врагу. Въ деревнѣ *Santa-Anna*, при первомъ и, кажется, единственномъ свиданіи, къ которому можно было согласить Испанцовъ и инсургентовъ, Морилло, видя что Болливаръ идетъ къ нему на

встрѣчу почти одинъ, отпустилъ и свое прикрытіе, соперничая въ великодушіи съ благороднымъ противникомъ... Между тѣмъ смерть Боливара, или взятіе его въ плѣнъ, для смерти, безъ сомнѣнія тотчасъ окончили-бы великую борьбу, отъ жребія которой зависѣло господство Испаніи надъ обширными странами Южной Америки.

Въ недавнее время, когда гражданскія смятенія въ Венецуэлѣ призвали Боливара въ Лиму, одно присутствіе его остановило всеобщій мятежъ. Паэцъ, сопровождаемый пятью стами кавалеристовъ, также увидѣлъ, что къ нему идетъ сей непреодолимый человѣкъ одинъ, съ молодымъ Адъютантомъ своимъ, Подполковникомъ Вильсономъ, сыномъ Англійскаго Генерала Сира Роберта Вильсона. Паэцъ соскочилъ съ лошади и поспѣшилъ обнять колѣна начальника. Онъ опять сдѣлался его полководцомъ и, вѣроятно, самымъ искреннимъ другомъ.

Война за независимость была ужасна, кровава; но всѣ знаютъ, что Боливаръ, побѣдитель, всегда требовалъ, чтобы человѣколюбіе и военные законы образованныхъ народовъ были наблюдаемы. Съ прискорбіемъ, при послѣдней крайности согласился онъ на жестокости, слишкомъ часто употребленныя Американцами. Испанцы не щадили ни пола, ни возраста, ни плѣнниковъ, ни даже мирныхъ гражданъ... всѣ неистовства казались имъ позволительными. Наконецъ Боливаръ призналъ необходимостью, устрашить сихъ Каннибаловъ возмездіемъ за ихъ жестокость.

Боливаръ вполнѣ доказалъ свое безкорыстіе и безпечность о своемъ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ,

онъ расточаетъ все, что у него есть, и стремится издержать то, чего еще нѣтъ въ его рукахъ. Военною роскошью своею онъ не затмилъ-бы и эскадроннаго командира Французской арміи. Въ походахъ, одинъ мулъ для него самого, три или четыре для его вещей, канцеляріи и походной кухни; нѣсколько лошадей, которыхъ онъ охотно даритъ своимъ адъютантамъ и всякому офицеру, потерявшему коня: вотъ весь его экипажъ! Синій сюртукъ, съ самымъ простымъ шитьемъ по воротнику; нѣсколько пѣтушьихъ перьевъ въ трехъ-угольной шляпѣ, низкой и длинной, Англійской формы; панталоны изъ краснаго сукна, почти въ обтяжку, съ тоненькимъ золотымъ галуномъ по швамъ; полусапожки, зашнурованные на подъемѣ: вотъ костюмъ, по которому тотчасъ можно узнать его. Густые волосы, теперь уже не совершенно черные, огромные усы, которыхъ черный гагатовый цвѣтъ также начинаетъ терять свой блескъ; взглядъ быстрый, проницательный; станъ гибкій, прекрасный; голосъ звонкій, пронзительный; движенія скорыя, почти безпрерывныя: постарайтесь составить себѣ идею изъ всего этого — и вы лично видѣли Боллівара.

Въ чемоданѣ *Освободителя* рѣдко бываетъ *полдюжины порядочныхъ рубашекъ*, и гардеробъ его весь тутъ, ибо у него нѣтъ постояннаго жилища. Сельскій домикъ его, находящійся близъ Боготы, не удовольствовалъ-бы суетности самаго небогатаго мѣщанина. Когда Болливаръ пріѣзжаетъ въ свой домикъ на нѣсколько дней, городское правительство предваритель но убираетъ оный, занимая

мебель у главныхъ гражданъ города. Домъ его въ одинъ низменный этажъ, котораго весь фасадъ составляютъ четыре окна. Два наслѣдственные дома Болливаровы, въ Караккасѣ и въ деревнѣ *Saint-Mateo*, остаются въ запустѣніи. Болливаръ не имѣетъ собственныхъ денегъ, и въ кошелькѣ его никогда нѣтъ ни одной монеты. Онъ дорожитъ деньгами только въ ту минуту, когда ему надобно пособить человѣку, требующему вспоможенія. Годовое жалованье его, утвержденное закономъ, состоитъ изъ 30 тысячь доллеровъ (около 164,000 франковъ). Онъ никогда не просилъ изъ общественной кассы ничего, кромѣ слѣдующаго ему въ счетъ жалованья, но всѣ окружающіе его вмѣстѣ съ нимъ живутъ сими 30-ю тысячами доллеровъ; правда, живутъ не пышно. Онъ помогаетъ своему семейству доходами съ собственнаго своего имѣнія, весьма небрежно управляемаго, потому что хозяинъ ни сколько имъ не занимается. Онъ не опредѣлялъ ни къ какой почетной или доходной должности своихъ родственниковъ, хотя многіе изъ нихъ люди со способностями.

Военные чины пріобрѣтаются въ его арміи съ строгимъ соблюденіемъ старшинства, или бываютъ наградою отличныхъ подвиговъ на полѣ битвы. Утвержденіе во всѣхъ званіяхъ, начиная отъ Подполковника до полнаго Генерала, всегда было предоставляемо Сенату, на основаніи Конституціи. Офицеры, составляющіе Штабъ *Освободителя*, не имѣютъ никакихъ преимуществъ, кромѣ того, что во всѣхъ случаяхъ они болѣе другихъ подвергаютъ-

ся опасности и часто должны бываютъ исполнять опиважныя препорученія.

Неоспоримо, что Болливаръ никогда не старался имѣть тварей (des créatures), ни изъ военныхъ, ни изъ гражданскихъ чиновниковъ. Очень знаю, что у него есть друзья, есть люди удивляющіеся ему, но не думаю, чтобы онъ хотѣлъ окружать себя *Сеидами*. По всему видно, что крѣпкій блескомъ своей преданности къ общему дѣлу, онъ надѣется на одного себя и полагается на любовь, заслуженную имъ отъ Колумбійцовъ.

Люди, видѣвшіе въ мнимомъ соперничествѣ съ нимъ Паэца и Сантандера начало сопротивленія, или важныхъ и близкихъ смятеній, показываютъ надежды необдуманныя, или, еще вѣроятнѣе, худое знаніе дѣйствующихъ лицъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Паэцъ неустрашимый воинъ, подобный тѣмъ, которыхъ память во Французской арміи увѣковѣчили послѣднія войны Европы. Но что значилъ самъ *Le brave des braves* (*) передъ гигантомъ, котораго видѣлъ онъ на сто футовъ выше себя? Военная слава Сантандера не важна. Онъ трудолюбивый, просвѣщенный, умный правитель; но онъ знаетъ свою сферу и никогда не вздумаетъ выйдти изъ нея. Не нужно высказывать здѣсь другія причины сей умѣренности, но въ случаѣ надобности онѣ подкрѣпятъ мнѣніе, которымъ я одолженъ собственному его скромному довѣрію. Зная, что онъ всѣмъ одолженъ своему начальнику и признавая его

(*) Такъ называли Французы Нея. *Прим. Пер.*

превосходство, Сантандеръ никогда не будетъ съ нимъ соперничать.

Единственный предметъ Боллівара, пища всѣхъ способностей души его—слава. Во всѣхъ бумагахъ, писанныхъ имъ, во всѣхъ словахъ его царствуетъ великолѣпіе выраженій, которое во всякомъ другомъ казалось-бы надутостью; но у него гиперболическій языкъ не есть усиліе искуства. Болливаръ дѣйствительно совершилъ и видѣлъ много великихъ дѣлъ; онъ питаетъ въ душѣ своей великія мысли и предводитъ дѣло великое.

Болливаръ въ высокой степени отличается быстротою и твердостію своей рѣшительности; въ минуты роковыя онъ никогда, ни на одну минуту не задумывается, и не уклоняется при видѣ затрудненій. Но въ глазахъ всякаго наблюдательнаго человѣка, видѣвшаго самыя мѣста событій, малѣйшее право Боллівара на славу состоитъ въ томъ, что онъ сражался тысячу разъ, болѣе или менѣе счастливо, и всегда съ равнымъ пренебреженіемъ своей жизни... Непостижимые, продолжительные переходы на 5, 6, 7 и 800 миль, отъ безплодныхъ и горящихъ береговъ Картагены до рубежей пустынной, болотистой и снѣдаемой страшными жарами Гвіаны; отъ Гвіаны до Новой Гренады, черезъ безмѣрные и ужасные Кордилльеры, ихъ раздѣляющіе; отъ Боготы до границъ Венецуэлы, на берега Ореноко; отъ Ореноко до Л'Апурімака, далеко за столицу Перу, черезъ заразительныя лужи, крутыя скалы, среди тучь насѣкомыхъ и неизбѣжимыхъ пресмыкающихся, съ солдатами, у которыхъ обыкновенно нѣтъ ни хлѣба, ни

одежды, ни обуви — кто не признается, что сіи переходы гораздо достопамятнѣе побѣдъ, и не могутъ быть сравниваемы съ сраженіями, выигранными по правиламъ обыкновенной тактики? Каждый изъ подобныхъ подвиговъ есть торжество удивительное: осмѣлиться на сіи подвиги, осудить на нихъ самого себя, идти впереди солдатъ новыхъ, рожденныхъ и воспитанныхъ въ Колумбіи, заставить ихъ слѣдовать за собою безъ ропота, и пришедши на мѣсто, съ ними разбить многочисленную Испанскую армію и заставить ее всю сдаться на томъ мѣстѣ, которое она избрала для пораженія своего непріятеля — надобны-ли другія чудеса, чтобы получить названіе героя?

Болливаръ не похитилъ предводительства: онъ на своемъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ ему должно быть. Онъ на немъ такъ естественно, что я почитаю его неспособнымъ придти въ замѣшательство и употребить во зло свою власть.

Наполеонъ приводилъ въ трепетъ Европу, но у него были Французы. Вашингтонъ боролся съ непріятелями страшными, но и его солдаты были Англичане. Не уменьшая сихъ колоссовъ, не забудемъ, что у нихъ были готовые *элементы*, что они не были *одни*. Болливаръ, напротивъ, создалъ все, даже и людей. Испанія сначала устремила противъ него двадцать тысячь воиновъ, искусившихся въ отчаянныхъ битвахъ Полуострова; для нихъ Америка была землею классическою, исполненною воспоминаній, освященныхъ народною исторіею; у Болливара были одни робкіе Креолы, изнѣженные

климатомъ, униженные жалкими учрежденіями, и нѣсколько чужестранныхъ искателей приключеній, которыхъ помощь часто становилась безполезною отъ множества неудобствъ, неизбѣжныхъ при подобномъ смѣшеніи народовъ.

Разсмотрите Болливара въ этомъ отношеніи: онъ очень великъ. Судіи мелочные, поверхностные, станутъ повторять, что онъ сдѣлало не одну ошибку въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ; что не одинъ разъ Паэцъ, Сюкръ, и нѣкоторые другіе изъ его генераловъ, имѣли славу поправить неудачу или рѣшить невѣрную побѣду. Но есть-ли хотя одинъ изъ сихъ генераловъ, которыхъ заслуги всегда были высоко прославляемы благороднымъ начальникомъ, есть-ли хотя одинъ изъ нихъ, не чувствующій себя подавленнымъ громадою *всего величія* Болливара? Кто немедленно не признаетъ своего относительнаго неравенства съ нимъ, и въ тоже время ни сколько не будетъ униженъ, потому что Болливаръ, ни съ кѣмъ изъ окружающихъ его не можетъ быть сравниваемъ?

Война съ Испаніею кончена. Будетъ-ли столь-же счастливо и славно для Болливара поприще новое, на которое призываетъ его великая, государственная необходимость? Будетъ-ли оно такъ-же удобно объято его умомъ, и способности его разовьются-ли на немъ такъ-же высоко, какъ на прежнемъ его поприщѣ? Конечно: онъ давно предвидѣлъ свое назначеніе и страшился неуспѣха и отвѣтственности. Неохота его, принять бремя законодательной диктатуры, несомнѣнна. Онъ всегда изъявлялъ ее торжественно; его склонности, его част-

ныя привычки, извѣстныя всей Америкѣ, подтверждаютъ и объясняютъ сію неохоту. Но кто можетъ сомнѣваться о главной, *господствующей мысли* Болливара? Независимость, слава, свобода Колумбіи: вотъ единственныя блага, которыя онъ хотѣлъ завоевать и хочетъ сохранить, какъ дѣло рукъ своихъ. Онъ знаетъ, что пришло время вложить саблю въ ножны; что отнынѣ одна законность можетъ забошиться о славѣ, спокойствіи, правахъ гражданъ; что одна мудрость, политическая и администратшвная, можетъ усовершенствовать и упрочить слѣдствія его долгой побѣды. Болливаръ, очень хорошо зная трудности сего перехода, съ какою-то робостью вступаетъ на поприще, гдѣ самая благородная, самая искренняя преданность, почти всегда дурно истолкованная настоящимъ поколѣніемъ, поддерживается одною слабою надеждою признательности поздной и, такъ сказать, *загробной*. Не одинъ разъ оставлялъ онъ шпагу, бралъ перо, и въ коротшіе промежутки времени отъ одной битвы до другой, среди самой пылкой войны, старался обратить вниманіе своихъ согражданъ, краснорѣчивыми воззваніями, или извѣщеніями, исполненными мудрости и глубокихъ видовъ, на учрежденія, какія должно дать государству. Духъ республиканизма, изъявляемый молодыми публицистами Южной Америки не отъ просвѣщеннаго убѣжденія, но отъ рабскаго желанія списывать систему Соединенныхъ Штатовъ, своихъ сосѣдей, сей духъ заставлялъ видѣть и порицать въ совѣтахъ Болливара явную наклонность къ утвержденію исполнительной власти

учрежденіями, могущими останавливать буйство шумной демократіи. На всѣхъ конгрессахъ Американскихъ, большую часть *говорящихъ* людей составляютъ и еще долго будутъ составлять доктора Правъ и Богословія, то есть адвокаты и духовные, набитые старинными тонкостями школъ того или другаго факультета, искусные въ поддержаніи всѣхъ вопросовъ разсужденіями многословными и хитрыми; но эти люди не имѣютъ положительныхъ знаній; они великіе теоретики — и удивительные невѣжды въ искуствѣ соглашать живыя страсти и пользы, съ необходимостью общественнаго порядка, которая укрощаетъ оныя и держитъ въ должныхъ границахъ.

Не менѣе сего извѣстно, что Болливаръ есть искренній другъ свободы благоразумной, основанной не на ложныхъ умствованіяхъ; что смотря съ высшей точки, и видя далѣе чѣмъ всѣ его соотечественники, зная ихъ самихъ лучше, чѣмъ они знаютъ себя, онъ чувствовалъ, что народы, едва вышедшіе изъ порабощенія и дѣтства, искусно продолженнаго, еще не очистились отъ нравственной испорченности, которою были поражены въ продолженіе трехъ вѣковъ, и потому имѣютъ нужду въ благотворномъ обузданіи: безъ сего, они предались-бы пагубному своевольству, грозящему имъ съ той минуты, когда страхъ чужеземнаго притѣсненія пересталъ соединять всѣ ихъ мысли въ одну. Болливаръ долженъ дорожить независимостью, честью и благоденствіемъ страны, завоеванной имъ у Испаніи; неужели вздумаетъ онъ измѣнить самому себѣ и опозорить себя въ глазахъ цѣлаго міра?

Сдѣлавшись политическимъ учредителемъ, онъ обязанъ стараться объ управленіи своихъ сообщественниковъ, обязанъ дать имъ законы, которыхъ выгоды и необходимость оцѣнить можетъ одно высокое просвѣщеніе. Но, воспитанный войною, и естественно нетерпѣливый, привыкшій побѣждать, не раздражится-ли Болливаръ коварными затрудненіями, какія необходимо противупоставитъ исполненію его видовъ прежнее политическое воспитаніе его согражданъ? Не столько дорожа скромнымъ блескомъ гражданскаго вѣнка, сколько стремясь, по всегдашнему своему обыкновенію, уничтожить препятствія, задерживающія торжество, не придастъ-ли онъ воинственнаго цвѣта и вида дѣламъ законной власти, которая безъ сомнѣнія должна быть самостоятельна, но вмѣстѣ тиха и вѣрна ходу, начертанному закономъ?

Наконецъ, имѣетъ-ли Болливаръ, вмѣстѣ съ другими своими блестящими качествами, даръ *ожидать*, необходимый для человѣка государственнаго и столь рѣдко ниспосылаемый самымъ счастливымъ смертнымъ? . . . Не смѣю отвѣчать увѣрительно.

Въ странахъ, неоживляемыхъ болѣе его присутствіемъ, гдѣ прогательное зрѣлище великодушія, откровенности и простоты его обхожденія заставляло молчать всѣхъ недовѣрчивыхъ, въ сихъ странахъ уже возникаетъ шопотъ, могущій оскорбить душу столько-же любящую славу, сколько гордую и чувствительную къ малѣйшему нападенію на чистоту ея побужденій.

Перуанцы, кажется, скоро забыли услуги Болливара. Они искали неблагодарныхъ людей, подоб-

ныхъ имъ самимъ, даже въ Колумбійской арміи, чудесно проведенной Болливаромъ до отдаленныхъ границъ Перу и избавившей тамошнихъ жителей отъ нестерпимаго ига. Болливару столько-же, и даже болѣе чѣмъ сей арміи, одолжено Перу своимъ политическимъ существованіемъ и средствами образовать свое собственное правленіе.

Одинъ Каноникъ, по имени *Видаурре*, впрочемъ неуважаемый соотечественниками ни за умъ, ни за педантическую его ученость, заслужилъ горестную честь наполнять Европейскіе журналы множествомъ обвиненій ложныхъ и нелѣпыхъ. Къ несчастію, клевета всегда оставляетъ послѣ себя слѣды. Не льзя угадать ничтожныхъ именъ и понять тайныя намѣренія людей, болѣе опасныхъ, которые питаютъ подъ рукою эту систему недовѣрчивости и униженія; другіе источники, столь-же нечистые, съ разныхъ мѣстъ, весьма отдаленныхъ одно отъ другаго, сливаются и увеличиваютъ потокъ обмановъ и обвиненій, поддерживаемый корыстными и вѣроломными данями Америки и Европы.

Увлечется-ли Болливаръ? Позволитъ-ли онъ совратить себя съ пути своего? Знаменитый Вашингтонъ всегда былъ предметомъ его обожанія, образцомъ, который онъ избралъ для себя. Донынѣ, ни одинъ Американецъ не сомнѣвался въ искренности многочисленныхъ его домогательствъ объ увольненіи. Всѣ, видавшіе его въ дружескомъ кругу, свидѣтельствуютъ объ этой искренности, изъявляемой его словами, поступками и постоянными привычками. Получивъ въ Лимѣ извѣстіе о

великой побѣдѣ при *Аякухо*, онъ торжественно отдалъ всю честь ея Генералу Сюкру и хотѣлъ даже перестать носить военный мундиръ. Онъ объявилъ, что его обязанность кончена. Тотчасъ послѣ этого Болливаръ написалъ достопамятное письмо къ Колумбійскому Конгрессу, убѣдительно возобновляя свою просьбу— объ увольненіи отъ Президентства. Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ:

«Я былъ молодъ и богатъ въ началѣ сей войны, «столь продолжительной и упорной; теперь она «счастливо и славно окончена. Я старъ и бѣденъ; «но, не смотря на это, можетъ быть еще имѣю «враговъ.... Отнимемъ у нихъ всякій предлогъ! «Удостойте согласиться на мою просьбу, уволивъ «меня съ пенсіею, которая могла-бы дать мнѣ «средства окончить спокойно жизнь мою въ ти- «хомъ убѣжищѣ, далеко отъ Америки... Мое оте- «чество не можетъ наградить меня болѣе пріят- «нымъ для меня образомъ, болѣе сообразнымъ мо- «ему честолюбію. Я вѣрно служилъ вамъ, сограждa- «не, и не перестану молить небо о вашей славѣ, «вашемъ благоденствіи.»

Въ 1824 году я былъ свидѣтелемъ достопамятнаго засѣданія, въ которомъ это письмо было сообщено обѣимъ Камерамъ, соединеннымъ въ общій конгрессъ. Президентъ Сената, Барральтъ, читалъ оное. Когда письмо было прочтено, то во всемъ собраніи нѣсколько минутъ длилось глубочайшее молчаніе. Наконецъ Депутатъ Антонъ Торресъ всталъ и прерывающимся голосомъ произнесъ слѣдующія слова: «Господа! это всеобщее молчаніе не «требуетъ изъясненій. Если мы только рѣшимся

« начать разсужденіе о просьбѣ *Освободителя*, ка-
« сательно его увольненія, то это будетъ зна-
« чить, что мы хотимъ гибели отечества. »

Необыкновенный шумъ рукоплесканій, раздавшійся во всемъ кругу присутствовавшихъ, покрылъ голосъ Депутатовъ, вдругъ вставшихъ въ знакъ согласія съ Торресомъ, и засѣданіе кончилось. Обнимались въ корридорахъ, во дворахъ и въ прилежащихъ улицахъ. Поздравляли другъ друга съ несогласеніемъ на просьбу Болливара объ увольненіи; казалось, отечество было спасено отъ великаго несчастія. Человѣкъ, для котораго блисталъ сей безкорыстный, всеобщій энтузіазмъ, былъ въ отсутствіи уже много лѣтъ, и въ это время находился болѣе чѣмъ за шесть сотъ льё (*).

Не смотря на рѣшительный отказъ, еще недавно произнесенный Конгрессомъ, и послѣдовавшій на возобновленную *въ третій разъ* просьбу Болливара объ увольненіи, онъ продолжаетъ за-

---

(*) Въ это время Болливаръ писалъ къ одному старому своему другу, бывшему въ Боготѣ, что онъ уполномочиваетъ его сыскать ему 200 піастровъ, въ займы, и проситъ показать письмо, которымъ онъ позволяетъ взять означенную сумму, съ переводомъ на своего управителя въ Караккасѣ. Никто, у кого были деньги, не почелъ этого обезпеченія надежнымъ. Таково мнѣніе о собственномъ состояніи Болливара, разумѣется не подозрѣваемаго никѣмъ въ желаніи обманывать! Одинъ Французъ, увидѣвъ его письмо, тотчасъ выдалъ отъ себя 200 піастровъ, не принявъ никакихъ обезпеченій.

ботиться о продажѣ въ Лондонѣ своего имѣнія, уже два года предлагаемаго имъ одной Англійской компаніи и составляющаго главную наслѣдственную его собственность: это мѣдныя руды въ Арвѣ, и земли, къ онымъ принадлежащія. Первымъ условіемъ контракта онъ поставляетъ то, чтобы вся сумма немедленно была положена въ какой нибудь Европейскій банкъ и доставляла ему ежегоднаго дохода *тридцать тысячъ франковъ*. Вотъ все, чѣмъ ограничивается истинное, глубоко чувствуемое (для этого я имѣю всѣ доказательства въ рукахъ моихъ) честолюбіе человѣка, обвиняемаго въ желаніи властвовать всею Южною Америкою. Нѣтъ! Болливаръ, который послѣ пятнадцати-лѣтнихъ трудовъ и верховнаго управленія не хочетъ увеличивать своего состоянія, дабы жить по своему вкусу и по своимъ правиламъ, который нетерпѣливо желаетъ наслаждаться, по философски, собственными умѣренными доходами, за двѣ тысячи льё отъ театра своей славы, Болливаръ не таковъ, какимъ ежедневно представляютъ его намъ порицатели, унижающіе славное имя и въ Европѣ и въ Америкѣ.

Прибавлю одно слово. Болливаръ человѣкъ. Можетъ быть и онъ падетъ: другіе сошли также съ высокой степени. Южная Америка потеряетъ отъ этого много. Внутреннія смятенія ея увеличатся, даже, продлятся много времени; но тѣмъ не менѣе останется она невозвратимою, недоступною для Испаніи. Если сія держава сохраняетъ еще тщетныя надежды, если она можетъ найти людей, корабли, деньги — пусть возобновитъ свои

губительныя покушенія!... Европа также ничего не выиграетъ отъ новыхъ безпорядковъ въ отдаленной, прелестной и несчастной части свѣта. Одна Англія могла-бы воспользоваться смущеніемъ и присвоить себѣ, подъ различными предлогами, нѣкоторые участки на твердой землѣ или берега Тихаго Моря; но она уже довольно богата колоніями: желая новыхъ, она можетъ потерять давно приобрѣтенныя ею.

(Съ Франц.).

Знаменитая Турецкая крѣпость Варна пала подъ стопы побѣдоносныхъ войскъ Русскаго Императора, 29 Сентября сего 1828 года. Константинопольскій проливъ находится отъ нея въ 227 верстахъ, на юго-востокъ моремъ; сухимъ путемъ нѣсколько далѣе. Варна возвышается на мысѣ, образуемомъ рѣкою Варною, которая, стѣсняясь берегами при впаденіи въ Черное Море, разливается съ одной стороны крѣпости большимъ Лиманомъ. На другомъ берегу, противъ крѣпости, находятся высоты, гдѣ расположенъ былъ лагерь Паши Омеръ-Вріоне, приходившаго помогать осажденной крѣпости. Варна производитъ незначительную торговлю виномъ и пшеницею. Гораздо важнѣе могла-бъ быть для нея торговля шерстью и фруктами, коими окрестности Варны изобилуютъ, если-бы къ Варнѣ примыкали судоходныя рѣки.

Съ именемъ Варны для Турокъ соединены славныя воспоминанія. Въ блестящій періодъ Оттоманскаго могущества, Султанъ-Философъ, Амуратъ II,

два раза оставлявшій свое убѣжище, Магнезію, предводившій храбрыя свои войска къ побѣдѣ, и наименованный *великимъ*, разбилъ юнаго Владислава, Короля Польскаго и Богемскаго, подъ Варною, 11 Ноября 1444 года.

Многихъ занимаетъ теперь комета, которая должна явиться въ 1832 году. Между тѣмъ, на небѣ нашемъ явилась уже такая странница, и кромѣ астрономовъ никто объ ней не думаетъ, хотя она, совершивъ путешествіе сего года, будетъ сопутствовать и ожидаемой кометѣ 1832 года. Увѣряемъ пугливыхъ людей, что также спокойно и тогда, какъ нынѣ, пролетятъ и та и другая комета. Комета нынѣшняя уже шесть разъ была замѣчена, и называется, по имени астронома, который наблюдалъ ее и исчислилъ ея путь, *кометою Энке*. Она являлась въ 1786, 1795, 1805, 1819, 1822 и 1825 годахъ, обращается около солнца въ 1212 дней, и опять явится, какъ уже мы сказали, въ 1832 году. Нынѣ явилась она въ созвѣздіи Тельца, $\frac{11}{23}$ Августа, и пробѣгая по небу кривою линіею, будетъ видима до Новаго года. Всего ближе подойдетъ она къ землѣ $\frac{\text{Декабря } 11}{\text{Ноября } 29}$ дня, и будетъ находиться отъ земли въ небольшомъ разстояніи — около 65,000,000 верстъ; Сентября $\frac{21}{9}$ ч. была отъ земли въ такомъ-же разстояніи, въ какомъ находится солнце.

Еще новость на небѣ: кольцо, находящееся вокругъ Сатурна, начало расширяваться, или, лучше

сказашь, подвинулось къ одной сторонѣ. Обѣщаютъ подробности объ этомъ любопытномъ явленіи.

Въ Москву пріѣхалъ на сихъ дняхъ отличный Французскій каллиграфъ, Г-нъ Госсе. Съ удовольствіемъ спѣшимъ извѣстить нашихъ читателей объ удивительной методѣ, посредствомъ которой Г-нъ Госсе, въ восемь уроковъ, самый некрасивый и не правильный почеркъ ученика перемѣняетъ въ прекрасвый, и правильный, хотя-бы ученикъ его цѣлый вѣкъ прежде писалъ некрасиво. Смотря на сравнительные образцы почерка особъ, бравшихъ уроки у Г-на Госсе, до начала ученья, и послѣ онаго, не вѣрите непонятной разницѣ. Г-нъ Госсе намѣренъ прожить въ Москвѣ нѣсколько времени и, вѣроятно, найдетъ здѣсь многихъ особъ, которыя пожелаютъ воспользоваться его искуствомъ, и легко приобрѣсть одно изъ отличій образованнаго человѣка — хорошій и правильный почеркъ. Умъ и любезный характеръ Г-на Госсе тѣмъ пріятнѣе дѣлаютъ скорое изученіе его методы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ МОСКВѢ.

Напрасны были восклицанія исключительныхъ любителей Русскаго театра, напрасны увѣренія ихъ, что послѣ того, какъ сильное впечатлѣніе Итальянской оперы не сохранило ее отъ паденія, не льзя уже думать объ учрежденіи *иноплеменныхъ* театровъ въ Москвѣ! Отвѣтомъ на все это служили извѣстія: *Французы въ Смоленскѣ, Французы въ Можайскѣ — въ Москвѣ!* Абонементъ на Французскій спектакль становится общею модою; розовые *проспекты*, со всею Парижскою изящностію напечатанные, летятъ во всѣ будуары и гостиныя. Что дѣлать патріоту? Согласиться-ли съ тѣми, которые рѣшительно требовали недопущенія въ Москву Французскаго театра? Воля Гг-дъ патріотовъ драматическихъ, а съ ними не льзя согласиться! Французы являются къ намъ Французами не 1812 года, а мирными, добрыми согражданами, артистами пріятными, любезными, исполненными дарованій. Было-бы неучтиво, впрочемъ, вопіять теперь, когда новые гости уже въ стѣнахъ Москвы, всегда славившейся гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ; было-бы поздно спорить, когда дѣло рѣшено общимъ голосомъ публики. Предоставимъ все времени, будемъ безпристрастны, будемъ справедливы. Если наши Русскіе драматики издавна угощаютъ насъ передѣлкою Французскихъ комедій и оперъ, если мы терпѣливо сносили все это, пусть позволятъ намъ взглянуть на оригиналы передѣлокъ, повѣрить и посмотрѣть.

Раскланявшись съ противниками Французскаго спектакля, извѣстимъ людей, нетерпѣливо ожида-

ющихъ сего, важнаго въ театральныхъ лѣтописяхъ Москвы, событія, что въ Ноябрѣ Французскій театръ начнетъ свои представленія. Надобно отдать справедливость дирекціи Французскаго Московскаго театра: она не щадила издержекъ на декораціи, костюмы и всѣ театральныя принадлежности. Костюмы великолѣпны; театръ (какъ увѣряютъ многіе) будетъ освѣщенъ разноцвѣтнымъ газомъ. Репертуаръ есть данъ съ многихъ Парижскихъ театровъ: комедіи, драмы, небольшія оперы и водевили, все, что въ сихъ родахъ драматическихъ сочиненій занимаетъ и интересуетъ Парижскую публику, все собрано дирекціею, съ особеннымъ выборомъ и вкусомъ. Каждая замѣчательная Парижская новость немедленно будетъ присылаема въ Москву. Г-нъ Каронъ, главный режиссёръ и Г-нъ Миллеръ, второй режиссёръ труппы, извѣстны своимъ знаніемъ театра; отличный знатокъ музыки, Г-нъ Шпрингъ, назначенъ капельмейстеромъ оркестра.

Но главное — самая труппа. Пока не видали собственными глазами, повѣримъ видѣвшимъ нашихъ гостей, что всѣ главныя роли занимаютъ отличные таланты. Безпристрастные судьи — Парижскіе журналисты, увѣряютъ въ этомъ. «Дирекція Французскаго Московскаго театра,» пишутъ въ *Корсерѣ*, Парижскомъ журналѣ театровъ, литературы, искуствъ, нравовъ и модъ (отъ 25 Сентября (н. с.) нынѣшняго года) «показала большую разборчивость въ выборѣ артистовъ. Всѣ они приобрѣли права на рукоплесканія публики; многіе взяты съ Парижскихъ театровъ. Театръ de la Porte-Saint-Martin живо почувствуетъ потерю *Менье* (онъ за-

нимаетъ первыя роли молодыхъ); *Сентъ-Альбенъ*, актеръ съ театра des Variétés, молодой человѣкъ съ самыми счастливыми способностями: его съ удовольствіемъ видали мы въ роляхъ Потье.» — Вотъ имена другихъ: *Далесъ*, съ Бриссельскаго театра (premiers rôles marqués et pères nobles); *Альфредъ*, съ Мецскаго театра (Jeunes premiers en chef); *Филиберъ*, съ Ліонскаго театра (Financiers), *Викторъ*, съ Одеона, втораго Парижскаго театра (premiers comiques); *Каронъ*, съ Парижскаго театра, de l'Ambigu Comique (deuxième et troisième rôles); *Эрнестъ*, съ театра des Variétés (deuxième et troisième amoureux); *Кордье*, съ Орлеанскаго театра (pères et grandes utilités). — Актрисы: Г-жа *Виржини*, съ Бриссельскаго театра (premiers rôles et fortes jeunes premières); Г-жа *Менье*, съ театра de la Porte St. Martin (premiers rôles marqués et mères nobles); Г-жа *Констансъ*, съ театра de l'Ambigu Comique (Jeunes premières); Г-жа *Альфредъ*, съ Мецскаго театра (soubrettes); Г-жа *Александринь*, съ Версальскаго театра (Jeunes amoureuses); Г-жа *Белльманъ*, съ театра de la Porte St. Martin (Mères nobles et caractères); Г-жа *Вальмонъ*, съ театра des Variétés (grande utilité).

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

L'extrême ampleur des manches *à la mameluck* fait paraître la taille encore plus pincée que naguères.

Nous avons vu des foulards pour robes, rayés rose et blanc, bleu et blanc, chamois et rose, chamois et blanc, citron et bleu. Le rose est vif; mais le vert est feuille de tremble.

La couleur lilas est une des plus en vogue pour les robes habillées.

Pour les bérets, l'étoffe à la mode est un tissu bleu et argent à larges raies chinées et parsemées de croix grecques. Des torsades d'argent et des plumes bleus ou blanches embellissent ces bérets, ou plutôt ces treillages.

On fait dans les magasins de modes des chapeaux dont la calote est en velours noir, et la passe en satin jonquille; d'autres dont la passe est de velours et la calote de satin. Nous avons vu sur quelques-uns de ces chapeaux une branche de mauve en fleur.

Cinq ou six tours d'un serpent moins gros que le petit doigt, forment maintenant un bracelet dit *à la Cléopâtre;* ce qui donne un travers de main de hauteur.

(*) До 5 Октября (н. с.), 1823 года.

Издатель Парижскаго Моднаго Журнала, замѣчаетъ, что широкія рукава à la mameluck (какъ у Мамелюковъ) придаютъ стану еще болѣе тонкости, то есть что отъ нихъ станъ *кажется* еще тоньше. Онъ видѣлъ Осетъ-Индскія (то есть шакъ называемыя Осетъ-Индскія) машеріи, для платьевъ. Полосы на нихъ двухъ цвѣтовъ: розоваго и бѣлаго, или голубаго и бѣлаго, цвѣта серны и розоваго, или серны и бѣлаго, лимоннаго и синяго. Розовый цвѣтъ ярокъ; зеленый походитъ на цвѣтъ осиновыхъ листьевъ.

Одинъ изъ самыхъ модныхъ цвѣтовъ для наряднаго платья — лиловый.

Для беретовъ модная машерія — синяя или серебристая шкань, съ широкими узорчатыми полосами, усѣянными множествомъ *Греческихъ крестовъ*. Серебряныя торсады и голубыя или бѣлыя перья украшаютъ сіи береты, или, лучше сказать, клѣтчатыя шапочки.

Въ модныхъ магазинахъ дѣлаютъ шляпки съ черною бархатною тульею и съ жонкилевыми атласными полями, или на оборотъ, съ атласною тульею и бархатными полями. Къ такимъ шляпкамъ прикалываютъ, иногда, вѣшку проскурняка въ цвѣту.

Въ пять или шесть колецъ свернувшаяся змѣя которой толщина поменьше мизинца, составляетъ нынѣ браселеты, называемые *Клеопатриными* (à la Cléopâtre). Шеорина всего браселета въ ладонь.

На приложенныхъ каршинкахъ:

1. *Дама.* Гроденаплевая шляпка-капотъ, убранная газовыми лентами. Пелерина — Криспинъ, *въ тысячу складокъ*, изъ магазина дѣвицы Купоръ, въ улицѣ du Bac, № 29. Гроденаплевое платье, съ зубчатыми бантами.

2. *Мужчина.* Пуховая шляпа. Сюршукъ, съ шелковыми пуговицами. Кисейный галстухъ, съ цвѣточками. Кашемировые панталоны.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 15 дня 1828 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 13. *Іюль* 1828.

Европейцы соглашаются, что Китайскіе купцы лучше ихъ умѣютъ *товаръ лицомъ продать*, и что никто лучше Китайца не можетъ ни украсить своего товара, ни придать ему болѣе обольстительной наружности. Въ Англійскомъ Журналѣ мы нашли описаніе о томъ, какъ обходятся Китайцы съ рыбами. Въ Китаѣ пруды не оставляются, такъ, какъ у насъ, на произволъ природы. Китаецъ занимается откармливаніемъ рыбы точно также, какъ и откармливаніемъ скота. Каждое утро и вечеръ хозяинъ кормитъ рыбу варенымъ пшеномъ, кровью и остатками животныхъ и растѣній, и особливо маслянистыми веществами, что рыба всего охотнѣе поядаетъ, и отъ чего она скоро жирѣетъ; не вырастая. Китайцы хотятъ, чтобы рыба была жирна, но не велика, ибо съ увеличеніемъ тѣла, оно становится грубѣе. Для перевоза рыбы на рынки, у Китайцовъ есть особые снаряды, въ которыхъ рыба долго можетъ быть жива; непроданная, тотчасъ по привозѣ домой, спускается въ прудъ обратно.

Мы нашли въ одномъ иностранномъ журналѣ замѣчательное извѣстіе. Соображая описанія низовыхъ береговъ Туры, до самаго впаденія сей рѣки въ Тоболъ; Геологи думаютъ, что въ сихъ мѣстахъ непремѣнно должны быть *алмазныя копи*, ибо точно таково рас-

положеніе земли въ тѣхъ мѣстахъ Бразиліи, гдѣ добываютъ алмазы. Къ этому присовокупляетъ журналистъ, что будто-бы уже приступлено къ мѣстному разысканію. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе весьма важно и, если не ошибаемся, у насъ въ Россіи ничего не было объ этомъ писано и говорено.

Въ нѣкоторыхъ богатыхъ Парижскихъ домахъ начали вставлять въ окошкахъ сѣней и крылецъ разноцвѣтныя стекла, вмѣсто бѣлыхъ, и преимущественно, синяго цвѣта.

Складки на рубашкахъ Парижскихъ щеголей дѣлаютъ теперь наподобіе нотной бумаги, т. е. по пяти маленькихъ складочекъ находится подлѣ каждой большой складки.

Кузовы тилбури въ Парижѣ дѣлаются квадратные, какъ у тендемовъ. Синій цвѣтъ для экипажей въ модѣ.

Дорожный портфейль щеголя съ одной стороны походитъ на сумку данписта. Тутъ симметрически располагаются щеточки, пилочки, ножницы, ножички — для перьевъ, зубовъ, ногтей, усовъ, и прочи проч.

Въ Сенъ-Клу изъ Парижа обыкновенно отправляются каждый день кареты съ пассажирами; одна изъ извощичьихъ компаній, называемая Grand-Cerf, перебила работу у всѣхъ другихъ. Какъ? Очень просто: вмѣсто кучеровъ, она ввѣрила управленіе каретами молодымъ дѣвушкамъ, очень милымъ и прелестнымъ. Изъ Сенъ-Клу правятъ каретами блондинки; изъ Парижа брюнетки. Одна изъ Парижскихъ брюнетокъ, между прочимъ имѣетъ такой гармоническій голосъ, что когда ей приходитъ очередь ѣхать, нельзя добиться мѣстъ: столько является охотниковъ.

Все это нашли въ Journal des Dames, No 45, отъ 15 Августа, и — не ручаемся за достовѣрность.

Эккеръ, директоръ Галиційскихъ копей, рѣшился замѣнить нефтью масло въ лампадахъ, которыми освѣщаются подземелья. Онъ находитъ, что нефть и дешевле и лучше масла.

Гравированныя доски весьма портятся отъ ржавчины, если ихъ оставить безъ употребленія на нѣкоторое время. Докторъ Коллокъ придумалъ покрывать ихъ обыкновеннымъ лакомъ, который легко смыть виннымъ спиртомъ, когда понадобится снова употреблять доску.

Многіе охотники до вѣрныхъ часовъ засмѣются, услышавъ, что часы могутъ быть *вѣрнѣе солнца*, и хвастаютъ, что ихъ часы *вѣрны, какъ солнечные*. Можетъ быть имъ неизвѣстно, что они сами не знаютъ, что говорятъ, ибо ничего не можетъ быть невѣрнѣе солнечнаго измѣренія времени, и вѣрное изчисленіе времени *должно быть* почти всегда *несогласно съ солнцемъ*. Въ счисленіи времени должно различать *время настоящее* отъ *времени средняго*. Первое считается по солнцу; но видимое теченіе солнца не равно: иногда оно тише, иногда скорѣе, а потому дѣлаются особые хронометры, которые круглый годъ показываютъ постоянно вѣрное и настоящее счисленіе, и время, по сему исчисленію опредѣляемое, называется *среднимъ*: оно есть настоящее и правильное; разницу между имъ и солнечнымъ называютъ *уравненіемъ времени* (équation du temps). Самое большое уравненіе бываетъ 20 и 21 Октября: часы отстаютъ тогда почти 16 мин., 14 сек.; потомъ отставанье ихъ уменьшается безпрестанно, и съ 11 Декабря, когда оба времени бываютъ вѣрны, до 3 Апрѣля часы *идутъ впередъ передъ солнцемъ*; здѣсь бываетъ самое большое уравненіе 30 Января, когда часы уходятъ противъ солнца 16 мин., 14 секундъ. Съ 3 Апрѣля до 3 Іюня они отстаютъ; съ 3 Іюня

до 3 Августа опять идутъ впередъ, а съ 19 Августа до 11 Декабря отстаютъ. Такимъ образомъ, только четыре раза въ годъ, въ самые полдни 3 Апрѣля, 3 Іюня, 19 Августа и 11 Декабря среднее время и настоящее, бываютъ сходны, а во всѣ остальные дни они невѣрны, и сія невѣрность два раза въ годъ простирается до 16 слишкомъ минутъ, впередъ или назадъ. Долго надобно-бы было разсказывать, почему солнце (или лучше сказать *земля*) идетъ въ одно время тише, въ другое скорѣе; но увѣряемъ Г-дъ охотниковъ до вѣрныхъ часовъ, что мы ихъ не обманываемъ: пусть спросятъ астрономовъ, математиковъ и *ученыхъ* часовыхъ мастеровъ (ученыхъ — просимъ замѣтить, а на сотню едва одинъ такой сыщется). Всѣ числа нами упомянутыя поставлены по нашему, или Іюліянскому счисленію, а не по новому стилю.

Пишутъ въ Annal. de l'industrie manufact. agr. et comm. (Т. I, стр. 127), что Гамбургскій хирургъ Буллеръ изобрѣлъ инструментъ, которымъ можно отрѣзать руку или ногу — въ *одну секунду*, при чемъ инструментъ такъ сжимаетъ остающуюся часть члена, что производитъ онѣмѣніе (engourdissement) и больной не чувствуетъ никакой боли при операціи.

НЕСГАРАЕМАЯ БУМАГА. Самымъ простымъ средствомъ производятъ сей важный способъ сохранять бумагу отъ огня. Писанная, цвѣтная, бѣлая и всякая бумага ни мало не измѣнится, если смочить ее хорошенько водою, въ которой распущены квасцы, а потомъ высушить. Смотря по сорту бумаги, надобно повторять напитываніе и сушку нѣсколько разъ.

Къ сему № Прибавленія приложено *изображеніе парадной модной кровати.*

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 14. *Іюль* 1828.

Во многихъ мѣстахъ Россіи жители терпятъ большой недостатокъ въ чистой водѣ для питья, да и вообще весною и осенью всѣ рѣки обыкновенно дѣлаются мутны. Весьма нездорово и непріятно употреблять воду нечистую и мутную; но есть весьма легкій и дешевый способъ очищать воду. Надобно сшить мѣшокъ, изъ простаго крестьянскаго сукна, наподобіе конуса, или сахарной головы, обращенной верхушкою къ низу; за верхній, широкій край, должно привязать сей мѣшокъ веревочками къ перекладинѣ, или потолку, поставивъ въ отверстіи мѣшка распорочки. Потомъ истолочь хорошо пережженнаго березоваго угля (*) и въ большой чашкѣ, или яндовѣ, размѣшать уголь съ водою, слить его въ мѣшокъ, немедленно долить мѣшокъ водою до полна, и по мѣрѣ того, какъ вода вытекаетъ, доливать. Сперва вода пойдетъ съ угольемъ и во всѣ скважинки мѣшка; но потомъ, уголь засосетъ всѣ скважинки, и только внизу потечетъ вода тоненькою струйкою. Все, что вытекло изъ мѣшка, смѣшанное съ углемъ, должно влить обратно, пока струйка очистится и вода потечетъ чистая, какъ хрусталь. Симъ способомъ отбивается запахъ и нечистота даже отъ самой болотной воды. Вообще должно замѣтить, что уголь для пропущенія жидкостей есть самый лучшій способъ чищенія.

№ XXIII-й, 2-я книжка *Земледѣльческаго Журнала* (**) за 1828 г. содержитъ въ себѣ нѣсколько важныхъ и полезнѣйшихъ статей для Технологіи и Сельскаго

(*) Всего лучше уголь *заморить* въ плотно закрытомъ и замазанномъ сосудѣ, выгребая его раскаленный изъ печи и гася такимъ образомъ лишеніемъ сообщенія съ воздухомъ.

(**) Подписка на оный принимается въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ А. С. Ширяева, цѣна за годовое изданіе 10 рублей; съ пересылкою 12 рублей.

Хозяйства. Таковы статьи: о скотоводствѣ, въ помѣстьѣ С. С. Уварова; о пчелиныхъ матках, Г-на Прокоповича; о винодѣліи, Графа Паравичини; о разборкѣ шерсти, Г-на Шульце. Замѣтимъ еще слѣдующія: описаніе улучшеннаго овина (съ рисункомъ), Г-на Граве; о соединеніи печекъ для обжиганія кирпича, съ ригами и жилыми зданіями, такъ, чтобы жаръ, употребляемый для обжига кирпичей, приносилъ двоякую пользу, нагрѣвая покои и риги (изобрѣтеніе Г-на Шубина); объ удобствѣ малыхъ ульевъ, соч. Г-на Сербина, объявленіе Торопецкаго помѣщика Г-на Абашева, о принятіи имъ учениковъ, для наученія косить озимый хлѣбъ, съ платою за науку 5 рублей. Но важнѣйшія извѣстія суть два слѣдующія: Земледѣльческое Общество достало наконецъ сѣмянъ лучшихъ Американскихъ табаковъ, прямо изъ Америки, и разослало уже ихъ въ Крымъ, Южную Россію, на Донъ, въ Грузію и Бессарабію, дабы немедленно приступить къ сажденію и разводкѣ табаковъ. Надѣемся, что почтенные Г-да хозяева и патріоты будутъ споспѣшествовать сему подвигу Общества, стараніемъ заняться новою важною отраслію промышленности, могущею доставить современемъ большія выгоды, какъ производителямъ, такъ и государству. Въ другихъ земляхъ дорожатъ подобными приобрѣтеніями, болѣе нежели золотомъ, ибо ими извлекается золото изъ земли, гораздо надежнѣе, нежели изъ полнаго кошелька. Человѣку, который выдумалъ солить сельди, Голландцы поставили памятникъ, и до сихъ поръ съ почестью вспоминаютъ Американцы того путешественника, который привезъ въ Америку первое кофейное деревцо. Общество Земледѣльческое имѣетъ еще у себя довольное количество сѣмянъ Американскаго табаку, и готово разсылать ихъ къ тѣмъ Губернскимъ Предводителямъ Дворянства, которые обратятся съ просьбами въ Общество и постараются привлечь вниманіе Г-дъ помѣщиковъ на новое полезное дѣло.— Другое важное приобрѣтеніе получаемъ мы отъ совершенно новой методы строить домы, придуманной А. И. Герардомъ, который извѣстенъ технологамъ своимъ свекло-сахарнымъ заводомъ. Кирпичныя стѣны по сей методѣ кладутся въ одинъ кирпичь, и точно также бываютъ прочны, какъ въ $2\frac{1}{2}$ и 3 кирпича; но сверхъ того онѣ никогда не промерзаютъ, и не только отъ нихъ не холодно, какъ обыкновенно въ каменныхъ строеніяхъ, но стѣны сіи всегда тепловаты, и въ домъ, по методѣ

Г-на Герарда построенный, можно переѣхать немедленно послѣ отстройки его, не имѣя надобности сушить и провѣтривать. Все это опытомъ доказанная истина, и вскорѣ въ Земледѣльческомъ Журналѣ будетъ помѣщено полное описаніе и изображеніе дома, по методѣ Г-на Герарда. Изобрѣтеніе его самое простое, (таковы всѣ важныя открытія) и кто только узнаетъ сущность онаго, тотъ согласится въ пользѣ и тотчасъ научится самъ строить новаго рода, столь дешевыя и удобныя жилища. Для образца, Г-нъ Герардъ построилъ въ 1827 году, Тульской Губерніи, Чернскаго уѣзда, въ сельцѣ Алябьевѣ домъ, а въ нынѣшнемъ году построены имъ, въ 12 верстахъ отъ Москвы, влѣво отъ Старой Калужской дороги, въ сельцѣ Голубинѣ, два дома. Любопытствующіе, въ ожиданіи рисунковъ и описаній, могутъ все видѣть и повѣрить сами на мѣстахъ.

Въ Англіи выданъ патентъ на очищеніе мыла. Извѣстно, что самое лучшее туалетное мыло содержитъ въ себѣ много щелочи, производящей сильное дѣйствіе на кожу. Падобно взять 100 частей мыла, семь частей мергелю (marne), самаго чистаго и лучшаго, и одну часть поташу (2 унціи на 100 фунтовъ мыла); высушивъ и превративъ все это въ порошокъ, а мыло изрѣзавъ мѣлками кусками, смѣшать хорошенько, подбавить воды столько, чтобы составился родъ жидкаго тѣста; варить, мѣшая безпрестанно и сильно; когда станетъ густѣть, вылить въ формы и высушить. Мыло будетъ самое нѣжное, безвредное и маслистое, такъ, что не уступитъ никакому Испанскому. Прибавить къ нему въ формы ароматовъ, можно какихъ угодно.

Къ сему № Прибавленія, никакого изображенія мебелей и экипажей не приложено. Вмѣсто того приложили мы *изображеніе машинки, называемой* КЕКОГРАФЪ. Въ этомъ извинятъ насъ читатели, узнавши, къ чему служитъ сія машинка. Посредствомъ ея *слѣпой* весьма легко *можетъ писать*. Вотъ описаніе сего драгоцѣннаго снаряда.

М. М. есть пульпитра, которая, какъ обыкновенно, бываетъ наклонена. Q. P. L. верхняя горизонтальная часть пульпитры, на которой, въ ящичкѣ Q находится песочница; въ ящичкѣ P хранятся перья и ножичекъ, а въ ящичкѣ L стоитъ чернилица. Литера D означаетъ мѣсто, гдѣ придѣлывается къ пульпитрѣ ж е

стяная палочка, которая показываетъ слѣпому мѣсто чернилицы, когда онъ поведетъ рукою вверхъ по пульпитрѣ. На наклоненной части пульпитры кладется деревянная дощечка N. N. N. N, у которой, въ рамкахъ, по обѣ стороны по краямъ находящихся, свободно, съ верху къ низу и съ низу къ верху, двигается другая дощечка B. B. Тутъ, тремя шалнерами I I I укрѣплена закладка, въ которую укрѣпляется листокъ бумаги K. На нижней дощечкѣ находится металлическая полоска F, поперегъ протянутая и укрѣпленная на другомъ краю винтикомъ H. Сія полоска ходитъ по зубчикамъ полоски O. O, находящейся съ лѣваго края верхней дощечки. Для писанья кладутъ кекографъ на пульпитру; верхняя дощечка подвигается къ верху; прутикъ F отпирается; бумага укрѣпляется на верхней дощечкѣ закладкою I. I. I, такъ, что нисколько не шевелится. Потомъ прутикъ F запирается винтикомъ H, и верхняя дощечка подымается, такъ, чтобы прутикъ F дошелъ до послѣдняго зубчика O. Слѣпой ведетъ руку, по пульпитрѣ M, до D, обмакиваетъ въ чернилицу L перо, проводитъ руку къ дощечкѣ N, находитъ винтикъ H, ведетъ руку по прутику, до заворки I и пишетъ строку ведя по прутику вправо. Тонкое осязаніе слѣпыхъ покажетъ край бумаги. Тогда опять обмакивается перо; верхняя дощечка сводится на вторый зубчикъ (зубчики должны быть одинъ отъ другаго на такомъ разстояніи, какъ строчки; при переводѣ прутика, съ одного зубчика на другой, щелчокъ зубчика даетъ знать слѣпому, что начинать строку можно) и пишется вторая строчка. Когда вся страничка испишется, прутикъ отвинчивается, бумагу переворачиваютъ и снова начинаютъ писать, какъ прежде.

Простота, легкость снаряда, удобство ставить его на столѣ, на постелѣ, на колѣняхъ дѣлаютъ кекографъ драгоцѣннымъ изобрѣтеніемъ. Онъ выдуманъ Жюльеномъ, Парижскимъ механикомъ, и въ Парижѣ, изъ краснаго дерева, стоитъ 36 франковъ; пульпитра къ нему стоитъ тоже 36 франковъ. По описанію и рисунку весьма легко сдѣлать его, и тѣмъ подарить многихъ страдальцовъ сладостнымъ утѣшеніемъ передавать свои мысли и чувства другимъ. Привыкнуть писать по кекографу весьма легко. Кто затруднится писать чернилами, можетъ употреблять карандашъ. Въ чернилицу кладется пробковый кружечикъ, чтобы сильнымъ давленіемъ не испортить пера.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 15. *Августъ* 1828.

Въ модѣ мебели, у коихъ въ дерево, изъ котораго онѣ сдѣланы, врѣзаны разныя фигуры и полоски другаго дерева, на примѣръ: мебель краснаго дерева, съ врѣзками чернаго, розоваго. Опять начали дѣлать богатыя мебели съ бронзою, съ мѣдными украшеніями, и съ краснымъ сафьяномъ.

Извѣстный Мельцелевъ метрономъ усовершенствованъ во Франціи Г-мъ Бьенеме, Аміенскимъ часовщикомъ. Метрономъ Мельцеля должно было всегда ставить на ровной плоскости; онъ не всѣ мѣры показывалъ, и для показанія новой мѣры надобно было его останавливать. Метрономъ Бьенеме показываетъ всѣ мѣры (2, 3, 4, 6, 8 и т. д.), можетъ быть поставленъ гдѣ угодно, и для перемѣнъ мѣры его не нужно останавливать. Парижская Консерваторія Музыки признала достоинство сего усовершенствованнаго метронома. Онъ продается въ Парижѣ, въ Палероялѣ, galerie de pierres, № 96.

Свѣчной заводчикъ Эберъ (въ Муссо, близъ Парижа) придумалъ лить свѣчи съ *пустыми свѣтильнями*. Посредствомъ проволоки производитъ онъ изъ свѣтильни родъ трубочки. Пишутъ, что свѣчи съ пустою свѣтильнею ярче горятъ и не плывутъ.

Одинъ Парижскій переплетчикъ выдумалъ такой переплетъ, что въ книгу можно прибавлять листы и убавлять ихъ по произволу, хотя книга не безобразится отъ этого. Механизмъ заключенъ въ спинкѣ книги. Франкёръ представилъ самый лестный от-

зывъ оновоизобрѣтенномъ переплетѣ, и скоро будетъ издано описаніе его. Изобрѣтатель живетъ въ Парижѣ, въ улицѣ Ришельё, подъ № 60.

Г-нъ Давидзонъ, въ Гласговѣ, объявилъ о способѣ очищать рыбій жиръ отъ его отвратительнаго запаха сѣрнокислою известкою (на центнеръ жиру кладется 1 фунтъ) разведенною въ водѣ (воды 1 галлонъ), смѣшанною съ жиромъ, съ прибавкою 3-хъ унцій сѣрной кислоты (которую напередъ также должно развести въ водѣ). Жиръ съ этою смѣсью варятъ, и давъ ему нѣсколько дней отстояться, получаютъ чистый и безъ всякаго отвратительнаго запаха.

Китайская тушь приготовляется изъ сажи, которая садится на жестяныхъ пріемникахъ, утвержденныхъ надъ горящими съ масломъ лампами. Чѣмъ лучше и чище масло, тѣмъ нѣжнѣе отъ него сажа, а посему и тушь выходитъ лучше. Для туши лучшихъ сортовъ Китайцы употребляютъ тончайшее кунжутное масло. Помощію животнаго клея (т. е. клея, вываренаго изъ оленьяго рога, бычачьей, или ослиной кожи, и проч.) производится изъ сей сажи тѣсто, въ которое, для запаха, прибавляютъ немного мускуса. Потомъ выкладываютъ его въ деревянныя формы и высушиваютъ. Въ Европѣ дѣлаютъ тушь изъ Голландской сажи. Изъ скорлупы персиковыхъ и абрикосовыхъ косточекъ, съ разтвореиъ камеди, можно приготовить тушь, которая цвѣтомъ и прочностію довольно похожа на Китайскую (*).

Нынѣшнимъ лѣтомъ, на деревенскихъ балахъ во Франціи, кромѣ холоднаго пуншу и мороженаго, вошло еще въ моду подавать персики, вареные въ сахарѣ, съ которыхъ снята кожица.

Вотъ средство всегда имѣть въ дорогѣ хорошія

(*) Извлечено изъ Технологіи, изданной Г-мъ Профессоромъ Ѳ. А. Денисовымъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ сію книгу нашимъ фабрикантамъ, заводчикамъ и ремесленникамъ. См. извѣстіе объ ней въ нынѣшней книжкѣ Телеграфа.

сливки. Надобно взять свѣжихъ, хорошихъ сливокъ, разлить ихъ на блюдо немного, такъ однакожъ, чтобы все дно блюда было покрыто; потомъ поставить на печку, дать сливкамъ высохнуть, ножикомъ соскрести ихъ съ блюда въ баночку, на блюдо опять налить сливокъ, высушить, и такимъ образомъ приготовить ихъ сколько угодно. Имѣя съ собою баночку съ сушеными сливками, можете взять ихъ на ложечку немного, и въ чаѣ, или кофе, онѣ распустятся, и будутъ, какъ совершенно свѣжія.

Въ Англіи придумали замѣнять смоленье канатовъ слѣд. образомъ: мочатъ пеньку въ составѣ изъ 10 фун. рпутнаго перхлорія, 30 фун. свинцовой окиси и 50 фун. квасцовъ, сильно шевеля пеньку въ этомъ составѣ, чтобы соль изъ него не сѣла на дно. Оставя послѣ сего пеньку въ немъ на нѣсколько часовъ, вынимаютъ ее, выжимаютъ, высушиваютъ и вьютъ веревки. Онѣ выходятъ гибки, прочны и болѣе сжаты, нежели изъ обыкновенной пеньки, смоленыя веревки.

Дамы, которыя хотятъ быть добрыми экономками, давно уже завели хрустальные ящички, съ серебряными замками, для чаю и для сахару. Вотъ новая выдумка, для того, чтобы люди не могли схитрить съ ликёромъ, водкой и другими дорогими напитками: по срединѣ четырехъ графиновъ, стоящихъ на плато, находится небольшая колонна, на которую навертывается кружокъ, съ четырьмя бронзовыми, позолоченными кружками; кружки приходятся на каждый графинъ и замыкаются общимъ ключикомъ.

Какой-то механикъ во Франціи предложилъ средство *нагрѣвать комнаты—безъ дровъ и безъ огня*. Онъ совѣтуетъ ставить въ комнатахъ ящики съ известкою, поливать известку водою, и потомъ закрывать ящики плотно. Разгорячаясь отъ известки, ящикъ нагрѣваетъ комнату. Прекрасное средство; но оно похоже на прядильную машину, движимую мышами. Лѣтъ двадцать назадъ, одинъ Нѣмецъ предлагалъ средство еще *курьёзнѣе*: прыгать по комнатѣ, пока согрѣешься, и ѣсть пряники съ перцомъ.

Г-нъ Кехлинъ въ Мюльгаузенѣ представилъ тамошнему обществу промышленности сплавку мѣди съ оловомъ. Она лучше обыкновенной мѣди, для вещей, подверженныхъ тренію, и прочностію уступаетъ только стали; при плавкѣ же вновь старыхъ вещей изъ нея сдѣланныхъ, теряетъ только 2 на 100; сверхъ того сія сплавка чрезвычайно дешева, ибо въ нее идетъ 9 частей красной мѣди и 1 часть олова.

На стѣнныхъ часахъ готической фигуры придѣлываютъ нынѣ маленькіе телеграфы, которые двигаются отъ качанія маятника.

Ночная лампада безъ огня. Въ бутылку бѣлаго стекла и продолговатой формы должно положить кусочикъ фосфора, величиною съ горошину; осторожно, влить на него деревяннаго чистаго масла, до половины бутылки, вскипятивъ масло напередъ на легкомъ огнѣ; потомъ бутылку закупорить, и когда подобно ночью употреблять сію новаго рода лампу, стоитъ откупорить бутылку, чтобы воздухъ вошелъ въ нее, и опять закупорить ее немедленно. Пустое пространство бутылки освѣтится внутри, такъ, что легко можно будетъ различить всѣ, даже мѣлкіе предметы, на примѣръ: цыфры на часахъ. Сей свѣтъ можно возобновлять откупориваніемъ бутылки, которая можетъ служить на полгода. Въ холодное время, для предосторожности, должно погрѣть бутылку въ рукахъ, прежде откупориванія. Фосфоръ должно класть въ бутылку весьма осторожно и скоро, потому, что онъ на воздухѣ легко загарается.

Къ сему Прибавленію приложено *изображеніе драпировки оконъ*, какая нынѣ въ модѣ у Парижанъ. Тутъже *изображеніе Англійскаго новомоднаго стула* для гостиныхъ. Въ Англіи теперь въ большой модѣ готическіе манеры для мебели и для уборки комнатъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 16. *Августъ* 1828.

Кромѣ обыкновенныхъ фіакровъ, нынѣ заведены въ Парижѣ наемныя кареты, которыя названы *Omnibus*, потому, что въ нихъ пассажиры сидятъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Теперь явились еще кареты, названныя по имени оперы: *Бѣлая красавица*, бывшей въ модѣ въ прошедшемъ году, *Бѣлыя красавицы*. Онѣ всѣ бѣлыя; колеса и ходъ у нихъ красныя; кучеръ въ бѣломъ плащѣ и бѣлой шляпѣ.

Намъ сообщено Г-мъ Профессоромъ Ѳ. А. Денисовымъ слѣдующее извѣстіе: «Въ Прибавленіи къ № 14-му Телеграфа описанъ легкій и дешевый способъ очищенія воды, посредствомъ угля; но сей способъ, при легкости и дешевизнѣ своей, имѣетъ слѣдующія неудобства: 1-е. Извѣстно, что чѣмъ мѣльче истолченъ уголь, тѣмъ лучше долженъ онъ очищать процѣживаемую сквозь него воду, потому, что вода будетъ тогда находиться съ нимъ въ большемъ числѣ точекъ прикосновенія; но по сей-же самой причинѣ, вода сначала только потечетъ струйкою, а послѣ будетъ капать очень медленно, особливо по засореніи скважинъ мѣшка угольнымъ порошкомъ; 2-е вода, налитая потомъ поверхъ угольнаго порошка, не будетъ надлежащимъ образомъ очищаться, потому, что она скорѣе пройдетъ между слегшимся, и удерживающимъ въ себѣ воду, порошкомъ, и сукномъ, нежели между самыми частицами порошка. Посему предлагаемъ здѣсь для очищенія воды, и другихъ жидкостей, особенный снарядъ, который, правда, дороже вышеупомянутаго средства, но за то представляетъ и несравненныя выгоды, и, по моему мнѣнію, простѣе и превосходнѣе многихъ изобрѣтенныхъ доселѣ цѣдильныхъ снарядовъ.

Сей снарядъ изобрѣтенъ въ Англіи, собственно для очищенія растительныхъ маслъ. Устроеніе его основано: 1-е на свойствѣ угольнаго порошка—освобождать жидкости отъ большей части веществъ, которыя не удерживаются въ нихъ тѣснымъ соединеніемъ, какъ-то: газы, пахучія вещества, красящія вещества, и проч. 2-е на томъ законѣ жидкостей, что давленіе ихъ дѣйствуетъ во всѣ стороны, и измѣряется, если жидкость содержится въ сосудѣ, плоскостію дна, умноженною на высоту сосуда, слѣдовательно: давленіе жидкости, при одной и тойже плоскости дна, будетъ тѣмъ сильнѣе чѣмъ высота сосуда или, лучше сказать, жидкости въ немъ, будетъ большая.

Снарядъ сей изображенъ на рисункѣ (*фиг.* 4). Здѣсь А. четырехъ-угольный, чугунный ящикъ, ровной во всѣ стороны мѣры, у котораго два отверстія, первое подлѣ дна С, а другое у верхней части Д. Онъ плотно набивается угольнымъ порошкомъ. В есть узкая и загнутая трубка, которая однимъ концомъ ввинчивается въ отверстіе ящика С, а на другомъ концѣ, возвышающемся на 20, 30 или 40 футовъ, оканчивается воронкою, или симъ концомъ ввинчивается также въ дно ящика Е, въ который наливается вода или другая жидкость. Небольшая наклоненная трубка Д, ввинчивается въ отверстіе верхней части ящика, и служитъ для стеченія процѣженной жидкости; хорошо-бы по моему мнѣнію, дѣлать ее съ краномъ.

Ясно можно усмотрѣть, что сильное давленіе, которое оказываетъ жидкость, находящаяся въ большой трубкѣ В, принуждаетъ воду, или другую какую либо жидкость, проходить сквозь уголь, изъ коего она выходитъ очищенною, чрезъ небольшую наклоненную трубку Д.

Когда уголь засорится посторонними веществами изъ жидкости, особливо при очищеніи маслъ, то стоитъ только отвинтить трубку, закрыть отверстія металлическими винтовыми затычками и нагрѣть ящикъ до раскаленія, дабы всѣ посторонніе вещества сами превратились въ уголь; при очищеніи же воды, отвинтивъ трубки, должно прежде дать высохнуть угольному порошку съ сими веществами, дабы вода, оставшаяся въ порошкѣ, превратясь въ пары при нагрѣваніи, не разорвала ящика, и не причинила-бы тѣмъ большой опасности.

Вмѣсто древеснаго, можно употреблять животный уголь, который, какъ опытами доказано, очищаетъ, особливо-же обезцвѣчиваетъ нѣкоторыя жидкости лучше, нежели древесный.»

До нынѣ въ Парижѣ, слуги, стоящіе за каретами, бывали одѣты въ короткіе штаны, съ бѣлыми чулками, или сѣрыми штиблетами; только за тилбури являлись лакеи въ сапогахъ съ отворотами. Теперь, и за каретами они бываютъ въ такихъ же сапогахъ.

Г-нъ Друммондъ въ Шотландіи употребилъ для освѣщенія отдаленныхъ предметовъ слѣдующее средство: онъ поставилъ нѣсколько лампъ, съ зажженнымъ виннымъ спиртомъ, и черезъ пламень каждой изъ нихъ пропустилъ потоки кислотворнаго газа; потомъ все это установилъ передъ отражающимъ зеркаломъ. Свѣтъ произведенный симъ снарядомъ, былъ видѣнъ за 70, Англійскимъ миль.

Кстати объ освѣщеніяхъ. Въ Nouv. Journ. de Paris (13 Марта 1828 г.) пишутъ, что будто бы какой-то Рижскій механикъ предложилъ освѣтить всю Москву однимъ фонаремъ. Правительство согласилось, и Рижскій механикъ для пробы сдѣлалъ газовый снарядъ, съ 600 трубокъ, устроивъ его вокругъ мѣднаго отражающаго цилиндра, въ 60 футовъ окружности. Въ 6 миляхъ отъ Москвы подняли на воздухъ всю эту громаду на аэростатѣ, который укрѣпили внизу веревками. Потомъ пустили газъ, по кишкѣ изъ смоленой холстины, и зажгли трубки электрическими искрами. Изъ всей Москвы сбѣжался народъ, увидя новое солнце, и за версту свободно можно было читать книгу. Представьте, что мы и не слыхивали, какія чудеса дѣлаются у насъ въ Москвѣ!

Щегольская булавка, которою дама застегиваетъ *cotyard* (родъ галстуха, надѣваемый при пеллеринкѣ съ манжетами, и при каньзу) или пеллеринку, бываетъ украшена большою бабочкою, у которой туловище сдѣлано изъ бирюзы, а крылья изъ аметистовъ, или топазовъ.

Къ сему №. Прибавленія приложено, кромѣ *изображенія водочистительной машины* (*фиг.* 4), выше сего описанной, *изображеніе новоизобрѣтенной кровати для больныхъ*, на которую въ Англіи получилъ привиллегію Г-нъ Раулинсъ де-Пенпонвилль. Желаніе споспѣшествовать улучшенію заведеній для страждущаго человѣчества, заставило принять сіе превосходное Англійское изобрѣтеніе въ главнѣйшія больницы Франціи.

Фиг. 1 представляетъ видъ кровати вполнѣ. A, нижняя кровать, на которую кладется матрацъ; въ немъ, также, какъ и въ верхнемъ матрацѣ, находится отверзтіе B, B, для необходимыхъ потребностей больнаго; оба отверзтія затыкаются, когда они не надобны, подушкою снизу, застегнутою ремнемъ. C суть перекладины, которыя могутъ быть подняты и опущены, посредствомъ подъема Q, по столбикамъ кровати. На нихъ утверждается рама N, G, F, H, сгибаясь для поднятія головы и ногъ больнаго въ F и G, гдѣ находятся два шарнера. Голову больнаго легко поднять по блоку K и блоку L, шнуромъ M. Самъ больной, при всей слабости, можетъ это сдѣлать, ибо подставка H, которая лежитъ горизонтально къ F, когда постеля нисколько не поднята, при малѣйшемъ движеніи сама собою подымается и укрѣпляется въ металлическихъ зубцахъ D, утвержденныхъ въ перекладинѣ C. Такія же подпорки I ходятъ по зубцамъ E, для поднятія ногъ больнаго.

Въ случаѣ надобности, матрацъ можетъ быть раскинутъ въ ногахъ, какъ видно въ отдѣльномъ изображеніи (*фиг.* 2). Если нужно поднять бокъ больнаго, то подводятъ подъ матрацъ особую складку (*фиг.* 3), по перекладинѣ C. на скамейкѣ P.—Все протяженіе кровати составляетъ 4 фута.—R, R рама, на которой утверждается занавѣсъ, или пологъ. Изъ всего видно, что кровать, здѣсь описываемая, представляетъ всевозможныя и съ великимъ тщаніемъ придуманныя удобства для больныхъ, особливо одержимыхъ продолжительными, или такими болезнями, въ коихъ каждое движеніе бываетъ тягостно. Здѣсь, по желанію и требованію больнаго, можетъ быть измѣняемо положеніе его тѣла, и отправляемы всѣ нужды, безъ движеній для него отягощительныхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XXII-й ЧАСТИ.

Письма изъ Сибири (*продолженіе*)..... 3

Историческо статистическое обозрѣніе Молдавіи и Валлахіи.....177, 327

Историческое обозрѣніе бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикъ въ Англіи (*продолженіе*)..... 487

Прибавленіе къ описанію искуственныхъ минеральныхъ водъ, въ № XII Телеграфа...66,381 560

Отелло Шекспира и Отелло Дюсиса..... 73

Литтературная рѣдкость..... 388

Письмо М. В. Ломоносова..... 397

Много шуму изъ пустяковъ (*окончаніе*)..... 29

Кораблекрушеніе (отрывокъ)..... 195

Голосъ съ того свѣта (истинное происшествіе). 337

Отъ чего робки ученые ?..... 523

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Видѣніе Тасса (Барона Г... Розена)..... 507

Злато (В. И. Орлова)..... 513

Дѣва Рая (И...Л)..... 516

А. Ѳ. Дмитріевой (Н. Ф. Павлова)..... 519

Посланіе къ Кн. А. И. Долгорукову (А.... Башилова)..... 520

Застрахованіе сердца (Н. А. Кашинцова)..... 522

КРИТИКА.

Разборъ критическихъ замѣчаній и прибавленій Г-на Клапрота къ Французскому переводу книги : *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію, въ* 1820 *и* 1821 г. (Окончаніе)..... 50

Le siège de Corinthe, etc. (*Осада Коринва.*) Полная партитура оперы сочиненіе I. Россини...217, 347

Jean Paul Friederich Richter's Leben (Жизнь Ж. П. Ф. Рихтера). Изд. Г. Деринтомъ. Гота, 1826 г. in 12..... 232

Instructions populaires sur le calcul des probabilités (*Простонародное ученіе о счисленіи вѣроятностей* Соч. Кетеле, Бриссель 1828 г..... 365

Полный курсъ Чистой Математики. Соч. Франкёра. Спб. 1827. Ч. I..... 542

АНТИКРИТИКА.

Отвѣтъ на разборъ книги : Poétique élémentaire.. 296

Замѣчанія на сей отвѣтъ..... 304

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Нѣмецкая литтература.....81, и 567

Французская литтература..... 259

Англійская литтература..... 401

Русская Литтература :

Книги 1827 года.....95, 273, 420, 577

Книги 1828 года.....121, 275, 454, 588

Географическія карты..... 123

Журналистика.....128, 308, 458, 598

Литтературныя извѣстія.....124, 457, 596

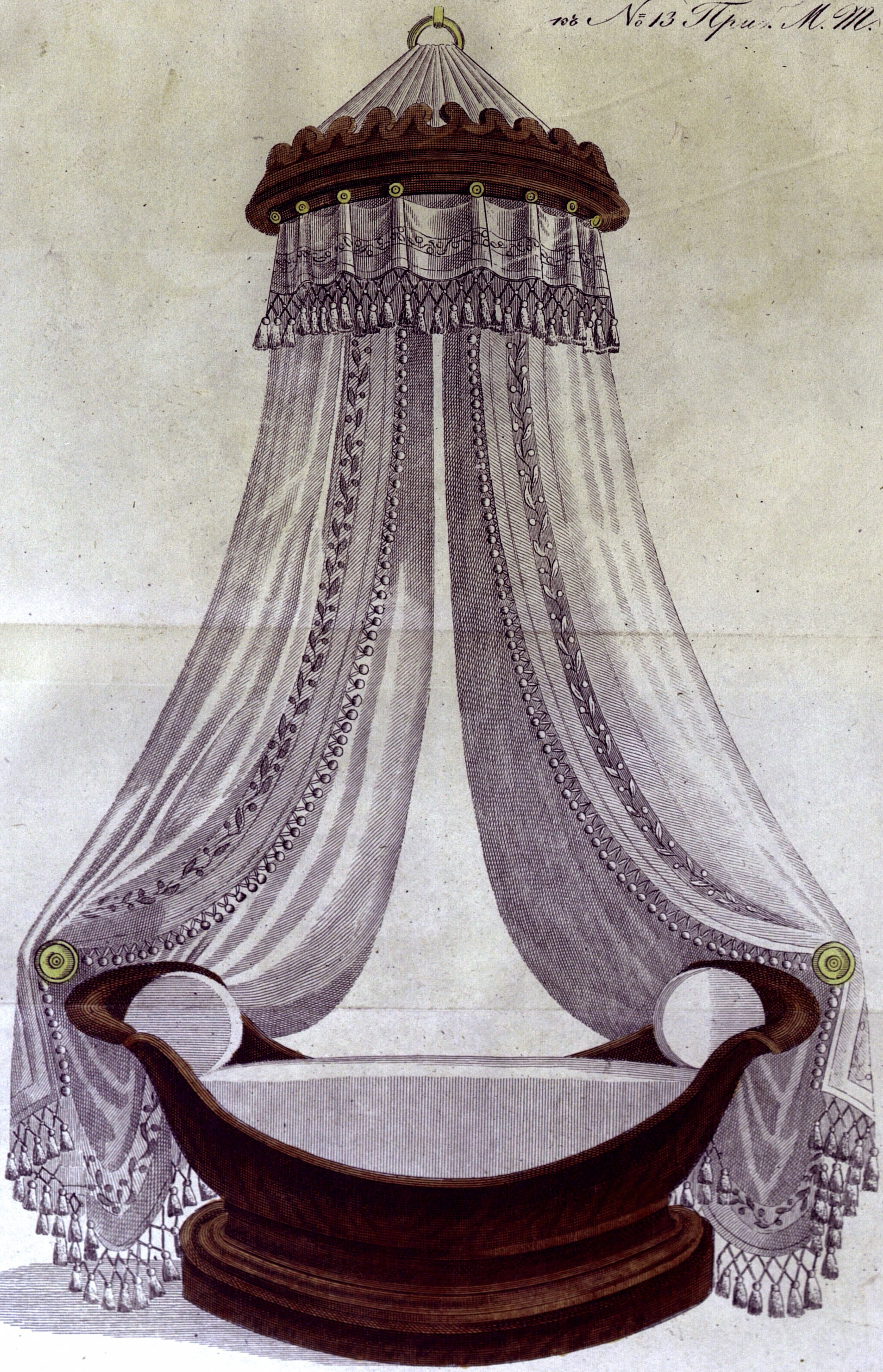
Музыкальныя произведенія..... 458

СМѢСЬ.

Историческое обозрѣніе первой половины 1828 года — Россія — Испанія.....150, 311, 463

Симонъ Болливаръ, Президентъ Колумбійской республики..... 605

Журнальныя бездѣлки..... 320

Американскія достопамятности — о кометахъ — о Французскомъ театрѣ — каллиграфическіе уроки, и проч.....476, 623

Парижскія моды. Къ нимъ *шесть* картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. — Въ *Прибавленіяхъ къ Телеграфу, четыре картинки* новыхъ мебелей, машинъ, и проч.